№ 2-3. Декабрь 1901-го г.

ЗАРЯ

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Издается при ближайшемъ участіи

Г. В. ПЛЕХАНОВА, В. И. ЗАСУЛИЧЪ и П. Б. АКСЕЛЬРОДА.

Цѣна 3 руб.

Preis 6 Mark = 7,50 Francs.

Адресъ для присылки рукописей и денегъ (только изъ заграницы):

J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.

Verlag und Druck: J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.

Оглавленіе.

Стран.

Что же дальше? Г. Плеханова 1
Почему мы не хотимъ идти назадъ? Ортодокса 38
Гонители земства и Аннибалы либерализма. Т. П. 60
Критика нашихъ критиковъ. Г. Плеханова 101
Соціаль-демократія, какъ носительница національнаго освобожденія. Ю. Невзорова 156
Всегда въ меньшинствѣ. О современныхъ задачахъ русской соціалистической интеллигенціи. Л. Мартова 180
Cant противъ Канта или Духовное завѣщаніе г. Бернштейна. Г. Плеханова 204
Современная весталка. (Изъ этюдовъ о современной журналистикѣ.) Ст. 226
Гг. „критики“ въ аграрномъ вопросѣ. Н. Ленина 259
Элементы идеализма въ соціализмѣ. В. Засуличъ 303
Библіографія:
С. Франкъ, Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Критическій этюдъ. С.-Петербургъ 1900. Г. П. 324
„Революціонная Россія“ изданіе Союза Соціалистовъ-Революціонеровъ № 2. Л. М. 331
„Вѣстникъ Русской Революціи“, соціально-политическое обозрѣніе. Подъ редакціею К. Тарасова. № 1. 1901 г., іюль. Л. М. 334
„Былое“. Историко-революціонный сборникъ № 2, Лондонъ. Л. М. . 343
Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle. Herausgegeben von Franz Mehring. Г. П. . . 346
„Возрожденіе революціонизма въ Россіи“. Изданіе революціонно-соціалистической группы „Свобода“. — „Свобода“. Журналъ для рабочихъ. Изданіе той-же группы. В. З. 349
„Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія“. Берлинъ. Изданіе Гуго Штейница. 1900. Г. П. 354
Борисъ Чичеринъ. Польскій и еврейскій вопросы. Отвѣтъ на открытыя письма Н. К. Рененкампфа. Второе изданіе. Берлинъ. Изданіе Гуго Штейница. 1901. Г. П. 359
Внутреннее обозрѣніе. Т. Х. 361
Любекскій партейтагъ германской соціаль-демократіи. Ignotus. . . . 404
Обращеніе соціалистическаго международнаго секретаріата. 425

Замѣченныя опечатки.

Стр. 237,	стр. 10	св.	вмѣсто: безпримѣрный слѣдуетъ: безпримѣсный.
- 240,	- 10	св.	вмѣсто: богъ слѣдуетъ: басъ.
- -	- 18	св.	вмѣсто: въ умахъ слѣдуетъ: въ ушахъ.
- 249,	- 14	сн.	вмѣсто: доводомъ слѣдуетъ: выводомъ.

Что же дальше?

Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Aktion wird also der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist. Karl Marx.

Зима и весна текущаго года ознаменовались въ Россіи такими необычайными, такими потрясающими событіями, что теперь, когда нѣсколько улеглось вызванное ими волненіе, всякій тотъ, кто не вполнѣ равнодушенъ къ судьбѣ своей родины, испытываетъ потребность выяснить себѣ смыслъ этихъ событій и опредѣлить вытекающія изъ нихъ практическія задачи. *Что же дальше?* — вотъ вопросъ, которымъ много занималась наша легальная печать, и къ которому съ еще большимъ вниманіемъ должны отнестись заграничные русскіе писатели, имѣющіе (болѣе или менѣе полное) право думать, что хотятъ, и говорить, что думаютъ.

Займемся же этимъ вопросомъ.

Что именно произошло въ Россіи?

Произошли, во первыхъ, такъ называемыя студенческія волненія.

Волненія этого рода у насъ совсѣмъ не новость. Они не переставали повторяться, начиная съ 1861 г., когда произошли крупные университетскіе „безпорядки“. Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ, и много воды утекло подъ мостами, много перемѣнъ совершилось въ нашей общественной жизни: чрезвычайно сильно преобразовались наши экономическія отношенія; не одинъ разъ смѣнились одно другимъ различныя правительственныя „вѣянія“; наша интеллигенція пережила нѣсколько различныхъ, отчасти даже противоположныхъ настроеній, а наши студенты по прежнему сохраняли свою, всѣмъ городовымъ и всѣмъ дворникамъ извѣстную, склонность къ „*бунту*“, и по прежнему производимые ими „безпорядки“ возвращались съ неумолимою правильностью астрономическихъ явленій. Трудно даже и представить себѣ, сколько тяжелыхъ и совершенно незаслуженныхъ страданій несли они съ собою какъ для самихъ учащихся, такъ и для ихъ родителей: кто сосчитаетъ *слезы бѣдныхъ матерей*, пролитыя по поводу арестовъ и высылокъ, обыкновенно сопрово-

ждающихъ у насъ студенческія волненія? И кто вычислитъ невознаградимыя потери молодыхъ, свѣжихъ и честныхъ силъ, понесенныя нашей страной вслѣдствіе этихъ арестовъ и высылокъ? Періодическія нарушенія правильности университетской жизни чрезвычайно дорого обходились Россіи. Неудивительно, поэтому, если благоразумные и разсудительные люди, дорожа дѣломъ просвѣщенія и сожалѣя о печальной участи молодыхъ нарушителей „порядка“, неоднократно и настойчиво взывали къ „здравому смыслу“ студентовъ, совѣтуя имъ не горячиться безъ толку, не забывать, что плетью обуха не перешибешь, и не губить задаромъ своей молодости:

Сила ломитъ и соломушку,
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшіе Еремушку
Въ люди вывели скорѣй . . .

Какъ это часто случается съ ними, благоразумные и разсудительные люди не понимали одного и притомъ самаго главнаго: того, что постоянство всякаго даннаго явленія указываетъ на постоянство вызывающей его причины, и что, вслѣдствіе этого, всѣ тѣ, которые дѣйствительно дорожили судьбами русскаго просвѣщенія и искренно сожалѣли о гибели русскихъ молодыхъ силъ, нравственно обязаны были направить свои усилія на *устраненіе тяжелыхъ условій, дѣлающихъ спокойный умственный трудъ* роскошью, почти совершенно недоступной для сколько нибудь чуткаго и отзывчиваго русскаго студента. Объ этихъ условіяхъ добряки, читавшіе благоразумныя нотаціи молодежи, или совсѣмъ не упоминали или упоминали въ самыхъ неопредѣленныхъ и туманныхъ выраженіяхъ. Оно и понятно: прямое и рѣзкое указаніе на эти условія могло бы вызвать неудовольствіе начальства, а благоразумные и разсудительные люди слишкомъ разсудительны и благоразумны для того, чтобы „прать противъ рожна“, вводя начальство во гнѣвъ и во искушеніе. Но не менѣе понятно и то, что *пѣсня безобразная* о силѣ, ломящей соломушку, не могла успокоить нашу учащуюся молодежь. Студенты продолжали волноваться чуть не ежегодно, и нынѣшней зимой ихъ волненіе разлилось по всѣмъ университетскимъ городамъ такой широкой и такой сильной волною, а репрессивныя мѣры, принятыя противъ нихъ правительствомъ, оказались такими дикими и такими свирѣпыми, что на всей необъятной Руси, отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды, началось сочувственное студентамъ движеніе. Тогда и въ самыхъ недогадливыхъ головахъ про-

мелькнуло, наконецъ, нѣчто похожее на догадку. Самъ императоръ призналъ *„благовременнымъ“* приступить къ *„коренному пересмотру и исправленію нашего учебнаго дѣла“*. Это обстоятельство нѣсколько развязало языки даже чрезвычайно осторожнымъ публицистамъ. „Разъ съ высоты трона раздался призывъ къ участію въ жизни школы семьи и общества, — объявила газета *„Россія“* въ номерѣ отъ 8-го апрѣля, то голосъ общественной мысли не можетъ оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ событій, пассивнымъ зрителемъ чужихъ ошибокъ, заблужденій и недоразумѣній.“ Лучше поздно, чѣмъ никогда! И хотя, конечно, *„голосъ общественной мысли“* не обнаружилъ большого гражданскаго мужества, оставаясь *„безмолвнымъ“* (нечего сказать, хорошъ **„голосъ“**!) до тѣхъ поръ, пока не получилъ ободренія „съ высоты трона“, но отсутствіе гражданскаго *мужества* не всегда означаетъ отсутствіе гражданской *мудрости*. Какъ знать! Иногда и робкій человѣкъ дастъ такой совѣтъ, который принесетъ не мало пользы самымъ мужественнымъ людямъ. Прислушаемся же къ „голосу общественной мысли“. Что говоритъ онъ учащейся молодежи? Какой свѣтъ проливаетъ онъ на ея нынѣшнее, невыносимое положеніе?

Въ статьѣ, озаглавленной: *„Что нужно нашимъ университетамъ?“* и подписанной: *„профессоръ“*, *„Россія“* (№ 702) указываетъ на необходимость устраненія нынѣшняго университетскаго устава, который, — по справедливому замѣчанію г. „профессора“, — продиктованъ интересами политики, а не науки и учебнаго дѣла. Г. „профессоръ“ требуетъ возвращенія къ уставу 1863 года. Это совершенно опредѣленный планъ. Вопросъ заключается лишь въ томъ, могло ли бы осуществленіе этого плана въ самомъ дѣлѣ обновить нашу университетскую жизнь и обезпечить ей спокойствіе, безусловно необходимое для ея правильнаго развитія. Г. „профессоръ“, повидимому, думаетъ, что-*да*, а мы убѣждены, что-*нѣтъ*.

Г. „профессоръ“ утверждаетъ, что уставъ 1863 г. основанъ былъ на избирательномъ началѣ. Это болѣе или менѣе справедливо въ отношеніи къ *учащимъ*. Но въ какой мѣрѣ пользовались „избирательнымъ началомъ“ *учащіеся?* Всякій знаетъ, въ какой. Они совсѣмъ не пользовались имъ, потому что выбирать имъ было некого. Студенты представляли собою большее или меньшее число *единицъ*, не связанныхъ между собою никакими *легальными* отношеніями. *Студенческія корпораціи были запрещены.* Чѣмъ была продиктована эта мѣра: интересами политики, или интересами науки? На этотъ во-

просъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: *интересами политики*. Какова же была политика, помѣшавшая ввести въ уставъ 1863 года право студенческихъ корпорацій? Ясно, что въ этой политикѣ было очень мало *либеральнаго*. Это была та *„охранительная“* политика, которая всѣми способами старается помѣшать проникновенію освободительныхъ идей въ наше студенчество. Составители устава 1863 г. боялись, что корпораціи облегчатъ это проникновеніе; поэтому они запретили корпораціи. Неужели это не ясно г. „профессору“? А если это ясно ему, то зачѣмъ же онъ изображаетъ въ ложномъ свѣтѣ уставъ 1863 года? Зачѣмъ онъ вводитъ въ обманъ общественное мнѣніе?

Волненія учащейся молодежи почти ежегодно возобновлялись въ семидесятыхъ годахъ, т. е. именно тогда, когда дѣйствовалъ уставъ 1863 года. Почему г. „профессоръ“ думаетъ, что этотъ уставъ, не устранявшій недовольства студентовъ семидесятыхъ годовъ, успокоитъ нынѣшнихъ студентовъ? Или, можетъ быть, онъ вовсе не задается цѣлью ихъ успокоенія? Можетъ быть, онъ и самъ хорошо знаетъ, что возвращеніемъ къ уставу 1863 года не предупредишь университетскихъ „исторій“? Но въ такомъ случаѣ онъ совсѣмъ обходитъ вопросъ, поставленный на очередь царскимъ рескриптомъ на имя новаго министра народнаго просвѣщенія. Вѣдь „коренной пересмотръ и радикальное исправленіе нашего учебнаго дѣла“ предпринимаются правительствомъ именно для того, чтобы положить конецъ студенческимъ волненіямъ. Кто не хочетъ говорить о средствахъ достиженія этой цѣли, тотъ остается „безмолвнымъ свидѣтелемъ событій, пассивнымъ зрителемъ чужихъ ошибокъ, заблужденій и недоразумѣній“. А вѣдь *„Россія“* убѣждена, что теперь, послѣ пресловутаго „призыва съ высоты трона“, такая роль нравственно непозволительна.

II.

Въ интересахъ истины спѣшу замѣтить, что не всѣ наши профессора готовы удовольствоваться возвращеніемъ къ уставу 1863 года. Такъ, въ *„Русскія Вѣдомости“* сообщали отъ перваго мая, что нѣкоторые изъ факультетовъ высказались за „разрѣшеніе въ извѣстныхъ предѣлахъ студенческихъ организацій, имѣющихъ цѣлью какъ выясненіе ихъ нуждъ, такъ и благотворительныя цѣли (кассы взаимопомощи) и этическія (студенческіе суды)“. Подобные проекты вообще нерѣдко появляются теперь въ различныхъ органахъ нашей печати. Я не буду останавливаться ни на одномъ изъ нихъ въ частности, потому что къ тому времени, когда выйдетъ вторая

книжка „*Зари*“ и предлагаемая статья дойдетъ до читателя, судьба всѣхъ этихъ проектовъ, вѣроятно, будетъ уже рѣшена волею начальства въ томъ или въ другомъ смыслѣ. Я выскажу лишь общій взглядъ свой на возможное значеніе академической свободы въ дѣлѣ преслѣдованія той цѣли, которую поставило себѣ правительство Николая II, т. е. въ дѣлѣ *успокоенія* нашей учащейся молодежи.

Я, разумѣется, желаю студентамъ всякихъ *благъ*, а потому и всякихъ *правъ*. Я прекрасно понимаю, какими тисками сдавливаетъ ихъ нынѣшній университетскій уставъ, и очень обрадуюсь его устраненію. Но я убѣжденъ, что коренная причина студенческихъ волненій заключается не въ недостаткахъ университетскаго устава и не въ отсутствіи у насъ академической свободы, какъ ни велики эти недостатки и какъ ни печально это отсутствіе. Она лежитъ глубже. Она заключается въ томъ дикомъ произволѣ, который тяготѣетъ надо всей русской землей и съ которымъ не можетъ теперь помириться ни одинъ мыслящій и безкорыстный русскій человѣкъ. Недовольство, выражающееся въ студенческихъ волненіяхъ, коренится въ общемъ недовольствѣ интеллигенціи. Нашему полицейскому государству искренно сочувствуютъ теперь развѣ только въ полицейскихъ участкахъ: все живое, все независимое относится къ нему съ почти нескрываемымъ презрѣніемъ и съ почти непреодолимымъ отвращеніемъ. Это презрѣніе и это отвращеніе составляютъ нравственную атмосферу, господствующую въ интеллигентномъ обществѣ; тысячи и тысячи дѣтей усваиваютъ его по наслѣдству отъ родителей, всасываютъ съ молокомъ матери. Университеты только укрѣпляютъ, развиваютъ и *обнаруживаютъ* то недовольство, которое вызывается и поддерживается общими условіями русской жизни. И пока наше полицейское государство, со свойственнымъ ему циническимъ попираніемъ элементарнѣйшихъ правъ человѣческой личности, не отойдетъ въ область тѣхъ печальныхъ преданій, которымъ, по выраженію Грибоѣдова, *вѣрится съ трудомъ*, пока оно не уступитъ мѣста такъ называемому правовому, т. е. *конституціонному* государству, до тѣхъ поръ лучшая часть русскаго студенчества останется *оппозиціоннымъ общественнымъ* элементомъ, и до тѣхъ поръ ея оппозиціонное настроеніе не перестанетъ прорываться время отъ времени въ видѣ *волненій*. *Академическая* свобода, конечно, *необходима* для нашихъ учебныхъ заведеній. Но ея *недостаточно*. Она должна быть дополнена *политической свободой*. Чтобы успокоить мыслящаго русскаго *студента*, надо эмансипировать русскаго *обывателя*, превративъ его въ *гражданина*.

Это до такой степени вѣрно, что смутное сознаніе этого проникаетъ даже въ головы, совсѣмъ не зараженныя революціонными идеями. Такъ, напримѣръ, *„С.-Петербургскія Вѣдомости“*, въ статьѣ: *„Квинтэссенція университетскаго вопроса“* (№ 110), категорически объявили, что „невозможно выдумать такой университетскій уставъ, который гарантировалъ бы противъ возможности нарушенія спокойнаго теченія академической жизни“. Въ виду того, что основная причина аномалій „имѣетъ общій характеръ“, лѣчить эти аномаліи возможно только посредствомъ законодательныхъ мѣръ общаго характера. Названная газета выставила даже цѣлую программу такихъ мѣръ. Вотъ эта программа.

„Предоставленіе большого простора общественнымъ инстинктамъ и общественной самодѣятельности, главнымъ образомъ путемъ правильной организаціи мѣстнаго самоуправленія; усиленіе начала законности, въ частности, обезпеченія правъ личности, путемъ замѣны начала личнаго усмотрѣнія, гдѣ оно по существу дѣла не является необходимымъ, точнымъ обезпеченіемъ правъ и обязанностей съ надлежащей санкціей и контролемъ ихъ осуществленія; постановка печати на почву опредѣленной законной нормировки съ уголовно-судебной, хотя бы и очень строгой, отвѣтственностью на случай нарушеній.“

Газета наивно думаетъ, что *законность и общественная самодѣятельность* могутъ процвѣсти у насъ даже при *абсолютизмѣ*, который сковываетъ Россію по рукамъ и по ногамъ и который *беззаконенъ по своему существу*. Но какъ ни велико ея заблужденіе въ этомъ случаѣ, она права въ своемъ скептическомъ отношеніи къ радужнымъ надеждамъ, возлагаемымъ на пересмотръ университетскаго устава. „Коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго дѣла“ представляютъ собою гораздо болѣе сложную и трудную задачу, чѣмъ это думалъ Николай II или, — точнѣе, — авторъ рескрипта на имя г. Ванновскаго. Рѣшеніе этой сложной и трудной задачи предполагаетъ предварительное рѣшеніе другой задачи, не педагогическаго, а общественнаго характера. Задача эта называется *„кореннымъ пересмотромъ и исправленіемъ“ нашего политическаго порядка.*

Правительство Николая II не помышляетъ объ этой послѣдней задачѣ, да оно и не могло бы, разумѣется, рѣшить ее. Вотъ почему я убѣжденъ, что еще не такъ скоро придетъ то желанное время, когда наша учащаяся молодежь получитъ возможность спокойно заниматься науками, и когда родители перестанутъ дрожать за участь дѣтей, поступающихъ въ высшія учебныя заведенія.

И именно потому, что, къ моему крайнему сожалѣнію, еще не такъ скоро придетъ это желанное время; именно потому, что лучшей и благороднѣйшей части нашего студенчества суждено еще довольно долго горѣть святымъ огнемъ гражданскаго негодованія, я не хочу предаваться безполезнымъ сожалѣніямъ о тѣхъ страданіяхъ, которыя ей еще предстоитъ испытать, и о тѣхъ жертвахъ, которыя еще не одинъ разъ будутъ вырваны изъ ея рядовъ и принесены Молоху полицейскаго порядка. Пусть московскіе профессора слезливо голосятъ на тему о самообладаніи, спокойствіи, покорности, умѣренности и аккуратности. Я предпочитаю напомнить русскому студенчеству тѣ благородныя слова, съ которыми великій Фихте нѣкогда обращался къ своимъ слушателямъ.

„Я убѣжденъ, — говорилъ благородный мыслитель, — что царству исконнаго врага человѣческаго рода — зла вообще, въ различныя эпохи являющагося въ самыхъ различныхъ видахъ, конецъ можетъ быть положенъ только развитіемъ науки въ человѣческомъ родѣ. Вамъ извѣстно, что я разумѣю подъ этимъ воплощеніе знанія, разума, мудрости въ самую жизнь. . Но эта духовная война противъ зла требуетъ внѣшняго мира, тишины, неприкосновенности личностей, ее ведущихъ. Если бы это условіе было нарушено, если бы свободное развитіе человѣческаго духа стѣснялось или запрещалось, тогда *прежде всего другого* слѣдовало бы завоевать эту свободу, ничего не щадя для нея, жертвуя ей кровью и достояніемъ, потому что если она не завоевана и пока она не завоевана, немыслимо никакое улучшеніе человѣческихъ отношеній, и человѣческій родъ вынужденъ вести постыдное и безцѣльное существованіе.“

Какъ не похожа эта мужественная проповѣдь на слезливыя причитанія московскихъ книжныхъ червей! Фихте былъ *будильникомъ*, а московскіе книжные черви взяли на себѣ роль *усыпителей*. Они какъ будто и не догадываются, что ихъ воззваніе къ студентамъ навсегда останется позорнымъ документомъ въ исторіи московскаго „ученаго сословія“.*)

Какой нибудь книжный червь возразитъ мнѣ, пожалуй, что Фихте говорилъ собственно о борьбѣ съ иноземнымъ за-

---

*) При собираніи подписей къ этому позорному документу начальство прибѣгло къ не менѣе позорнымъ пріемамъ, занимающимъ среднее мѣсто между шантажемъ и подлогомъ. Имена нѣкоторыхъ профессоровъ подписаны были подъ воззваніемъ противъ ихъ воли. Эти профессора довели объ этомъ до свѣдѣнія читающей публики. Но за то другіе, составляющіе большинство, какъ видно, подписались добровольно и по существу противъ воззванія ничего не имѣютъ.

воевателемъ. Но это будетъ пустое возраженіе. Во первыхъ, Фихте, говоря по поводу *частнаго случая*, — предстоявшей борьбы съ иноземнымъ завоевателемъ, — высказалъ *общій* свой *взглядъ* на нравственную обязанность всѣхъ мыслящихъ гражданъ всякой страны, въ которой нѣтъ свободы и неприкосновенности личности, и населеніе которой вынуждено, поэтому, вести постыдное и безцѣльное существованіе. А во вторыхъ, откуда же видно, что иностранное иго вреднѣе и унизительнѣе, чѣмъ иго, налагаемое на страну ея собственнымъ правительствомъ? Мы, русскіе, давно уже имѣли множество превосходнѣйшихъ случаевъ убѣдиться въ томъ, что „*турки внутренніе*“ куда опаснѣе для насъ, чѣмъ „*турки внѣшніе*“.

III.

Къ сожалѣнію, на роль усыпителей у насъ теперь, какъ и всегда, очень много охотниковъ. Та же газета „*Россія*“, которая ничего не придумала для обновленія нашей университетской жизни, кромѣ жалкихъ палліативовъ, сочла своимъ долгомъ предостеречь учащуюся молодежь отъ увлеченія духомъ борьбы. Она посовѣтовала ей довѣрчиво отнестись къ царю, „благожелательная заботливость“ котораго является будто бы единственной опорой студенческихъ требованій: „Внѣ этой опоры, — говорила газета, — не только студенчество, но и все русское общество лишено возможности предъявлять какія бы то ни было требованія, потому что ничѣмъ не можетъ подкрѣпить эти требованія“.

„*Россія*“ вѣритъ въ „благожелательную заботливость“ Николая II. Блаженъ, кто вѣруетъ! Однако, на чемъ же основывается ея вѣра? Мы уже знаемъ, — со словъ писавшаго въ „*Россіи*“ г. „профессора“, — что университетскій уставъ 1884 года былъ продиктованъ *интересами реакціонной политики*. Мы знаемъ также, что и при составленіи устава 1863 года интересы реакціонной (или, по крайней мѣрѣ, консервативной) политики не были забыты. Но допустимъ на минуту, что политика, продиктовавшая уставъ 1863 года, была очень либеральна. Спрашивается, какъ относится къ ней императоръ Николай II? Всякій знаетъ, что онъ относится къ ней совершенно такъ же, какъ относился императоръ Александръ III, которому политика его отца представлялась чуть не революціонной политикой, достойной если не якобинца, то, по меньшей мѣрѣ, жирондиста. Николай II оставался вѣрнымъ орудіемъ реакціи съ самаго начала своего царствованія, съ того самаго момента, когда, вступивъ на „прародительный престолъ“, онъ, въ своей знаменитой рѣчи,

назвалъ „*безсмысленнымъ мечтаніемъ*“ всякую надежду на добровольныя уступки со стороны самодержавной власти. И всѣ дѣйствія его правительства не только не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на перемѣну его образа мыслей, но, напротивъ, ежедневно и, можно сказать, ежечасно приносятъ намъ все новыя и новыя доказательства того, что онъ твердо рѣшился оставаться на пути, указанномъ ему Александромъ III. Его „благожелательная заботливость“ не дала и не даетъ намъ ничего, кромѣ ряда самыхъ реакціонныхъ мѣропріятій; а газета „Россія“ приглашаетъ своихъ читателей ждать отъ царя великихъ и богатыхъ милостей; она увѣряетъ, — не только студентовъ, но и всѣхъ русскихъ обывателей, — что его добрая воля является надежнѣйшимъ факторомъ нашего прогресса. Это уже слишкомъ! Русскіе обыватели не лишены, правда, весьма значительной доли наивности. Но при всей ихъ наивности врядъ-ли кому удастся теперь убѣдить ихъ въ томъ, что курочка бычка родитъ, а поросеночекъ яичко снесетъ.

Да и что такое эти знаменитыя отнынѣ „*Временныя Правила*“, примѣненіе которыхъ вызвало такое глубокое негодованіе какъ въ Россіи, такъ и во всемъ цивилизованномъ мірѣ? Они явились логическимъ послѣдствіемъ реакціонной политики, продиктовавшей университетскій уставъ 1884 года, и необходимымъ дополненіемъ этого устава. Ихъ идея зародилась впервые еще въ 1882 году. Ея отцомъ былъ — нужно ли прибавлять это? — Торквемада-Побѣдоносцевъ, который предложилъ ее „*Особому Совѣщанію*“ министровъ, состоявшемуся осенью 1882 года по поводу происходившихъ тогда студенческихъ волненій. По проекту г. Побѣдоносцева слѣдовало „*отдавать въ дисциплинарные батальоны и роты тѣхъ изъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые за свое дерзкое и грубое неповиновеніе начальству не только заслуживаютъ исключенія, но и требуютъ особыхъ мѣръ для исправленія*“.*) Въ то время мысль эта хотя и была очень сочувственно встрѣчена Александромъ III, но все таки осталась безъ практическихъ послѣдствій. Въ 1899 года она, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, легла въ основаніе „временныхъ правилъ“. Правительство Николая II выполнило то, передъ чѣмъ остановилось даже правительство Александра III. Нечего сказать, очень много обѣщаетъ „*благожелательная заботливость*“ главы этого правительства!

---

*) См. напечатанные въ „*Листкахъ*“ г. В. Черткова „*Тайные документы о мѣрахъ противъ студенческихъ безпорядковъ*“, стр. 46.

Уже одно то обстоятельство, что „на особо важную нынѣ должность министра народнаго просвѣщенія“ призванъ былъ старый, ограниченный солдатъ, изъ тѣхъ, которыхъ называютъ „бурбонами“, должно было бы очень сильно поколебать вѣру въ царскую „заботливость“ объ учащейся молодежи. Вѣдь г. Ванновскій былъ однимъ изъ немногихъ министровъ Александра III, принявшихъ въ принципѣ мысль г. Побѣдоносцева объ отдачѣ въ солдаты студентовъ, уличенныхъ въ неповиновеніи начальству. Онъ былъ только противъ опредѣленія ихъ въ *дисциплинарные батальоны*.*) Онъ стоялъ, значитъ, какъ разъ за ту мѣру, которая была осуществлена впослѣдствіи въ видѣ „временныхъ правилъ“ и довела учащихся чуть не до возстанія съ оружіемъ въ рукахъ. И этому-то человѣку императоръ поручилъ успокоить молодежь, внеся въ дѣло ея воспитанія „разумъ, любовь и сердечное попеченіе“! Этотъ-то „*фельдфебель*“, когда-то находившій какъ нельзя болѣе естественной мысль объ „*успокоеніи*“ студентовъ посредствомъ *шагистики*, произведенъ во всероссійскіе „*Вольтэры*“ съ обязательствомъ начать новую эру въ исторіи нашего просвѣщенія, отдавъ молодежи свое *сердце нѣжное, какъ ласка!*

По истинѣ можно сказать, что если, призывая г. Ванновскаго, нашъ батюшка не насмѣхался надъ своими „вѣрно подданными“, то онъ обнаружилъ полнѣйшее, всесовершеннѣйшее непониманіе нынѣшняго положенія нашихъ университетовъ. А у насъ нашлись люди, усмотрѣвшіе въ его рескриптѣ на имя фельдфебеля-Вольтэра широкую либеральную программу и умилившіеся тамъ, гдѣ умѣстны и позволительны были только гнѣвъ, негодованіе и насмѣшка!

Правда, въ своимъ докладѣ о студенческихъ безпорядкахъ 1899 года г. Ванновскій уже не говорилъ объ отдачѣ опальныхъ студентовъ въ солдаты. Онъ даже указывалъ на необходимость „немедленнаго пересмотра уставовъ высшихъ и среднихъ заведеній“, а въ ожиданіи такого пересмотра рекомендовалъ „частное исправленіе уставовъ“, въ проектѣ котораго фигурируетъ, между прочимъ, „введеніе съ должной осторожностью постепенно и въ предѣлахъ возможности корпоратирнаго устройства студентовъ“.**) Но, во-первыхъ, корпоративное устройство не шло въ проектѣ г. Ванновскаго дальше „курсовыхъ старостъ и курсовыхъ сходовъ по при-

*) Тамъ же, стр. 47.

**) См. изданный *„Рабочимъ Знаменемъ“ „Докладъ Ванновскаго по поводу студенческихъ безпорядковъ 1899 года“*, стр. 50 и 51.

мѣру Военно-Медицинской Академіи";*) во-вторыхъ, введеніе корпоративнаго устройства сопровождалось, въ томъ же проектѣ, *усиленіемъ инспекціи***) *и ограниченіемъ числа студентовъ;****) въ-третьихъ, къ человѣку, сравнительно не давно одобрявшему отдачу студентовъ въ солдаты, общество не должно относиться съ довѣріемъ даже въ томъ случаѣ, если бы онъ теперь рѣшительно осудилъ эту мѣру; а въ четвертыхъ, этотъ человѣкъ совсѣмъ и не показываетъ, что она ему не нравится: вѣдь студенты, отданные въ солдаты за „безпорядки" текущаго года, остаются въ казармахъ, хотя г. Ванновскій имѣетъ полную возможность вернуть ихъ въ университетскія аудиторіи.†) Новый министръ народнаго просвѣщенія, очевидно, продолжаетъ вѣрить въ педагогическія свойства *учебнаго шага*. Много-ли же обѣщаетъ нашей учащейся молодежи его „сердечное" о ней попеченіе?

IV.

Очень ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что неумѣстное умиленіе по поводу царскаго рескрипта выразилось лишь въ органахъ, подобныхъ „*Россіи*", съ которыхъ нечего и взыскивать въ виду ихъ несомнѣнной „оголтѣлости". Нѣтъ, это умиленіе высказалось даже въ такихъ изданіяхъ, къ которымъ, казалось бы, можно было предъявить болѣе серьезныя требованія, и которыя, à tort ou à raison, считаются у насъ прогрессивными. Вотъ, напримѣръ, въ „*Русскихъ Вѣдомостяхъ*" г. П. Обнинскій, „старый студентъ, слушавшій Грановскаго", обнаружилъ восторженность, достойную лишь

---

*) Тамъ же, стр. 52.

**) Тамъ же, стр. 51.

***) Тамъ же, стр. 50: „Установленіе количества студентовъ въ соотвѣтствіи съ вмѣстимостью Университета (рѣчь идетъ о Петербургскомъ Университетѣ), ибо въ настоящее время послѣдній не можетъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ студентовъ, если бы они явились туда одновременно". Реакціонная подкладка этого предложенія едва-ли нуждается въ разъясненіяхъ.

†) Въ настоящее время общество „дождалось" таки „акта милосердія" ген. Ванновскаго: студенты „помилованы", но помилованы такъ, какъ это привыкло дѣлать самодержавное правительство. Нѣсколько изъятій отъ общей кары — вотъ единственный отвѣтъ правительства на чаянія общества. вотъ награда студентамъ за то, что они — вопреки призывамъ „непримиримыхъ" — возобновили занятія, выразивъ свое довѣріе добрымъ намѣреніямъ ген. Ванновскаго. Мы говоримъ о нѣсколькихъ изъятіяхъ потому, что большинству сданныхъ въ солдаты студентовъ „манифестъ" даетъ только зачетъ ихъ подневольной службы въ тотъ срокъ, который они должны были бы отбывать, какъ *исключенные* студенты. Самаго исключенія манифестъ для этой категоріи студентовъ не отмѣняетъ, равно какъ и связанной съ этимъ исключеніемъ потери права служить вольноопредѣляющимися.

публицистовъ „*Россіи*“ и „*Новаго Времени*“. Г. П. Обнинскій сравниваетъ положеніе дѣла нашего высшаго образованія съ положеніемъ у насъ желѣзно-дорожнаго дѣла: „Катастрофы, снѣжные заносы, опозданіе поѣздовъ, долгія остановки среди пустынныхъ полей, ветхіе паровозы — вотъ обычныя темы нашей желѣзно-дорожной хроники, — за катастрофой слѣдуетъ дознаніе, допрашиваются свидѣтели и эксперты, но получается хаосъ мнѣній и заключеній, въ которомъ трудно разобраться: одни знаютъ истинную причину бѣды, но боятся сказать ее, другіе, прохрабрѣе, но близорукіе, указываютъ ее не тамъ, гдѣ она существуетъ на дѣлѣ, третьи и готовы были бы сказать правду, но ихъ не спрашиваютъ, и когда потерпѣвшіе пассажиры бросаются къ жалобной книгѣ, таковая оказывается запертой, а ключъ неизвѣстно у кого.“ Нѣчто подобное происходило у насъ и съ просвѣщеніемъ. „Здѣсь тѣ же катастрофы, тѣ же остановки, та же затаенная правда, та же запертая жалобная книга.“ Такъ было, — по словамъ г. П. Обнинскаго, — до самаго недавняго времени, а теперь, послѣ появленія рескрипта на имя г. Ванновскаго, дѣло обстоитъ совершенно иначе, теперь отыскался ключъ и раскрылась жалобная книга. „Заговорило общество, заговорила печать и, санкціонируя ихъ завѣтныя пожеланія, рескриптъ на имя новаго министра народнаго просвѣщенія открылъ широкую и свободную возможность для всесторонней расчистки и исправленія загроможденнаго пути.“ *)

Широкая и свободная возможность! Вашими бы устами, г. Обнинскій, да медъ пить! Но въ качествѣ „стараго студента, слушавшаго Грановскаго“, вамъ можно было бы знать, что широкое и свободное обсужденіе такого важнаго, обширнаго и сложнаго вопроса, какъ вопросъ „о судьбахъ нашего высшаго образованія“, *невозможно безъ полной свободы печати, которая играетъ теперь роль запертой на ключъ жалобной книги.* Намъ не было ни малѣйшей надобности отъискивать этотъ ключъ: мы очень хорошо знаемъ, что онъ находится въ рукахъ у начальства. Но бѣда въ томъ, что начальство, захватившее его въ свои руки, не допускаетъ къ жалобной книгѣ никого изъ тѣхъ людей, которые, пренебрегая безосновательнымъ умиленіемъ, съумѣли бы и захотѣли бы крупно и четко, „чернымъ по бѣлому“, написать въ ней, кто — истинный виновникъ заносовъ, остановокъ, катастрофъ и опозданій, такъ сильно тормазящихъ ходъ русскаго просвѣщенія. А пока люди этого разряда не имѣютъ доступа къ

*) „*Р. В.*“, № 104, фельетонъ: „*Къ университетскому вопросу*“.

жалобной книгѣ, пока ею имѣютъ право пользоваться только *прекрасныя души*, неспособныя пойти дальше робкихъ вздоховъ и плаксиво-либерально-благонамѣренныхъ славословій, до тѣхъ поръ ее надо считать *закрытою*, и до тѣхъ поръ „всесторонняя расчистка и исправленіе загроможденнаго пути“ останутся, — говоря языкомъ его императорскаго величества, — *безсмысленными мечтаніями*.

Чѣмъ обнаружилъ новый министръ народнаго просвѣщенія свою готовность исполнить „благія пожеланія“ г. П. Обнинскаго? рѣшительно ничѣмъ.

„Я приглашаю учащуюся молодежь съ довѣріемъ относиться къ мѣропріятіямъ правительства, вѣрить въ неустанныя о ней попеченія, помнить свой долгъ и, спокойно занимаясь изученіемъ наукъ, дать намъ возможность посвятить свое время и силы на устроительство русской школы и учебнаго дѣла. Я глубоко убѣжденъ и свято вѣрю, что, при дружномъ единеніи и взаимномъ содѣйствіи, мы, съ Божьею помощью, въ ближайшемъ будущемъ будемъ поставлены въ возможность исполнить желаніе возлюбленнаго монарха: видѣть въ русской молодежи твердую и вѣрную надежду отечества и стойкую опору въ его будущемъ.“

Такъ говоритъ г. Ванновскій въ своемъ приказѣ по корпусу . . . виноватъ, я хотѣлъ сказать по министерству народнаго просвѣщенія. Его слова заключаютъ въ себѣ не больше и не меньше того, что долженъ былъ и могъ сказать министръ неограниченнаго государя: пусть только студенты ведутъ себя смирно, и тогда правительство, не отвлекаемое отъ своей великой цѣли ихъ волненіями, обучитъ и воспитаетъ ихъ . . . согласно желанію возлюбленнаго монарха. Министръ Николая Перваго, *„незабвеннаго“*, сказалъ бы совершенно тоже самое. Гдѣ тутъ обѣщаніе серьезныхъ реформъ? Гдѣ дѣйствительное пониманіе важности взятой на себя обязанности?

Правда, въ своемъ *„приказѣ“* г. Ванновскій обращался къ „родителямъ и семьямъ учащихся“, приглашая ихъ помочь ему „въ осуществленіи великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія“. Новый министръ вполнѣ справедливо замѣтилъ, что основы воспитанія лежатъ въ семьѣ. Но подобные трюизмы не доказываютъ ровно ничего и никому не даютъ права видѣть въ г. Ванновскомъ какого-то Тюрго всероссійскаго просвѣщенія. Г. Ванновскій говорилъ о *„домашнемъ воздѣйствіи“* родителей на дѣтей. Пусть же слушатель Грановскаго скажетъ намъ гдѣ, когда и какое правительство запрещало родителямъ воспитывать своихъ дѣтей въ духѣ, согласномъ съ общимъ направленіемъ правительственной по-

литики? Такого правительства нигдѣ и никогда не было. Даже въ царствованіе „незабвеннаго“ русскіе обыватели имѣли полное право кричать „ура“! и изображать передъ своими чадами и домочадцами прелести *самодержавія, православія и народности*.

Г. П. Обнинскаго и подобныхъ ему „прогрессистовъ“ умилило слово: „*приглашаю*“, которое они немедленно замѣнили въ своемъ умѣ словомъ: „*призываю*“. Они забыли, что призывъ призыву рознь, и что есть такіе призывы, которые, какъ говорится, хоть брось. Нѣкогда Александръ II, напуганный „нигилистами“, *призывалъ* петербургскихъ домовладѣльцевъ *слѣдить за своими жильцами*, т. е. исполнять обязанность сыщиковъ. Неужели и такой призывъ заключалъ въ себѣ нѣчто многообѣщающее? Неужели и онъ сулилъ осуществленіе чьихъ-нибудь „*завѣтныхъ пожеланій*“?

„*Московскія Вѣдомости*“ имѣли полное основаніе насмѣхаться надъ добряками, вообразившими по своей крайней простотѣ, что царскій рескриптъ на имя г. Ванновскаго и „приказъ“ этого послѣдняго предвѣщаетъ созывъ русскаго парламента.

До какой степени мало склоненъ г. Ванновскій къ парламентскому образу правленія, показала рѣчь, съ которой онъ обратился 6-го апрѣля къ чиновникамъ своего министерства.

„Я не намѣренъ, — объявилъ онъ имъ, — созывать многочисленныхъ коммиссій, которыя часто замедляютъ и осложняютъ ходъ дѣла; я буду собирать ихъ, по мѣрѣ надобности, изъ лицъ, которыя лично мнѣ извѣстны своею опытностью и знаніями и помогутъ мнѣ разобраться въ вопросахъ учебнаго дѣла.“

Вотъ оно какъ! Г. Ванновскій не хочетъ слышать *даже о коммиссіяхъ*, которыя все таки разсуждаютъ и разговариваютъ, между тѣмъ какъ онъ, въ своемъ качествѣ военнаго человѣка, не терпитъ ни разсужденій, ни разговоровъ, а признаетъ только „команды слова“, употребляемыя, какъ извѣстно, по большей части въ повелительномъ наклоненіи: „*стой!*“, „*слушай!*“, „*равняйся!*“, „*стройся!*“, „*заряжай!*“ и т. п. А „прогрессисты“ въ родѣ г. П. Обнинскаго ждутъ отъ него расширенія общественной самодѣятельности. Святая простота!

Самодержавію царя соотвѣтствуетъ самодержавіе его министровъ, а самодержавіе его министровъ естественно дополняется самодержавіемъ прочей чиновной братіи. И ни одна изъ этихъ эманацій „излюбленнаго монарха“ не собирается

отрекаться отъ принадлежащей ей частицы абсолютизма. Если наше общество хочетъ *самодѣятельности*, то ему надо ее *вырвать; выпросить* ее невозможно.

V.

Царь, сдѣлавшій строгій выговоръ князю Вяземскому за то, что тотъ попытался остановить варварское избіеніе безоружныхъ манифестантовъ на Казанской площади, не можетъ быть заподозрѣнъ даже и въ самомъ умѣренномъ либерализмѣ. Онъ простираетъ свою „благожелательную заботливость“ лишь на свою *опричину*. Разсчитывать на его добрую волю значитъ тѣшить себя ребяческимъ вымысломъ. Это ясно, какъ день. И, однако, наши болѣе или менѣе „передовые“ друзья просвѣщенія, толкующіе о добрыхъ намѣреніяхъ императора, далеко не такъ наивны, какъ они кажутся на первый взглядъ. Въ основѣ всѣхъ ихъ толковъ на эту тему лежитъ сознаніе той безспорной истины, что *политическія отношенія опредѣляются отношеніемъ силъ*. Читатель помнитъ, какими соображеніями подкрѣпляла газета „*Россія*“ благоразумный совѣтъ, данный ею студенчеству. „Благожелательная заботливость царя“ есть единственная опора студенческихъ требованій: „внѣ этой опоры не только студенчество, но и общество лишено возможности предъявлять какія бы то ни было требованія, потому что ничѣмъ не могутъ подкрѣпить эти требованія.“

Das also war des Pudels Kern! Мы должны быть *смирны* потому что мы *безсильны*. Это по своему совершенно логично. Кто *требуетъ*, тотъ долженъ быть готовъ, въ случаѣ отказа, *вступить въ борьбу*. Для *борьбы* нужна *сила*. *Исходъ* борьбы зависитъ отъ *соотношенія силъ*. Кто заранѣе сознаетъ себя *безсильнымъ*, тотъ *не требуетъ* ничего, онъ только *проситъ и надѣется*. Все это вполнѣ вѣрно и все это значитъ, что свободо-мыслящая часть русскихъ обывателей добьется своихъ благихъ пожеланій *только въ томъ случаѣ, если будетъ обладать силой*. Вопросъ нашей политической эмансипаціи есть *вопросъ силы*.

Изъ этого самъ собою вытекаетъ такой выводъ.

Кто не содѣйствуетъ, тѣмъ или другимъ способомъ, росту силы, способной положить конецъ существующему у насъ порядку вещей, тотъ ровно ничего не дѣлаетъ для освобожденія своей родины. А кто по той или другой причинѣ, хотя бы, напримѣръ, по причинѣ неумѣнія или нетерпѣнія, препятствуетъ росту этой силы, тотъ совершаетъ тяжкій, хотя можетъ быть и невольный, грѣхъ противъ свободы.

Запомнимъ этотъ выводъ. Онъ очень пригодится намъ при обсужденіи практическихъ задачъ, поставленныхъ на очередь событіями текущаго года.

Гдѣ же сила, способная противостать давящей насъ власти?

Студенты не разъ обращались къ *обществу*. Къ нему же — не одинъ разъ — взывала и наша революціонная печать. Я нисколько не осуждаю такихъ воззваній. Я очень хорошо понимаю ихъ. Но я спрашиваю читателя, какъ велика сила нашего общества и способна ли эта сила справиться съ царизмомъ?

Газета „*Россія*“ увѣряетъ, что общество совершенно безсильно. Это и правда и неправда. Неправда — потому, что наше общество *очень сильно въ возможности*. Правда — потому, что оно было до сихъ поръ *совершенно безсильно въ дѣйствительности*.

Несмотря на свое презрѣніе и отвращеніе къ полицейскому государству, наше образованное общество привыкло покоряться и молчать даже въ такихъ случаяхъ, когда покорность и молчаніе становятся стыдомъ и преступленіемъ. Оно молчало, когда лучшіе люди русской земли гибли въ ссылкѣ и въ изгнаніи, въ каменныхъ мѣшкахъ крѣпостей и въ ледяныхъ пустыняхъ Сибири. Оно молчало, когда въ отвѣтъ на стоны голоднаго народа правительство издавало предписанія, затруднявшія помощь голодающимъ, и тѣмъ буквально вырывало *у нищаго суму*. Оно молчало, когда его собственныя дѣти, плоть отъ его плоти и кость отъ его костей, погибая въ неравной борьбѣ съ разнузданной полицейской властью, протягивали къ нему руки и просили его поддержки. Оно молчало, молчало и молчало, отвѣчая на дикія выходки коронованныхъ и прочихъ самодуровъ развѣ только подавленными вздохами. Таково было общее правило. Откуда же оно взялось? Отчего наше общество оставалось безотвѣтнымъ? Оттого ли, что русскіе люди рабы по природѣ своей? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Рабами дѣлаются, а не родятся. Такія имена, какъ Рылѣевъ, Пестель, Михайловъ, Чернышевскій, Бардина, Желябовъ и многія другія, прославленныя нашими соотечественниками, ясно доказываютъ своимъ примѣромъ, что и русскія сердца могутъ быть, по выраженію Пушкина, *для чести живы*, что и въ нихъ можетъ жить горячая любовь къ свободѣ и непримиримая ненависть къ деспотизму. Если борцы, подобные только что названнымъ, составляли лишь чрезвычайно рѣдкое исключеніе, своимъ примѣромъ еще болѣе оттѣняя жалкую покорность окружавшаго ихъ общества, то, во-первыхъ, герои вездѣ болѣе или менѣе рѣдки, а во-вторыхъ — постыдная

апатичность нашего общества легко объясняется тѣмъ, что оно не могло разсчитывать на дѣятельную *поддержку со стороны народа*. Герценъ справедливо замѣтилъ, что такъ какъ народъ не понималъ декабристовъ, то ихъ смѣлое предпріятіе было заранѣе осуждено на неудачу. Тоже самое приходится сказать и обо всѣхъ другихъ неудачныхъ освободительныхъ попыткахъ, имѣвшихъ у насъ мѣсто послѣ возстанія на Сенатской площади: всѣ онѣ объясняются отсутствіемъ поддержки со стороны народа. Н. Г. Чернышевскій горько жаловался въ своихъ „*Письмахъ безъ адреса*“ на равнодушіе народа къ стремленіямъ нашей передовой интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ. Такая же горькая жалоба часто слышится въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Г. И. Успенскаго и въ воспоминаніяхъ многихъ революціонеровъ слѣдующаго десятилѣтія. Народъ, который очень много выигралъ бы, если бы осуществились стремленія революціонеровъ, продолжалъ видѣть въ царѣ своего вѣрнаго друга и заступника, а въ революціонерахъ — нетерпѣливыхъ выразителей эксплуататорскихъ стремленій нашего дворянства и чиновничества. Въ этомъ заключался глубокій трагизмъ исторіи нашей свободомыслящей интеллигенціи. Несмотря на отчаянныя попытки сойтись съ народомъ, свободомыслящіе русскіе люди не могли перескочить пропасть, отдѣлявшую ихъ отъ него, и потому по необходимости оставались *иностранцами у себя дома*. Общество знало объ этомъ разрывѣ съ народомъ и понимало вытекающія изъ него практическія послѣдствія. Поэтому, сочувствуя революціонерамъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что составляло *политическій элементъ ихъ стремленій*, оно, говоря вообще, не вѣрило въ ихъ побѣду и въ свою очередь оставляло ихъ безъ серьезной поддержки. Оно покорялось и молчало по той простой причинѣ, что протестъ и борьба не сулили ему никакого практическаго успѣха. Чтобы поколебать этотъ скептицизмъ и преодолѣть вытекающую изъ него апатію, нужны были такія знаменія, которыя отсутствовали въ нашей общественной жизни. Только смѣлые подвиги народовольцевъ разбудили на короткое время наше общество, породивъ въ немъ нѣкоторую надежду на избавленіе. Но народовольцы были разбиты, и общество сдѣлалось еще болѣе апатичнымъ, чѣмъ было. Состояніе Россіи послѣ разгрома народовольцевъ можно хорошо охарактеризовать словами Некрасова:

Слышно только, о ночь безразсвѣтная!
Вихри злобы и бѣшенства носятся
Надъ тобою, страна безотвѣтная.
Все живое, все честное косится...

Вполнѣ и надолго разбудить наше общество смогутъ только такіе факты, которые покажутъ всѣмъ, имѣющимъ очи, что пропасть, отдѣляющая свободомыслящую интеллигенцію отъ народа, исчезла или, по крайней мѣрѣ, *исчезаетъ*. Въ обществѣ явится бодрость и надежда на лучшее будущее, когда оно увидитъ, что въ народной массѣ или хоть въ нѣкоторой, наиболѣе развитой ея части, начинается движеніе, способное поколебать непоколебимую прежде основу „*власти роковой*". Факты, свидѣтельствовавшіе о началѣ такого движенія, стали появляться не со вчерашняго дня. Въ печальное царствованіе Александра III они одни только и составляли свѣтлыя точки на мрачномъ фонѣ нашей общественной жизни. Но тогда этихъ свѣтлыхъ точекъ было еще слишкомъ мало, и онѣ гасли, казалось, совершенно безслѣдно. Имъ придавали значеніе только очень немногіе „интеллигенты". Большинство на минуту поражалось ими, — какъ поразилось оно, напримѣръ, морозовской стачкой 1886 года, — но затѣмъ забывало о нихъ подъ вліяніемъ какой нибудь болѣе обычной и болѣе понятной „злобы дня". Людей, указывавшихъ на рабочее движеніе, какъ на новую, грядущую общественную силу, третировали, какъ чудаковъ, смотрящихъ на Россію сквозь *нѣмецкіе очки* и мѣшающихъ серьезнымъ русскимъ людямъ дѣлать серьезное русское дѣло. Только колоссальныя, массовыя стачки петербургскихъ рабочихъ весною 1896 года показали, что эти чудаки были не совсѣмъ не правы, и что ихъ „*нѣмецкія*" теоріи не такъ уже „неприложимы" къ *русской* дѣйствительности, какъ это утверждали народники и субъективисты. Но сильное впечатлѣніе, произведенное стачками 1896 года, постепенно сглаживалось, и наше общество оставалось все еще очень далекимъ отъ пониманія того, до какой степени измѣняются шансы освободительной борьбы съ царизмомъ, благодаря начинающемуся движенію рабочихъ. Чтобы приблизить его къ пониманію этой истины, нужны были потрясающія событія текущаго года.

VI.

Я сказалъ, что въ нынѣшнемъ году у насъ произошли такъ называемыя студенческія волненія. Это такъ, но это не все. Студенческія волненія никого не вразумили бы именно потому, что они составляютъ обычное явленіе нашей университетской жизни. Замѣчательно и поучительно въ этихъ волненіяхъ то, что къ студентамъ очень сочувственно отнеслась *рабочая масса*. Поэтому на вопросъ, что же именно произошло въ нашемъ отечествѣ, надо отвѣчать такъ:

Произошли, во-первыхъ, волненія студентовъ, поддержанныхъ значительной массой рабочихъ.

Огромное общественное значеніе событій текущаго года опредѣляются, *между прочимъ*, именно этимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ студенчеству многихъ тысячъ рабочихъ. Высказывая такой взглядъ, я очень хорошо знаю (по горькому опыту), что иной, зараженный „экономическими" предразсудками читатель можетъ упрекнуть меня въ стремленіи сдѣлать изъ русскихъ пролетаріевъ политическихъ вассаловъ свободо-мыслящей интеллигенціи. Но такой упрекъ будетъ столь же несправедливъ, какъ и всѣ прочіе упреки, посылаемые „экономистами" революціонной соціаль-демократіи.

Въ томъ-то и заключается величіе современной *идеи рабочаго сословія*, что самоотверженная защита всѣхъ угнетенныхъ и энергическая поддержка всѣхъ несправедливо обиженныхъ и униженныхъ принадлежитъ къ числу насущнѣйшихъ и важнѣйшихъ интересовъ пролетаріата. Если пролетаріатъ хочетъ поставить защиту своихъ классовыхъ интересовъ на широкую основу политической борьбы, онъ долженъ бороться за общіе интересы истины, культуры, справедливости и человѣчности Сознательные русскіе рабочіе уже по одному тому не могли равнодушно смотрѣть на полицейскую расправу со студентами, что ярмо полицейскаго произвола давитъ ихъ собственную шею, и что ихъ собственная шея изранена этимъ ярмомъ. Сознательный слой русскаго пролетаріата *обязанъ* былъ поддержать студентовъ, потому что студенты расшатывали полицейское государство, по рукамъ и по ногамъ сковавшее все трудящееся населеніе Россіи. Политическая зрѣлость русскаго рабочаго класса въ значительной степени будетъ измѣряться теперь мѣрою его сочувствія каждому прогрессивному общественному движенію, направленному противъ существующаго порядка вещей. И русскій пролетаріатъ показалъ, что онъ уже умѣетъ сочувствовать движеніямъ этого рода. Участіе многихъ тысячъ рабочихъ въ демонстраціяхъ нынѣшняго года составитъ эпоху въ исторіи политическаго развитія нашей страны.

„*Касса взаимопомощи*" студентовъ петербургскаго университета въ своемъ февральскомъ листкѣ, напечатанномъ въ типографіи „*Союза Борьбы*", указывая на политическое значеніе нашего университетскаго вопроса, старалась ободрить студентовъ будущимъ сочувствіемъ со стороны рабочихъ. „Рѣшенія университетскаго вопроса, — говорилось въ листкѣ, — надо искать въ рѣшеніи болѣе широкаго и неот-

ложнаго вопроса — вопроса о расширеніи политическихъ рамокъ для русской общественной жизни... Насильникамъ надо противопоставить силу... А эта сила уже растетъ, ее выдвигаетъ сама жизнь, въ ней лежитъ залогъ лучшаго будущаго. Быстро расползается она по странѣ, охватывая ее все цѣпче и крѣпче, грозная, пока безсознательная. Но пробудись въ ней сознаніе — и конецъ абсолютизму, конецъ замаскированному рабству." *)

Авторы листка говорили о пробужденіи полическаго сознанія въ русскомъ пролетаріатѣ, какъ о дѣлѣ *будущаго*. Они имѣли полное право говорить о немъ въ *настоящемъ времени*. Они могли бы, нисколько не грѣша противъ дѣйствительности, указать своимъ читателямъ на то, что наша трудящаяся масса, въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ, уже *становится сознательной*, и что, вслѣдствіе этого, для „замаскированнаго рабства" наступаетъ уже *начало конца*. Но не забудемъ; что листокъ вышелъ въ февралѣ. Въ апрѣлѣ или въ маѣ, послѣ московскихъ, харьковскихъ, кіевскихъ и петербургскихъ (майскихъ) событій, авторы листка уже не говорили бы о рабочемъ классѣ, какъ о силѣ *„пока безсознательной"*. И они, конечно, радостно поздравили бы борющееся студенчество съ новымъ и самымъ надежнымъ союзникомъ.

Выступленіе рабочихъ на арену политической борьбы явилось нагляднѣйшимъ и убѣдительнѣйшимъ опроверженіемъ доводовъ, выдвигаемыхъ разсудительными и благоразумными людьми въ пользу смиренномудрія. Оно показало, что газета *„Россія"* (сознательно или безсознательно) говорила неправду, увѣряя студентовъ въ томъ, что они, равно какъ и все русское общество, ничѣмъ не могутъ подкрѣпить свои требованія. Теперь ясно, что студенчество и общество могутъ быть сильны не „заботливой благожелательностью" царя, составляющей надежную „опору" только для разбойниковъ пѣшей и конной полиціи, а *поддержкой со стороны рабочаго класса*. Теперь борьба съ царизмомъ утрачиваетъ свой когда-то безнадежный характеръ. Теперь сама жизнь внятно отвѣчаетъ на вопросъ, гдѣ можно найти силу, необходимую для борьбы за политическую свободу. Поэтому молчаніе утрачиваетъ теперь всякую тѣнь оправданія, а политическая апатія становится непростительнымъ грѣхомъ не только передъ Россіей, но и передъ всей Европой, въ которой нашъ царизмъ всегда и неутомимо игралъ роль добровольнаго жандарма.

---

*) Цитировано въ № 3 *„Искры"*.

Что передовые элементы русскаго общества значительно ободрились подъ вліяніемъ сочувственнаго отношенія рабочихъ къ студентамъ, это видно по многимъ признакамъ. Я не хочу указывать на нихъ страха ради полицейска; при томъ же читатель, навѣрное, и самъ ихъ подмѣтилъ.*) Замѣчу только, что чѣмъ больше оппозиціонные элементы нашего общества проникнутся сознаніемъ политической важности революціоннаго рабочаго движенія и чѣмъ дѣятельнѣе они будутъ поддерживать его, тѣмъ въ большей мѣрѣ ихъ *возможная* сила перейдетъ въ *дѣйствительную*.

Чтобы побѣдить царизмъ, надо быть въ состояніи противопоставить (по вышеприведенному выраженію студенческаго листка) *насильникамъ силу*. *Такой* силы, которая съ успѣхомъ могла бы противостать насильникамъ, у русскаго общества нѣтъ и быть не можетъ, какъ нигдѣ не было ее у высшихъ классовъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе такъ называемой *новой* исторіи. Даже въ Англіи семнадцатаго вѣка, гдѣ королевская власть еще только стремилась къ самодержавію и гдѣ она далеко не располагала оборонительными средствами современныхъ намъ правительствъ, революціонной буржуазіи удалось побѣдить короля лишь потому, что она была поддержана низшими слоями населенія. Но, не будучи въ состояніи поразить „насильниковъ“ своей собственной силой, общество можетъ въ высокой степени содѣйствовать развитію *революціонной силы народа*. Во Франціи оппозиціонные и революціонные слои буржуазіи не только сдѣлали особенно много для пробужденія и роста политической мысли въ рабочемъ классѣ, но также имѣли рѣшительное вліяніе на ходъ и исходъ народныхъ *демонстрацій* и народныхъ *возстаній*. Хотя эти слои и не принимали *непосредственнаго* участія, — или принимали лишь *слабое* непосредственное участіе, — въ уличной борьбѣ, однако они поддерживали возставшихъ, оказывая имъ множество мелкихъ, но незамѣнимыхъ услугъ, а главное, — деморализуя защитниковъ власти и отнимая у нихъ вѣру въ нравственную правоту ея дѣла. Для примѣра я укажу, какъ описываетъ одинъ изъ историковъ іюльской революціи 1830 года настроеніе офицеровъ во время борьбы съ возставшимъ народомъ.

„Опасное чувство неувѣренности въ себѣ и нравственнаго угнетенія начало распространяться между защитниками дѣла, которое само по себѣ было справедливо, но которое испортили

*) Наша легальная печать, по совершенно понятнымъ причинамъ, никогда не была *точнымъ* выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Теперь она выражаетъ его, можетъ быть, менѣе точно, чѣмъ когда бы то ни было.

несвоевременно аггрессивными дѣйствіями.*) Уже два офицера (рѣчь идетъ о 29-мъ іюля, Г. П.), гг. де-ла-Туръ-дю-Пэнъ и Тюрго, подали въ отставку. Видимо обезкураженный, маршалъ (Мармонъ, которому король ввѣрилъ главное начальство надъ войсками, Г. П.) нѣсколько разъ мѣнялъ планъ обороны.**)

Это отсутствіе нравственной самоувѣренности и это угнетенное настроеніе духа съ особенною яркостью обнаруживается въ письмѣ къ Полиньяку одного изъ подавшихъ въ отставку офицеровъ.

„Послѣ цѣлаго дня убійствъ и разореній, которыя были совершены вопреки всѣмъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ, и въ которыхъ я принялъ участіе лишь изъ чувства подчиненности, о которомъ я теперь сожалѣю, моя совѣсть рѣшительно запрещаетъ мнѣ служить дальше хотя бы только одну минуту. Въ теченіе моей жизни я далъ достаточно доказательствъ моей преданности королю, и я считаю себя въ правѣ, не опасаясь обидной клеветы, различать то, что исходитъ лично отъ него, отъ того, что дѣлается его именемъ. Я прошу Васъ, поэтому, повергнуть на усмотрѣніе короля мое прошеніе объ отставкѣ. Имѣю честь быть и т. д.

28-го іюля 1830 г. Графъ Рауль де-ля-Туръ-дю-Пэнъ.“ ***)

Другіе офицеры отказывались стрѣлять въ народъ. Такъ, напримѣръ, когда 28-го іюля въ улицѣ Сэнтъ-Онорэ одинъ начальникъ отряда приказалъ своимъ солдатамъ стрѣлять, субалтернъ-офицеръ, вмѣсто того, чтобы повторить это приказаніе, скомандовалъ: „*на плечо!*“.†) Возставшій народъ отвѣтилъ на эту команду громкимъ крикомъ: „*да здравствуютъ линейныя войска* (vive la ligne)!“, что, конечно, еще болѣе ослабило воинственное настроеніе защитниковъ власти.

Офицеры, отказывавшіеся убивать „*вопреки всѣмъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ*“, навѣрное были заражены духомъ либеральныхъ общественныхъ круговъ, глубоко ненавидившихъ Бурбоновъ и отъ всей души сочувствовавшихъ инсургентамъ. Если въ іюнѣ 1848 года настроеніе и поведеніе сражавшихся съ рабочими войскъ было совсѣмъ другое, то

---

*) Цитируемый мною авторъ сочувствуетъ Бурбонамъ.

**) Histoire de France pendant la dernière année de la Restauration, par un ancien magistrat. Paris, 1839, t. I, p. 305—306.

***) Тамъ же, тѣ же страницы, въ примѣчаніи.

†) Тамъ же, томъ I, стр. 261—262. Луи Бланъ, въ своей „Histoire de dix ans“, и Волябель, въ „Histoire de la Restauration“, тоже приводятъ много яркихъ примѣровъ такого рода.

это въ значительной степени произошло отъ того, что симпатіи французскаго общества не были и не могли быть на стороны возставшихъ.

VII.

Поддержка со стороны *общества* ускоритъ ростъ и приблизитъ торжество революціонной силы *народа*. Это неоспоримая истина. Понять эту неоспоримую истину безусловно необходимо всѣмъ, не беззаботнымъ на счетъ политики дѣтямъ русской земли, потому что теперь, когда прологъ разъигранъ, и началось первое дѣйствіе великой драмы, друзья свободы должны быть мудры, какъ зміи: каждая ошибка замедлитъ ихъ побѣдоносное шествіе впередъ; за каждое недомысліе имъ придется заплатить неудачами.

Наши революціонеры могли пренебрегать обществомъ до тѣхъ поръ, пока „политика“ представлялась имъ дѣломъ, недостойнымъ истиннаго соціалиста. Но какъ только политическая борьба заняла видное мѣсто въ ихъ программѣ, сейчасъ же явилось у нихъ и сознаніе того, какъ важно имъ обезпечить себѣ сочувствіе общества. Партія *„Народной Воли“* задавалась, между прочимъ, цѣлью убѣдить свободомыслящую часть общества въ томъ, что „при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ“ интересы либерализма сходятся съ интересами революціонеровъ.*) Достичь этой цѣли было, однако, не такъ легко потому, что на самомъ дѣлѣ тогдашняя *„постановка партіонныхъ задачъ“* должна была скорѣе затруднять, чѣмъ облегчать сближеніе общества съ революціонерами. Когда народовольцы требовали созыва учредительнаго собранія, они тутъ же увѣряли, что у насъ, благодаря нѣкоторымъ счастливымъ особенностямъ народнаго міросозерцанія и характера, первые же выборы въ такое собраніе дали бы огромный численный перевѣсъ сторонникамъ *соціальной революціи*.**) Такая перспектива, разумѣется, не могла очень обрадовать *либераловъ*. И если либералы все таки до извѣстной степени сочувствовали „народовольцамъ“, то лишь потому, что соціально-революціонныя ожиданія этихъ послѣднихъ казались имъ совершенно несбыточными.***) Но такое обстоятельство въ свою очередь

*) См. Записку: *„Подготовительная работа партіи“*, напечатанную впослѣдствіи въ „Календарѣ Народной Воли“.

**) Говорили (и писали), что ихъ было бы до 90% общаго числа депутатовъ.

***) Говоря, что либералы сочувствовали народовольцамъ лишь до извѣстной степени, я хочу этимъ сказать не то, что ихъ сочувствіе къ нимъ было *мало*, а то, что оно не достигло тѣхъ большихъ размѣровъ, которыхъ могло бы достигнуть, если бы задачи партіи *„Народной Воли“* были поставлены иначе.

не могло содѣйствовать укрѣпленію въ либералахъ вѣры въ *политическую зрѣлость* революціонеровъ. А когда революціонеры отъ толковъ о созывѣ учредительнаго собранія перешли къ разсужденіямъ о необходимости захвата власти съ цѣлью немедленнаго осуществленія соціально-революціонной программы, тогда либеральное общество еще менѣе было въ состояніи сочувствовать ихъ планамъ и еще болѣе должно было сомнѣваться въ ихъ политической зрѣлости.

Народовольцы называли себя соціалистами-*народниками*, и это названіе, къ величайшему вреду для ихъ партіи, вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности: у нихъ въ самомъ дѣлѣ было очень много *народническихъ предразсудковъ*. Эти предразсудки дѣлали совершенно невозможной „правильную постановку партіонныхъ задачъ“ и придавали утопическій оттѣнокъ всѣмъ стремленіямъ партіи.

Стоя на точки зрѣнія современнаго научнаго соціализма, мы имѣемъ полную возможность избѣжать ошибокъ, бывшихъ неизбѣжными для русскихъ революціонеровъ семидесятыхъ годовъ.

Съ точки зрѣнія современнаго научнаго соціализма всякіе толки о *соціалистическомъ переворотѣ*, какъ *о ближайшей цѣли* революціоннаго движенія въ Россіи, представляются вполнѣ и безусловно неосновательными. Ближайшей цѣлью революціоннаго движенія является *низверженіе абсолютизма*, которое, обезпечивъ русскому пролетаріату политическія права и политическую свободу, дастъ ему широкую возможность рости и зрѣть, развиваться и организоваться для *соціалистической революціи*. *Торжество соціализма* не можетъ совпасть съ *паденіемъ абсолютизма*. Эти два момента по необходимости будутъ отдѣлены одинъ отъ другого значительнымъ промежуткомъ времени. И именно потому, что они будутъ отдѣлены одинъ отъ другого во времени, *соціаль-демократы*, въ своей непримиримой борьбѣ съ абсолютизмомъ, могутъ съ полнымъ правомъ и ни мало не противорѣча себѣ, указывать всѣмъ, кому надлежитъ знать и понимать это, что *ихъ интересы въ настоящее время совпадаютъ съ интересами свободомыслящей части нашего общества*.

Спѣшу, однако, оговориться. *Полное и всестороннее* совпаденіе нашихъ интересовъ съ интересами передовыхъ элементовъ общества, а слѣдовательно, и полное и всестороннее сочувствіе этихъ элементовъ соціаль-демократіи возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы, мы, подобно нашимъ легальнымъ *будто-бы-марксистамъ*, отказались отъ мысли о будущей *диктатурѣ революціоннаго пролетаріата* и

ограничились проповѣдью *„соціальной реформы“*, не идущей дальше смягченія нѣкоторыхъ *грубыхъ* и устраненія нѣкоторыхъ *отсталыхъ* формъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Уподобившись такимъ будто-бы-марксистамъ, мы дѣйствительно могли бы разсчитывать на симпатіи рѣшительно всего общества, за исключеніемъ только Разуваевыхъ разныхъ сословій, да небольшой горсти народниковъ старой и новой формаціи. Сочувствіе къ намъ всѣхъ остальныхъ общественныхъ слоевъ и теченій несомнѣнно было бы сильнѣе, шире, а главное — цѣльнѣе.*) Но тогда мы превратились бы въ смягченныхъ и облагороженныхъ *буржуа* dernière mode и перестали бы быть партіей *революціоннаго пролетаріата*. А это обстоятельство значительно подорвало бы нашу силу, силу всего освободительнаго движенія, идущаго изъ среды народа.

Наша сила есть сила трудящейся и эксплуатируемой массы, и прежде всего — *пролетаріата*. Какъ я уже сказалъ, общество можетъ пріобрѣсти силу и политическое значеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно будетъ содѣйствовать росту и торжеству революціонной энергіи рабочаго класса. Революціонная же энергія рабочаго класса достигнетъ наибольшаго напряженія лишь тогда, когда онъ ясно увидитъ нашу *конечную цѣль: соціальную революцію, полное уничтоженіе эксплуатаціи трудящихся*. Вотъ почему наше превращеніе въ ручныхъ будто-бы-марксистовъ было бы очень невыгодно для насъ даже съ точки зрѣнія нашей *ближайшей политической цѣли*, не говоря уже объ огромнѣйшей невыгодѣ его *съ точки зрѣнія будущности русскаго рабочаго движенія*. И вотъ почему о такомъ превращеніи не можетъ быть и рѣчи. Мы будемъ поддерживать всякое движеніе, направленное противъ существующаго порядка вещей. Но мы ни на минуту не перестанемъ вырабатывать въ умахъ рабочихъ ясное представленіе о нашей конечной цѣли. *Мы хотимъ, чтобы борьба съ царизмомъ служила для пролетаріата школой, всесторонне развивающей его классовое самосознаніе.*

VIII.

Либеральное общество, если только оно дѣйствительно созрѣло для пониманія того соотношенія политическихъ силъ, которое существуетъ теперь въ нашемъ отечествѣ, не можетъ

*) „Единственное, что позволяютъ намъ утверждать данныя науки, это то, что настоящее экономическое развитіе ведетъ къ постепенному отмиранію самыхъ тяжелыхъ и грубыхъ формъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ“... (С. Н. Булгаковъ, *Капитализмъ и земледѣліе*, Москва 1900, томъ II, стр. 456). Г. С. Булгакова не приметъ за свирѣпаго потрясателя основъ даже самая нервная либеральная дама.

требовать онъ насъ отказа отъ нашей конечной цѣли, потому что такой отказъ принесъ бы глубокій вредъ освободительному движенію. Оно должно понять и отчасти уже поняло, что будимое и развиваемое нами классовое самосознаніе рабочихъ представляетъ собою теперь вѣрнѣйшее средство созданія революціонной силы въ русскомъ народѣ и надежнѣйшій залогъ политическаго освобожденія Россіи. Оно должно понять и отчасти уже поняло, что каждый новый успѣхъ соціаль-демократической агитаціи въ рабочемъ классѣ будетъ равносиленъ новому пораженію царизма. Оно должно понять и, вѣроятно, отчасти уже поняло, что завоеваніе политической свободы принесло бы ему гораздо больше *непосредственной* пользы, чѣмъ рабочему классу, на который упала бы, однако, главная тяжесть борьбы. Наша *конечная цѣль* не оттолкнетъ отъ насъ передовыхъ элементовъ нашего общества, если только мы съумѣемъ хорошенько уяснить ему свою *ближайшую политическую задачу*. Явившись *„выручать студентовъ“*,*) аттакованныхъ полиціей, рабочіе очень облегчили нашему либеральному обществу правильное пониманіе этой нашей задачи. Мы должны воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Теперь насъ хорошо поняли, можетъ быть, только *нѣкоторые*. Сдѣлаемъ такъ, чтобы насъ поняли *всѣ*. Тогда намъ, навѣрное, будутъ сочувствовать *многіе*.

Но для того, чтобы передовые элементы общества поняли и оцѣнили освободительныя стремленія революціонной соціаль-демократіи, она должна прежде всего *организоваться*.

Созданіе крѣпкой, стройной, единой и нераздѣльной организаціи русскихъ соціаль-демократовъ составляетъ теперь *самую насущную изо всѣхъ стоящихъ передъ нами ближайшихъ практическихъ задачъ*. Отсутствіе такой организаціи уже нанесло намъ *очень много вреда*. Оно помѣшало намъ всесторонне использовать волненія текущаго года въ интересахъ нашего движенія. Мы должны сознать *„то, что есть“*, и имѣть нравственное мужество громко высказать сознанную нами горькую истину: жизнь далеко опередила насъ. Это большая бѣда для такой партіи, которая, подобно нашей, хочетъ и должна *руководить* самыми передовыми теченіями жизни. Но это бѣда поправимая, а для энергичныхъ людей большая, но поправимая бѣда служитъ лишь новымъ про-

*) „Часовъ около 11 (24-го февраля въ Москвѣ) толпы рабочихъ осаждали манежъ съ криками „выручай студентовъ!“ Были частыя стычки съ казаками и жандармами; за употребленіе нагаекъ казаковъ стаскивали съ лошадей и поколачивали.“ См. толстовскіе *„Листки Свободнаго Слова“* № 23, стр. 12.

бужденіемъ къ новымъ усиліямъ. Нагонимъ жизнь. Наверстаемъ упущенное. Займемъ по праву принадлежащее соціаль-демократамъ мѣсто руководителей. Это для насъ тѣмъ легче, что, опережая насъ, русская общественная жизнь шла въ томъ самомъ направленіи, которое было впервые предусмотрѣно и опредѣлено нами. Быстрый ходъ ея развитія является лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу нашихъ взглядовъ. А при этомъ условіи положеніе людей, опереженныхъ жизнью, несмотря на печальныя свои стороны, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много отраднаго и ободряющаго. Оно показываетъ, что *мы имѣемъ за себя непреодолимую стихійную силу общественнаго развитія.*

Когда русская соціаль-демократія будетъ стройно и строго организована — а я увѣренъ, что это желанное время не далеко, — тогда она сразу выростетъ на цѣлую голову, и тогда ей не страшны будутъ ни преслѣдованія, ни временныя неудачи. Организація даетъ возможность сравнительно легко поправить всякія неудачи и переносить всякія преслѣдованія.

Иные говорятъ: нашей партіи очень трудно организоваться, потому что она, постоянно находясь подъ непріятельскимъ огнемъ, постоянно несетъ тяжелыя потери. И это, конечно, вѣрно. Но съ другой стороны непріятельскій огонь страшенъ для нея потому, что она не организована. Тутъ — заколдованный кругъ, изъ котораго можно выйти лишь энергическимъ усиліемъ воли. Пусть она организуется. Организація, какъ хорошій земляной окопъ, прикроетъ ее отъ непріятельскаго огня и низведетъ ея потери до возможнаго минимума.*)

А эти потери теперь въ самомъ дѣлѣ огромны, и при томъ ихъ вредное вліяніе быстро растетъ по мѣрѣ того, какъ умножаются и усложняются ея практическія задачи. Теперь она уже не можетъ дольше позволять себѣ *роскошь неорганизованности* и тотъ *комфортъ разъединенности*, благодаря которому каждый *„баронъ“* можетъ дѣйствовать по своей особой *„фантазіи“*.

Когда очереднымъ вопросомъ былъ у насъ вопросъ *объ агитаціи*, тогда многіе и многіе изъ насъ горячо нападали на *„кружковщину“*. Нападки были справедливы. Кружковщина, дѣйствительно, великое зло. Но нужно помнить, что мы не избавились отъ него и по настоящее время. Кружковщина до сихъ поръ тяготѣетъ надъ нами, насквозь пропитывая наши *организаціонныя отношенія.* Но Партія, пре-

*) Возникновеніе крѣпкой организаціи *„Земли и Воли“* въ семидесятыхъ годахъ сразу и очень значительно уменьшило число „проваловъ“, которые до тѣхъ поръ были такъ же многочисленны, какъ теперь.

тендующая и имѣющая полное право на серьезную политическую роль, не должна и не можетъ помириться съ господствомъ кружковщины въ ея организаціонныхъ отношеніяхъ. Ей безусловно необходима организація, объединяющая въ *одно дисциплинированное цѣлое* всѣ ея силы, вносящая единство въ ея дѣятельность и подчиняющая работу многочисленныхъ кружковъ, разсыпавшихся по широкому лицу нашей земли, *руководству всероссійскаго центра*. Только при этомъ условіи она будетъ въ состояніи сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она *обязана сдѣлаться: руководительницей великаго освободительнаго движенія въ Россіи*.

А когда сплоченіе всѣхъ ея, теперь разрозненныхъ, силъ въ одно стройное цѣлое станетъ совершившимся фактомъ; когда у нея будетъ едино тѣло и единъ духъ, тогда передъ ней снова встанетъ, во всемъ своемъ неизмѣримомъ величіи, *задача агитаціи*. Въ области агитаціи ей предстоитъ сдѣлать еще чрезвычайно много. Не будемъ обманывать себя. Массовая политическая агитація еще только началась. Мы сдѣлали въ ея направленіи лишь самые первые шаги, и съ нашей стороны было бы смѣшнымъ и непростительнымъ ребячествомъ разсчитывать на очень скорую побѣду. Въ демонстраціяхъ нынѣшняго года участвовали, положимъ, десятки тысячъ рабочихъ. Это уже очень хорошо; но этого мало. *Батальоны и полки* недостаточны для насъ; намъ нужны *корпусы и цѣлыя арміи*. Мы ежечасно и ежеминутно должны помнить золотыя слова Маркса, взятыя мною какъ эпиграфъ для настоящей статьи: Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Aktion wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist.*)

IX.

И какъ плодотворна, какъ завлекательна теперь агитаціонная дѣятельность въ русской рабочей средѣ! Подобно сказочному богатырю, родившемуся для избавленія русской земли отъ ея злыхъ поработителей, нашъ пролетаріатъ растетъ теперь не по днямъ. а по часамъ, быстро накопляя силу непобѣдимую. Искреннихъ друзей его долженъ особенно радовать въ тотъ высшей степени замѣчательный и отрадный фактъ, что *его классовое самосознаніе не отстаетъ отъ его революціоннаго настроенія*. Соціаль-демократическія идеи глубоко проникли въ его среду и неискоренимо упрочились въ ней. Онъ умѣетъ „выручать студентовъ“, но онъ умѣетъ выступать и

*) Чѣмъ глубже захватывается жизнь данным историческимъ дѣйствіемъ, тѣмъ больше величина совершающей его массы.

за свое собственное дѣло. Въ маѣ нынѣшняго года онъ своею кровью запечатлѣлъ свою принадлежность къ международной семьѣ соціалистическихъ пролетаріевъ. Въ Петербургѣ и подъ Петербургомъ произошли настоящія сраженія рабочихъ съ полиціей и войскомъ. „Перваго мая (по русскому стилю) забастовали рабочіе Выборгской стороны (какъ говорятъ, на всѣхъ фабрикахъ). 4-го мая рабочіе нѣсколькихъ фабрикъ направились въ городъ съ цѣлью устроить демонстрацію. У Сампсоніевскаго моста имъ загородила дорогу конная и пѣшая полиція. Рабочіе пустили въ ходъ ножи и палки. Бой длился нѣсколько часовъ.*) Черезъ три дня на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ, въ связи съ празднованіемъ перваго мая, завязался новый бой, при чемъ на мѣстѣ осталось, какъ говорятъ, шесть убитыхъ. Въ провинціи, говоря вообще, май прошелъ спокойнѣе, но и тамъ воззванія, распространенныя нашими товарищами по поводу перваго мая, были сочувственно встрѣчены тысячами пролетаріевъ, а въ Тифлисѣ майскій праздникъ ознаменовался жестокимъ столкновеніемъ рабочихъ съ властями. Полиція лѣзетъ изъ кожи; она арестуетъ рабочихъ сотнями; она хочетъ остановить рабочее движеніе, запугавъ его участниковъ. Тщетная надежда! Наши сознательные рабочіе такъ полны вѣры въ свое дѣло и преданности ему, что запугать ихъ невозможно. Кто хочетъ узнать, какой духъ оживляетъ этихъ неустрашимыхъ борцовъ, пусть прочитаетъ напечатанное въ № 5 „*Искры*“ письмо одной работницы, написанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кроваваго столкновенія 4-го мая на Сампсоніевскомъ мосту. Я привожу наиболѣе замѣчательныя мѣста изъ этого письма.

„Не примите это письмо за малодушіе, я очень измучилась и не знаю, что дѣлать. . . . Вы навѣрно знаете, что у насъ былъ бунтъ и что В. нѣтъ больше. Я не видала его съ 29-го, и онъ говорилъ мнѣ тогда, что, вѣроятно, перваго у нихъ работать не будутъ. Я какъ услыхала, что на Выборгской битва, бросила работу, побѣжала туда, къ мосту пройти нельзя было: женщинъ сами рабочіе не пускали, я стала ждать В. на квартирѣ, а онъ больше не приходилъ. Я ужъ справлялась въ казармѣ о немъ, ничего не говорятъ, въ охранкѣ тоже . . . или убили его или ранили до смерти . . . Другіе говорили, что видѣли, какъ онъ былъ впереди, это онъ крикнулъ: „Да здравствуетъ революція!“, и какъ потомъ упалъ. Полиція не ушла, пока всѣ не отступили, и кто не

*) „*Искра*“. № 5, стр. 4.

могъ встать, подбирали сами. Вы не знаете, какъ мнѣ обидно, и это одинаково всѣмъ намъ, всѣмъ очень хотѣлось пройтись на Невскій или въ городъ, ужъ очень горько умирать, какъ собакамъ, въ углѣ, чтобы никто не видалъ даже, это, вѣрно, такая доля у рабочихъ, чтобы умирать не на людяхъ: вѣрно и красной смерти для нихъ жалко... Вотъ что еще я хотѣла сказать вамъ: хоть и очень многихъ у насъ взяли, можетъ, ихъ нѣтъ больше совсѣмъ, а все-таки мы твердо стоять будемъ. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросаніи работы никто стоять не будетъ: теперь всѣмъ нужно больше, всѣмъ на улицу хочется. Б. (тоже рабочій) говоритъ, что жаль, что знамени у нихъ не было. Другой разъ и знамя будетъ, и пистолетовъ достанутъ: на камняхъ да на ножахъ далеко не уѣдешь, какъ начнутъ штыками колоть.“ *)

Когда въ нашу душу закрадется хоть малѣйшее сомнѣніе на счетъ будущности нашего дѣла, нужно перечитать это письмо. Оно бодритъ и возбуждаетъ читателя, заражая его своимъ сдержаннымъ, по могучимъ энтузіазмомъ. „Теперь такое время, что на бросаніи работы никто стоять не будетъ: теперь всѣмъ нужно больше, всѣмъ на улицу хочется.“ И что ни дѣлай правительство, „а все таки мы твердо стоять будемъ“. Когда такой духъ проникаетъ въ данный общественный классъ, можно съ полной увѣренностью сказать, что этому классу суждено побѣдить, и что онъ уже зрѣетъ для побѣды. Когда этотъ духъ, уже овладѣвшій нѣкоторыми слоями нашего пролетаріата, широко распространится въ нашей трудящейся массѣ, тогда русскому правительству останется, — по выраженію Лассаля, — лишь заниматься астрологіей, чтобы по звѣздамъ опредѣлить часъ своей гибели: что гибель совершенно неизбѣжна, это будетъ ясно и ему самому, и всѣмъ его окружающимъ.**)

---

*) „Искра“, № 5, стр. 4.

**) Статья эта была уже набрана, когда мнѣ доставили другое, не менѣе замѣчательное письмо изъ рабочей среды. Авторъ письма высказываетъ свой взглядъ на газету „Искра“ и попутно характеризуетъ настроеніе петербургскихъ рабочихъ: „Я многимъ товарищамъ показывалъ, и весь номерокъ истрепался, а онъ дорогъ, много дороже „Мысли“, хоть и нѣтъ тамъ нашихъ строкъ. Тамъ про наше дѣло, про все русское дѣло, которое копѣйками не оцѣнишь и часами не опредѣлишь; когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы да полиція боятся насъ рабочихъ и тѣхъ интеллигентовъ, за которыми мы идемъ. Они и правда страшны и царю, и хозяевамъ, и всѣмъ, а не только хозяйскимъ карманамъ. Конечно, я просто рабочій и совсѣмъ не такой ужъ развитой, но я очень чувствую, гдѣ правда, знаю, что нужно рабочимъ. Рабочій народъ теперь легко можетъ загорѣться, уже все тлѣетъ внизу, нужна только искра, и

Но нужно именно, чтобы настроеніе, сказавшееся въ цитированномъ мною письмѣ, широко распространилось въ трудящейся массѣ. *Великая цѣль политическаго освобожденія Россіи можетъ быть достигнута только великимъ революціоннымъ движеніемъ массы.* Помимо массового движенія она недостижима и если бы намъ пришлось, по той или другой причинѣ, отказаться отъ мысли вызвать такое движеніе, то мы должны были бы *оставить всякую надежду.* Поэтому очень вредны всякія, сознательныя или безсознательныя, уклоненія отъ агитаціонной дѣятельности въ массѣ, и уже совершенно непозволительны такіе пріемы борьбы, которые оторвали бы *революціонеровъ отъ массы, штабъ отъ арміи.*

Къ числу подобныхъ пріемовъ принадлежитъ такъ называемый *терроръ*, вызывающій теперь въ Россіи такъ много самыхъ разнообразныхъ и горячихъ толковъ и споровъ. Интересно, что защитниками террора выступаютъ у насъ иногда люди, которые еще вчера были *„экономистами“* чистѣйшей воды. Это, впрочемъ, неудивительно. Многіе *„экономисты“* потому и отрицали *политическую борьбу*, что не могли представить ее себѣ иначе, какъ въ видѣ *„террора“*. Они были противъ *политики* единственно потому, что, находясь въ спокойномъ состояніи, понимали, какъ опасенъ *терроръ* для

будетъ пожаръ. Ахъ, какъ это вѣрно сказано, что изъ искры возгорится пламень. Сейчасъ всѣ рабочіе точно керосиномъ облитые, многіе даже на лицо перемѣнились, и это всѣ видятъ; теперь ужъ мастера многихъ не трогаютъ, и въ праздникъ полиція вѣжливенько проситъ на нашей сторонѣ толпой не стоять, и такъ проситъ, будто рабочій завтра свободу получитъ. Раньше каждая стачка была событіе, а теперь всякій видитъ, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее.“ Понятно, что „экономическое“ направленіе не можетъ удовлетворить рабочихъ, проникнутыхъ такимъ настроеніемъ. „Теперь ужъ намъ не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, — продолжаетъ авторъ письма, — теперь просто учи, какъ въ бой идти, какъ въ бою воевать.“ Авторъ прекрасно знаетъ, что жертвы неизбѣжны, но онъ не боится ихъ, онъ знаетъ, что безъ жертвъ никогда еще не была искуплена свобода. „Со многими мы простимся, многихъ у насъ вырвутъ, много и ошибокъ надѣлаемъ, да въ такомъ дѣлѣ иначе нельзя, во первыхъ, а второе — ужъ дѣло больно крупное начинается. Это еще не конецъ, это только первый пожаръ, и его потушатъ, но огонь будетъ такъ ярокъ, что и слѣпые увидятъ, что кому нужно, кто кому врагъ, а ужъ второй пожаръ солдаты заливать не пойдутъ.“ При такомъ настроеніи рабочихъ наша будущая побѣда обезпечена. Наша партія обязана позаботиться лишь о томъ, чтобы ошибки, дѣйствительно неизбѣжныя въ начинающейся теперь борьбѣ, *были доведены до возможнаго минимума.* Каждая ошибка будетъ равносильна гибели многихъ дорогихъ силъ. А чтобы довести до минимума такія ошибки, соціаль-демократія должно имѣть большое вліяніе. *А большое вліяніе невозможно безъ централизованной организаціи:* новый доводъ противъ организаціонной кружковщины.

успѣховъ *массовой агитаціи*. Теперь, когда и ихъ коснулось общее возбужденіе, они отрицаютъ свое отрицаніе „*политики*“, проповѣдуя *терроризмъ*, который по прежнему представляется имъ единственнымъ возможнымъ видомъ *политической борьбы*. Такъ одна ошибка естественно ведетъ за собой другую. Увлеченіе терроризмомъ, охватившее теперь нѣкоторыхъ изъ нашихъ „экономистовъ“, можно назвать, — употребляя геометрическій терминъ, — *дополнительной ошибкой экономизма*.

Противъ террора уже высказались люди, авторитетный голосъ которыхъ не останется, конечно, *гласомъ вопіющаго въ пустынѣ*.*) Излишне повторять здѣсь доводы, выдвинутые этими людьми. Но полезно будетъ вспомнить, какъ смотрѣли на отношеніе террора къ революціонной агитаціи въ массѣ нѣкоторые наши *террористы-классики*.

X.

Въ брошюрѣ „*Террористическая борьба*“, изданной въ Женевѣ въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, Николай Морозовъ такъ изображаетъ смѣну различныхъ фазисовъ революціоннаго движенія въ Россіи.

„Начавшись въ 1872 году пропагандой среди рабочаго населенія въ Петербургѣ, это движеніе скоро перешло къ провинціальному населенію. — Въ крестьянской сермягѣ, съ посохомъ въ рукахъ и котомкой книгъ за плечами, отряхнувъ съ ногъ прахъ дряхлаго міра, шли пропагандисты по селеніямъ и деревнямъ своей необозримой родины. Не было губерніи, куда не заходили бы они со своею проповѣдью. Движеніе быстро росло, и лѣтомъ 1874 года пропаганда охватила почти всю Европейскую Россію. — Но какъ ни неожиданно было это движеніе для правительства, послѣднее немедленно приняло противъ него свои мѣры, и къ концу 1874 года почти всѣ пропагандисты томились въ казематахъ въ ожиданіи ссылки, каторги или безконечнаго заключенія въ центральныхъ тюрьмахъ. — Въ 1875 году, потерпѣвъ окончательное пораженіе въ деревняхъ, движеніе снова направилось къ городскому люду для того, чтобы дѣйствовать черезъ него въ деревнѣ, но и здѣсь оно было задушено правительствомъ; почти всѣ пропагандисты этого періода и рабочіе, послѣдовавшіе за ними, были схвачены при первыхъ шагахъ своей дѣятельности. — Въ 1876—77 гг. настало нѣкоторое затишье, изрѣдка прерываемое противоправительственными домонстраціями мирнаго характера и двумя-тремя

*) См. № 3 и 4 „*Искры*“.

революціонными попытками въ томъ или другомъ направленіи. Продолжать прежній путь, не обращая вниманія на преслѣдованія правительства, было очевидно невозможно. Волей-неволей приходилось сводить съ нимъ счеты. — И вотъ мало по малу начались таинственныя убійства правительственныхъ дѣятелей. — 24-го января 1878 г. раздался выстрѣлъ въ петербургскаго градоначальника Трепова въ его пріемной; этотъ выстрѣлъ сдѣлался точкой перелома во всей послѣдующей борьбѣ. Начиная съ этого момента, движеніе опредѣлилось и пошло почти безъ уклоненій къ своей уже ясно поставленной цѣли."

Я нарочно сдѣлалъ безъ сокращеній эту длинную выписку, чтобы читатель ясно увидѣлъ, *почему террористическая борьба представлялась Морозову неизбѣжнымъ и единственно возможнымъ пріемомъ политической борьбы.* Приведенная мною страница не оставляетъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ: *Н. Морозовъ считалъ дѣятельность въ народной массѣ совершенно невозможной.**) По его мнѣнію, *терроръ явился естественнымъ слѣдствіемъ неудачъ, испытанныхъ революціонерами при ихъ попыткахъ возбудить революціонное движеніе въ народѣ.* Въ другомъ мѣстѣ своей брошюры онъ доказываетъ необходимость террористической борьбы ссылкой на общія соціально-политическія условія русской жизни.

„Въ настоящее время въ безпредѣльныхъ равнинахъ Россіи съ ея рѣдкими деревнями и сравнительно незначительными рабочими городами, гдѣ разрозненность крестьянскаго населенія мѣшаетъ съорганизоваться большому деревенскому возстанію, а незначительность городскаго пролетаріата не представляла до сихъ поръ серьезной опасности для правительства, начинающаяся революція приняла совершенно своеобразныя формы. Лишенная возможности проявиться въ деревенскомъ или городскомъ возстаніи, она выразилась въ „террористическомъ движеніи" интеллигентной молодежи."

Террористическое движеніе представляется здѣсь, какъ *движеніе „интеллигентной молодежи"*, поставленной въ *невозможность вызвать массовое, деревенское или городское возстаніе*, а самая эта невозможность разсматривается, какъ *результатъ экономической отсталости Россіи* и ея слабой населенности.

Другой сторонникъ террора, В. Тарновскій, въ брошюрѣ *„Терроризмъ и Рутина"*, появившейся приблизительно около

---

*) Въ его краткомъ изображеніи исторіи нашего революціоннаго движенія встрѣчаются *многія неточности.* Но здѣсь намъ до нихъ нѣтъ дѣла. Намъ важна здѣсь *психологія писателя,* а не вѣрность сдѣланнаго имъ изображенія.

того же времени, какъ и брошюра Н. Морозова,*) возражая покойному Драгоманову, который противопоставлялъ террору открытое нападеніе на правительство, говоритъ:

„Что Вы хотите сказать этимъ „открытымъ нападеніемъ“? Если здѣсь нужно видѣть массовую революцію, то считаете-ли Вы возможнымъ и резоннымъ поднять русскихъ простолюдиновъ на борьбу изъ-за политической свободы, — при ихъ исторической оторванности отъ интеллигенціи, при ихъ жизни впроголодь и тяжелой борьбѣ изъ-за куска хлѣба? Очень они проникнутся необходимостью такой штуки, какъ политическая свобода! — Но тогда неужели трудно понять, что всѣ Ваши „гражданскіе и военные люди“, всѣ „народы“ сводятся въ сущности къ интеллигенціи? Она, эта интеллигенція, обязана, да, „обязана“ вынести на своихъ плечахъ политическую свободу въ Россіи, пользуясь терроромъ, какъ средствомъ.“ **)

В. Тарновскій насмѣхался, какъ надъ очевидною нелѣпостью, надъ мыслью о томъ, что *„русскіе простолюдины“* могутъ понять важное для нихъ значеніе „такой штуки, какъ политическая свобода“. Для него, какъ и для Н. Морозова, единственнымъ слоемъ, созрѣвшимъ для политической борьбы, былъ *слой революціонной интеллигенціи.* И такъ какъ этотъ слой ни въ какомъ случаѣ не могъ разсчитывать на поддержку со стороны народа, то терроръ и оказывался единственнымъ, возможнымъ для нея средствомъ рѣшительной политической борьбы съ правительствомъ. Тутъ есть своя логика, хотя несомнѣнно, что уже и въ то время не всѣ „русскіе простолюдины“ были такъ равнодушны къ мысли о политической свободѣ, какъ это думалъ В. Тарновскій: до-

---

*) Если я не ошибаюсь, брошюра Тарновскаго вышла нѣсколькими мѣсяцами *позже.* Во всякомъ случаѣ обѣ брошюры появились еще въ царствованіе Александра II.

**) Въ недавно вышедшей брошюрѣ: *„Возрожденіе революціонизма въ Россіи“* о терроръ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Теперь, кажется, революціонеры перемѣняютъ свое отношеніе къ этому способу борьбы и мало по малу признаютъ, что терроръ вовсе не исключительная привиллегія партіи, не желающей якобы опираться на трудящіяся массы, а именно всего лишь только *способъ* дѣйствія, которымъ въ крайніе моменты жизнь заставляетъ пользоваться *всѣ* партіи *безотносительно* къ научной подкладкѣ ихъ міровоззрѣнія“ (стр. 62). Научная подкладка міровоззрѣнія тутъ, дѣйствительно, не при чемъ. Но авторъ брошюры, какъ видно, плохо знакомъ съ исторіей нашей революціонной литературы. Если бы онъ лучше зналъ ее, то онъ зналъ бы, что для многихъ террористовъ семидесятыхъ годовъ терроръ былъ, разумѣется, не „привиллегіей“ (при чемъ тутъ это слово?), а необходимостью для партіи, не *могущей* опереться на народъ.

статочно вспомнить, что *„Съверно-русскій рабочій союзъ“* тогда уже включилъ въ свою программу (къ великому оторченію народнической интеллигенціи) требованіе политическихъ правъ и политической свободы. Но В. Тарновскій, подобно Н. Морозову, совсѣмъ не вѣрилъ въ успѣхъ начинавшагося тогда рабочаго движенія; онъ совершенно не признавалъ существованія у насъ другихъ революціонныхъ элементовъ, кромѣ интеллигенціи, поэтому онъ могъ, нисколько не противорѣча себѣ, указывать на терроръ, какъ на единственно-возможное средство политической борьбы. Но мы, которые знаемъ то, что нельзя не знать въ настоящее время, т. е., что въ средѣ *„русскихъ простолюдиновъ“* происходитъ съ каждымъ часомъ крѣпнущее движеніе *русскихъ пролетаріевъ;* мы, которые видимъ то, чего нельзя не видѣть въ настоящее время, т. е. то, что передовые слои русскаго пролетаріата готовы неустанно бороться за политическую свободу, можемъ ли мы смотрѣть на терроръ глазами В. Тарновскаго или Н. Морозова? Можемъ ли мы видѣть въ немъ единственное возможное у насъ средство политической борьбы? *)

Достаточно поставить эти вопросы, чтобы тотчасъ же рѣшить ихъ отрицательно. Нѣтъ, люди, не утратившіе вѣры въ массовое движеніе и понимающіе его коренную важность, должны — если не хотятъ разстаться съ логикой — смотрѣть на терроръ съ другой точки зрѣнія. Для такихъ людей терроръ можетъ имѣть развѣ только значеніе *воспомогательнаго пріема.* Отчасти такъ смотрѣли на терроръ и нѣкоторые революціонеры семидесятыхъ годовъ.**) Въ передовой статьѣ перваго номера газеты *„Земля и Воля“* говорится, что террористы должны играть въ революціонной партіи роль *охранительнаго отряда.* Въ то время очень многіе думали, что террористическій отрядъ въ самомъ дѣлѣ можетъ ограничиться такою ролью. Но прошло едва нѣсколько мѣсяцевъ, и взглядъ не терроръ совершенно измѣнился. Одни стали доказывать, что террору должны быть отданы всѣ силы партіи, такъ какъ онъ есть *„революція въ дѣйствіи“*,***) а другіе, напротивъ, готовы были совсѣмъ отказаться отъ террора, такъ

*) Нѣтъ нужды указывать на то, что *экономическое* положеніе Россіи не можетъ представляться намъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно представлялось Морозову и Тарновскому, писавшимъ двадцать лѣтъ тому назадъ и къ тому же смотрѣвшимъ черезъ народническую призму.

**) Кажется, можно утверждать, что такъ смотрѣлъ на терроръ, напримѣръ, Желябовъ, на судѣ заявившій, какъ извѣстно, о своемъ несогласіи съ Н. Морозовымъ по вопросу о террорѣ, какъ исключительномъ пріемѣ политической борьбы.

***) См. въ особенности послѣдніе *„Листки Земли и Воли“.*

какъ убѣдились, что террористическая борьба имѣетъ свою логику и что, разъ начавшись, она не можетъ остановиться до тѣхъ поръ, пока въ самомъ дѣлѣ не поглотитъ всѣхъ силъ партіи и не парализуетъ почти всѣхъ другихъ отраслей ея дѣятельности, а прежде всего *агитаціонной дѣятельности въ массѣ.*

Опытъ показалъ, что революціонеры, выдвигавшіе противъ террора это послѣднее соображеніе, были правы: террористическая борьба дѣйствительно поглотила всѣ силы партіи и парализовала почти всѣ другія отрасли ея дѣятельности. Наши товарищи должны знать и помнить это. *Имъ совѣтуютъ повторить старую ошибку, между тѣмъ какъ они обязаны избѣжать ея.*

Авторъ брошюры „*Возрожденіе революціонизма въ Россіи*“ *) считаетъ возможнымъ защищать терроръ, какъ агитаціонное (онъ говоритъ: *эксцитативное*) средство. Но защита террора съ *агитаціонной* точки зрѣнія возможна еще менѣе, чѣмъ съ точки зрѣнія охраны *революціонной организаціи* („террористы-охранительный отрядъ“).

Агитаторъ долженъ стараться *какъ можно больше сблизиться съ массой*; а террористическая дѣятельность *отдаляетъ революціонера отъ массы*, замыкая его въ тѣсномъ кругѣ посвященныхъ въ „конспиративное“ дѣло товарищей-конспираторовъ.

А кромѣ того — и это самое главное — *есть гораздо болѣе сильное средство возбужденія массы.* Средство это — ея собственная, непосредственная борьба съ властью *путемъ всевозможныхъ видовъ нелегальнаго массового движенія.* Это движеніе совершенно незамѣнимо по своему воспитательному значенію; каждый его успѣхъ приближаетъ насъ къ побѣдѣ. А между тѣмъ терроръ грозитъ сильно задержать его, отдаливъ организованныхъ революціонеровъ отъ неорганизованной, но уже созрѣвшей для активной борьбы и рвущейся на активную борьбу массы.

Террористическая дѣятельность и политическая агитація въ массѣ могутъ идти рука объ руку, поддерживая и дополняя другъ друга, только при самыхъ рѣдкихъ, совершенно исключительныхъ условіяхъ. Ни одного изъ такихъ условій у насъ теперь нѣтъ въ наличности и долго еще не будетъ. Въ настоящее время терроръ не цѣлесообразенъ, поэтому онъ вреденъ.**)

---

*) Объ этой брошюрѣ я въ другомъ мѣстѣ поговорю подробнѣе.

**) Въ апрѣльской книжкѣ лондонскаго Przedswit'a помѣщена интересная статья П. Гурковскаго: „Powstanie czy teror?“ Хотя она и не исчерпываетъ вопроса, и не вполнѣ вѣрно изображаетъ русское революціонное движеніе семидесятыхъ годовъ, но я все таки очень рекомендую ее тѣмъ изъ нашихъ товарищей, которые знаютъ по-польски.

Но въ такомъ случаѣ какъ же вы относитесь къ выстрѣлу Карповича? спроситъ меня, пожалуй, иной читатель, какъ не разъ уже спрашивали меня въ устной бесѣдѣ.

На этотъ вопросъ я отвѣчаю другимъ вопросомъ: а думаете ли вы, что Карповичъ высказался бы за терроръ, если бы онъ былъ не частнымъ лицомъ; прислушивающимся лишь къ голосу своего *нравственнаго* негодованія, а *членомъ партіи*, обязаннымъ подчиняться *сознательному политическому разсчету?*

На этотъ вопросъ я до сихъ поръ не получилъ удовлетворительнаго отвѣта.

Нѣкоторые защитники террора совершенно искренно считаютъ себя самыми передовыми революціонерами. Въ дѣйствительности они далеко отстали отъ хода развитія нашего революціоннаго движенія и стараются вернуть его назадъ, лѣтъ на двадцать съ лишнимъ.

Но моя статья уже переросла предположенные для нея размѣры. Пора кончать, откладывая недосказанное до другого раза и подводя итогъ тому, что сказано.

На вопросъ — *что же дальше?* приходится дать теперь слѣдующій отвѣтъ:

Дальше — продолженіе начатой освободительной борьбы, въ интересахъ которой мы должны:

1. Организоваться.

2. Принять всѣ зависящія отъ насъ мѣры для выясненія оппозиціоннымъ элементамъ общества истиннаго характера преслѣдуемой нами ближайшей политической задачи.

3. Продолжать политическую агитацію въ трудящейся массѣ.

4. Придать этой агитаціи *болѣе широкіе размѣры.*

5. Придать этой агитаціи *еще болѣе широкіе размѣры, распространивъ ее по возможности и на сельское населеніе.*

6. Тоже въ большей степени.

7. Тоже въ еще большей степени.

8. Тоже въ самой большей степени.

9. А потомъ . . . но объ этомъ мы успѣемъ потолковать и въ другой разъ: время терпитъ. Теперь же намъ нужно главнымъ образомъ помнить, что безъ организаціи наше дѣло не можетъ идти впередъ и что:

Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Aktion wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist.

Іюнь 1901. Г. Плехановъ.

Почему мы не хотимъ идти назадъ?

I.

Не такъ давно вышла книжка: **„Субъективизмъ и Индивидуализмъ въ общественной философіи“** г. Бердяева.

Книжка эта имѣетъ двѣ цѣли: съ одной стороны подвергнуть критикѣ міросозерцаніе Н. К. Михайловскаго, съ другой пополнить существующіе въ марксизмѣ пробѣлы, на которые „ортодоксальные“ марксисты, вслѣдствіе ихъ застывшаго догматизма, не обращаютъ вниманія.

Обѣ эти задачи находятся въ тѣсной взаимной связи, при чемъ вторая ставится авторомъ въ центрѣ. Критика субъективизма Михайловскаго возможна, по мнѣнію г. Бердяева, только съ точки зрѣнія научнаго объективизма марксистской концепціи, справедливой въ своихъ общихъ соціологическихъ построеніяхъ, но лишенной гносеологическаго базиса. Соціологическая доктрина Маркса-Энгельса должна принять гносеологическую основу трансцендентальнаго идеализма.

Такъ думаетъ не одинъ г. Бердяевъ. Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ мы слышимъ назойливо повторяющійся зовъ: *„Пора назадъ къ Канту“*.

Намъ, *„ортодоксальнымъ“* марксистамъ, откровенно говоря, надоѣло скучное и монотонное приставанье такъ называемыхъ *критиковъ*. И надоѣло не потому, что марксизмъ боится критики. Наоборотъ, умная, дѣльная и серьезная критика приноситъ подъ часъ больше пользы данной теоріи, нежели посредственная защита ея. Но наши критики не отличились ни дѣльностью, ни даже серьезностью отношенія къ занимающему ихъ вопросу. Повторяя на разные лады допотопныя мысли, они фактически даже не сумѣли поставить ни одного живаго, захватывающаго вопроса.

Споръ противъ какого нибудь изъ этихъ критиковъ долженъ быть волей не волей направленъ исключительно противъ тѣхъ мыслителей, чьи мысли данный критикъ повторяетъ. Критикъ, съ которымъ мы въ данномъ случаѣ будемъ имѣть дѣло, повторяетъ основные принципы или, точнѣе, основныя противорѣчія критической философіи въ ихъ чистомъ и не тропутомъ видѣ. Пусть поэтому не удивляется читатель, если намъ въ этой статьѣ придется дѣлать значительныя отступленія отъ самой книги и заняться критикой тѣхъ положеній Канта, которыя легли въ ея основу. Но раньше, нежели перейти къ вопросу по существу, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ странныхъ пріемовъ нашихъ критиковъ-гносеологовъ, которыми пользуется и г. Бердяевъ.

II.

Гносеологическіе критики марксизма, повторяющіе на разные лады, что марксизму не достаетъ теоретико-познавательнаго базиса, страннымъ и даже непонятнымъ образомъ смѣшиваютъ теорію познанія критицизма съ теоріей познанія вообще.

Всякій, кто хоть мало-мальски знакомъ съ исторіей философіи, знаетъ очень хорошо, что элементы теоріи познанія встрѣчаются на самыхъ первыхъ ступеняхъ возникновенія философской мысли.

Уже тѣмъ, что Ѳалесъ все разнообразіе видимыхъ предметовъ свелъ на одну матеріальную субстанцію, былъ поставленъ вопросъ о нашемъ познаніи, который по своему логическому существу содержитъ въ себѣ предположеніе различія между объектомъ въ себѣ и объектомъ для насъ. Подобнымъ различіемъ были намѣчены существенные вопросы теоріи познанія: объ отношеніи единства къ множеству, субстанціи къ развитію, видимаго къ невидимому и разума къ ощущенію.

И съ того момента, какъ отцу философіи пришла мысль сдѣлать различіе между видимымъ и невидимымъ, субстанціальнымъ и мѣняющимся, съ тѣхъ поръ вся философія до нашихъ дней фактически занималась и занимается главнымъ образомъ вопросами о человѣческомъ познаніи.

Если же понимать гносеологію въ ея болѣе узкомъ и спеціальномъ смыслѣ, въ смыслѣ *сознательнаго* опредѣленія границъ нашего познанія, то и въ этомъ случаѣ инициатива принадлежитъ *не* Канту. Вполнѣ ясно была поставлена эта проблема Локкомъ, впослѣдствіи развита Юмомъ, не говоря уже о французскихъ матеріалистахъ 18-го столѣтія, ставившихъ опредѣленно границы познанія. Какія бы формы ни принималъ матеріализмъ у своихъ отдѣльныхъ представителей, онъ всегда содержалъ элементы теоретико-познавательнаго характера въ позитивномъ смыслѣ, такъ какъ матеріализмъ по своему внутреннему содержанію стремился къ естественному, научному объясненію окружающихъ явленій и согласно такому стремленію всегда ограничивался міромъ, воспринимаемымъ внѣшними чувствами. Его основой былъ, слѣдовательно, *опытъ* или, мы бы сказали, міръ феноменовъ, если бы этотъ терминъ не былъ испорченъ кантіанской философіей, по смыслу которой феноменъ есть исключительно субъективный процессъ. Марксистская теорія выходитъ изъ основъ матеріализма и къ тому не изъ матеріализма *метафизическаго*, а изъ матеріализма *діалектическаго*. Матеріализмъ же діалектическій тѣмъ и отличается отъ матеріализма спекулятивнаго, что онъ не признаетъ ни законченной метафизической системы, ни застывшихъ метафизическихъ субстанцій.

Этотъ родъ матеріализма имѣетъ, такимъ образомъ, по существу своему гносеологическій характеръ. Отсюда слѣдуетъ, что критики ортодоксальнаго марксизма не имѣютъ никакого логическаго права упрекать марксизмъ въ отсутствіи у него критически-философскаго базиса. Если же марксистская философія имъ кажется почему либо неудовлетворительной, то имъ слѣдовало бы раньше всего серьезно и добросовѣстно разобрать вопросъ по существу, а не утверждать голословно съ видомъ философскаго глубокомыслія, что марксизмъ — метафизика.

Но наши критики вообще устроились весьма удобно. Они не только безъ всякой критической мысли отнеслись къ философіи діалектическаго матеріализма, но даже не дали себѣ труда хорошенько уяснить себѣ ту систему, къ которой они такъ торопливо мчатся „назадъ“. Критики-кантіанцы, конечно, знаютъ, что изъ міросозерцанія Канта вышли *съ одинаковымъ правомъ* различныя и діаметрально противоположныя системы. Отсюда ясно, что прежде всего надобно опредѣлить, *къ какому Канту* слѣдуетъ возвращаться; къ Канту-матеріалистическому реалисту, или къ Канту-субъективному идеалисту, или къ противорѣчивому Канту. Такое опредѣленіе тѣмъ болѣе необходимо, что въ области философіи среди неокантіанцевъ происходитъ въ буквальномъ смыслѣ вавилонское столпотвореніе: нѣтъ рѣшительно двухъ *критицистовъ*, говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ.

Сами кантіанцы безпрестанно возятся съ противорѣчіями ихъ учителя. Почти каждый изъ нихъ выбрасываетъ, часто весьма произвольно, тотъ

или иной *существенный элементъ*, увѣряя при этомъ, что основная точка зрѣнія сохранила свою цѣльность и послѣ совершенной операціи.

Но какъ ни велика смута, господствующая среди философскихъ послѣдователей критицизма, имъ нельзя отказать ни въ философскихъ пріемахъ мысли, ни въ стремленіи обосновать свое міросозерцаніе.

Иначе проявляютъ свою смуту кантіанцы-*марксисты*. Сочиняетъ, напримѣръ, такой критикъ статью на разныя, съ теоріей познанія ничего общаго не имѣющія, темы, напишетъ слово „гносеологія", поставитъ крестъ и въ выноскѣ велитъ смотрѣть „Логику" Зигварта, „Исторію философіи" Виндельбанда, „Философскій критицизмъ" Риля и т. д. Показавъ такимъ образомъ, что источникъ его „критическихъ" и *оригинальныхъ* взглядовъ находится въ чужомъ сочиненіи, критикъ преспокойно разсуждаетъ дальше на „разныя темы", пока не напишетъ: *„Категорія должнаго"*, — тутъ опять — крестъ, опять — выноска и совѣтъ читать Зиммеля, Штамлера, Зомбарта и т. п. Нельзя сказать, чтобы подобные пріемы обнаруживали большую *самостоятельность* мысли, — качество обязательное для *критика*, ибо *не критикующій критикъ* есть явленіе противорѣчивое.

Перейдемъ къ книгѣ или, точнѣе, къ философіи г. Бердяева.

III.

Вся гносеологія г. Бердяева изложена на трехъ страницахъ. Мы, съ позволенія читателя и для его же удобства, приведемъ ихъ цѣликомъ: „Прежде, чѣмъ говорить о субъективизмѣ, о субъективномъ методѣ и объ особенностяхъ соціологическаго познанія, необходимо отвѣтить на вопросъ, что такое объективизмъ въ познаніи. Понятіе объективности впервые получаетъ глубокій смыслъ въ философіи Канта. Только трансцендентальная философія обосновываетъ познавательный объективизмъ. Объективное — для нея значитъ общеобязательное, имѣющее всеобщую примѣнимость (Allgemeingiltigkeit). Это понятіе находится въ центрѣ кантіанской философіи и отвѣчаетъ на вопросъ о цѣнности, а не о происхожденіи нашего познанія. Величайшая историческая заслуга Канта сводится къ тому, что онъ открылъ незыблемыя основы общеобязательнаго, т. е. объективно-цѣннаго въ трансцендентальной апперцепціи*). Мы *категорически утверждаемъ* (пріемъ не совсѣмъ критическій), что если признать вмѣстѣ съ эмпириками лишь существованіе одного психологическаго сознанія, черпающаго все свое содержаніе изъ опыта, то рушится все общеобязательное въ познаніи, слѣдовательно, все объективное, и мы приходимъ къ скептическому субъективизму. Только непослѣдовательность и трусость мысли заставляетъ эмпириковъ отворачиваться отъ этого непріятнаго, но неизбѣжнаго вывода.

„Что же такое это трансцендентальное, общечеловѣческое сознаніе и чѣмъ оно отличается отъ обыкновеннаго психологическаго сознанія? Всякій актъ познанія предполагаетъ познающаго субъекта; въ познающемъ субъ-

---

*) См. Windelband, „Die Geschichte der neueren Philosophie", II. Bd. S. 59. См. A. Riehl, „Der philosophische Kritizismus", I. Bd. II. Abschnitt, 3. Kapitel, а также II. Bd. Einleitung. См. Kant, „Kritik der reinen Vernunft", herausgegeben von K. Kehrbach, стр. 131. Мы примыкаемъ къ тому толкованію Канта, которое предложено Германомъ Когеномъ и Алоизомъ Рилемъ. Слѣдуетъ особенно подчеркивать, что Кантовскій вопросъ какъ въ теоріи познанія, такъ и въ этикѣ — это вопросъ не о генезисѣ познанія и нравственности, а объ ихъ объективной цѣнности. „Основной интересъ Канта былъ направленъ на преодолѣніе гносеологическаго и этическаго скептицизма."

ектѣ мы открываемъ элементы, обязательные для всѣхъ познающихъ; они составляютъ *логическія* условія познанія, необходимыя его предпосылки. Все наше познаніе — опытное, но познавательный опытъ возможенъ только потому, что ему логически предшествуютъ такія необходимыя условія, какъ, напримѣръ, законъ тождества, какъ формы пространства и времени, какъ категорія причинности и т. п. Мы не говоримъ, что a priori хронологически предшествуетъ опыту; по времени до опыта въ познающемъ субъектѣ нѣтъ ничего; трансцендентальные познавательные элементы существуютъ только для опыта и безъ него лишены всякаго смысла, они не имѣютъ никакой другой примѣнимости, кромѣ міра, являющагося намъ въ опытѣ. Мы только открываемъ въ каждомъ актѣ познанія опредѣленную логическую послѣдовательность. Мы, напримѣръ, открываемъ, что категорія причинности носитъ общеобязательный характеръ, имѣетъ всеобщую примѣнимость въ познаніи, поэтому мы говоримъ, что она логически предшествуетъ опыту. Опытное происхожденіе этой познавательной категоріи не давало бы никакихъ гарантій для ея всеобщности, мы не имѣли бы никакихъ ручательствъ за то, что будущій опытъ не представитъ намъ безпричинныхъ явленій и вообще какихъ угодно сюрпризовъ. Добросовѣстные эмпирики, какъ Д. С. Милль, приходятъ къ скептическому взгляду на причинность. Поэтому, кромѣ измѣнчиваго и текучаго психологическаго сознанія, мы должны принять еще трансцедентальное, логическое сознаніе, какъ объективную точку опоры. Иначе міръ обратился бы въ какой то ужасный хаосъ, не знающій закономѣрности, а познаніе — въ субъективную игру, не знающую ничего объективнаго. Теорія познанія (гносеологія) именно имѣетъ дѣло съ общечеловѣческимъ, трансцендентальнымъ, а не субъективнымъ, психологическимъ сознаніемъ. Точка зрѣнія развитія, имѣющая полную силу для психологическаго сознанія (объектъ психологіи), не имѣетъ мѣста въ теоріи познанія, которая вѣдаетъ только логическое, изслѣдуетъ не происхожденіе и развитіе познанія (это опять дѣло психологіи), а его составъ и общепримѣнимость, его цѣнность (Giltigkeit). Мы исходимъ изъ предположенія о существованіи нормальнаго познанія. Объективно истинное есть гносеологически нормальное. Замѣчательнѣйшій представитель философскаго критицизма Алоизъ Риль говоритъ, что логическое, какъ и этическое, носитъ соціальный характеръ, оно возникаетъ въ духовномъ общеніи; если бы существовало только одинокое сознаніе, то не существовало бы никакого a priori, не было бы ни логическихъ, ни этическихъ нормъ. Какъ это надо понимать? Эта важная мысль имѣетъ слѣдующее значеніе: основной признакъ логическихъ и этическихъ нормъ это — ихъ объективная цѣнность, ихъ обязательность и примѣнимость ко всякому сознанію, слѣдовательно, онѣ предполагаютъ существованіе нѣсколькихъ сознаній, такъ какъ только въ общеніи съ другими индивидуальное сознаніе приходитъ къ тому, что у него есть всеобщаго, т. е. объективнаго въ единственно возможномъ смыслѣ этого слова. Обычный критерій объективной истинности въ познаніи — соотвѣтствіе съ внѣшними объектами — въ философскомъ отношеніи не достаточенъ, необходимо, чтобы это соотвѣтствіе было одинаково для всякого сознанія, а это возможно только при признаніи трансцендентальныхъ элементовъ сознанія, которые и являются верховнымъ критеріемъ. Въ этомъ смыслѣ истина дѣйствительно соціальна.“ *)

Очень легко замѣтить, какъ во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, представляющихъ гносеологическую основу книги, авторъ въ различныхъ выра-

*) Стр. 20—23. „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи.“

женіяхъ твердитъ буквально одно и тоже. Вмѣсто требуемаго въ данномъ случаѣ существеннаго опредѣленія *источника* различія между субъективнымъ и объективнымъ, г. Бердяевъ чисто внѣшнимъ образомъ повторяетъ, что индивидуальное есть субъективное, а общеобязательное объективное; что первое сводится къ психологическому, второе къ логическому сознанію, иначе говоря, что субъективное есть субъективное, а объективное, какъ разъ напротивъ, — объективное.

Терминологія, заимствованная изъ системы Канта: „эмпирическая и трансцендентальная апперцепція" и проч., придаетъ повторяющейся тавтологіи глубокомысленный видъ, но сущности поставленнаго вопроса нисколько не объясняетъ.

Но если г. Бердяевъ не сумѣлъ сказать ничего положительнаго, то тѣмъ не менѣе успѣлъ обнаружить всю несостоятельность и противорѣчивость своей точки зрѣнія.

Какъ и подобаетъ истинному *критицисту*, г. Бердяевъ начинаетъ гносеологію *догмой*: „Все наше познаніе — опытное; но познавательный опытъ возможенъ только потому, что ему логически предшествуютъ такія необходимыя условія, какъ напримѣръ, законъ тождества, какъ формы пространства и времени, какъ категорія причинности и т. д. Мы не говоримъ, что a priori хронологически предшествуетъ опыту; но времени до опыта въ познающемъ субъектѣ нѣтъ ничего".

И такъ, существуетъ передъ познавательнымъ опытомъ опытъ непознавательный и совершенно пустой субъектъ, познавательныя функціи котораго объективируютъ безформенное содержаніе непознавательнаго опыта, давая ему закономѣрный порядокъ. Но откуда же берется содержаніе опыта и что оно такое? На этотъ вопросъ г. Бердяевъ отвѣчаетъ, какъ мы видѣли, въ примѣчаніи, что онъ раздѣляетъ толкованіе Канта, предложенное Германомъ Когеномъ и Алоизомъ Рилемъ, т. е. что кантовскій вопросъ, какъ въ теоріи познанія такъ и въ этикѣ — это вопросъ не о генезисѣ познанія и нравственности, а объ ихъ объективной цѣнности. Но если г. Бердяевъ, слѣдуя этому толкованію, абстрагируетъ отъ содержанія опыта, то, спрашивается, на какомъ основаніи онъ тутъ же заявляетъ, да еще такъ категорически, что безъ трансцендентальнаго сознанія „міръ обратился бы въ какой то ужасный хаосъ, не знающій закономѣрности, а познаніе въ субъективную игру, не знающую объективнаго".

Г. Бердяевъ, какъ оказывается, тотчасъ измѣнилъ своему гносеологическому обѣщанію абстрагировать отъ содержанія опыта, какъ ему фактически измѣняютъ его учителя, Германъ Когенъ и Алоизъ Риль. Содержаніемъ опыта является у него вполнѣ опредѣляемый критицистами хаосъ внѣшняго міра, получающій закономѣрность отъ познавательныхъ формъ субъекта. Откуда же критицистамъ извѣстно, что матерія опыта лишена всякой закономѣрности? Почему бы не предположить существованіе причинной связи въ допускаемомъ критицистами внѣшнемъ мірѣ, а хаосъ въ головахъ . . . хоть бы нѣкоторыхъ критицистовъ, являющихся относительно познающаго субъекта объектами, принадлежащими къ тому же внѣшнему міру, гдѣ господствуетъ такой „ужасный хаосъ".

Критицисты всегда забываютъ, что познающій *субъектъ* есть въ тоже время и *объектъ*. Обладая закономѣрностью въ первомъ случаѣ, онъ по ученію критической философіи, теряетъ ее во второмъ. И это противорѣчіе никогда не покидаетъ критицистовъ.

Желая доказать *абсолютную зависимость міроваго порядка отъ апріористическихъ формъ субъекта, они вынуждены опредѣлять содержаніе опыта какъ безформенную матерію, являющуюся результатомъ дѣйствія внѣшнихъ объектовъ;* съ другой стороны апріористическія формы, *категоріи*

субстанціальности и причинности окончательно исключаютъ какъ существованіе объекта, такъ и его дѣйствіе на субъектъ. Выходитъ, что опредѣленіе субъективныхъ формъ опыта обусловливается опредѣленіемъ содержанія его; опредѣленіе же содержанія опыта исключается найденными апріорными формами, при нахожденіи которыхъ молчаливо предполагается содержаніе опыта извѣстнымъ.

Основные принципы критицизма имѣютъ поэтому слѣдующій видъ: *трансцендентальный идеализмъ не касается генезиса опыта; оставляя опредѣленіе матеріи опыта въ сторонѣ, онъ имѣетъ дѣло только съ субъективными формами его; субъективныя же формы даютъ матеріи опыта закономѣрность, такъ какъ она представляетъ собою „ужасный хаосъ“.* Это вопіющее трехэтажное противорѣчіе, дѣлающее окончательно невозможной всю точку зрѣнія, есть не что иное, какъ повтореніе въ другой формѣ кореннаго противорѣчія, господствующаго въ *„Критикѣ чистаго разума“:* противорѣчія между вещью въ себѣ, какъ дѣйствующимъ реальнымъ объектомъ, и апріорными формами, исключающими ея существованіе и дѣйствіе. Это противорѣчіе, проходящее черезъ всю систему Канта, принимаетъ особенно рѣзкую форму въ самой трудной и темной части „Критики чистаго разума“, именно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о трансцендентальной и эмпирической апперцепціи, на основаніи которыхъ г. Бердяевъ такъ легко и такъ просто построилъ всю свою гносеологію.

Еслѣ бы г. Бердяевъ дѣйствительно критически, т. е. съ пониманіемъ послѣдовалъ за глубокимъ, но мучительно противорѣчивымъ ходомъ мысли Канта, онъ не могъ бы съ такой наивной простотой поставить рядомъ два, другъ друга обусловливающія и въ тоже время другъ друга исключающія, понятія. Правда, что эмпирическая и трансцендентальная апперцепціи встрѣчаются рядомъ и у самаго Канта. Но стоитъ хоть сколько нибудь серьезно отнестись къ основной мысли „Дедукціи чистыхъ разсудочныхъ понятій“, чтобы увидѣть, какъ философъ, смутно сознавая безъисходную противорѣчивость этихъ понятій, всячески старается скрыть это противорѣчіе отъ самаго себя.

Здѣсь не мѣсто входить во всѣ подробности системы, которыя связаны съ эмпирической и трансцендентальной апперцепціями, но нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ необходимо.

IV.

Начавъ „Критику чистаго разума“ догматическимъ предположеніемъ существованія объекта и субъекта, Кантъ, согласно поставленной имъ задачѣ, концентрируетъ всю силу анализа на открытіи и опредѣленіи субъективныхъ формъ, оставляя объектъ въ сторонѣ. Найденныя априористическія формы, составляющія источникъ единства, устойчивости и закономѣрности, должны неизбѣжно вести къ субъективному идеализму. Но Кантъ не хотѣлъ быть субъективнымъ идеалистомъ.*)

Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ англійскаго эмпиризма, поборовшаго схоластику, и самъ слѣдуя духу новаго времени, Кантъ крѣпко держится за матеріальный внѣшній міръ, воспринимаемый нашими чувствами, какъ за источникъ опыта, закрывая глаза на то обстоятельство, что его ученіе объ апріорныхъ формахъ окончательно дѣлаетъ невозмож-

*) Куно Фишеръ совершенно правъ, доказывая, что самымъ логическимъ продолженіемъ философіи Канта является субъективный идеализмъ Фихте, но совершенно не правъ, когда считаетъ систему Канта послѣдовательнымъ идеализмомъ и Канта сознательнымъ субъективнымъ идеалистомъ.

нымъ существованіе этого внѣшняго міра. Не обращая вниманія на это коренное противорѣчіе, Кантъ остается при твердомъ убѣжденіи, что существуетъ внѣшній объектъ, *какъ реальная причина ощущенія*. Но такъ какъ закономѣрность и единство присущи *только* субъекту, то матерія опыта представляется разрозненной и безформенной, т. е. *хаосомъ*, изъ котораго субъектъ, какъ источникъ закономѣрности, творитъ міръ по своему образу и подобію.

Какъ же творитъ субъектъ свои представленія? Въ какихъ его свойствахъ лежитъ источникъ *идентичности* воспринятыхъ и воспроизведенныхъ элементовъ, безъ которой міръ долженъ казаться хаосомъ? На этотъ вопросъ Кантъ прежде всего отвѣчаетъ, что такимъ источникомъ не можетъ быть эмпирическое сознаніе, само измѣнчивое и зависимое отъ воспріятія: „Сознаніе, — читаемъ мы въ *„Критикѣ чистаго разума"*, — по опредѣленію нашего состоянія при внутреннемъ воспріятіи чисто эмпирическое, всегда измѣнчивое, въ этомъ потокѣ внутреннихъ явленій, не даетъ *устойчиваго и постояннаго и обыкновенно называется внутреннимъ чувствомъ или эмпирической апперцепціей*. То, что необходимо, должно быть представляемо, какъ *нѣчто количественно тождественное, и, какъ такое, не можетъ быть мыслимо въ эмпирическихъ данныхъ*. Должно быть такое условіе, которое *предшествуетъ* всякому опыту и дѣлаетъ этотъ опытъ возможнымъ, а опытъ долженъ осуществить это трансцендентальное требованіе."*) Источникомъ единства въ явленіи и идентичности самаго явленія можетъ быть только неизмѣнное, всегда само себѣ равное *идентичное* сознаніе: „Въ насъ, продолжаетъ Кантъ, не можетъ быть никакихъ познаній, *никакого соединенія и единства* ихъ, безъ этого единства сознанія, которое предшествуетъ всѣмъ даннымъ созерцанія. Только въ отношеніяхъ къ нему и *возможно всякое представленіе о предметахъ*. Это чистое, первоначальное, неизмѣнное сознаніе я хочу назвать трансцендентальной апперцепціей."**) Или: „устойчивое и постоянное Я чистой апперцепціи *создаетъ коррелятъ* всѣхъ нашихъ представленій поскольку только ихъ возможно сознавать".***) И такъ, эмпирическая апперцепція должна предшествовать трансцендентальной, такъ какъ эта послѣдняя должна объединить ея хаотическое, измѣнчивое содержаніе; а съ другой стороны трансцендентальная апперцепція должна предшествовать эмпирической, потому что она является *„коррелятомъ" объекта, составляющаго причину хаотическаго измѣнчиваго содержанія ощущенія*. Короче, опытъ предшествуетъ трансцендентальной апперцепціи, а трансцендентальная апперцепція опыту въ одно и тоже время.

Ясно, что тутъ земля на китѣ, китъ на водѣ, а вода на землѣ. Дѣло въ томъ, что разъ исключительно субъекту принадлежитъ *единство и закономѣрность*, которыя, по собственному опредѣленію Канта, составляютъ *коррелятъ объекта*, то ясно, что субъектъ самъ творитъ объекты опыта.

Трансцендентальная апперцепція такимъ образомъ ничѣмъ не отличается отъ интеллектуальнаго созерцанія Фихте, которое актомъ самоограниченія создаетъ объекты, составляющіе содержаніе опыта.

Кантъ смутно сознавалъ, что трансцендентальная апперцепція ведетъ къ нежелательному ему субъективному идеализму. Философъ стремился впередъ, а не назадъ, и потому превосходно понималъ невозможность научнаго опыта съ точки зрѣнія идеализма. Поэтому то мы и встрѣчаемъ во всѣхъ произведеніяхъ Канта рядомъ съ идеалистическимъ ходомъ,

---

*) Стр. 614 русск. переводъ Н. М. Соколова, курсивъ вездѣ нашъ.
**) Тамъ же.
***) Тамъ же 624.

мысли ясно выраженную реалистическую точку зрѣнія, противорѣчащую трансцендентальной апперцепціи и опрокидывающую ее верхъ дномъ. Приведемъ для примѣра хоть слѣдующее мѣсто изъ „Критики чистаго разума", которое Кантъ насильственно всовываетъ между разсужденіями о трансцендентальной апперцепціи. „Долженъ существовать *объективный базисъ*, т. е. такой базисъ, который предшествуетъ всѣмъ эмпирическимъ законамъ и апріорнымъ свойствамъ воображенія, благодаря которому является возможность или даже необходимость узнать въ извѣстномъ рядѣ явленій закономѣрность. Только такая *объективная основа*, заключающаяся въ томъ, что явленія *связаны въ себѣ*, дѣлаетъ возможнымъ разсматривать данный рядъ явленій, какъ чувственныя данныя, и подвергать ихъ всеобщей связи въ репродукціи, вслѣдствіе чего и составляются всеобщія правила закономѣрности. Этотъ объективный базисъ всякой ассоціаціи въ данномъ рядѣ явленій я называю *ихъ сродствомъ* (Affinität)." *)

Здѣсь ясно сказано, что въ данныхъ опыту явленіяхъ существуетъ объективная связь, независимая отъ познавательныхъ формъ субъекта. Такое положеніе не мѣшаетъ тѣмъ не менѣе Канту черезъ страницу сказать: порядокъ и правильность, слѣдовательно, въ явленіяхъ, которыя мы называемъ природою, *внесены туда* именно нами; и мы не могли бы ихъ тамъ найти, если бы мы или природа *нашей души первоначально ихъ туда* не вложила.**) Но какъ бы ни были поразительны противорѣчія у самаго Канта, они легко объясняются совокупностью всѣхъ условій его времени. Историки, раздѣляющіе ходъ Кантовскаго мышленія на строго различные періоды, совершаютъ большую натяжку.

Фактически Кантъ въ продолженіе всей своей жизни оставался подъ равносильнымъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ теченій мысли, подъ вліяніемъ теологической метафизики Лейбница съ одной стороны и англійскаго эмпиризма съ другой.

Стремленіе соединить эти двѣ противоположныя, другъ друга исключающія точки зрѣнія, — за которое Канта такъ хвалятъ составители учебниковъ и бездарные профессора философіи, явилось главной причиной кантовскаго дуализма и неисчерпаемымъ источникомъ непримиримыхъ противорѣчій, наполняющихъ критицизмъ.

V.

Вернемся къ нашему критицисту.

Мы видѣли, что г. Бердяевъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, принялъ за основу своихъ философскихъ предпосылокъ эмпирическую и трансценден-

---

*) Kr. d. r. V., S. 131—132. Kehrbach. Цитируемъ это мѣсто изъ текста т. к. оно въ русск. переводѣ г. Н. М. Соколова не совсѣмъ ясно выражено.

По поводу этого мѣста „Критики" Карлъ Штумперъ говоритъ: „In der ‚transcendentalen Deduktion' ist unter den vielen technischen Ausdrücken und Begriffen keiner merkwürdiger als der der ‚Affinität' oder ‚Associabilität der Erscheinungen, wodurch die blos zufällige Verbindung von Vorstellungen sich unterscheidet von denjenigen, die wir als ein Naturgesetz ansprechen. Die Erscheinungen, sagt Kant ausdrücklich, müssen an sich associabel sein. Freilich — ich möchte sagen: leider fügt er sofort hinzu: „Diesen objectiven Grund aller Association der Erscheinungen können wir nirgends anders als in dem Grundsatz von der Einheit der Apperception in Ansehung aller Erkenntnisse, die wir angehören sollen, antreffen." „Psychologie und Erkenntnisstheorie", S. 15. Aus den Abhandlungen der k. bayer. Akademie der Wissenschaften, I Cl, XIX. Bd., II. Abth.

**) Кр. ч. раз., стр. 625, пер. Н. М. Соколова.

тальную апперцепцію, нисколько не справляясь ни о внутреннемъ содержаніи этихъ понятій, ни о возможности ихъ совмѣстнаго существованія.

Для нашего критика проблема гносеологіи разрѣшается удивительно просто. Такъ, онъ говоритъ: „Обычный критерій объективной истинности въ познаніи — соотвѣтствіе съ внѣшними объектами — въ философскомъ отношеніи недостаточенъ, необходимо, чтобы это соотвѣтствіе было одинаково для всякаго сознанія, а это возможно только при признаніи трансцендентальныхъ элементовъ сознанія, которые являются верховнымъ критеріемъ“.*) Допустимъ. Но откуда же берутся у г. Бердяева ни съ того ни съ сего готовые объекты и соотвѣтствіе между объектами и представленіями? Г. Бердяевъ утверждаетъ во первыхъ, что внѣшній міръ дается опыту, какъ „ужасный хаосъ“; во вторыхъ, что существуетъ соотвѣтствіе между данными внѣшняго міра и представленіемъ; въ третьихъ, что „высшій критерій истинности, общеобязательное сознаніе, *только* подтверждаетъ это соотвѣтствіе“.

Выводъ изъ всѣхъ этихъ гносеологическихъ предпосылокъ таковъ: міръ, данный въ видѣ ужаснаго хаоса, остается таковымъ несмотря ни на то, что онъ соотвѣтствуетъ представленію, ни на то, что „высшій критерій общеобязательнаго сознанія *только подтверждаетъ* это его соотвѣтствіе.

Читатель видитъ, что „ужасному хаосу“ г. Бердяева нѣтъ конца.

Счастье нашего критициста, какъ и многихъ другихъ, состоитъ въ томъ, что онъ совсѣмъ несерьезно относится къ своимъ гносеологическимъ предпосылкамъ. Такъ, онъ, нисколько не стѣсняясь, вводитъ, какъ мы видѣли, готовый объектъ и соотвѣтствіе представленія съ объектомъ.

Но такъ поступать не полагается. Во первыхъ, критицистъ совсѣмъ абстрагируетъ отъ матеріи опыта, и если онъ, во вторыхъ, опредѣляетъ матерію опыта какъ безсвязный хаосъ, то онъ не имѣетъ права, въ третьихъ, начинать гносеологію введеніемъ *готовыхъ объектовъ*, которые, какъ таковые, *уже выражаютъ* закономѣрность. Г. Бердяевъ, очевидно, даже и не подозрѣваетъ, что вопросъ объ источникѣ закономѣрности есть въ то же время вопросъ объ объектахъ опыта. Если намъ даны *объекты*, то міръ не хаосъ, а, наоборотъ, обладаетъ закономѣрной связью, независимо отъ нашего сознанія. Въ этомъ случаѣ падаетъ окончательно весь кантовскій формализмъ, вносящій порядокъ въ хаотическую матерію опыта; другими словами, тогда уничтожается вся сущность трансцендентальной апперцепціи. Если же, наоборотъ, закономѣрность принадлежитъ исключительно апперцепціи, то объектъ не данъ субъекту, а есть, наоборотъ, созданіе послѣдняго. Въ этомъ смыслѣ Кантъ и говоритъ, что *мы получаемъ изъ опыта обратно то, что туда вложили.* Это тотъ выводъ, къ которому всегда приходилъ философъ, если только внезапнымъ введеніемъ объекта не нарушалъ логическаго хода своего мышленія.

Какъ ни вертись, съ какой стороны ни подходи къ вопросу, — *логическій выводъ изъ трансцендентальной апперцепціи есть субъективный идеализмъ.*

Если же стать на точку зрѣнія субъективнаго идеализма, то не только не можетъ быть рѣчи о различіи между субъективнымъ и объективнымъ, индивидуальнымъ и общеобязательнымъ, но рѣшительно невозможно признать существованіе другихъ людей. *Солипсизмъ является неотвратимымъ слѣдствіемъ этого воззрѣнія.*

Если мы признаемъ *все*, противостоящее отдѣльному субъекту, за нѣчто хаотическое, то мы не имѣемъ ни малѣйшаго логическаго права вы-

*) Стр. 23.

дѣлять изъ этого хаотическаго цѣлаго *людей* и награждать ихъ вѣчными, закономѣрными формами времени, пространства, причинности и т. д.

Странное движеніе мысли проявилось въ кантовскомъ апріоризмѣ. Кантова вещь въ себѣ, изъ ученія о которой вытекаетъ полная невозможность познанія внѣшняго міра, а слѣдовательно, и безъисходный *скептицизмъ*, заставляетъ Канта искать критерія достовѣрности нашего познанія въ познавательныхъ формахъ субъекта. Но съ другой стороны эти субъективныя формы только въ томъ случаѣ пріобрѣтаютъ объективную цѣнность, когда они присущи всѣмъ людямъ. А такъ какъ люди относительно познающаго субъекта принадлежатъ къ тому же внѣшнему, непознаваемому міру, то объ нихъ невозможно, слѣдовательно, утверждать, что имъ присущи формы созерцанія: время и пространство, и формы разсудка: категоріи Кромѣ того, существованіе людей также сомнительно, какъ и существованіе всѣхъ другихъ объектовъ.

Субъективный объективизмъ Канта *приводитъ, такимъ образомъ, обратно, къ индивидуальному субъективизму, а послѣдній къ солипсизму.* Критическая философія, отрывающая съ самаго начала познающій субъектъ отъ познаваемаго объекта, лишается вслѣдъ затѣмъ всякой возможности снова связать ихъ.

Субъектъ, начавшій съ самаго себя, послѣ всѣхъ трудныхъ спекуляцій возвращается къ себѣ же. Критицистъ, продумавшій свою систему, можетъ повторить слова Фауста:

„Da steh ich nun, ich armer Thor!
Und bin so klug als wie zuvor."

Эту же самую мысль и это же настроеніе выразилъ Кантъ, когда сказалъ: „Ich musste also das Wissen aufheben, um zum Glauben Platz zu bekommen".

Г. Бердяевъ повторяетъ за Рилемъ, что если бы существовало только одинокое сознаніе, то не существовало бы никакого a priori. И это вѣрно. Но развѣ возникшее соціальнымъ путемъ общеобязательное сознаніе есть трансцендентальная апперцепція? Мысль Риля о томъ, что идея общеобязательнаго сознанія могла возникнуть только въ человѣческомъ обществѣ, даетъ этой идеѣ эмпирически — эволюціонное объясненіе.

Эта мысль, слѣдовательно, не только не объясняетъ апріоризма Канта, а, какъ разъ наоборотъ, окончательно опровергаетъ его, показывая, какъ Кантъ принялъ за вѣчныя, лежащія внѣ опыта, такія формы познанія, которыя фактически явились результатомъ развитія человѣческаго общества. Стремленіе Риля дать кантовскому неподвижному апріоризму соціально-эволюціонную подкладку заставляетъ этого серьезнаго и умнаго критициста впадать въ одну непослѣдовательность за другою. И это потому, что трудно придумать болѣе поразительное противорѣчіе, какъ кантовскій апріоризмъ, ведущій свою родословную отъ застывшихъ платоновскихъ идей, и его возникновеніе въ соціальномъ аггрегатѣ. Что трансцендентальное сознаніе дѣйствительно противорѣчитъ соціальному происхожденію его, знаетъ тотъ же г. Бердяевъ, который, девятью страницами ниже отъ того мѣста, гдѣ имъ приводится мысль Риля, говоритъ слѣдующее: „Если даже погибнетъ человѣчество, погибнетъ наша солнечная система, народятся новые міры, безконечно отличные отъ нашего, возникнутъ формы жизни и сознаніе, не имѣющія почти (какъ вамъ читатель нравится это „почти"?) ничего общаго съ нашими, логическій законъ тождества останется въ прежней силѣ, трансцендентальное сознаніе не измѣнится ни на одну іоту; его элементы *одинаково вѣчны* (значитъ не возникли въ обществѣ!) какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ; они одинаково обязательны для всякаго сознанія въ мірѣ, когда бы и гдѣ бы это сознаніе

ни явилось. Трансцендентальное сознаніе создаетъ міръ*). Отмѣтимъ въ этой цитатѣ прежде всего то, что г. Бердяевъ договорился таки до субъективнаго идеализма: „трансцендентальное сознаніе создаетъ міръ". Но это, очевидно, сказано такъ себѣ, для проявленія философскаго полета или другими словами для того, чтобы, по выраженію г. Струве, „внести въ марксизмъ идеалистическую струю". Мы имѣемъ полное право такъ думать потому, что тутъ же говорится: элементы трансцендентальнаго сознанія вѣчны для всякаго сознанія *„въ мірѣ, когда бы* и гдѣ бы это сознаніе ни явилось". Вѣдь изъ этихъ словъ выходитъ, что міръ существуетъ не зависимо отъ того трансцендентальнаго сознанія, которое, по признанію нашего критициста, возникаетъ только въ соціальномъ аггрегатѣ. Поразительная послѣдовательность! — то трансцендентальное сознаніе создаетъ міръ, то оно само возникаетъ только въ человѣческомъ обществѣ. Это напоминаетъ сказаніе о томъ, что до сотворенія міра существовалъ хаосъ, огороженный заборомъ.

Г. Бердяевъ можетъ, однако, утѣшаться тамъ, что подобнаго рода нелѣпыя противорѣчія не его исключительное достояніе, а присущи всѣмъ критицистамъ безъ исключенія. Но между г. Бердяевымъ и его учителями Германомъ Когеномъ и Алоизомъ Рилемъ есть и разница. Она состоитъ въ томъ, что у этихъ послѣднихъ, несмотря на противорѣчивость основныхъ принциповъ, мы встрѣчаемъ много весьма умныхъ и тонкихъ мыслей, имѣющихъ общее значеніе, между тѣмъ какъ у г. Бердяева противорѣчивость и несостоятельность философскаго критицизма выступаетъ въ самомъ наивномъ ничѣмъ не прикрытомъ видѣ.

VI.

Оставимъ теперь коренныя принципіальныя противорѣчія въ сторонѣ; станемъ на точку зрѣнія критицизма и допустимъ совмѣстимость существованія внѣшнихъ „объектовъ", составляющихъ матерію опыта, съ трансцендентальной апперцепціей, составляющей его форму. Мы тотчасъ убѣдимся въ полной несостоятельности и невозможности чисто формальнаго критерія истинности въ опытѣ.

Сущность чисто формальнаго критерія, состоящая въ полномъ абстрагированіи отъ матеріи опыта, ведетъ роковымъ образомъ къ своей противоположности, къ отсутствію всякаго критерія. Это потому, что съ точки зрѣнія исключительной общеобязательности субъективныхъ формъ познанія не только не можетъ быть рѣчи о различіи между дѣйствительными и ложными представленіями, но и *рѣшительно необъяснимо, откуда бы могло возникнуть у насъ понятіе о подобнаго рода различіи.*

Трансцендентальная апперцепція и ея разновидности, законъ тождества, категорія причинности и т. д. присущи *въ одинаковой степени всѣмъ представленіямъ безъ исключенія.* Убѣжденіе въ томъ, что земля держится на трехъ китахъ, что Христосъ родился отъ святого духа и разъ навсегда искупилъ всѣ грѣхи человѣчества, что царь помазанникъ божій и т. п. вздоръ являются съ точки зрѣнія чистаго формальнаго критерія такими же неопровержимыми истинами, какъ любой законъ астрономіи.

Энгельсъ, который судя по его критикѣ Дюринга, глубоко понималъ кантовскую философію, замѣчаетъ: „Wenn ich eine Schuhbürste unter die Einheit Säugethiere zusammenfasse, so bekommt sie dadurch noch lange keine Milchdrüsen".**) Это замѣчаніе не только остроумно, но скрываетъ въ себѣ глубокій философскій смыслъ.

---

*) Стр. 33—34, тамъ же. — **) Если я мысленно объединю сапожную щетку съ млекопитающими, то отъ этого у нея не выростутъ молочныя желѣзы.

Энгельсъ хочетъ сказать имъ, что дѣйствительное единство и связь феноменовъ принадлежатъ не исключительно познающему субъекту, а заключаются въ объективныхъ данныхъ дѣйствительнаго внѣшняго міра, доказательствомъ чего служатъ заблужденія, т. е. такія *возможныя и фактически существующія субъективныя комбинаціи, которыя не оправдываются опытомъ.*

Если бы единство и причинная связь явленій обусловливались исключительно субъективными формами, то всѣ явленія должны были бы быть *одинаково реальны.* Съ этой точки зрѣнія рѣшительно невозможно объяснить дѣйствительный прогрессъ человѣческаго познанія. Субъективно-формальный критерій является, поэтому, догмой, уничтожающей въ корнѣ прогрессъ и развитіе человѣческаго духа.

Апріоризмъ Канта, сущность котораго состоитъ въ томъ, что *природа есть объективація нашихъ субъективныхъ формъ познанія*, превращаетъ живую, разнообразную, развивающуюся природу въ застывшее, вѣчно само себѣ равное бытіе древнихъ элейцевъ, которое послужило главнымъ основаніемъ для платоновскихъ идей, возродившихся въ системѣ отца критицизма.

Трансцендентальная апперцепція есть, такимъ образомъ, возобновленная въ другой формѣ старая метафизическая вѣчная истина, стоящая внѣ дѣйствительнаго реальнаго міра.

Стоящая по ту сторону внѣшняго, воспринимаемаго міра эта абсолютная истина образуетъ такъ называемый интеллегибельный міръ. Именно тутъ, въ этомъ пунктѣ, лежитъ главный источникъ непримиримаго антагонизма и дуализма между міромъ живымъ, находящимся въ непрерывномъ движеніи и міромъ умопостижимымъ, — вѣчнымъ, одинаковымъ и мертвымъ. Исходя изъ той точки зрѣнія, что настоящая реальность должна быть неизмѣнна и сама себѣ равна, мыслитель либо объявляетъ міръ чувственныхъ воспріятій простой иллюзіей, либо подвергаетъ его сомнѣнію.

Ясно, что въ обоихъ этихъ случаяхъ познавательный опытъ, требующій критерія истины для различенія истинныхъ представленій отъ ложныхъ, абсолютно невозможенъ. Свойственная критицизму теорія познанія приводитъ, поэтому, къ вульгарной практикѣ, лишенной всякаго научнаго смысла; а вся наука должна съ этой точки зрѣнія уподобится слѣпому, который въ отчаяніи хватается за многочисленные окружающіе его предметы, пока не натолкнется на нужную ему вещь, не имѣя однако надежды узнать ее вторично. Далѣе, полный скептицизмъ по отношенію къ реальности воспринимаемаго, видимаго міра и познаваемости его, признаніе, что истинная реальность лежитъ тамъ, за предѣлами этого міра, приводитъ необходимымъ образомъ къ отрицанію воли къ жизни, — къ аскетическому жизнепониманію; потому что: „Ubi nil vales, ibi nil velis“. Бѣгство отъ міра чувственнаго въ міръ умопостижимый, побѣда надъ аффектами для сліянія съ вѣчнымъ бытіемъ царства ноуменовъ, — таковъ истинный смыслъ и истинный духъ „Критики практическаго разума“, которая явилась естественнымъ неизбѣжнымъ результатомъ критики чистаго разума. Христіанская метафизика съ ея дуалистическимъ характеромъ, съ ея отрицаніемъ земнаго бытія, земного познанія и земного счастья, съ ея главнымъ стремленіемъ изъ человѣческаго тѣла освободить человѣческій духъ, чтобы возвратить его къ первоисточнику, въ міръ интеллигибельный, нашло себѣ новое выраженіе въ философіи Канта.

„Ich musste also das Wissen aufheben, um zum Glauben Platz zu bekommen.“ *)

*) Я долженъ былъ уничтожить знаніе для того, чтобы очистить мѣсто вѣрѣ.

VII.

Какъ мы видѣли выше, кантовскій гносеологическій апріоризмъ, стремившійся къ абсолютной истинѣ, именно вслѣдствіе своего абсолютнаго характера оказался несостоятельнымъ, какъ критерій истины въ познаніи. Та же судьба постигла и *кантовскую этику*.

Категорическій императивъ, тѣсно и неразрывно связанный съ познавательнымъ апріоризмомъ, совпадаетъ съ нимъ въ послѣдней инстанціи, сливаясь во едино въ мірѣ ноуменовъ. Какъ гносеологическій апріоризмъ не въ состояніи служить масштабомъ научнаго опыта, такъ точно и абсолютно нравственный законъ, категорическій императивъ, не можетъ быть критеріемъ въ этикѣ.

Г. Бердяевъ, рекомендуя марксизму всѣ роды апріоризма критической философіи, не счелъ даже нужнымъ задуматься надъ этой главной стороной вопроса. Въ своихъ разсужденіяхъ объ этикѣ нашъ критицистъ повторяетъ безъ всякихъ доказательствъ, что хорошему человѣку необходимъ абсолютный нравственный законъ. Приведемъ главное мѣсто по этому вопросу:

„Объективная нравственность возможна лишь при признаніи апріорнаго характера нравственнаго закона, принудительно отличающаго добро отъ зла; только въ такомъ случаѣ добро пріобрѣтаетъ общеобязательный характеръ. Этически-обязательное — значитъ долженствующее быть. Всѣ попытки вывести эмпирически понятія добра и зла изъ элементовъ неэтическихъ, напримѣръ, изъ постоянно повторяющихся опытовъ удовольствія и страданія — потерпѣли фіаско и также мало удовлетворяютъ, какъ эмпирическая теорія познанія". „Утилитаризмъ, говорится тутъ же въ примѣчаніи, „не станетъ въ настоящее время защищать ни одинъ серьезный мыслитель". „Мы интересуемся теперь не вопросомъ о происхожденіи и развитіи нравственности, а вопросомъ о ея цѣнности. Для насъ нравственность не субъективная иллюзія, какъ это желаютъ доказать эмпирики-эволюціонисты, для насъ она самостоятельное качество, неразложимое ни на какое количество молекулъ неэтическихъ. Формальное различіе между добромъ и зломъ, нравственнымъ и безнравственнымъ предшествуетъ всякому чувственному опыту; категорія справедливости дана a priori нашему трансцендентальному сознанію.*) Не трудно замѣтить, что г. Бердяевъ размазываетъ категорическій императивъ, утверждая при этомъ голословно, что эмпирически-эволюціонная этика никого теперь не удовлетворяетъ и потерпѣла фіаско. Прежде всего мы спрашиваемъ г. Бердяева и другихъ идеалистическихъ „критиковъ"**) марксовой концепціи, *кто* разбилъ эволюціонно-релативную этику, когда и гдѣ она потерпѣла фіаско?

---

*) Стр. 72—73.

**) Современные философскіе писатели вообще и „критики" марксовой концепціи въ *особенности* усвоили себѣ странную привычку голословно утверждать, что философскій матеріализмъ и утилитарный принципъ въ этикѣ окончательно опровергнуты. Это утвержденіе дѣлается съ такимъ строгимъ, важнымъ видомъ, который исключаетъ всякое сомнѣніе на этотъ счетъ. Но стоитъ осмѣлиться и спросить, когда, гдѣ и кѣмъ сдѣлано подобнаго рода опроверженіе, чтобы привести даннаго „критика" въ замѣшательство. Послѣ нѣкоторой неловкой паузы онъ назоветъ, наконецъ, *„Исторію Матеріализма"* Ф. А. Ланге. *„Исторія Матеріализма"* якобы справилась и справилась разъ навсегда съ такими заблужденіями, какъ матеріалистическое объясненіе природы, и со связаннымъ съ этимъ объясненіемъ утилитарнымъ происхожденіемъ нравственности. На самомъ

Правда, что современные, такъ называемые серьезные, мыслители охотно предаются теперь восторгу по поводу „божественности“ человѣческой природы. Но восторгъ и умиленіе не аргументація. Весьма довольные настоящимъ капиталистическимъ строемъ, буржуазные идеологи восхищаются „божественнымъ“ происхожденіемъ человѣка, увѣряя, что homo homini Deus est.

Эти идеалисты вообще гораздо чаще восторгаются и умиляются, чѣмъ матеріалисты, которые обыкновенно обнаруживаютъ непреоборимую антипатію къ трескучимъ фразамъ. Но эти же самые идеалисты, такъ охотно трактующіе объ идеалахъ, считаютъ совершенно невозможнымъ осуществленіе идеаловъ въ дѣйствительной жизни. Когда матеріалисты имъ говорятъ, что идеалы должны осуществляться, то они этому рѣшительно не вѣрятъ, и людей, высказывающихъ подобныя мысли, называютъ *утопистами, фанталерами,* а теперь даже *метафизиками.*

Оказывается, что какъ только вопросъ затрагиваетъ дѣйствительность, то идеалисты и матеріалисты тотчасъ мѣняются мѣстами.

Насъ завело бы очень далеко, если бы мы хоть слегка коснулись матеріальныхъ и весьма грубыхъ причинъ, порождающихъ тотъ высокопарный идеализмъ, который теперь господствуетъ въ буржуазной философской литературѣ.

Замѣчу только мимоходомъ, что проповѣдь морали всегда увеличивалась въ тѣ переходныя критическія эпохи, когда привилегіямъ господствующаго класса грозила серьезная опасность. Идеологи этого класса инстинктивно хватались за „вѣчные нравственные законы“, надѣясь съ ихъ помощью предотвратить страшную для нихъ бурю революціи. Никогда такъ много не говорится о нравственности, какъ въ безнравственное время, и никѣмъ такъ настойчиво не проповѣдуется мораль, какъ представителями того именно класса, который является главнымъ источникомъ всякой безнравственности! Вотъ почему въ послѣдніе годы такъ вошелъ въ моду кантовскій категорическій императивъ.

Категорическій императивъ, это — абстрактная формула, годная для всѣхъ временъ, для всякаго общественнаго строя и для всякаго класса,

---

дѣлѣ ничего подобнаго не произошло. Стоитъ серьезно вникнуть въ смыслъ „*Исторіи Матеріализма*“, чтобы тотчасъ убѣдиться, какъ слаба и безпомощна критика матеріализма въ этомъ произведеніи.

Ланге, вопреки своему намѣренію опровергнуть матеріализмъ, приходитъ неизбѣжнымъ образомъ къ выводу, что единственный методъ для научнаго опыта есть методъ, рекомендуемый матеріалистами.

Доказывая, что всѣ метафизическія системы суть „Begriffsdichtungen“, оказавшіе только косвеннымъ образомъ услуги положительному знанію, Ланге вмѣстѣ съ этимъ и прямо, и косвенно доказываетъ, что всѣми положительными результатами въ наукѣ человѣчество обязано матеріализму и его методу. Что же касается утилитарнаго генезиса въ этикѣ, то Ланге, излагая и критикуя главнымъ образомъ французскихъ матеріалистовъ 18-го столѣтія, обнаружилъ (какъ на это было совершенно справедливо указано Плехановымъ въ его „Beiträge zur Geschichte des Materialismus“) абсолютное непониманіе этихъ мыслителей.

Французскіе матеріалисты никогда не грѣшили проповѣдью грубаго эгоизма, которую имъ навязываютъ филистеры до честнаго Ланге включительно. Французскіе матеріалисты не отрицали ни существованія этическихъ элементовъ, ни ихъ необходимости, а только старались дать этимъ элементамъ научно-конкретное объясненіе. Объясненіе факта только подтверждаетъ его существованіе, а не отрицаетъ его.

въ дѣйствительности не осуждаетъ ни одной формы человѣческаго общежитія.

Съ точки зрѣнія категорическаго императива невозможно, напримѣръ, считать убѣжденіе въ необходимости и вѣчности института частной собственности безнравственнымъ убѣжденіемъ. Защитникъ частной собственности, убѣжденный въ ея необходимости для блага человѣчества и борющійся за ея сохраненіе, такъ же свято исполняетъ свой нравственный долгъ, какъ соціалистъ, борющійся за уничтоженіе этого института.

Поэтому научный соціализмъ, ставшій на конкретную почву классовой борьбы, ничего общаго не можетъ и не долженъ имѣть съ абстрактными формулами, которыя вмѣщая въ себѣ все, что угодно, способны только затемнять конкретныя задачи рабочаго класса.

Но г. Бердяевъ имѣетъ другія претензіи, онъ ухватился за категорическій императивъ потому, что эмпирически-эволюціонная этика, подверженная измѣненіямъ, превращаетъ, по его мнѣнію, нравственность въ иллюзію.

Такое опасеніе потерять свою нравственность является результатомъ путаницы понятій, господствующей въ головѣ нашего автора. Дѣло въ томъ, что г. Бердяевъ самымъ непозволительнымъ образомъ смѣшиваетъ *объективную истину съ вѣчной истиной.**)

По категорическому заявленію г. Бердяева, только вѣчной истинѣ присуща объективность. На какомъ это основаніи? Современная наука разсматриваетъ всѣ міровыя явленія, какъ процессы развитія и закономѣрнаго измѣненія. Соотвѣтственно такому взгляду, наука не признаетъ вѣчныхъ истинъ. Но изъ этого нисколько не слѣдуетъ отрицаніе *объективныхъ законовъ*. Всѣ добытые наукой результаты *должны быть признаны объективными законами поскольку они выведены на основаніи объективныхъ данныхъ т. е. явленій космоса.* И до тѣхъ поръ, пока въ суммѣ явленій, составляющихъ базисъ даннаго закона, не встрѣчаются противорѣчія, нарушающія законъ, онъ для насъ *имѣетъ объективную цѣнность.* Теорія эволюціи говоритъ, что все подверженно измѣненію и потому мѣняются и самыя объективныя истины. Эволюція въ познаніи, слѣдовательно, не только не исключаетъ объективизма, а, наоборотъ, обусловливается имъ. Тоже самое относится къ области морали. Оттого, что съ измѣненіемъ

---

*) Г. Кистяковскій написалъ длинныя, длинныя статьи (см. „Жизнь“ за май и іюнь 1900 г. „Категорія необходимости и справедливости при изслѣдованіи соціальныхъ явленій“), основаніемъ которыхъ послужило смѣшеніе этихъ двухъ понятій. Тамъ доказывается — и весьма *обстоятельно*, — что Марксова теорія, основывающаяся на ученіи объ эволюціи, не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія вѣчной истины, такъ какъ вѣчная истина находится въ противорѣчіи съ принципомъ эволюціи. Удивительное открытіе! Что эволюція противорѣчитъ вѣчной истинѣ, это знаетъ каждый эволюціонистъ, точка отправленія котораго и есть критика вѣчныхъ истинъ. Эволюція потому и есть эволюція, что она не признаетъ вѣчныхъ истинъ. Но когда г. Кистяковскій занимался этой тавтологіей, ему мерещилось другое. Такъ же, какъ г. Бердяевъ, онъ смѣшалъ *вѣчность* истины съ ея *объективностью*, а смѣшавъ эти два понятія, онъ убѣдился, что эволюція исключаетъ всякую объективную истину. Однако, удивительно, почему все это глубокомысліе направляется исключительно противъ марксизма, почему не противъ дарвинизма или противъ всей современной науки, въ основѣ которой лежитъ принципъ: „Nur durch sein Werden wird das Gewordene erkannt“ (Häckel, „Die Naturanschauung von Darwin, Goethe und Lamarck“, S. 61).

объективныхъ условій мѣняется ихъ нравственное отраженіе, нравственность для даннаго времени не есть иллюзія.

Наоборотъ, если что превращаетъ нравственность въ полную иллюзію, такъ это именно вѣчный абстрактный нравственный законъ, подъ который можно подставить какое угодно конкретное содержаніе*), какъ это фактически сплошь и рядомъ дѣлается.

VIII.

Въ своемъ неуточимомъ стремленіи соединять Канта съ Марксомъ г. Бердяевъ неоднократно подчеркиваетъ необходимость обогатить Марксову концепцію извѣстнымъ нравственнымъ правиломъ критической философіи: „Handle so, dass du die Menschheit sowohl in deiner Person als in der Person eines jeden anderen jederzeit zugleich als Zweck, niemals blos als Mittel brauchst".

Эта этическая формула должна, по мнѣнію г. Бердяева, какъ и по мнѣнію многихъ другихъ реформаторовъ марксизма, выражать соціалистическій идеалъ. Допустимъ, что подъ эту формулу можно въ самомъ дѣлѣ подставить соціалистическій идеалъ. Спрашивается, что изъ этого слѣдуетъ, и чѣмъ тутъ обогатится Марксова теорія?

Кромѣ того, эта формула совсѣмъ не обязательно должна служить выраженіемъ соціалистическаго строя.

Фактически это пресловутое нравственное правило уже осуществилось и осуществилось въ строѣ капиталистическомъ.

Развѣ классъ капиталистовъ и представляющее его интересы правительство не относятся къ рабочему классу съ этической и юридической стороны какъ къ самоцѣли?

Попробуйте упрекнуть защитниковъ капиталистическаго строя въ несоблюденіи кантовской заповѣди, и они отвѣтятъ, — и съ полнымъ основаніемъ, что — это нравственное правило свято соблюдается при капиталистическомъ порядкѣ. Теперь нѣтъ рабства и крѣпостничества, скажетъ онъ вамъ: это тогда рабочая масса, составляя собственность привилегированныхъ классовъ, служила для нихъ средствомъ. Въ настоящее время личность свободна и потому сама себѣ цѣль. Между работодателемъ и рабочимъ существуетъ свободный договоръ, въ которомъ восторжествовала „Die Gattungsvernunft".

Работодатель и рабочій, какъ **личности**, *въ одинаковой степени другъ отъ друга зависимы и, какъ* **личности**, *составляютъ другъ для друга цѣль.*

Нравственное повелѣніе считать человѣка цѣлью, а не средствомъ является идеологическимъ выраженіемъ замѣны феодализма наемнымъ рабочимъ трудомъ.

Конечно, если стать на точку зрѣнія Маркса и согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что капиталистъ, пользуясь своимъ экономическимъ положеніемъ, дѣлаетъ человѣка орудіемъ, служащимъ ему такимъ же средствомъ, какъ всякая вещь, то формула Канта, повелѣвающая смотрѣть

---

*) Виндельбандъ, на котораго съ такимъ упоеніемъ ссылаются г. Бердяевъ и всѣ наши русскіе „критики", говоритъ о „категорическомъ императивѣ": „So tief und gross der Kantsche Grundgedanke ist, als das absolute und oberste Prinzip der Moral den kategorischen Imperativ in der Form des Gesetzes der Gesetzmässigkeit aufzustellen, so völlig unmöglich ist es auf der anderen Seite, aus dieser rein formalen Bestimmung irgend eine empirische Maxime abzuleiten oder auch nur sie darunter zu subsumiren." (Курсивъ нашъ. „Geschichte der neueren Philosophie". Leipzig 1880. Bd. II. S. 115.)

на человѣка, какъ на цѣль, не осуществилась, какъ не осуществился (въ этомъ же смыслѣ) девизъ французской революціи: *„Свобода, равенство, братство"*.

Слѣдовательно, чтобы дать кантовской абстрактной формулѣ соціалистическое толкованіе, необходимо подъ нее подставить опредѣленныя экономическія положенія марксовой теоріи, имѣющія въ виду капиталистическій строй.

Такимъ образомъ, надо раньше стать марксистомъ и согласиться съ тѣмъ, что продажа пролетаріемъ своей рабочей силы дѣлаетъ его орудіемъ, чтобы придать этической абстрактной формулѣ Канта конкретный смыслъ научнаго соціализма.

Казалось бы, что можетъ быть невиннѣе такого занятія, какъ отыскиваніе у разныхъ мыслителей положеній, подтверждающихъ соціалистическія стремленія. Съ перваго взгляда можно даже предположить, что все это дѣлается въ силу большой преданности соціалистическому идеалу, ибо существованіе соціалистическихъ идей у такого авторитетнаго философа, какимъ является, напримѣръ, Кантъ, можетъ быть только пріятно всякому преданному соціалисту. Но одно дѣло найти ту или другую идею соціализма у того или другого изъ прежнихъ мыслителей, а иное дѣло — на основаніи этой идеи возвращаться къ этому мыслителю *„назадъ"*.

Но въ томъ то и суть, что не рвеніе и не историческая справедливость гонятъ г. Бердяева, какъ и его единомышленниковъ, къ идеямъ прежнихъ мыслителей. Въ этомъ ихъ неудержимомъ стремленіи *„назадъ"* сказывается буржуазный инстинктъ, старающійся затемнять революціонныя задачи современнаго пролетаріата и заставляющій идеологовъ буржуазіи отыскивать такія расплывчатыя и неопредѣленныя теоріи, которыя, съ одной стороны, имѣли бы соціалистическій видъ, а съ другой, устраняли бы конкретную, революціонную сторону соціализма.

IX.

Признавая себя критицистомъ sur toute la ligne, г. Бердяевъ, однако, замѣчаетъ: „мы цѣликомъ отвергаемъ ученіе Канта объ умопостигаемомъ мірѣ и о трехъ постулатахъ практическаго разума, — это, на нашъ взглядъ, реакціонныя стороны кантіанства".*) Г. Бердяевъ полагаетъ, слѣдовательно, что можно отбросить постулаты, оставляя при этомъ категорическій императивъ. Но это положеніе надо было доказать, а не отдѣлываться, говоря о немъ, краткимъ, *категорическимъ* примѣчаніемъ. Въ дѣйствительности невозможно сохранить смыслъ категорическаго императива, если отбросить постулаты.

Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на выясненіи той тѣсной связи, которая существуетъ не только между категорическимъ императивомъ и постулатами, но также между этими послѣдними, съ одной стороны, и критикой чистаго разума, съ другой. Мы ограничимся ссылкой на авторитетнаго и для г. Бердяева философскаго писателя — Виндельбанда. Вотъ какъ Виндельбандъ формулируетъ связь между категорическимъ императивомъ и постулатами: „Если ты вѣришь въ необходимость и общеобязательность нравственнаго закона, то ты долженъ также вѣрить и въ условія, при которыхъ онъ только и дѣлается возможнымъ. Этими условіями являются свобода и сверхъ-чувственный міръ. Слѣдовательно, ты долженъ вѣрить также въ свободу и въ сверхъ-чувственный міръ, если не хочешь утратить все свое нравственное убѣжденіе. Вотъ почему идеи,

*) Стр. 109, тамъ же.

на которыя *должно распространяться**) дѣйствіе нравственнаго закона, называются у Канта постулатами чистаго практическаго разума." **)

Г. Бердяевъ, вѣроятно, потому не счелъ нужнымъ останавливаться на этомъ пунктѣ, что самъ впослѣдствіи скорымъ шагомъ приближается къ постулатамъ, т. е. къ „реакціоннымъ сторонамъ кантіанства". Онъ говоритъ: „Содержаніе религіи текуче, но по формѣ это есть трансцендентальная функція сознанія, и вѣра въ нравственный міропорядокъ согрѣетъ будущаго человѣка сильнѣе и осмысленнѣе, чѣмъ человѣка прошлаго"***) или: „Платоновская ‚идея' имѣетъ больше правъ на реальность, чѣмъ ‚личность' индивидуалистическаго міровоззрѣнія: сліяніе индивидуальнаго съ всеобщимъ и универсальнымъ и расцвѣтъ индивидуальной жизни на почвѣ этого сліянія — вотъ философскій и этическій результатъ прогрессивной мысли". „Только на этой почвѣ можетъ быть рѣшена проблема *безсмертія*. Шиллеръ говоритъ: „Смерть страшна для тебя? ты хочешь быть вѣчно безсмертнымъ? Въ цѣломъ живи: ты умрешь, цѣлое же будетъ жить". Ср. замѣчательное ученіе Спинозы о томъ, что безсмертіе заслуживается только познавательной любовью къ Богу."†) Приведемъ для характеристики благочестивыхъ стремленій г. Бердяева еще одно мѣсто: „То проникновеніе всеобщихъ логическихъ, этическихъ и эстетическихъ нормъ въ жизнь человѣчества, которымъ сопровождается соціальный прогрессъ, есть, можетъ быть, торжество единаго Міроваго „Я" въ „я" индивидуальномъ".††) „Идея цѣли должна объединить правду-истину и правду справедливость. Только тогда дѣлается понятной *религіозная идея нравственнаго міропорядка, безъ которой жизнь безсмысленна.*"†††) Это настроеніе такъ благочестиво, что легко можетъ удостоиться одобренія святѣйшаго Синода. Во всякомъ случаѣ оно обезпечиваетъ намъ вѣчное блаженство въ лонѣ единаго мірового „Я" и болѣе спокойное отношеніе къ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, существованіе которой, очевидно тоже входитъ въ *„идею нравственнаго міропорядка"*. Больше всего поражаетъ въ книжкѣ г. Бердяева стремленіе соединить съ марксизмомъ всевозможные элементы всевозможныхъ міровоззрѣній, которыя не только не имѣютъ ничего общаго съ марксизмомъ, но прямо противорѣчатъ ему.

Г. Бердяевъ, танцуя съ легкостью балерины по всѣмъ областямъ человѣческой мысли, соединяетъ марксову концепцію съ платоновскимъ „необузданнымъ идеализмомъ",*†) съ христіанско-мистической частью (amor Dei intellectualis) въ ученіи Спинозы, съ спиритуалистическомъ элементомъ въ системѣ Вундта (стр. 171), съ буржуазнымъ индивидуализмомъ Фридриха Нитше (стр. 175) и даже съ декадентскимъ искусствомъ (стр. 170). Однако, во всемъ этомъ эклектизмѣ или, выражаясь словами Энгельса, во всей этой эклектической похлебкѣ для нищихъ кроется несомнѣнное единство, и это единство состоитъ въ неудержимомъ стремленіи отнять у марксизма его живую, революціонную сторону, другими словами его сущность. Наиболѣе рельефно выражается эта тенденція въ разсужденіяхъ г. Бердяева о прогрессѣ. Онъ говоритъ: „Прогрессъ, формально говоря, есть улучшеніе, переходъ отъ худшаго къ лучшему; историческій процессъ есть борьба человѣка съ природой, ростъ человѣческаго могущества. Почему же

---

*) Курсивъ нашъ.

**) Geschichte der neuen Philosophie, Bd. II, S. 122.

***) Стр. 175, тамъ же.

†) Стр. 170—171, тамъ же.

††) Стр. 135.

†††) Стр. 137, тамъ же.

*†) Такъ мѣтко называлъ систему Платона Д. И. Писаревъ.

этотъ ростъ человѣческой силы и сознанія, это возвышеніе человѣка, которое создается развитіемъ производительныхъ силъ общества, есть переходъ отъ худшаго къ лучшему, почему это улучшеніе"?*) На глубокомысленный вопросъ, почему *„улучшеніе" лучше*, марксистъ придерживающійся матеріалистическаго міровоззрѣнія, отвѣчаетъ конкретно, т. е. не выходя за предѣлы исторіи человѣчества.

Развитіе производительныхъ силъ означаетъ все болѣе возрастающую власть человѣка надъ природой и разсматривается нами, людьми, какъ прогрессъ по той причинѣ, что гарантируетъ человѣчеству возможность все болѣе и болѣе полнаго удовлетворенія его потребностей. Чѣмъ болѣе развиты производительныя силы, тѣмъ ближе тотъ моментъ, когда человѣчество освободится отъ библейскаго проклятія: въ потѣ лица своего будешь ѣсть хлѣбъ свой. Понятіе прогресса является результатомъ стремленія людей какъ можно лучше приспособиться къ окружающей ихъ природной средѣ и какъ можно лучше устроить свои общественныя отношенія. Иначе отвѣчаетъ г. Бердяевъ на вопросъ: *почему улучшеніе лучше?*

„Отвѣтъ на этотъ вопросъ, — говоритъ онъ, — предполагаетъ существованіе объективно-этической санкціи, общеобязательной цѣли историческаго процесса, и всякій, отрицающій эту высшую санкцію и высшую цѣль, долженъ отрицать идею прогресса и долженъ довольствоваться жалкими суррогатами, можетъ быть достаточными для обыденной жизни, но оставляющими въ душѣ мыслителя огромную пустоту. Да и каждый человѣкъ, отрицающій абсолютный характеръ добра и нравственную цѣль жизни, долженъ ощущать эту пустоту."

„Потребность въ идеализмѣ вѣчна"**) важно заканчиваетъ г. Бердяевъ.

И такъ, душевную пустоту г. Бердяева можетъ наполнить только абсолютное добро, стоящее внѣ конкретныхъ историческихъ цѣлей. Въ отвѣтъ на такое категорическое, ничего необъясняющее заявленіе мы, въ свою очередь, категорически заявляемъ, что если что нибудь дѣйствительно оставляетъ въ душѣ, — не скажемъ *мыслителя*, а просто *человѣка* — *„огромную пустоту"*, то это высокопарное фразерство на счетъ абсолютнаго добра въ такое время, когда безсердечіе и жестокость эксплуатаціи человѣка человѣкомъ выступаетъ въ такомъ открытомъ видѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ капиталистическомъ строѣ.

Удовлетвореніе земныхъ, реальныхъ потребностей есть „жалкій суррогатъ", могущій удовлетворить, по мнѣнію нашего идеалиста, только немыслящихъ людей!

Конечно, буржуазному идеологу, всосавшему такъ или иначе всѣ результаты духовной культуры, не трудно добраться до царства платоновскихъ идей, въ которомъ его пресыщенная и уставшая фантазія ищетъ новаго источника раздраженія.

Но, должно быть, очень трудно продумать, прочувствовать и охватить во всей реальности не только лишенія всей рабочей массы, но даже одну жизнь одного рабочаго.

Вотъ почему такая цѣль, какъ счастье трудящейся массы, удовлетвореніе всѣхъ ея потребностей, кажется г. Бердяеву жалкимъ суррогатомъ, оставляющимъ въ душѣ мыслителя (должно полагать также и въ его собственной душѣ) лишь „огромную пустоту".

Полагая, что прогрессъ есть „абсолютное благо", г. Бердяевъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Ростъ положительныхъ, прогрессивныхъ сторонъ долженъ увеличить сумму добра въ обществѣ и уменьшить сумму

*) Стр. 132, тамъ же.

**) Стр. 132—133.

зла. Принципъ прогресса — „чѣмъ лучше, тѣмъ лучше“. Въ этомъ отношеніи имѣетъ большое значеніе устраненіе той такъ называемой Zusammenbruchstheorie и Verelendungstheorie, которыя несомнѣнно свойственны ортодоксальному марксизму. Въ критикѣ этой стороны марксовскаго ученія о соціальномъ развитіи мы видимъ положительную сторону книги Бернштейна.“ „Въ философскомъ отношеніи несравненно сильнѣе критика П. Струве.“ *) Вотъ оно! Гора родила мышь. Оказалось, что огромную душевную пустоту мыслителя въ состояніи наполнить ... г. Бернштейнъ.

Казалось бы, какая же можетъ быть связь между стремленіемъ къ абсолютному добру и „бернштейніадой“?

Вотъ какая: „абсолютное добро“, стоящее по ту сторону матеріально-историческаго процесса, имѣетъ своей миссіей реализацію прогресса. Соотвѣтственно этому все идетъ къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ. Добро реализуется само собою и, разумѣется, постепенно, безъ катастрофъ, словомъ, такъ, какъ этого хотѣлось бы буржуазіи и г. Бернштейну. **)

Г. Бердяевъ какъ будто нарочно смѣшиваетъ и отождествляетъ эволюціонно-историческій объективизмъ съ телеологическимъ объективизмомъ идеалистической философіи.

Теорія Маркса говоритъ — и въ этомъ заключается его историческій объективизмъ — что *дѣятельность* человѣчества обусловливается объективными данными, а его *историческія цѣли*, являясь результатомъ причиннаго ряда исторически развитыхъ условій, *ставятся самимъ человѣчествомъ и выполняются имъ же.*

Роль человѣчества, слѣдовательно, вполнѣ активная, потому что его историческая дѣятельность точно также относится къ объективному ходу исторіи, какъ и всѣ причины, обусловливающія ее. Революція является, такимъ образомъ, исторической необходимостью, коль скоро условія, подготовляющія ее, достаточно созрѣли. Марксистскій детерминизмъ, поэтому, не только не исключаетъ активной дѣятельности человѣка, но, наоборотъ, включаетъ эту дѣятельность, какъ необходимое объективное условіе.

Совершенно другой выводъ слѣдуетъ изъ *телеологическаго идеализма.* Идеализмъ начинаетъ съ того, что возводитъ человѣка на высшую ступень творенія, награждая его откровеніемъ высшихъ, сверхестественныхъ цѣлей. Осуществляя эти высшія цѣли, человѣкъ дѣйствуетъ, однако, пассивно, повинуясь сверхестественной силѣ, при чемъ — безразлично называется ли эта сверхестественная сила высшимъ добромъ (Платона), интеллигибельнымъ міромъ (Канта) или абсолютнымъ духомъ Гегеля.

Въ осуществленіи великой сверхестественной цѣли человѣкъ остается въ полномъ смыслѣ безсильнымъ орудіемъ въ рукахъ высшей воли. Онъ исполняетъ завѣтъ высшей воли не во имя земной жизни, къ которой онъ примыкаетъ своей грѣшной стороной или, выражаясь языкомъ Канта, какъ *феноменъ*, а во имя выполненія сверхъ-земной миссіи. Отсюда ясно, что съ точки зрѣнія матеріалистической концепціи Маркса зависимость отъ матеріальныхъ условій прекращается по мѣрѣ того, какъ мы ихъ *познаемъ*. Съ точки же зрѣнія телеологическаго идеализма, наоборотъ, зависимость человѣка отъ интеллектуальныхъ цѣлей увеличивается съ приближеніемъ къ ихъ познанію.

---

*) Стр. 132. — Обстоятельная критика критиковъ Zusammenbruchstheorie находится въ 1-омъ номерѣ „Зари“: „Критика нашихъ критиковъ“ Г. Плеханова.

**) См. объ этомъ 1-ый номеръ „Зари“ стихотвореніе Нарциса Тупорылова.

Въ первомъ случаѣ человѣкъ, зависимый отъ природы, третируетъ ее какъ повелитель, коль скоро онъ позналъ ея законы, во второмъ онъ смиряетъ свой гордый духъ, какъ только постигъ высшую цѣль. Первая концепція *ведетъ къ непрерывному протесту, къ реализаціи идеаловъ въ мірѣ дѣйствительномъ;* вторая — *къ полному смиренію и къ бѣгству изъ міра дѣйствительнаго.* Марксистская доктрина проникнута здоровымъ языческимъ духомъ, такъ какъ матеріальное и духовное наслажденіе исчерпывается земнымъ бытіемъ. Идеализмъ — полонъ духа христіанской, аскетической мистики, потому что дѣйствительная жизнь разсматривается не какъ *цѣль*, а какъ средство *къ единенію съ высшимъ началомъ.*

Смѣшалъ г. Бердяевъ также исторически релятивный оптимизмъ марксистскаго міровоззрѣнія съ идеалистическимъ абсолютнымъ оптимизмомъ.

Оптимизмъ, вытекающій изъ марксистскаго міровоззрѣнія, не утверждаетъ, что исторія человѣчества шла наилучшимъ путемъ. У насъ нѣтъ другой исторіи для сравненія съ дѣйствительной исторіей. Оцѣнка историческаго процесса должна, поэтому, совершаться на основаніи сравненія одного историческаго періода съ другимъ. Сравнивая историческія фазы между собою, марксистъ находитъ возможнымъ констатировать прогрессъ, при чемъ масштабомъ прогресса служитъ не абстрактное добро и не ничего не говорящая абстрактная категорія справедливости, а *выросшій изъ объективныхъ условій соціалистическій идеалъ.* Оптимизмъ теоріи Маркса относится, такимъ образомъ, не къ *прошедшему,* а къ *будущему* *) признавая въ исторіи прогрессъ, въ той мѣрѣ, въ какой она создавала элементы, ведущіе къ осуществленію и торжеству соціалистическаго идеала.

Съ этой точки зрѣнія идеалы, выростающіе на исторической почвѣ, должны быть осуществимы въ исторіи же.

Совершенно противоположнымъ характеромъ отличается идеалистическій оптимизмъ. Отправляясь отъ того пункта, что историческая дѣятельность человѣчества осуществляетъ высшую, *внѣ исторіи* стоящую цѣль, онъ разсматриваетъ всю исторію, какъ средство, служащее къ реализаціи этой высшей цѣли. Всякого рода зло, лишенія и, главнымъ образомъ, страданія массъ объявляются иллюзіей, какъ потому, что все это есть необходимое проявленіе высшей цѣли, такъ и потому, что съ этой точки зрѣнія земная, матеріальная, конечная жизнь вообще служитъ только этапомъ на пути къ достиженію высшаго, по существу своему религіознаго, блаженства.

Положительные, практическіе выводы изъ подобнаго рода воззрѣній всегда реакціонны. Реакціонны, во первыхъ, вслѣдствіе того, что идеалы, находящіеся внѣ исторіи по своему логическому существу никогда неосуществимы; во вторыхъ, — потому, что всякое недовольство, всякое стремленіе обезпечить жизнь здѣсь, на землѣ, объявляется иллюзіей или, какъ выражается г. Бердяевъ, жалкимъ суррагатомъ, оставляющимъ въ душѣ мыслителя огромную пустоту.

Ставъ на точку зрѣнія Кантовскаго трансцендентальнаго идеализма, г. Бердяевъ роковымъ образомъ пришелъ ко всѣмъ, вытекающимъ изъ

---

*) Это русскіе субъективисты, занимающіеся главнымъ образомъ протестомъ противъ прошедшаго, вообразили, что марксисты въ восторгѣ отъ всего зла и всѣхъ бѣдствій, которыми полна въ прошломъ и въ настоящемъ жизнь трудящейся части человѣчества. Какой цѣной купленъ прогрессъ, показано, какъ въ „*Капиталѣ*“ Маркса, такъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ марксистской литературы.

Но кто дѣйствительно борется за лучшее будущее и кому оно дѣйствительно принадлежитъ, тому некогда лить слезы о прошедшемъ.

него, реакціоннымъ выводамъ вплоть до отрицанія возможности и желательности соціальной революціи.

Реакціонные принципы, могущіе служить интересамъ буржуазнаго класса, составляютъ главный смыслъ и существенное содержаніе книжки г. Бердяева, какъ и всей той литературы, которая съ помощью идеалистическихъ воззрѣній, стремится опровергнуть революціонную сторону марксовой концепціи.

По написаніи этихъ строкъ мнѣ воспомнилось, что наши противники усвоили себѣ привычку приписывать намъ всякій вздоръ и, главнымъ образомъ, свое собственное нелѣпое пониманіе Марксова объясненія идеологіи.

Считаю поэтому нужнымъ тутъ же сказать слѣдующее. Мы не приписываемъ г. Бердяеву *сознательнаго намѣренія* защищать интересы буржуазнаго общества. Не думалъ о такой защитѣ и Бернштейнъ, какъ, можетъ быть, не думали о ней учителя нашихъ „критиковъ“: Штамлеръ, Зиммель, Зомбартъ и др. Всѣ эти господа, можетъ быть — весьма добрые люди, желающіе всему человѣчеству счастья и спокойствія. Какъ и почему у каждаго изъ нихъ сложились ихъ анти-революціонные, буржуазные взгляды, это — вопросъ ихъ индивидуальной психологіи, который интересенъ самъ по себѣ, но въ данномъ случаѣ насъ не занимаетъ.

Намъ было важно отмѣтить, что возвращеніе къ идеалистической философіи, принимающей теперь даже *религіозный характеръ*, совершается подъ вліяніемъ *буржуазнаго классоваго инстинкта самосохраненія*. Не требуется особой проницательности, чтобы убѣдиться въ этомъ, такъ какъ сами идеалисты — „критики“, ни мало не стѣсняясь, направляютъ принципы идеалистической философіи противъ „Zusammenbruchstheorie“.

Начиная съ гносеологическихъ вопросовъ о взаимномъ отношеніи бытія и мышленія, эти господа обыкновенно все ведутъ къ главному пункту, который состоитъ въ томъ, что идеалы вѣчны и незыблемы и потому могутъ быть только регулятивными принципами. При этомъ ко всѣмъ абстрактнымъ идеаламъ незамѣтно причисляется идеалъ соціалистическій, который, въ качествѣ регулятивной идеи, долженъ содѣйствовать мирному разрѣшенію соціальнаго вопроса. Въ результатѣ оказывается, что, на основаніи гносеологіи, самъ соціалистическій идеалъ противорѣчитъ соціальной революціи.

Видно, славно напугала буржуазію „теорія крушенія“ (Zusammenbruchstheorie). Но страхъ *буржуазіи* только показываетъ силу и могущество *пролетаріата*. И если господствующему классу стало выгодно проповѣдовать *примиреніе* классовъ, то тѣмъ выгоднѣе пролетаріату продолжать *войну*. „Пусть господствующіе классы содрагаются передъ коммунистической революціей. Пролетаріи ничего не могутъ въ ней потерять, кромѣ своихъ цѣпей. Пріобрѣтутъ же они весь міръ.“

ОРТОДОКСЪ.

Гонители земства и Аннибалы либерализма.

Если про русскаго крестьянина было сказано, что онъ всего болѣе бѣденъ сознаніемъ своей бѣдности, то про русскаго обывателя или подданнаго можно сказать, что онъ, будучи бѣденъ гражданскими правами, особенно бѣденъ сознаніемъ своего безправія. Какъ мужикъ привыкъ къ своей безъисходной нищетѣ, привыкъ жить, не задумываясь надъ ея причинами и возможностью ея устраненія, такъ русскій обыватель вообще привыкъ къ всевластью правительства, привыкъ жить, не задумываясь надъ тѣмъ, можетъ ли дальше держаться это всевластье и нѣтъ ли рядомъ съ нимъ такихъ явленій, которыя подтачиваютъ застарѣлый политическій строй. Особенно хорошимъ „противоядіемъ“ противъ этой политической безсознательности и спячки являются обыкновенно „секретные документы“,*) показывающіе, что не только какіе-нибудь отчаянные головорѣзы или завзятые враги правительства, но и сами члены правительства, до министровъ и царя включительно, сознаютъ шаткость самодержавной формы правленія и изыскиваютъ всяческіе способы улучшить свое положеніе, совершенно ихъ не удовлетворяющее. Къ такимъ документамъ принадлежитъ записка Витте, который, повздоривъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Горемыкинымъ, изъ за вопроса о введеніи земскихъ учрежденій на окраинахъ, рѣшилъ особенно выставить свою проницательность и преданность самодержавію составленіемъ обвинительнаго акта противъ земства.**)

Обвиняется земство въ томъ, что оно несовмѣстимо съ самодержавіемъ, что оно конституціонно по самому своему характеру, что существованіе его неизбѣжно порождаетъ трешія и столкновенія между представителями общества и

*) Я говорю, разумѣется, только о томъ — далеко не единственномъ и далеко не особенно „сильно дѣйствующемъ“ — родѣ „противоядій“, который состоитъ изъ произведеній печати.

**) *Самодержавіе и земство.* Конфиденціальная записка министра финансовъ С. Ю. Витте, съ предисловіемъ и примѣчаніями Р. Н. С. Печатано „Зарей“. Stuttgart, Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. 1901. Стр. XLIV и 212.

правительства. Обвинительный актъ составленъ на основаніи очень (сравнительно) обширнаго и очень недурно обработаннаго матеріала, а такъ какъ это обвинительный актъ по политическому дѣлу (и притомъ довольно своеобразному), то можно быть увѣреннымъ, что его будутъ читать съ неменьшимъ интересомъ и съ неменьшей пользой, чѣмъ печатавшіеся нѣкогда въ нашихъ газетахъ обвинительные акты по политическимъ процессамъ.

I.

Попробуемъ же разсмотрѣть, оправдывается ли фактами утвержденіе, что наше земство конституціонно, и если да, то въ какой мѣрѣ и въ какомъ именно смыслѣ.

Въ этомъ вопросѣ особенно важное значеніе имѣетъ эпоха введенія земства. Паденіе крѣпостного права было такимъ крупнымъ историческимъ переломомъ, который не могъ не надорвать и полицейской завѣсы, прикрывающей противорѣчія между классами. Самый сплоченный, самый образованный и наиболѣе привыкшій къ политической власти классъ, — дворянство, обнаружилъ съ полной опредѣленностью стремленіе ограничить самодержавную власть посредствомъ представительныхъ учрежденій. Напоминаніе объ этомъ фактѣ въ запискѣ Витте чрезвычайно поучительно. „Заявленія о необходимости общаго дворянскаго „представительства“, о „правѣ земли русской имѣть своихъ выборныхъ для совѣта верховной власти“ дѣлались уже въ дворянскихъ собраніяхъ 1859—1860 годовъ.“ „Произносилось даже слово ‚конституція‘.“ *) „На необходимость призыва общества къ участію въ управленіи указывали и нѣкоторые губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу, и члены комитетовъ, вызванные въ редакціонныя коммиссіи. „Депутаты явно стремятся къ конституціи“, писалъ въ 1859 г. въ дневникѣ своемъ Никитенко.“

„Когда, послѣ обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 г., эти надежды на самодержавіе оказались далеко не осуществленными, и вдобавокъ отъ исполненія этого Положенія были удалены болѣе „красные“ элементы изъ самой администраціи (какъ Н. Милютинъ), то движеніе въ пользу „представительства“ стало единодушнѣе. Оно выразилось въ предложеніяхъ, внесенныхъ во многія дворянскія собранія 1862 г. и въ цѣлыхъ адресахъ этихъ собраній въ Новгородѣ, Тулѣ, Смоленскѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Твери. Изъ адресовъ болѣе замѣчательный московскій, который просилъ мѣстнаго самоуправленія, гласнаго судопроизводства, обязатель-

*) Драгомановъ, „Земскій либерализмъ въ Россіи“, стр. 4. Авторъ записки г-на Витте частенько не указываетъ, что онъ списываетъ Драгоманова (ср. напр., „Записку“, стр. 36—37 и назв. статью, стр. 55—6), хотя въ другихъ мѣстахъ онъ на него ссылается.

наго выкупа крестьянскихъ земель, публичности бюджета, свободы печати и созванія въ Москвѣ земской думы изъ всѣхъ классовъ для приготовленія цѣльнаго проекта реформъ. Рѣзче всѣхъ были постановленія и адресъ тверского дворянства отъ 2-го февраля о необходимости ряда гражданскихъ и экономическихъ реформъ (напримѣръ, уравненія правъ сословій, обязательнаго выкупа крестьянскихъ земель) и ‚созванія выборныхъ всей земли русской‘,-какъ единственнаго средства къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19-го февраля‘.“ *)

„Не смотря на административныя и судебныя наказанія, которымъ подверглись иниціаторы тверского адреса**) — продолжаетъ Драгомановъ— (впрочемъ, не прямо за адресъ, а за рѣзкую мотивировку коллективнаго выхода изъ должности мировыхъ посредниковъ) заявленія въ духѣ его дѣлались въ разныхъ дворянскихъ собраніяхъ 1862 и начала 1863 г., въ которыхъ въ то же время вырабатывались и проекты мѣстнаго самоуправленія.“

„Въ это время конституціонное движеніе шло и среди „разночинцевъ“ и выразилось здѣсь тайными обществами и прокламаціями, болѣе или менѣе революціонными: „Великоруссъ“ (съ августа по ноябрь 1861 г.; въ изданіи принимали участіе офицеры, какъ Обручевъ и др.), „Земская Дума“ (1862 г.), „Земля и Воля“ (1862—63 г.)... Пущенъ былъ при „Великоруссѣ“ и проектъ адреса, который долженъ быть представленъ государю, какъ говорилось многими, къ празднованію 1000-челѣтія Россіи въ августѣ 1862 г.“ Въ этомъ проектѣ адреса, м. пр., говорилось: „Благоволите, Государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи“....***)

Если мы припомнимъ еще прокламацію „Молодой Россіи“, многочисленные аресты и драконовскія наказанія „политическихъ“ преступниковъ (Обручева, Михайлова и др.), увѣнчавшіяся беззаконнымъ и подтасованнымъ осужденіемъ на каторгу Чернышевскаго, то для насъ ясна будетъ та обще-

---

*) Драгомановъ, 5. Сокращенный пересказъ въ „Запискѣ“, стр. 64, съ ссылкой не на Драгоманова, а на цитируемые Драгомановымъ „Колоколъ“ № 126 и „Revue de deux mondes“ 1862, 15-го іюня.

**) Кстати. Недавно (19-го апрѣля н. г.) скончался въ своемъ родномъ имѣніи Тверской губерніи одинъ изъ этихъ иниціаторовъ, Николай Александровичъ Бакунинъ, младшій братъ знаменитаго М. А. Бакунина. Н. А. вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ Алексѣемъ и другими посредниками подписалъ адресъ 1862-го года. Этотъ адресъ — сообщаетъ авторъ замѣтки о Н. А. Бакунинѣ въ одной изъ нашихъ газетъ — навлекъ кару на подписавшихся. Послѣ годового ареста въ Петропавловской крѣпости заключенные были освобождены, причемъ Н. А. и братъ его Алексѣй остались непрощенными (они не подписали просьбы о помилованіи), вслѣдствіе чего имъ болѣе не разрѣшили занимать общественныхъ должностей. Послѣ этого Н. А. никогда болѣе не выступалъ да и не могъ болѣе выступать на общественное поприще.... Вотъ какъ расправлялось во время самыхъ „великихъ реформъ“ наше правительство съ легально дѣйствовавшими дворянами-помѣщиками! И это было въ 1862 году, до польскаго возстанія, когда даже Катковъ предлагалъ созваніе всероссійскаго земскаго собора.

***) Ср. „За сто лѣтъ“ В. Бурцева, стр. 39.

ственная обстановка, которая породила земскую реформу. Говоря, что „мысль при созданіи земскихъ учрежденій была несомнѣнно политическая“, что съ либеральнымъ и конституціоналистическимъ настроеніемъ общества въ правящихъ сферахъ „несомнѣнно считались“, „Записка“ Витте говоритъ лишь *половину* правды. Тотъ казенный, чиновническій взглядъ на общественныя явленія, который обнаруживаетъ вездѣ авторъ „Записки“, сказывается и здѣсь, сказывается въ игнорированіи *революціоннаго* движенія, въ затушевываніи тѣхъ драконовскихъ мѣръ репрессіи, которыми правительство *защищалось* отъ натиска революціонной „партіи“. Правда, на нашъ современный взглядъ кажется страннымъ говорить о революціонной „партіи“ и ея натискѣ въ началѣ 60-хъ годовъ. Сорокалѣтній историческій опытъ сильно повысилъ нашу требовательность насчетъ того, что можно назвать революціоннымъ движеніемъ и революціоннымъ натискомъ. Но не надо забывать, что въ то время, послѣ тридцатилѣтія Николаевскаго режима, никто не могъ еще предвидѣть дальнѣйшаго хода событій, никто не могъ опредѣлить дѣйствительной силы сопротивленія у правительства, дѣйствительной силы народнаго возмущенія. Оживленіе демократическаго движенія въ Европѣ, польское броженіе, недовольство въ Финляндіи, требованіе политическихъ реформъ всей печатью и всѣмъ дворянствомъ, распространеніе по всей Россіи „Колокола“, могучая проповѣдь Чернышевскаго, умѣвшаго и подцензурными статьями воспитывать настоящихъ *революціонеровъ*, появленіе прокламацій, возбужденіе крестьянъ, которыхъ „очень часто“ *) приходилось съ помощью военной силы

*) *А. Пантелѣевъ:* „Изъ воспоминаній 60-хъ годовъ“, стр. 315 сборника „На славномъ посту“. Въ этой статейкѣ сгруппированы нѣкоторые очень интересные факты о революціонномъ возбужденіи 61—62 г. и полицейской реакціи. . . . „Къ началу 1862 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; малѣйшее обстоятельство могло рѣзко толкнуть ходъ жизни въ ту или другую сторону. Эту роль и съиграли майскіе пожары 1862 года въ Петербургѣ.“ Начались они 16-го мая, особенно выдѣлились 22 и 23-го мая — въ этотъ послѣдній день было пять пожаровъ, 28-го мая запылалъ Апраксинъ дворъ и выгорѣло громадное пространство вокругъ него. Въ народѣ стали обвинять въ поджогахъ студентовъ, и эти слухи повторялись газетами. Прокламацію „Молодой Россіи“, которая объявляла кровавую борьбу всему современному строю и оправдывала всякія средства, разсматривали какъ подтвержденіе слуховъ объ умышленныхъ поджогахъ. „Вслѣдъ за 28-ымъ мая въ Петербургѣ было объявлено нѣчто въ родѣ военнаго положенія.“ Учрежденному особому комитету было поручено принятіе *чрезвычайныхъ* мѣръ къ охранѣ столицы. Городъ былъ раздѣленъ на три участка съ военными губернаторами во главѣ. По дѣламъ о поджогѣ введенъ военно-полевой судъ. Пріостановлены на 8 мѣсяцевъ

и съ пролитіемъ крови *заставлять* принять „Положеніе“, обдирающее ихъ какъ липку, коллективные отказы дворянъ — мировыхъ посредниковъ примѣнять *такое* „Положеніе“, студенческіе безпорядки — при такихъ условіяхъ самый осторожный и трезвый политикъ долженъ былъ бы признать революціонный взрывъ вполнѣ возможнымъ и крестьянское возстаніе — опасностью весьма серьезной. При такихъ условіяхъ самодержавное правительство, которое свое высшее назначеніе видѣло въ томъ, чтобы съ одной стороны отстоять въ что бы то ни стало всевластіе и безотвѣтственность придворной камарильи и арміи чиновныхъ піявокъ, а съ другой стороны въ томъ, чтобы поддерживать худшихъ представителей эксплуататорскихъ классовъ, подобное правительство *не могло поступать иначе* какъ, безпощадно истребляя отдѣльныхъ лицъ, сознательныхъ и непреклонныхъ враговъ тиранніи и эксплуатаціи (т. е. „коноводовъ“ „революціонной партіи“), запугивать и подкупать небольшими уступками массу недовольныхъ. Каторга — тому, кто предпочиталъ молчать, чѣмъ извергать тупоумныя или лицемѣрныя хвалы „великому освобожденію“; реформы *(безвреднаго для самодержавія и для эксплуататорскихъ классовъ реформы)* тѣмъ, кто захлебывался либерализмомъ правительства и восторгался эрой прогресса.

Мы не хотимъ сказать, что эта разсчитанная полицейско-реакціонная тактика была отчетливо сознаваема и систематически преслѣдуема всѣми или хотя бы даже нѣсколькими членами правящей клики. Отдѣльные члены ея могли, конечно, по своей ограниченности не задумываться надъ этой тактикой въ ея цѣломъ и наивно восторгаться „либерализ-

---

„Современникъ“ и „Русское Слово“, прекращенъ „День“ Аксакова, объявлены суровыя временныя правила о печати (утвержденныя еще 12-го мая, *т. е. до пожаровъ*. Слѣд., *„ходъ жизни“* рѣзко направлялся въ сторону реакціи и независимо отъ пожаровъ, вопреки мнѣнію г. Пантелѣева), правила о надзорѣ за типографіями, послѣдовали многочисленные аресты политическаго характера (Чернышевскаго, Н. Серно-Соловьевича, Рымаренко и др.), закрыты воскресныя школы и народныя читальни, затруднено разрѣшеніе публичныхъ лекцій въ С.-Петербургѣ, закрыто 2-ое отдѣленіе при Литер. Фондѣ, закрытъ даже Шахматный клубъ.

Слѣдственная Коммиссія не открыла никакой связи пожаровъ съ политикой. Членъ Коммиссіи, Столбовскій, разсказывалъ г. Пантелѣеву, „какъ удалось ему въ Коммиссіи вывести на свѣжую воду главныхъ лжесвидѣтелей, которые, кажется, были простымъ орудіемъ полицейскихъ агентовъ“ (325—6). Итакъ есть очень вѣское основаніе думать, что *слухи о студентахъ-поджигателяхъ распускала полиція*. Гнуснѣйшее эксплуатированіе народной темноты для клеветы на революціонеровъ и протестантовъ было, значитъ, въ ходу и въ самый разгаръ „эпохи великихъ реформъ“.

момъ", не замѣчая его полицейскаго футляра. Но въ общемъ и цѣломъ несомнѣнно, что коллективный опытъ и коллективный разумъ правящихъ заставлялъ ихъ неуклонно преслѣдовать эту тактику. Не даромъ же большинство вельможъ и сановниковъ прошло длинный курсъ Николаевской службы и полицейской выучки, прошло, можно сказать, огонь и воду и мѣдныя трубы. Они помнили, какъ монархи то заигрывали съ либерализмомъ, то являлись палачами Радищевыхъ и „спускали" на вѣрноподданныхъ Аракчеевыхъ; они помнили 14-ое декабря 1825 г. и продѣлывали ту функцію европейской жандармеріи, которую (функцію) исполнило русское правительство въ 1848—49 годахъ. Историческій опытъ самодержавія не только заставлялъ правительство слѣдовать тактикѣ запугиванія и развращенія, но и многихъ независимыхъ либераловъ побуждалъ рекомендовать правительству эту тактику. Вотъ въ доказательство правильности этого послѣдняго мнѣнія разсужденія Кошелева и Кавелина. Въ своей брошюрѣ: „Конституція, самодержавіе и земская дума" (Лейпцигъ 1862 г.) А. Кошелевъ высказывается *противъ* конституціи за совѣщательную Земскую Думу и предвидитъ такое возраженіе:

„Созывать Земскую Думу — значитъ вести Россію къ революціи, т. е. къ повторенію у насъ Etats généraux, превратившихся въ конвентъ и заключившихъ свои дѣйствія событіями 1792-го года, съ проскрипціями, гильотиной, noyades и пр." „Нѣтъ! господа — отвѣчаетъ Кошелевъ — не созваніе Земской Думы открываетъ, подготовляетъ поприще для революціи, какъ вы ее понимаете; а скорѣе и вѣрнѣе ее производятъ дѣйствія, со стороны правительства, нерѣшительныя и противорѣчащія, шагъ впередъ и шагъ назадъ, повелѣнія и законы неудобоисполнимые, оковы, налагаемыя на мысль и слово; полицейское (явное и тѣмъ еще хуже тайное) наблюденіе за дѣйствіями сословій и частныхъ людей, мелочныя преслѣдованія нѣкоторыхъ личностей, расхищенія казны, чрезмѣрные и неразумные ея расходы и награды, неспособность государственныхъ людей и ихъ отчужденность отъ Россіи, и пр. и пр. Еще вѣрнѣе могутъ довести до революціи (опять въ вашемъ смыслѣ), въ странѣ только очнувшейся отъ многолѣтняго гнета, военныя экзекуціи, казематы и ссылки: ибо раны наболѣвшія несравненно чувствительнѣе и раздражительнѣе, чѣмъ раны новыя. Но не опасайтесь: революціи, произведенной во Франціи, какъ вы полагаете, журналистами и другими писателями, — у насъ не будетъ. Надѣемся также, что въ Россіи не составится (хотя за это отвѣчать труднѣе) общество горячихъ, отчаянныхъ головъ, которыя изберутъ убійство средствомъ къ достиженію своихъ цѣлей. Но гораздо вѣроятнѣе и опаснѣе то, что возникнетъ, незамѣтно для земской, городской и тайной полиціи, подъ вліяніемъ раскола, согласіе между крестьянами и мѣщанами, къ которымъ присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы Великорусса, Молодой Россіи и пр. Такое согласіе все уничтожающее и проповѣдующее равенство не передъ закономъ, а вопреки ему (какой безподобный либерализмъ! Мы, разумѣется, за равенство, но за равенство *не вопреки* закону, — закону, разрушающему равенство!) не на-

родную историческую общину, а болѣзненное ея исчадіе, и власть не разума, которую такъ боятся нѣкоторые государственные дѣльцы, а власть грубой силы, къ которой они сами такъ охотно прибѣгаютъ, — такое согласіе, говорю, у насъ гораздо возможнѣе и оно можетъ быть гораздо сильнѣе, чѣмъ умѣренная, благомыслящая и самостоятельная оппозиція правительству, которая такъ противна нашимъ бюрократамъ и которую они всячески тѣснятъ и стараются удушить. Не думайте, что партія внутренней, тайной, безыменной печати малочисленна и слаба, и не воображайте, что вы захватили ея вѣтви и корни; нѣтъ! воспрещеніемъ молодежи доучиться, возведеніемъ шалостей въ чинъ государственныхъ преступленій, всякими мелочными преслѣдованіями и наблюденіями, вы удесятерили силу этой партіи, разсѣяли и размножили ее по имперіи. При взрывѣ такого согласія, къ чему прибѣгнутъ наши государственные люди? — Къ военной силѣ? Но можно ли будетъ на нее навѣрное разсчитывать?“ (стр. 49—51).

Развѣ изъ пышныхъ фразъ этой тирады не вытекаетъ съ очевидностью тактика: истребить „отчаянныя головы“ и приверженцевъ „согласія между крестьянами и мѣщанами“, а „благомыслящую умѣренную оппозицію“ удовлетворить и разъединить уступками? Только правительство оказалось умнѣе и ловчѣе, чѣмъ воображали гг. Кошелевы, и отдѣлалось меньшими уступками, чѣмъ „совѣщательная“ Земская Дума.

А вотъ частное письмо К. Д. Кавелина къ Герцену отъ 6-го августа 1862 г.: . . .„Вѣсти изъ Россіи, на мой взглядъ, не такъ плохи. Арестованъ не Николай, а Александръ Соловьевичъ. Аресты меня не удивляютъ и, признаюсь, не кажутся мнѣ возмутительными. Революціонная партія считаетъ пригодными всѣ средства, чтобы ниспровергнуть правительство, а правительство защищается всѣми средствами. Другое дѣло были аресты и ссылки при подломъ Николаѣ. Люди гибли за свои мысли, убѣжденія, вѣру и слова. Я хотѣлъ бы, чтобы ты былъ на мѣстѣ правительства и посмотрѣлъ бы я тогда, какъ сталъ бы ты поступать противъ партій, которыя и тайно и открыто работаютъ противъ тебя. Я люблю Чернышевскаго, очень, очень люблю, но такого brouillon“ (задиру, сварливаго, неуживчиваго человѣка, сѣящаго раздоры), „такого безтактнаго, самоувѣреннаго человѣка я еще никогда не видалъ. Погибать изъ за ничего, ровно таки изъ за ничего! Что пожары находятся въ связи съ прокламаціями, это не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію.“ *) Вотъ образчикъ профессорски-лакейскаго глубокомыслія! Ви-

*) Цитируемъ по нѣмецкому переводу Драгомановскаго изданія переписки К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева съ А. И. Герценомъ: Bibliothek russischer Denkwürdigkeiten, herausgegeben von Th. Schiemann. Bd. 4, S. 65—66. Stuttgart 1894.

новаты во всемъ эти революціонеры, которые такъ самоувѣренны, что освистываютъ фразерствующихъ либераловъ, такъ задорны, что тайно и явно работаютъ противъ правительства, такъ безтактны, что попадаютъ въ Петропавловку. Съ подобными людьми и онъ, либеральный профессоръ, расправлялся бы „всѣми средствами", если бы былъ у власти.

II.

Итакъ, земская реформа была одной изъ тѣхъ уступокъ, которыя отбила у самодержавнаго правительства волна общественнаго возбужденія и революціоннаго натиска. Мы остановились особенно подробно на характеристикѣ этого натиска, чтобы дополнить и исправить изложеніе „Записки", бюрократическій авторъ которой затушевалъ борьбу, породившую эту уступку. Но половинчатый, трусливый характеръ этой уступки довольно ясно обрисованъ и „Запиской":

„Въ началѣ, когда только что приступлено было къ земской реформѣ, несомнѣнно, имѣлось въ виду сдѣлать первый шагъ на пути къ введенію представительныхъ учрежденій;*) но потомъ, когда графа Ланского и Н. А. Милютина смѣнилъ графъ Валуевъ, проявилось весьма ясно желаніе, которое не отрицалъ и самъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, дѣйствовать въ духѣ „примирительномъ", „мягко и уклончиво". „Правительство само не выяснило себѣ своихъ видовъ, говорилъ онъ въ это время. Словомъ, была сдѣлана попытка, которая, къ сожалѣнію, весьма часто повторяется государственными людьми и всегда даетъ отрицательные для всѣхъ результаты, — попытка дѣйствовать уклончиво между двумя противоположными мнѣніями и, удовлетворяя либеральнымъ стремленіямъ, сохранить существующій порядокъ". . .

Презабавно здѣсь это фарисейское „къ сожалѣнію"! Министръ полицейскаго правительства выставляетъ здѣсь случайностью тактику, которой это правительство *не можетъ не слѣдовать*, которую оно проводило при изданіи законовъ о фабричной инспекціи, закона о сокращеніи рабочаго дня (2-го іюня 1897 г.), — которую оно проводитъ и теперь посредствомъ заигрыванія генерала Ванновскаго съ „обществомъ".

„Съ одной стороны, въ объяснительной запискѣ къ положенію о земскихъ учрежденіяхъ говорилось, что задача проектируемаго закона — по возможности полное и послѣдовательное развитіе началъ мѣстнаго самоуправленія, что „земское управленіе есть только особый органъ одной и той же государственной власти". . . Тогдашній органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, „Сѣверная Почта", въ своихъ статьяхъ дѣлалъ весьма

*) „Несомнѣнно", что авторъ „Записки", говорящій со словъ Леруа-Больё, впадаетъ въ обычное бюрократическое преувеличеніе. „Несомнѣнно", что ни Ланской, ни Милютинъ ничего дѣйствительно опредѣленнаго въ виду не имѣли, и принимать за „первый шагъ" уклончивыя фразы Милютина („въ принципѣ сторонникъ конституціи, но считаетъ введеніе ея преждевременнымъ") смѣшно.

ясные намеки, что создаваемыя учрежденія явятся школой учрежденій представительныхъ.

„Съ другой стороны . . . земскія учрежденія называются въ объяснительной запискѣ частными и общественными, подчиняющимися общимъ законамъ на томъ же основаніи, какъ отдѣльныя общества и частныя лица.“. . .

„Какъ самыя постановленія Положенія 1864 г., такъ въ особенности всѣ послѣдующія мѣропріятія министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ довольно ясно свидѣтельствуютъ, что „самостоятельности“ земскихъ учрежденій весьма опасались, и боялись давать надлежащее развитіе этимъ учрежденіямъ, *вполнѣ понимая къ чему оно поведетъ.*“ (Курсивъ вездѣ нашъ.) . . . . „Несомнѣнно, что тѣ, кому пришлось завершить земскую реформу, проводили эту реформу *лишь въ уступку общественному мнѣнію*, чтобы, какъ значилось въ объяснительной запискѣ, „положить, предѣлъ возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учрежденій *несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій;*“ въ тоже время лица эти ясно понимали ее (? реформу ?) *и стремились не давать земству надлежащаго развитія*, придать ему частный характеръ, ограничить его въ компетенціи и проч. Успокаивая либераловъ обѣщаніями, что первый шагъ не будетъ послѣднимъ, говоря или, вѣрнѣе, повторяя сторонникамъ либеральнаго направленія о необходимости сообщить земскимъ учрежденіямъ дѣйствительную и самостоятельную власть, графъ Валуевъ *уже при самой выработкѣ Положенія 1864 г. всячески старался ограничить эту власть и поставить земскія учрежденія подъ строгую административную опеку.* . . .

„Не проникнутыя одной руководящей мыслью, будучи компромиссомъ двухъ противоположныхъ направленій, земскія учрежденія въ той формѣ, въ какой создало ихъ Положеніе 1864 г., когда началось ихъ примѣненіе, оказались не отвѣчающими ни основной идеѣ самоуправленія, положенной въ ихъ основаніе, ни тому административному строю, въ который они были механически вставлены и который къ тому же остался нереформированнымъ и неприсобленнымъ къ новымъ условіямъ жизни. Положеніе 1864 г. пыталось совмѣстить несогласимыя вещи и тѣмъ одновременно удовлетворить сторонниковъ и противниковъ земскаго самоуправленія. *Первымъ предлагалась внѣшность и надежды на будущее, въ угоду вторымъ компетенція земскихъ учрежденій была опредѣлена крайне эластично.*“. . .

Какія иногда мѣткія слова бросаютъ нечаянно наши министры, когда они хотятъ подставить ножку какому нибудь коллегѣ и выказать свое глубокомысліе, и какъ полезно было бы всѣмъ прекраснодушнымъ русскимъ обывателямъ и всѣмъ поклонникамъ „великихъ“ реформъ повѣсить себѣ на стѣну въ золотой рамкѣ великіе завѣты полицейской мудрости: „успокаивать либераловъ обѣщаніями, что первый шагъ не будетъ послѣднимъ“, „предлагать“ имъ „внѣшность и надежды на будущее!“ Особенно въ настоящее время полезно было бы справляться съ этими заповѣдями при чтеніи каждой газетной статьи или замѣтки о „сердечномъ попеченіи“ генерала Ванновскаго.

Итакъ, земство съ самаго начала было осуждено на то, чтобы быть пятымъ колесомъ въ телѣгѣ русскаго государственнаго управленія, колесомъ, *допускаемымъ* бюрократіей

лишь постольку, поскольку ея всевластіе не нарушалось, а роль депутатовъ отъ населенія ограничивалась голой практикой, простымъ техническимъ исполненіемъ круга задачъ, очерченныхъ все тѣмъ же чиновничествомъ. Земства не имѣли своихъ исполнительныхъ органовъ, они должны были дѣйствовать черезъ полицію, земства не были связаны другъ съ другомъ, земства были сразу поставлены подъ контроль администраціи. И сдѣлавъ такую безвредную для себя уступку, правительство на другой же день послѣ введенія земства принялось систематически стѣснять и ограничивать его: всемогущая чиновничья клика *не могла* ужиться съ выборнымъ всесословнымъ представительствомъ и принялась всячески травить его. Сводъ данныхъ объ этой травлѣ, несмотря на явную неполноту его, представляетъ собой очень интересную часть „Записки".

Мы видѣли, какъ трусливо и какъ неразумно поступали либералы по отношенію къ революціонному движенію начала 60-хъ годовъ. Вмѣсто того, чтобы поддерживать „согласіе мѣщанъ и крестьянъ съ приверженцами *Великорусса*", они боялись этого „согласія" и стращали имъ правительство. Вмѣсто того, чтобы подняться на защиту преслѣдуемыхъ правительствомъ коноводовъ демократическаго движенія, они фарисейски умывали руки и оправдывали правительство. И они понесли справедливое наказаніе за эту предательскую политику широковѣщательнаго краснобайства и позорной дряблости. Расправившись съ людьми, способными не только болтать, но и *бороться* за свободу, правительство почувствовало себя достаточно крѣпкимъ, чтобы вытѣснять либераловъ и изъ тѣхъ скромныхъ и второстепенныхъ позицій, которыя ими были заняты „съ разрѣшенія начальства". Пока серьезно грозило „согласіе мѣщанъ и крестьянъ" съ революціонерами, само министерство внутреннихъ дѣлъ бормотало о „школѣ представительныхъ учрежденій", а когда „безтактные и самоувѣренные" свистуны и „задиры" были удалены, — „школяровъ" безъ церемоніи взяли въ ежовыя рукавицы. Начинается трагикомическая эпопея: земство ходатайствуетъ о расширеніи правъ, а у земства неуклонно *отбираютъ* одно право за другимъ и на ходатайства отвѣчаютъ „отеческими" поученіями. Но пусть говорятъ историческія даты, хотя бы даже только приведенныя въ „Запискѣ".

12-го октября 1866 г. циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ ставитъ служащихъ земства въ полную зависимость отъ правительственныхъ учрежденій. 21-го октября 1866 г. выходитъ законъ, ограничивающій право земствъ

облагать сборами торговыя и промышленныя заведенія. Въ Петербургскомъ Земскомъ Собраніи 1867 г. рѣзко критикуютъ этотъ законъ и принимаютъ (по предложенію графа А. П. Шувалова) рѣшеніе ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы вопросы, затронутые этимъ закономъ, обсуждались „совокупными силами и одновременнымъ трудомъ центральной администраціи и земства". На это ходатайство правительство отвѣчаетъ закрытіемъ петербургскихъ земскихъ учрежденій и репрессіями: предсѣдатель С.-Петербургск. Земской Управы Крузе сосланъ въ Оренбургъ, графъ Шуваловъ — въ Парижъ, сенатору Любощинскому велѣно подавать въ отставку. Органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, „Сѣверная Почта", выступаетъ съ статьей, въ которой „такая строгая карательная мѣра была объяснена тѣмъ, что и земскія собранія съ самаго открытія своихъ засѣданій дѣйствовали несогласно съ закономъ" (съ какимъ закономъ? и почему нарушителей закона не преслѣдовали *по суду?* вѣдь только что былъ введенъ судъ скорый, правый и милостивый?) „и вмѣсто того, чтобы поддерживать земскія собранія другихъ губерній, пользуясь Высочайше дарованными ему правами для дѣйствительнаго попеченія о ввѣренныхъ ему мѣстныхъ земско-хозяйственныхъ интересахъ" (т. е. вмѣсто того, чтобы покорно повиноваться и слѣдовать „видамъ" чиновничества) „непрерывно обнаруживали стремленіе неточнымъ изъясненіемъ дѣла и неправильнымъ толкованіемъ законовъ *возбуждать чувства недовѣрія и неуваженія къ правительству*". Неудивительно, что послѣ такого назиданія „другія земства не оказали поддержки петербургскому, хотя повсюду законъ 21-го ноября 1866 г. вызвалъ сильное неудовольствіе; многіе называли его въ собраніяхъ равносильнымъ уничтоженію земствъ."

16-го декабря 1866 г. является „разъясненіе" сената, предоставляющее губернаторамъ право отказывать въ утвержденіи всякаго избраннаго земскимъ собраніямъ лица, признаваемаго имъ — губернаторомъ — неблагонадежнымъ. 4-го мая 1867 г. — другое разъясненіе сената: несогласно съ закономъ сообщеніе земскихъ предположеній во всѣ другія губерніи, ибо земскія учрежденія должны вѣдать дѣла мѣстныя. 13-го іюня 1867 г. состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, запрещающее безъ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства печатать состоявшіяся въ земскихъ, городскихъ и сословныхъ общественныхъ собраніяхъ постановленія, отчеты о засѣданіяхъ, пренія въ засѣданіяхъ и проч. Далѣе, тотъ же законъ расширяетъ власть предсѣдателей земскихъ собраній, предоставляетъ имъ право закры-

вать собранія и обязываетъ ихъ *подъ угрозой наказанія* закрывать собранія, въ которыхъ ставятся на обсужденіе вопросы, несогласные съ закономъ. Эту мѣру общество встрѣтило весьма недружелюбно и взглянуло на нее, какъ на серьезное ограниченіе земской дѣятельности. „Всѣ знаютъ, — писалъ въ дневникѣ своемъ Никитенко, — что земство связано по рукамъ и по ногамъ новымъ узаконеніемъ, въ силу котораго предсѣдатели собраній и губернаторы получили почти неограниченную власть надъ земствомъ.“ Циркуляръ 8-го октября 1868 г. подчиняетъ разрѣшенію губернаторовъ печатаніе отчетовъ даже земскихъ управъ и ограничиваетъ взаимныя сношенія земствъ. Въ 1869 г. учреждаются инспектора народныхъ училищъ въ видахъ оттѣсненія земства отъ дѣйствительнаго завѣдыванія народнымъ образованіемъ. Высочайше утвержденное 19-го сентября 1869 г. положеніе комитета министровъ признаетъ, что „земскія учрежденія ни по своему составу, ни по основнымъ началамъ не суть власти правительственныя“. Законъ 4-го іюля 1870 г. и циркуляръ 22-го октября 1870 г. подтверждаютъ и усиливаютъ зависимость земскихъ служащихъ отъ губернаторовъ. Въ 1871 г. инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ предоставляетъ имъ устранять отъ должности учителей, признаваемыхъ неблагонадежными, и останавливать всякое рѣшеніе училищнаго совѣта съ предоставленіемъ дѣла на разрѣшеніе попечителя. 25-го декабря 1873 г. Александръ II въ рескриптѣ на имя министра народнаго просвѣщенія выражаетъ опасеніе, что народная школа *при недостаткѣ попечительнаго наблюденія* можетъ быть обращаема *„въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже и обнаружены нѣкоторыя попытки“*, и повелѣваетъ предводителямъ дворянства способствовать ближайшимъ своимъ участіемъ обезпеченію нравственнаго вліянія этихъ школъ. Затѣмъ въ 1874 г. выходитъ новое Положеніе о народныхъ училищахъ, отдающее всю силу завѣдыванія школами въ руки директоровъ народныхъ училищъ. Земство „протестуетъ“, если можно безъ ироніи назвать протестомъ ходатайство о пересмотрѣ закона при участіи земскихъ представителей (ходатайство Казанскаго земства въ 1874 г.). Ходатайство, конечно, отклоняется. И т. д. и т. д.

III.

Таковъ былъ первый курсъ наукъ, преподанный россійскимъ гражданамъ въ устроенной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ „школѣ представительныхъ учрежденій“. Къ

счастью кромѣ политическихъ школяровъ, которые по поводу конституціонныхъ заявленій 60-хъ годовъ писали: „Пора бросить глупости и начать дѣло дѣлать, а дѣло теперь въ земскихъ учрежденіяхъ и нигдѣ больше“,*) были въ Россіи и неудовлетворявшіеся такой „тактичностью“ „задиры“, которые шли съ революціонной проповѣдью въ народъ. Несмотря на то, что они шли подъ знаменемъ теоріи, которая была въ сущности нереволюціонна, — ихъ проповѣдь будила все же чувство недовольства и протеста въ широкихъ слояхъ образованной молодежи. Вопреки утопической теоріи, отрицавшей политическую борьбу, движеніе привело къ отчаянной схваткѣ съ правительствомъ горсти героевъ, къ борьбѣ за политическую свободу. Благодаря этой борьбѣ и только благодаря ей, положеніе дѣлъ еще разъ измѣнилось, правительство еще разъ вынуждено было пойти на уступки, и либеральное общество еще разъ доказало свою политическую незрѣлость, „неспособность поддержать борцовъ и оказать настоящее давленіе на правительство. Конституціонныя стремленія земства обнаружились явственно, но оказались безсильнымъ „порывомъ“. И это несмотря на то, что самъ по себѣ земскій либерализмъ сдѣлалъ замѣтный шагъ впередъ въ политическомъ отношеніи. Особенно замѣчательна попытка его образовать нелегальную партію и создать свой собственный политическій органъ. „Записка“ Витте сводитъ данныя нѣсколькихъ нелегальныхъ произведеній (Кеннана, Драгоманова, Тихомірова), чтобы охарактеризовать тотъ „скользкій путь“ (стр. 98), на который вступили земства. Въ концѣ 70-хъ годовъ было нѣсколько съѣздовъ земскихъ либераловъ. Либералы рѣшили „принять мѣры хотя бы къ временному прекращенію разрушительной дѣятельности крайней революціонной партіи, ибо они были убѣждены, что нельзя ничего будетъ достигнуть мирными средствами, если террористы будутъ продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилія“ (99). Итакъ вмѣсто заботы о расширеніи борьбы, о поддержкѣ отдѣльныхъ революціонеровъ болѣе или менѣе широкимъ общественнымъ слоемъ, объ организаціи какого-либо общаго натиска (въ формѣ демонстраціи, отказа земствъ отъ исполненія обязательныхъ расходовъ и т. п.) либералы опять начинаютъ все съ той же „тактичности“: „не раздражать“ правительство! добиваться

*) Письмо Кавелина 1865 г. къ роднымъ по поводу ходатайства Московскаго дворянства о „созваніи общаго собранія людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству.“

„мирными средствами“, каковыя мирныя средства такъ блистательно доказали свое ничтожество въ 60-ые годы!*) Понятно, что ни на какое прекращеніе или пріостановку военныхъ дѣйствій революціонеры не пошли. Земцы образовали тогда „лигу оппозиціонныхъ элементовъ“, превратившуюся затѣмъ въ „Общество земскаго союза и самоуправленія“ или „Земскій Союзъ“. Программа Земск. Союза требовала 1. свободы слова и печати; 2. гарантій личности и 3. созыва учредительныхъ собраній. Попытка издавать нелегальныя брошюры въ Галиціи не удалась (австрійская полиція арестовала и рукописи и лицъ, намѣревавшихся печатать ихъ), и органомъ „Земскаго Союза“ сталъ съ августа 1881 г. журналъ „Вольное Слово“ выходившій подъ редакціей Драгоманова (бывшій профессоръ кіевскаго университета) въ Женевѣ. „Въ концѣ концовъ — писалъ самъ Драгомановъ въ 1888 г. — . . . опытъ изданія земскаго органа въ видѣ „Вольнаго Слова“ нельзя признать удачнымъ, хотя бы уже потому, что собственно земскіе матеріалы стали поступать въ редакцію правильно только съ конца 1882 г., а въ маѣ 1883 г. изданіе было уже прекращено“ (назв. соч., стр. 40). Неудача либеральнаго органа явилась естественнымъ результатомъ слабости либеральнаго движенія. 20-го ноября 1878 г. Александръ II обратился въ Москвѣ къ представителямъ сословій съ рѣчью, въ которой выражалъ надежду на ихъ „содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь“. Затѣмъ и въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (1878 № 168) появился призывъ къ содѣйствію общества. Въ отвѣтъ на это пять земскихъ собраній (Харьковское, Полтавское, Черниговское, Самарское и Тверское) заявили о необходимости созвать земскій соборъ. „Можно думать“ — пишетъ авторъ „Записки“ Витте, изложивъ подробно содержаніе этихъ адресовъ, изъ которыхъ только 3 проникли въ печать цѣликомъ, — „что заявленія земствъ о созывѣ земскаго собора были бы гораздо болѣе многочисленны, если бы министерство внутреннихъ дѣлъ своевременно не приняло мѣръ къ недопу-

---

*) Справедливо говорилъ Драгомановъ: „Собственно вполнѣ „мирныхъ способовъ“ у либерализма въ Россіи и быть не можетъ, такъ какъ всякое заявленіе объ измѣненіи высшаго управленія у насъ запрещено законами. Земскіе либералы должны были рѣшительно перестушить черезъ это запрещеніе и хоть этимъ показать свою силу и передъ правительствомъ и передъ террористами. Такъ какъ земскіе либералы такой силы не показали, то имъ довелось дожить до намѣренія правительства уничтожить даже обрѣзанныя уже земскія учрежденія“ (н. с., 41—2).

ценію такихъ заявленій: предводителямъ дворянства, предсѣдательствующимъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, разосланъ былъ циркуляръ, чтобы они не допускали даже чтенія въ собраніяхъ подобныхъ адресовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были произведены аресты и высылки гласныхъ, а въ Черниговѣ въ залу засѣданія даже введены были жандармы, которые силой ее очистили" (104).

Либеральные журналы и газеты поддерживали это движеніе, петиція „25-ти именитыхъ московскихъ гражданъ" Лорисъ-Меликову указывала на созваніе независимаго собранія изъ представителей земствъ и предложеніе этому собранію участія въ управленіи націей. И назначеніемъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Лорисъ-Меликова правительство, *повидимому*, дѣлало уступку. Но именно *повидимому*, ибо не только никакихъ рѣшительныхъ шаговъ, но даже и никакихъ положительныхъ и недопускавшихъ перетолкованія заявленій не было сдѣлано. Лорисъ-Меликовъ созвалъ редакторовъ петербургскихъ періодическихъ изданій и изложилъ имъ „программу": дознать желаніе, нужды и пр. населенія, дать возможность земству и пр. воспользоваться законными правами (либеральная программа гарантируетъ земствамъ тѣ „права", которыя законъ у нихъ систематически урѣзываетъ!) и т. п. Авторъ „Записки" пишетъ:

„Черезъ его собесѣдниковъ — для того они и были приглашены — программа министра оповѣщена была всей Россіи. Въ сущности она не обѣщала ничего опредѣленнаго. Всякій могъ вычитать изъ нея что угодно, т. е. все или ничего. Правъ былъ по своему (только „по своему", а не безусловно „по всякому" правъ?) одинъ изъ подпольныхъ листковъ того времени, выразившись объ этой программѣ, что въ ней одновременно мелькаетъ „лисій хвостъ" и стучитъ зубами „волчья пасть". Такая выходка по адресу программы и ея автора тѣмъ понятнѣе, что сообщая ее представителямъ печати, графъ настойчиво рекомендовалъ имъ „не смущать и не волновать напрасно общественные умы своими мечтательными иллюзіями". Но либеральные земцы не послушались этой *правды* подпольнаго листка и сочли помахиваніе „лисьимъ хвостомъ" за „новый курсъ", которому позволительно довѣриться. „Земство вѣрило и сочувствовало правительству", — повторяетъ „Записка" Витте слова нелегальной брошюры „Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи" — „какъ бы боялось забѣгать впередъ, обращаться къ нему съ чрезмѣрными просьбами". Характерное признаніе свободно высказывающихся сторонниковъ земства: Земскій Союзъ на

съѣздѣ 1880 г. только что рѣшилъ „добиться центральнаго народнаго представительства при непремѣнномъ условіи одной палаты и всеобщаго голосованія“ — и вотъ это рѣшеніе *добиваться* осуществляется тактикой *„не забѣгать впередъ“*, *„вѣрить и сочувствовать“* двусмысленнымъ и ровно ни къ чему не обязывающимъ заявленіямъ! Съ какой то непростительной наивностью земцы воображали, что подавать петиціи это значитъ „добиваться“ — и петиціи „посыпались отъ земства въ изобиліи“. Лорисъ-Меликовъ 28-го января 1881 г. вошелъ съ всепод. докладомъ объ образованіи коммиссіи изъ выборныхъ отъ земствъ для разработки законопроектовъ, указанныхъ „высочайшей волей“ — съ правомъ только совѣщательнаго голоса. Особое Совѣщаніе, назначенное Александромъ II, одобрило эту мѣру, заключеніе Совѣщанія 17-го февраля 1881 г. было утверждено царемъ, который одобрилъ и предложенный Лорисъ-Меликовымъ текстъ правительственнаго сообщенія.

„Несомнѣнно, — пишетъ авторъ „Записки“ Витте, — что учрежденіе такой чисто совѣщательной коммиссіи не создавало еще конституціи.“ Но — продолжаетъ онъ — едва ли можно отрицать, что это было дальнѣйшимъ (послѣ реформъ 60-хъ годовъ) шагомъ къ конституціи и ни къ чему другому. И авторъ повторяетъ сообщеніе заграничной печати, что Александръ II выразился по поводу доклада Лорисъ-Меликова: „Да вѣдь это états généraux“... „Намъ предлагаютъ не что иное какъ собраніе нотаблей Людовика XVI“...

Мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что осуществленіе Лорисъ-Меликовскаго проекта *могло бы* при извѣстныхъ условіяхъ быть шагомъ къ конституціи, но могло бы и не быть таковымъ: все зависѣло отъ того, что̀ пересилитъ — давленіе ли революціонной партіи и либеральнаго общества или противодѣйствіе очень могущественной, сплоченной и неразборчивой въ средствахъ партіи непреклонныхъ сторонниковъ самодержавія. Если говорить не о томъ, что̀ могло бы быть, а о томъ, что̀ было, то придется констатировать несомнѣнный фактъ *колебанія* правительства. Одни стояли за рѣшительную борьбу съ либерализмомъ, другіе — за уступки. Но — и это особенно важно — и эти послѣдніе колебались, не имѣя никакой вполнѣ опредѣленной программы и не возвышаясь надъ уровнемъ бюрократовъ-дѣльцевъ.

„Графъ Лорисъ-Меликовъ — говоритъ авторъ „Записки“ Витте — какъ бы боялся прямо взглянуть на дѣло, боялся вполнѣ точно опредѣлить свою программу, а продолжалъ — въ другомъ, правда, направленіи — прежнюю уклончивую политику, которая по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ была принята еще графомъ Валуевымъ.“

„Какъ справедливо было замѣчено и въ тогдашней легальной печати, самая программа, заявленная Лорисъ-Меликовымъ, отличалась большой неопредѣленностью. Эта неопредѣленность видна и во всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и словахъ графа. Съ одной стороны, онъ заявляетъ, что самодержавіе „разобщено съ населеніемъ“, что „на поддержку общества онъ смотритъ какъ на главную силу“... на проектированную реформу „не смотрѣлъ какъ на нѣчто окончательное, а видѣлъ въ ней только первый шагъ“ и т. д. Въ тоже время, съ другой стороны, графъ заявлялъ представителямъ печати, что ... „возбужденныя въ обществѣ надежды суть ничто иное какъ мечтательная иллюзія ... а во всеподданнѣйшемъ докладѣ государю категорически заявлялъ, что земскій соборъ былъ бы „опаснымъ опытомъ возвращенія къ прошедшему“,... что проектируемая имъ мѣра никакого значенія въ смыслѣ ограниченія самодержавія имѣть не будетъ, ибо не имѣетъ ничего общаго съ западными конституціонными формами. Вообще по справедливому замѣчанія Л. Тихомірова, самый докладъ этотъ отличается замѣчательно запутанной формой“ (стр. 117).

А по отношенію къ *борцамъ* за свободу этотъ пресловутый герой „диктатуры сердца“, Лорисъ-Меликовъ, довелъ „жестокости до не бывавшихъ ни раньше ни позже фактовъ смертной казни 17-ти лѣтняго мальчика за найденный у него печатный листокъ. Лорисъ-Меликовъ не забылъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Сибири, чтобы ухудшить тамъ положеніе людей, страдавшихъ за пропаганду“ (В. Засуличъ въ № 1 „Соціальдемократа“, стр. 84). При такомъ колебаніи правительства только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституціи, а этой силы не было: революціонеры исчерпали себя 1-ымъ марта, въ рабочемъ классѣ не было ни широкаго движенія ни твердой организаціи, либеральное общество оказалось и на этотъ разъ настолько еще политически неразвитымъ, что оно ограничилось и послѣ убійства Александра II одними ходатайствами. Ходатайствовали земства и города, ходатайствовала либеральная печать („Порядокъ“, „Страна“, „Голосъ“), ходатайствовали — въ особенно благонамѣренной, хитросплетенной и затуманенной формѣ — либеральные авторы докладныхъ записокъ (маркизъ Велепольскій, проф. Чичеринъ и проф. Градовскій — „Записка“ Витте излагаетъ ихъ содержаніе по лондонской брошюрѣ:*) „Конституція графа Лорисъ-Меликова“, изд. фонда в. р. пр., Л. 1893), выдумывая „остроумныя попытки перевести монарха черезъ завѣтную черту такъ, чтобы самъ онъ этого не за-

*) Авторъ „Записки“ вообще самымъ тщательнымъ образомъ списываетъ, какъ мы видѣли, нелегальныя брошюры и признаетъ, что „подпольная пресса и иностранная литература съ своихъ точекъ зрѣнія давали довольно вѣрную оцѣнку положенію вопроса“ (стр. 91). У русскаго ученаго „государствовѣда“ оказывается оригинальнымъ только кое-какой сырой матеріалъ, а всѣ основныя точки зрѣнія на политическіе вопросы въ Россіи онъ долженъ заимствовать изъ подпольной литературы.

мѣтилъ". Всѣ эти осторожныя ходатайства и хитроумныя выдумки оказались, разумѣется, безъ революціонной силы — нолемъ, и партія самодержавія побѣдила, побѣдила несмотря на то, что 8-го марта 1881 г. на совѣтѣ министровъ большинство (7 противъ 5) высказалось *за* проектъ Лорисъ-Меликова. (Такъ сообщается въ той же брошюрѣ, но усердно списывающій ее авторъ „Записки" Витте тутъ почему то заявляетъ: „Что происходило на этомъ — 8-го марта — совѣщаніи и къ чему оно пришло, достовѣрно неизвѣстно; полагаться же на слухи, проникшіе въ иностранную печать, было бы неосторожно", 124). 29-го апрѣля 1881 г. вышелъ манифестъ, названный Катковымъ „манной небесной", — объ утвержденіи и охранѣ самодержавія.

Второй разъ, послѣ освобожденія крестьянъ, волна революціоннаго прибоя была отбита, и либеральное движеніе вслѣдъ за этимъ и вслѣдствіе этого второй разъ смѣнилось *реакціей*, которую русское прогрессивное общество принялось, конечно, горько оплакивать. Мы такіе мастера оплакиванья: мы оплакиваемъ безтактность и самоувѣренность революціонеровъ, когда они задираютъ правительство; мы оплакиваемъ нерѣшительность правительства, когда оно, не видя предъ собой настоящей силы, дѣлаетъ лжеуступки и, давая одной рукой, отнимаетъ другой; мы оплакиваемъ „время безъидейности и безъидеальности", когда правительство, расправившись съ неподдержанными народомъ революціонерами, старается наверстать потерянное и укрѣпляется для новой борьбы.

IV.

Эпоха диктатуры сердца, какъ прозвали министерство Лорисъ-Меликова, показала нашимъ либераламъ, что даже „конституціонализмъ" одного министра, даже министра-премьера, при полномъ колебаніи правительства, при одобреніи „перваго шага къ реформѣ" большинствомъ въ совѣтѣ министровъ не гарантируетъ ровно ничего, если нѣтъ серьезной общественной силы, способной заставить правительство сдаться. Интересно также, что и правительство Александра III, даже послѣ выступленія съ манифестомъ объ утвержденіи самодержавія, не сразу еще стало показывать всѣ свои когти, а сочло необходимымъ попробовать нѣкоторое время подурачить „общество". Говоря „подурачить", мы не думаемъ приписать политику правительства какому-либо маккіавелистическому плану того или другого министра, сановника и т. п.

Нельзя достаточно настаивать на томъ, что система лже-уступокъ и нѣкоторыхъ кажущихся важными шаговъ „на встрѣчу“ общественному мнѣнію вошла въ плоть и кровь всякаго современнаго правительства и русскаго въ томъ числѣ, ибо и русское правительство въ теченіе уже многихъ поколѣній сознало необходимость считаться съ общественнымъ мнѣніемъ такъ или иначе, въ теченіе уже многихъ поколѣній воспитывало государственныхъ дѣятелей, изощренныхъ въ искусствѣ внутренней дипломатіи. Такимъ дипломатомъ, имѣвшимъ назначеніе прикрыть отступленіе правительства къ прямой реакціи, явился смѣнившій Лорисъ-Меликова министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Игнатьевъ. Игнатьевъ выступалъ не разъ какъ чистѣйшій демагогъ и обманщикъ, такъ что авторъ „Записки“ Витте проявляетъ не мало „полицейскаго благодушія“, называя періодъ его министерства „неудавшейся попыткой создать самоуправляющуюся мѣстно землю съ самодержавнымъ царемъ во главѣ“. Правда, именно такая „формула“ была выдвинута въ то время И. С. Аксаковымъ, ею пользовалось для своихъ заигрываній правительство, ее разносилъ Катковъ, основательно доказывая необходимую связь между мѣстнымъ самоуправленіемъ и конституціей. Но было бы близорукостью *объяснять* извѣстную тактику полицейскаго правительства (тактику, необходимо присущую ему по самой его природѣ) преобладаніемъ въ данный моментъ того или другого политическаго воззрѣнія.

Игнатьевъ выступилъ съ циркуляромъ, обѣщая, что правительство „приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній“. Земства отвѣтили на этотъ „призывъ“ ходатайствами о „созывѣ выборныхъ отъ народа“ (изъ записки гласнаго Череповецкаго земства; мнѣніе гласнаго Кирилловскаго земства губернаторъ не разрѣшилъ даже напечатать). Правительство предложило губернаторамъ оставлять такія ходатайства „безъ дальнѣйшаго производства“, „и въ тоже время были, повидимому, приняты мѣры, чтобы подобныя ходатайства не были возбуждаемы въ другихъ собраніяхъ“. Дѣлается пресловутая попытка созывать по выбору министровъ „свѣдущихъ людей“ (для обсужденія вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, объ упорядоченіи переселеній, о реформѣ мѣстнаго управленія и пр.) „Работы экспертныхъ коммиссій не вызвали сочувствія въ обществѣ, а со стороны земствъ, *несмотря на всѣ предупредительныя мѣры*, вызвали даже прямой протестъ. Двѣнадцать

земскихъ собраній заявили ходатайства, чтобы къ участію въ законодательной дѣятельности земскіе люди приглашались не въ отдѣльныхъ случаяхъ и не по назначенію отъ правительства, а постоянно и по выбору земствъ.“ Въ самарскомъ земствѣ подобное предложеніе было остановлено предсѣдателемъ, „послѣ чего собраніе въ видѣ протеста разъѣхалось“ (Драгомановъ, н. с., стр. 29. Записка, стр. 131). Что графъ Игнатьевъ *надувалъ* земцевъ, это видно изъ такого, напримѣръ, факта: „Полтавскій предводитель дворянства, г. Устимовичъ, авторъ проекта конституціоннаго адреса 1879 г., заявилъ открыто въ губ. двор. собраніи, что онъ получилъ отъ графа Игнатьева *положительное увѣреніе* (sic!), что правительство призоветъ представителей страны къ участію въ законодательной работѣ.“ (Драгомановъ, тамъ же.)

Прикрытіе прагительственнаго перехода на рѣшительно новый курсъ этими продѣлками Игнатьева закончилось, и назначенный 30-го мая 1882 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ Д. А. Толстой недаромъ заслужилъ себѣ прозвище „министра борьбы“. Ходатайства земствъ даже объ устройствѣ какихъ-нибудь частныхъ съѣздовъ отклонялись безъ церемоній, и даже по жалобѣ губернатора на „систематическую оппозицію“ земства (Череповецкаго) былъ случай замѣны управы правительственной коммиссіей и административной ссылки членовъ управы. Д. А. Толстой, вѣрный ученикъ и послѣдователь Каткова, рѣшилъ предпринять прямо уже „реформу“ земскихъ учрежденій, исходя изъ той основной мысли (дѣйствительно подтверждаемой, какъ мы видѣли, исторіей), что „оппозиція правительству свила себя прочное гнѣздо въ земствѣ“ (стр. 139 „Записки“: изъ первоначальнаго проекта земской реформы). Д. А. Толстой проектировалъ замѣнить земскія управы подчиненными губернатору присутствіями, и всѣ постановленія земскихъ собраній признать подлежащими губернаторскому утвержденію. Это была бы дѣйствительно „радикальная“ реформа, но интересно въ высшей степени, что даже и этотъ ученикъ Каткова, „министръ борьбы“ „не отступилъ — по выраженію самого автора „Записки“ — отъ привычной политики министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ. Свою мысль — упразднить въ сущности земство — онъ не выразилъ въ своемъ проектѣ прямо; подъ видомъ правильнаго развитія началъ самоуправленія онъ желалъ оставить внѣшнюю форму послѣдняго, но лишивъ ее всякаго внутренняго содержанія“. Въ Государственномъ Совѣтѣ эта мудрая государственная политика „лисьяго хвоста“ была еще дополнена и развита, и въ ре-

зультатѣ земское положеніе 1890 г. „оказалось новой полумѣрой въ исторіи земскихъ учрежденій. Оно не упразднило земства, но обезличило и обезцвѣтило его; не уничтожило и всесословнаго начала, но придало ему сословную окраску; .. не сдѣлало изъ земскихъ учрежденій дѣйствительныхъ органовъ власти, ... но увеличило надъ ними опеку губернаторовъ, ... усилило право губернаторскаго протеста.“ „Положеніе 12-го іюля 1890 г. было, въ намѣреніи его составителя, шагомъ по пути къ упраздненію земскихъ учрежденій, но никакъ не кореннымъ преобразованіемъ земскаго самоуправленія.“

Новая „полумѣра“ — какъ излагаетъ дальше „Записка“ — оппозиціи правительству не уничтожила (оппозицію реакціонному правительству и невозможно было бы, разумѣется, уничтожить усиленіемъ этой реакціонности), а только сдѣлала *нѣкоторыя* проявленія ея скрытыми. Оппозиція проявлялась, во-первыхъ, въ томъ, что нѣкоторые анти-земскіе, если можно такъ выразиться, законы встрѣчали отпоръ и de facto не осуществлялись; во-вторыхъ, опять таки въ конституціонныхъ (или по крайней мѣрѣ имѣющихъ запахъ конституціонализма) ходатайствахъ. Перваго рода оппозицію встрѣтилъ, напримѣръ, законъ 10-го іюня 1893 г., подчинившій подробной регламентаціи земскую организацію врачебнаго дѣла. „Земскія учрежденія дали дружный отпоръ министерству внутреннихъ дѣлъ, которое и отступило. Пришлось пріостановить введеніе уже готоваго устава въ дѣйствіе, отложить его въ сторону для полнаго собранія законовъ и выработать новый проектъ, построенный на началахъ совершенно противоположныхъ (т. е. болѣе угодныхъ земствамъ).“ Законъ 8-го іюля 1893 г. объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, вводившій равнымъ образомъ принципъ регламентаціи и стѣсняющій права земства въ дѣлѣ обложенія, тоже встрѣченъ несочувственно и въ массѣ случаевъ „на практикѣ вовсе не примѣняется“. Сила созданныхъ земствомъ и принесшихъ значительную (сравнительно съ бюрократіей, конечно) пользу населенію врачебныхъ и статическихъ учрежденій оказывается достаточной, чтобы парализовать сфабрикованные въ петербургскихъ канцеляріяхъ уставы.

Второго рода оппозиція выразилась и въ новомъ земствѣ въ 1894 г., когда адреса земствъ Николаю II снова намекнули совершенно опредѣленно на ихъ требованія расширить самоуправленіе и вызвали „знаменитыя“ слова о безсмысленныхъ мечтаніяхъ.

„Политическія тенденціи“ земства не исчезли, къ ужасу гг. министровъ. Авторъ „Записки“ приводитъ горькія жало-

бы тверского губернатора (изъ отчета его за 1898 г.) на „тѣсно сплоченный кружокъ людей либеральнаго направленія“, сосредоточивающій въ своихъ рукахъ все веденіе дѣла губернскаго земства. „Изъ отчета того же губернатора за 1895 г. видно, что борьба съ земской оппозиціей составляетъ тяжелую задачу мѣстной администраціи и что отъ предсѣдательствующихъ въ земскихъ собраніяхъ предводителей дворянства требуется иногда даже „гражданское мужество“ (вотъ какъ!) для выполненія конфиденціальныхъ циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ о предметахъ, которыхъ земскія учрежденія не должны касаться.“ И дальше идетъ разсказъ о томъ, какъ губернскій предводитель дворянства сдалъ передъ собраніемъ должность уѣздному (тверскому), тверской-новоторжскому, новоторжскій тоже заболѣлъ и сдалъ предсѣдательство старицкому. Итакъ, даже предводители дворянства обращаются въ бѣгство, не желая исполнять полицейскихъ обязанностей! „Закономъ 1890 г. — сѣтуетъ авторъ „Записки“ — земству дана сословная окраска, усиленъ въ собраніяхъ правительственный элементъ, въ составъ губернскихъ земскихъ собраній введены всѣ уѣздные предводители дворянства и земскіе начальники, и если такое обезличенное сословно-бюрократическое земство продолжаетъ тѣмъ не менѣе проявлять политическую тенденцію, то надъ этимъ слѣдовало бы призадуматься.“..... „Противодѣйствіе не уничтожено: глухое недовольство, молчаливая оппозиція живутъ несомнѣнно и будутъ жить до тѣхъ поръ, пока не умретъ всесословное земство.“ Таково послѣднее слово бюрократической мудрости: если урѣзанное представительство порождаетъ недовольство, то уничтоженіе всякаго представительства — по простой человѣческой логикѣ — еще усилитъ это недовольство и оппозицію. Г. Витте воображаетъ, что если закрыть одно изъ учрежденій, выносящихъ наружу хоть частичку недовольства, то недовольство исчезнетъ! Но думаете-ли вы, что Витте предлагаетъ поэтому что-либо рѣшительное въ родѣ упраздненія земства? Нѣтъ, ничуть не бывало. Разнося уклончивую политику ради краснаго словца, Витте самъ не предлагаетъ ничего кромѣ нея же, — да и не можетъ предлагать, не вылѣзая изъ своей шкуры министра самодержавнаго правительства. Витте бормочетъ что-то совершенно пустяковиное о „третьемъ пути“: не господство бюрократіи и не самоуправленіе, а административная реформа, „правильно организующая“ „участіе общественныхъ элементовъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ“. Сказать такой вздоръ легко, но только ровно уже никого теперь — послѣ всякихъ опытовъ

со „свѣдущими людьми“ — не обманетъ эта выдумка: слишкомъ очевидно, что *безъ конституціи* всякое „участіе общественныхъ элементовъ“ будетъ фикціей, будетъ подчиненіемъ общества (или тѣхъ или другихъ „призванныхъ“ отъ общества) бюрократіи. Критикуя частную мѣру министерства внутреннихъ дѣлъ — введеніе земства на окраинахъ — Витте по общему вопросу, имъ же самимъ выдвинутому, не можетъ дать равно ничего новаго, подогрѣвая только старые пріемы полумѣръ, лжеуступокъ, обѣщанья всякихъ благъ и неисполненія никакихъ обѣщаній. Нельзя съ достаточной силой подчеркнуть, что по общему вопросу о „направленіи внутренней политики“ Витте и Горемыкинъ — едино суть, и споръ между ними есть споръ своихъ людей, домашняя ссора въ предѣлахъ одной шайки. Съ одной стороны, и Витте спѣшитъ заявить, что „ни упраздненія земскихъ учрежденій, ни какой либо ломки существующаго порядка я не предлагалъ и не предлагаю... объ упраздненіи ихъ (существующихъ земствъ) при настоящихъ условіяхъ едва ли можетъ быть рѣчь“. Витте „съ своей стороны думаетъ, что съ созданіемъ на мѣстахъ сильной правительственной власти возможно будетъ съ большимъ довѣріемъ отнестись къ земствамъ“ и т. д. Создавши сильный бюрократическій противовѣсъ самоуправленію (т. е. обезсиливъ самоуправленіе), можно больше „довѣрить“ ему. Старая это пѣсенка! Г. Витте боится только „всесословныхъ учрежденій“, онъ „вовсе не имѣлъ въ виду и не считалъ для самодержавія опасной дѣятельность разнаго рода корпорацій, обществъ, сословныхъ или профессіональныхъ союзовъ“. Напримѣръ, относительно „сельскихъ общинъ“ г. Витте ни мало не сомнѣвается въ ихъ безопасности для самодержавія вслѣдствіе ихъ „косности“. „Преобладаніе отношеній по землѣ и связанныхъ съ ними интересовъ придаютъ сельскому населенію такія духовныя особенности, которыя дѣлаютъ его безразличнымъ ко всему, что выходитъ за предѣлы политики своей колокольни... Нашъ крестьянинъ занятъ на сходахъ раскладкой податей, ... распредѣленіемъ поземельныхъ участковъ и т. п. Кромѣ того, онъ неграмотенъ или полуграмотенъ, — *какая же тутъ можетъ быть политика?*“ Г. Витте очень трезвъ, какъ видите. По отношенію къ сословнымъ союзамъ онъ заявляетъ, что въ отношеніи ихъ опасности для центральной власти „существенное значеніе имѣетъ разобщенность ихъ интересовъ. Пользуясь этой разобщенностью, правительство противъ политическихъ притязаній одного сословія всегда можетъ находить опору и противовѣсъ въ другихъ“. Не что иное какъ одну изъ без-

конечныхъ попытокъ полицейскаго государства „разобщить“ населеніе представляетъ собой и „программа“ Витте: „правильно организованное участіе общественныхъ элементовъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ“.

Съ другой стороны, и г. Горемыкинъ, съ которымъ г. Витте такъ яростно полемизируетъ, ведетъ и самъ ту же систематическую политику разобщенія и притѣсненія. Онъ доказываетъ (въ своей запискѣ, на которую отвѣчаетъ Витте) необходимость созданія новыхъ должностей чиновниковъ для надзора за земствомъ, онъ — противъ разрѣшенія даже простыхъ мѣстныхъ съѣздовъ земскихъ дѣятелей, онъ горой стоитъ за положеніе 1890 г., этотъ шагъ къ упраздненію земства, онъ боится включенія земствами въ программы оцѣночныхъ работъ „тенденціозныхъ вопросовъ“, боится земской статистики вообще, онъ стоитъ за то, что народную школу надо изъять изъ рукъ земства и передать въ вѣдѣніе учрежденій правительственныхъ, онъ доказываетъ, что земства неспособны вести продовольственное дѣло (земскіе дѣятели вызываютъ — видите ли — „преувеличенныя представленія о размѣрахъ бѣдствія и потребностяхъ пострадавшаго отъ неурожая населенія“!!), онъ отстаивалъ правила о предѣльности земскаго обложенія „въ цѣляхъ огражденія землевладѣнія отъ чрезмѣрнаго увеличенія земскихъ сборовъ“. Такимъ образомъ Витте совершенно правъ, когда онъ заявляетъ: „Вся политика министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ земству заключается въ медленномъ, но неуклонномъ подтачиваніи его органовъ, постепенномъ ослабленіи ихъ значенія и постепенномъ же сосредоточеніи ихъ функцій въ вѣдѣніи правительственныхъ установленій. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что когда указываемыя въ запискѣ (Горемыкина) „мѣропріятія, принятыя за послѣднее время въ цѣляхъ упорядоченія отдѣльныхъ отраслей земскаго хозяйства и управленія“, будутъ приведены къ благополучному концу, то въ дѣйствительности у насъ не будетъ никакого самоуправленія, — отъ земскихъ учрежденій останется одна идея да внѣшняя оболочка, безъ всякого дѣлового содержанія“. Политика Горемыкина (и еще болѣе Сипягина) и политика Витте идетъ, слѣдовательно, къ одному и тому же, и состязаніе по вопросу о земствѣ и конституціонализмѣ есть, повторяемъ, не болѣе какъ домашняя ссора. Милые бранятся — только тѣшатся. Таковъ итогъ „борьбы“ гг. Витте и Горемыкина. Что же касается до нашихъ итоговъ по общему вопросу о самодержавіи и земствѣ, то ихъ удобнѣе подвести въ связи съ разборомъ предисловія г-на Р. Н. С.

V.

Предисловіе г-на Р. Н. С. представляетъ много интереснаго. Въ немъ затронуты самые широкіе вопросы о политическомъ преобразованіи Россіи, о разнообразныхъ способахъ этого преобразованія, о значеніи тѣхъ и другихъ силъ, ведущихъ къ преобразованію. Съ другой стороны, г. Р. Н. С., стоящій, очевидно, въ близкихъ отношеніяхъ къ либеральнымъ кругамъ вообще и земско-либеральнымъ кругамъ въ особенности, представляетъ изъ себя, несомнѣнно, нѣчто новое въ хорѣ нашей „подпольной“ литературы. Поэтому и для выясненія принципіальнаго вопроса о политическомъ значеніи земства и для ознакомленія съ вѣяніями и ... не скажу: направленіями, а настроеніями въ кругахъ, близкихъ къ либераламъ — очень стоитъ остановиться поподробнѣе на этомъ предисловіи, разобрать, плюсъ или минусъ, насколько плюсъ, насколько и въ чемъ минусъ это новое?

Основная особенность воззрѣній г. Р. Н. С. состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ видно изъ очень многихъ, цитируемыхъ нами ниже, мѣстъ его статьи, онъ поклонникъ мирнаго, постепеннаго, строго легальнаго развитія. Съ другой стороны, онъ всей душой возстаетъ противъ самодержавія и жаждетъ политической свободы. Но самодержавіе потому и есть самодержавіе, что оно запрещаетъ и преслѣдуетъ *всякое* „развитіе“ къ свободѣ. Это противорѣчіе проникаетъ собой всю статью г. Р. Н. С., дѣлая его разсужденія крайне непослѣдовательными, нетвердыми, шаткими. Совмѣстить конституціонализмъ съ заботой о строго легальномъ развитіи самодержавной Россіи можно только посредствомъ предположенія или хотя бы допущенія того, что самодержавное правительство *само* поймета, утомится, уступитъ и т. п. И г-ну Р. Н. С. съ высоты его гражскаго негодованія дѣйствительно случается падать и до этой вульгарной точки зрѣнія самаго неразвитого либерализма. Вотъ примѣръ. Г. Р. Н. С. говоритъ о себѣ: ...„мы, видящіе въ борьбѣ за политическую свободу для сознательныхъ современныхъ людей Россіи ихъ Аннибалову клятву, столь же святую, какъ нѣкогда борьба за освобожденіе крестьянъ для людей сороковыхъ годовъ“, ... и еще: ... „какъ ни тяжело намъ, людямъ, давшимъ „Аннибалову клятву“ борьбы съ самодержавіемъ“, и т. д. Хорошо сказано, сильно сказано! Эти сильныя слова служили бы украшеніемъ статьи, если бы всю ее проникалъ тотъ же духъ непреклонной, непримиримой борьбы („Аннибалова клятва“!). Эти сильныя слова — именно потому, что они такъ сильны — будутъ звучать

чѣмъ-то фальшивымъ, если рядомъ съ ними промелькнетъ нотка искусственнаго примиренія и успокоенія, попытка провести, хотя бы цѣною всяческихъ натяжекъ, концепцію мирнаго, строго легальнаго развитія. А у г. Р. Н. С. такихъ нотокъ и такихъ попытокъ, къ сожалѣнію, слишкомъ достаточно. Онъ удѣляетъ, напримѣръ, цѣлыхъ полторы страницы подробному „обоснованію“ той мысли, что „государственная политика въ царствованіе Николая II заслуживаетъ **еще болѣе** (курсивъ нашъ) суроваго осужденія съ нравственной и политической точки зрѣнія, чѣмъ черный передѣлъ реформъ Александра II при Александрѣ III.“ Почему же *болѣе* суроваго осужденія? Оказывается, потому что Александръ III боролся съ революціей, а Николай II — съ „легальными стремленіями русскаго общества“, первый — съ политически сознательными, второй — „съ вполнѣ мирными и подчасъ даже дѣйствующими безъ всякой ясной политической мысли общественными силами“ („плохо даже сознающими, что ихъ сознательная культурная работа подтачиваетъ государственный строй“). Это въ очень значительной степени невѣрно фактически, — о чемъ рѣчь ниже. Но и помимо того нельзя не отмѣтить странности самаго хода разсужденій автора. Онъ осуждаетъ самодержавіе, и изъ двухъ самодержцевъ онъ *болѣе* осуждаетъ одного не по характеру политики, которая осталась прежней, а потому, что передъ нимъ нѣтъ (будто бы) „задировъ“, вызывающихъ, „естественно“, рѣзкій отпоръ, нѣтъ, слѣдовательно, повода къ преслѣдованіямъ. Не сквозитъ-ли въ самомъ уже употребленіи подобнаго аргумента явной уступки тому вѣрноподданному доводу, что де нашему батюшкѣ-царю нечего бояться созвать излюбленныхъ людей, ибо всѣ эти излюбленные люди и не помышляли никогда о чемъ либо, выходящемъ изъ рамокъ мирныхъ стремленій и строгой легальности? Насъ не удивляетъ, если мы читаемъ такой „ходъ мыслей“ (или такой ходъ лжи) у г. Витте, который пишетъ въ своей запискѣ: „Казалось бы, что тамъ, гдѣ нѣтъ ни политическихъ партій, ни революцій, гдѣ никто не оспариваетъ правъ верховной власти, — тамъ нельзя противопоставлять администрацію народу или обществу“ . . .*) и т. д. Насъ не удивляетъ такое разсужденіе у г. Чичерина, который въ запискѣ, поданой графу Милютину послѣ 1-го марта 1881 г., заявлялъ, что „власти необходимо

*) Стр. 205. „Это даже неумно“, замѣчаетъ г. Р. Н. С. въ примѣчаніи къ этому мѣсту. Совершенно справедливо. Но развѣ не изъ той же глины слѣплены вышеуказанныя разсужденія г-на Р. Н. С. на стр. XI—XII его предисловія?

прежде всего показать свою энергію, доказать, что она не свернула своего знамени предъ угрозою", что „монархическій порядокъ совмѣстенъ съ свободными учрежденіями лишь тогда, когда они являются плодомъ мирнаго развитія, спокойной иниціативы самой верховной власти" и совѣтовалъ создать „сильную и либеральную" власть, дѣйствующую при помощи „законодательнаго органа, усиленнаго и обновленнаго выборнымъ элементомъ".*) Со стороны вотъ этакого г. Чичерина было бы совершенно естественно признавать заслуживающей большаго осужденія политику Николая II *потому*, что въ его царствованіе мирное развитіе и спокойная иниціатива самой верховной власти *могли бы* привести къ свободнымъ учрежденіямъ. Но естественно-ли, прилично-ли такого рода разсужденіе въ устахъ человѣка, давшаго Аннибалову клятву борьбы?

И фактически г. Р. Н. С. не правъ. „Теперь — говоритъ онъ, сравнивая настоящее царствованіе съ предъидущимъ, — . . . о томъ насильственномъ переворотѣ, который предносился дѣятелямъ „Народной Воли", никто серьезно не помышляетъ." Parlez pour vous, monsieur! Говорите только за себя! Намъ же доподлинно извѣстно, что революціонное движеніе въ Россіи за послѣднее царствованіе не только не умерло и не ослабѣло по сравненію съ прошлымъ царствованіемъ, а, напротивъ, воскресло и возросло во много разъ. И какое же это было бы „революціонное" движеніе, если бы изъ его участниковъ никто серьезно не помышлялъ о насильственномъ переворотѣ? Намъ, можетъ быть, возразятъ, что въ приведенныхъ строкахъ г. Р. Н. С. имѣетъ въ виду не насильственный переворотъ вообще, а переворотъ специфически „народовольческій", т. е. переворотъ и политическій и соціальный въ одно и то же время, переворотъ, ведущій не только къ низверженію самодержавія, но и къ захвату власти. Такое возраженіе было бы неосновательно, ибо, во-первыхъ, для самодержавія какъ такового (т. е. для самодержавнаго правительства, а не для „буржуазіи" или „общества") важно вовсе не то, *для чего* его хотятъ свергнуть, а *то, что* его хотятъ свергнуть. А во-вторыхъ, и дѣятели „Народной Воли" въ самомъ началѣ царствованія Александра III „преподнесли" правительству альтернативу именно такую, какую ставитъ передъ Николаемъ II соціальдемократія: или революціонная борьба или отреченіе отъ самодержавія. (См. письмо Исполнительнаго Комитета „На-

*) „Записка" Витте, стр. 122—123. „Конституція графа Лорисъ-Меликова", стр. 24.

родной Воли“ къ Александру III отъ 10-го марта 1881 г., гдѣ поставлены два условія: 1. общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ и 2. созывъ представителей отъ всего русскаго народа при всеобщемъ избирательномъ правѣ и свободѣ печати, слова и сходокъ.) Да г. Р. Н. С. и самъ отлично знаетъ, что о насильственномъ переворотѣ „серьезно помышляютъ“ многіе не только изъ среды интеллигенціи, но и изъ среды рабочаго класса: загляните на стр. XXXIX и слѣд. его статьи, гдѣ говорится о „революціонной соціаль-демократіи“, которой обезпечены и „массовая основа и умственныя силы“, которая идетъ къ „рѣшительной политической борьбѣ“, къ „кровавой борьбѣ революціонной Россіи съ самодержавно-бюрократическимъ режимомъ“ (XLI). Не подлежитъ, такимъ образомъ, никакому сомнѣнію, что „благонамѣренныя рѣчи“ г. Р. Н. С. представляютъ собой лишь особый пріемъ, попытку повліять на правительство (или на „общественное мнѣніе“) посредствомъ увѣреній въ своей (или въ чужой) скромности.

Г. Р. Н. С. думаетъ, впрочемъ, что понятіе борьбы можно истолковать очень широко. „Упраздненіе земства — пишетъ онъ — дастъ революціонной пропагандѣ огромный козырь — мы говоримъ это вполнѣ объективно (sic!), не испытывая никакого отвращенія къ тому, что обычно зовется революціонной дѣятельностью, но и не восхищаясь и не увлекаясь именно этой формой (sic!) борьбы за политическій и общественный прогрессъ.“ Эта тирада очень знаменательна. Если приподнять quasi ученую формулировку, щеголяющую совершенно некстати „объективностью“ (разъ авторъ самъ ставитъ вопросъ о предпочтительности для него той или другой формы дѣятельности, или формы борьбы, то говорить при этомъ объ объективности его отношенія то же самое, что приравнивать дважды два къ стеариновой свѣчкѣ), — то получится старая, пре-старая аргументація: мнѣ вы, господа правители, можете повѣрить, если я васъ пугаю революціей, ибо у меня къ ней душа совсѣмъ не лежитъ. Ссылка на объективность есть ѣе что иное, какъ фиговый листочекъ, прикрывающій субъективную антипатію къ революціи и революціонной дѣятельности. А въ прикрытіи нуждается г. Р. Н. С. потому, что съ Аннибаловой клятвой борьбы подобная антипатія никакъ не совмѣстима.

Впрочемъ, не ошибаемся ли мы насчетъ этого самаго Аннибала? Давалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ клятву борьбы съ римлянами, или только борьбы за прогрессъ Карѳагена, каковой прогрессъ конечно въ послѣднемъ счетѣ повредилъ

бы Риму? Нельзя ли понимать слово борьба не такъ „узко"? Г. Р. Н. С. думаетъ, что можно. Борьба съ самодержавіемъ — такъ слѣдуетъ изъ сопоставленія Аннибаловой клятвы съ текстомъ приведенной тирады — проявляется въ разныхъ „формахъ": одна форма — это борьба революціонная, нелегальная, другая форма это — вообще „борьба за политическій и общественный прогрессъ", т. е., другими словами, мирная, легальная дѣятельность, насаждающая культуру въ рамкахъ, дозволенныхъ самодержавіемъ. Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что и при самодержавіи возможна легальная дѣятельность, двигающая впередъ россійскій прогрессъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно быстро двигающая прогрессъ техническій, въ немногихъ случаяхъ весьма незначительно — прогрессъ общественный, въ совершенно исключительныхъ случаяхъ и въ совершенно миніатюрныхъ размѣрахъ — прогрессъ политическій. Можно спорить о томъ, насколько именно великъ и насколько возможенъ этотъ миніатюрный прогрессъ, насколько единичные случаи такого прогресса способны парализовать то массовое политическое развращеніе населенія, которое производится самодержавіемъ повсюду и постоянно. Но подводить хотя бы и косвенно мирную легальную дѣятельность подъ понятіе борьбы съ самодержавіемъ значитъ содѣйствовать этому развращенію, значитъ ослаблять и безъ того безконечно слабое въ русскомъ обывателѣ сознаніе своей отвѣтственности, какъ гражданина, за *все*, что̀ дѣлаетъ правительство.

Къ сожалѣнію г. Р. Н. С. не одинокъ среди нелегальныхъ писателей, пытающихся стереть разницу между революціонной борьбой и мирнымъ культурничествомъ. У него есть предшественникъ, г. Р. М., авторъ статьи „Наша дѣйствительность" въ знаменитомъ „Отдѣльномъ приложеніи къ Рабочей Мысли" (сентябрь 1899 г.). Возражая соціаль-демократамъ-революціонерамъ, онъ писалъ: „Вѣдь и борьба за земское и городское общественное самоуправленіе, и борьба за общественную школу, и борьба за общественный судъ, и борьба за общественную помощь голодающему населенію и т. д. есть борьба съ самодержавіемъ... Эта общественная борьба, по какому-то странному недоразумѣнію не обращающая на себя благосклоннаго вниманія многихъ русскихъ революціонныхъ писателей, какъ мы видѣли, уже ведется русскимъ обществомъ и не со вчерашняго дня.... Настоящій вопросъ въ томъ, какъ этимъ отдѣльнымъ общественнымъ слоямъ ... вести эту борьбу съ самодержавіемъ возможно успѣшнѣе.... А главный для насъ вопросъ: какъ должны вести эту обще-

ственную борьбу съ самодержавіемъ наши рабочіе, на движеніе которыхъ наши революціонеры смотрятъ какъ на лучшее средство ниспроверженія самодержавія“ (стр. 8—9). Какъ видите, г. Р. М. не считаетъ нужнымъ и прикрывать свою антипатію къ революціонерамъ; легальную оппозицію и мирную работу онъ прямо объявляетъ борьбой съ самодержавіемъ и даже главнымъ считаетъ вопросъ, какъ должны рабочіе вести „*эту*“ борьбу. Г. Р. Н. С. далеко не такъ примитивенъ и не такъ откровененъ, но родственность политическихъ тенденцій у нашего либерала и у крайняго поклонника чисто рабочаго движенія проглядываетъ довольно ясно.*)

Что касается до „объективизма“ г. Р. Н. С., то мы должны замѣтить, что онъ иногда и прямикомъ отбрасываетъ его. Онъ остается „объективнымъ“, когда говоритъ о рабочемъ движеніи, объ его органическомъ ростѣ, о грядущей неизбѣжной борьбѣ революціонной соціаль-демократіи съ самодержавіемъ, о томъ, что организація либераловъ въ нелегальную партію будетъ неизбѣжнымъ результатомъ упраздненія земства. Все это изложено очень дѣловито и очень трезво, настолько трезво, что можно радоваться распространенію въ либеральныхъ кругахъ правильнаго пониманія рабочаго движенія въ Россіи. Но когда г. Р. Н. С. начинаетъ говорить не о борьбѣ съ врагомъ, а о возможномъ „смиреніи“ врага, — онъ сразу теряетъ свой „объективизмъ“, выражаетъ свои чувства, переходитъ даже отъ изъявительнаго наклоненія къ повелительному.

„Только въ томъ случаѣ дѣло не дойдетъ до конечной и кровавой борьбы революціонной Россіи съ самодержавно-бюрократическимъ режимомъ, если среди власть имущихъ окажутся лица, у которыхъ найдется мужество — смириться предъ исторіей и смирить предъ ней самодержца... Несомнѣнно, что среди высшей бюрократіи есть лица, не сочувствующія реакціонной политикѣ... Они, единственныя лица, имѣющія доступъ къ престолу, никогда не рѣшаются громко высказывать свои убѣжденія... Быть можетъ, однако, огромная тѣнь неизбѣжной исторической расплаты,

---

*) Хозяйственныя организаціи рабочихъ — говоритъ г. Р. Н. С. въ другомъ мѣстѣ — „явятся школой реальнаго политическаго воспитанія рабочихъ массъ“. Мы бы посовѣтовали автору поосторожнѣе употреблять это истасканное рыцарями оппортунизма словечко „реальный“. Нельзя отрицать, что при извѣстныхъ условіяхъ и хозяйственныя организаціи рабочихъ могутъ много дать для ихъ политическаго воспитанія (какъ нельзя отрицать, что при другихъ условіяхъ онѣ могутъ дать кое-что и для ихъ политическаго развращенія). Но *реальное* политическое воспитаніе рабочимъ массамъ можетъ дать только всестороннее участіе ихъ въ революціонномъ движеніи вплоть до открытой уличной борьбы, вплоть до гражданской войны съ защитниками политическаго и экономическаго рабства.

тѣнь великихъ событій внесетъ колебанія въ правительственную среду и во время разрушитъ желѣзный строй реакціонной политики. Для этого теперь нужно сравнительно немного... Быть можетъ, оно (правительство) не слишкомъ поздно пойметъ также фатальную опасность охраненія самодержавнаго режима всѣми средствами. Быть можетъ, оно, еще не встрѣтившись съ революціей, само утомится своей борьбой съ естественнымъ, исторически-необходимымъ развитіемъ свободы и поколеблется въ своей „непримиримой" политикѣ. Переставъ быть послѣдовательнымъ въ борьбѣ со свободой, оно будетъ вынуждено все шире и шире раскрывать ей двери. Быть можетъ.... пѣтъ, не только можетъ быть, но *да будетъ такъ!*" (Курсивъ автора).

Аминь! остается намъ только сказать по поводу этого благонамѣреннаго и возвышеннаго монолога. Нашъ Аннибалъ такъ быстро прогрессируетъ, что выступаетъ уже передъ нами въ третьей формѣ: первая форма — борьба съ самодержавіемъ, вторая — насажденіе культуры, третья — призывы къ смиренію врага и попытки запугать его „тѣнью". Какія страсти! Мы вполнѣ согласны съ почтеннымъ г. Р. Н. С. въ томъ, что „тѣней"-то святоши русскаго правительства скорѣе всего на свѣтѣ испугаются. И непосредственно предъ этимъ заклинаніемъ тѣней, нашъ авторъ, указавши на ростъ революціонныхъ силъ и на грядущій революціонный взрывъ, восклицалъ: „Съ глубокой скорбью мы предвидимъ тѣ ужасныя жертвы и людьми и культурными силами, которыхъ будетъ стоить эта безумная агрессивно-консервативная политика, не имѣющая ни политическаго смысла, ни тѣни нравственнаго оправданія". Какую бездонную пропасть доктринерства и елейности пріоткрываетъ такой конецъ разсужденія о революціонномъ взрывѣ! У автора нѣтъ ни капельки пониманія того, какое бы это имѣло гигантское историческое значеніе, если бы народъ въ Россіи хоть разъ хорошенько проучилъ правительство. Вмѣсто того, чтобы, указывая на „ужасныя жертвы", принесенныя и приносимыя народомъ абсолютизму, будить ненависть и возмущеніе, разжигать готовность и страсть къ борьбѣ, — вмѣсто этого вы ссылаетесь на *будущія* жертвы, чтобы отпугнуть отъ борьбы. Эхъ, господа! Лучше ужъ вовсе не разсуждать о „революціонномъ взрывѣ", чѣмъ портить это разсужденіе подобнымъ финаломъ. *Дѣлать* „великія событія" вы, очевидно, не хотите, а хотите только разговаривать о „тѣни великихъ событій", да и разговаривать то съ одними „лицами, имѣющими доступъ къ престолу".

Подобнаго рода разговорами съ тѣнями и о тѣняхъ полнымъ — полна, какъ извѣстно, и наша легальная пресса. А чтобы придать тѣнямъ реальность, принято ссылаться въ видѣ примѣра на „великія реформы" и пѣть имъ полное

условной лжи аллилуйа. Подцензурному писателю нельзя иногда не простить этой лжи, ибо иначе онъ не можетъ выразить своего стремленія къ политическимъ преобразованіямъ. Но надъ г. Р. Н. С. цензуры не было. „Великія реформы — пишетъ онъ — были задуманы не для вящаго торжества бюрократіи.“ Посмотрите, до какой степени уклончива эта апологетическая фраза. *Кѣмъ* „задуманы“? Герценомъ, Чернышевскимъ, Унковскимъ и тѣми, кто шелъ съ ними? Но эти люди требовали несравненно большаго, чѣмъ то, что осуществили „реформы“, и за свои требованія они подвергались преслѣдованіямъ со стороны правительства, проводившаго „великія“ реформы. — Правительствомъ и тѣми, кто, слѣпо славословя, шелъ за нимъ, огрызаясь на „задиръ“? Но правительство сдѣлало все возможное и невозможное, чтобы уступить какъ можно меньше, чтобы обкарнать демократическія требованія и обкарнать *именно* „для вящаго торжества бюрократіи“. Г. Р. Н. С. прекрасно знаетъ всѣ эти историческіе факты и затушевываетъ ихъ только потому, что они всецѣло опровергаютъ его благодушную теорію о возможномъ „смиреніи“ самодержца. Въ политикѣ нѣтъ мѣста смиренію, и только безграничная простота (и святая и лукавая простота) можетъ принимать за смиреніе исконный полицейскій пріемъ: divide et impera, раздѣляй и властвуй, уступи неважное, чтобы сохранить существенное, дай лѣвой рукой и отними правой. . . . „Правительство Александра II, задумывая и проводя „великія реформы“, не ставило себѣ въ тоже время сознательной цѣли — во что бы то ни стало отрѣзать русскому народу всякій легальный путь къ политической свободѣ, не взвѣшивало съ этой точки зрѣнія всякій свой шагъ, всякую статью закона.“ Это **неправда.** Правительство Александра II, и „задумывая“ реформы и проводя ихъ, ставило себѣ съ самаго начала совершенно сознательную цѣль: не уступать тогда же заявленному требованію политической свободы. Оно съ самаго начала и до самаго конца отрѣзывало всякій легальный путь къ свободѣ, ибо отвѣчало репрессіями даже на простыя ходатайства, ибо не разрѣшало никогда даже говорить свободно о свободѣ. Въ опроверженіе славословія г-на Р. Н. С. достаточно сослаться хотя бы на приведенные нами выше факты, изложенные въ „Запискѣ“ Витте. О лицахъ же, составлявшихъ правительство Александра II, самъ Витте выражается, напримѣръ, такъ: „Необходимо отмѣтить, что выдающіеся государственные дѣятели эпохи 60-хъ годовъ, славныя имена которыхъ сохранятся и въ благодарномъ потомствѣ, сдѣлали въ свое время столь

много великаго, сколько едва ли сдѣлали ихъ преемники, и трудились надъ обновленіемъ нашего государственнаго и общественнаго строя по искреннимъ своимъ убѣжденіямъ съ беззавѣтной преданностью своему государю и не вопреки его стремленіямъ" (стр. 67 „Записки"). Вотъ что правда — то правда: по искреннимъ убѣжденіямъ съ беззавѣтной преданностью стоящему во главѣ полицейской шайки государю...

Послѣ вышеизложеннаго насъ уже не должно удивлять, что г. Р. Н. С. даетъ крайне мало по самому важному вопросу о роли земства въ борьбѣ за политическую свободу. Кромѣ обычныхъ ссылокъ на „практическое" и „культурное" дѣло земства, онъ указываетъ бѣгло на его „воспитательно-политическое значеніе", говоритъ, что „земство имѣетъ политическое значеніе", что земство, какъ ясно видитъ г. Витте, „опасно (для существующаго порядка) только въ силу исторической тенденціи своего развитія — какъ зародышъ конституціи". И въ заключеніе этихъ, точно случайно оброненныхъ замѣчаній выходка противъ революціонеровъ: „Мы цѣнимъ произведеніе г. Витте не только за его правду о самодержавіи, но также и какъ драгоцѣнный политическій аттестатъ, выданный земству самой бюрократіей. Этотъ аттестатъ служитъ превосходнымъ отвѣтомъ всѣмъ тѣмъ, кто по недостатку политическаго образованія или по увлеченію революціонной фразой (sic!) не желалъ и не желаетъ видѣть крупнаго политическаго значенія русскаго земства и его легальной культурной дѣятельности". Кто же это обнаружилъ недостатокъ образованія или увлеченіе фразой? гдѣ и когда? Съ кѣмъ и почему несогласенъ г. Р. Н. С.? На это нѣтъ отвѣта, и выходка автора не говоритъ ничего кромѣ развѣ заявленія объ антипатіи его къ революціонерамъ, знакомой намъ и по другимъ мѣстамъ статьи. Нисколько не разъясняетъ дѣла еще болѣе странное примѣчаніе: „Этими словами мы вовсе не хотимъ (?!) задѣть революціонныхъ дѣятелей, въ которыхъ нельзя не цѣнить прежде всего нравственнаго мужества въ борьбѣ съ произволомъ". Зачѣмъ это? къ чему это? Какая есть связь между нравственнымъ мужествомъ и неумѣньемъ оцѣнить земство? Г. Р. Н. С. поправился по истинѣ изъ кулька въ рогожку: сначала онъ „задѣлъ" революціонеровъ голословнымъ и „анонимнымъ" (т. е. неизвѣстно противъ кого направленнымъ) обвиненіемъ въ невѣжествѣ и фразѣ, а теперь еще „задѣваетъ" ихъ предположеніемъ, что пилюлю обвиненія въ невѣжествѣ ихъ можно заставить проглотить, если позолотить ее признаніемъ ихъ нравственнаго мужества. Въ довершеніе неясности г. Р. Н. С. самъ себѣ противорѣчитъ, за-

являя — какъ бы въ одинъ голосъ съ „увлекающимися революціонной фразой“ — что „современное русское земство... не есть политическая величина, которая своей непосредственной силой могла бы кому либо импонировать, могла бы кого либо устрашать ... Оно еле-еле отстаиваетъ свою скромную позицію“... „Такія учрежденія (какъ земство) ... сами по себѣ могутъ грозить этому (самодержавному) строю только въ отдаленномъ будущемъ и лишь въ связи съ развитіемъ всей культуры страны.“

VI.

Попытаемся же разобраться въ этомъ вопросѣ, о которомъ г. Р. Н. С. говоритъ такъ сердито и такъ безсодержательно. Факты, приведенные нами выше, показываютъ, что „политическое значеніе“ земства, т. е. значеніе его какъ фактора въ борьбѣ за политическую свободу, состоитъ главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, эта организація представителей нашихъ имущихъ классовъ (и въ особенности земельнаго дворянства) постоянно противопоставляетъ выборныя учрежденія бюрократіи, вызываетъ постоянные конфликты между ними, показываетъ на каждомъ шагу реакціонный характеръ безотвѣтственнаго царскаго чиновничества, поддерживаетъ недовольство и питаетъ оппозицію самодержавному правительству.*) Во-вторыхъ, земства, втиснутыя какъ пятое колесо въ бюрократической повозкѣ, стремятся упрочить свое положеніе, расширить свое значеніе, стремятся — и даже, по выраженію Витте, „безсознательно идутъ“ — къ конституціи, предъявляя ходатайства о ней. Они оказываются поэтому негоднымъ союзникомъ правительства въ борьбѣ его съ революціонерами, они хранятъ дружественный нейтралитетъ по отношенію къ революціонерамъ и оказываютъ имъ хотя и косвенную, но несомнѣнную услугу, внося въ критическіе моменты колебанія въ репрессивныя мѣры правительства. Разумѣется, ни „крупнаго“, ни вообще сколько-нибудь самостоятельнаго фактора политической борьбы нельзя видѣть въ учрежденіи, которое въ лучшемъ случаѣ способно было до сихъ поръ лишь на либеральныя ходатайства и на дружественный нейтралитетъ, но роль одного изъ *вспомогательныхъ* факторовъ за земствомъ отрицать нельзя. Въ этомъ смыслѣ мы готовы даже, если хотите, признать, что земство — ку-

*) См. чрезвычайно обстоятельное разъясненіе этой стороны вопроса въ брошюрѣ П. Б. Аксельрода: „Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи въ Россіи“ (Женева, 1898), особенно стр. 5, 8, 11—12, 17—19.

сочекъ конституціи. — Читатель скажетъ, пожалуй: значитъ, вы соглашаетесь съ г. Р. Н. С., который большаго и не утверждаетъ. Нисколько. Тутъ только наше разногласіе и начинается.

Земство — кусочекъ конституціи. Пусть такъ. Но это именно такой кусочекъ, посредствомъ котораго русское „общество" *отманивали* отъ конституціи. Это — именно такая, сравнительно очень маловажная, позиція, которую самодержавіе уступило растущему демократизму, чтобы сохранить за собой главныя позиціи, чтобы раздѣлить и разъединить тѣхъ, кто требовалъ преобразованій политическихъ. Мы видѣли, какъ это разъединеніе на почвѣ „довѣрія" къ земству („зародышу конституціи") удавалось и въ 60-хъ годахъ и въ 80—81 г. Вопросъ объ отношеніи земства къ политической свободѣ есть частный случай общаго вопроса объ отношеніи реформъ къ революціи. И мы можемъ видѣть на этомъ частномъ случаѣ всю узость и нелѣпость модной бернштейніанской теоріи, которая замѣняетъ революціонную борьбу борьбой за реформы, которая объявляетъ (устами, напр., г-на Бердяева), что „принципъ прогресса — чѣмъ лучше, тѣмъ лучше". Этотъ принципъ, въ общей формѣ, такъ же невѣренъ, какъ и обратный — чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Революціонеры никогда не откажутся, конечно, отъ борьбы за реформы, отъ захвата хотя бы неважной и частной вражеской позиціи, *если* эта позиція усилитъ ихъ натискъ и облегчитъ полную побѣду. Но они никогда не забудутъ также, что бываютъ случаи, когда уступка извѣстной позиціи дѣлается самимъ непріятелемъ, чтобы разъединить нападающихъ и легче разбить ихъ. Они никогда не забудутъ, что только имѣя всегда въ виду „конечную цѣль", только оцѣнивая каждый шагъ „движенія" и каждую отдѣльную реформу съ точки зрѣнія общей революціонной борьбы, можно гарантировать движеніе отъ ложныхъ шаговъ и позорныхъ ошибокъ.

Вотъ этой то стороны вопроса — значенія земства, какъ орудія *укрѣпленія* самодержавія посредствомъ половинчатой уступки, какъ орудія привлеченія къ самодержавію извѣстной части либеральнаго общества, — г. Р. Н. С. совершенно не понялъ. Онъ предпочелъ сочинить себѣ доктринерскую схему, прямолинейно связывающую земство и конституцію по „формулѣ": чѣмъ лучше, тѣмъ лучше. „Если вы раньше упразднite земство въ Россіи — говоритъ онъ, обращаясь къ Витте, — а потомъ расширите права личности, то вы окажетесь лишеннымъ лучшаго случая дать странѣ умѣренную конституцію, исторически выросшую на основѣ мѣстаго самоупра-

вленія съ сословной окраской. Дѣлу консерватизма вы во всякомъ случаѣ окажете очень плохую услугу.“ Какая стройная и красивая концепція! Мѣстное самоуправленіе съ сословной окраской — мудрый консерваторъ имѣющій доступъ къ престолу, — умѣренная конституція. Жаль только, что въ дѣйствительности мудрые консерваторы находили не разъ благодаря земству „лучшій случай“ *не* „давать“ странѣ конституціи.

Мирная „концепція“ г-на Р. Н. С. сказалась и на формулировкѣ его лозунга, которымъ онъ заканчиваетъ статью и который напечатанъ — именно какъ лозунгъ — на особой строкѣ и жирнымъ шрифтомъ: „Права и властное всероссійское земство!“ Надо открыто признать, что это — такое же недостойное заигрываньe съ политическими предразсудками широкой массы русскихъ либераловъ, какъ у „Рабочей Мысли“ мы видимъ заигрываньe съ политическими предразсудками широкой массы рабочихъ. Мы обязаны возстать противъ этого заигрыванья и въ первомъ и второмъ случаѣ. Это предразсудокъ, будто правительство Александра II не отрѣзывало легальнаго пути къ свободѣ, — будто существованіе земства представляетъ лучшій случай дать странѣ умѣренную конституцію, — будто знаменемъ — не говорю уже революціоннаго, но хотя бы конституціоннаго движенія можетъ служить лозунгъ: „права и властное земство“. Это не знамя, помогающее отдѣлять враговъ отъ союзниковъ, способное направлять движеніе и руководить имъ, это — тряпка, которая поможетъ только примазаться къ движенію самымъ ненадежнымъ людямъ, которая облегчитъ правительству еще разъ попытку отдѣлаться громкими обѣщаніями и половинчатыми реформами. Да, не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать это: достигнетъ наше революціонное движеніе своего апогея — удесятерится либеральное броженіе въ обществѣ — появятся въ правительствѣ новые Лорисъ-Меликовы и Игнатьевы, которые напишутъ на своемъ знамени: „права и властное земство“. По крайней мѣрѣ, это было бы для Россіи самымъ невыгоднымъ, для правительства — самымъ выгоднымъ исходомъ. Если сколько нибудь значительная часть либераловъ повѣритъ этому знамени и, увлекшись имъ, съ тылу нападетъ на „задиръ“ — революціонеровъ, то послѣдніе могутъ оказаться изолированными и правительство попытается обезпечить себѣ минимальныя, какой нибудь совѣщательной и дворянско-аристократической конституціей ограничивающіяся, уступки. Удастся ли такая попытка, — это будетъ зависѣть отъ исхода рѣшительной схватки между револю-

ціоннымъ пролетаріатомъ и правительствомъ, — но что либералы окажутся обманутыми, за это можно вполнѣ поручиться. Посредствомъ лозунга, въ родѣ того, который выставленъ г. Р. Н. С. („властное земство“ или „земщина“ и т. п.), правительство отманитъ ихъ, какъ щенятъ, отъ революціонеровъ и, отманивши, схватитъ за шиворотъ и будетъ пороть розгами такъ называемой реакціи. А мы, господа, не преминемъ тогда сказать: *такъ вамъ и надо!*

И ради чего вмѣсто требованія уничтоженія абсолютизма выставляется какъ заключительный лозунгъ подобное умѣренное и аккуратное пожеланіе? Во-первыхъ, ради филистерскаго доктринерства, желающаго оказать „услугу консерватизму“ и вѣрующаго, что правительство умилится такой умѣренностью и „смирится“ передъ ней. Во-вторыхъ, ради того, чтобы „объединить либераловъ“. Дѣйствительно, лозунгъ: „права и властное земство“ объединитъ, пожалуй, *всѣхъ* либераловъ, — точно такъ же, какъ лозунгъ „копейка на рубль“ объединитъ (по мнѣнію „экономистовъ“) *всѣхъ* рабочихъ. Только не будетъ ли *такое* объединеніе проигрышемъ вмѣсто выигрыша? Объединеніе есть плюсъ, когда оно поднимаетъ объединяемыхъ на уровень сознательной и рѣшительной программы объединяющаго. Объединеніе есть минусъ, когда оно принижаетъ объединяющихъ до уровня предразсудковъ массы. А среди массы русскихъ либераловъ, несомнѣнно, очень и очень распространенъ тотъ предразсудокъ, — что земство есть во истину „зародышъ конституціи“,*)

---

*) Къ вопросу о томъ, чего можно ждать отъ земства, небезъинтересны слѣдующіе отзывы князя П. В. Долгорукова изъ его „Листка“, издававшагося въ 60-хъ годахъ (Бурцевъ, н. с., стр. 63—66): „Разсматривая основныя положенія земскихъ учрежденій, мы опять встрѣчаемъ ту же самую, тайную, но постоянно на свѣтъ пробивающуюся мысль правительства — оглушать своимъ великодушіемъ; громогласно провозглашать: „вотъ, де, сколько я вамъ дарую!“ Но въ сущности дать какъ можно менѣе и, давая какъ можно менѣе, стараться еще положить преграды, чтобы не могли вполнѣ воспользоваться даже тѣмъ, что̀ даровано . . . Въ настоящее время, при самодержавномъ порядкѣ вещей,земскія учрежденія не принесутъ пользы и не могутъ ея принести, не будутъ имѣть значенія и не могутъ его имѣть, но они богаты зародышами плодотворнаго развитія въ будущемъ . . . . . Новыя земскія учрежденія вѣроятно судьбой предназначены служить основою будущему конституціонному порядку въ Россіи . . . Но до времени введенія въ Россіи образа правленія конституціоннаго, на время существованія самодержавія, на время отсутствія свободы печатнаго слова земскимъ учрежденіямъ суждено остаться политическимъ призракомъ, *безгласными* сходками гласныхъ земскихъ.“ Такимъ образомъ Долгоруковъ даже тогда, въ разгарѣ 60-хъ годовъ, не предавался чрезмѣрному оптимизму. А съ тѣхъ поръ 40 лѣтъ многому насъ научили и показали, что

только случайно, происками какихъ нибудь безнравственныхъ временщиковъ задерживаемый въ своемъ „естественномъ“ мирномъ и постепенномъ ростѣ, — что достаточно нѣсколькихъ ходатайствъ для „смиренія“ самодержца, — что легальная культурная работа вообще и земская въ частности имѣетъ „крупное политическое значеніе“, избавляя тѣхъ, кто на словахъ враждебенъ самодержавію, отъ обязанности активно поддерживать, въ той или другой формѣ, революціонную борьбу съ самодержавіемъ, и пр. и т. п. и т. д. Объединеніе либераловъ — дѣло безусловно полезное и желательное, но только такое объединеніе, которое ставитъ своей цѣлью борьбу съ застарѣлыми предразсудками, а не заигрыванье съ ними, повышеніе средняго уровня нашей политической развитости (вѣрнѣе: неразвитости), а не санкціонированіе его, однимъ словомъ, объединеніе для поддержки нелегальной борьбы, а не для оппортунистическаго фразерства о крупномъ политическомъ значеніи легальной дѣятельности. Если не можетъ быть оправдано выставленіе передъ рабочими политическаго лозунга: „свобода стачекъ“ и т. п., то точно такъ же не можетъ быть оправдано и выставленіе предъ либералами лозунга: „властное земство“. *При самодержавіи* всякое земство, хоть бы и распренаи — „властное“, неизбѣжно будетъ уродикомъ, неспособнымъ къ развитію, а *при конституціи* земство сразу потеряетъ свое современное „политическое“ значеніе.

Объединеніе либераловъ возможно въ двухъ формахъ: посредствомъ образованія самостоятельной либеральной (нелегальной, разумѣется) партіи и посредствомъ организаціи содѣйствія либераловъ революціонерамъ. Г. Р. Н. С. самъ указываетъ на первую возможность, но . . . если признать эти указанія за дѣйствительное выраженіе видовъ и шансовъ либерализма, то къ особенному оптимизму они не располагаютъ. „Безъ земства — пишетъ онъ — земскіе либералы должны будутъ образовать либеральную партію или сойти съ исторической сцены, какъ организованная сила. Мы убѣждены, что организація либераловъ въ нелегальную, хотя и очень умѣренную по всей программѣ и пріемамъ партію будетъ неизбѣжнымъ результатомъ упраздненія земства.“ Если только „упраздненія“, то этого долго еще ждать, ибо даже Витте упразднять земства не желаетъ, а русское

земства предназначены были „судьбой“ (а отчасти и правительствомъ) служить основою — цѣлаго ряда мѣропріятій, *оглушающихъ* конституціоналистовъ.

правительство вообще очень заботится о сохраненіи внѣшности даже при полномъ вытравленіи содержанія. Что партія либераловъ будетъ очень умѣренна, — это вполнѣ естественно, и отъ движенія въ средѣ буржуазіи (только на такомъ движеніи можетъ держаться либеральная партія) другого нельзя и ждать. Но въ чемъ же всетаки должна бы состоять дѣятельность этой партіи, ея „пріемы“? Г. Р. Н. С. не разъясняетъ этого. „Сама по себѣ — говоритъ онъ — нелегальная либеральная партія, какъ организація, состоящая изъ наиболѣе умѣренныхъ и наименѣе подвижныхъ оппозиціонныхъ элементовъ, не можетъ развивать ни особенно широкой, ни особенно интенсивной дѣятельности“.... Мы думаемъ, что въ извѣстной сферѣ, хотя бы даже и ограниченной предѣлами мѣстныхъ и главнымъ образомъ земскихъ интересовъ, либеральная партія вполнѣ могла бы развить и широкую и интенсивную дѣятельность — укажемъ, напр., на организацію политическихъ обличеній... „Но при наличности такой дѣятельности со стороны другихъ партій, въ особенности партіи соціаль-демократической или рабочей, либеральная партія — даже не вступая въ прямое соглашеніе съ соціаль-демократами — можетъ оказаться очень серьезнымъ факторомъ“... Совершенно справедливо, и читатель ждетъ естественно, чтобы авторъ хоть въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтилъ работу этого „фактора“. Но г. Р. Н. С. вмѣсто этого обрисовываетъ ростъ революціонной соціаль-демократіи и заканчиваетъ: „При наличности яркаго политическаго движенія ... хоть сколько нибудь организованная либеральная оппозиція можетъ съиграть крупную политическую роль: умѣренныя партіи при умѣлой тактикѣ всегда выигрываютъ отъ обостряющейся борьбы между крайними общественными элементами“... И только! „Роль“ „фактора“ (который уже успѣлъ превратиться изъ партіи въ „оппозицію“) состоитъ въ томъ, чтобы „выигрывать“ отъ обостренія борьбы. Объ участіи либераловъ въ борьбѣ — ни слова, а о выигрышѣ либераловъ упомянуто. Обмолвка, можно сказать, провиденціальная...

Русскіе соціаль-демократы никогда не закрывали глаза на то, что политическая свобода, за которую они прежде всего борются, принесетъ пользу *прежде всего* буржуазіи. Возставать на этомъ основаніи противъ борьбы съ самодержавіемъ могъ бы только соціалистъ, погрязающій въ худшихъ предразсудкахъ утопизма или реакціоннаго народничества. Буржуазія воспользуетъ свободой, чтобы почить на лаврахъ, — пролетаріату необходимо нужна свобода, чтобы развернуть во

всю ширь свою борьбу за соціализмъ. И соціаль-демократія будетъ неуклонно вести освободительную борьбу, каково бы ни было отношеніе къ этой борьбѣ тѣхъ или другихъ слоевъ буржуазіи. Въ интересахъ политической борьбы мы должны поддерживать всякую оппозицію гнету самодержавія, по какому бы поводу и въ какомъ бы общественномъ слоѣ она ни проявлялась. Для насъ далеко не безразлична поэтому оппозиція нашей либеральной буржуазіи вообще и нашихъ земцевъ въ частности. Съумѣютъ либералы съорганизоваться въ нелегальную партію, — тѣмъ лучше, мы будемъ привѣтствовать ростъ политическаго самосознанія въ имущихъ классахъ, мы будемъ поддерживать ихъ требованія, мы постараемся, чтобы дѣятельность либераловъ и соціаль-демократовъ взаимно пополняла другъ друга.*) Не съумѣютъ — мы и въ этомъ (болѣе вѣроятномъ) случаѣ не „махнемъ рукой“ на либераловъ, мы постараемся укрѣпить связи съ отдѣльными личностями, познакомить ихъ съ нашимъ движеніемъ, поддержать ихъ посредствомъ разоблаченія въ рабочей прессѣ всѣхъ и всякихъ гадостей правительства и продѣлокъ мѣстныхъ властей, привлечь ихъ къ поддержкѣ революціонеровъ. Обмѣнъ услугъ подобнаго рода между либералами и соціаль-демократами происходитъ и теперь, онъ долженъ быть только расширенъ и закрѣпленъ. Но, будучи всегда готовы на этотъ обмѣнъ услугъ, мы никогда и ни въ какомъ случаѣ не откажемся отъ рѣшительной борьбы съ тѣми иллюзіями, которыхъ такъ много въ неразвитомъ политически русскомъ обществѣ вообще и русскомъ либеральномъ обществѣ въ частности. Въ сущности мы можемъ, видоизмѣняя извѣстное изреченіе Маркса о революціи 48-го года, и о русскомъ революціонномъ движеніи сказать, что его прогрессъ состоитъ не въ завоеваніи какихъ либо положительныхъ пріобрѣтеній, а въ освобожденіи отъ вредныхъ иллюзій. Мы освободились отъ иллюзій анархизма и народническаго соціализма, отъ пренебреженія къ политикѣ, отъ вѣры въ самобытное развитіе Россіи, отъ убѣжденія, что народъ готовъ для революціи, отъ теоріи захвата власти и единоборства съ самодержавіемъ геройской интеллигенціи.

*) Пишущему эти строки приходилось указывать на пользу либеральной партіи четыре года тому назадъ, по поводу партіи „Народнаго Права“. См. „Задачи русскихъ соціаль-демократовъ“ (Женева 1898): . . . „Но если въ этой партіи (народнаго права) есть и не маскарадные, а настоящіе политики не-соціалисты, демократы не-соціалисты, — тогда эта партія можетъ принести не малую пользу, стараясь сблизиться съ политически оппозиціонными элементами нашей буржуазіи“. . . (стр. 26).

Пора бы и либераламъ нашимъ освободиться отъ самой, казалось бы, несостоятельной теоретически и самой живучей практически иллюзіи, будто возможно еще парламентерство съ русскимъ самодержавіемъ, будто какое нибудь земство есть зародышъ конституціи, будто искреннимъ сторонникамъ этой послѣдней можно исполнять свою Аннибалову клятву посредствомъ терпѣливой легальной дѣятельности и терпѣливыхъ призывовъ къ смиренію врага.

Т. П.

Критика нашихъ критиковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Г. П. Струве въ роли критика Марксовой теоріи соціальнаго развитія.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Г. П. Струве — не первый и не послѣдній провозвѣстникъ теоріи „притупленія" противорѣчія между интересами пролетаріата и буржуазіи. У этой теоріи было много сторонниковъ до г. П. Струве и еще больше будетъ ихъ послѣ него, такъ какъ она чрезвычайно быстро распространяется теперь въ образованномъ слоѣ мелкой буржуазіи, т. е. того класса, который самымъ положеніемъ своимъ осужденъ колебаться между пролетаріатомъ и буржуазіей. И именно потому, что она распространяется теперь чрезвычайно быстро, выдавая себя за самоновѣйшій и притомъ „*критическій*" соціализмъ, пришедшій на смѣну будто бы отжившему соціализму Маркса и его „догматическихъ" послѣдователей, она заслуживаетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія. Кто хочетъ бороться съ этой теоріей, тотъ долженъ знать какъ ея теоретическую родословную, такъ и ея нынѣшнюю теоретическую цѣнность. Въ виду этого читатель не удивится, если мы оставимъ на время нашего „критика", чтобы хорошенько ознакомиться съ его предшественниками и съ его до нынѣ здравствующими, болѣе или менѣе отдаленными родственниками.

I.

Цѣна рабочей силы и прибавочная цѣнность находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу. Чѣмъ дороже продается рабочая сила, тѣмъ ниже уровень прибавочной цѣнности, — и наоборотъ. Интересы *продавца* рабочей силы прямо-противоположны интересамъ ея *покупателя*. Взятое по своему существу, противорѣчіе это не можетъ быть ни устранено, ни „притуплено" до тѣхъ поръ, пока не прекратится покупка и продажа рабочей силы, т. е. пока не будетъ устраненъ капиталистическій способъ производства. Но *условія*, при которыхъ совершается купля-продажа рабочей силы, могутъ измѣняться въ ту или въ другую сторону: къ выгодѣ *продавцовъ*, или къ выгодѣ *покупателей*. Если они измѣняются къ выгодѣ *продавцовъ*, то цѣна рабочей силы *повышается*, и рабочій классъ получаетъ, въ видѣ заработной платы, боль-

шую, чѣмъ прежде, часть цѣнности, создаваемой его трудомъ. А это ведетъ за собою *улучшеніе его общественнаго положенія, уменьшеніе разстоянія между эксплуатируемымъ пролетаріатомъ и эксплуатирующими его капиталистами.* Если же условія продажи рабочей силы измѣняются къ выгодѣ ея *покупателей*, то ея цѣна *падаетъ*, и рабочій классъ получаетъ *меньшую*, чѣмъ прежде, *часть* создаваемой его трудомъ *цѣнности.* А за этимъ неизбѣжно слѣдуетъ *ухудшеніе общественнаго положенія пролетаріата, увеличеніе разстоянія между нимъ и буржуазіей.* Въ первомъ случаѣ мы какъ будто получаемъ право толковать о притупленіи противорѣчія если не между рабочими и предпринимателями, то по крайней мѣрѣ между интересами рабочихъ съ одной стороны и существованіемъ капиталистическаго порядка съ другой. На самомъ дѣлѣ это право будетъ только *кажущимся:* мы уже видѣли въ первой статьѣ, что улучшеніе общественнаго положенія французской буржуазіи не только не притупило противорѣчія ея интересовъ съ интересами стараго порядка, но все болѣе и болѣе обостряло его. Тѣмъ не менѣе, люди, боящіеся революціоннаго движенія пролетаріата, всегда были и всегда будутъ склонны думать, что постепенное улучшеніе быта рабочаго класса способно предотвратить опасность и избавить общество отъ бурныхъ потрясеній. Вотъ почему люди этой категоріи стараются увѣрить себя и другихъ (а иногда *только* другихъ) въ томъ, что по мѣрѣ развитія капитализма положеніе пролетаріата *улучшается*, такъ что онъ *оказывается современемъ ближе къ буржуазіи, чѣмъ былъ сначала.* И надо признать, что консервативный инстинктъ подсказываетъ этимъ людямъ не совершенно ошибочное соображеніе: если для предотвращенія революціоннаго взрыва совсѣмъ недостаточно уменьшенія разстоянія между эксплуататорами и эксплуатируемыми, то *увеличеніе* этого разстоянія и вовсе уже не сулитъ теперь почтеннымъ охранителямъ ничего, кромѣ быстраго распространенія въ рабочей средѣ „догматовъ“ *революціонной соціаль-демократіи.*

Что же мы видимъ *въ дѣйствительности?* Въ какую сторону измѣняются условія продажи рабочей силы по мѣрѣ упроченія и развитія капиталистическаго порядка?

Вульгарная экономія давно уже занимается этимъ вопросомъ. Она выставила цѣлую фалангу „ученыхъ“, усиливавшихся доказать, что условія продажи рабочей силы все болѣе измѣняются къ выгодѣ пролетаріата, которому и достается, поэтому, все большая и большая *доля* національнаго дохода. Извѣстный американскій экономистъ Кэри ясно формулировалъ это ученіе уже въ 1838 году.*) *У Кэри* оно было за-

*) Русскіе читатели могутъ ознакомиться съ аргументаціей Кэри по его книгѣ: *„Руководство къ соціальной наукѣ“*, появившейся въ 1869 году

имствовано пресловутымъ *Бастіа*, доводы котораго намъ нужно узнать нѣсколько ближе.

Въ своихъ „Harmonies économiques“ Бастіа увѣряетъ, что провидѣніе, по своей неисчерпаемой добротѣ и справедливости, уготовало для труда лучшую судьбу, чѣмъ для капитала.*) Эта благочестивая мысль опирается у него на слѣдующую „непоколебимую аксіому“:

„По мѣрѣ того, какъ растутъ капиталы, *абсолютная* доля капиталистовъ въ общей совокупности продуктовъ увеличивается, а ихъ *относительная* доля уменьшается. Наоборотъ, доля работниковъ увеличивается въ обоихъ смыслахъ.“

Для поясненія этой „аксіомы“ Бастіа приводитъ схему, совершенно тожественную съ той, которую мы встрѣчаемъ въ „*Руководствѣ къ соціальной наукѣ*“ Кэри.

	Общая сумма продукта.	Доля капитала.	Доля труда.
Первый періодъ . . .	1000	500	500
Второй	2000	800	1200
Третій	3000	1050	1950
Четвертый	4000	1200	2800

„Таковъ великій, удивительный, утѣшительный, необходимый и *непоколебимый* законъ капитала, — въ восторгѣ восклицаетъ Бастіа. — Доказать его, значитъ, по моему мнѣнію, совершенно дискредитировать декламаціи ... противъ *жадности и тиранніи* самаго могущественнаго изо всѣхъ тѣхъ орудій цивилизаціи и *уравненія*, которыя были созданы человѣческими способностями.“**)

Читатель и самъ видитъ, что очень пріятно было бы доказать столь удивительный и утѣшительный законъ, но къ своему сожалѣнію онъ долженъ признать, что Бастіа доказываетъ его очень неубѣдительно. Вся его аргументація сводится къ указанію на пониженіе нормы процента, идущее вмѣстѣ съ промышленнымъ развитіемъ цивилизованныхъ странъ. Всякій, кто хоть немного знакомъ съ политической экономіей, понимаетъ, что такое доказательство болѣе, чѣмъ слабо. Но „блестящему“ французскому экономисту и некогда останавливаться на доказательствахъ. Онъ торопится перейти къ удивительнымъ и утѣшительнымъ выводамъ, вытекающимъ изъ удивительнаго и утѣшительнаго закона. „Капиталисты и рабочіе, — кричитъ онъ, — перестаньте же смотрѣть другъ на друга съ недовѣріемъ и съ завистью. Сдѣлайтесь глухи для нелѣпыхъ декламацій, надменность которыхъ равняется лишь ихъ невѣжеству, и которыя, открывая филантропическія перспективы для будущаго, сѣютъ раздоръ въ настоящемъ.

въ русскомъ переводѣ князя Шаховского. Къ занимающему насъ вопросу относится *схема*, находящаяся на стр. 506.

*) Harmonies, 2 édition, p. 206.

**) Ibid., p. 206—207.

Признайте, что ваши интересы тождественны ... что они сливаются, что они совмѣстно тяготѣютъ къ осуществленію общаго благополучія" и т. д. и т. д.*) Эта чувствительная тирада не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, зачѣмъ именно понадобился Бастіа заимствованный имъ у Кэри (безъ указанія источника) необходимый и непоколебимый законъ: ссылка на этотъ законъ должна была примирить рабочихъ съ капиталистами *и подорвать вліяніе соціализма.*

II.

Юл. Кауцъ считаетъ Бастіа однимъ изъ самыхъ блестящихъ умовъ, которые въ новѣйшее время посвящали себя занятію политической экономіей.**) Съ этой характеристикой нельзя согласиться. Бастіа, несомнѣнно, обладалъ способностью, яснаго и даже, пожалуй, блестящаго изложенія. Но его *мысли* всегда такъ *поверхностны*, а его *доводы* всегда такъ *слабы*, что блестящимъ *дѣятелемъ науки* его признать невозможно. Онъ былъ не болѣе, какъ блестящимъ *адвокатомъ* капиталистической эксплуатаціи. Но именно то обстоятельство, что онъ блестяще защищалъ капиталистическую эксплуатацію, обезпечило ему сильное и продолжительное вліяніе на многихъ и многихъ друзей *„соціальнаго мира"*. Въ этомъ — но только въ этомъ — смыслѣ Ю. Кауцъ правъ, когда называетъ дѣятельность Бастіа значительной и плодотворной.***) Въ самомъ дѣлѣ, вліяніе Бастіа на экономистовъ болѣе или менѣе охранительнаго направленія было и остается гораздо сильнѣе, чѣмъ думаютъ многіе изъ тѣхъ, которыхъ поражаетъ его *удивительная* и очень мало *утѣшительная*, хотя по своему и необходимая поверхностность. Луиджи Косса замѣтилъ, что вліяніе здоровой части идей Бастіа сказывается не столько въ сочиненіяхъ его учениковъ, сколько въ общей тенденціи *большинства* современныхъ намъ французскихъ и *значительной части* нѣмецкихъ и итальянскихъ экономистовъ.†) Подъ *„здоровой частью"* Косса понимаетъ „опроверженіе софистики протекціонистовъ и соціалистовъ". Мы уже видѣли, что опроверженіе соціалистическихъ „софизмовъ" покоится у Бастіа на совершенно негодномъ основаніи. Но дѣло не въ этомъ. Косса все таки правъ, когда говоритъ, что *общая тенденція* Бастіа продолжаетъ жить въ сочиненіяхъ очень многихъ экономистовъ разныхъ странъ. Особенно сильное и глубокое впечатлѣніе произвелъ „удивительный" и „необходимый" законъ распредѣленія продуктовъ между рабочими и капиталистами. При этомъ интересно отмѣтить, что „от-

*) Ibid., p. 209.

**) Die geschichtliche Entwicklung der Nationalökonomie und ihrer Literatur, II. Theil, Wien 1860, S. 578.

***) Тамъ же, та же страница.

†) Histoires des doctrines économiques, Paris 1899, p. 386.

крытіе" этого „закона" приписывается Бастіа даже на родинѣ Кэри, у котораго французскій экономистъ несомнѣнно заимствовалъ какъ самый законъ, такъ и его изложеніе. Такъ, напримѣръ, извѣстный американскій статистикъ Эдуардъ Эткинсонъ прямо заявляетъ, что хотя онъ вообще имѣлъ мало времени для чтенія книгъ и изученія теорій заработной платы (for the reading of books or the consideration of theories of wages), но что по его мнѣнію Бастіа былъ первымъ основателемъ правильнаго ученія объ отношеніи интересовъ рабочихъ къ интересамъ предпринимателей. „Много лѣтъ тому назадъ, — говоритъ онъ, — одна фраза изъ „Harmonies économiques" Бастіа врѣзалась въ моемъ умѣ, и благодаря ей я могъ, въ теченіе своей дѣловой жизни, съ гораздо большей ясностію давать себѣ отчетъ въ явленіяхъ заработной платы. Вотъ эта фраза: „По мѣрѣ того, какъ растутъ капиталы, абсолютная доля капиталистовъ въ общей совокупности продуктовъ увеличивается, а ихъ относительная доля уменьшается. Наоборотъ, доля работниковъ увеличивается въ обоихъ смыслахъ.*) Эткинсонъ взялъ эту фразу за эпиграфъ въ своемъ опытѣ: „What makes the rate of wages" и, вдохновляемый Бастіа, онъ, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, относящихся къ американской металлургической промышленности, составилъ даже таблицу, которая, по его словамъ, можетъ быть названа *„указателемъ прогресса отъ бѣдности рабочаго и прогресса къ бѣдности капиталиста"* (indicator of progress from poverty of the workman and progress toward poverty of the capitalist).**) Въ этой своей новой формулировкѣ *удивительный* законъ Бастіа утрачиваетъ значительную долю своей *утѣшительности*, внушая читателямъ слишкомъ мрачныя опасенія на счетъ будущей судьбы *капиталистовъ* въ *капиталистическомъ* обществѣ. Но безстрастные ученые, не зная ничего, кромѣ интересовъ чистой науки и не смущаясь жалостью къ бѣднымъ капиталистамъ, охотно цитируютъ изслѣдованіе Эткинсона. Такъ, мы встрѣчаемъ частыя ссылки на него въ той книгѣ профессора Шульце-Геверница о *„Крупномъ производствѣ"*, которая, по словамъ г. П. Струве, представляетъ собою „быть можетъ, самое тщательное монографическое изслѣдованіе по соціальной исторіи англійской промышленности".***) „Тщательное изслѣдованіе" экономики англійской хлопчатобумажной промышленности привело Шульце-Геверница къ тому убѣжденію, что хотя возрастаніе всего національнаго продукта даетъ на долю труда и капитала абсолютно большія

*) The Distribution of Products or the mechanism and the metaphysics of exchange. Fifth edition, p. 23—24.

**) Ibid., p. 335.

***) Гергартъ фонъ Шульце-Геверницъ, Крупное производство и т. д., переводъ Л. Б. Красина, подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Б. Струве, С.-Петербургъ 1897, предисловіе, стр. I.

количества, но участіе капитала въ немъ относительно уменьшается, участіе же труда относительно растетъ. „Трудъ получаетъ все большую и большую долю общаго національнаго производства, — говоритъ Шульце-Геверницъ. — Ему все болѣе и болѣе начинаетъ доставаться остатокъ, получающійся послѣ уплаты долей процента и прибыли.“ *) Это все тотъ же удивительный и утѣшительный законъ Кэри-Бастіа, — и странно, что г. П. Струве не замѣтилъ этого или не захотѣлъ отмѣтить это въ своемъ, — вообще очень слабомъ, — предисловіи къ книгѣ Шульце-Геверница. Безполезно и прибавлять, что удивительный и утѣшительный законъ распредѣленія приводитъ глубокомысленнаго нѣмца къ такимъ же отраднымъ выводамъ, къ какимъ онъ нѣкогда привелъ легкомысленнаго француза. „Соціальныя послѣдствія охарактеризованнаго процесса состоятъ въ уравненіи имущественныхъ противоположностей, — увѣряетъ Шульце-Геверницъ, — отнюдь не дѣлая богатыхъ богаче, а бѣдныхъ бѣднѣе, онъ приводитъ какъ разъ къ обратному, какъ это статистически доказано для Англіи.“ **) Отсюда уже не трудно сдѣлать умозаключеніе къ „*соціальному миру*“, которому г. профессоръ еще раньше посвятилъ отдѣльное, двухтомное изслѣдованіе.***)

Г. Шульце-Геверницъ тѣмъ болѣе считаетъ нужнымъ обратить вниманіе своихъ читателей на свои утѣшительные выводы, что, по его словамъ, фактъ увеличенія разстоянія между богатыми и бѣдными, понимаемый въ томъ смыслѣ, какой ему придавали Марксъ и Энгельсъ, признается даже въ такихъ кругахъ, которые вообще выступаютъ рѣшительными противниками марксизма.†) Но здѣсь онъ едва ли не впадаетъ въ преувеличеніе. Круги, враждебные марксизму, на сколько мы знаемъ, все болѣе и болѣе проникаются утѣшительнымъ сознаніемъ неоспоримости и „необходимости“ закона Кэри-Бастіа. Почти каждый уважающій себя буржуазный ученый какъ нельзя болѣе радъ теперь, если ему представится возможность, — въ торжественной рѣчи или въ спеціальномъ изслѣдованіи, — распространиться на тему объ уменьшеніи разстоянія между богатыми и бѣдными. Притупленіе противорѣчія между капиталистами и рабочими составляетъ теперь одну изъ самыхъ модныхъ темъ въ буржуазной экономической литературѣ.

III.

По словамъ Шульце-Геверница, уменьшеніе разстоянія между богатыми и бѣдными доказано для Англіи ея „пер-

*) Тамъ же, стр. 229.
**) Тамъ же, та же страница
***) Zum sozialen Frieden. Eine Darstellung der sozialpolitischen Erziehung des englischen Volks im neunzehnten Jahrhundert, Leipzig 1890.
†) Zum sozialen Frieden, II. Bd., S. 493.

вымъ статистикомъ", Р. Гиффеномъ, въ рѣчи: „The Increase of moderate Incomes", будто бы произнесенной имъ на собраніи англійскаго статистическаго общества въ декабрѣ 1887 года. На эту рѣчь Шульце-Геверницъ ссылается какъ въ своемъ сочиненіи „Zum sozialen Frieden" (томъ II, стр. 490), такъ и въ своей книгѣ о *крупномъ производствѣ* (стр. 229 русскаго перевода). Но онъ ошибается, приписывая ее Гиффену. Она была произнесена — и именно въ указанномъ Шульце-Геверницемъ мѣстѣ — *Гошеномъ*.*) Это обстоятельство, конечно, ни мало не измѣняетъ достоинствъ самой рѣчи; но не слѣдуетъ отнимать у Гошена заслуженные имъ лавры и передавать ихъ, — хотя бы только по ошибкѣ, — Гиффену. Suum cuique!

Рѣчь о ростѣ среднихъ доходовъ показалась убѣдительной не одному Шульце-Геверницу. Послѣ ея произнесенія (6-го декабря 1887 г.) директоръ англійскаго банка Коллетъ выразилъ оратору горячую благодарность за то, что тотъ показалъ, до какой степени противорѣчатъ истинѣ избитыя разглагольствованія о постоянно растущемъ обогащеніи богатыхъ и обѣдненіи бѣдныхъ. „Теперь, когда такъ сильно распространяются несбыточныя теоріи и соблазнительныя предложенія на счетъ распредѣленія богатства, — сказалъ почтенный директоръ, — какъ нельзя болѣе полезно съ ясностью и убѣдительностью показать, что то распредѣленіе богатства, къ которому иные стремятся съ такою горячностью, молчаливо, но замѣтно входитъ въ жизнь, благодаря правильному дѣйствію экономическихъ законовъ." **) Но мнѣніе мистера Коллета назовутъ, можетъ быть, мало авторитетнымъ. Иной скептикъ предположитъ, пожалуй, что директоръ англійскаго банка, подобно Э. Эткинсону, не имѣлъ достаточно времени для изученія экономической теоріи, знаніе которой необходимо для правильнаго пониманія статистическихъ данныхъ. Поэтому мы укажемъ еще на извѣстнаго нѣмецкаго экономиста Г. Шмоллера, который, не безъ скептицизма относясь къ трудомъ „перваго англійскаго статистика", т. е. Гиффена, находитъ въ то же время, что выводы Гошена основываются на объективномъ и убѣдительномъ изслѣдованіи дѣйствительности.***) Не мѣшаетъ, поэтому, поближе взглянуть на работу англійскаго министра финансовъ.

---

*) См. „The Increase of moderate Incomes" being the Inaugural Address of the President of the R. S. Society, the right Hon. G. J. Goschen, въ „Journal of the R. S. Society, Dec. 1887.

**) Journal of the Royal Statistical Society, 1887, December, Proceedings on the 6th December, p. 613.

***) Was verstehen wir unter dem Mittelstande? Hat er im 19. Jahrhundert zu- oder abgenommen? Göttingen 1897, S. 27. На рѣчь Гошена указываетъ своимъ читателямъ также Робертъ Мейеръ въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 2-ое изд. 2 томъ, стр. 366.

Гошенъ совершенно сходится съ Коллетомъ во взглядѣ на великое соціальное значеніе указанныхъ имъ данныхъ. „Я не знаю, — сказалъ онъ своимъ слушателямъ, — производятъ ли указываемыя мною статистическія цифры такое же впечатлѣніе на васъ, какъ и на меня. Мнѣ кажется, что между тѣмъ какъ нѣкоторые люди кричатъ объ искусственномъ переустройствѣ общества, происходитъ развитіе чего-то въ родѣ молчаливаго соціализма. Совершается молчаливое движеніе въ сторону новаго распредѣленія богатства на болѣе широкой плоскости, и съ какой бы точки зрѣнія мы ни глядѣли на это движеніе, оно должно, я думаю, быть предметомъ радости для нашего народа. Оно не вызвано какими нибудь насильственными пріемами. Описанный мною результатъ произведенъ неуклоннымъ дѣйствіемъ экономическихъ законовъ въ обществѣ, основанномъ на торговой и промышленной свободѣ. . . . И самая лучшая сторона этого автоматическаго соціализма (automatic socialism) заключается въ томъ, что онъ, повидимому, дѣйствуетъ даже во время промышленнаго застоя. Вопреки общимъ жалобамъ на убытки и плохія времена; несмотря на безработицу и на неправильность заработка даже у тѣхъ, которые имѣютъ работу, великій центръ общества упрочиваетъ свою экономическую позицію.*)

Читатель видитъ, что какъ самъ Гошенъ, такъ и его слушатели находились подъ впечатлѣніемъ „криковъ объ искусственномъ переустройствѣ общества“. Такіе крики въ самомъ дѣлѣ очень громко раздавались въ Англіи того времени, когда произнесена была рѣчь Гошена. Это было время промышленнаго застоя и безработицы, вызвавшихъ сильныя волненія въ рабочей средѣ. Въ Лондонѣ, въ Манчестерѣ, въ Бирмингамѣ, въ Лейстерѣ, въ Ярмутѣ и т. д. происходили собранія безработныхъ, на которыхъ произносились самыя зажигательныя рѣчи. Нѣкоторые думали тогда, что Англія находится *наканунѣ соціальной революціи*. Сидней Уэббъ говоритъ, что иными точно обозначалось даже время предстоявшаго переворота: 1889 годъ, годъ столѣтія великой французской революціи.**) Это возбужденіе умовъ не могло дѣйствовать успокоительно ни на министровъ, ни вообще на лицъ высшихъ классовъ, и потому надо признать, что Гошенъ находился тогда въ условіяхъ мало благопріятныхъ для „объективнаго изслѣдованія“ экономическихъ явленій. Но извѣстно, что любовь къ истинѣ беретъ иногда верхъ надъ очень сильными внѣшними препятствіями. Хотя Гошену, навѣрное, очень трудно было сохранить нравственное спокойствіе и научное безпристрастіе, но это еще не значитъ, что онъ непремѣнно долженъ былъ горячиться и смотрѣть

*) Journal of the R. S. S., Dec. 1887, p. 604.
**) Socialism: True and False, Fabian Tract, № 51, p. 3.

на ходъ экономическаго развитія Англіи черезъ очки своихъ классовыхъ предразсудковъ. Какъ знать, можетъ быть, открытый имъ „автоматическій соціализмъ“ и въ самомъ дѣлѣ все болѣе и болѣе прокладываетъ себѣ дорогу въ англійской общественной жизни! Весь вопросъ въ томъ, *но какомъ фактическомъ основаніи покоилась увѣренность англійскаго министра въ медленномъ, „молчаливомъ“, но вѣрномъ развитіи этого соціализма.*

Фактическая основа его увѣренности состоитъ вотъ въ чемъ. Статистика показала ему, что въ 1875 году число (физическихъ и юридическихъ) лицъ, записанныхъ подъ рубрикой *Д**) и получавшихъ дохода отъ 150 до 1000 фунтовъ, доходило до 317 839, а въ 1886 году оно *поднялось* до 379 064, т. е. увеличилось на 19,26 процента. Между тѣмъ, за тотъ же періодъ времени число лицъ, получавшихъ *1000 и больше* фунтовъ дохода, *опустилось* съ 22 848 (1877 г.) до 22 298 (1886 г.) что означаетъ *уменьшеніе* на 2,4 процента. Болѣе подробный анализъ статистическихъ цифръ далъ Гошену возможность составить такую таблицу:

Доходы.	1877	1886	Увеличеніе или уменьшеніе.
Между 150 и 500 ф. . .	285 754	347 021	Увеличеніе на 21,4
Между 500 и 1500 ф. .	32 085	32 033	Почти безъ перемѣны.
Между 1000 и 5000 ф. .	19 726	19 250	Уменьшеніе на 2,5
Выше 5000 ф.	3 122	3 048	Уменьшеніе на 2,3

Отсюда Гошенъ заключилъ, что „въ обыкновенное время, во время угнетеннаго состоянія промышленности, равно какъ и во время подобное тому, которое мы пережили, и которое, конечно, не можетъ быть названо временемъ процвѣтанія, происходило постоянное и въ высшей степени отрадное увеличеніе числа доходовъ ниже тысячи фунтовъ“.

Но подъ рубрикой *Д* англійская статистика подоходнаго налога записываетъ не всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ можно отнести къ среднему классу. Не мало такихъ лицъ записывается также подъ рубрикой *Е*, къ которой принадлежатъ, кромѣ чиновниковъ, состоящихъ на общественной службѣ, также служащіе у частныхъ лицъ и у предпринимательскихъ компаній. Число лицъ, записанныхъ подъ этой рубрикой, возросло за разсматриваемое десятилѣтіе съ 78 224 до 115 964. Гошенъ думаетъ, что это возрастаніе также свидѣтельствуетъ объ упроченіи экономической позиціи „великаго центра общества“, средняго класса.

---

*) Подъ этой рубрикой записываются доходы, получаемые отъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, отъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ иностранныхъ и въ колоніальныхъ предпріятіяхъ и отъ свободныхъ профессій. Подъ той же рубрикой Д записываются неперіодическія денежныя полученія.

Данныя эти, несомнѣнно, интересны въ теоретическомъ отношеніи, но онѣ совсѣмъ не имѣютъ того значенія, которое имъ приписываетъ Гошенъ.

Во-первыхъ, какъ уже замѣтилъ г. Исаевъ, десятилѣтіе 1877—1886 представляло всѣ данныя для уменьшенія числа крупныхъ доходовъ. „Рѣзкое паденіе цѣнъ всѣхъ товаровъ, пониженіе прибыли во всѣхъ предпріятіяхъ до половины средняго уровня и болѣе, огромное число банкротствъ (до 1877 г, въ среднемъ 8½ тысячъ банкротствъ въ годъ, а съ 1877 до 1884 г. болѣе 12 000) — все повело къ тому, что множество богатыхъ лицъ, имѣвшихъ въ половинѣ 70-хъ годовъ 1000—2000 фунтовъ дохода, сохранили въ 80 гг. едва 500—1000 фунтовъ, а имѣвшіе довольство, болѣе 500 фунтовъ, спустились въ низшую группу, въ группу плательщиковъ съ доходомъ въ 150—500 ф.“ *)

Какъ отразилось угнетенное состояніе промышленности на ростѣ національнаго богатства Англіи, показываютъ слѣдующія цифры: въ промежутокъ времени 1865—1875 г. общая сумма капитала поднялась въ этой странѣ съ 6113 милліоновъ ф. ст. до 8548, т. е. увеличилась на 40 процентъ, а въ промежутокъ 1875—1885 г. она возрасла съ 8500 мил. ф. ст. до 10 037, т. е. увеличилась только на 17½ процентовъ.**)

Не трудно понять, что замедленный ходъ накопленія капитала вызванъ былъ пониженіемъ уровня прибыли въ эпоху угнетеннаго состоянія промышленности. Уже одного этого пониженія уровня прибыли было бы достаточно для перехода плательщиковъ подоходнаго налога изъ высшихъ разрядовъ въ низшіе. Но замѣчательно, что пониженіе уровня прибыли было далеко не одинаково въ различныхъ родахъ предпріятій. Съ особенной силой сказалось оно въ *промышленности;* въ предпріятіяхъ же, *не имѣющихъ* прямого отношенія къ промышленному производству, оно было гораздо слабѣе. Такъ, розничные торговцы жаловались на него очень мало. Такъ же мало пострадали отъ него лица, помѣстившія свои капиталы за-границей, напримѣръ въ иностранныхъ займахъ и т. п. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, назначенной для изслѣдованія угнетеннаго состоянія промышленности, указываетъ***) на помѣщеніе англійскихъ капиталовъ за-границей, какъ на одну изъ причинъ того, на первый взглядъ страннаго явленія, что общая сумма доходовъ, подлежащихъ обложенію, увеличилась, несмотря на застой въ дѣлахъ. Такъ какъ возрастаніе этой общей суммы все таки сопровождались

---

*) А. А. Исаевъ, Начала Политической Экономіи, изданіе четвертое, стр. 619.

**) R. Giffen, Accumalation of Capital in the United Kingdom, Journal of the R. S. S. March 1890, p. 15.

***) См. Final Report of the R. Commission appointed to inquire into the depression of Trade and Industry, мнѣніе меньшинства коммиссіи, стр. XLIV.

пониженіемъ *крупныхъ* доходовъ, то остается предположить, что въ торговыхъ предпріятіяхъ внутри страны, равно какъ и за-границей были помѣщены капиталы, имѣвшіе сравнительно меньшіе размѣры. Именно такъ и думаетъ меньшинство коммиссіи. „Большое возрастаніе числа мелкихъ и уменьшеніе числа крупныхъ доходовъ въ рубрикѣ Д, вѣроятно, произошло въ значительной степени оттого, что промышленность, къ области которой принадлежатъ крупныя предпріятія, требующія большихъ капиталовъ, не приносила дохода, между тѣмъ какъ торговля, особенно розничная, большая часть которой ведется съ незначительными капиталами, приносила прибыль.“ *)

Уже въ виду этихъ соображеній „автоматическій соціализмъ“ англійскаго министра финансовъ утрачиваетъ весьма значительную долю своей „удивительности“ и „утѣшительности“. Но онъ сдѣлается еще болѣе жалкимъ въ нашихъ глазахъ, если мы вспомнимъ, что *другою причиною* роста общей суммы доходовъ, обложенныхъ налогомъ (рубрика Д) явилось просто на просто *болѣе внимательное усчитываніе администраціей обывательскихъ доходовъ*. Въ указаніи на эту причину большинство коммиссіи сходится съ ея меньшинствомъ. Но между тѣмъ, какъ большинство, отмѣтивъ эту причину, не спрашиваетъ себя, какъ она повліяла на число занесенныхъ въ списокъ „умѣренныхъ“ доходовъ, меньшинство совершенно справедливо замѣчаетъ, что она должна была *увеличить его*, благодаря привлеченію къ уплатѣ подоходнаго налога множества *новыхъ* небогатыхъ плательщиковъ, прежде легко ускользавшихъ отъ этой чести.**)

Такимъ образомъ фактическое основаніе отрадныхъ выводовъ Гошена оказывается совершенно несостоятельнымъ. Столь же несостоятельнымъ оказывается, конечно, и пріятное убѣжденіе тѣхъ друзей „соціальнаго мира“, которые думаютъ, что уменьшеніе разстоянія между бѣдными и богатыми убѣдительно доказано Гошеномъ.

Просимъ читателя замѣтить еще вотъ что. Гошенъ съ большой похвалой отзывается о цитированномъ нами заключительномъ докладѣ коммиссіи, изучавшей причины угнетеннаго состоянія промышленности, и очень сожалѣетъ о томъ, что выводы, къ которымъ она пришла, не обратили на себя должнаго вниманія читающей публики.***) Можно подумать, что самъ онъ хорошо изучилъ эти выводы и передаетъ ихъ своимъ слушителямъ во всей ихъ полнотѣ и во всемъ ихъ разнообразіи. Но на самомъ дѣлѣ мы видѣли совсѣмъ другое. Онъ такъ не серьезно отнесся къ названному докладу, что

*) Ibid., p. XLIX. Сравнительно хорошій ходъ торговли объясняется огромнымъ пониженіемъ фабричныхъ цѣнъ.

**) Ibid., p. L.

***) Journal of the R. S. Society, Dec. 1887, p. 591.

нашелъ возможнымъ, безъ всякихъ оговорокъ, пользоваться тѣми статистическими данными, о которыхъ меньшинство коммиссіи прямо заявило, что значеніе ихъ вовсе не таково, какимъ оно представляется на первый взглядъ и какое имъ приписалъ, — вскорѣ по выходѣ заключительнаго доклада, — самъ Гошенъ. Объ этомъ заявленіи меньшинства „достопочтенный“ ораторъ благоразумно умолчалъ въ своей рѣчи. Такъ тверда и непоколебима была его „объективность“.

Гошену захотѣлось ободрить своихъ слушателей, находившихся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ рабочихъ волненій, и вотъ онъ, схватившись за первыя попавшіяся цифры, сталъ излагать передъ ними, въ новомъ видѣ, ту самую теорію, которую раньше его излагали Кэри, Бастіа и другіе, имъ подобные, апологеты капитализма. Слушатели пришли въ восторгъ и поблагодарили оратора въ самыхъ прочувствованныхъ выраженіяхъ. А вслѣдъ за слушателями пришли въ восторгъ и континентальные ученые въ родѣ Шмоллера и Шульце-Геверница. Этимъ „объективнымъ“ мужамъ науки было не до критической провѣрки доводовъ англійскаго министра. Имъ тоже очень пріятно было услышать, что удивительный и утѣшительный законъ Бастіа можетъ быть поддержанъ съ помощью новыхъ данныхъ. Ну, а разъ аргументація Гошена были почтительно встрѣчена Шмоллеромъ, Шульце-Геверницомъ и другими патентованными „учеными“, то „критикамъ“ марксизма, какъ говорится, уже самъ богъ велѣлъ кричать о притупленіи общественныхъ противорѣчій вслѣдствіе „роста умѣренныхъ доходовъ“. Наши „критики“ вообще не критикуютъ буржуазныхъ ученыхъ. Ихъ спеціальность заключается именно въ „критикѣ“ Маркса.

IV.

Гошенъ и самъ чувствовалъ, что цифры, положенная имъ въ основу своей реляціи объ успѣхахъ „автоматическаго соціализма“, совсѣмъ не доказательны. Поэтому онъ постарался подтвердить свои выводы съ помощью косвенныхъ соображеній. Съ однимъ изъ этихъ соображеній мы познакомимся ниже, когда будемъ говорить о положеніи рабочаго класса въ Англіи, а нѣкоторыя другія намъ нужно разсмотрѣть теперь.

„Съ каждымъ годомъ, — говоритъ Гошенъ, — все большее и большее число лицъ принимаетъ участіе въ акціонерныхъ компаніяхъ и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ часть богатства, создаваемаго широкой промышленной и торговой дѣятельностью страны.“*)

Это соображеніе, подхваченное Шульце-Геверницомъ и другими проповѣдниками „соціальнаго мира“, произвело, какъ

*) Ibid., p. 597.

извѣстно, сильное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ соціалистовъ. Такъ, г. Бернштейнъ пришелъ къ тому убѣжденію, что „форма акціонерной компаніи значительно противодѣйствуетъ тенденціи, заключающейся въ централизаціи капиталовъ путемъ централизаціи производствъ". Онъ думаетъ, что „если экономисты, противники соціализма, использовали этотъ фактъ съ цѣлью прикрашиванія нынѣшнихъ общественныхъ отношеній, то отсюда не слѣдуетъ, что соціалисты должны скрывать или отрицать этотъ фактъ. Дѣло идетъ скорѣе о томъ, чтобы признать его дѣйствительное значеніе и его распространеніе".*)

Скрывать факты или отрицать ихъ существованіе, когда оно доказано, разумѣется, очень смѣшно и абсолютно нелѣпо. Но иное дѣло *факты*, а иное дѣло ихъ *общественное значеніе*. Общественное значеніе факта, указываемаго г. Бернштейномъ вслѣдъ за Гошеномъ и Шульце-Геверницемъ, остается до сихъ поръ по меньшей мѣрѣ *спорнымъ*. Гошенъ, Шульце-Геверницъ и плетущійся за ними г. Бернштейнъ не обратили внимания на то, что распространеніе акціонерныхъ компаній можетъ явиться *новымъ факторомъ централизаціи имущества и увеличенія разстоянія между бѣдными и богатыми*. Поясникъ нашу мысль примѣромъ, взятымъ изъ экономической исторіи той самой эпохи, о которой говорится въ рѣчи Гошена.

Извѣстно, что умноженіе числа акціонерныхъ компаній въ Англіи было очень облегчено законодательствомъ, разрѣшившимъ учрежденіе обществъ съ ограниченной отвѣтственностью (Limited Liability Acts). Къ тому времени, когда приступила къ своимъ трудамъ коммиссія, назначенная для изслѣдованія причинъ угнетеннаго состоянія промышленности, экономическія послѣдствія новаго закона успѣли обнаружиться съ достаточной ясностью. Что же говоритъ о нихъ эта коммиссія?

По словамъ ея большинства, „ограниченіе отвѣтственности вызываетъ менѣе осторожное или болѣе спекуляторское веденіе предпріятій, чѣмъ то, къ которому можетъ быть склоненъ предприниматель, связанный полной отвѣтственностью за свои операціи. Вслѣдствіе этого, при ограниченной отвѣтственности производство часто ведется при такой пониженной прибыли, при которой обыкновенный предприниматель увидѣлъ бы себя вынужденнымъ сократить его размѣры. Даже потеря капитала, причиненная гибелью значительнаго числа этихъ компаній, не произвела всего того вліянія, котораго можно было ожидать въ смыслѣ сокращенія ихъ операцій, такъ какъ убытки распространяются на большее число

*) Э. Бернштейнъ, Историческій Матеріализмъ, переводъ Л. Канцель, второе изданіе, стр. 84.

лицъ и потому менѣе чувствительны. Болѣе того, на развалинахъ потерпѣвшихъ крушеніе предпріятій постоянно возникаютъ новыя, которыя, купивъ за безцѣнокъ имущество старыхъ, получаютъ возможность вести производство въ прежныхъ размѣрахъ.“ *)

Меньшинство коммиссіи вполнѣ согласно въ этомъ случаѣ съ большинствомъ. По его мнѣнію, ограниченіе отвѣтственности вызвало появленіе особаго класса *„основателей“* (promoters), которые, пользуясь неопытностью и беззащитностью обладателей мелкихъ денежныхъ суммъ, заводятъ предпріятія единственно для того, чтобы при первой возможности перепродать свои акціи, ни мало не заботясь о томъ, какая судьба ожидаетъ начатое ими дѣло.**)

Мы не думаемъ, чтобы „автоматическій соціализмъ“ этого рода былъ способенъ значительно содѣйствовать уменьшенію общественныхъ противорѣчій. *Перепроизводство и спекуляція* всегда были и всегда останутся могущественными дѣятелями разстроенія экономически слабыхъ и обогащенія горсти ловкачей, обладающихъ умѣньемъ ловить въ мутной водѣ рыбу.

Гошенъ указывалъ также на увеличеніе, въ разсматриваемый имъ періодъ времени, взносовъ въ сберегательныя кассы, какъ на одно изъ проявленій медленнаго, но вѣрнаго торжества дорогого ему „молчаливаго соціализма“.***) Но если бы онъ внимательно прочиталъ тотъ самый докладъ, который онъ такъ настойчиво рекомендовалъ вниманію своихъ слушателей, то онъ долженъ былъ бы согласиться съ тѣмъ, что указанный имъ фактъ допускаетъ совершенно иное и притомъ гораздо менѣе „утѣшительное“ толкованіе. Какъ справедливо замѣчаетъ оставшійся при особомъ мнѣніи членъ коммиссіи А. О'Конноръ, *увеличеніе числа взносовъ* въ сберегательныя кассы могло быть вызвано *уменьшеніемъ* (вслѣдствіе угнетеннаго состоянія промышленности) *возможности помѣщенія небольшихъ денежныхъ суммъ въ производительныя предпріятія.*†) При такомъ, болѣе чѣмъ вѣроятномъ, объясненіи этого факта становится совершенно понятнымъ то обстоятельство, что увеличеніе числа взносовъ въ сберегательныя кассы *шло рука объ руку съ уменьшеніемъ спроса на рабочія руки.*

Какъ бы ни былъ „молчаливъ“ и „автоматиченъ“ такой соціализмъ, въ немъ всегда будетъ очень мало *утѣшительнаго.*

Теперь мы можемъ разстаться на время съ Гошеномъ и обратиться къ другому англійскому авторитету, именно къ статистику *Мельголлю.*

---

*) Final Report, p. XVIII.
**) Ibid., p. LVII.
***) Journal, Dec. 1887, p. 602.
†) Final Report, p. LXXII.

Въ своемъ „Dictionary of Statistics“ Мёльголль приводитъ слѣдующія данныя относительно роста числа доходовъ въ 200 фунтовъ стерлинговъ и выше.*)

Годы.	Число доходовъ.	На одинъ милліонъ населенія.
1812	39 765	3314
1850	65 389	3115
1860	85 530	2949
1870	130 375	4206
1880	210 430	6313

Число доходовъ выше 5000 ф. с. росло слѣдующимъ образомъ.

Годы.	Число доходовъ.	На одинъ милліонъ населенія.
1812	409	34
1850	1 181	56
1860	1 558	53
1870	2 080	67
1880	2 954	88

Сопоставляя одни съ другими нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ, мы получаемъ.

Число лицъ	На 1 милл. населенія. 1860	1880	Ростъ.
Очень богатыхъ . .	53	88	66 проц.
Зажиточныхъ . . .	2949	6313	112 проц.

„Это указываетъ, — говоритъ Мёльголль, — на диффузію богатства, вопреки ходячему мнѣнію о томъ, что богатые богатѣютъ съ каждымъ днемъ.“**)

Очень хорошо и весьма утѣшительно! Но поговоривъ съ тѣмъ же Мёльголлемъ въ другой разъ и при другихъ обстоятельствахъ, мы узнаемъ отъ него гораздо менѣе хорошія и гораздо менѣе утѣшительныя вещи.

На основаніи нѣкоторыхъ разсчетовъ онъ принимаетъ, что богатство Соединеннаго Королевства распредѣлено такъ.

Классы.	Число лицъ.	Милліоны фунтовъ.	Фунтовъ на каждую голову.
Богатый . . .	327 000	9120	28 000
Средній . . .	2 380 000	2120	900
Рабочій . . .	18 210 000	556	31
Дѣти	17 940 000	—	—
Всего населенія	38 857 000	11806	302

На что же указываютъ эти цифры? А вотъ на что. „Около 80 процентовъ всего богатства страны находится въ рукахъ $1^1/_2$ процента взрослаго населенія. Средній классъ охватываетъ 11 процентовъ населенія и сосредоточиваетъ въ своихъ

*) До 1860 г. данныя относятся только къ Великобританіи, а послѣ 1860 г. ко всему Соединенному Королевству.

**) Dictionary, p. 321.

рукахъ 18 процентовъ богатства." *) О рабочемъ классѣ Мёльголль уже и не говоритъ: такъ жалки, такъ ничтожны крохи, приходящіяся на его долю! Выходитъ, что „диффузія богатства" не такъ уже сильна, какъ насъ только что увѣрялъ тотъ же Мёльголль. Жаль! Очень жаль! Мы пришли было въ очень пріятное настроеніе духа. Но послушаемъ дальше нашего статистика. Спросимъ его, какъ совершалась „диффузія богатства" въ прежнее время.**)

По ему собственному разсчету***) оказывается, что если мы примемъ за 100 число крупныхъ состояній, превышавшихъ въ 1840 году 5000 ф. с., то увидимъ, что въ 1877 году оно дошло до 223, а въ 1893 г. до 270. Между тѣмъ, принимая за 100 число состояній, простиравшихся въ 1840 году отъ 100 до 5000 ф. ст., мы находимъ, что въ 1877 году они дошли только до 203, а въ 1893 году только до 249. А это означаетъ, что „состоянія выше 5000 ф. с. умножались гораздо скорѣе, чѣмъ тѣ, которыя не достигали этой цифры, — явленіе какъ разъ обратное тому, что было бы желательно, — и этотъ приливъ богатства (*въ высшіе слои*, Г. П.) становится повидимому все болѣе интенсивнымъ".†) Вотъ такъ „диффузія"! Мёльголль самъ какъ будто смущается ею и потому спѣшитъ утѣшить насъ слѣдующей таблицей.

	1840 г.	1877 г.	1893 г.
Населеніе	100	126	146
Состоянія выше 100 ф. . .	100	205	251

За пятьдесятъ лѣтъ населеніе выросло на 40 процентовъ, а число обладающихъ состояніемъ выше 100 ф. с. увеличилось на 151 процентъ. „Другими словами, тотъ общественный классъ, который стоитъ выше бѣдности, росъ, начиная съ 1840 года, втрое скорѣе, чѣмъ общая цифра населенія." ††)

Ниже мы подробно анализируемъ утѣшительность этого утѣшенія, а теперь пока обратимъ вниманіе читателя на слѣдующій отзывъ Мёльголля о положеніи рабочаго класса въ Англіи.

„Улучшеніе положенія рабочаго класса съ очевидностью явствуетъ изъ возрастанія числа вкладчиковъ въ сберегательныя кассы. Оно составляло менѣе 4 процентовъ населенія Соединеннаго Королевства въ 1850 году, а теперь доходитъ до 19 процентовъ. Тѣмъ не менѣе, страданія бѣднаго класса въ нашихъ большихъ городахъ теперь значительнѣе, чѣмъ

*) Industries and Wealth of Nations, by Michael G. Mulhall, London 1896, p. 100.

**) Предъидущіе выводы основаны на данныхъ, относящихся къ пятилѣтію, кончившемуся декабремъ 1893 года.

***) Ниже мы увидимъ, что этотъ разсчетъ лишь въ слабой степени выражаетъ дѣйствительный ходъ развитія.

†) Ibid., p. 100—101.

††) Ibid., p. 101.

когда либо прежде. О положеніи этого класса было справедливо сказано, что оно хуже положенія готтентотовъ." *)

Порусски это называется *начать за здравіе, а кончить за упокой.*

V.

Мы видимъ теперь, что какъ „молчаливый соціализмъ" Гошена, такъ и „диффузія богатства" Мёльголля представляютъ собой нѣчто довольно фантастическое. Мёльголль самъ долженъ былъ признать, что богатство все болѣе и болѣе скопляется въ высшихъ слояхъ общества. Но если это такъ, то *общественныя противорѣчія*, — разсматриваемыя съ ихъ экономической стороны, — *не только не „притупляются", а все болѣе и болѣе возрастаютъ*. Мёльголль старается „притушить" этотъ выводъ указаніемъ на то, что въ Англіи число лицъ, обладающихъ имуществомъ выше 100 ф. с. растетъ значительно быстрѣе, чѣмъ населеніе. Пора внимательнѣе присмотрѣться къ этому утѣшенію.

Представимъ себѣ общество, въ составъ котораго входитъ три класса: богатый, зажиточный и бѣдный. Предположимъ для простоты, что бѣдный классъ живетъ исключительно *продажей своей рабочей силы*; зажиточный занимается *торговлей*, а богатый состоитъ изъ *капиталистовъ-предпринимателей* и *землевладѣльцевъ*, число лицъ въ бѣдномъ классѣ равняется *тысячѣ*; въ зажиточномъ — *ста*, а въ богатомъ — *десяти*.**) При распредѣленіи общественнаго дохода на долю каждаго изъ этихъ классовъ достается величина, которую мы обозначимъ черезъ *А*. Стало быть, весь доходъ общества равняется *3А*; членъ богатаго класса *въ среднемъ въ десять разъ богаче* члена зажиточнаго класса, а членъ зажиточнаго класса въ среднемъ въ десять разъ богаче члена бѣднаго класса. Таково *относительное* положеніе классовъ въ данную эпоху, скажемъ — въ 1875 году.

Проходитъ 25 лѣтъ. Общественный доходъ *удваивается*, и на долю *каждаго* общественнаго класса достается теперь *уже не одно, а два А*.***) Мы можемъ, по этому, сказать, что экономическое благосостояніе каждаго общественнаго класса *удвоилось*. Но *взаимное отношеніе этихъ классовъ осталось безъ перемѣны*: по прежнему богатый въ среднемъ въ десять разъ богаче зажиточнаго, а зажиточный въ среднемъ въ десять разъ богаче бѣднаго. Въ виду этого мы не имѣемъ никакого права говорить ни о „диффузіи богатства" въ нашемъ обществѣ ни объ „автоматическомъ соціализмѣ", измѣняющемъ распредѣленіе дохода въ смыслѣ притупленія противорѣчій

*) Ibid., p. 101—102.

**) *Лицо*—главѣ семьи, получателю извѣстнаго дохода.

***) Чтобы не усложнять разсчета, мы предполагаемъ сначала, что населеніе не увеличилось за это время.

между общественными классами. Запомнивъ этотъ выводъ, пойдемъ далѣе.

Предположимъ, что въ нашемъ обществѣ существуетъ подоходный налогъ, который платится всѣми лицами, получающими 100 и выше фунтовъ дохода. Предположимъ также, что въ богатомъ и въ зажиточномъ классѣ у насъ нѣтъ ни одного лица, доходъ котораго былъ бы ниже ста фунтовъ, но за то въ бѣдномъ классѣ нѣтъ ни одного лица, доходъ котораго достигалъ бы этой цифры, стало быть, никто изъ лицъ этого класса не платилъ бы подоходнаго налога въ 1875 году.

А какъ будетъ обстоять дѣло по прошествіи 25 лѣтъ, когда удвоится доходъ каждаго общественнаго класса?

Если мы предположимъ: во-первыхъ, что 25 лѣтъ тому назадъ въ бѣдномъ классѣ было 250 лицъ, ежегодно получавшихъ отъ 50 до 100 фунтовъ, а во-вторыхъ, что *распредѣленіе дохода внутри каждаго класса остается постояннымъ*, то теперь въ бѣдномъ классѣ у насъ окажется 250 лицъ, получающихъ отъ ста до 200 фунтовъ, и, слѣдовательно, обязанныхъ платить подоходный налогъ. Такимъ образомъ число небогатыхъ плательщиковъ подоходнаго налога *увеличится, несмотря на то, что никакой „диффузіи богатства“ не произойдетъ*, такъ какъ богатый по прежнему будетъ въ 10 разъ богаче зажиточнаго, а зажиточный по прежнему въ 10 разъ богаче бѣднаго.

Въ какой же мѣрѣ увеличится число небогатыхъ плательщиковъ подоходнаго налога?

Это будетъ зависѣть, конечно, отъ распредѣленія богатства внутри зажиточнаго класса. Предположимъ, что 25 лѣтъ тому назадъ между членами этого класса было 25 лицъ, получавшихъ отъ 500 до 1000 ф. с. ежегоднаго дохода. Въ такомъ случаѣ теперь, послѣ *удвоенія* дохода этого класса (и при неизмѣнномъ распредѣленіи этого дохода), эти 25 лицъ будутъ получать уже отъ 1000 до 2000 фунтовъ. Предполагая, что лица, получающія болѣе 1000 фунтовъ, называются *крупными* плательщиками, мы увидимъ, что къ *разряду* такихъ плательщиковъ отойдетъ теперь 25 человѣкъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ *среднему классу*. Значитъ общее число небогатыхъ плательщиковъ (или, другими словами, общее число „moderate incomes“) будетъ теперь равно 325 (75 человѣкъ, оставшихся отъ прежняго числа, — 100, — и 250 новыхъ, принадлежащихъ къ рабочему классу), т. е. *окажется увеличившимся на 225 процентовъ*.

Будемъ считать дальше. Двадцать пять лицъ торговаго класса, получающихъ отъ 1000 до 2000 ф. с., будутъ фигурировать теперь въ спискахъ крупныхъ плательщиковъ, въ одномъ *разрядѣ* съ лицами высшаго класса, состоящаго изъ фабрикантовъ и землевладѣльцевъ. Такихъ лицъ было у насъ *десять*. Присоединяя къ нимъ 25 лицъ изъ *средняго*

класса, мы находимъ, что число крупныхъ плательщиковъ равняется теперь 35: *увеличеніе на 250 процентовъ*.

Число крупныхъ плательщиковъ растетъ у насъ нѣсколько быстрѣе числа „умѣренныхъ“. Но легко видѣть, что при нѣкоторомъ измѣненіи нашихъ гипотетическихъ данныхъ у насъ получится противоположный результатъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что въ 1875 г. у насъ было только 10 лицъ, получавшихъ отъ 500 до 1000 фунтовъ. По прошествіи 25 лѣтъ и по удвоеніи дохода средняго класса эти 10 лицъ будутъ получать отъ 1000 до 2000 фунтовъ и поэтому отойдутъ въ разрядъ крупныхъ плательщиковъ подоходнаго налога. Складывая ихъ число съ числомъ прежнихъ плательщиковъ крупнаго разряда, — которое, какъ намъ извѣстно, равнялось тоже десяти, — мы находимъ, что всѣхъ плательщиковъ этого разряда будетъ теперь 20, а это значитъ, что *число ихъ увеличилось только на 100 процентовъ*. Въ виду гораздо болѣе быстраго роста числа „умѣренныхъ“ плательщиковъ мы получаемъ возможность кричать объ „автоматическомъ соціализмѣ“ и наводить некритическихъ „критиковъ“ на ту мысль, что Марксова „догма“ устарѣла и т. д. А вѣдь на самомъ дѣлѣ у насъ никакой „диффузіи богатства“ не произошло, и каждый общественный классъ получаетъ свою *прежнюю долю* національнаго дохода.

Совершенно такой же „*отрадный*“ выводъ,— въ Гошеновскомъ смыслѣ, — мы получимъ, предположивъ, что концентрація имущества въ средѣ класса промышленниковъ и землевладѣльцевъ совершается быстрѣе, чѣмъ въ средѣ торговаго класса, что вполнѣ возможно, — и даже въ высшей степени вѣроятно, — совершенно безъ всякаго посрамленія Марксовой догмы. *)

До сихъ поръ мы предполагали, что при ростѣ національнаго дохода *доля* каждаго общественнаго класса оставалась неизмѣнной. Теперь посмотримъ, какъ отразилось бы спискахъ плательщиковъ подоходнаго налога *неравномѣрное возрастаніе дохода различныхъ классовъ*.

Положимъ, что общественный доходъ *учетверился* и распредѣляется такъ: рабочій классъ получаетъ *2A*; средній

---

*) „The retail trade is to-day passing through an industrial revolution similar to that which manufacture experienced in the early years of this century, and the small keeper is the analogue of the hand-loom weaver.“— говоритъ Макрости въ своей интересной брошюрѣ „The Growth of Monopoly in english Industry“ (Fabian Tract № 88) p. 3. Теперь, когда мелкаго лавочника захватила „промышленная революція“, концентрація пойдетъ быстрыми шагами въ области мелочной торговли, что и доказывается въ брошюрѣ Макрости. Но пока мелочная торговля еще не была затронута „промышленной революціей“, концентрація по необходимости должна была совершаться въ ней гораздо медленнѣе, чѣмъ въ промышленности. Это обстоятельство не могло не вліять на ростъ „умѣренныхъ“ доходовъ.

классъ — *4А*, а высшій — *6А*. При удвоеніи дохода рабочаго класса въ его средѣ окажется,— какъ и при нашемъ прежнемъ преположеніи, — 250 лицъ, получающихъ сто и больше фунтовъ дохода. Эти лица будутъ теперь обязаны платить подоходный налогъ и, слѣдовательно, увеличатъ собою число „умѣренныхъ“ плательщиковъ. Средній классъ прежде цѣликомъ относился къ числу плательщиковъ этого „умѣреннаго“ разряда, но теперь, послѣ учетверенія дохода средняго класса, значительное число его членовъ перейдетъ въ разрядъ крупныхъ плательщиковъ. Какъ велико будетъ это число? Если мы предположимъ, что прежде въ среднемъ классѣ было 25 лицъ, получавшихъ отъ 250 до 500 фунтовъ, то теперь, (при *неизмѣнномъ распредѣленіи* учетвереннаго дохода средняго класса между его членами) каждое изъ этихъ 25 лицъ будетъ получать отъ 1000 до 2000 фунтовъ, т. е. перешагнетъ за черту, отдѣляющую *небогатыхъ* плательщиковъ отъ *крупныхъ*. Но въ томъ же классѣ было, кромѣ того, согласно нашему прежнему предположенію, 25 лицъ получавшихъ отъ пятисотъ фунтовъ до тысячи. Послѣ учетверенія дохода средняго класса лица эти станутъ получать отъ 2000 до 4000 фунтовъ каждый и, потому съ еще большимъ основаніемъ будутъ причислены къ *крупнымъ* плательщикамъ. Слѣдовательно, изъ числа лицъ средняго класса только 50 (100 — 25 — 25) лицъ останется въ *разрядѣ* „умѣренныхъ“ плательщиковъ. Присоединяя число этихъ лицъ къ числу (250) небогатыхъ плательщиковъ изъ *низшаго класса*, мы находимъ, что общее число небогатыхъ плательщиковъ равняется теперь 300 (50+250): *увеличеніе на 200 процентовъ*.

Переходя къ *разряду* крупныхъ плательщиквъ, мы видимъ, что къ ихъ прежнему числу, *десяти*, прибавится теперь еще *50* (25 лицъ съ доходомъ отъ 1000 до 2000 ф. + 25 лицъ съ доходомъ отъ 2000 до 4000). Общая ихъ сумма дойдетъ, значитъ, до *шестидесяти*: *увеличеніе на 500 процентовъ*.

Если мы предположимъ, что *концентрація* уменьшитъ число небогатыхъ плательщиковъ до 250, а число крупныхъ 55, то выйдетъ, что общая сумма „умѣренныхъ“ доходовъ возрасла на 150 процентовъ, а число крупныхъ — на 450 пр.

Но мы разсуждаемъ, не принимая во вниманіе *роста населенія*. Населеніе можетъ расти: 1. быстрѣе, чѣмъ общественный доходъ; 2. такъ же быстро, какъ онъ; 3. медленнѣе его. Для насъ здѣсь интересенъ только *третій случай*, соотвѣтствующій капиталистической дѣйствительности. Разсмотримъ этотъ случай.

Положимъ, что число членовъ нашего общества удвоилось въ теченіе 50 лѣтъ, между тѣмъ какъ общественный доходъ *учетверился* и равняется теперь 12А, при чемъ рабочему классу достается 2А, среднему — 4А, а высшему — 6А. Такъ какъ вдвое большій доходъ рабочаго класса распредѣляется

теперь между вдвое большимъ числомъ лицъ, то (при неизмѣнномъ распредѣленіи дохода *внутри* этого класса) благосостояніе каждаго отдѣльнаго рабочаго не повысится, а потому *ни одинъ слой рабочихъ не попадетъ въ число плательщиковъ подоходнаго налога.*

Не то будетъ въ среднемъ классѣ. Здѣсь доходъ *учетверился* между тѣмъ какъ число лицъ только *удвоилось.* Каждое лицо въ отдѣльности будетъ, стало быть, *вдвое богаче,* чѣмъ было прежде. Число лицъ, получающихъ отъ 1000 до 2000 ф. дохода, дойдетъ теперь до *50.* Эти 50 лицъ будутъ теперь занесены въ разрядъ *крупныхъ* плательщиковъ, а остальные 150 (200 — 50) останутся въ разрядѣ *небогатыхъ. Число „умѣренныхъ“ доходовъ увеличится,* значитъ, на 50 процентовъ.

Въ *высшемъ классѣ* прежде было *10* плательщиковъ, которые всѣ и принадлежали, разумѣется, къ *разряду* крупныхъ. Вслѣдствіе удвоенія населенія ихъ стало *20.* Къ этимъ 20 надо прибавить еще *50* человѣкъ *средняго класса,* перешедшихъ въ *разрядъ* крупныхъ плательщиковъ. *Сумма: 70 (20+50); увеличеніе* — 600 процентовъ.

Даже предположивъ, что концентрація имуществъ понизила число крупныхъ плательщиковъ до 55, мы все таки имѣемъ передъ собою фактъ огромнаго увеличенія числа крупныхъ плательщиковъ, доходящаго до 450 проц.

Что же доказываютъ всѣ эти примѣры, навѣрное, до смерти надоѣвшіе читателю?

Они доказываютъ, между прочимъ, вотъ что:

1. Ростъ числа небогатыхъ плательщиковъ, обусловливаемый ростомъ общественнаго дохода, самъ по себѣ вовсе еще не свидѣтельствуетъ о „диффузіи богатства“ или объ успѣхахъ „автоматическаго соціализма“, потому что онъ вполнѣ совмѣстимъ съ огромнымъ ростомъ неравенства въ распредѣленіи общественнаго богатства.

2. Чѣмъ сильнѣе концентрація имуществъ въ высшемъ классѣ общества, тѣмъ выпуклѣе выступаетъ ростъ числа небогатыхъ плательщиковъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ число „moderate incomes“ *будетъ расти скорѣе числа крупныхъ доходовъ, несмотря на одновременный и очень сильный ростъ общественнаго неравенства.*

3. Въ современныхъ капиталистическихъ обществахъ число умѣренныхъ доходовъ растетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ общая цифра населенія. Но умозаключать отсюда къ диффузіи богатства и къ уменьшенію общественнаго неравенства значитъ обнаруживать полнѣйшее и постыднѣйшее непониманіе предмета. Для серьезнаго уясненія вопроса о распредѣленіи національнаго дохода въ современныхъ обществахъ, надо прежда всего опредѣлить, *въ какой мѣрѣ выросъ этотъ доходъ за разсматриваемый періодъ и какъ раздѣлился его приростъ между отдѣльными классами.* Лица же, толкующіе о диффузіи и

сравнивающіе ростъ *населенія* съ ростомъ *числа умѣренныхъ доходовъ*, ровно ничего не дѣлаютъ для указаннаго опредѣленія.*) Поэтому ихъ аргументація не показываетъ ничего, кромѣ ихъ собственной слабости.

Если мы съ точки зрѣнія этихъ выводовъ взглянемъ на данныя, приведенныя Мёльголлемъ въ его „Dictionary of Statistics", то мы легко поймемъ, какъ и почему эти данныя могутъ уживаться съ другими данными, имѣющими, повидимому, совершенно противоположное значеніе.

Мёльголль говоритъ, что въ Англіи число лицъ съ имуществомъ выше 100 ф. с. растетъ значительно быстрѣе, чѣмъ населеніе. И это вѣрно. Но Мёльголль не спрашиваетъ себя при этомъ, какъ же быстро растетъ національный доходъ Англіи. На самомъ дѣлѣ этотъ доходъ растетъ гораздо быстрѣе числа лицъ указаннаго Мёльголлемъ разряда, и потому *увеличеніе этого числа идетъ рука объ руку съ гораздо болѣе сильнымъ увеличеніемъ общественнаго неравенства*, о которомъ совершенно недвусмысленно говорятъ данныя, сообщаемыя тѣмъ же Мёльголлемъ въ его книгѣ „Industries and wealth of Nations". Правда, данныя, приведенныя имъ въ „Dictionary of Statistics" какъ будто показываютъ, что „умѣренные" доходы растутъ въ Англіи скорѣе крупныхъ, но, во-первыхъ, мы уже знаемъ теперь, что если-бы это и было такъ, то отсюда еще было бы очень далеко до „диффузіи богатства". Во-вторыхъ, намъ извѣстно, что вторая половина семидесятыхъ годовъ ознаменовалась очень угнетеннымъ состояніемъ промышленности, вызвавшимъ временное пониженіе крупныхъ доходовъ, а, слѣдовательно, и временное уменьшеніе ихъ числа. Мы понимаемъ, поэтому, какъ и почему сравненіе чиселъ, относящихся къ 1860 г. съ одной стороны и къ 1880 г. — съ другой, указываетъ на болѣе быстрый ростъ числа *умѣренныхъ* доходовъ сравнительно съ числомъ *крупныхъ*. Но если мы сравнимъ общіе результаты экономическаго развитія за болѣе продолжительный періодъ, то увидимъ, что, несмотря на временныя задержки, число крупныхъ доходовъ росло гораздо скорѣе числа умѣренныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, та же таблица Мёльголля показываетъ, что въ 1812 г. на одинъ милліонъ жителей въ Англіи приходилось 3314 лицъ съ доходомъ отъ 200 и выше, а въ 1880 г. ихъ было 6313, т. е. число ихъ *даже не удвоилось*, между тѣмъ, число лицъ съ

---

*) См., напримѣръ, Бернштейна, „Историческій матеріализмъ", стр. 87 и слѣдующія. Въ прошломъ году Луиджи Негри выпустилъ въ свѣтъ работу, спеціально посвященную вопросу о концентраціи въ капиталистическомъ обществѣ (La centralizzazione capitalistica, Torino 1900). Онъ заботливо перечисляетъ тамъ всѣ причины, *замедляющія* концентрацію. Но странно, что онъ не упоминаетъ о причинахъ, *маскирующихъ* ее. А между тѣмъ такія причины существуютъ. Самой сильной изъ нихъ является быстрое скопленіе богатства въ верхнихъ общественныхъ слояхъ.

доходомъ выше 5000 ф. с. поднялось съ 34 въ 1812 г. до 88 въ 1880 г. — *увеличеніе на 163,6* процента.

Эти цифры совершенно опровергаютъ Мёльголля, говорящаго о диффузіи общественнаго богатства, и вполнѣ подтверждаетъ справедливость словъ Мёльголля, указывающаго на то, что „состоянія выше 5000 ф с. умножились гораздо скорѣе, чѣмъ тѣ, которыя не достигали этой цифры“ (см. выше, стр.)

„Сами по себѣ, цифры никогда не лгутъ — замѣтилъ Гошенъ, въ своей рѣчи, разобранной нами выше, — но всякій долженъ признать, что нѣтъ ничего легче, какъ злоупотребить ими для той или иной посторонней цѣли“. Въ этомъ случаѣ, мы совершенно согласны съ Гошеномъ.

VI.

До сихъ поръ мы оперировали преимущественно съ гипотетическими данными. Теперь пора обратиться къ дѣйствительности.

Просимъ читателя обратить вниманіе на слѣдующую таблицу, показывающую ростъ различныхъ разрядовъ дохода въ Англіи за время 1843—1879—80 г.

Доходы въ фунт. стерл.	1843 г.	1879—80.
отъ 500 до 5000	17990	42927
— 5000 до 10000	493	1439
— 10000 до 50000	200	785
50000 и выше. . . .	8	68

Число лицъ, получавшихъ отъ 500 до 5000 ф. с. дохода, *болѣе, чѣмъ удвоилось*; число лицъ съ доходомъ отъ 5000 до 10000 ф. с. *почти утроилось*; число богачей, ежегодно кладущихъ въ свой карманъ отъ 10000 до 50000 ф. с. *почти учетверилось*; наконецъ, число милліонеровъ, пользующихся ежегоднымъ доходомъ въ 50000 ф. и выше *увеличилось въ восемь разъ*.*)

Такимъ образомъ никакое сомнѣніе невозможно: *неравенство* въ распредѣленіи національнаго дохода очень увеличилось въ Англіи за указанный періодъ. „Диффузія богатства“ является, поэтому, не болѣе, какъ „благонамѣренной“ ложью.

Правда, за тотъ же самый періодъ времени *болѣе, чѣмъ утроилось* число лицъ съ доходомъ отъ 150 до 500 ф. с. Выходитъ, что число плательщиковъ *этого* — самаго скромнаго,— разряда росло быстрѣе числа плательщиковъ двухъ непосредственно за нимъ слѣдующихъ разрядовъ и отстало лишь отъ четвертаго (10000—50000 ф. с.) и отъ пятаго (50000 и

*) См. приложеніе А къ чрезвычайно интересной запискѣ г-жи Э. Симкоксъ: „Loss or gain of the working classes during the Nineteenth Century“ напечатанной въ *отчетѣ* объ Industrial Remuneration Conference, London, стр. 96—97.

выше*). При нѣкоторой доброй волѣ можно, пожалуй, сказать по этому поводу нѣсколько словъ о диффузіи богатства въ среднихъ слояхъ плательщиковъ. Но теперь мы уже не смутимся такими словами; теперь мы хорошо знаемъ, что указанное нами явленіе могло быть вызвано множествомъ причинъ, *не имѣющихъ ровно никакого отношенія къ диффузіи богатства*. Къ тому же у насъ остается на лицо фактъ еще болѣе быстраго роста числа плательщиковъ двухъ высшихъ разрядовъ. Стало быть, увеличеніе общественнаго неравенства остается для насъ внѣ всякаго сомнѣнія**).

Такое же увеличеніе видимъ мы и въ другихъ капиталистическихъ странахъ.

Въ *Цюрихскомъ Кантонѣ* въ періодъ 1848—85 г. состоянія разныхъ величинъ росли такъ:

Состоянія.	1848 г.	1885 г.	Ростъ.
отъ 5000 до 50000 фр. (около)	9100	17000	90 проц.
— 50000 до 500000	930	2650	185 „
выше 500000	30	190	530 „

Въ Базелѣ, въ Гларусѣ, въ Бременѣ, въ Гамбургѣ, въ Вюртембергѣ, въ Саксонскомъ королевствѣ и въ Пруссіи замѣчено было подобное же отношеніе между числами, выражающими ростъ имуществъ различныхъ величинъ.

Въ Саксонскомъ королевствѣ въ періодъ времени 1879—1890 г. число доходовъ выше 9600 марокъ увеличилось на 100 процентовъ, а число доходовъ выше 100000 марокъ — на 228 пр.***).

Для *Пруссіи* у насъ есть, кромѣ того, поразительная таблиц Энгеля:

---

*) Въ 1843 г. число плательщиковъ самаго низшаго разряда равнялось 87946, а въ 1879—80 г. оно дошло до 274943.

**) Приведенныя нами цифры до такой степени *безусловно опровергаютъ* Гошена, что мы не считаемъ нужнымъ утомлять вниманіе читателя подробнымъ разборомъ значенія того указаннаго англійскимъ министромъ финансовъ факта, что число доходовъ, записанныхъ подъ рубрикой E, значительно увеличилось въ періодъ 1875—1886 г. Скажемъ только, что ростъ капитализма необходимо предполагаетъ ростъ числа *служащихъ* у частныхъ лицъ, равно какъ и у акціонерныхъ компаній. Но именно этотъ ростъ и ведетъ къ усиленію общественнаго неравенства; именно онъ-то и ведетъ къ тому, что *крупные* доходы въ общемъ ростутъ гораздо быстрѣе *„умѣренныхъ“*.

***) См. „Wirthschaftliche Grundbegriffe“ Неймана въ Шёнберговомъ „Handbuch der politischen Oekonomie“, I. Bd. 4. Auflage, S. 186, Anhang. „Вообще, — говоритъ Бёмертъ, — на основаніи саксонскихъ данныхъ можно признать, что хотя доходъ среднихъ классовъ отъ 2100 (2200) до 9500 (9600) марокъ значительно растетъ въ абсолютномъ смыслѣ, но что его процентное отношеніе къ общей суммѣ дохода довольно значительно падаетъ. Такимъ образомъ здѣсь какъ будто замѣчается тотъ же ходъ развитія, который можно было констатировать для производства среднихъ размѣровъ на основаніи имперскихъ данныхъ“ (Die Vertheilung des Einkommens in Preussen und Sachsen. Dresden 1898. S. 12).

Въ промежутокъ времени 1845—1873 г. число плательщиковъ разныхъ разрядовъ росло такъ:

Число плательщиковъ выросло:

Въ первомъ разрядѣ .	(1000— 1600	талеровъ)	на	110,2 проц.
Во второмъ	(1600— 3200	„	„	132,3 „
Въ третьемъ	(3200— 6000	„	„	158,9 „
Въ четвертомъ	(6000— 12000	„	„	224,8 „
Въ пятомъ	(12000— 24000	„	„	370,6 „
Въ шестомъ	(24000— 52000	„	„	476,3 „
Въ седьмомъ	(52000—100000	„	„	468,4 „
Въ восьмомъ	(100000—200000	„	„	433,3 „
Въ девятомъ	(200000 и выше	„	„	2100,0*) „

Куда ни посмотрите, вездѣ вы увидите одно и тоже: дѣйствительное движеніе во всѣхъ странахъ капиталистическаго міра совершается въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ двигалось наше гипотетическое общество: *число плательщиковъ высшихъ разрядовъ вездѣ растетъ несравненно быстрѣе числа плательщиковъ небогатыхъ.* Результаты, добытые наблюденіемъ дѣйствительности, *поразительно совпадаютъ* съ результатами, получившимися у насъ, когда мы предположили, что *увеличеніе общественнаго дохода не увеличиваетъ благосостоянія рабочаго класса.* Но во многихъ случаяхъ дѣйствительность оставляетъ *далеко за собой* нашъ гипотетическій примѣръ: въ нашемъ примѣрѣ разница въ ростѣ чиселъ плательщиковъ различныхъ категорій значительно меньше, чѣмъ въ Пруссіи (по таблицѣ Энгеля) или хотя бы въ Цюрихскомъ Кантонѣ. Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что въ нашемъ примѣрѣ не отводилось достаточно мѣста для концентраціи имущества въ небогатыхъ слояхъ общества. Очень возможно, что въ дѣйствительности такая концентрація значительно замедляетъ ростъ числа „умѣренныхъ“ доходовъ.

Однимъ словомъ, характеръ нашего примѣра вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей въ капиталистическомъ обществѣ. Но нашъ примѣръ основывался на томъ предположеніи, что *распредѣленіе общественнаго дохода между различными классами общества дѣлается все болѣе и болѣе неравномѣрнымъ.* Ясно, что тоже самое происхоитъ и на самомъ дѣлѣ.

Но если это такъ, то разглагольствованія на тему о притупленіи общественныхъ противорѣчій, о диффузіи богатства, объ „обѣднѣніи“ капиталистовъ и объ „обогащеніи“ работниковъ являются горькой насмѣшкой надъ тѣмъ классомъ, которому съ особенной силой даетъ себя чувствовать общественное неравенство. Ученіе Кэри-Бастіа и ихъ потомства: Гошена, Шульце-Геверница и проч. и проч. и проч. есть не болѣе, какъ хитрая, но ни мало не убѣдительная рѣчь адвокатовъ дѣла, проиграннаго по крайней мѣрѣ въ принципѣ.

---

*) Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 2. Auflage, II. Band, S. 367.

VII.

Убѣдившись въ этомъ, мы можемъ обратиться, наконецъ, къ г. П. Струве.

Какъ относится этотъ почтенный „критикъ“ къ ученію Кэри - Бастіа?

Въ его статьѣ, напечатанной въ „Архивѣ“ Брауна, встрѣчаются мѣста, позволяющія совершенно опредѣленно отвѣтить по крайней мѣрѣ на вопросъ о томъ, что думаетъ онъ о новѣйшей разновидности этого ученія, т. е. „диффузіи богатства“, придуманной Гошеномъ, Шульце - Геверницемъ и компаніей. Вотъ одно изъ этихъ мѣстъ.

Марксъ утверждалъ, какъ извѣстно, что съ развитіемъ капитализма и съ ростомъ производительности труда *уровень прибавочной цѣнности* — а слѣдовательно и степень эксплуатаціи рабочаго капиталистомъ, — *повышается*. По поводу этой мысли Маркса г. П. Струве замѣчаетъ:

„Но именно это положеніе трудно согласить съ фактами. Для начальной стадіи развитія крупнаго капитализма (первое торжество машиннаго производства!) оно, вѣроятно, было въ общемъ правильно. Но нельзя признать, что повышеніе степени эксплуатаціи имѣло мѣсто въ дальнѣйшихъ стадіяхъ и продолжится на неопредѣленное время въ будущемъ. Дѣло въ томъ, что уровень прибавочной цѣнности можетъ повышаться только тогда, когда понижается, по какимъ нибудь причинамъ, заработная плата или растетъ прибавочная цѣнность. Но пониженіе заработной платы вовсе не можетъ быть названо характеристическимъ признакомъ новѣйшаго экономическаго развитія въ капиталистическихъ странахъ. Помимо же пониженія заработной платы прибавочная цѣнность можетъ увеличиться или путемъ удлиненія рабочаго времени, или же путемъ увеличенія напряженности труда. По мы не можемъ констатировать и удлиненія рабочаго времени въ капиталистическихъ странахъ... Скорѣе приходится наблюдать обратное явленіе. Увеличеніе напряженности труда дѣйствительно имѣетъ мѣсто, но это увеличеніе, по физіологическимъ причинамъ, во-первыхъ, часто связывается съ повышеніемъ заработной платы, а во-вторыхъ, наталкивается на непереходимую границу. Поэтому ученіе о постоянномъ повышеніи уровня прибавочной цѣнности или степени эксплуатаціи труда въ развивающемся капиталистическомъ обществѣ кажется мнѣ несостоятельнымъ. Съ успѣхомъ можно защищать противоположную тезу, которая и въ самомъ дѣлѣ нисколько не противорѣчитъ общему характеру новѣйшаго экономическаго развитія“*).

„Противоположная теза“ есть именно „теза“ нынѣшнихъ обновителей ученія Кэри-Бастія. Мы уже обнаружили пол-

*) Brauns Archiv, XIV. Band, V. und VI. Heft, 1, 694.

нѣйшую несостоятельность этой тезы. Доказавъ, что неравенство въ распредѣленіи національнаго дохода *возрастаетъ*, мы тѣмъ самымъ доказали, что достающаяся рабочему классу *доля* этого дохода *уменьшается*. Покончивъ съ *„оригиналами“*, мы могли бы уже не останавливаться передъ *„спискомъ“*, ограничившись простымъ констатированіемъ того болѣе или менѣе утѣшительнаго и удивительнаго обстоятельства, что онъ сдѣланъ очень удачно и отличается большимъ сходствомъ съ подлинниками. Но такъ какъ намъ все таки нужно, хотя отчасти слѣдовать за нашимъ „критикомъ“, то мы должны разсмотрѣть также и его аргументацію. Кромѣ того, намъ слѣдуетъ признать, что до сихъ поръ мысль Маркса объ увеличеніи степени эксплуатаціи рабочаго капиталистомъ подтверждалась нами лишь *косвенно*, лишь посредствомъ указанія на возрастающее неравенство въ распредѣленіи общественнаго богатства. Посмотримъ теперь, можно-ли привести какіе нибудь *прямые* доводы въ пользу этой мысли.

Мы видѣли, что, по мнѣнію г. П. Струве, это невозможно. Онъ говоритъ, что мысль Маркса можетъ быть признана правильной только въ примѣненіи къ начальной стадіи развитія капитализма. Это совершенно не такъ.

Возьмемъ Соединенные Штаты Сѣв. Америки, гдѣ, по очень многимъ причинамъ, условія продажи пролетаріатомъ своей рабочей силы несравненно благопріятнѣе для него, чѣмъ въ какой бы то ни было изъ европейскихъ странъ. Какъ измѣнилась тамъ *доля* рабочаго класса въ цѣнности, создаваемой его трудомъ?

Въ 1840 г. онъ получалъ 51 процентъ, а въ 1890 г. ему доставалось только 45 проц. этой цѣнности. Стало быть, его *доля понизилась, а степень эксплуатаціи его капиталистомъ повысилась.*

Мы заимствовали только что приведенныя нами цифры у Кароля Д. Райта, который, при всей своей добросовѣстности, все таки рѣшительно предпочитаетъ розовую краску черной.*)

Кароль Д. Райтъ указываетъ также и на причину, способствующую уменьшенію доли рабочаго класса. Онъ видитъ ее въ развитіи машиннаго производства или, какъ сказалъ бы Марксъ, въ измѣненіи органическаго состава капитала.**)

Что скажетъ намъ по этому поводу нашъ „критикъ“? Думаетъ-ли онъ, что Соединенные Штаты Сѣв. Америки до сихъ поръ не вышли изъ начальной стадіи капитализма?

---

*) См. его Industrial Evolution of the United States. New-York 1895, p. 192. Если Эткинсонъ въ своихъ разчетахъ приходитъ къ другимъ выводамъ, то это объясняется просто на просто тѣмъ, что онъ *принимаетъ пониженіе уровня прибыли за пониженіе нормы прибавочной цѣнности.* Его примѣръ прекрасно показываетъ, до какой степени необходимо для статистика знаніе *теоретической экономіи.*

**) Тамъ же, та же стран.

Г. П. Струве цитируетъ книгу К. Д. Райта. Стало быть, она ему извѣстна. Но онъ, какъ видно, не разслышалъ того, что говоритъ американскій статистикъ о пониженіи *доли* рабочаго класса. Охъ, глухота большой порокъ!

Въ *Англіи*, въ періодъ 1861—1891 г., національный доходъ поднялся съ 832 милліоновъ ф. с. до 1600 мил., между тѣмъ какъ заработная плата повысилась отъ 388 до 693 мил. ф. с. Это значитъ, что уровень прибавочной стоимости, который въ 1861 г. равнялся 114,43 проц. въ 1891 г. поднялся до 130,8 проц.*)

Какъ думаетъ г. П. Струве, въ какой „стадіи" находился англійскій капитализмъ въ теченіе указаннаго періода?

Или, можетъ быть, г. „критикъ" захочетъ повторять тѣ доводы, съ помощью которыхъ цитированный нами Боулей старается смягчить впечатлѣніе, производимое сообщаемыми имъ цифрами, и убѣдить читателя въ томъ, что *доля* англійскаго рабочаго класса въ національномъ продуктѣ *все таки* не уменьшилась? Пусть попробуетъ. Мы безъ труда покажемъ ему слабость этихъ доводовъ. Теперь же, на всякій случай, мы обратимъ его вниманіе на слѣдующій фактъ.

У англійскихъ статистиковъ подъ рубрикой заработной платы фигурируетъ также *жалованье, получаемое прислугой*, которое на самомъ дѣлѣ *уплачивается изъ прибавочной цѣнности*. Прислуга въ Англіи очень многочисленна. Въ 1884 г. число слугъ доходило тамъ, по Леони Леви, до 2 400 000, тогда какъ число земледѣльческихъ рабочихъ не превышало 100 000. Въ томъ же году и по разсчету того же Л. Леви, англійская прислуга получила 86 милліоновъ ф. с., а земледѣльческимъ рабочимъ досталось не болѣе 67 милліоновъ. Если мы предположимъ, что въ 1891 г. жалованье, уплаченное прислугѣ, не превышало того, что было получено ей въ въ 1884 г., и если мы, вычтя 86 милліоновъ изъ общей суммы платы, полученной англійскимъ рабочимъ классомъ въ 1891 г., приложимъ эти милліоны къ общей суммѣ прибавочной цѣнности того же года, то *уровень* этой послѣдней еще болѣе повысится. Вообще, рабочій классъ въ Англіи врядъ-ли получаетъ болѣе одной трети національнаго дохода.

Во *Франціи*, — по разсчету А. Коста, относящемуся къ 1890 г. — національный доходъ распредѣляется такъ:

	Милліоны фр.
Земледѣльческіе рабочіе	2000
Промышленные рабочіе	3600
Служащіе разныхъ родовъ	1000
Прислуга	1400
Ремесленники, мелкіе земледѣльцы, мелочные торговцы, лица ,занимающіеся перевозкой, солдаты, моряки, жандармы, мелкіе чиновники, бѣлое духовенство, монахи и монахини, учителя и учительницы и т. д.	4000

*) Боулей, „Changes in Average Wages in the United Kingdom between 1860 and 1891", въ „Journal of the R. S. S.", June, 1895.

Капиталисты: Милліоны фр.

1. въ земледѣліи . . . . . отъ 3500 до 4500
2. въ промышл., торговлѣ и въ трактирномъ дѣлѣ отъ 3500 до 4500
3. Рантье, лица, получающіе пенсію отъ государства, и лица свободныхъ профессій . . . . отъ 2500 до 3000*)

Сложивъ всѣ эти цифры, мы получимъ около 22 милліардовъ, изъ которыхъ рабочимъ, ремесленникамъ и мелкимъ крестьянамъ достается, какъ и въ Англіи, *не болѣе одной трети.*

Такая высокая степень эксплуатаціи возможна *только при очень развитой производительности труда.* Она физически невозможна была 30—35 лѣтъ тому назадъ, когда по разсчетамъ самыхъ компетентныхъ людей національный доходъ Франціи едва доходилъ до 15 милліардовъ. Поэтому г. П. Струве очень ошибается, пріурочивая ростъ эксплуатаціи рабочаго класса къ начальной стадіи капитализма.

VIII.

Нашего „критика“ смущаетъ то обстоятельство, что заработная плата повысилась въ теченіе послѣдняго полустолѣтія во многихъ странахъ и во многихъ отрасляхъ промышленности. Но всякій, хоть немного знакомый съ политической экономіей, знаетъ, что *повышеніе заработной платы* можетъ идти рука объ руку съ *пониженіемъ цѣны рабочей силы*, а слѣдовательно и съ *возрастаніемъ степени эксплуатаціи рабочаго. Заработная плата* выше въ Англіи, чѣмъ на континентѣ, а *цѣна рабочей* силы, вѣроятно, выше на континентѣ, чѣмъ въ Англіи. Это старая истина.**) Но апологеты капитализма, часто повторяющіе эту истину, обходятъ ее скромнымъ молчаніемъ, когда, основываясь на фактѣ повышенія заработной платы, они стараются доказать ту уже знакомую намъ „тезу“, что капиталисты „*бѣднѣютъ*“; а рабочіе „обогащаются“. Марксъ очень хорошо замѣчаетъ въ первомъ томѣ *„Капитала“*: „Понятно, слѣдовательно, почему такъ важно *превращеніе формы* цѣнности и цѣны рабочей силы, въ *рабочую плату* или въ цѣнность и цѣну самого труда. На этой *формѣ проявленія*, скрывающей дѣйствительныя отношенія и показывающей совершенно противное имъ, основываются всѣ правовыя представленія какъ рабочаго, такъ и капиталиста, всѣ мистификаціи капиталистическаго способа производства, всѣ капиталистическія иллюзіи о свободѣ, всѣ оправдательныя уловки вульгарной политической экономіи.“***) Замѣчательно, что,

*) См. V. Turquan, „Evaluation de la fortune privée en France“ въ „Revue d'Economie politique“. Fevrier 1900.

**) „I maintain, unhesitatingly, that daily wages are no criterion at the actual cost executing works.“ Th. Brassey, On Work and Wages, London 1873, p. 66.

***) Капиталъ, томъ I, С.-Петербургъ. 1872 г., стр. 468.

въ своемъ качествѣ „критика“ Маркса, г. П. Струве не только сталъ очень снисходителенъ къ оправдательнымъ уловкамъ вульгарной политической экономіи, но и самъ началъ прибѣгать къ нимъ. Самымъ выдающимся проявленіемъ этой новой его склонности является, безспорно, его замѣчаніе о томъ, что „прибавочная цѣнность, воплощенная въ прибавочномъ продуктѣ, создается не только живымъ трудомъ“, а есть функція всего общественнаго капитала.*) Это — Геркулесовы столбы буржуазной апологетики. Но и въ статьяхъ, занимающихъ насъ въ настоящее время, встрѣчаются очень цѣнные перлы этого рода. Къ ихъ числу принадлежитъ ссылка на ростъ заработной платы, какъ на доказательство *пониженія уровня прибавочной цѣнности.*

Что рабочій день во многихъ, — и притомъ главнѣйшихъ, — отрасляхъ производства теперь короче, чѣмъ былъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, это справедливо, но и это не убѣдительно. Сокращеніе рабочаго дня съ лихвою окупилось увеличеніемъ напряженности труда. Это опять таки всѣмъ извѣстно. Правда, увеличеніе напряженности труда *можетъ* натолкнуться *современемъ* на непереходимыя физіологическія границы. Но опытъ показываетъ, что эта *возможность* до сихъ поръ еще не перешла въ *дѣйствительность.***)

Не отрицая факта повышенія заработной платы, позволительно, однако, спросить, — какъ же высоко поднялась она, напримѣръ, въ передовыхъ странахъ европейскаго континента? А на этотъ вопросъ дѣйствительность отвѣчаетъ подчасъ довольно неожиданнымъ образомъ.

По *Фойту*, рабочему для возстановленія его силъ необходимы слѣдующія количества питательныхъ веществъ.

---

*) Въ статьѣ: *„Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности“*. *„Жизнь“*, февраль 1900 г. Эта статья мягко, но безпощадно разобрана Карелинымъ въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ *„Научнаго обозрѣнія“* за тотъ же годъ, въ статьѣ „Замѣтки“.

**) Въ Соединенныхъ Штатахъ трудъ несравненно интенсивнѣе, чѣмъ въ Европѣ. Французскіе рабочіе, ѣздившіе на международную выставку въ Чикаго, поражались интенсивностью труда американскихъ рабочихъ (см. Rapports de la délégation ouvrière à l'exposition de Chicago, Paris 1894). Но и въ Америкѣ естественный предѣлъ интенсификаціи пока еще не достигнутъ, хотя интенсивность труда растетъ очень быстро. См. объ этомъ у Левассера, L'ouvrier américain, Paris, t. I, p. 97 и слѣдующія. Не перейденъ этотъ предѣлъ и *въ Австраліи:* „je n'ai trouvé en Australasie, personne qui fut contre la journée de huit à neuf heures; chacun donnait pour expliquer cette opinion la même raison: que l'intensité du travail est plus grande avec la journée courte.“ Albert Métin, „Le socialisme sans doctrines. Australie et Nouvelle Zélande“, Paris 1901, p. 132. Увеличеніе *интенсивности труда* является тамъ источникомъ *безработицы* для *слабыхъ* рабочихъ, не могущихъ поспѣвать за болѣе сильными (Ibid., p. 146). Правда, для того, чтобы вызвать такое дѣйствіе, нужно было еще установленіе *минимума заработной платы.*

	Бѣлковыхъ.	Жировъ.	Углеводородовъ.
При умѣренной работѣ .	118 грамм.	56 грамм.	500 грамм.
При интенсивной работѣ.	145 -	100 -	450 -

Если работающій человѣкъ не потребляетъ указаннаго количества веществъ, то его организмъ истощается; его рабочая сила подрывается въ своемъ корнѣ; онъ переживаетъ процессъ *физіологическаго обнищанія*. Далекъ ли отъ такого обнищанія современный европейскій рабочій?

На основаніи данныхъ, собранныхъ Дюкпесіо, брюссельскій профессоръ Гек. Дэни нашелъ, что въ 1853 г. бельгійскій рабочій въ среднемъ потреблялъ:

Бѣлковыхъ веществъ	70 граммовъ.
Жировъ	26,2 -
Углеводородовъ	461 -

Это значитъ, что въ то время бельгійскій пролетарій далеко не могъ возстановлять пищей свою силу, затрачиваемую въ процессѣ производства. А изъ этого очевидно слѣдуетъ, что *цѣна рабочей силы стояла тогда гораздо ниже ея цѣнности*.

Прошло болѣе тридцати лѣтъ; бельгійскій капитализмъ пережилъ блестящую „стадію“ своего развитія, а бельгійскій рабочій продолжалъ разрушать свою силу недостаточнымъ питаніемъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ его организмъ получалъ:

Бѣлковыхъ	82 278 граммовъ.
Жировъ.	77 926 -
Углеводородовъ . . .	589 408 *) -

Какой огромный прогрессъ! Какое завидное улучшеніе участи рабочаго класса! Рабочій получаетъ теперь цѣлыхъ *двѣнадцать* лишнихъ грамъ бѣлковины, не говоря уже о прибавкѣ жировъ и особенно углеводородовъ! Какъ же не говорить послѣ этого о притупленіи общественныхъ противорѣчій? Вѣдь если улучшеніе быта бельгійскихъ рабочихъ и впредь пойдетъ такъ же быстро, то въ слѣдующемъ геологическомъ періодѣ они станутъ, пожалуй, получать *почти* столько, сколько нужно для нормальнаго питанія организма.

Разсуждая серьезно, мы совсѣмъ не имѣемъ права съ увѣренностью говорить объ улучшеніи, — хотя бы *самомъ крохотномъ*, — питанія бельгійскаго рабочаго. Тутъ все зависитъ отъ того, какъ относится его теперешняя ежедневная трата рабочей силы къ ежедневной тратѣ, имѣвшей мѣсто въ пятидесятыхъ годахъ. Если трата *увеличилась*, то питаніе стало, можетъ быть, *еще менѣе удовлетворительнымъ*, несмотря на нѣкоторую прибавку питательныхъ веществъ. Слѣдовательно, даже и двѣнадцать лишнихъ грамъ бѣлковины не обезпечиваютъ насъ отъ пессимистическихъ умозаключеній

*) H. Denis, „La dépression économique et sociale“, Bruxelles 1895, p. 145.

на счетъ соціальныхъ послѣдствій капиталистическаго прогресса.

Все, что мы знаемъ, это — то, что бельгійскій рабочій до сихъ поръ не имѣетъ экономической возможности востановлять питаніемъ свою рабочую силу. Вотъ что говоритъ по этому поводу человѣкъ, котораго трудно заподозрить въ упрямомъ „догматизмѣ“ ортодоксальныхъ марксистовъ, — именно, губернаторъ западной Фландріи:

„Извѣстно, что минимальное количество необходимой для солдата пищи равняетоя 1066 гр. хлѣба, 285 гр. мяса и 200 гр. овощей. Наши рабочіе, трудящіеся съ утра до вечера, нуждаются въ значительно большемъ количествѣ питательныхъ веществъ. Однако, потребляемая ими пища очень отстаетъ отъ минимальнаго солдатскаго пайка.“*)

Рабочая сила бельгійскаго пролетарія до сихъ поръ продается гораздо ниже своей цѣнности. А вѣдь его заработная плата въ послѣднее полустолѣтіе несомнѣнно поднялась и поднялась довольно „значительно“. Извѣстно, что чѣмъ ниже уровень заработной платы, тѣмъ громче звучитъ всякое его повышеніе. Если рабочій получаетъ пятачекъ въ день, то прибавка въ одну копѣйку можетъ быть окрещена громкимъ именемъ *повышенія уровня платы на 20 процентовъ!* Но само собою разумѣется, что такое *„значительное“* повышеніе ни мало не устранитъ соціальной и физіологической нищеты работника.

Г. П. Струве очень пренебрежительно относится къ „блаженной памяти“ желѣзному закону заработной платы. Защищать этотъ законъ теперь, конечно, совсѣмъ невозможно: слишкомъ ясно обнаружилъ Марксъ его несостоятельность. Но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что иному бельгійскому рабочему законъ этотъ, — даже въ той формулировкѣ, которую ему придавали Лассаль и Родбертусъ, — могъ бы показаться *золотымъ закономъ*.

IX.

У Ибсена тролли предлагаютъ Пееру Гюнту слегка помять ему лѣвый глазъ. „Ты будешь, правда, слегка косить послѣ этого, успокоительно прибавляетъ ихъ глава, — но все, что ни представится твоему взору, покажется тебѣ прекраснымъ и отраднымъ.“ Надъ нашимъ критикомъ подобная же операція сдѣлана была *школой Брентано*, свято хранящей традицію Кэри-Бастіа. Не знаемъ точно, какой именно глазъ помяла ему почтенная школа, но во всякомъ случаѣ она сдѣлала такъ, что капиталистическій порядокъ кажется ему теперь если и не безусловно прекраснымъ и отраднымъ, то

*) Цитировано у Г. Дэни, op. cit., p. 144. это свидѣтельство относится къ восьмидесятымъ годамъ.

все таки несравненно болѣе привлекательнымъ, чѣмъ онъ показался бы ему при нормальномъ зрѣніи. Однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ этого являются его разсужденія о капиталистической эксплуатаціи женщинъ и дѣтей.

Каутскій въ спорѣ съ Бернштейномъ высказалъ ту мысль, что увеличеніе числа работающихъ по найму женщинъ и дѣтей свидѣтельствуетъ объ *обѣдненіи* рабочаго класса. Эта мысль, какъ видно, очень не понравилась г. П. Струве. „Когда я читалъ Каутскаго — ехидно замѣчаетъ онъ, — мнѣ показалось, что я слушаю рѣчь почтеннаго Декуртинса на Цюрихскомъ конгрессѣ“..... „Если бы я раздѣлялъ взглядъ Каутскаго на женскій трудъ, то я принялъ бы также и касающіяся этого труда практическія предложенія католическихъ соціаль-политиковъ.“ *) Прекрасно. Но какъ же смотритъ на этотъ вопросъ самъ г. П. Струве? Слушайте.

Онъ признаетъ, что въ Германіи женскій и дѣтскій трудъ дѣйствительно очень увеличился въ своихъ размѣрахъ въ теченіе 1882—1895 г.; но онъ указываетъ на то, что ростъ женскаго и дѣтскаго труда особенно замѣтенъ былъ тамъ въ торговлѣ и вообще въ такихъ отрасляхъ, гдѣ въ предпріятіи очень не рѣдко трудятся члены собственной семьи предпринимателя. Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ успокоительный выводъ, что мнѣніе Каутскаго объ этомъ трудѣ надо брать cum grano salis. „Ходъ развитія вообще не такъ однообразенъ и смыслъ его не до такой степени одинаковъ, — говоритъ онъ, — какъ это представляется въ схемѣ теоріи обнищанія.“ **) А дальше у него слѣдуетъ уже совсѣмъ утѣшительная ссылка на Соединенные Штаты Сѣверной Америки, гдѣ женскій трудъ, въ періодъ 1840—1890 гг. уменьшился *относительно*, а дѣтскій также и *абсолютно*.

Выходитъ, что капитализмъ и есть то самое копье, которое само исцѣляетъ наносимыя имъ раны: въ „*начальной стадіи*“ онъ, точно, маленько пошаливаетъ и не щадитъ ни взрослыхъ мужчинъ, ни женщинъ, ни дѣтей, стремясь взять подъ свой „началъ“ все живое и способное къ производству прибавочной цѣнности. Но это не болѣе, какъ увлеченія и ошибки молодости. Приходя въ зрѣлый возрастъ капитализмъ смягчается и мало по малу ослабляетъ крѣпко натянутыя возжи; тогда понижается степень эксплуатаціи имъ пролетаріата, и тогда измученныя имъ женщины и дѣти получаютъ, наконецъ, возможность отдохнуть у себя дома, въ той домашней обстановкѣ, которая, въ свою очередь все болѣе и болѣе улучшается не только абсолютно, но относительно, т. е. въ сравненіи съ домашней обстановкой гг. капиталистовъ. Все это такъ отрадно, удивительно, утѣшительно и необходимо,

*) Archiv, S. 732—33.
**) Ibid., S. 734.

что мы право не понимаемъ, почему г. П. Струве высказывается противъ *„однообразія“*. Конечно, однообразіе производитъ очень тяжелое впечатлѣніе, когда мы встрѣчаемся съ нимъ *„въ схемѣ теоріи обнищанія“*: но *въ схемѣ обогащенія работника и объднѣнія капиталиста* оно скорѣе пріятно и даже нисколько не утомительно, — въ доказательство сошлемся на самого г. П. Струве: всѣ его нынѣшнія экономическія разсужденія очень однообразны и монотонны, но нужно быть мрачнымъ „эпигономъ“ Маркса, чтобы не умилиться душой подъ ихъ облагороживающимъ вліяніемъ. . .

Бѣда лишь въ томъ, что неумолимая дѣйствительность рѣзко противорѣчитъ этимъ облагороживающимъ разсужденіямъ. Возьмемъ хоть эксплуатацію капиталомъ женщинъ и дѣтей. Г. П. Струве позабылъ, что въ Германіи число женщинъ, занимающихся *промышленнымъ трудомъ*, — число *наемныхъ работницъ*, — увеличилось въ періодъ 1882—1895 гг. *на 82 процента*, тогда какъ число мужчинъ возросло только *на 39 процентовъ*. Если насъ не обманываетъ наша односторонность „эпигона“, то эти цифры указываютъ *какъ на абсолютное, такъ и на относительное* увеличеніе числа эксплуатируемыхъ капиталомъ лицъ женскаго пола. А что же гонитъ женщинъ подъ тяжелое иго капитала? Ужъ, конечно, не мнимое *„обогащеніе“* пролетаріата!

Кароль Д. Райтъ дѣйствительно говоритъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ число женщинъ, занятыхъ промышленнымъ трудомъ, было въ 1850 г. *относительно* больше, чѣмъ въ 1890 г., но самъ же онъ и замѣчаетъ при этомъ, что *точныя* данныя относительно женскаго труда существуютъ только начиная съ 1870 года.*) А что же мы видимъ, начиная съ этого времени? Мы видимъ *постоянное — абсолютное и относительное — увеличеніе размѣровъ женскаго труда*. Въ своемъ одиннадцатомъ годовомъ отчетѣ тотъ же К. Д. Райтъ приводитъ цифры, изъ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, слѣдуетъ, что „пропорція женщинъ, отъ 10 лѣтъ и выше, занятыхъ во всѣхъ отрасляхъ труда, *выросла* (курсивъ нашъ) съ 14,68 процентовъ (общей цифры женскаго населенія, Г. П.) въ 1870 г. до 17,22 процентовъ въ 1890 г., а пропорція мужчинъ *понизилась* (курсивъ опять нашъ) съ 85,32 процентовъ въ 1870 г. до 82,78 процентовъ въ 1890 г., вполнѣ подтверждая (fully corroborating) тотъ фактъ, указанный въ настоящемъ изслѣдованіи (т. е. въ одиннадцатомъ годовомъ отчетѣ „коммиссіонера труда“, Г. П.), что женщины до извѣстной степени занимаютъ мѣста *въ ущербъ мужчинамъ* (курсивъ нашъ).**)

---

*) Industrial Evolution, p. 204.

**) Eleventh annual Report of the Commissioner of Labor, Washington 1897, p. 21.

Въ мануфактурной и механической промышленности (manufacturing and mechanical industries) женщины составляли въ 1870 г. 14,14 процентовъ, а въ 1890 г. уже 20,18 процентовъ всего числа рабочихъ.*)

„Поэтому абсолютно доказанъ тотъ фактъ (fact is absolutely demonstrated), что пропорція женщинъ .... (занятыхъ наемнымъ трудомъ, Г. П.) постепенно возрастаетъ.“ **)

Съ тѣмъ же самымъ выводомъ г. П. Струве встрѣтится въ извѣстномъ сочиненіи Сарторіуса: „Die nordamerikanischen Gewerkschaften unter dem Einfluss der fortschreitenden Produktionstechnik“, Berlin, 1886. Тамъ, на страницѣ 109, мы находимъ слѣдующую таблицу, показывающую *относительный и абсолютный* ростъ женскаго труда въ различныхъ штатахъ сѣверо-американскаго союза.

	Работницы на фабрикахъ.		Населеніе.	
	1850	1880	1850	1880
Пенсильванія	22 078	73 046	2 311 786	4 282 891
Нью-Джерсей	8 762	27 099	489 555	1 131 116
Иллинойсъ	493	15 233	851 470	3 077 871
Нью-Іоркъ	51 612	137 455	3 097 394	5 082 871
Огайо	4 437	18 563	1 980 329	3 198 062
Нью-Гэмпширъ	14 103	29 356	317 976	346 991

Изъ этого видно, чьи слова надо брать cum grano salis — Каутскаго или г. П. Струве.

А *дѣтскій* трудъ?

Въ періодъ 1870—1880 г. число работающихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ *поднялось* въ Соединенныхъ Штатахъ съ 13,9 процента всѣхъ дѣтей этого возроста до 16,82 процента. Наоборотъ, съ 1880 по 1890 г. это число *упало* до 10,34 процента. Это вызвано было дѣйствіемъ фабричнаго законодательства, затруднившимъ примѣненіе дѣтскаго труда. Число работающихъ дѣтей сократилось преимущественно въ штатахъ Новой Англіи, гдѣ указанное дѣйствіе было особенно сильно. А тамъ, гдѣ оно было слабѣе, дѣтскій трудъ *принялъ еще болѣе широкіе размѣры, чѣмъ въ предъидущее десятилѣтіе.****)

Оправдательныя уловки гг. „критиковъ“ Маркса такъ же мало способны закрыть истину отъ глазъ внимательнаго изслѣдователя, какъ и апологетическія упражненія вульгарныхъ экономистовъ. Всякій, имѣющій очи, видитъ, что развитіе капитализма приводитъ именно къ тѣмъ результатамъ, о ко-

*) Ibid., p. 22.
**) Ibid., p. 22.
***) Левассёръ, L'ouvrier américain, I, 198.

торыхъ говорилъ Марксъ: не довольствуясь эксплуатаціей взрослыхъ рабочихъ, *капиталъ все болѣе и болѣе стремится подчинить себѣ женщинъ и дѣтей.* А возрастающее подчиненіе ему женщинъ и дѣтей несомнѣнно означаетъ *ухудшеніе* общественнаго положенія рабочаго класса.

Однако, остановило же фабричное законодательство увеличеніе числа работающихъ на фабрикахъ дѣтей, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки, — скажетъ намъ г. П. Струве.*)

Да, — отвѣтимъ мы, — остановило! Но это совсѣмъ не опровергаетъ и даже *не видоизмѣняетъ* общаго смысла марксовой теоріи соціальнаго развитія. Что фабричное законодательство способно охранить нѣкоторые интересы рабочихъ, это признается еще въ „Манифестѣ коммунистической партіи".**) Но вопросъ не въ томъ, оградило, или не оградило фабричное законодательство *нѣкоторые* интересы рабочихъ, а въ томъ, какова *алгебраическая сумма* выгодныхъ для пролетаріата послѣдствій фабричнаго законодательства, представляющихъ собою *положительную* величину, и той тенденціи къ ухудшенію соціальнаго положенія рабочаго класса, которая свойственна капитализму и которая составляетъ величину *отрицательную.* Марксъ утверждалъ, что эта алгебраическая сумма *не можетъ быть положительной величиною*, т. е. что соціальное положеніе рабочаго ухудшается, *несмотря* на выгоды, проистекающія для него отъ фабричнаго законодательства. Это же самое — и только это — до сихъ поръ утверждаютъ его „ортодоксальные" послѣдователи. А такъ называемые критики Маркса говорятъ *противное.* Они стараются доказать, что знаменитая „соціальная реформа" *уже повысила* соціальное положеніе рабочаго, а современемъ повыситъ его еще больше, такъ что современемъ, приблизительно этакъ въ слѣдующемъ геологическомъ періодѣ, *капиталистическій способъ производства* незамѣтно перейдетъ въ *соціалистическій.* Кто правъ? Все, что мы узнали до сихъ поръ, всѣ тѣ факты и явленія, съ которыми мы до сихъ поръ имѣли дѣло, рѣшительно свидѣтельствуютъ въ пользу Маркса и „ортодоксовъ": въ *экономическомъ* отношеніи разстояніе между пролетаріатомъ и буржуазіей *увеличилось;* рабочій классъ сдѣлался *относительно* бѣднѣе, потому что его *доля* въ національномъ продуктѣ относительно уменьшилась. Какъ ни важны были для рабочаго класса фабричное законодательство и прочіе палліативы „соціальной реформы", но они далеко не могли

*) Ср. его замѣчаніе о возможномъ вліяніи „соціальной реформы" на женскій трудъ. Archiv, S. 733.

**) „Пользуясь взаимными несогласіями различныхъ слоевъ буржуазіи, она (организація пролетаріевъ) добивается признанія нѣкоторыхъ интересовъ рабочихъ со стороны закона. Такъ было съ десятичасовымъ биллемъ въ Англіи" (Ман., глава I, Буржуа и Пролетаріи).

перевѣсить невыгодной для него тенденціи развивающагося капитализма къ пониженію пролетаріата. Пролетаріатъ находился въ положеніи человѣка, плывущаго противъ могучаго теченія: если бы онъ безъ сопротивленія отдался силѣ воды, то его отнесло бы *очень далеко* назадъ; но онъ сопротивлялся; онъ старался подвинуться впередъ, и потому теченіе отодвинуло его назадъ *не такъ далеко*, какъ *могло бы* отодвинуть; но оно *все таки отодвинуло* его, потому что *оно все таки было гораздо сильнѣе*.

X.

До сихъ поръ мы говорили объ *относительномъ* ухудшеніи положенія рабочихъ. Но мы не забыли, что нѣкоторые „критики", — въ томъ числѣ и г. П. Струве, — доказываютъ, что у Маркса рѣчь шла вовсе не объ относительномъ, а объ *абсолютномъ* его ухудшеніи. Если послушать этихъ господъ, то выйдетъ, что всѣ толки „ортодоксовъ" объ *относительномъ ухудшеніи* представляютъ собою не болѣе, какъ софизмы зарвавшихся спорщиковъ, чувствующихъ себя побѣжденными, но не желающихъ въ этомъ сознаться. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Въ брошюрѣ „*Наемный трудъ и капиталъ*", основой которой послужили, какъ извѣстно, лекціи, читанныя Марксомъ въ брюссельскомъ нѣмецкомъ обществѣ *въ 1847 году*, Марксъ доказываетъ, что даже въ томъ, наиболѣе благопріятномъ для рабочихъ, случаѣ, когда быстрый ростъ капитала, увеличивая спросъ на рабочую силу, повышаетъ заработную плату, положеніе рабочихъ *относительно ухудшается*. „Быстрый ростъ производительнаго капитала, — говоритъ онъ, — вызываетъ столь же быстрый ростъ богатства, роскоши и общественныхъ наслажденій. Поэтому, несмотря на то, что доступныя рабочему наслажденія возросли, доставляемое ими удовлетвореніе понизилось въ виду увеличившихся, недоступныхъ рабочимъ наслажденій капиталиста, въ виду болѣе высокой ступени общественнаго развитія вообще. Наши потребности и наслажденія создаются обществомъ; поэтому мы прикладываемъ къ нимъ общественную мѣрку, а не измѣряемъ ихъ предметами, служащими для удовлетворенія. Общественный характеръ нашихъ потребностей и наслажденій дѣлаетъ ихъ относительными."*)

Что это какъ не теорія *относительнаго* ухудшенія быта рабочаго класса?

Далѣе: „Если, слѣдовательно, съ быстрымъ ростомъ капитала увеличивается доходъ рабочаго, то въ то же время увеличивается и общественная пропасть, отдѣляющая рабочаго отъ капиталиста, увеличивается власть капитала надъ

*) Наемный трудъ и капиталъ, Женева 1894, стр. 33—34.

трудомъ, зависимость труда отъ капитала. Сказать, что рабочій заинтересованъ въ быстромъ возрастаніи капитала, это значитъ сказать лишь слѣдующее: чѣмъ быстрѣе рабочій увеличиваетъ чужія богатства, тѣмъ болѣе жирныя крохи достаются ему самому, тѣмъ больше рабочихъ можетъ получить заработокъ, тѣмъ больше можетъ увеличиться число рабочихъ — рабовъ капитала. . . При быстромъ ростѣ капитала заработная плата можетъ, пожалуй, увеличиться, но несравненно быстрѣе увеличивается, во всякомъ случаѣ, прибыль капиталиста. Матеріальное положеніе рабочаго улучшается, но улучшается на счетъ его общественнаго положенія. Пропасть, отдѣляющая его капиталиста, расширается." *)

Эти цитаты неоспоримо показываютъ, что Марксъ вовсе не такъ чуждъ былъ понятія объ *относительномъ* ухудшеніи положенія рабочаго класса, какъ хотятъ увѣрить насъ гг. „критики". Изъ нихъ видно также и то, что Марксъ не пересталъ бы говорить объ *обѣднѣніи* рабочаго класса даже въ томъ случаѣ, если бы въ положеніи этого класса замѣчено было *абсолютное* улучшеніе. Но то правда, что въ цитированной нами брошюрѣ Марксъ, анализируя *дѣйствительный* ходъ развитія капиталистическаго общества, находитъ, что ростъ капитала далеко не всегда связанъ съ абсолютнымъ улучшеніемъ положенія рабочаго класса. *„Чѣмъ болѣе возрастаетъ производительный капиталъ*, — говоритъ онъ, — *тѣмъ болѣе развивается раздѣленіе труда и примѣненіе машинъ, тѣмъ сильнѣе становится конкурренція между рабочими, тѣмъ болѣе уменьшается ихъ заработная плата."* **) Далѣе онъ указываетъ на то, что развитіе капитализма толкаетъ въ ряды наемныхъ рабочихъ все новые и новые слои населенія, и заканчиваетъ свою брошюру такимъ общимъ выводомъ:

„Быстрый ростъ капитала вызываетъ несравненно болѣе быстрое усиленіе конкурренціи между рабочими, — другими словами, ведетъ къ тѣмъ большему относительному уменьшенію источниковъ заработка, средствъ существованія рабочаго класса; а между тѣмъ быстрый ростъ капитала является самымъ благопріятнымъ условіемъ для наемнаго труда." ***)

Въ то время Марксъ полагалъ, какъ видно, что относительное уменьшеніе источниковъ заработка непремѣнно должно вести къ пониженію заработной платы. Поэтому онъ думалъ, что съ развитіемъ капитализма заработная плата стремится къ пониженію. Это былъ взглядъ, общій ему со многими тогдашними соціалистами.†)

---

*) Тамъ же, стр. 39.
**) Тамъ же, стр. 47, курсивъ въ подлинникѣ.
***) Тамъ же, стр. 48.
†) Ср., напримѣръ, Луи Блана, Organisation du travail, IV éd., p. 40.

Но въ брошюрѣ *„Наемный трудъ и капиталъ“* экономическіе взгляды Маркса выступаютъ передъ нами еще не въ законченномъ своемъ видѣ.*) Онъ еще не различаетъ тамъ прибыли отъ прибавочной цѣнности; заработной платы отъ цѣны рабочей силы. Поэтому мы обратимся къ главному его сочиненію, къ его *„Капиталу“*.

Въ первомъ томѣ *„Капитала“* Марксъ говоритъ, что благодаря росту производительности труда, цѣна рабочей силы можетъ *упасть*, несмотря на одновременное *увеличеніе* количества жизненныхъ средствъ, поступающихъ въ распоряженіе работника.**) Здѣсь различается, стало быть, *относительное* ухудшеніе положенія работника отъ его *абсолютнаго* ухудшенія. Въ другомъ мѣстѣ того же тома Марксъ, приведя мнѣніе Гладстона о томъ, что „опьяняющій“ ростъ общественнаго богатства Англіи сдѣлалъ бѣдныхъ менѣе бѣдными, замѣчаетъ: „Если рабочій классъ остался „бѣденъ“ и только менѣе „бѣденъ“ по мѣрѣ того, какъ онъ производилъ опьяняющее увеличеніе богатства и силы“ для имущихъ классовъ, то относительно онъ остался столь же бѣденъ, какъ и прежде. Если крайности нищеты не уменьшились, то онѣ увеличились, потому что увеличились крайности богатства.***)

Что это, какъ не теорія *относительнаго* обѣдненія рабочаго класса?

Правда, Марксъ и въ *„Капиталѣ“* указываетъ на причины, стремящіяся *понизить заработную плату*. Но, установивъ чрезвычайно важное различіе между *платой*, получаемой работникомъ и *цѣной* его *силы*, онъ уже не утверждаетъ, что повышеніе степени эксплуатаціи рабочаго непремѣнно ведетъ къ паденію заработка. Нѣтъ, по прямому и ясному смыслу его законченной доктрины пониженіе цѣны рабочей силы и относительное ухудшеніе положенія рабочаго можетъ сопровождаться повышеніемъ его платы.†) Нельзя, поэтому, не подивиться остроумію тѣхъ людей, которые хотятъ опровергнуть Маркса указаніемъ на то, что заработная плата повышалась во второй половинѣ XIX вѣка. Ихъ остроуміе заслуживаетъ тѣмъ большей похвалы, что указаніе это, — поскольку оно справедливо, — относится въ особенности къ такъ называемымъ обученнымъ рабочимъ, между тѣмъ какъ Марксъ въ *„Капиталѣ“* приводитъ примѣры преимущественно изъ жизни *необученныхъ* рабочихъ.††)

---

*) Ср. замѣчаніе Энгельса въ предисловіи къ этой брошюрѣ.

**) Капиталъ, т. I, стр. 454.

***) Тамъ же, стр. 562.

†) Тамъ же, стр. 556. Ср. также цитирумыя г. П. Струве „Randglossen“ въ „Neue Zeit“, IX. Jahrgang, S. 571.

††) Такъ, говоря о жилищахъ и о пищѣ англійскихъ рабочихъ, онъ оговаривается: „Предѣлы настоящаго сочиненія позволяютъ мнѣ изслѣдовать въ этомъ отношеніи только плохо оплачиваемую часть промышленныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ“, *„Капиталъ“*, I, 563.

XI.

Г. П. Струве очень не нравится то мѣсто *„Капитала“*, гдѣ Марксъ говоритъ, что чѣмъ выше производительность труда, тѣмъ сильнѣе тяготѣніе рабочихъ къ средствамъ ихъ занятія и тѣмъ ненадежнѣе условія ихъ существованія. Читатель помнитъ знаменитыя строки:

„Наконецъ, законъ, по которому относительный избытокъ населенія или резервная промышленная армія постоянно находится въ равновѣсіи съ размѣромъ *и силою накопленія*, этотъ законъ приковываетъ рабочаго къ капиталу крѣпче, чѣмъ молотъ Гефеста приковывалъ къ скалѣ Прометея. Этотъ законъ обусловливаетъ *накопленіе нищеты* соотвѣтственно *накопленію богатства*. Накопленіе богатства на одномъ полосѣ производитъ въ то же время на другомъ, — т. е. на сторонѣ класса, *производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала*, — накопленіе нищеты, тягостей труда, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго униженія.“ *)

Г. П. Струве полагаетъ, что эти строки не соотвѣтствуютъ истинному положенію дѣлъ въ современномъ обществѣ, и что если бы онѣ дѣйствительно соотвѣтствовали ему, то „развитіе къ соціализму“ стало бы совершенно невозможнымъ.

Разсмотримъ это мнѣніе нашего „критика“.

Вѣрно, или невѣрно то, что съ развитіемъ производительности труда условія существованія работника становятся все болѣе и болѣе ненадежными?

Люди, внимательно изучившіе этотъ вопросъ и, сколько мы знаемъ, никѣмъ еще не заподозрѣнные въ „догматизмѣ“, говорятъ, что это вѣрно.

Въ самомъ дѣлѣ, припомните мнѣніе англійской коммиссіи, занимавшейся изученіемъ вопроса объ угнетенномъ состояніи промышленности. *Большинство* коммиссіи думало, что въ настоящее время цивилизованныя націи могутъ производить гораздо больше продуктовъ, чѣмъ ихъ нужно на всемірномъ рынкѣ.**) Несоотвѣтствіе между производительной силой и способностью потребленія вызываетъ угнетенное состояніе промышленности и паденіе прибыли. Предоставляемъ самому читателю судить, *какъ* должно вліять на условія существованія рабочихъ такое состояніе дѣлъ, вызываемое высоко — развитымъ состояніемъ общественныхъ производительныхъ силъ.

А *меньшинство* высказалось еще рѣшительнѣе и опредѣленнѣе. По его мнѣнію, въ послѣднія сорокъ лѣтъ (докладъ вышелъ въ 1886 году) въ жизни цивилизованныхъ націй

---

*) Ibid., стр. 556.

**) См. уже много разъ цитированный нами заключительный докладъ этой коммиссіи, стр. XVII.

произошла очень большая перемѣна: производительность ихъ труда достигла такой высокой степени развитія, что теперь главное затрудненіе состоитъ уже не въ дороговизнѣ или рѣдкости продуктовъ, а въ пріисканіи себѣ занятія, при отсутствіи котораго огромное большинство населенія лишается всякихъ средствъ существованія.*)

Пусть опять самъ читатель судитъ, противорѣчитъ ли это вышеприведеннымъ словамъ Маркса, или же подтверждаетъ ихъ.

Коммиссія не оставила мѣста ни для какого сомнѣнія на счетъ характера затрудненія, вызваннаго развитіемъ производительности труда: оно состоитъ, по ея словамъ, въ уменьшеніи для рабочаго класса источниковъ заработка, т. е. слѣдовательно въ созданіи *относительнаго перенаселенія. Это какъ разъ то самое, что говорилъ Марксъ.*

И такъ, по мѣрѣ развитія капитализма условія продажи рабочей силы *измѣняются къ невыгодѣ ея продавцевъ*, чѣмъ въ достаточной степени объясняется указанное и доказанное нами уменьшеніе *доли* рабочаго класса въ національномъ доходѣ. Но, говоря это, мы совсѣмъ не отрицаемъ повышенія заработной платы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства. Мы только замѣчаемъ, что это повышеніе сопровождается *пониженіемъ цѣны* рабочей силы, и что, кромѣ того, оно вовсе не такъ значительно, какъ увѣряютъ апологеты капитализма.

Гиффенъ утверждалъ, что въ періодъ 1833—1883 г. уровень заработной платы поднялся въ нѣкоторыхъ отрасляхъ англійской промышленности на *100* и даже болѣе *процентовъ*.**) Это страшное преувеличеніе, на которое давно уже указано съ разныхъ сторонъ. Сравненіе цифръ 1833 года съ цифрами восьмидесятыхъ годовъ очень мало доказываетъ по той простой причинѣ, что въ 1833 году, т. е. *до реформы законодательства о бѣдныхъ*, — многіе семейные рабочіе получали поддержку отъ своего прихода, что, несомнѣнно, вызывало искусственное пониженіе уровня заработной платы.***) Кромѣ того, даже и это, непозволительное въ научномъ смыслѣ, сравненіе не всегда подтверждаетъ радужные выводы „пер-

*) Тамъ же, стр. LIV.

**) „The Progress of the Working Classes in the last Half Century", рѣчь прочитанная въ статистическомъ обществѣ и перепечатанная въ Essays in Finance, second series, London 1886; сравни его же „Further Notes on the Progress of Working Classes" etc. въ Journal of the R. S. Society, March 1886 г. Эти Notes также перепечатаны въ Essays in Finance.

***) Ср. относящееся сюда замѣчаніе Б. Джонса въ Discussion on Mr. Giffen's Paper, Journal etc., March 1886, p. 96. Само собою понятно, что чѣмъ больше было искусственное пониженіе уровня заработной платы *до* изданія закона 1834 года, тѣмъ грандіознѣе должно было *казаться* улучшеніе матеріальнаго положенія рабочаго *послѣ* изданія этого закона, когда заработная плата стала служить *единственнымъ* источникомъ существованія трудящейся массы.

ваго англійскаго статистика". Такъ, напримѣръ, плата хорошаго матроса доходила въ 1833 г. до 60 шиллинговъ въ мѣсяцъ; *въ восьмидесятыхъ годахъ она стояла на томъ же уровнѣ.* Въ 1833 г. лондонскіе наборщики зарабатывали въ среднемъ до 36 шиллинговъ въ недѣлю; въ восьмидесятыхъ годахъ *ихъ заработокъ былъ не больше того.**) Однако, главное дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что повышеніе заработной платы сопровождалось въ Англіи цѣлымъ рядомъ явленій, значительно ослаблявшихъ его выгодныя для рабочихъ послѣдствія. Въ продолженіе разсматриваемаго періода, городская жизнь получила очень большое развитіе, вслѣдствіе чего неизбѣжные расходы рабочаго значительно увеличились: вздорожали квартиры,**) рабочіе оказались вынужденными ѣздить на работу по желѣзной дорогѣ или въ трамваѣ между тѣмъ какъ прежде краткость разстоянія позволяла имъ ходить пѣшкомъ и т. д. Кромѣ того, невольные прогулы стали теперь чаще, чѣмъ прежде. Одинъ изъ секретарей Союза Литейщиковъ, м-ръ Гей, разсчиталъ на основаніи имѣвшихся въ его распоряженіи книгъ Союза, что его товарищи теряютъ въ видѣ невольныхъ прогуловъ до 20 проц. своего рабочаго времени.***) Эта цифра указываетъ на размѣры той резервной арміи рабочихъ, существованіе которой склоненъ *отрицать* нашъ „критикъ".†) Гобсонъ полагаетъ, что „общее положеніе труда въ Англіи есть положеніе крайняго непостоянства занятій", и что „потеря времени и энергіи въ настоящее время гораздо больше, чѣмъ это было полвѣка тому назадъ или въ теченіе XVIII столѣтія".††) Это, разумѣется, забываютъ принять въ соображеніе „ученые", разглагольствующіе объ „автоматическомъ соціализмѣ" капиталистическаго общества.

Какъ *легкомысленны* становятся самые *„достопочтенные"* представители буржуазіи, когда они пускаются толковать объ „обогащеніи" рабочихъ, показываетъ примѣръ уже знакомаго

*) Указаніе того же Б. Джонса, тамъ же, та же страница. Много очень рѣшительныхъ возраженій Гиффену сдѣлано было и на Industrial Remuneration Conference. Ллойдъ Джонсъ разоблачилъ на этой же конференціи поэтическія вольности нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ статистиковъ. См. Report этой конференціи, стр. 35.

**) Чедуикъ говоритъ, что въ Лондонѣ квартиры стали *вдвое* дороже (Journal of the R. S. Society, March 1886, Diskussion Mr. Ginen's Paper, p. 97 Г-жа Э. Симкоксъ находитъ, что вздорожаніе квартиръ поглотило до трехъ пятыхъ того приращенія, которое произошло въ заработкѣ рабочаго вслѣдствіе повышенія уровня платы, Industrial Rem. Conference, Report, p. 92.

***) Ibid., p. 30.

†) Конечно, эта склонность свойственна не ему одному. Левассёръ успокоительно говоритъ: „En temps ordinaire, on peut dire vaguement qu'il se trouve sans ouvrage moins du dixième des ouvriers de l'industrie et probablement moins du vingtième des salariés (femmes et enfants compris)". L'ouvrier américain, T. I, p. 584. Но это вовсе не такъ мало г. профессоръ! „Moins du dixième" составляетъ *безвозвратную потерю*, причиняемую противорѣчіемъ имущественныхъ отношеній общества съ состояніемъ его производительныхъ силъ.

††) Вопросы нищеты и безработицы, С.-Петербургъ 1900, стр. 239.

намъ Гошена. Какъ на доводъ въ пользу придуманнаго имъ „автоматическаго соціализма", Гошенъ указываетъ на тотъ фактъ, что въ періодъ 1875—1886 г. число домовъ, приносящихъ *менѣе десяти фунтовъ* ренты, росло гораздо медленнѣе, чѣмъ число домовъ, рента съ которыхъ колебалась отъ 10 до 20 фунтовъ. Онъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что значительная доля рабочаго класса стала пользоваться большимъ благосостояніемъ и потому предъявляетъ спросъ на болѣе дорогія помѣщенія. Но онъ и самъ предвидитъ, что ему могутъ указать на всѣмъ извѣстное *вздорожаніе квартиръ*.

На это неизбѣжное возраженіе онъ заранѣе отвѣчаетъ: „Стало быть могутъ же рабочіе платить дороже за свои квартиры".*) Такихъ „объективныхъ" изслѣдователей не переспоришь!

„Благонамѣренные" экономисты не хуже насъ знаютъ, что повышеніе уровня заработной платы само по себѣ вовсе еще не равносильно улучшенію быта рабочихъ. Но они не рѣдко умалчиваютъ объ этомъ, вѣроятно, въ интересахъ *„соціальнаго мира"*. Въ другихъ же, менѣе щекотливыхъ случаяхъ они высказываются на чистоту. Для примѣра укажемъ на всесвѣтную знаменитость, *Левассера*, который, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія „La population de la France" очень благоразумно замѣчаетъ: „Покидая деревню, рабочіе соблазняются перспективой высокой платы; они не принимаютъ въ разсчетъ невольныхъ прогуловъ, дороговизны квартиръ и жизненныхъ припасовъ и всего того, что побуждаетъ къ тратамъ; многіе изъ нихъ перемѣнили свое положеніе, не улучшивъ своей судьбы.**) А въ другихъ мѣстахъ того же сочиненія тотъ же почтенный ученый, который самъ признается впрочемъ, въ своей слабости къ „филюсофскимъ взглядамъ Бастіа относительно общественной гармоніи",***) позабываетъ эти благоразумныя соображенія и, основываясь на повышеніи уровня заработной платы, толкуетъ о всестороннемъ улучшеніи быта рабочихъ.†)

Если читатель не захочетъ слѣдовать примѣру такихъ „объективныхъ" ученыхъ и будетъ *всегда* принимать въ соображеніе *всѣ* стороны рабочаго быта, то онъ долженъ будетъ согласиться съ нами въ томъ, что даже въ Великобританіи улучшеніе матерьяльнаго положенія пролетаріата было очень незначительно. Обыкновенно указываютъ на уменьшеніе *пауперизма* въ этой странѣ, какъ на яркое доказательство *„прогресса рабочихъ классовъ"*. Но еще Марксъ сказалъ, что „оф-

---

*) Journal of the R. S. Society, Dec. 1888, p. 602.

**) La population Française, T. II, p. 413. Ср. также H. Joly, „La France Criminelle", Paris 1889, p. 350.

***) L'ouvrier américain, T. I, p. 593.

†) La population Francaise, T. III, p. 86 et suiv. Ср. также L'ouvrier américain, T. II, p. 215 et suiv.

фиціальная статистика пауперизма дѣлается все болѣе и болѣе невѣрнымъ указателемъ дѣйствительной нищеты по мѣрѣ развитія, вмѣстѣ съ накопленіемъ богатства, сословной борьбы, а слѣдовательно и чувства собственнаго достоинства работника".*) Къ этому надо прибавить, что уменьшеніе числа призрѣваемыхъ нищихъ обусловилось также рядомъ законодательныхъ постановленій, *все болѣе и болѣе* затруднявшихъ помощь *на дому* всѣмъ вообще бѣднымъ, а особенно *взрослымъ рабочимъ*, имѣющимъ хоть нѣкоторый заработокъ. Благодаря этимъ постановленіямъ, отличавшимся неумолимою жестокостью, число бѣдныхъ, получавшихъ этотъ родъ помощи, *упало* въ Англіи и Уэльсѣ съ 955 146 (5,5 процента населенія) въ 1849 году до 600 505 (1,95 проц. насел.) въ — 1897. Но въ то же самое время число бѣдныхъ, содержавшихся въ работныхъ домахъ, *возрасло* съ 133 513 до 214 382. Процентное отношеніе числа бѣдныхъ этого разряда къ общей суммѣ населенія осталось, правда, почти безъ перемѣны: 0,77 въ первомъ случаѣ и 0,70 — во второмъ.**) Но именно эта неизмѣнность относительнаго количества бѣдныхъ, призрѣваемыхъ въ работныхъ домахъ, должна наводить на мысль о томъ, что пресловутое уменьшеніе англійскаго пауперизма есть *фикція, способная обмануть лишь тѣхъ, которые хотятъ быть обманутыми и имѣютъ очи вовсе не затѣмъ, чтобы видѣть.* Г-жа Э. Симкоксъ справедливо говоритъ, что статистика англійскаго пауперизма далеко не даетъ истинной мѣры англійской нищеты. „Болѣе 10 процентовъ лицъ, умирающихъ въ теченіе года, — говоритъ она — умираетъ въ работныхъ домахъ и больницахъ (содержимыхъ на счетъ благотворителей, Г. П.), и эта смертность соотвѣтствуетъ населенію въ два съ половиной милліона; такимъ образомъ, около трехъ съ половиной милліоновъ жителей нашей страны находится или въ положеніи настоящихъ нищихъ, или въ такомъ положеніи, при которомъ достаточно заболѣть, чтобы сдѣлаться настоящимъ нищимъ".***)

XII.

Это очень мрачная картина, но и эта мрачная картина не вполнѣ передаетъ мрачный характеръ дѣйствительности. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что число лицъ, умирающихъ нищими, гораздо болѣе, чѣмъ думала г-жа Э. Симкоксъ. Въ работныхъ домахъ и въ находящихся при нихъ больницахъ *умираетъ шестая часть населенія* Лондона, богатѣйшаго города въ мірѣ. Но это не все. Есть основаніе думать, что

*) Капиталъ I, стр. 563—64.

**) P. F. Aschrott, Das englische Armenwesen, Leipzig 1886, S. 422 ср. его же: Die Entwicklung des Armenwesens in England seit dem Jahre 1885, Leipzig 1886, S. 64.

***) Industrial Remuneration Conference Report p. 89.

отъ 20 до 25 процентовъ англійскаго населенія умираетъ въ положеніи столь близкомъ къ нищетѣ, что приходъ оказывается вынужденнымъ брать похороны на свой счетъ.*) Извѣстный изслѣдователь Чарльзъ Бусъ показалъ, что въ Англіи и Уэльсѣ около 20 процентовъ всѣхъ лицъ, достигшихъ 65-лѣтняго возраста, вынуждены обращаться къ общественной благотворительности.**) Такъ какъ въ англійскомъ населеніи есть, разумѣется, классы, въ которыхъ только очень немногимъ старикамъ случается, — если случается, — впасть въ нищету, то выходитъ, что рабочій классъ даетъ относительно еще болѣе высокое число нищихъ стариковъ. Въ Лондонѣ и въ центральныхъ графствахъ *отъ 40 до 45 процентовъ всѣхъ пролетаріевъ впадаютъ на старости лѣтъ въ нищету.****)

Это ужасно, въ буквальномъ смыслѣ слова! И въ виду этого-то ужаса апологеты буржуазіи толкуютъ о диффузіи богатства о притупленіи общественныхъ противорѣчій и т. д. и т. д. По истинѣ можно сказать, что ихъ *цинизмъ* доходитъ здѣсь *до грацій!* И нельзя не подивиться тому, что гг. „критики“ марксизма не умѣютъ *критически* отнестись къ такому цинизму и все болѣе и болѣе поддаются вліянію апологетовъ!

Кто знакомъ съ положеніемъ англійскаго рабочаго класса, тотъ не удивится, услышавъ, что *процентъ самоубійствъ* особенно силенъ въ Англіи именно между стариками 55 лѣтъ и выше.†) Проработавъ всю жизнь съ тою напряженностью, съ какою работаетъ лишь англо-саксонскій рабочій, старики-пролетаріи добровольно покидаютъ земной рай и переселяются въ небесный. И чѣмъ развитѣе становится англійскій работникъ, тѣмъ чаще апеллируетъ онъ къ самоубійству, какъ къ самому надежному средству избѣжанія нищеты. Въ тѣхъ графствахъ, въ населеніи которыхъ насчитывается до 27 проц. лицъ, не умѣющихъ подписать свое имя, число самоубійцъ достигаетъ 57,5 на милліонъ жителей; въ тѣхъ графствахъ, гдѣ только отъ 17 до 25 проц. общаго числа жителей неспособны подписать свое имя, число самоубійцъ поднимается до 69,2 на милліонъ душъ. Наконецъ, тамъ, гдѣ число лицъ, не умѣющихъ подписаться, не превышаетъ 17 процентовъ, мы находимъ наибольшее число самоубійцъ: 80,3 на милліонъ жителей.††) Оно и понятно:

---

*) Fifth and Final Report of the R. Commission on Labour, Part. I, London 1894, Report by W. Abraham, M. Austin, J. Mawdsley, and T. Mann, p. 128.

**) Pauperism, 1892, p. 54. The aged Poor in England and Wales, London 1894, p. 38.

***) Charles Boothe, p. 39. Но и это еще не конецъ. Въ нѣкоторыхъ сельскихъ округахъ *каждый старикъ-рабочій умираетъ нищимъ.* (См. Fifth and Final Report of the Com. of Labour, p. 125, 128, 151.)

†) Cp. Ogle, „On suicides in England and Wales“, Journal of the R. S. Society, March 1886.

††) Ogle, Op. cit.; Ibid., p. 112.

чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ труднѣе ему переносить униженія, связанныя съ бѣдностью и вообще съ житейскими неудачами. Или, можетъ быть, здѣсь умѣстнѣе другое объясненіе? Можетъ быть, надо предположить, что число лицъ, не способныхъ подписать свое имя, уменьшается, — какъ это мы видимъ въ Россіи, — вмѣстѣ съ ростомъ *промышленнаго развитія*, и что возрастаніе числа самоубійствъ составляетъ, такимъ образомъ, благодѣтельный результатъ увеличенія *„общественнаго" богатства?* Въ обоихъ случаяхъ мы приходимъ къ выводу совсѣмъ не лестному для капиталистическаго общества и для тѣхъ господъ, которые на разные лады поютъ усыпляющую пѣсенку о *притупленіи противорѣчій* между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Несмотря на неумолимую жестокость, съ которой англійская буржуазія практикуетъ свою „благотворительность", число призрѣваемыхъ нищихъ въ богатомъ Лондонѣ растетъ быстрѣе общей цифры его населенія.*) Какъ же можно послѣ этого обвинять въ преувеличеніи Маркса и Энгельса, которые говорятъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ": *„Работникъ становится нищимъ, и нищета развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство"!*

Если таково положеніе дѣлъ въ Великобританіи, которая, благодаря своему продолжительному господству на всемірномъ рынкѣ, все таки могла хоть нѣсколько улучшить положеніе хоть нѣкоторыхъ слоевъ своего пролетаріата, то каково же оно въ другихъ странахъ, не пользовавшихся преимуществами промышленной монополіи? Объ этомъ можетъ дать нѣкоторое понятіе уже тотъ указанный нами выше фактъ, что *бельгійскій* рабочій вынужденъ продавать свою силу ниже ея цѣнности. Приведемъ здѣсь нѣсколько фактовъ, характеризующихъ положеніе *французскаго пролетарія*.

Въ періодъ 1833—1843 гг. бѣлый хлѣбъ продавался во Франціи по 34½ сантима за килограммъ. Въ 1894 г. килограммъ хлѣба стоилъ въ Парижѣ отъ 37½ до 40 сантимовъ.**) Въ 1831—1840 г. килограммъ говядины стоилъ (въ оптовой продажѣ) 1 франкъ и 5 сантимовъ, а килограммъ свинины 78 сантимовъ; въ 1894 г. говядина продавалось уже по 1 фр. 64 сант. за килограммъ, а свинина по 1 фр. 54 сант.***) Въ 1854 г. тысяча яицъ стоила 52 фр., а въ настоящее время 82 фр.†) Въ 1849 г. гектолитръ картофеля (низшаго сорта) стоилъ отъ трехъ съ половиной до четырехъ съ половиной франковъ; теперь же онъ стоитъ отъ 7 до 12½ франковъ. За килограммъ масла платили въ 1849 г. отъ 1 ф. 28 с. до

---

*) Гобсонъ, op. cit. стр. 21.
**) M. Pelloutier, La vie ouvrière en France, Paris 1900, p. 183.
***) Ibid., p. 186.
†) Ibid., p. 189.

1 ф. 90 с.; въ настоящее время за него платятъ отъ 2 ф. 5 с. до 4 ф. 26 с. Наконецъ, бобы удвоились въ цѣнѣ въ промежутокъ времени отъ 1849 до 1892 года.*)

По разсчету Пеллутье, цѣна жизненныхъ припасовъ поднялась во Франціи за послѣднія 30 лѣтъ на 22—23 процента, а уровень заработной платы повысился въ среднемъ не болѣе, какъ на 17 процентовъ.**) Если вы прибавите къ этому огромное увеличеніе квартирныхъ цѣнъ въ большихъ городахъ, то вы неизбѣжно придете къ тому заключенію, что матеріальное положеніе французскаго пролетарія *ухудшилось* за это тридцатилѣтіе *не только относительно, но и абсолютно.* И это заключеніе вполнѣ подтверждается статистикой, которая показываетъ, что французскій рабочій питается теперь хуже, чѣмъ питался полвѣка тому назадъ.***)

Абсолютное ухудшеніе экономическаго положенія французскаго пролетаріата естественно ведетъ за собою *ростъ пауперизма: „работникъ становится нищимъ, и нищета развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство“.* Въ пятилѣтіе 1886—1891 населеніе французской столицы возросло на 4,01 процента, а число нищихъ въ этой ville-lumière увеличилось за то же время на 23,1 процента. И это отнюдь не исключительное пятилѣтіе. Слѣдующая таблица показываетъ, что ростъ нищеты давно уже принялъ въ Парижѣ по истинѣ потрясающіе размѣры.

Годы.	Сумма, расходуемая Парижемъ на нищихъ.	Населеніе.
1850	5 000 000	1 053 262
1870	10 000 000	
1892	18 000 000	2 386 232 †)
1895	20 000 000	

И не думайте, что такъ дѣло идетъ въ одномъ Парижѣ. Приблизительно такъ же идетъ оно во всей Франціи. Въ 1837 г. во Франціи было 6715 „благотворительныхъ бюро“, которыя оказали помощь 806 000 бѣднымъ; въ 1860 г. 11 351 благотворительное бюро поддерживало 1 159 000 человѣкъ; въ 1888 г. число благотворительныхъ бюро достигало уже до 15 138, а число поддержанныхъ ими бѣдныхъ до 1 647 000.††) За 28 лѣтъ (1860—1888) число нищихъ возросло на 42 процента, населеніе же увеличилось только на 5,4 процента. *„Работникъ становится нищимъ, и нищета развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство.“*. . .

---

*) Ibid., p. 191.
**) Ibid., p. 194.
***) Ср. Пеллутье, op. cit., p. 187, 190, 194.
†) Pelloutier, op. cit., p. 289.
††) Leroy-Beaulieu, Traité théorique et pratique d'Economie politique, Paris 1896, t. IV, p. 468.

XIII.

Буржуазные экономисты, гордо подымающіе голову при видѣ уменьшенія оффиціальнаго числа пауперовъ въ Англіи, скромно опускаютъ глаза передъ статистикой французскаго пауперизма, очень кстати вспоминая при этомъ, что цифры оффиціальной нищеты сами по себѣ еще ничего не доказываютъ. Мы тоже думаемъ, что, взятыя въ отдѣльности, цифры эти не могутъ служить безошибочнымъ показателемъ экономическаго положенія пролетаріата. Поэтому мы считаемъ необходимымъ *провѣрить* свидѣтельство этихъ цифръ съ помощью статистическихъ данныхъ другого рода.

За пятидесятилѣтіе 1838—1888 г. *преступность* во Франціи выросла такъ:

Число осужденныхъ за:	Увеличилось на:
Насилія	51 проц.
Преступленія противъ собственности	69 -
- - нравственности . . .	240 -
Бродяжество и нищенство	430 - *)

Поразительный ростъ числа лицъ, осужденныхъ за нищенство и бродяжество, самымъ рѣшительнымъ образомъ подтверждаетъ остававшееся для насъ сомнительнымъ свидѣтельство оффиціальной статистики французскаго пауперизма. Намъ приходится, стало быть, признать, что статистика эта говоритъ правду.

И пусть не говорятъ намъ, что Франція — страна, клонящаяся къ упадку: эта клонящаяся къ упадку страна до сихъ поръ остается одной изъ самыхъ богатыхъ странъ въ Европѣ. А кромѣ того, быстрый ростъ пауперизма наблюдается не только во Франціи. Вотъ таблица, показывающая увеличеніе числа призрѣваемыхъ бѣдныхъ въ Брюсселѣ и въ плотно прилегающихъ къ нему большихъ городскихъ общинахъ въ періодъ 1875—1895 г.**)

Общины.	Одинъ призрѣваемый на столько-то человѣкъ. 1875 г.	1894 г.
Брюссель	9	4
Шарбеекъ	16	12
Моленбеекъ	11	10
Лакенъ	16	25
Андерлехтъ	35	8
Сен-Жоссъ	24	15
Сен-Жилль	25	20
Иксель	20	17

*) H. Joly, La France criminelle, p. 20. Другой источникъ такъ выражаетъ ростъ числа осужденныхъ за бродяжество и нищенство: въ 1838 г. во Франціи на 100 000 жителей приходилось *16* человѣкъ, осужденныхъ за эти преступленія, а въ 1887 г. ихъ было уже *85* (см. интересный докладъ Кавальери: „Criminalité et vagabondage", представленный на женевскій конгрессъ криминалистовъ и напечатанный въ Compte-Rendu конгресса).

**) См. L'organisation de la Bienfaisance publique. Par L. Bertrand, Bruxelles 1900, p. 16.

За исключеніемъ Лакена, мы видимъ во всѣхъ общинахъ чрезвычайно быстрый ростъ нищеты. Въ Андерлехтѣ въ 1875 г. одинъ призрѣваемый приходился на 35 человѣкъ, а теперь одинъ призрѣваемый приходится уже на 8 человѣкъ. Брюссель пошелъ еще дальше: тамъ четвертая часть населенія протягиваетъ руку за милостыней. Въ провинціи: въ Брюггѣ, въ Ипрѣ, въ Энгіенѣ, въ Нивеллѣ, въ Турнэ, дѣло обстоитъ не лучше, а мѣстами и *еще хуже:* въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ одинъ призрѣваемый нищій приходится *на двухъ-трехъ жителей.**) Выходитъ, что и въ Бельгіи „работникъ становится нищимъ, и нищета развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство“. . .

Авторъ, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, спѣшитъ сдѣлать оговорку, уже не разъ сдѣланную нами въ этой статьѣ: число призрѣваемыхъ бѣдняковъ еще не показываетъ истинныхъ размѣровъ нищеты.**) И этого разумѣется, никто не станетъ оспаривать. Но несомнѣнно, что чрезвычайно быстрый ростъ этого числа не показываетъ также и роста благосостоянія рабочаго класса: какой рабочій пойдетъ обивать пороги благотворительныхъ учрежденій, если только бѣдность не побѣдитъ въ немъ чувства человѣческаго достоинства и классовой гордости?

Въ *Германіи*, гдѣ размѣры оффиціальной нищеты гораздо меньше, чѣмъ въ Бельгіи, мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ интереснымъ явленіемъ. Въ городахъ, имѣющихъ менѣе 20 000 жителей, процентъ призрѣваемыхъ бѣдняковъ доходитъ до 4,75; въ городахъ съ 50 000—100 000 жителей онъ повышается до 6,39, и, наконецъ, въ городахъ съ населеніемъ болѣе 100 000 жителей онъ составляетъ уже 6,51 общей цифры населенія.***)

Тутъ опять оказывается, стало быть, что нищета развивается быстрѣе, чѣмъ населеніе, если не быстрѣе, чѣмъ богатство. Что скажетъ объ этомъ г. П. Струве?

Онъ скажетъ, можетъ быть, что въ послѣдніе годы въ Германіи число призрѣваемыхъ бѣдныхъ значительно уменьшилось. Это будетъ правда. Но почему уменьшилось? Просто потому, что *измѣнена система призрѣнія.* Отъ такого измѣненія еще далеко до *улучшенія* быта рабочихъ.

Просимъ также нашего „критика“ замѣтить, что *преступность* растетъ не только во Франціи, но во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, изученныхъ въ этомъ отношеніи.†) Въ Германіи въ 1882 году на 100 000 человѣкъ старше 12 лѣтъ и не служащихъ въ военной службѣ приходилось 1043 осу-

---

*) Ibid., p. 17.
**) Ibid., p. 16.
***) Leroy-Beaulieu, op. cit. t. IV, p. 471.
†) См. H. Ferri, La sociologie criminelle, Paris 1893, p. 163 и слѣд.

жденныхъ, а въ 1895 г. уже 1251.*) Чѣмъ обусловливается этотъ ростъ преступности? Французскіе соціалисты (напримѣръ, Луи Бланъ въ своей „Organisation du travail“) давно уже указывали на нее какъ на *слѣдствіе возрастающей трудности борьбы за существованіе и, въ частности, обѣднѣнія рабочаго класса.* Опытъ вполнѣ подтвердилъ это указаніе. Только что цитированный нами профессоръ Листъ говоритъ, что зависимость преступности отъ экономическаго положенія всѣмъ извѣстна и никѣмъ уже не оспаривается.**) И онъ же замѣчаетъ, что подъ экономическимъ положеніемъ надо прежде всего понимать *общее положеніе* рабочаго класса (die Gesammtlage der arbeitenden Klassen), т. е. положеніе его не только въ „финансовомъ“ смыслѣ, но и во всѣхъ другихъ. Мы уже знаемъ, что повышеніе уровня заработной платы, — которымъ буржуазные экономисты прожужжали намъ всѣ уши, — еще не ведетъ за собою общаго улучшенія быта пролетаріевъ. Преступность, растущая гораздо быстрѣе, чѣмъ населеніе, лишній разъ напоминаетъ намъ объ этой неспоримой истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣтьте, что *преступность дѣтей растетъ гораздо быстрѣе преступности возрослыхъ.* Съ 1826 по 1880 г. общая цифра преступленій, совершенныхъ во Франціи взрослыми *утроилась*, а число преступленій, совершенныхъ дѣтьми, учетверилось.***) Послѣ 1880 г. дѣтская преступность росла еще быстрѣе. Въ настоящее время, по словамъ Фулье, болѣе половины всѣхъ лицъ, арестуемыхъ въ Парижѣ по обвиненіямъ разнаго рода, принадлежитъ къ числу малолѣтнихъ.

А параллельно съ дѣтскою *преступностью* растутъ дѣтская *проституція и дѣтскія самоубійства*, прежде представлявшія собою до послѣдней степени рѣдкое явленіе. И это происходитъ не только

> Въ Парижѣ, гдѣ средь стогновъ шумныхъ
> Кипятъ распутство и порокъ,

это происходитъ во всей Франціи и это же происходитъ за предѣлами Франціи. Въ благочестивой Германіи, въ періодъ 1882—1895 г. число молодыхъ преступниковъ увеличилось *почти на 50 процентовъ.*†) Не стояла на мѣстѣ эта благочестивая страна и по части *проституціи*: въ 1875—1890 гг. населеніе Берлина росло ежегодно на *3—4 процента*, а число проститутокъ увеличивалось на *6—7 процентовъ.*††)

---

*) Dr. Franz von Liszt, Das Verbrechen als sozial-pathologische Erscheinung, Dresden 1899, S. 13—14.

**) Ibid., S. 19.

***) A. Fouillé, „Les jeunes criminels“, Revue de deux Mondes, 1897, 15. Janvier, p. 418.

†) von Liszt, Op. cit., S. 17.

††) Paul Hirsch, Verbrechen und Prostitution, Berlin 1897, S. 7. Ср. интересную книгу д'Оссонвиля: „Salaires et misères des femmes“, Paris

Нужно-ли распространяться о причинахъ, вызывающихъ ростъ преступности и разврата въ дѣтской средѣ? Для уясненія этихъ причинъ достаточно вспомнить, что, напримѣръ, во Франціи, 60 процентовъ „преступныхъ“ дѣтей состоитъ изъ *нищихъ и бродягъ*, а 25 процентовъ попадаетъ подъ удары буржуазной Ѳемиды за *кражу*.*) Вслѣдствіе *плохого ухода* который самъ обусловливается ростомъ женскаго наемнаго труда, ребенокъ пріобрѣтаетъ привычки *бродяги*, а потомъ оказывается вынужденнымъ побираться и воровать, чтобы не умереть съ голоду. *Увеличеніе преступности вообще, а особенно дѣтской преступности, неотразимо* свидѣтельствуетъ объ *ухудшеніи общественнаго положенія полетарія*.

Замѣтимъ мимоходомъ, что признаніе этого неоспоримаго факта еще не обязываетъ соціаль-демократовъ поддерживать требованіе христіанскихъ соціалистовъ относительно запрещенія женскаго труда на фабрикахъ. Соціаль-демократы убѣждены, что такое запрещеніе не только не улучшило бы общественнаго положенія рабочаго, но, напротивъ, еще болѣе ухудшило бы его, давши новый и чрезвычайно сильный толчокъ возникновенію и упроченію самыхъ грубыхъ и жестокихъ формъ эксплуатаціи женщинъ капиталомъ. Возникновеніе и упроченіе такихъ формъ эксплуатаціи еще никогда не способствовало улучшенію положенія трудящейся массы. Вотъ почему соціаль-демократы рѣшительно возстаютъ противъ реакціоннаго предложенія христіанскихъ соціалистовъ. Это какъ нельзя болѣе логично, и если здѣсь есть мѣсто для насмѣшки, то развѣ для насмѣшки надъ г. П. Струве, вздумавшимъ иронизировать по поводу мнимой непослѣдовательности Каутскаго, который въ развитіи женскаго труда видитъ доказательство обѣдненія рабочаго класса, но въ то же время не одобряетъ практическихъ предложеній какого нибудь Декуртинса.

XIV.

Говоря о преступности, не слѣдуетъ забывать, что при ея быстромъ ростѣ особенно быстро растетъ *число рецидивистовъ*.**) „Наши наказанія, — замѣчаетъ по этому поводу ф. Листъ, —

1900; эта книга ясно показываетъ, какъ тѣсно связана проституція съ нищетою.

*) Ferdinand Dreyfus, Misères Sociales, Paris 1901, p. 8.

**) Исключеніе изъ общаго правила составляютъ лишь нѣкоторые кантоны Швейцаріи, гдѣ уменьшается какъ общая цифра, такъ и процентъ рецидивистовъ. Но эти кантоны не идутъ въ счетъ въ виду ихъ *исключительнаго положенія*, о которомъ см., напримѣръ, у John Cuénod: „La criminalité à Genève au XIX siècle. Genève 1891, p. 116—117. Ср. Zuercher: Die Selbstmorde im Kanton Zürich in Vergleichung mit der Zahl der Verbrechen, въ Zeitschrift für schweizerische Statistik за 1898, Lieferung VI. Цюрхеръ доказываетъ, что уменьшеніе *преступности* въ Цюрихѣ сопровождалось ростомъ числа *самоубійцъ*.

не оказываютъ улучшающаго или устрашающаго вліянія; они вообще не предупреждаютъ преступленія, т. е. не удерживаютъ отъ него; они скорѣе усиливаютъ склонность къ нему.*)

Это вѣрно. Но не менѣе вѣрно и то, что рецидивисты представляютъ собою среду, въ нравственномъ отношеніи совершенно различную отъ такъ называемыхъ *случайныхъ преступниковъ*. Это именно та среда, гдѣ, къ сожалѣнію, почти полновластно царствуетъ если не невѣжество, то *нравственное паденіе и огрубѣніе*. И не только нравственное паденіе и огрубѣніе. Между рецидивистами много людей, отличающихся несомнѣнными признаками *вырожденія*. Къ нимъ въ особенности могутъ быть примѣнимы слова Маудсли: „Между преступниками есть классъ, отмѣченный несовершенствомъ физической и умственной организаціи... значительная пропорція слабоумныхъ или эпилептиковъ, страдающихъ умопомѣшательствомъ или принадлежащихъ къ такимъ семьямъ, въ которыхъ были помѣшанные.“**) Кто захочется убѣдиться въ справедливости этихъ словъ, того мы отошлемъ къ чрезвычайно интересной книгѣ доктора *О. Лорана*: Les habitués des prisons de Paris, вышедшей въ прошломъ году въ Парижѣ съ не менѣе интереснымъ предисловіемъ *Лакассаня*. Лоранъ такъ же далекъ отъ смѣшныхъ преувеличеній *школы Ломброзо*, какъ и Лакассань. Но кто внимательно прочтетъ его книгу, тотъ вынесетъ изъ нея непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что въ лицѣ рецидивистовъ общество очень часто караетъ *выродившихся людей*, представляющихъ собою *пассивный, патологическій продуктъ общественно-историческаго процесса*. А если число такихъ людей растетъ вмѣстѣ съ ростомъ числа нищихъ, бродягъ, проститутокъ, „макро“ и прочихъ представителей Lumpenproletariat'a, то не ясно-ли, что мы до сихъ поръ имѣемъ право сказать вмѣстѣ съ Марксомъ: *„Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ производитъ въ то же время на другомъ — накопленіе нищеты, тягостей труда, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго униженія“*. Это фактъ, отъ котораго не удастся *отболтаться* (wegschwatzen) нынѣшнимъ брентанистамъ и „критикамъ“ Маркса, какъ не удавалось отболтаться отъ него Бастіа и его ближайшимъ послѣдователямъ. И въ виду этого неоспоримаго факта насъ очень удивляютъ тѣ люди, которые считаютъ крайнимъ преувеличеніемъ ту мысль *„Манифеста коммунистической партіи“*, что въ Средніе Вѣка общественное положеніе рабочаго было лучше, чѣмъ въ капиталистическомъ обществѣ. Эта мысль можетъ быть неудобна для тѣхъ, которымъ хотѣлось бы *притупить* противорѣчія, свойственныя нынѣшнему обществу.

*) Op. cit., S. 16.
**) Le crime et la Folie, Paris 1880, p. 30.

Но что она справедлива, это признаютъ не одни „эпигоны“ Маркса.*)

Здѣсь г. П. Струве останавливаетъ насъ, чтобы напомнить о томъ своемъ аргументѣ, который онъ считаетъ неотразимымъ: если накопленіе богатства на одномъ полюсѣ сопровождается накопленіемъ нищеты, физическаго вырожденія и нравственнаго вырожденія, — на другомъ, то какъ можетъ произойти соціалистическая революція? Развѣ выродившійся рабочій классъ способенъ совершить величайшій изъ всѣхъ переворотовъ, какіе только знала исторія?**)

На это мы отвѣтимъ, что Марксъ и Энгельсъ *никогда не разсчитывали на выродившіеся элементы пролетаріата, какъ на революціонную силу* Объ этомъ категорически говорится какъ въ *„Манифестѣ Коммунистической Партіи“*, такъ и въ предисловіи къ книгѣ „Der deutsche Bauernkrieg“ Энгельса.***) Но развитіе капитализма ведетъ за собою не только относительное (а мѣстами и абсолютное) ухудшеніе положенія пролетаріата и создаетъ не одни только *„пассивные продукты общественнаго разложенія“*. Оно, кромѣ того, будитъ мысль тѣхъ пролетаріевъ, которые не попадаютъ въ разрядъ этихъ пассивныхъ продуктовъ, и образуетъ изъ нихъ все болѣе и болѣе растущую *армію соціальной революціи*. Указывая на ростъ нищеты и т. д., Марксъ указывалъ также, и на *„возмущеніе рабочаго класса, который постоянно растетъ и постоянно обучается, объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства“* (курсивъ нашъ). Взгляните на Францію или на Германію. Несмотря на быстрый ростъ преступности, проституціи и другихъ признаковъ духовнаго паденія *нѣкоторыхъ элементовъ* трудящейся массы, рабочій классъ, *взятый въ его цѣломъ*, становится все болѣе сознательнымъ и все болѣе проникается соціалистическимъ духомъ. *Ухудшеніе общественнаго положенія пролетаріата вовсе не равно-*

*) „La condition de l'ouvrier était donc alors (въ Средніе Вѣка) très supportable, et j'ajouterai, avec les enseignements que la critique moderne nous fournit, qu'elle devait être supérieure à celle de nos ouvriers . . . Ce serf prétendu . . . avait une situation que sollicitent comme très enviable les ouvriers de notre temps.“ P. Hubert-Valleroux, „Les Corporations d'Arts et Métiers“ etc., Paris 1885, p. 44—45. Ср. также Alfred Franklin, La vie privée d'autre fois. Arts, Moeurs, usages des Parisiens du XII. au XVIII. siècle. Comment on devenait patron. Paris 1889, p. 65: „La vérité qui se dégage d'une étude approfondie et impartiale du régime des corporations, c'est que la condition de l'ouvrier au treizième et quatorzième siècle était supérieure à sa condition actuelle“.

**) *Этотъ* доводъ, какъ и огромнѣйшее большинство всѣхъ остальныхъ, заимствованъ нашимъ „критикомъ“ у буржуазныхъ противниковъ Маркса. См., напримѣръ, Кэркопа: History of Socialism, p. 160. (Мы цитируемъ второе изданіе: по указанный нами доводъ содержится также и въ первомъ.)

***) Интересно, что Бакунинъ обвинялъ Маркса и Энгельса именно въ томъ, что они не хотѣли возлагать никакихъ надеждъ на *„нищенскій пролетаріатъ“*, см. „Государственность и Анархію“, стр. 8.

сильно созданію условій, затрудняющихъ развитіе его классоваго самосознанія. Конечно, только анархисты à la Бакунинъ могли воображать, что *бѣдность* уже *сама по себѣ* есть лучшій изо всѣхъ возможныхъ соціалистическихъ агитаторовъ. Но вѣдь и *зажиточность* сама по себѣ далеко не всегда является „*внушителемъ*“ революціоннаго духа. *Все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста.*

„Критики“, считающіе ухудшеніе общественаго положенія рабочаго класса несовмѣстимымъ съ развитіемъ классоваго самосознанія, просто на просто не понимаютъ матеріалистическаго объясненія исторіи, на которое они, однако, любятъ ссылаться. И это ихъ непониманіе сказывается также и въ ихъ разсужденіяхъ *объ экономическихъ условіяхъ, необходимыхъ для политической побѣды пролетаріата надъ буржуазіей.* Политическая сила всякаго даннаго класса, говорятъ эти господа, опредѣляется его экономической и соціальной силой. Поэтому ростъ политической силы пролетаріата небходимо предполагаетъ ростъ его экономической силы и наоборотъ, — ослабленіе этой послѣдней необходимо ведетъ за собою ослабленіе политическаго значенія пролетаріата. Такъ смотрятъ въ Германіи Давидъ, Вольтманнъ, Т. Кампфмейеръ и многіе другіе представители „новой методы“.*) Г. П. Струве врядъ-ли раздѣляетъ, во всей его полнотѣ, этотъ взглядъ, являющійся чѣмъ-то въ родѣ консервативной разновидности *бакунизма.***) Но онъ не согласенъ и съ Каутскимъ, который, въ своемъ отвѣтѣ Бернштейну, указывалъ на его теоретическую несостоятельность. По мнѣнію г. П. Струве для побѣды пролетаріата необходима „организаціонная сила“, которая можетъ быть пріобрѣтена лишь постепенно на почвѣ экономической организаціи и экономическихъ учрежденій...***) Въ этомъ мнѣніи истина тѣсно сплелась съ заблужденіемъ. Что оргнизаціонная сила необходима пролетаріату, какъ была она необходима всякому другому общественному классу, стремившемуся къ побѣдѣ, это неоспоримо и этого никогда не оспаривали „ортодоксальные“ марксисты. Но почему г. П. Струве думаетъ, что эта сила можетъ быть пріобрѣтена только на почвѣ „экономической организаціи“, т. е., — если мы правильно его поняли, — на почвѣ кооперативныхъ товариществъ и тому подобныхъ „экономическихъ учрежденій“? Если бы организаціонная сила пролетаріата могла развиваться лишь въ той мѣрѣ, въ какой развиваются его „экономическія учрежденія“, то она *никогда не развилась бы до степени, необходимой и дос-*

---

*) Ср Кампфмейера, Wohin steuert die ökonomische und staatliche Entwicklung? Berlin 1901, S. 32, 33, 35 и другія.

**) Характеристику взгляда Бакунина на отношеніе политики къ экономикѣ см. въ моей брошюрѣ: „Anarchismus und Sozialismus“. Berlin 1894.

***) Archiv, I, 735.

тамочной для побѣды надъ буржуазіей, потому что въ *капиталистическомъ обществѣ* названныя учрежденія рабочихъ всегда будутъ совершенно ничтожны въ сравненіи съ „учрежденіями“, находящимися въ рукахъ буржуазіи.

Далѣе въ словахъ нашего „критика“ справедливо то, что организаціонная сила пролетаріата, — какъ и всякая другая сила, — можетъ быть пріобрѣтена лишь *постепенно*. Но почему эта справедливая мысль должна исключать понятіе *соціальной революціи?* Вѣдь французская буржуазія *тоже* лишь постепенно пріобрѣла свою организаціонную силу, а между тѣмъ сдѣлала же она свою соціальную революцію.

Впрочемъ, соображеніе о неизбѣжности *постепеннаго* пріобрѣтенія организаціонной силы есть лишь одна изъ небольшихъ пушекъ, выставленныхъ г. П. Струве рядомъ со многими очень большими осадными орудіями на теоретической баттареѣ, обстрѣливающей въ его статьѣ ненавистное ему понятіе соціальной революціи. Согласно нашему первоначальному плану мы должны были аттаковать эту баттарею въ статьѣ, лежащей теперь передъ читателемъ. Но потомъ мы увидѣли себя въ необходимости подробно разобрать теорію притупленія общественныхъ противорѣчій на экономической почвѣ. Поэтому аттаку баттареи, возведенной противъ понятія о соціальной революціи, намъ пришлось отложить до слѣдующей, *третьей* книжки нашего изданія. Тамъ сведемъ мы свои послѣдніе счеты съ нашимъ „критикомъ“. Тамъ мы еще яснѣе увидимъ, какого рода „марксизмъ“ проповѣдуетъ онъ въ настоящее время.

Г. Плехановъ.

Соціаль-демократія, какъ носительница національнаго освобожденія.

Основные элементы соціаль-демократической программы выработались путемъ взаимнаго проникновенія началъ народнической доктрины съ одной стороны и народовольческаго ученія о необходимости борьбы съ абсолютизмомъ съ другой.*) Народничество завѣщало намъ мысль о необходимости выработки и организаціи народной партіи, берущей на себя инициативу соціалистическаго переворота, народовольчество пріучило насъ къ мысли о необходимости и выгодности ниспроверженія самодержавія для соціалистическаго дѣла.

Слѣдуя за измѣненіями въ области дѣйствительной жизни, измѣнялись самыя основанія народничества, осложняясь политической программой народовольцевъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ ихъ политической практики. Эта эволюція подготовила возникновеніе русской соціальной демократіи, которая явилась такимъ образомъ логическимъ завершеніемъ всего предшествовавшаго хода русской соціально-революціонной мысли.

Въ 1884 году была выработана программа „Группы Освобожденія Труда“ и въ 1885 году она была опубликована. Но пока это была душа безъ тѣла; недоставало того организма, въ который можно было бы вложить эту душу, для того, чтобы онъ зашевелился и явилъ признаки жизни. О немногочисленныхъ проявленіяхъ соціаль-демократическаго движенія въ это время въ самой Россіи можно почти и не упоминать, до того они были незначительны. Пара номеровъ газеты „Рабочій“ и слабыя попытки пропаганды соціаль-демократическаго ученія — вотъ и весь активъ соціаль-демократическаго движенія въ этотъ періодъ. Развитіе капиталистическаго способа производства еще не успѣло накопить достаточнаго количества революціонной энергіи въ русскомъ пролетаріатѣ, или вѣрнѣе это накопленіе не достигло еще той неуловимой, но все же существующей высоты, на которой эта энергія способна была бы вылиться въ видѣ широкаго и массоваго движенія рабочаго класса.

Но рано или поздно такой моментъ долженъ былъ наступить, и изъ сліянія этихъ двухъ источниковъ, широкаго и стихійнаго движенія рабочихъ массъ и соціаль-демократической теоріи, которыя въ сущности вырастаютъ изъ одного и того же корня — капиталистическаго способа производства, но (если такъ можно выразиться) въ различныхъ плоскостяхъ, — изъ этого сліянія и родилось рабочее соціаль-демократическое движеніе. Если въ Россіи теорія сложилась раньше, чѣмъ началось массовое рабочее движеніе, т. е. борьба за лучшія условія труда, то это, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ вліянія идеологіи и примѣра болѣе развитыхъ странъ Западной Европы. Аналогичное явленіе представляетъ намъ Германія: въ средѣ нѣмецкой интеллигенціи и передовыхъ слоевъ рабочаго класса „ком-

*) Вопросъ этотъ я разсматриваю подробнѣе въ особой статьѣ, которая будетъ помѣщена въ третьей книжкѣ „Зари“.

мунистическія“ идеи укоренились къ концу сороковыхъ годовъ, т. е. гораздо раньше, чѣмъ началось широкое стачечное движеніе, которое относится ко второй половинѣ 60-хъ годовъ. Роль фактора, ускоряющаго естественное развитіе нѣмецкой революціонной идеологіи, сыграло вліяніе французскаго и англійскаго коммунизма и рабочаго движенія.

Первымъ глашатаемъ и носителемъ соціалистическихъ ученій повсюду являлось крайнее крыло *демократической интеллигенціи*, которое (исторически и логически) представляло отпрыскъ и завершеніе обще-демократическаго движенія. Такъ, въ Англіи оуэнизмъ и чартизмъ возникли изъ радикально-буржуазнаго движенія конца 18-го и начала 19-го вѣка, бабувизмъ и французскій коммунизмъ первой половины 19-го столѣтія были наслѣдниками и продолжателями монтаньяровъ и парижской революціонной коммуны, нѣмецкое коммунистическое движеніе было нормальнымъ продуктомъ демократическо-республиканскаго движенія первой половины девятнадцатаго вѣка. Соціалистическое движеніе брало на себя, поэтому, дальнѣйшее развитіе и осуществленіе общихъ требованій демократической программы, но извлекало изъ нихъ крайніе выводы и доводило ихъ до логическаго конца. Кромѣ того, оно подчиняло частичныя требованія демократическихъ программъ главной цѣли соціальнаго переворота, превращая ихъ такимъ образомъ въ средства, облегчающія достиженіе конечнаго идеала, т. е. установленіе коллективистическаго строя. Программа демократовъ превратилась у соціалистовъ въ часть „программы-минимумъ“. Такъ „бельвильская“ программа*) буржуазныхъ республиканцевъ, выставленная гамбеттистами въ концѣ второй имперіи, съ дополненіями, которыя внесли въ нее впослѣдствіи радикалы, почти цѣликомъ вошла въ программу-минимумъ французской рабочей партіи. Соотвѣтствующая часть программы нѣмецкой соціальной демократіи заимствована или точнѣе перенята ею у нѣмецкой буржуазной демократіи, причемъ отдѣльные пункты лучше скомбинированы, окрашены въ болѣе яркій цвѣтъ и удачнѣе обоснованы, будучи приведены въ связь съ основной цѣлью соціализма, осуществленіемъ коммунистическаго идеала. Соціалисты отчасти заново вводятъ въ свою программу-минимумъ пункты, трактующіе объ охранѣ труда въ широкомъ смыслѣ, отчасти же отводятъ имъ болѣе широкое, чѣмъ у радикаловъ, мѣсто въ своей программѣ.**)

Русская соціаль-демократія, какъ и вообще русскіе соціалисты революціонеры, также является наслѣдницей и продолжательницей либерально-демократическаго русскаго движенія. Поэтому и въ ея программѣ находитъ себѣ мѣсто цѣлый рядъ минимальныхъ требованій,***) естественно превосходящихъ даже тѣ, до которыхъ возвышалась демократическо-либе-

---

*) Широкое приложеніе всеобщаго избирательнаго права; уничтоженіе сената; свобода печати, союзовъ и собраній; судъ присяжныхъ для политическихъ преступленій; всеобщее, обязательное, безплатное и свѣтское образованіе; отдѣленіе церкви отъ государства; уничтоженіе постоянной арміи; реформы въ области налоговъ; замѣщеніе всѣхъ должностей выборными лицами и отвѣтственность всѣхъ чиновниковъ.

**) Такъ какъ, добившись власти, буржуазная демократія обыкновенно измѣняетъ своей программѣ, то соціальная демократія остается единственной даже *реформаторской* партіей въ строгомъ смыслѣ этого слова.

***) Во избѣжаніе недоразумѣній замѣчу, что, такъ какъ до сихъ поръ не существуетъ оффиціальной, такъ сказать, программы русской соціаль-демократической партіи, то за таковую можно признавать „проектъ программы“ выработанный „Гр. Осв. Тр.“. Въ *существенномъ* и *цѣломъ* онъ до сихъ поръ не превзойденъ и не устарѣлъ.

ральная мысль въ моменты наиболѣе пышнаго ея расцвѣта. Помимо требованія демократической конституціи, обезпечивающей самыя широкія политическія вольности, всеобщаго, свѣтскаго, дарового и обязательнаго образованія, замѣны постоянной арміи народной милиціей, пересмотра всего нашего гражданскаго и уголовнаго законодательства (конечно, въ демократическомъ духѣ), мы встрѣчаемъ въ этой программѣ-минимумъ требованіе радикальнаго пересмотра нашихъ аграрныхъ отношеній, устраненія современной податной системы, введенія прогрессивно-подоходнаго налога, законодательнаго регулированія отношеній рабочихъ (городскихъ и сельскихъ) къ предпринимателямъ, организаціи инспекціи съ представительствомъ отъ рабочихъ.*)

Какое же значеніе имѣютъ эти минимальныя требованія въ соціальдемократической программѣ наряду съ основнымъ ея требованіемъ — упраздненіемъ товарнаго производства (частной собственности) и организаціей коллективнаго производства (общей собственности)?

Они имѣютъ троякое значеніе: во первыхъ, какъ средство улучшить положеніе рабочихъ при настоящемъ общественномъ строѣ, во вторыхъ, какъ средство обезпечить выработку классоваго сознанія въ пролетаріатѣ и подготовленіе рабочей партіи для захвата власти и организаціи колективистическаго строя и, въ третьихъ, какъ агитаціонное средство. Времена, когда въ революціонной средѣ пользовалось популярностью правило „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“ и когда соціальная революція представлялась мгновеннымъ взрывомъ, вызваннымъ нестерпимыми страданіями обездоленныхъ массъ, прошли безвозвратно. Теперь всякій понимаетъ, что раньше, чѣмъ произвести соціальный переворотъ, раньше чѣмъ дозрѣть до завоеванія политической власти, до удержанія ея въ своихъ рукахъ и осуществленія раціонально-скомбинированной системы радикальныхъ преобразованій, долженствующихъ положить конецъ „господству человѣка надъ человѣкомъ“, пролетаріатъ долженъ пройти долгую школу политическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія и цѣлесообразнаго упражненія своихъ интеллектуальныхъ и моральныхъ силъ. Улучшеніе матеріальнаго положенія важно для пролетаріата не только потому, что оно порождаетъ благопріятныя условія для его физическаго и умственнаго развитія, но и потому, что оно создаетъ гордую и самоувѣренную расу, заставляющую сильныхъ міра прислушиваться къ своему голосу, считаться съ своими запросами и желаніями, и развиваетъ въ рабочемъ классѣ всѣ психическія черты, необходимыя для будущихъ распорядителей своей собственной судьбой. Быть можетъ, нравственный выигрышъ отъ реформъ, произведенныхъ подъ давленіемъ организованнаго пролетаріата, гораздо существеннѣе для подготовки его къ будущей роли въ государствѣ, чѣмъ тѣ, по существу ограниченныя, выгоды, кои доставляются ему этими реформами въ матеріальной области.

Но и послѣдней стороны вопроса нельзя игнорировать. Соціаль-демократія, разбившая въ рабочемъ классѣ вѣру въ соціальныя панацеи и въ способность реформъ, достижимыхъ въ современномъ обществѣ, радикальнымъ образомъ измѣнить къ лучшему положеніе пролетаріевъ, тѣмъ не менѣе прекрасно понимаетъ, что ничуть не отрекаясь отъ своей конечной цѣли, можно, *а потому и нужно* предъявлять къ современному обществу

*) Пунктъ 4-ый „проекта“, требующій государственной помощи производительнымъ ассоціаціямъ, въ настоящее время могъ бы быть устраненъ. Но упрекать за него авторовъ проекта было бы нелѣпо, такъ какъ аналогичный пунктъ сохранился даже въ программѣ нѣмецкой соціальдемократіи до 1890 года.

цѣлый рядъ требованій, осуществленіе коихъ способно улучшить условія, при которыхъ пролетарій вынужденъ продавать капиталисту свою рабочую силу. Тѣмъ болѣе, что измѣненія въ одной области неизбѣжно ведутъ къ перемѣнѣ въ остальныхъ; такъ напримѣръ, общеизвѣстенъ тотъ фактъ, что съ укороченіемъ рабочаго времени увеличивается заработная плата и т. п. И предъявляются эти требованія къ буржуазному обществу не только для того, чтобы изобличить передъ пролетаріатомъ „злую волю господствующаго класса“, хотя и это не маловажная сторона вопроса, а для того, чтобы съ каждымъ днемъ создавать все болѣе и болѣе благопріятныя условія для жизни рабочаго класса, съ каждымъ днемъ все болѣе приближать его къ тому положенію, которое онъ призванъ занять съ полнымъ устраненіемъ современнаго соціальнаго уклада.

Агитаціонное значеніе программы-минимумъ также очевидно. Буржуазная демократія, либеральная и радикальная, добравшись до руля государственнаго корабля, спѣшитъ свернуть свое старое знамя, на которомъ и народнымъ стремленіямъ было удѣлено извѣстное мѣсто, и безсовѣстно дезертировать отъ тѣхъ обѣщаній, которыя она спѣшила надавать трудящимся слоямъ народа, доколѣ она нуждалась въ содѣйствіи ихъ мускулистыхъ рукъ. Тогда она оказываетъ самое отчаянное сопротивленіе тѣмъ требованіямъ рабочаго класса, которыя еще такъ недавно она признавала „законными“ и „справедливыми“. Агитація въ пользу удовлетворенія пунктовъ программы-минимумъ является въ такихъ случаяхъ въ рукахъ соціальной демократіи могучимъ оружіемъ для изобличенія „злой воли“ господствующихъ классовъ и для выясненія пролетаріату и примыкающимъ къ нему общественнымъ слоямъ враждебной противоположности ихъ интересовъ съ интересами капиталистовъ и служащаго имъ государства. Эта же агитація представляется самымъ дѣйствительнымъ способомъ къ сплоченію и организаціи рабочаго класса и къ постоянному упражненію его силъ. Она играетъ для пролетаріата ту же роль, что маневры для арміи, къ которой наша партія приближается многими своими чертами. Игнорированіе этого характера соціаль-демократической партіи породило множество упрековъ въ бездѣятельности и антиреволюціонности, которые навѣрное не дѣлались бы, если бы критики нашей дѣятельности вдумались внимательнѣе въ ея сущность. Армія можетъ организоваться, воспитываться, обучаться и упражняться, не будучи долгое время пускаема въ дѣло. Многіе наборы могутъ, пробывши подъ знаменами свой срокъ, даже распускаться по домамъ, не побывавши въ войнѣ — и все же цѣль, для которой армія подготовляется, дисциплинируется и обучается, остается той же. Отъ „постоянной“ арміи соціаль-демократическая армія отличается развѣ тѣмъ, что ея солдаты служатъ по доброй волѣ и не уходятъ въ запасъ, почему она постепенно умножается и растетъ въ количественномъ и качественномъ отношеніи.

Съ извѣстной приблизительностью можно раздѣлить пункты соціаль-демократической программы-минимумъ на двѣ категоріи: пункты, содержащіе политическія требованія (политическія свободы, всеобщее избирательное право, и пр.) и пункты, содержащіе требованія экономическія (восьмичасовой рабочій день, всесторонняя охрана труда, и т. д.). Правда, нѣкоторые пункты, какъ напримѣръ выборная фабричная инспекція и т. д., обладаютъ чертами и той и другой категоріи, но въ общемъ дѣленіе это можно удержать. Оно понадобится намъ при разсмотрѣніи минимальной программы русской соціальной демократіи и центральнаго ея пункта — уничтоженія самодержавія, пункта, господствующаго надъ остальными и опредѣляющаго ихъ практичность (въ томъ смыслѣ, что безъ его *предварительнаго* осуществленія всѣ остальные пункты превращаются въ пол-

ную и ребяческую утопію.*) И вотъ, не рискуя вызвать особенныхъ возраженій, можно утверждать, что категорія перваго порядка является опредѣляющей для второй, что пункты второго разряда, включающіе экономическія требованія, могутъ ждать своего осуществленія только *послѣ* осуществленія (цѣликомъ или въ значительной мѣрѣ) политическихъ требованій. Узкое толкованіе „экономическаго" матеріализма, поведшее къ цѣлому ряду ложныхъ выводовъ въ области прикладной „философіи", успѣло на время какъ бы затемнить сознаніе этой зависимости и послѣдовательности у нѣкоторыхъ русскихъ соціаль-демократовъ. Вотъ почему не лишне еще разъ напомнить читателямъ эту для большинства западно-европейскихъ соціаль-демократовъ азбучную истину. Факты русской, родной жизни, такъ больно бьющіе по нервамъ и русскихъ рабочихъ и сочувствующую имъ интеллигенцію, лишній разъ подтверждаютъ ту истину, что не можетъ быть для рабочаго класса никакихъ — не скажу: завоеваній, но никакихъ серьезныхъ и *прочныхъ* завоеваній при господствѣ деспотическаго режима, при полномъ отсутствіи политическихъ гарантій, при невозможности для пролетаріата открыто организоваться, защищать свои права и принуждать правительство къ *исполненію* закона. Исторія грандіозной борьбы петербургско-московскихъ рабочихъ и вынужденнаго ими у царизма закона 2-го іюня служитъ тому прекрасной иллюстраціей. Мало того, что устанавливаемая этимъ закономъ норма рабочаго дня ($11^1/_2$ час.) значительно превосходила не только требовавшуюся рабочими продолжительность рабочаго времени (10 час.), но и предлагавшійся фабрикантами петербургскаго района (11 час.) рабочій день, — *циркулярами* Витте значеніе *закона* на практикѣ было сведено къ нулю. Да кто знаетъ, насколько строго примѣнялся бы этотъ законъ, не будь даже этихъ циркуляровъ, при настоящемъ составѣ русской фабричной инспекціи и при ея взглядѣ на свои „права и обязанности"?!

„Рабочая мысль" нѣкогда съ пафосомъ восклицала: „нѣтъ! довольно той лжи, по которой рабочее движеніе потому развивается, что существуетъ политическая свобода" или что-то въ этомъ родѣ. Въ данномъ случаѣ, то, что является *ложью* для редакторовъ и сторонниковъ „Рабочей Мысли", представляетъ общее достояніе международнаго соціализма и купленное дорогой цѣной тяжкаго опыта завоеваніе современной русской соціально-революціонной (и тоже рабочей) мысли. Вся хитрость приведеннаго абзаца заключается въ игрѣ словами „рабочее движеніе". Что *въ извѣстныхъ размѣрахъ и въ извѣстной формѣ* оно можетъ существовать и развиваться и до завоеванія политической свободы — это общее мѣсто міровоззрѣнія русскихъ соціаль-демократовъ: на этомъ-то фактѣ и основывается вся программа *ихъ* борьбы съ самодержавіемъ. Но если подъ „рабочимъ движеніемъ" понимать не только его начальныя и зародышевыя формы, но движеніе въ его историческомъ цѣломъ, а главнымъ образомъ въ той формѣ широкой партійной организаціи, которая одна и дѣлаетъ возможнымъ какъ приближеніе соціалистическаго строя, такъ и завоеваніе ряда серьезныхъ улучшеній въ положеніи рабочей массы, тогда „ложь" „Рабочей мысли" и другихъ соціаль-демократическихъ трезвенниковъ выступаетъ во всей своей неприглядной красотѣ. И если „политическіе" пункты соціаль-демократической программы главенствуютъ (въ выше указанномъ смыслѣ) надъ „экономическими" и въ политически-свободныхъ странахъ, то кольми паче вѣрно это положеніе для тѣхъ странъ, гдѣ про-

*) Этому, конечно, противорѣчитъ теорія „частичнаго завоеванія" политическихъ правъ и экономическихъ улучшеній, о которой мы надѣемся поговорить въ слѣдующей статьѣ.

цвѣтаютъ еще докапиталистическія формы государственнаго строя, какъ наприм. наша „святая Русь“!

Кромѣ того, программа-минимумъ соціаль-демократической партіи представляетъ еще одну, очень важную сторону. Выставленныя въ ней минимальныя требованія защищаютъ интересы не только пролетаріевъ, но и другихъ сопредѣльныхъ слоевъ народа, мелкой буржуазіи и крестьянства. Какъ говоритъ Каутскій: „Соціаль-демократія стремится улучшить и обезпечить матеріальное положеніе „мелкаго люда“ путемъ отмѣны косвенныхъ налоговъ, переложенія наибольшей части податного бремени на богатыхъ посредствомъ прогрессивно-подоходнаго налога, путемъ уничтоженія постоянныхъ армій и устраненія тѣсно связанной съ милитаризмомъ системы государственныхъ долговъ и т. д. Она стремится поднять умственный уровень „мелкаго люда“, при одновременномъ облегченіи его экономическаго положенія, требуя не только безплатнаго народнаго обученія, стоящаго на высотѣ современной культуры, но и безплатныхъ учебныхъ пособій и содержанія учениковъ на общественный счетъ. И одна только соціаль-демократія хочетъ доставить „мелкому люду“ достаточную врачебную помощь и безплатный уходъ за больными, безплатное правосудіе и безплатную защиту на судѣ“ и т. д. Это дѣлаетъ соціаль-демократію въ извѣстномъ смыслѣ (но только въ извѣстномъ) партіей *національной*, т. е. защищающей интересы цѣлаго народа противъ ничтожной кучки угнетателей и даетъ ей возможность вербовать себѣ сторонниковъ не только въ средѣ пролетаріата, но и другихъ общественныхъ классовъ, которые приближаются къ нему по своему положенію или готовятся перейти въ его ряды. А разъ вовлеченные въ кругъ соціалистическихъ идей, они неизбѣжно, со временемъ становятся убѣжденными членами партіи. Въ русскомъ проектѣ также указывается на эту сторону программы-минимумъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Эти требованія настолько же благопріятны интересамъ крестьянства, какъ и интересамъ промышленныхъ рабочихъ; поэтому, добиваясь ихъ осуществленія, рабочая партія проложитъ себѣ широкій путь для сближенія съ земледѣльческимъ населеніемъ... Такою силою явится рабочая партія и увлеченная ею бѣднѣйшая часть крестьянства.“

На Цюрихскомъ интернаціональномъ конгрессѣ высказано было пожеланіе, чтобы въ соціаль-демократическихъ программахъ различныхъ странъ общей, принципіальной части была придана одинаковая формулировка. Желаніе совершенно резонное, такъ какъ соціаль-демократическія партіи повсюду исходятъ изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ и повсюду стремятся къ достиженію одной и той же цѣли. Но и въ значительной части своихъ минимальныхъ требованій программы различныхъ соціаль-демократическихъ партій совпадаютъ по той простой причинѣ, что капиталистическій способъ производства, на почвѣ котораго вырастаетъ соціаль-демократическое движеніе, создаетъ повсюду, въ общемъ и главномъ, аналогическія увловія. Другіе же пункты минимальной программы соціаль-демократовъ въ различныхъ государствахъ отличаются другъ отъ друга, поскольку, не смотря на общія *тенденціи* развитія, конкретныя экономическія и политическія условія различныхъ націй сильно отличаются одни отъ другихъ.

„Практическія задачи, а слѣдовательно и программы соціаль-демократовъ естественно должны имѣть болѣе сложный характеръ въ тѣхъ странахъ, гдѣ современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующимъ и гдѣ трудящіяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархальнаго хозяйства. Въ такихъ странахъ соціаль-демократамъ приходится до-

биваться, какъ переходныхъ ступеней, такихъ формъ общественнаго устройства, которыя уже теперь существуютъ въ передовыхъ странахъ и необходимы для дальнѣйшаго развитія рабочей партіи. Россія находится именно въ такомъ положеніи". („Проектъ программы" Группы Освобожденія Труда. — Чего хотятъ соц.-дем., стр. 35—36).

Здѣсь мы вплотную подходимъ къ тому основному пункту нашей программы, который гласитъ: *низверженіе самодержавія* и безъ осуществленія котораго всѣ остальныя ближайшія требованія и конечныя цѣли представляютъ одинъ пустой разговоръ.

Стремленіе къ низверженію самодержавія (или, что то же, къ завоеванію политической свободы), задача, которую русскіе соціаль-демократы переняли отъ народовольцевъ, можетъ разсматриваться съ двухъ сторонъ, если такъ можно выразиться, апріорно и апостеріорно.*) Разъ данъ соціалистическій идеалъ, какъ установленная цѣль, къ осуществленію которой мы стремимся, то вопросъ о необходимости политической свободы строится апріорно, какъ логическій выводъ, полученный путемъ простой дедукціи. *Для соціализма* низверженіе самодержавія, политическая свобода — это необходимое предварительное условіе, обезпечивающее возможность широкой пропаганды, организаціи, воспитанія массъ, равно какъ возможность достиженія въ большей или меньшей степени тѣхъ практическихъ реформъ, осуществленіе коихъ мыслимо въ политически-развитомъ буржуазномъ обществѣ. Апріорность понятія „политическая свобода", какъ логическаго вывода изъ понятія „соціализмъ", вовсе не говоритъ о томъ, что дойти до него можно было безъ фактическаго опыта. Напротивъ, какъ извѣстно, русская соціально-революціонная мысль пришла къ постановѣ политическихъ задачъ русскаго соціалистическаго движенія довольно окольнымъ путемъ и послѣ ряда тяжелыхъ испытаній. Но это дѣло обычное: всегда потребенъ извѣстный запасъ опыта, чтобы научиться дѣлать вѣрные выводы изъ данныхъ посылокъ; это не уничтожаетъ апріорнаго характера выводовъ.

„Проектъ программы" поступаетъ, поэтому, совершенно правильно, когда формулируетъ политическую задачу русскихъ соціаль-демократовъ, дедуцируя ее изъ конечной задачи соціаль-демократической партіи. Начиная съ указанія этой конечной цѣли, „полнаго освобожденія труда отъ гнета капитала", которое можетъ быть достигнуто только путемъ установленія коммунистическаго строя, „проектъ" логически переходитъ къ „захвату рабочимъ классомъ политической власти", а затѣмъ и къ спеціальной политической задачѣ русскихъ соціаль-демократовъ, низверженію самодержавія. Образованіе „рабочей партіи" встрѣтитъ въ современномъ русскомъ абсолютизмѣ сильное препятствіе. Поэтому борьба противъ него обязательна даже для тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые представляютъ собою теперь зачатки будущей рабочей партіи. Низверженіе абсолютизма должно быть ихъ первой политической задачей. Такъ конструируется политическій вопросъ въ „Проектѣ" Группы Осв. Труда.

Но на этотъ же вопросъ можно взглянуть и съ другой точки зрѣнія, которую мы назвали апостеріорной. Въ то время какъ первая точка зрѣнія стоитъ на почвѣ *партійныхъ задачъ*, вторая, имѣя ввиду тѣ же цѣли, становится въ сущности на почву историческаго развитія стихійнаго рабочаго движенія. Для *стихійнаго* рабочаго движенія, возникающаго на извѣстной ступени развитія капитализма сначала въ видѣ единичныхъ и разрозненныхъ, а затѣмъ въ видѣ все болѣе обобщающихся столкновеній рабочихъ съ капиталистами, стремленіе къ политической свободѣ можетъ

*) Непониманіе этой двойственности въ значительной мѣрѣ лежитъ въ основѣ „экономическаго" направленія.

возникнуть очень нескоро, въ результатѣ долгаго опыта и цѣлаго ряда столкновеній съ представителями полицейскаго государства. Это — стремленіе пролетаріата поставить себя въ болѣе выгодныя условія при продажѣ (а въ случаѣ стачки, при перепродажѣ) капиталисту своей рабочей силы; а установленію равноправныхъ отношеній обѣихъ договаривающихся сторонъ постоянно мѣшаетъ деспотическое правительство. Но вся бѣда въ томъ, что рабочая масса сталкивается непосредственно не съ „правительствомъ", являющимся для нея категоріей отвлеченнаго порядка, а съ его агентами различныхъ степеней, которыхъ нѣкоторые слои нашего народа, по традиціи временъ крѣпостного права, еще отличаютъ отъ центральнаго правительства. При такихъ условіяхъ, никакіе „жандармы"*) не помогутъ, и движеніе можетъ долго тянуться, не приводя къ ясной постановкѣ задачи политическаго переворота.

Въ чемъ же заключается опасность этой точки зрѣнія?

Поскольку она констатируетъ извѣстную послѣдовательность, въ которой развертывается психическая эволюція рабочаго класса, она остается нѣкоторымъ историко-философскимъ взглядомъ, о строгомъ соотвѣтствіи котораг осъ фактами дѣйствительной жизни можно спорить или соглашаться. Я говорю, можно спорить, потому что при условіяхъ, подобнымъ россійскимъ, вовсе нѣтъ надобности, чтобы рабочій классъ приходилъ къ политическому недовольству или къ политическимъ протестамъ непремѣнно черезъ окольную дорогу экономическихъ столкновеній.**) Русскій обыватель (а рабочій или человѣкъ, вообще не имѣющій счастья принадлежать къ привилегированнымъ сословіямъ, тѣмъ болѣе) съ самой колыбели и до гроба до того окруженъ стѣснительной полицейской опекой, такъ часто подвергается полицейскимъ преслѣдованіямъ и притѣсненіямъ, такъ часто сталкивается съ невыносимымъ гнетомъ самодержавнаго государства, что русская жизнь, даже помимо экономическихъ столкновеній труда съ капиталомъ, представляетъ милліонъ поводовъ для политической агитаціи въ массахъ. А постоянная, все учащающаяся борьба рабочихъ за свои повседневные экономическіе интересы подготовляетъ и расширяетъ поле для этой политической агитаціи и властно наталкиваетъ на нее.

Но эта же „апостеріорная" точка зрѣнія становится опасной и вредной, какъ только изъ нея пытаются сдѣлать руководящій критерій для соціальдемократической тактики и приноровлять послѣднюю къ конструированной такимъ образомъ смѣнѣ экономической и политической агитаціи. На почвѣ такой (отчасти произвольной) конструкціи и на почвѣ такого „педагогическаго", рабскаго приспособленія нашей тактики къ исторической послѣдовательности психологическихъ фазисовъ пролетарскаго сознанія и становятся мыслимы такіе факты, какъ долговременное игнорированіе политическихъ задачъ нашего движенія и оставленіе въ тѣни соціалистическихъ***) принциповъ нашего ученія. И этотъ политическій индифферентизмъ,

---

*) ...„Полиція и жандармерія не проявила такого активнаго вмѣшательства въ столкновенія между рабочими и хозяевами, которое можно было бы использовать для политической агитаціи. „Поэтому дѣятельность Екат. С. Борьбы носила сначала „чисто *экономическій* характеръ"! — Раб. движеніе въ Екатеринославѣ, стр. 6.

**) Да, собственно, такъ дѣло *почти никдѣ* не происходило. Есть цѣлые слои пролетаріата, которые приходятъ къ соціализму именно благодаря назрѣвшему *политическому* протесту, а не въ результатѣ экономической борьбы. И не только въ Россіи, а во всемъ мірѣ.

***) Этого пункта я не развиваю теперь подробно, хотя онъ и очень важенъ, ограничиваясь выясненіемъ политической стороны вопроса.

грозящій совратить наше молодое движеніе съ пути, на который оно уже почти вступило, становится вдвойнѣ опаснымъ, когда представляется явленіемъ сознательнымъ. А что во многихъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ онъ вполнѣ сознателенъ, будучи логическимъ выводомъ изъ невѣрныхъ посылокъ, это несомнѣнно (вспомнимъ примѣчаніе, взятое изъ Екат. отчета).

Приведемъ еще одинъ примѣръ. На стр. 13-14 изд. „Союзомъ" брошюры „Изъ рабочаго движенія въ Одессѣ и Николаевѣ" авторъ, между прочимъ, говоритъ: Возникшее за послѣдніе годы у нѣкоторыхъ пропагандистовъ мнѣніе, будто во время массовыхъ движеній не слѣдуетъ или неумѣстно обращаться къ рабочимъ со словомъ политической агитаціи, не говоря уже объ ошибочности этого мнѣнія вообще, совершенно неприложимо къ одесскимъ рабочимъ." Далѣе авторъ, аппелируя къ опыту, „какъ къ верховной инстанціи, могущей рѣшить этотъ для нѣкоторыхъ спорный вопросъ", указываетъ, что „одесскій рабочій не только чрезвычайно воспріимчивъ къ политической пропагандѣ; мало того, онъ самъ наталкиваетъ пропагандиста на эту тему, на проповѣдь борьбы съ царизмомъ". И авторъ находитъ, что „соціаль-демократы не только могутъ, но и *обязаны* въ моментъ массоваго волненія обращаться къ рабочимъ съ политической проповѣдью, будить дремлющіе политическіе инстинкты пролетаріата и развивать въ немъ политическое сознаніе и убѣжденіе".

Къ этому мѣсту редакція „Раб. Дѣла" дѣлаетъ слѣд. примѣчаніе: „Въ той *общей* (курс. ред.) формѣ, въ какой авторъ высказываетъ эту мысль, мы съ нею *не можемъ согласиться*.*) Опытъ соціаль-демократической дѣятельности въ Россіи показалъ, что политической агитаціи долженъ (sic!) предшествовать болѣе или менѣе кратковременный періодъ агитаціи на почвѣ *чисто-экономическихъ требованій*. Это необходимо какъ разъ въ интересахъ наиболѣе успѣшнаго политическаго воздѣйствія на массу". Слѣдуетъ ссылка на Николаевскій, Иваново-Вознесенскій, Екатеринославскій отчеты, а дальше политическая агитація допускается въ видѣ „исключенія".

Разберемъ этотъ типичный абзацъ.

Въ подтвержденіе своего несогалсія съ мыслью о томъ, что соціаль-демократамъ слѣдуетъ обращаться къ рабочимъ со словомъ политической агитаціи, редакція „Рабочаго Дѣла" ссылается на „опыты соціаль-демократической дѣятельности въ Россіи". Она такъ и заявляетъ: „Опытъ соц.-дем. дѣятельности въ Россіи показалъ"... Но что же этотъ опытъ „показалъ"? Онъ показалъ лишь то, что, къ сожалѣнію, нѣкоторые соціаль-демократическіе пропагандисты не уяснили себѣ какъ слѣдуетъ настоящихъ задачъ соціаль-демократической дѣятельности, такъ что впродолженіе болѣе или менѣе долгаго времени занимались „чисто-экономической дѣятельностью" тамъ, гдѣ имъ слѣдовало заниматься не совсѣмъ „*чисто* экономической", а между прочимъ и политической дѣятельностью. Ибо, повторяю, они же, эти практики, всегда утверждаютъ, что экономическія столкновенія труда и капитала представляютъ наиболѣе удобную почву для политической пропаганды и агитаціи. И такъ, этотъ опытъ *по*казалъ только нѣкоторые недостатки тактики, усвоенной извѣстной частью нашихъ соціаль-демократовъ. Но что же онъ *до*казалъ? ничего, кромѣ необходимости какъ можно скорѣе *измѣнить* эту односторонюю тактику.

Но здѣсь меня прерываютъ партизаны „чисто-рабочаго", „массоваго" движенія и говорятъ: „Какъ? но развѣ эта „односторонняя" тактика не доказала своего строгаго соотвѣтствія съ условіями русской дѣйствительности? развѣ ей не удалось въ теченіе короткаго сравнительно періода

*) Дальше курсивъ мой.

вызвать повсюду широкое движеніе пролетаріата, правда, не совсѣмъ еще такое, какимъ бы намъ хотѣлось его видѣть, но все-таки существующее и способное развиваться дальше?“ и т. д.

Объяснимся.

Прежде всего, большое заблужденіе думать, что какая бы то ни была, будь она самая разудачная и соотвѣтственная, тактика въ состояніи вызвать „массовое“ рабочее движеніе. Не останавливаясь долго на этомъ пунктѣ, напомнимъ лишь, что это „массовое“ движеніе возникаетъ на извѣстной ступени развитія производительныхъ силъ и что искусственно ни вызвать его, ни остановить невозможно. А затѣмъ намъ невольно припоминается слѣдующій анекдотъ. Два англичанина спорили о вліяніи физическихъ свойствъ человѣка на его психику; одинъ изъ собесѣдниковъ признавалъ это вліяніе, а другой оспаривалъ и въ доказательство привелъ въ примѣръ Байрона, который, несмотря на нѣкоторое физическое уродство, представлялъ тѣмъ не менѣе личность замѣчательную. Тогда первый возразилъ: „А почему же Вы думаете, что Байронъ не былъ бы гораздо болѣе талантливымъ и выдающимся человѣкомъ, если бы у него не было этихъ уродствъ?“

Я не защищаю аргументаціи этого англичанина, но въ его разсужденіи есть несомнѣнно зерно истины. Въ случаѣ съ Байрономъ трудно гадать о томъ, насколько геніальнѣе онъ былъ бы, если бы былъ вполнѣ здоровъ въ физическомъ отношеніи. Въ нашемъ же случаѣ подобнаго рода предположенія вполнѣ умѣстны и примѣчаніе редакціи „Р. Д.“ само даетъ для этого матеріалъ. Въ самомъ дѣлѣ. Оно утверждаетъ, что „болѣе или менѣе кратковременный періодъ“ агитаціи чисто-экономическаго характера необходимъ „какъ разъ въ интересахъ наиболѣе успѣшнаго политическаго воздѣйствія на массу“. Но агитація на почвѣ „*чисто*-экономическихъ“ требованій предполагаетъ *умалчиваніе* о „чисто-политическихъ требованіяхъ, другими словами, предполагаетъ *отказъ* (хотя бы временный) отъ „политическаго воздѣйствія на массу“. Отрекаясь, хотя бы изъ самыхъ благородныхъ побужденій, отъ своей задачи политическаго воспитанія пролетаріата въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени (и это несмотря на такія удобныя для политическаго воспитанія обстоятельства, которыя создаются экономическими столкновеніями), соціальдемократы не приближаютъ, а добровольно *отдаляютъ* моментъ достиженія пролетаріатомъ политической *зрѣлости*. А это врядъ ли „какъ разъ въ интересахъ“ рабочаго движенія „въ цѣломъ“. Отсрочивая политическое воздѣйствіе на пролетаріатъ, задерживая его политическое воспитаніе, пропагандисты оказываютъ на рабочее движеніе вліяніе, которое, съ точки зрѣнія общей исторической экономіи, не можетъ не быть названо регрессивнымъ. И утвержденіе ред. „Р. Д.“, что политической агитаціи „долженъ“ предшествовать періодъ „чисто-экономической“ дѣятельности, оказывается ни на чемъ неоснованнымъ.

Повсюду, говоритъ Каутскій, гдѣ пролетаріатъ начинаетъ выступать сплоченной массой, его первоначальными средствами борьбы оказываются бойкотъ и, главнымъ образомъ, стачки. Но „пролетаріатъ не можетъ удовольствоваться этими средствами борьбы“. Его борьба „должна принять *политическій характеръ*“ (курсивъ Каутскаго). „Однѣ уже потребности чисто экономической борьбы принуждаютъ рабочихъ выставлять политическія требованія.“ Эту фразу, вслѣдъ за Каутскимъ, повторила редакція „Р. Д.“ *въ 1898 году*;*) *въ 1900 же году* она уже находитъ, что политической агитаціи „долженъ“ предшествовать болѣе или менѣе „кратковременный“

*) См. „Р. Д.“, № 1, стр. 3.

періодъ „чистой экономической“ агитаціи! Необходимость политической борьбы для пролетаріата Каутскій мотивируетъ, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что „современное государство считаетъ одной изъ своихъ главныхъ задачъ — сдѣлать невозможною организацію наемныхъ рабочихъ“, но хотя россійское государство со многихъ точекъ зрѣнія нельзя назвать „современнымъ“, въ этомъ отношеніи, въ стремленіи „сдѣлать невозможною организацію наемныхъ рабочихъ“, оно является болѣе чѣмъ „современнымъ“: мало того, самое существованіе его въ современной формѣ, въ видѣ неограниченной монархіи, безусловно непримиримо съ какой бы то ни было „организаціей наемныхъ рабочихъ“. Это невѣроятно, но фактъ, что теперь въ Россіи, среди нѣкоторыхъ пропагандистовъ (не рѣшаюсь сказать „революціонеровъ“) существуетъ мнѣніе, что при нынѣшнихъ условіяхъ, т. е. при существованіи самодержавія, возможно *легализировать* въ Россіи рабочіе союзы, рабочее движеніе! Это, повторяю, невѣроятное, но гибельное заблужденіе, потому что, въ случаѣ своего распространенія, оно грозитъ совершенно извратить характеръ нашей дѣятельности. И добро бы такую маниловскую мысль высказывалъ какой нибудь инженеръ Жуковскій, отлагая впрочемъ осуществленіе своихъ ріа desideria на двадцать лѣтъ. Мы же и откладывать не хотимъ, мы надѣемся легализировать рабочее движеніе (отчего не самый соціализмъ?) сейчасъ!*) Отголоскомъ (быть можетъ, безсознательнымъ) такихъ увлеченій является, по моему, вышецитированное примѣчаніе „Рабочаго Дѣла“. Для того, чтобы экономическая борьба пролетаріата имѣла какіе-нибудь шансы на успѣхъ, рабочему классу необходимъ цѣлый рядъ политическихъ правъ, немыслимыхъ, конечно, безъ политической свободы, т. е., въ нашемъ случаѣ, безъ *предварительнаго* низверженія самодержавія (таковы свобода союзовъ, стачекъ, собраній, печати, контроль надъ дѣйствіями правительства черезъ выборныхъ, вліяніе на законодательство). Такимъ образомъ, тѣ, кто особенно близко принимаетъ къ сердцу „чисто-экопомическую“ борьбу пролетаріата, должны „какъ разъ въ интересахъ“ этой экономической борьбы вести рабочихъ на политическую борьбу, разъяснять имъ ея необходимость и неизбѣжпую ея связь съ экономической борьбой. И мы приходимъ къ такому выводу: не воздержаніе отъ политической агитаціи будетъ „какъ разъ въ интересахъ болѣе успѣшнаго политическаго воздѣйствія на массу“, какъ гласитъ вышецитированное примѣчаніе, а наоборотъ политическая агитація среди рабочаго класса и политическая борьба пролетаріата будутъ „какъ разъ въ интересахъ“ его „чисто“ экономической борьбы.

Тѣмъ болѣе, что никакой „чисто-экономической“ борьбы не существуетъ или, по крайней мѣрѣ, не должно существовать для *сознательнаго* соціаль-демократа. Послушаемъ еще разъ Каутскаго, сочиненіемъ котораго (Эрф, прогр., V, 9 „Политическая борьба“) пользовалась редакція „Р. Д.“

---

*) *„Сокращеніе рабочаго дня, неприкосновенность личности и уничтоженіе административнаго произвола, свобода печати, стачекъ, собраній, союзовъ и кассъ* (до сихъ поръ курсивъ г. В. И—на; дальше курсивъ мой) должны стать нашими главнѣйшими общими требованіями въ будущій (1900 г., Ю. Н.) праздникъ всемірнаго пролетаріата.

И всего этого мы можемъ и мы должны добиться!

Достиженіе указанныхъ *политическихъ* (до сихъ поръ курсивъ г-на В. И—на; дальше курсивъ мой) правъ будетъ *первымъ* серьезнымъ *шагомъ* русскихъ рабочихъ *на пути* ихъ *къ* полному освобожденію изъ подъ гнета русскаго самодержавія, *къ* завоеванію политической свободы.“ (В. И—нъ, Майскій праздникъ въ Россіи въ 1899 г., Рабочее Дѣло, № 2—3. стр. 34).

при составленіи своего „отъ редакціи“ (въ 1 ой кн. „Р. Д.“ *1898 года*) и которое она, къ сожалѣнію, впослѣдствіи позабыла: „Находились люди, которые противопоставляли политическую борьбу борьбѣ экономической, заявляя, что пролетаріату необходимо исключительно отдаться той или другой формѣ борьбы“ *) (напримѣръ „въ теченіе болѣе или менѣе кратковременнаго періода“). Но, продолжаетъ дальше Каутскій, „въ дѣйствительности обѣ формы борьбы неотдѣлимы **) одна отъ другой. Экономическая борьба нуждается въ упомянутыхъ политическихъ правахъ; права же эти не падаютъ съ неба, а должны быть завоеваны и удержаны путемъ энергичной политической дѣятельности... Политическая борьба есть лишь особенная форма экономической борьбы, *самая широкая и по большей части также самая сильная ея форма*“ (курсивъ мой) „Политическая борьба служитъ однимъ ихъ самыхъ могучихъ рычаговъ для экономическаго, общественнаго и нравственнаго подъема пролетаріата“. Поэтому, безусловно правъ Каутскій, когда онъ клеймитъ горячимъ словомъ негодованія людей, стремящихся удерживать рабочій классъ отъ политической борьбы. „Тотъ, кто ихъ (политическія свободы) урѣзываетъ, или не даетъ ихъ пролетаріату, или хочетъ удержать рабочихъ отъ борьбы за завоеваніе и расширеніе этихъ свободъ, принадлежитъ къ числу злѣйшихъ враговъ пролетаріата, какимъ бы горячимъ другомъ его онъ себя ни чувствовалъ или ни выставлялъ и какъ бы онъ ни назывался... Онъ вредитъ пролетаріату не меньше, чѣмъ явный врагъ. Дѣйствуетъ ли онъ по злобѣ или только по невѣжеству — это безразлично, съ нимъ нужно бороться такъ же непримиримо, какъ съ явными врагами пролетаріата.“

Соціаль-демократія обязана идти во главѣ рабочаго движенія, а не тащиться въ хвостѣ его. Историческая задача соціальной демократіи заключается въ томъ, чтобы освѣтить стихійныя столкновенія рабочихъ съ капиталистами и съ представителями государственной власти съ общей точки зрѣнія борьбы труда съ капиталомъ и съ классовымъ государствомъ, словомъ на всякой ступени развитія рабочаго движенія „защищать интереса движенія въ его цѣломъ“. Такъ какъ соціаль-демократы *заранѣе* знаютъ, что, углубляясь и расширяясь, рабочее движеніе необходимо должно придти къ постановкѣ политическихъ требованій и задачъ, и такъ какъ они кромѣ того понимаютъ, что политическая борьба и завоеваніе политической свободы необходимы въ интересахъ движенія въ его цѣломъ, то они обязаны съ самаго начала выставить политическія требованія и, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, настойчиво прививать сознаніе ихъ необходимости рабочей массѣ. То, что съ обобщеніемъ своей борьбы за улучшеніе непосредственнаго экономическаго положенія рабочій классъ постепенно самъ придетъ къ провозглашенію необходимости политической борьбы, *не только не должно удерживать* соціаль-демократовъ отъ немедленной постановки политической задачи, отъ немедленнаго перехода къ политической пропагандѣ и агитаціи, но *наоборотъ побуждать ихъ къ этому переходу*, показывая имъ практическое основаніе и историческое оправданіе ихъ дѣятельности. Никакія „педагогическія“ соображенія не должны склонять сознательныхъ соціаль-демократовъ къ временному политическому „воздержанію“, а тѣмъ паче индифферентизму, ибо для ре-

*) Подобнаго рода заявленія всегда въ сущности были ходячимъ конькомъ всѣхъ реакціонныхъ партій (или, съ другимъ оттѣнкомъ, анархистовъ), но дѣлающіе такого рода заявленія соціаль-демократы это дѣйствительно грустное явленіе.

**) Т. е. должны быть неотдѣлимы въ умѣ сознательныхъ соціаль-демократовъ.

волюціонной „бациллы“ это значило бы отказаться (хоть бы на время и хотя бы съ лучшими намѣреніями) отъ своей исторической миссіи.

Приведемъ примѣръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что къ постановкѣ *интернаціональныхъ* задачъ пролетаріатъ (въ смыслѣ рабочей массы) приходитъ гораздо позднѣе и съ большимъ трудомъ, чѣмъ къ постановкѣ задачъ *національныхъ*, къ числу которыхъ относится и сознаніе необходимости политической борьбы съ своимъ правительствомъ и со своими господствующими классами (въ предѣлахъ даннаго государства). Ибо, если для послѣдняго необходима такая степень сознательности и политическаго смысла, которая достигается далеко не сразу и послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго опыта, то тѣмъ большая сознательность и культурность требуется для пониманія интернаціональной солидарности, которая для рабочей массы представляется явленіемъ, такъ сказать, вдвойнѣ отвлеченнаго порядка. Какъ говоритъ Каутскій, *„раньше или позже* пролетаріи должны придти“ къ этому сознанію, „если не какимъ другимъ путемъ, то путемъ горькаго опыта“. Этотъ „другой путь“, не ждущій, по педагогическимъ соображеніямъ, полнаго развитія присущихъ современному обществу *тенденцій*, для того чтобы принять активное и сознательное участіе въ этой эволюціи, былъ указанъ революціонной „бациллой“, которая, разъ апріорно познавши эти тенденціи, построила на ихъ основаніи свою тактику и явилась такимъ образомъ активнымъ участникомъ историческаго процесса.

„Основатели новѣйшаго соціализма познали *съ самаго начала*, что современное рабочее движеніе всюду *стремится* принять интернаціональный характеръ, *и потому* они съ *самаго начала* попытались положить въ основу своей пропаганды принципъ интернаціонализма“ *) (Каутскій). Такова единственно разумная, цѣлесообразная и педагогическая въ хорошемъ смыслѣ слова тактика, приносящая свои плоды въ видѣ сознанія международной солидарности, укоренившагося въ массахъ европейскаго и американскаго пролетаріата. А неужели европейскій пролетаріатъ того времени (1847 годъ) былъ болѣе подготовленъ къ воспринятію такой проповѣди, чѣмъ современный русскій пролетаріатъ къ воспринятію проповѣди низверженія самодержавія? И неужели соціальныя и культурныя условія Европы сороковыхъ годовъ болѣе подготовили почву для сознанія массами интернаціональной солидарности работниковъ, чѣмъ современныя русскія условія — почву для борьбы съ абсолютизмомъ? Конечно, нѣтъ. Если бы авторы „Коммунистическаго Манифеста“ стояли на „апостеріорной“ точкѣ зрѣнія и строили свою тактику не на почвѣ сознанныхъ *ими* тенденцій и интересовъ „движенія въ цѣломъ“, а на почвѣ „сознанныхъ интересовъ“ въ смыслѣ авторовъ манускрипта, напечатаннаго въ Vademecum'ѣ, то имъ, быть можетъ, и до сихъ поръ пришлось бы ждать съ опубликованіемъ своихъ воззрѣній. Къ счастью для всемірнаго пролетаріата, они вѣрно понимали задачи революціонной интеллигенціи и, имѣя зажженный факелъ, не прятали его подъ спудомъ, а ставили его такъ, чтобы свѣтилъ всѣмъ людямъ. Иной тактика соціаль-демократовъ и быть не можетъ.

Но специфическій пунктъ нашей программы-минимумъ („низверженіе самодержавія“) имѣетъ еще одну важную сторону, на которую въ послѣднее время указалъ П. Аксельродъ, такъ дурно понятый сторонниками „экономическаго“ направленія. Аксельродъ совѣтовалъ русскимъ соціаль-демократамъ „расширить сферу классовой борьбы“, имѣя въ виду то направленіе, которое „съуживая умственный кругозоръ передовыхъ рабочихъ

*) Курсивъ мой.

узко-классовыми интересами въ томъ грубомъ смыслѣ, который вкладываютъ буржуа всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ въ ученія соціальной демократіи, замедляетъ собственное политическое развитіе этихъ рабочихъ и мѣшаетъ имъ выйти изъ стадіи политическаго младенчества". Онъ совѣтовалъ „раздвинуть рамки и расширить содержаніе нашей пропагандистско-агитаціонной и организаторской дѣятельности", неустанно обнаруживая всею своею дѣятельностью „обще-демократическія задачи нашего движенія" и популяризируя такимъ образомъ „обще-національное его значеніе для современной Россіи".

По существу эти идеи защищала наша соціаль-демократія съ перваго момента своего выступленія на литературное поприще. Но когда Аксельродъ развилъ и подчеркнулъ эту сторону нашей программы въ брошюрѣ „Къ вопросу" и т. д., то раздались голоса, утверждавшіе, что это извращеніе истинныхъ задачъ соціаль-демократіи, возвращеніе къ идеямъ Народной Воли, къ бланкизму*) и пр. Это ошибка, потому что о „возвращеніи" здѣсь не могло быть и рѣчи; основная политическая струя, проникающая нашу программу, съ самаго начала взята была нами у Народной Воли, что признаетъ, между прочимъ и „Ман. Рос. С.-Д. Р. Партіи".

Что хотѣлъ сказать Аксельродъ? Что передъ нашимъ пролетаріатомъ стоитъ завѣщанная ему нашимъ обще-демократическимъ и народовольческимъ движеніемъ задача осуществить политическое освобожденіе Россіи. Расчищая путь для осуществленія своей, классовой исторической миссіи, пролетаріатъ долженъ столкнуться съ русскимъ самодержавіемъ и вступить съ нимъ въ борьбу не на жизнь, а на смерть; такимъ образомъ, историческія условія, при которыхъ русскому пролетаріату приходится добиваться своего собственнаго освобожденія, дѣлаютъ его агентомъ общенаціональнаго освобожденія всѣхъ классовъ русскаго общества, всего русскаго народа. Въ виду русскаго абсолютизма, который съ примыкающими къ нему группами землевладѣльческой, финансовой и промышленной плутократіи является въ Россіи поработителемъ par excellence, исторія отвела русскому рабочему классу завидную участь освободителя par excellence, и это ужъ не ея вина, если, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, русской соціаль-демократіи и съ нею русскому пролетаріату не удастся воспользоваться этой благопріятной исторической конъюнктурой.

Когда я приводилъ слова Каутскаго о томъ, что минимальныя требованія нѣмецкой соціаль-демократіи, поскольку они защищаютъ интересы не одного пролетаріата, но и другихъ общественныхъ классовъ, напримѣръ мелкой буржуазіи и крестьянства, придаютъ національный характеръ соціаль-демократической программѣ, я оговорилъ это утвержденіе словами „въ извѣстномъ только смыслѣ". И дѣйствительно, хотя указанные пункты программы защищаютъ немаловажные интересы значительной части населенія, но во-первыхъ нельзя сказать, чтобы за предѣлами этой части націи не стояли другіе многочисленные слои общества, интересы коихъ не только не защищаются, но и подрываются этими требованіями, а во вторыхъ, при всемъ безспорномъ значеніи защищаемыхъ интересовъ, эти послѣдніе далеко не таковы, чтобы отъ удовлетворенія или неудовлетворенія ихъ зависѣло самое существованіе народа въ семьѣ цивилизованныхъ націй, чтобы борьба за нихъ способна была воодушевить дѣятелей героическимъ энтузіазмомъ, который неизбѣжно порождается сознаніемъ исто-

*) Этому словечку особенно повезло среди „экономистовъ": бланкистомъ называется у нихъ всякій соціаль-демократъ, ясно понимающій и отстаивающій политическія задачи нашего движенія.

рической, міровой важности этой борьбы, наконецъ, чтобы весь міръ, всѣ культурныя націи прислушивались къ отдаленнымъ раскатамъ этой борьбы, считая успѣхъ или неудачу ея какъ бы своимъ собственнымъ дѣломъ. Всѣ эти черты, отсутствующія въ минимальныхъ пунктахъ нѣмецкой программы, всеобщность требованій (въ національномъ отношеніи), настоятельная историческая ихъ важность, всемірное ихъ значеніе, всѣ онѣ гармонически сочетаются въ требованіи русскихъ революціонеровъ, уничтоженіи самодержавія.

За исключеніемъ ничтожныхъ (по численности) группъ плутократіи всѣхъ видовъ, сознательно связывающихъ свои интересы съ процвѣтаніемъ самодержавія и вызывающихъ чувства зависти, негодованія и ненависти со стороны всѣхъ остальныхъ слоевъ общества, русская нація въ цѣломъ не можетъ *сознательно* относиться враждебно къ идеѣ уничтоженія царскаго самодержавія; со стороны нѣкоторыхъ угнетенныхъ слоевъ мыслимо только*е индифферентное* отношеніе къ политической борьбѣ русскихъ революціонеровъ, объясняемое культурной и политической отсталостью; но этотъ индифферентизмъ долженъ будетъ смѣниться горячимъ сочувствіемъ, если ведущая политическую борьбу революціонная партія въ состояніи будетъ *выяснить этимъ слоямъ или ихъ идеологическимъ представителямъ свои демократическія, освободительныя стремленія.* Вспомнимъ, съ какой симпатіей относилось русское общество къ революціонерамъ въ семидесятыхъ годахъ, часто оказывая имъ самую активную поддержку, и не только послѣ того, какъ они выставили программу политическаго освобожденія Россіи, но и тогда, когда они отрицательно относились къ идеѣ политической революціи. Ибо общество инстинктивно чуяло и въ народникахъ и въ бунтаряхъ, чуждавшихся политической программы въ нашемъ смыслѣ, непримиримыхъ враговъ самодержавія и единственныхъ серьезныхъ его противниковъ.*) Отъ уничтоженія абсолютизма можетъ выиграть *вся нація* (въ цѣломъ**), въ тотъ числѣ и самые угнетенные ея слои, крестьянство и пролетаріатъ, потерять же отъ него можетъ ничтожная кучка, враждебно противостоящая всей націи, не только крестьянству и пролетаріату, но и другимъ общественнымъ слоямъ, особенно среднему классу и разночинской интеллигенціи. Для соціаль-демократовъ указанія на враждебность интересовъ средняго класса неограниченной монархіи важны не потому, чтобы они спеціально принимали къ сердцу интересы этого класса, а потому, что въ демократическихъ элементахъ общества русскій пролетаріатъ найдетъ союзниковъ въ своей борьбѣ противъ деспотизма.

---

*) Наши противники (изъ лагеря народовольцевъ и народоправцевъ) иногда утверждаютъ, что мы, выдвигая ученіе о классовой борьбѣ, настаивая на необходимости созданія рабочей партіи съ выработаннымъ классовымъ самосознаніемъ и связывая борьбу за политическое освобожденіе Россіи съ классовыми интересами пролетаріата, не привлечемъ, а оттолкнемъ и запугаемъ демократическую буржуазію. Такимъ мы только напомнимъ, что народовольцы грозили обществу даже захватомъ власти, съ которымъ въ ихъ умѣ связывалось *начало соціальной ликвидаціи*, но это нисколько не помѣшало ихъ популярности не только среди демократовъ, но и среди либераловъ. Мы можемъ только пожелать себѣ такой популярности, какой пользовались народовольцы.

**) По той причинѣ, что уничтоженіе самодержавія и превращеніе Россіи въ политически свободную страну вызоветъ быстрый культурно-экономическій подъемъ страны, отъ чего непосредственно выгадаютъ почти всѣ слои населенія (больше всего, возможно, средній классъ).

Объ исторической важности низверженія самодержавія для нашего отечества нечего и говорить; въ этомъ согласны всѣ. Какъ говоритъ брошюра „Насущный вопросъ“: „Насталъ моментъ борьбы противъ самодержавія на жизнь и смерть, моментъ, рѣшающій будущность нашей родины: вступить-ли ей въ кругъ обще-европейской культуры или замкнувшись вызвать противъ себя крестовый походъ Запада, который не безъ основанія видитъ себѣ непримиримаго врага въ самодержавной Россіи“. И дѣйствительно, низверженіе самодержавія становится для Россіи вопросомъ жизни и смерти; самодержавіе истощило хозяйственныя силы подавляющей массы русскаго народа; оно стоитъ на пути дальнѣйшаго развитія русской экономической жизни, сковывая всякія проявленія иниціативы и прогресса; оно является главнымъ препятствіемъ для роста умственнаго развитія народа; оно ослабляетъ престижъ и кредитъ Россіи заграницей, что не мѣшаетъ ему втягивать страну во все новые долги, которые при современномъ состояніи нашихъ производительныхъ силъ, удерживаемыхъ политикой русскаго самодержавія на самомъ низкомъ уровнѣ, становятся для страны непосильнымъ бременемъ; не довольствуясь разрушеніемъ хозяйственныхъ силъ народа, оно довело его уже до физическаго вырожденія; нечего и говорить, что специфическое призваніе самодержавія, созданіе могучей арміи и флота, вовсе имъ не исполняется или исполняется очень дорого и скверно.*) Спеціально же для пролетаріата (и это насъ интересуетъ больше всего) существованіе самодержавія вредно уже тѣмъ, что оно препятствуетъ какому бы то ни было улучшенію его участи, какой бы то ни было его организаціи, какому бы то ни было умственному его подъему, другими словами, стоитъ на пути къ исполненію пролетаріатомъ его исторической миссіи, путемъ собственнаго освобожденія освободить все человѣчество.

Такимъ образомъ, низверженіе самодержавія является въ Россіи задачей не только пролетаріатской, но и національной въ настящемъ значеніи этого слова.

И устами лучшихъ своихъ представителей прогрессивный Западъ провозгласилъ свою солидарность съ врагами русскаго самодержавія. Отношеніе это удачно выражено въ слѣдующемъ отрывкѣ: „Вниманіе всей Европы и даже всего цивилизованнаго міра обращено на Россію: всѣ ждутъ увидѣть тамъ не сегодня — завтра зрѣлище одного изъ тѣхъ народныхъ движеній, которые составляютъ эпоху въ міровой исторіи, одного изъ тѣхъ взрывовъ, послѣ которыхъ націи какъ бы возрождаются новымъ крещеніемъ — кровью къ новой жизни, распространяя свое вліяніе далеко отъ собственныхъ границъ“. Въ послѣднихъ словахъ обнаруживается отношеніе прогрессивныхъ элементовъ Европы къ русскому самодержавію, послѣднему оплоту все-европейской реакціи, съ паденіемъ котораго демократія всего міра вздохнетъ свободнѣе. И какъ бы съ цѣлью подчеркнуть, что искреннѣе всѣхъ ненавидитъ царское самодержавіе соціалистическій пролетаріатъ, считающій борьбу съ царскою властью собственнымъ дѣломъ, что низверженіе самодержавія лежитъ въ интересахъ всесвѣтнаго соціализма, — соціалистическія партіи всего міра привѣтствуютъ выступленіе на историческую арену русскаго пролетаріата, этого самаго опаснаго врага и могильщика царскаго деспотизма. И лидеръ международной соціалъ-демократіи, Фридрихъ Энгельсъ, говоритъ: „Западная Европа вообще и ея рабочая партія въ особенности чрезвычайно заинтересованы въ по-

*) Это та область вопросовъ, которая порождаетъ буржуазно-либеральную оппозицію; вспомнимъ эпоху послѣ крымской и русско-турецкой войны 1877—78 года.

бѣдѣ русской революціонной партіи и въ паденіи русскаго самодержавія".

Такимъ образомъ, борьба русскихъ соціаль-демократовъ изъ національной превращается въ явленіе *міровой* важности.

Эта задача упущена русской буржуазіей.

Не то, чтобы наша буржуазія (къ которой слѣдуетъ причислить ту часть дворянства, главнымъ образомъ среднепомѣстнаго, которая раньше остальныхъ своихъ собратій эмансипировалась отъ крѣпостныхъ вожделѣній и, еще до освобожденія крестьянъ, выражала желаніе организовать свое хозяйство на началахъ вольно-наемнаго труда), не то чтобы она не обнаруживала до сихъ поръ своихъ симпатій къ свободнымъ политическимъ формамъ. Нѣтъ, утверждать это было бы несправедливо; но она никогда не выходила изъ предѣловъ покорныхъ ходатайствъ, она не предъявляла настойчивыхъ требованій въ этомъ смыслѣ правительству и, получая отказы, она не обнаруживала гражданскаго мужества и не умѣла энергично отстаивать свои пожеланія путемъ борьбы.

Начиная отъ славянофиловъ, связывавшихъ въ своихъ пожеланіяхъ освобожденіе крестьянъ и созывъ общей земской думы, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ. А Кошелевъ въ своихъ „Запискахъ", и вплоть до послѣдняго времени мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ дворянскихъ, земскихъ и под. адрессовъ и прошеній, въ коихъ въ той или иной формѣ правительство приглашалось даровать странѣ самоуправленіе и политическую свободу. Вліяніе Герцена въ средѣ либеральныхъ элементовъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ доказываетъ, что въ то время политическое свободомысліе было довольно сильно въ русскомъ обществѣ. Разочарованіе въ доброй волѣ самодержавнаго правительства, наступившее вслѣдъ за обнародованіемъ Положенія 19 февраля, усилило конституціонныя стремленія; изъ адрессовъ того времени самыми замѣчательными по опредѣленности требованій были адресы московскаго и тверского дворянскихъ собраній.

Если до открытія земскихъ учрежденій роль оффиціальнаго выразителя либеральныхъ стремленій приходилась на долю дворянскихъ собраній, единственныхъ имѣвшихъ извѣстное государственное значеніе сословныхъ учрежденій, то съ началомъ дѣйствія земствъ эта роль переходитъ къ нимъ (о литературѣ я уже и не говорю). Уже въ 1867 г. петербургское земство подверглось карѣ за постановку вопроса о земскомъ соборѣ и съ тѣхъ поръ, вплоть до 1894 года, мы имѣемъ дѣло съ почти непрерывнымъ потокомъ земскихъ ходатайствъ о призваніи народа, общества, представителей земствъ къ дѣламъ внутренняго государственнаго управленія.

Паденіе правительственнаго престижа послѣ русско-турецкой войны и переходъ русскихъ революціонеровъ-соціалистовъ къ открытому нападенію на правительство, вынудившій его обратиться послѣ убійства Мезенцева за содѣйствіемъ къ обществу, оживили и значительно усилили либеральное движеніе. Рядъ земскихъ собраній отвѣтилъ на правительственное обращеніе заявленіемъ о необходимости созванія земскаго собора (лучшее— заявленіе черниговскаго земства). Переходъ русскаго соц.-революціоннаго движенія въ народовольческій фазисъ, сопровождавшійся выставленіемъ политической программы, далъ новый толчокъ либеральному общественному движенію; это выразилось въ земскомъ отвѣтѣ на предложеніе правительства высказаться по вопросу о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій (конецъ 1880 года). Послѣ 1-го марта цѣлый рядъ земскихъ собраній снова высказался въ пользу представительнаго образа правленія.

Избавляя себя въ настоящій моментъ отъ обязанности прослѣдить въ подробностяхъ исторію русскаго либеральнаго движенія и ограничиваясь

указаніемъ общихъ и главныхъ его фазисовъ, мы видимъ, что отдѣльныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о нѣкоторой степени политической зрѣлости русскаго общества, имѣется не мало. И тѣмъ не менѣе остается въ полной силѣ утвержденіе, что русская буржуазія до сихъ поръ не взяла на себя рѣшительно задачи политическаго освобожденія страны. До сихъ поръ русская буржуазія не вышла изъ того періода, въ теченіе котораго общественный классъ формируется и складывается, накопляя извѣстный запасъ активно-исторической энергіи. Это накопленіе должно достигнуть извѣстной высоты, для того чтобы существующее напряженіе потенціальной энергіи перешло въ рядъ историческихъ дѣйствій.*) И такой моментъ можетъ скоро наступить. Не берясь ничего предсказывать, мы должны все таки считаться съ самой возможностью наступленія такого момента и сообразно съ этимъ установить способъ своего дѣйствія.

Здѣсь мимоходомъ слѣдуетъ коснуться одного вопроса.

Отчасти связанной съ „экономическимъ“ направленіемъ, но во многихъ отношеніяхъ прямо ему противоположной является среди русскихъ соц.-демократовъ тенденція умалить и даже свести къ нулю политическую роль русской буржуазіи. Этотъ запоздалый отголосокъ ткачевизма и бакунизма, которые, при всѣхъ своихъ различіяхъ, сходились въ отрицаніи силы и значенія за русск. мъ „обществомъ“, особенно ярко проявился въ брошюрѣ „Пролетарская борьба“ и гораздо слабѣе (впрочемъ, только по формѣ) въ 1-мъ выпускѣ „Соціально-Демократической Библіотеки“.**) Мы можемъ только посовѣтовать нашимъ доморощеннымъ политикамъ не считать „безъ хозяина“: отъ такого самообмана могутъ пострадать въ конечномъ счетѣ только они сами и защищаемое ими дѣло. Не говоря уже о томъ, что дѣло русскаго освобожденія было бы въ очень печальномъ состояніи, если-бы всѣ классы русскаго общества, кромѣ пролетаріата, были политическими quantités negligeables! Взваливать на плечи *одного* пролетаріата при современномъ его положеніи дѣло освобожденія страны *противъ всѣхъ* остальныхъ слоевъ населенія (которые, всѣ вмѣстѣ взятые, въ настоящее время и въ близкомъ будущемъ значительно превосходятъ его численностью, силой, вліяніемъ, знаніемъ и культурностью) это значитъ обнаруживать непростительную политическую наивность. Притомъ, русская буржуазія есть классъ молодой, растущій и нагуливающій силу съ каждымъ шагомъ русскаго прогресса; передъ ней еще открыто широкое историческое поприще, и не надо забывать, что она не только еще не сказала послѣдняго слова, но не сказала, вѣрнѣе, и перваго. Не знаю, что въ данномъ случаѣ хуже для нашего дѣла: переоцѣнивать или недо-

---

*) Нѣкоторые соціаль-демократы думаютъ, что русская буржуазія до сихъ поръ не выступала и, во всякомъ случаѣ, не можетъ выступать активнымъ борцомъ за политическую свободу теперь, когда на аренѣ русской жизни появился революціонный пролетаріатъ. Поскольку это мнѣніе не основано на знакомствѣ съ исторіей русской общественности, оно невѣрно хотя бы потому, что появленіе новой революціонной силы въ состояніи скорѣе усилить, чѣмъ ослабить революціонную энергію буржуазіи особенно въ странѣ политическаго рабства, какъ Россія. Французская буржуазія, напр., становилась особенно сильной по отношенію къ *монархіи* именно при усиленіи волненія въ рабочихъ массахъ (1789, 1792/93, 1830, 1847/48, 1868/70 годы). Поведеніе той же буржуазіи послѣ іюньскихъ дней 1848 г. и послѣ Коммуны ничего не говоритъ противъ этого положенія, потому что тогда буржуазія защищала отъ пролетаріата *свою республику*. А намъ еще долго ждать этого.

**) Въ остальномъ, впрочемъ, это прекрасное предпріятіе.

оцѣнивать; думаю, что послѣднее. Настоятельность организаціи русской рабочей партіи и развитія самосознанія русскаго пролетаріата для насъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ больше, по нашему мнѣнію, та историческая роль, которую предстоитъ сыграть нашей буржуазіи.

Притомъ (и на этотъ пунктъ важно указать) сторонники такой „недооцѣнки" значенія русской буржуазіи понимаютъ слово „буржуазія" слишкомъ грубо и суммарно. Когда они говорятъ, что на Западѣ буржуазія сыграла крупную историческую роль въ дѣлѣ освобожденія, тогда какъ русская буржуазія сразу выступила силой реакціонной, то они совершаютъ при этомъ двойную ошибку: во-первыхъ, они сравниваютъ различныя *ступени развитія* одного и того же класса, а во-вторыхъ, берутъ для сравненія различные его *слои*. Что и на Западѣ*) буржуазія по отношенію къ докапиталистическимъ государственнымъ формамъ не всегда была революціонной, что она въ начальные моменты своего развитія прекрасно уживалась съ полицейскимъ государствомъ и въ его содѣйствіи и покровительствѣ даже черпала силу для дальнѣйшаго своего роста, — кто же этого не знаетъ? И далѣе, развѣ не бросается въ глаза, что при сравнительной оцѣнкѣ того, что дала западно-европейская и что можетъ дать русская буржуазія, сторонники разсматриваемой точки зрѣнія валятъ въ одну кучу самые различные въ культурномъ, соціальномъ и экономическомъ отношеніяхъ элементы? Что понимая подъ „западно-европейской буржуазіей" Руссо, Вольтера, Робеспьера и т. п., они подставляютъ для „русской буржуазіи" замоскворѣцкихъ купцовъ, крупныхъ фабрикантовъ**) и „публичныхъ мущинъ" „Новаго Времени" и „Московскихъ Вѣдомостей"?***) Не останавливаясь въ настоящій моментъ долѣе на этомъ вопросѣ, вернемся къ нашей темѣ.

Осуществленіе упущенной русской буржуазіей задачи національнаго освобожденія взяли на себя русскіе соціалисты; открыто они заявили объ этомъ со времени образованія партіи Народной Воли. Сознаніе этого важнаго факта и вызвало извѣстныя слова Желябова о томъ, что русская революція (ясно, что здѣсь имѣется въ виду *политическій* переворотъ) будетъ не только торжествомъ крестьянства или рабочаго народа, а возрожденіемъ всего русскаго народа (т. е. націи) вообще. Этимъ русскіе соціалисты положили первый камень для того, чтобы, взявши на себя осуществленіе общенаціональной исторической задачи, превратить соціалистическую партію въ партію *національную*, носительницу національнаго идеала. Здравое пониманіе классовыхъ задачъ русскаго пролетаріата не только не расходится съ подобнымъ мнѣніемъ, но находится съ нимъ въ полной гармоніи. Русскій пролетаріатъ, по дорогѣ къ своему конечному,

---

*) Мимоходомъ: не пора-ли русскимъ „марксистамъ" оставить это огульное противоставленіе „Запада" Россіи? Вѣдь этотъ миѳическій „Западъ" представляетъ столь многообразные этапы и типы развитія, что о „Западной Европѣ", какъ о какомъ то цѣломъ и самомъ себѣ равномъ нельзя серьезно говорить.

**) Крупная торговая и промышленная буржуазія, какъ классъ, всюду или послѣдняя приставала къ либеральному движенію или даже оставалась ему враждебной; ея дѣло дѣлали идеологи изъ „либеральныхъ профессій" или разночинской интеллигенціи.

***) И все-таки любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что большинство нашихъ органовъ печати либеральны и демократичны, а явно-реакціонныя „рептиліи" влачатъ обыкновенно жалкое существованіе и поддерживаются правительственными субсидіями (ср. продажу съ молотка „Русскаго Вѣстника" и „Русскаго Обозрѣнія").

соціально-политическому освобожденію, долженъ освободить всю Россію отъ политическаго абсолютизма; раньше чѣмъ освободить себя отъ гнета капитализма, онъ долженъ расчистить дорогу для полнаго развитія этого капитализма и освободить растущее капиталистическое общество отъ гнета историческихъ традицій и препятствій. Для того, чтобы освободить самаго себя и всю трудящуюся массу отъ господства русской буржуазіи, онъ долженъ предварительно освободить эту буржуазію (и самаго себя) отъ власти всероссійскаго самодержца. Для людей, правильно понимающихъ условія существованія и развитія русскаго рабочаго класса, этотъ пунктъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Но для того, чтобы удержаться на высотѣ задачи, чтобы не отвернуться отъ выгоднаго предложенія, которое ей дѣлаетъ исторія, и обнаружить передъ лицомъ всего русскаго общества свою способность сыграть представляющуюся ей національную роль, русская соціаль-демократія должна *ясно*, рѣшительно и открыто показать, что она понимаетъ специфическія условія своего положенія, что она знаетъ свои неотложныя и насущныя задачи и рѣшается работать въ направленіи къ ихъ осуществленію. Въ настоящее время практическая работа въ этомъ направленіи предполагаетъ организацію пролетаріата и всестороннюю агитацію среди рабочей массы, развитіе въ ней политическаго сознанія и подготовленіе ея къ предстоящему политическому перевороту.*) Нужно, поэтому, всѣми своими дѣйствіями показать демократически-настроенной части общества, что спеціально-классовыя задачи пролетаріата не только не исключаютъ, но, наоборотъ, включаютъ въ себя и предполагаютъ въ видѣ предварительнаго условія разрѣшеніе самаго наболѣвшаго вопроса русской политической жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить этимъ демократическимъ элементамъ, что соціаль-демократы сознали насущность этой политической задачи и своей дѣятельностью не только не набрасываютъ на нее флера, а *вѣрнѣйшимъ путемъ* стремятся къ ея практическому разрѣшенію. Этимъ, какъ уже не разъ было замѣчено, мы обзпечимъ себѣ сочувствіе и содѣйствіе русской демократіи, значительная часть которой, разъ вовлеченная въ сферу нашей дѣятельности и въ кругъ нашихъ идей, можетъ перейти окончательно въ наши ряды.

Кромѣ того, агитація на почвѣ борьбы съ самодержавіемъ и съ поддерживаемымъ неограниченной монархіей сословнымъ строемъ можетъ послужить въ рукахъ соціаль-демократической партіи могучимъ орудіемъ для привлеченія къ ней симпатій болѣе широкихъ слоевъ крестьянства. Въ нашемъ полицейско-бюрократическомъ государствѣ крестьянство (и главнымъ образомъ, его средніе и низшіе слои) является сословіемъ, больше всѣхъ другихъ чувствующихъ на своей спинѣ всѣ прелести абсолютнаго режима. Я не говорю, что среди крестьянъ невозможно вести также широкую агитацію на почвѣ ихъ экономическихъ нуждъ, аграрныхъ и другихъ интересовъ, но это уже вопросъ другого рода. Для такой постановки дѣла требуется выработка специфической тактики и затрата спеціальныхъ силъ. А удачной постановкой политическаго вопроса, возможно болѣе широкой оглаской въ крестьянской средѣ политической борьбы, которую ведетъ съ царизмомъ рабочая партія, соціаль-демократія, даже и не предпринимая особаго плана деревенской кампаніи и дѣйствуя только

*) Здѣсь я не касаюсь практическихъ средствъ политической *борьбы* русской соціальной демократіи, оставляя за собой право вернуться къ разсмотрѣнію значенія манифестацій и т. п. въ связи съ вопросомъ объ инсуррекціи (послѣднее обыкновенно упускаютъ изъ виду возражающіе противъ манифестацій народовольцы).

черезъ связанныхъ съ деревней отхожихъ рабочихъ, можетъ сдѣлать свое имя и свои цѣли популярными среди земледѣльческаго и сельскаго населенія.

Поэтому, было бы неблагоразумно, болѣе того, преступно упускать этотъ благопріятный для интересовъ соціаль-демократіи и пролетаріата историческій моментъ. Если русская буржуазія до сихъ поръ оказывалась глухой къ властному зову исторической необходимости, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы подобная ея нечувствительность продолжалась вѣчно. Какой нибудь кризисъ въ экономической или политической области, какая-нибудь непредвидѣнная катастрофа, которая существеннѣе задѣнетъ непосредственные интересы буржуазныхъ классовъ, чѣмъ голодъ 1891—92 годовъ — и мы можемъ очутиться лицомъ къ лицу съ политической партіей, которая *въ буржуазныхъ рамкахъ* поставитъ на очередь вопросъ о политической реформѣ или даже революціи въ Россіи. Либерально-демократическое мѣщанство можетъ пробудиться отъ своей долгой спячки и выкинуть знакъ политическихъ перемѣнъ. И тогда мы теряемъ (и по своей винѣ) самый удобный случай, какой исторія когда-нибудь представляла соціалистической партіи, стать во главѣ обще-оппозиціоннаго, національнаго движенія, имѣющаго цѣлью проложить непроходимую грань между прошлымъ и будущимъ страны.

Итакъ, какіе же практическіе выводы вытекаютъ для соціаль-демократической партіи изъ предыдущаго анализа основного пункта нашей политической программы-минимумъ? Согласіе по этому вопросу можетъ и должно послужить для русской соціаль-демократіи залогомъ и исходнымъ пунктомъ для ея объединенія, сліянія и дружнаго совмѣстнаго дѣйствія тѣхъ элементовъ, которые въ естественномъ ходѣ развитія партіи временно разошлись въ разныя стороны. Этотъ расколъ, который принесъ много вреда, но еще больше пользы, потому что повелъ къ выясненію и точному опредѣленію основнаго пункта политической программы, этотъ расколъ, по нашему глубокому убѣжденію, знаменуетъ только нормальный кризисъ, являющійся спутникомъ здороваго органическаго роста.

„Непримиримые элементы разошлись", писалъ Энгельсъ по поводу разрыва между поссибилистами и гэдистами. „И это хорошо... Повидимому, всякая рабочая партія великой страны можетъ развиваться не иначе, какъ путемъ внутренней борьбы.... Германская партія сдѣлалась тѣмъ, что она есть, благодаря борьбѣ эйзенахцевъ съ лассальянцами, гдѣ даже личные раздоры играли важную роль..." Постольку, конечно, поскольку разрывъ, будучи все же обязанъ своимъ существованіемъ принципіальнымъ разногласіямъ, породилъ принципіальную полемику по спорнымъ вопросамъ и велъ такимъ образомъ къ ихъ разъясненію, закладывая этимъ самымъ реальныя основанія для прочнаго и плодотворнаго объединенія. Доказывать практическую необходимость послѣдняго для русскихъ соціаль-демократовъ мы здѣсь не станемъ, какъ потому, что это не входитъ въ планъ настоящей статьи, такъ еще болѣе потому, что она сдѣлалась трюизмомъ послѣ февральско-мартовскихъ событій, своего рода „политическимъ предразсудкомъ". Какіе же основные принципы должна признать наша партія?

Русскіе соціаль-демократы не должны быть застигнуты врасплохъ предстоящимъ политическимъ кризисомъ; крѣпкіе своимъ сознаніемъ и единствомъ, они должны встрѣтить врага лицомъ къ лицу, очутиться въ надлежащій моментъ во главѣ сильныхъ и сплоченныхъ рабочихъ батальоновъ и, чувствуя за собой поддержку всѣхъ демократическихъ элементовъ страны, дать абсолютизму рѣшительную битву.

Но для того, чтобы русская соціаль-демократія успѣла удачно сыграть свою историческую роль, для того чтобы она съумѣла использовать всѣ выгодные шансы, когда неотвратимый ходъ событій . . . сведетъ наконецъ лицомъ къ лицу старую и новую Русь для послѣдней и рѣшительной схватки, она должна въ этотъ торжественный историческій моментъ оказаться объединенной и организованной партіей съ готовой политической программой, партіей, знающей, что̀ нужно дѣлать, и готовой это сдѣлать.

Предшествовавшая исторія русскаго революціоннаго движенія завѣщала намъ драгоцѣнное наслѣдство, отъ котораго мы въ интересахъ нашего пролетаріата не вправѣ ни на минуту отказаться. Она поставила русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ во главѣ обще-оппозиціоннаго и освободительнаго движенія въ Россіи, и нѣтъ той силы на землѣ, которая заставила бы насъ забыть объ этомъ положеніи, столь трудномъ и отвѣтственномъ, но въ то же время столь прекрасномъ и выгодномъ для соціалистическаго дѣла. Съ момента организаціи „Исполнительнаго Комитета“ партіи Народной Воли и вплоть до нашихъ дней событія русской жизни съ неопровержимой убѣдительностью доказывали, что въ Россіи одни соціалисты могутъ и хотятъ вести активную борьбу съ самыми основами царящаго у насъ политическаго строя, что они и только они одни не остановятся передъ самыми крайними мѣрами, чтобы снять съ родной страны мертвящее иго царскаго самовластья и завоевать для нея свободныя политическія формы, основное условіе дальнѣйшаго культурнаго роста и серьезнаго развитія рабочаго движенія.

Соціаль-демократія, естественная преемница Народной Воли, берущая на себя, какъ объ этомъ прямо заявляетъ Манифестъ нашей Партіи, продолженіе начатой нашими предшественниками борьбы и осуществленіе поставленной ими задачи, не только хочетъ добиться низверженія самодержавія; она *(одна)* обладаетъ достаточными для этого силами, потому что за нею стоятъ грозные батальоны рабочаго класса, о могучую грудь котораго безсильно разобьются мутныя волны политической реакціи.

Главенство соціаль-демократовъ въ освободительной борьбѣ русскаго народа противъ деспотизма обезпечено за нашей Партіей какъ по условіямъ историческаго прошлаго, такъ и по фактическому размѣру тѣхъ силъ, которыми она сможетъ располагать въ рѣшительный моментъ, когда придется взять корабль абсолютизма на абордажъ. Таковы выгодныя условія, созданныя намъ реальнымъ положеніемъ вещей въ Россіи, но это же положеніе возлагаетъ на нашу партію громадную отвѣтственность передъ страной и передъ собою и обязываетъ ее напречь всѣ силы для разрѣшенія самаго насущнаго вопроса нашей политической жизни, т. е. вопроса о низверженіи самодержавія и завоеваніи демократической конституціи.

А для того, чтобы оказаться на высотѣ положенія и не упустить удобнѣйшаго случая стать во главѣ **обще-національнаго** дѣла и тѣмъ самымъ принести своей партіи громадную пользу въ будущемъ, русская соціаль-демократія должна немедленно объединиться и приступить, во первыхъ, къ выработкѣ опредѣленной программы, а во вторыхъ, начертать основы тактики, которыя должны руководить дѣятельностью объединенной партіи въ ея стремленіи кратчайшимъ путемъ и при наименьшей затратѣ усилій добиться осуществленія этой программы. Когда наша партія объединится, тогда всѣ друзья русской свободы увидятъ въ ней серьезную силу, которая можетъ вести борьбу съ русскимъ самодержавіемъ; тогда она будетъ единственно серьезной оппозиціонной силой. Тогда, наконецъ, создастся естественный центръ, вокругъ котораго смогутъ сплотиться и

объединиться всѣ другія соц.-рев. фракціи, поскольку таковыя существуютъ въ наличности. При такомъ условіи, т. е. при центральной и основной роли соціаль-демократическихъ элементовъ, наше движеніе будетъ застраховано отъ возможныхъ односторонностей и уклоненій.... А если наша партія къ тому же выставитъ опредѣленную программу, доказывающую, что она понимаетъ сущность тѣхъ специфическихъ условій, при которыхъ ей приходится выступить на историческую сцену, если она опредѣленно признаетъ, что ближайшая ея политическая задача сводится къ борьбѣ съ абсолютизмомъ вплоть до окончательнаго его уничтоженія, тогда всѣ искреннѣе русскіе демократы не смогутъ не постучаться въ двери русской соціаль-демократіи. А для искреннихъ демократовъ и соціалистовъ эти двери всегда будутъ широко открыты.

Не рискуя породить недоразумѣнія, мы скажемъ прямо, что національная задача политическаго освобожденія Россіи для насъ есть нѣчто болѣе широкое, чѣмъ простая производная частныхъ экономическихъ требованій рабочаго класса. Эта задача, навязываемая русскимъ соц.-революціонерамъ всѣмъ ходомъ русской исторіи, перенята ими отъ русскихъ демократовъ, которые (какъ напримѣръ декабристы) поставили ее уже тогда, когда о русскомъ соціализмѣ не могло быть и рѣчи. Въ свою очередь соціаль-демократы переняли эту задачу отъ своихъ предшественниковъ, которые не только ее поставили, но и энергично боролись за ея осуществленіе. Тотъ фактъ, что частичныя требованія русскаго пролетаріата, его борьба противъ рѣзкихъ формъ капиталистической эксплуатаціи, ведутъ къ политической борьбѣ рабочаго класса противъ самодержавія, является только новой иллюстраціей къ той истинѣ, что въ силу своихъ собственныхъ интересовъ *пролетаріатъ всюду и всегда является передовымъ застрѣльщикомъ свободы, передовымъ борцомъ противъ всѣхъ видовъ деспотизма и угнетенія человѣка человѣкомъ.* Удовлетвореніе классовыхъ интересовъ пролетаріата включаетъ въ себя рѣшеніе всѣхъ частныхъ вопросовъ объ освобожденіи человѣческой личности отъ всѣхъ видовъ гнета. И благо пролетаріату, если его частные интересы совпадаютъ съ интересами общечеловѣческими, потому что это ставитъ его во главѣ всемірнаго освободительнаго движенія и вызываетъ безпрерывный притокъ въ армію борющагося пролетаріата всѣхъ истинныхъ друзей свободы, братства и равенства.

Такова же историческая роль и русскаго пролетаріата. Историческій носитель идеи соціализма, онъ живо заинтересованъ въ скорѣйшемъ превращеніи самодержавной Россіи въ демократически-свободную страну; только при такомъ условіи становится возможнымъ серьезное подготовленіе рабочаго класса къ осуществленію его исторической миссіи. Къ тому же выводу о необходимости низверженія самодержавія ведетъ его здравое пониманіе своихъ непосредственныхъ экономическихъ и гражданскихъ интересовъ. Поэтому мы, русскіе соціаль-демократы, можемъ съ увѣренностью смотрѣть въ будущее: каждый шагъ впередъ русской жизни, каждый новый день русской исторіи увеличиваютъ и укрѣпляютъ тотъ классъ, который по условіямъ нашего соціальнаго развитія можетъ и долженъ стоять въ центрѣ русской освободительной борьбы.

Это должна понять и открыто высказать русская соціаль-демократія. Она должна выкинуть *ярко-политическій флагъ*. Подъ это знамя будутъ сбѣгаться разсѣянные отряды соціаль-демократической арміи, какъ солдаты сбѣгаются къ своему знамени на полѣ битвы. И чѣмъ торжественнѣе будетъ оно развѣваться надъ нашей партіей, тѣмъ вѣроятнѣе, что она не на словахъ, а фактически сдѣлается естественнымъ средоточіемъ, вокругъ котораго будутъ собираться разбросанные партизаны и вольные стрѣлки демократической свободы. Наша партія привлечетъ къ себѣ всѣ дѣльные

и активные элементы русской демократіи, по тѣмъ или инымъ причинамъ остававшіеся до сихъ поръ внѣ нашихъ рядовъ. И они принесутъ нашей партіи тѣ знанія и таланты, въ которыхъ такъ нуждается наше молодое, неокрѣпшее движеніе. Сильные численностью и сознательностью, мы построимъ наши ряды и поведемъ ихъ въ аттаку на твердыню деспотизма. Нужды нѣтъ, что насъ ждутъ, быть можетъ, на этомъ пути временныя пораженія и неудачи. Возстанутъ павшіе борцы и снова сомкнутся въ боевые ряды вокругъ краснаго знамени; и снова поведемъ мы ихъ на приступъ и не прекратимъ его до тѣхъ поръ, пока не взойдетъ, наконецъ, надъ нашей родиной солнце свободы, а „ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ“.

Ю. Невзоровъ.

Всегда въ меньшинствѣ.

О современныхъ задачахъ русской соціалистической интеллигенціи.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ буржуазномъ обществѣ интеллигенція представляетъ особый соціальный слой со своими групповыми интересами, которые сплошь и рядомъ приходятъ въ столкновеніе съ преходящими интересами правящихъ классовъ буржуазнаго общества въ тотъ или иной историческій моментъ, но которые въ то же время связаны съ интересами этихъ правящихъ классовъ одинаковостью положительнаго отношенія къ той формѣ общественнаго раздѣленія труда, которой характеризируется основанное на классовомъ расчлененіи общество. Въ общемъ и цѣломъ интеллигенція, какъ соціальный слой, обнимающій совокупность представителей такъ называемаго умственнаго труда, самыми тѣсными узами связана съ интересами прогрессивнаго развитія буржуазнаго общества, съ интересами сохраненія его внутренняго порядка и устойчивости. Поэтому, обыкновенно интеллигенція буржуазнаго общества въ своей массѣ стоитъ на сторонѣ тѣхъ политическихъ партій, которыя наиболѣе энергично отстаиваютъ всестороннее послѣдовательное развитіе буржуазнаго общества. Совпадая постольку съ интересами пролетаріата, интересы буржуазной интеллигенціи расходятся съ его интересами въ вопросѣ объ отношеніи къ самому существованію классового строя общества и къ направленной на его уничтоженіе классовой борьбѣ.

Но ходъ развитія капитализма создаетъ такія условія, при которыхъ цѣлостное отношеніе къ классовому строю общества невозможно въ одинаковой мѣрѣ для различныхъ слоевъ интеллигенціи. Создаются объективныя условія, вырывающія глубокую пропасть между извѣстной частью интеллигенціи и правящими и имущими классами и подготовляющія почву для соціальнаго сближенія этой части интеллигенціи съ классами неимущими. Въ каждомъ конкретномъ случаѣ эти условія могутъ создаваться комбинаціей разнаго рода общественныхъ факторовъ. Въ одномъ случаѣ двужущей силой можетъ явиться созданное гипертрофіей капиталистическаго развитія „перепроизводство интеллигенціи“, фатально выталкивающее часть ея изъ рядовъ буржуазнаго общества и при-

ближающее въ соціальномъ отношеніи къ пролетаріату. Въ другихъ случаяхъ такой движущей силой можетъ быть „соціальная некультурность“ страны, обусловленная совмѣщеніемъ въ данномъ обществѣ элементовъ высоко развитаго экономически капитализма съ пережитками докапиталистической эпохи, создающимъ вокругъ прогрессующаго капитализма своего рода „идейную пустыню“ и задерживающимъ ростъ политическаго и культурнаго прогресса. И въ этихъ случаяхъ интеллигенція, лишаясь возможности цѣликомъ войти въ число полноправныхъ членовъ буржуазнаго общества, выдѣляетъ изъ своей среды цѣлыя группы, которыя экономически и соціально становятся близки неимущимъ классамъ.

Такъ или иначе, но создаются условія, благодаря которымъ извѣстная часть интеллигенціи становится „отщепенцемъ“ буржуазнаго общества. У насъ въ Россіи съ первыхъ шаговъ пореформеннаго развитія извѣстная часть интеллигенціи играетъ роль этого „отщепенца“. И въ силу своего положенія отщепенца это часть интеллигенціи тяготѣетъ къ соціалистическому отрицанію буржуазнаго общества. И если мы говоримъ тутъ о „части интеллигенціи“, то вовсе не имѣемъ въ виду однихъ идеологовъ этого слоя, однихъ только активныхъ борцовъ за „соціально-революціонныя“ программы, однихъ только писателей и мучениковъ политической борьбы. Нѣтъ! за каждымъ такимъ борцомъ съ рѣзко опредѣлившимися идеалами стоитъ рядъ пассивныхъ его „сочувственниковъ“ съ туманными, но въ ту же сторону направленными симпатіями; за каждымъ писателемъ стоитъ сонмъ читателей, воспитываемыхъ его писаніями, но и воспитывающихъ его самого вліяніемъ своей среды; за каждымъ мученикомъ политической борьбы стоитъ болѣе или менѣе густой слой неравнодушныхъ, хотя и молчаливыхъ подчасъ зрителей, соціальную психологію которыхъ въ болѣе или менѣе индивидуализированной формѣ отражаетъ его политическая мысль. Однимъ словомъ, не интеллигенцію, какъ совокупность идеологовъ, имѣемъ мы въ виду, но интеллигенцію, какъ совокупность представителей „умственнаго“ труда; какъ категорію соціально-экономическую, не какъ категорію соціально-психологическую.

Въ силу господствующей въ современномъ обществѣ формы раздѣленія труда интеллигенція является поставщикомъ par excellence идеологовъ писателей и политическихъ вождей большинства общественныхъ партій, соотвѣтственно (не говоримъ объ исключеніяхъ) соціальному сродству той или другой ея части съ тѣмъ или другимъ „производительнымъ“ классомъ. Тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе вопросъ о томъ, какого рода вліянія приноситъ съ собой тотъ интеллигентный слой, который въ данный историческій моментъ проявляетъ тенденцію соединиться съ тѣмъ или другимъ производительнымъ классомъ.

Обращаясь къ широкому слою той соціалистически-настроенной интеллигенціи, которая въ настоящее время составляетъ одну изъ главныхъ враждебныхъ современности общественныхъ силъ, я хочу показать, какія задачи она должна себѣ поставить въ настоящее время для того, чтобы выполнить свой политическій долгъ передъ тѣмъ общественнымъ классомъ, къ движенію котораго она стремится примкнуть. И если я мѣстами противополагаю классовые интересы пролетаріата соціальнымъ интересамъ интеллигенціи, какъ *опредѣленной составной части буржуазнаго общества*, которая, какъ таковая, инстинктивно стремится отстоять свое соціальное положеніе въ лагерѣ привиллегированныхъ, то я тѣмъ самымъ подразумѣваю, что та часть интеллигенціи, которая отщепилась отъ буржуазнаго общества, свои частные интересы интеллектуальнаго работника стремится слить съ общими соціальными интересами пролетаріата. — Надо ли прибавлять, что констатируемая здѣсь противоположность (или несовпаденіе) основныхъ интересовъ пролетаріата и буржуазной (не соціалистической) интеллигенціи простирается только на область соціальныхъ вопросовъ, основныхъ вопросовъ соціальной борьбы нашего времени и — eo ipso — вопросовъ соціальнаго міровоззрѣнія. Въ области политическихъ злобъ дня интересы пролетаріата и буржуазной интеллигенціи — какъ и всѣхъ нереакціонныхъ слоевъ имущихъ и привиллегированныхъ классовъ — въ настоящее время и на достаточно долгій періодъ будущаго совпадаютъ во многихъ пунктахъ, поскольку общность тяготѣющаго надъ всѣми нами самодержавнаго ига сковываетъ насъ всѣхъ крѣпкими узами солидарности порабощенныхъ противъ поработителей.

И если въ дальнѣйшемъ изложеніи неоднократно подчеркивается необходимость для соціалистической интеллигенціи отдѣлиться, отмежеваться отъ либерально-буржуазнаго общества, то авторъ имѣетъ въ виду размежеваніе въ сферѣ соціально-политическихъ *идей*. Но это не значитъ, чтобы онъ рекомендовалъ политическую изоляцію соціалистовъ отъ либеральнаго общества. Такая изоляція — въ виду отмѣченной выше извѣстной общности ближайшихъ политическихъ задачъ — была бы вредна для общаго дѣла борьбы съ абсолютизма. А если такъ, то и индифферентное отношеніе къ ходу развитія всякаго рода оппозиціонныхъ теченій въ этомъ обществѣ было бы со стороны соціалистовъ великой политической ошибкой. Чѣмъ сильнѣе, чѣмъ радикальнѣе, чѣмъ принципіально устойчивѣе сложится либеральная оппозиція въ нашемъ буржуазномъ обществѣ, тѣмъ выгоднѣе для дѣла политической свободы, а, слѣдовательно, и для дѣла соціализма. И если мы — въ виду спеціальныхъ классовыхъ интересовъ пролетаріата — настаиваемъ на *идейной* борьбѣ со всѣми идущими „сверху“ либеральными вліяніями на револю-

ціонную среду, то дѣлаемъ это въ непоколебимой увѣренности, что для успѣха дѣла политическаго освобожденія сильная, революціонная и принципіально-устойчивая соціалистическая партія еще болѣе необходимое условіе, чѣмъ сильная, радикальная и устойчивая оппозиціонная партія въ „обществѣ“.

Идейная борьба — разъ она ведется вполнѣ сознательно и открыто — не страшна для того (хотя бы и не формальнаго) союза всѣхъ недовольныхъ существующимъ строемъ общественныхъ элементовъ, который является conditio sine qua non для торжества дѣла свободы. Наоборотъ, эта идейная борьба должна привести къ выживанію въ каждомъ лагерѣ элементовъ наиболѣе политически-приспособленныхъ къ данной исторической обстановкѣ, властно требующей комбинированія силъ революціонныхъ и просто оппозиціонныхъ элементовъ для достиженія наибольшаго эффекта въ борьбѣ съ самодержавіемъ. А это значитъ, между прочимъ, что взоръ тѣхъ, кто удрученъ картиной повальнаго безлюдья въ либеральномъ лагерѣ, можетъ съ надеждой обратиться къ образу *будущихъ* мужей, которые вдохнутъ въ русскій либерализмъ новую жизнь и явятъ намъ величавыя фигуры собственныхъ Іоганновъ Якоби и Лафайетовъ тамъ, гдѣ мы до сихъ поръ съ сокрушеніемъ видѣли однихъ только рыцарей „мирнаго культурнаго развитія“.

I.

1896 годъ былъ по истинѣ весной въ жизни русской соціаль-демократіи. Къ этому времени она начала превращаться изъ небольшой, всѣми игнорируемой секты въ политическую партію. Къ этому времени ею были одержаны главныя теоретическія побѣды надъ многочисленными ея противниками, къ этому времени она успѣла отнять у „общества“ достаточное количество революціонныхъ элементовъ, чтобы направить ихъ въ пролетаріатъ. Эти первые піонеры соціаль-демократической практики успѣли уже пустить корни въ массахъ пролетаріата и первый подъемъ стихійнаго стачечнаго движенія вынесъ ихъ на себѣ, привлекъ къ ихъ работѣ общественное вниманіе и сдѣлалъ ихъ центромъ общественныхъ симпатій всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Но для того, чтобы общество оказалось способнымъ къ воспріятію полученнаго политическаго урока, требовалась предварительная расчистка пути, требовалась долгая борьба со въѣвшимися въ сознаніе либерально-демократической части общества соціально-политическими предразсудками. Эту громадную работу совершила теоретическая критика.

Расшатанное ударами критики традиціонное соціально-политическое міровоззрѣніе быстро стала поддаваться ударамъ жизни. Вмѣстѣ съ ростомъ симпатій къ борющемуся пролетаріату, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ вѣры въ его освобо-

дительную миссію, сознаніе „интеллигенціи“ становилось доступнымъ усвоенію соціаль-демократическихъ теорій во всемъ ихъ объемѣ; марксизмъ, еще недавно мало кому извѣстный и всѣмъ почти чуждый, сталъ модной теоріей.

Никогда еще пролетаріатъ не выступалъ на историческую сцену при болѣе благопріятныхъ симптомахъ. Прежде чѣмъ онъ еще самъ успѣлъ созрѣть исторически, онъ подчинялъ своему идейному вліянію широкіе круги демократіи; его классовая идеологія занимала первое мѣсто по вліянію на активно-оппозиціонные существующему строю элементы. Тщетно бились въ тискахъ пролетарской идеологіи неофиты марксизма, старавшіеся сохранить въ своемъ новомъ положеніи частицу стараго буржуазнаго міровоззрѣнія, тщетно боролись они за право „оплодотворенія“ новой идеологіи нѣкоторыми послѣдними выводами „чистой“, внѣ классовъ стоящей науки. Мощный потокъ классового движенія выбивалъ ихъ изъ межеумочныхъ позицій,*) властно стиралъ съ ихъ духовной физіономіи черты связи съ буржуазнымъ обществомъ и порабощалъ ихъ „критическую“ мысль теоріи революціоннаго пролетаріата. Марксистская литература могущественно воздѣйствовала на радикальную интеллигенцію и значительно расширяла въ ней кругъ лицъ, склонныхъ къ активной или пассивной поддержкѣ рабочаго движенія. Все говорило, повидимому, за то, что русскому пролетаріату суждено въ скоромъ времени сгруппировать вокругъ себя всѣ оппозиціонные элементы и во главѣ ихъ пойти на штурмъ непріятельской крѣпости. . .

Прошло пять лѣтъ, и положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. Если движеніе рабочихъ массъ за этотъ періодъ значительно окрѣпло и расширилось, то соціаль-демократія утратила многое изъ того, чѣмъ она уже, повидимому, владѣла.

Послѣ періода постояннаго роста вліянія революціоннаго марксизма на интеллигенцію наступилъ періодъ постепеннаго ослабленія этого вліянія. Если въ 1896 г. къ соціаль-демократіи стало переходить большинство соціально-революціонныхъ элементовъ, покидая старыя программы, то въ наши дни замѣчается возрожденіе и оживленіе этихъ немарксистскихъ фракцій. Если еще нѣсколько лѣтъ назадъ въ легальной литературѣ самая яростная полемика враговъ марксизма обнаруживала только полную безнадежность старыхъ теченій, то теперь мы слышимъ торжествующіе голоса вновь оживших представителей самобытныхъ русскихъ направленій, вѣрующихъ въ наступленіе конца ненавистнаго марксизма. Если недавно все, что стремилось впередъ въ

---

*) См. эволюцію г-на П. Струве отъ его „Критическихъ Замѣтокъ“ черезъ статьи его въ сборникѣ 1895 года и въ Русск. Мысли 1896 года къ его дѣятельности въ „Нов. Словѣ“.

интеллигенціи, старалось примоститься къ соціаль-демократіи и сознательно или безсознательно усваивало тѣ или иные элементы марксизма, то теперь сплошь и рядомъ даже люди революціонно-настроенные, стремятся такъ или иначе отгородиться отъ поставленной подъ подозрѣніе „ортодоксіи“ и въ той или другой пропорціи отдать данъ модной буржуазной „критикѣ“.

И если пять лѣтъ назадъ марксизмъ въ борьбѣ со всѣми другими разрозненными и обезкураженными фракціями интеллигенціи представлялъ сплоченную, объединенную общностью принциповъ, чувствующую подъ ногами твердую почву и одушевленную убѣжденіемъ революціонную силу, то нынѣ онъ представляется пестрымъ конгломератомъ нестройно выступающихъ идеологическихъ группокъ, часто взаимно враждебныхъ, оставляющихъ безъ отпора удары извнѣ и частью разъѣденныхъ рефлексіей, деморализованныхъ утратой вѣры въ ту теорію, подъ знаменемъ которой онъ одержалъ свои побѣды.

Не только соціаль-демократія утратила значительную долю своего вліянія на массу демократической интеллигенціи, стоящей внѣ ея, но и въ предѣлахъ ея самой явственно замѣчается отступленіе передъ натискомъ противника-идеологическаго радикализма.

Такъ называемая „критика“ марксизма не только овладѣла думами и чувствами той широкой среды, которая ранѣе плелась за революціонно борющейся соціаль-демократіей, но она оказала роковое вліяніе и на послѣднюю, которая пассивнымъ ли отношеніемъ къ ударамъ, направляемымъ на ея символъ вѣры, активнымъ ли заимствованіемъ того или другого положенія „критики“, тамъ и самъ капитулируетъ передъ противникомъ.

Этотъ новый противникъ — взбунтовавшаяся противъ пролетарской идеологіи радикальная интеллигенція — начинаетъ брать реваншъ и, внося смуту и шатаніе мысли въ молодое движеніе, стремится поработить себѣ ту силу, которая такъ недавно еще царила надъ ней самой.

Мы постараемся прослѣдить процессъ развитія нашихъ политическихъ направленій за послѣднее десятилѣтіе и уяснивъ историческое значеніе совершившейся идейной эволюціи, опредѣлить тѣ задачи, которыя возникаютъ отсюда для соціалистической интеллигенціи, безповоротно ставшей на классовую точку зрѣнія пролетаріата.

II.

Возникновеніе русской соціаль-демократіи явилось естественнымъ заключеніемъ процесса развитія революціонной мысли. Сознательно порвавшая со всѣми интересами буржуазнаго общества, русская революціонная интеллигенція

послѣ цѣлаго рода самоотрицаній стала, наконецъ, на реальную почву, когда пріурочила свои революціонныя соціалистическія стремленія къ понятому процессу развитія соціальныхъ отношеній и вызываемой ими борьбѣ классовыхъ интересовъ. Синтезировавъ въ своемъ сознаніи два основныхъ элемента прежней революціонной идеологіи — борьбу за соціальную эманципацію, выдвинутую революціоннымъ народничествомъ, и борьбу за политическое освобожденіе, составившую центръ тяжести программы народовольчества, русская революціонная мысль въ лицѣ соціаль-демократіи окончательно порвала въ принципѣ со всякой зависимостью отъ идеологіи буржуазной интеллигенціи, поскольку и свои соціальныя и подчиненныя имъ политическія требованія поставила въ связь съ интересами класса, объективно противостоящаго всему буржуазному обществу, — пролетаріата. Тѣмъ самымъ піонеры русской соціаль-демократіи становились въ положеніе отщепенцевъ радикально-либеральной интеллигенціи, тѣмъ самымъ кругъ ихъ вліянія — при самомъ развитіи пролетаріата и отсутствіи въ немъ организованныхъ силъ — долженъ былъ оставаться весьма узкимъ. Должно было пройти цѣлое десятилѣтіе ломки всѣхъ общественныхъ отношеній, чтобы соціаль-демократія могла развернуться въ политическую силу. За этотъ періодъ времени политическая мысль русской радикальной интеллигенціи испытывала медленный процессъ измѣненій. Радикальная интеллигенція страдала отъ неразрѣшимаго противорѣчія между унаслѣдованной идеологіей и запросами жизни, требованіями, предъявлявшимися собственными ея соціальными интересами. Экономическіе, культурные и политическіе интересы интеллигенціи требовали коренной ломки патріархальныхъ соціальныхъ отношеній, устраненія всѣхъ пережитковъ крѣпостного права въ гражданскихъ отношеніяхъ, требовали распространенія европейской культуры, активной борьбы съ сословно бюрократическимъ государствомъ. Факторомъ, совершавшимъ разрушительную работу ломки старыхъ отношеній и подготовлявшимъ почву для расцвѣта новыхъ, былъ капитализмъ. Раскалывая неподвижныя массы на взаимно враждебные классы, усиливая темпъ всей общественной жизни, обостряя борьбу за существованіе и тѣмъ самымъ усложняя потребности личности, сосредоточивая общественную жизнь въ городахъ и развивая формы общественности, ускользающія отъ властной опеки бюрократическаго государства, ростъ капитализма сулилъ буржуазной интеллигенціи увеличеніе ея численности, ростъ ея вліянія, повышеніе ея соціальнаго положенія, удовлетвореніе ея культурныхъ запросовъ, созданіе благопріятныхъ условій для борьбы за ея политическіе интересы. А между тѣмъ вся наиболѣе активная и способная къ политической борьбѣ часть демократической интеллигенціи находилась въ плѣну у традиціонной идеологіи,

мѣшавшей уяснить связь соціальныхъ отношеній, понять прогрессивное значеніе развитія капитализма и связать интересы политической свободы съ наростающей борьбой классовъ. Здѣсь не мѣсто останавливаться на вопросѣ о причинахъ, вызывавшихъ тяготѣніе русской демократической интеллигенціи къ идеологіямъ народническаго типа и о тѣхъ факторахъ, которые обусловили ихъ живучестъ. Ограничимся констатированіемъ факта. Народническіе предразсудки становились для русской демократической интеллигенціи тормазомъ въ дѣлѣ борьбы за политическую свободу, за ея собственные интересы. Несоотвѣтствіе міровоззрѣнія демократической интеллигенціи съ ея собственными соціальными интересами, связанными съ интересами общественнаго развитія, проявилось въ ея безсиліи и безволіи въ теченіи всѣхъ 80-хъ гг. и смутно чувствовалось по мѣрѣ того, какъ рушились всѣ иллюзіи относительно чудотворныхъ свойствъ самобытныхъ устоевъ русской жизни. Но доза соціалистическаго скептицизма ко всякимъ буржуазно-либеральнымъ политическимъ программамъ, которая была привита интеллигенціи революціоннымъ народничествомъ 70-хъ гг., не позволяла ей перешагнуть отъ народнической программы непосредственно къ программѣ „чистаго“ политическаго радикализма, а, полное банкротство этого радикализма на Западѣ окончательно дискредитировало его въ сознаніи политически мыслящей ея части.

На эту то подготовленную почву пала пропаганда марксизма при первыхъ проблескахъ новаго общественнаго возбужденія, вызваннаго событіями 91—92 г. Марксистская критика народническихъ утопій несла извѣрившейся радикальной интеллигенціи вѣру въ реалистическій характеръ ея политическихъ вожделѣній, она исцѣляла ее отъ деморализующаго скептицизма къ прогрессивнымъ явленіямъ общественной жизни, расшатывавшимъ тѣ традиціонные устои народнаго быта, внѣ которыхъ народническая мысль не представляла себѣ возможности охраненія интересовъ трудящейся массы. Марксизмъ освободилъ сознаніе передовой русской интеллигенціи отъ завѣщанной народническимъ утопизмомъ боязни соціальнаго прогресса, онъ позволилъ ей работать на его основѣ, не связывая своихъ рукъ сомнѣніемъ о судьбѣ раззоряемаго этимъ прогрессомъ мелкаго производителя. Прогрессъ экономическій въ концѣ концовъ ведетъ и къ прогрессу соціальному. Разрушая старыя формы кооперації, капитализмъ подготовляетъ почву для новыхъ, болѣе совершенныхъ формъ, которыя становятся средствомъ борьбы съ созданными капитализмомъ бѣдствіями. Эти положенія критики народничества наша радикальная интеллигенція усвоила гораздо скорѣе и полнѣе, чѣмъ остальные элементы той критики, безъ которыхъ первыя еще далеко не составляютъ

всего марксизма. Такимъ образомъ, извѣстная часть радикальной русской интеллигенціи, *отнюдь не разрывая съ классовымъ кругозоромъ своей среды*, въ предѣлахъ этого кругозора, могла производить подъ знаменемъ новаго ученія „переоцѣнку всѣхъ цѣнностей“ традиціоннаго міровоззрѣнія и, выдвинувъ противъ народническаго ученія классовое ученіе пролетаріата, сковала себѣ надежное идейное оружіе для успѣшной борьбы со ставшей реакціонной старой идеологіей.

Подъ знаменемъ марксизма совершилась въ сравнительно-короткое время та идейная борьба въ русскомъ обществѣ, которая навсегда излечила его демократическую часть отъ препятствующихъ общественному прогрессу политическихъ предразсудковъ и, сдѣлавъ ее способной беззавѣтно отстаивать интересы общественнаго развитія, связала въ ея сознаніи эти интересы съ интересами труда. Такимъ образомъ, подъ идейной оболочкой пролетарскаго ученія совершался новый актъ старой борьбы плебейской интеллигенціи противъ сословно-бюрократическаго общества.

Идеологія, выработанная классовой борьбой пролетаріата на Западѣ, послуживъ одеждой для иного общественнаго слоя, неизбѣжно измѣнила нѣсколько свой видъ. Тѣ же элементы опредѣлили ея содержаніе, но они были, такъ сказать, иначе размѣщены: классовая борьба противъ всего буржуазнаго общества съ ея конечной цѣлью — соціальной революціей — отступила на безконечно-далекій планъ, вышла, если употребить выраженіе г-на Струве, изъ поля зрѣнія интеллигенціи, все же поле зрѣнія было занято борьбой за прогрессъ буржуазнаго общества, сопровождаемой борьбой класса наемныхъ рабочихъ съ непосредственными ихъ эксплуататорами и съ государствомъ за ближайшія реформы.

И тѣмъ не менѣе, при всемъ этомъ искаженіи классовой теоріи самый фактъ выступленія русской демократіи подъ ея знаменемъ означалъ уже крупную побѣду пролетаріата. За классовой борьбой плебейской интеллигенціи съ сословно-бюрократическимъ обществомъ таилась классовая борьба пролетаріата съ буржуазіей; окрашивая *своей* идеологіей общую демократическую борьбу, пролетаріатъ пріобрѣлъ отнынѣ огромное вліяніе на весь ходъ этой послѣдней, пріучая демократію съ самаго начала видѣть въ немъ главный оплотъ борьбы за свободу, властно вовлекая въ свой лагерь наиболѣе революціонные элементы демократіи и разъ навсегда дѣлая невозможнымъ союзъ демократіи съ буржуазіей въ цѣломъ рядѣ вопросовъ соціальной и политической реформы. Подобно тому, какъ въ семидесятые годы демократическая идея настолько тѣсно связалась съ идеей *крестьянскаго* соціализма, что сдѣлала невозможнымъ для своихъ адептовъ при переходѣ въ ряды буржуазіи сохранить хотя-бы тѣнь демократической революціонности, — такъ точно и нынѣ демокра-

тическая идея такъ тѣсно сплелась съ классовой борьбой пролетаріата, что всякая попытка перейти открыто въ лагерь буржуазнаго общества связана для нашихъ „марксистообразныхъ“ съ ослабленіемъ самаго демократизма, съ потерей всякой революціонной силы.

III.

Но чѣмъ крѣпче была эта зависимость общедемократической борьбы отъ классовой борьбы пролетаріата, тѣмъ рѣзче должно было проявиться возмущеніе демократической интеллигенціи противъ ярма пролетарской идеологіи, какъ только наступила пора размежеванія между союзниками. Эта пора наступила скоро. Какъ только сковывавшая борцовъ за общественное развитіе народническая идеологія была разбита на голову, тотчасъ же обнаружилось несоотвѣтствіе для главной арміи борющихся той идеологіи, подъ знаменемъ которой происходила борьба, съ тѣми интересами, которымъ эта борьба служила ближайшимъ образомъ. Едва только замолкъ шумъ борьбы между марксизмомъ и народничествомъ, какъ появились первыя ласточки борьбы противъ самаго марксизма со стороны его вчерашнихъ партизановъ. Насталъ періодъ „критики марксизма“, переживаемый нами до сихъ поръ. Устранивъ соціально-реакціоннаго противника, мѣшавшаго ей беззавѣтно работать надъ дѣломъ общественнаго прогресса, увлеченная марксизмомъ интеллигенція тотчасъ же ощутила потребность отдѣлаться отъ тѣхъ основныхъ элементовъ новаго ученія, которые не вмѣщаются въ рамки ея собственныхъ соціальныхъ интересовъ и тѣмъ самымъ стоятъ поперекъ дѣлу объединенія всей демократической интеллигенціи, отпугивая своимъ соціально-революціоннымъ характеромъ болѣе солидную часть общества. Марксизмъ понадобилось исправить и дополнить, подвергнуть „критическому пересмотру“, чтобы сдѣлать его по нѣмецкому выраженію, salonfähig, годнымъ къ обращенію въ салонахъ. Такъ начался походъ критики противъ ортодоксіи, этотъ бунтъ радикально-демократической интеллигенціи противъ добровольно — въ интересахъ борьбы съ реакціей — наложеннаго ею на себя ярма пролетарской идеологіи.

Каждой идеологіи свойственно стремленіе къ безграничному расширенію своего духовнаго вліянія далеко за предѣлы того класса, боевымъ орудіемъ которому она служитъ. Въ борьбѣ съ нѣкогда плѣнившей ее „ортодоксіей“ интеллигенція сразу перешла въ наступленіе и поставила себѣ задачей полное уничтоженіе своего идейнаго противника, сдачу революціоннаго марксизма въ архивъ „романтическихъ утопій“. Болѣе умѣренные, впрочемъ, готовы предоставить ортодоксіи безвозбранное господство въ сферѣ „чисто рабочаго движенія“ подъ условіемъ не совать своего носа въ дѣла

„общества“ т. е. тянуть въ обще-политическихъ дѣлахъ страны общую демократическую ноту и не посягать полемикой на новый кумиръ демократической интеллигенціи — марксистскій критицизмъ или критическій марксизмъ. Подъ этимъ условіемъ революціонной соціаль-демократіи предоставляется культивировать среди пролетаріата тѣ идеи, которыя въ томъ обществѣ признаны „безсмысленными мечтаніями“.

Радикальная интеллигенція готова признать (временно!) право на существованіе за извѣстными революціонными „иллюзіями“, поскольку въ данный моментъ ихъ обаяніе ускоряетъ процессъ вовлеченія народныхъ массъ въ общеполитическую борьбу за конституцію, она не прочь пока допустить культивированіе столь непріятной ей „революціонной фразы“, такъ какъ ея классовой инстинктъ подсказалъ ей, что въ данный моментъ при извѣстныхъ условіяхъ эта фраза сможетъ претвориться въ революціонное дѣло только въ сферѣ отношеній народа къ государству, не затрагивая коренныхъ устоевъ буржуазнаго общества. Но за то радикальная интеллигенція, ставшая „подъ знакъ критики“, тѣмъ безпощаднѣе травитъ революціонную соціаль-демократію, когда послѣдняя пытается выйти изъ отмежеваннаго ей подполья пролетарской пропаганды, когда она вторгается въ заказанную ей область вліянія на „культурное общество“, когда она начинаетъ работать надъ закрѣпленіемъ и усиленіемъ идейной гегемоніи пролетаріата надъ политическимъ мышленіемъ всей демократіи, иначе говоря, когда ея презрѣнная „революціонная фраза“ становится революціоннымъ дѣломъ борьбы со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, въ данный моментъ неизбѣжно съуженной рамками борьбы за подчиненіе всѣхъ революціонно настроенныхъ элементовъ классовымъ интересамъ революціоннаго пролетаріата.*) Подъ оболочкой борьбы критики и ортодоксіи впервые совершается въ Россіи въ чистомъ видѣ борьба за политическую гегемонію между пролетаріатомъ и буржуазной демократіей, доселѣ скрытая въ общей борьбѣ демо-

*) Отсюда — непопулярность всякой принципіальной полемики. Сторонники того самаго направленія, которое съ такимъ шумомъ и трескомъ выступило на путь полемики съ „ортодоксіей“, глубоко и, повидимому, искренно возмущаются всякимъ отпоромъ со стороны „ортодоксіи“, усматривая въ полемикѣ „не своевременное“ дѣло, уклоненіе отъ борьбы съ общимъ врагомъ. Происходитъ комическое повтореніе того, что происходило лѣтъ 5—6 назадъ, когда гг. народники, открывъ походъ противъ „соціаль-демократической опасности“, черезъ короткое время стали вопить о полемической невоздержности марксистовъ, объ ихъ нежеланіи забыть „теоретическія“ разногласія и идти противъ общаго врага. Какъ тогда, говорили о „травлѣ“ народничества тѣ самые люди, которые травили марксизмъ въ ту пору, когда онъ не могъ литературно высказаться, такъ и теперь заговорили о травлѣ „критики“, съ того времени, когда „ортодоксіи“ былъ закрытъ доступъ на страницы легальныхъ журналовъ. Медвѣдь кожу деретъ, да самъ же и реветъ — позиція, правда, не очень благородная, но небезвыгодная для уловленія простецовъ!

кратическихъ стремленій съ реакціонно народническими. Въ возстаніи буржуазной интеллигенціи противъ ига пролетарской, соціаль-демократической идеологіи мы видимъ скрытую подъ идейной оболочкой классовую борьбу передовой части буржуазнаго общества противъ революціоннаго пролетаріата. А потому борьба революціонной соціаль-демократіи съ критическимъ марксизмомъ является первымъ шагомъ классовой борьбы пролетаріата противъ буржуазнаго общества въ его цѣломъ, борьба, которая въ области матерьяльной станетъ возможна лишь „на другой день послѣ революціи", лишь послѣ того, какъ буржуазное общество освободится отъ ярма азіатскаго государства, борьбы, которая неизбѣжно должна концентрироваться нынѣ въ сферѣ борьбы идей, но которая отъ того не становится менѣе реальнымъ дѣломъ. Каково же общественное значеніе этой разгорающейся борьбы? Для буржуазной интеллигенціи ея возстаніе противъ „ортодоксіи" представляется шагомъ впередъ по пути прогресса: его ближайшей цѣлью является освобожденіе радикализма отъ тѣхъ революціонныхъ элементовъ соціально-политическаго міровоззрѣнія, которые мѣшаютъ усвоенію этого міровоззрѣнія всей массой буржуазнаго общества, стоя такимъ образовъ на пути сплоченія всего этого общества въ политическую силу. Съ этой точки зрѣнія марксистская „ортодоксія", которая все еще держитъ въ своей власти извѣстную часть революціонной интеллигенціи, представляется мѣшающей необходимому для прогресса дѣлу объединенія всей интеллигенціи.*) Но для тѣхъ, кто свои надежды на политическій прогрессъ Россіи пріурочиваетъ не къ обществу, а главнымъ образомъ къ пролетаріату, значеніе этой борьбы представится въ другомъ свѣтѣ. Для нихъ сплоченіе пролетаріата въ революціонную политическую силу, способную вести за собой другія силы, враждебныя царизму, немыслимо внѣ классовой борьбы пролетаріата, борьбы, которая не можетъ развиться иначе, какъ подъ флагомъ революціонной соціаль-демократіи. Съ этой точки зрѣнія аттака „критической" интеллигенціи на марк-

*) Поэтому эпигоны стараго „народовольчества", которые воспитались на стремленіяхъ „объединительнаго" характера, правы съ своей точки зрѣнія, когда любезно „подмигиваютъ" нашимъ „критикамъ". Если же они при этомъ порой сокрушаются по поводу того обстоятельства, что „критическая струя" сопровождается ослабленіемъ революціонизма, то это сокрушеніе хотя и дѣлаетъ честь ихъ революціонной добродѣтели, но только лишній разъ подтверждаетъ ихъ трогательную невинность по части политическаго мышленія. Попытка совмѣстить революціонность, присущую „ортодоксіи", съ широтой размаха „критики" и съ отрицаніемъ „абстрактной доктрины" марксизма принадлежитъ къ числу самыхъ безнадежныхъ экспериментовъ по рецепту Гоголевской невѣсты Агаѳьи Тихоновны. „Полюби меня черненькимъ, а бѣленькимъ меня всякій полюбитъ" можетъ отвѣтить этимъ доброжелательнымъ совѣтчикамъ революціонный соціализмъ, который, впрочемъ, всего менѣе заботится о томъ, чтобы его „полюбилъ" всякій.

систскую ортодоксію представляется дѣломъ, враждебнымъ интересамъ революціи, такъ какъ она привела бы въ случаѣ успѣха къ отвлеченію части революціонныхъ силъ отъ пролетаріата, къ развращенію и ослабленію его политической борьбы, къ потерѣ имъ гегемоніи въ дѣлѣ общенародной борьбы съ царизмомъ, которая только при наличности этой гегемоніи сможетъ привести къ революціонному низверженію царизма и къ установленію на его развалинахъ свободной демократіи.

Еще болѣе реакціонной представляется анти-марксистская пропаганда, если ее оцѣнивать съ точки зрѣнія тѣхъ классовыхъ интересовъ пролетаріата, для которыхъ интересы политическаго освобожденія являются только моментомъ, подчиненнымъ великой основной цѣли движенія. Всякое оттѣсненіе пролетаріата на второй планъ въ политической борьбѣ, всякое ослабленіе вліянія революціонной соціаль-демократіи означаетъ затрудненіе дѣла борьбы за его соціальное освобожденіе. А вторженіе въ соціалистическое сознаніе элементовъ извѣстной „критики“ уже отразилось измельчаніемъ, опошленіемъ пролетарской борьбы, ослабленіемъ ея классоваго, соціалистическаго характера.*)

Такимъ образомъ борьба противъ „критики марксизма“ является въ данный моментъ важной задачей идеологовъ пролетаріата; тѣмъ болѣе важной, что, возникши подъ флагомъ марксизма, эта критика, а въ ея лицѣ радикальная русская интеллигенція, успѣла внести въ самое наше движеніе чуждые ему элементы, подготовляя его подчиненіе ограниченнымъ цѣлямъ демократической интеллигенціи. Русская соціаль-демократія въ силу причинъ, на которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться, допустила развитіе въ своей средѣ элементовъ, налагающихъ на все движеніе печать зависимости отъ идей и интересовъ радикальной части „общества“. Въ чемъ же проявляется въ нашемъ движеніи вліяніе несоотвѣтствующихъ классовымъ интересамъ пролетаріата идей

---

*) Дѣйствительно рабочая партія въ европейскомъ смыслѣ, охватывающая всю борющуюся часть пролетаріата, можетъ быть организована только при условіи политической свободы. Задача русской соціаль-демократіи, какъ зародыша этой будущей партіи, воспитать и организовать всѣ пригодные элементы ея. А эта задача включаетъ въ себя прежде всего развитіе *соціалистическаго* сознанія въ возможно широкихъ слояхъ рабочаго класса. Никакія злобы дня экономической или политической борьбы не должны отвлекать насъ отъ этого дѣла соціалистическаго воспитанія. Точно также и организаціонная работа партіи должна быть подчинена этой задачѣ подготовленія кадровъ соціалистической арміи будущаго. — Этого-то не могутъ понять ни Кричевскій и Мартыновъ, (Раб. Дѣло № 10), ни А. Галинъ изъ „Наканунѣ“ (Сент. 1901 г.), когда выражаютъ негодующее изумленіе по поводу того, что представители „ортодоксальной“ соціаль-демократіи не отдались беззавѣтно отраднымъ впечатлѣніямъ мартовскихъ дней и не поспѣшили привѣтствовать „историческаго поворота“, продѣланнаго въ ту пору органомъ соціалистичекой постепеновщины.

и интересовъ радикальной интеллигенціи? Прежде всего въ томъ явленіи, которое принято называть экономизмомъ, или профессіонализмомъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ попытки лишить рабочее движеніе политическаго характера могутъ соотвѣтствовать интересамъ радикальной интеллигенціи, для которой насущнѣйшей задачей является политическая свобода и которая стремится къ объединенію всѣхъ, готовыхъ бороться съ царизмомъ. И тѣмъ не менѣе несомнѣнный фактъ, что симпатіи большей части радикальной интеллигенціи были еще очень недавно на сторонѣ тѣхъ теченій въ соціаль-демократіи, которыя или отстаиваютъ „экономизмъ“, или защищаютъ его относительную законность отъ нападокъ „ортодоксіи“. Странность этого явленія исчезнетъ, если ключъ къ его пониманію поискать въ одномъ документѣ, дающемъ почти циническое объясненіе вожделѣніямъ противниковъ „ортодоксіи“. Я говорю объ извѣстномъ credo. Въ этомъ документѣ задача образованія въ Россіи политической рабочей партіи признается абсурдомъ, и люди, работающіе надъ этимъ нереальнымъ дѣломъ, обличаются въ томъ, что занятые неосуществимой задачей, становятся неспособны войти въ ряды дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ только борцовъ за свободу — въ ряды „либерально-оппозиціоннаго общества“. Въ виду этого предлагается соціаль-демократамъ среди рабочихъ заниматься организаціей „экономической“ борьбы, политическую же борьбу вести въ рядахъ „либерально-оппозиціоннаго общества“, т. е. подъ тѣмъ знаменемъ, которое только и можетъ выдвинуть это общество — подъ знаменемъ политической *реформы*.

Можетъ показаться непонятнымъ съ точки зрѣнія либерала (а такова точка зрѣнія автора „credo“) это отстраненіе рабочей массы отъ активной борьбы за свободу. Однако, оно подсказывается вѣрнымъ инстинктомъ. Обратите вниманіе на послѣднія событія и вы увидите, какой результатъ получился бы въ случаѣ усвоенія нами программы „credo“. Несмотря на значительное преобладаніе въ нашемъ движеніи чисто-экономической борьбы, рабочій классъ съигралъ свою роль въ дѣлѣ борьбы съ современнымъ режимомъ, когда этого потребовали обстоятельства. При современныхъ условіяхъ каждая стихійная даже стачка, каждые „безпорядки“ являются факторомъ ослабленія политической силы царизма. Выступая на борьбу съ нимъ, радикальная часть общества желала бы, чтобы рабочій классъ въ тоже время подкапывалъ основы существующаго порядка, дезорганизовалъ бы его, отвлекая своими „безпорядками“ силы правительства отъ борьбы съ активными политическими врагами, т. е. „обществомъ“. При такомъ условіи рабочій классъ съигралъ бы какъ разъ ту роль, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ поли-

тическимъ интересамъ „общества“. При такомъ условіи классовая борьба пролетаріата, втиснутая въ рамки экономической борьбы съ его непосредственными эксплуататорами, не приходила бы въ столкновеніе съ политическими стремленіями свободомыслящей интеллигенціи, такъ какъ пролетаріатъ не выдвигалъ бы *своей политической программы*, своихъ особыхъ формъ политической борьбы. Иначе говоря, общество готово помириться и даже признать полезность рабочаго движенія, какъ силы, подкапывающей царизмъ, усиливающей недовольство противъ него и способной въ извѣстные моменты съиграть роль вспомогательнаго политическаго фактора, пушечнаго мяса въ политической борьбѣ. Но идеологи того же „общества“ возстанутъ противъ стремленій пролетаріата организоваться въ особую политическую силу, дѣйствующую во имя своей собственной политической программы и противопоставляющую эту программу другимъ политическимъ программамъ прогрессивныхъ партій. Общество признаетъ за пролетаріатомъ право идти въ хвостѣ *его* политическаго движенія, но оно категорически отрицаетъ — въ силу противоположности его классовыхъ интересовъ — право пролетаріата на политическую гегемонію. И послѣднія событія въ Россіи показали, что воспитанный на „чисто-экономичекой“ борьбѣ пролетаріатъ пригоденъ какъ разъ къ роли такого хвоста и только хвоста.*)

*) Многіе коллеги были, повидимому, весьма восхищены тѣмъ фактомъ, что во время февральскихъ и мартовскихъ демонстрацій выкидывалось красное знамя. Они, повидимому, усмотрѣли въ этомъ оффиціальное признаніе политической гегемоніи русскаго пролетаріата. Однако, все это ликованіе навѣяно „чарованьемъ красныхъ вымысловъ“. Красное полотно, на которомъ начертаны слова: „долой временныя правила“, есть все что угодно, но не красное знамя пролетаріата. Если пролетаріатъ своимъ участіемъ въ демонстраціяхъ придалъ имъ характеръ внушительнаго народнаго протеста, то онъ — благодаря прежде всего нашей неорганизованности — не внесъ въ *положительное содержаніе* этого движенія чего либо болѣе широкаго, по сравненію съ тѣмъ, что было ему придано интеллигенціей.

Мы, конечно, далеки отъ мысли отрицать громадное значеніе того, что произошло въ февралѣ и мартѣ. Но переоцѣнивать все таки не слѣдуетъ. Товарищи, которые по поводу весеннихъ событій сразу увѣровали, что пролетаріатъ „созрѣлъ“ для выполненія своей исторической миссіи — можно сказать, вчера еще были увѣрены, что ему еще далеко до зрѣлости и что дозрѣвать ему надо очень-очень долго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что навѣянныя мартовскими днями иллюзіи скоро разсѣятся, и мы опять услышимъ: „онъ и не думалъ созрѣвать“. За фантастическимъ переоцѣниваніемъ послѣдуетъ трезвенное недооцѣниваніе, за „революціоннымъ“ пароксизмомъ оппортюнистическій маразмъ.

Еслибъ мы разъ навсегда отреклись отъ надежды на пріобрѣтеніе русскимъ пролетаріатомъ роли авангарда въ политической борьбѣ, мы обязаны были бы мириться съ ролью „хвоста“ для него. Но пока еще не поздно, мы должны всѣ силы приложить къ тому, чтобы въ каждое общенародное движеніе протеста пролетаріатъ вносилъ *свою* ноту, какъ элементъ наиболѣе демократическій и революціонный. Только стремясь къ этому, мы работаемъ, какъ соціаль-демократы; не дѣлая этого, мы остаемся просто демократами.

Вотъ почему не слѣдуетъ дѣлать ошибочныхъ выводовъ изъ того факта, что борцы противъ „ортодоксіи“ являются у насъ зачастую въ роли представителей „чисто рабочаго“ движенія, рѣзко противопоставляемаго политическимъ стремленіямъ соціалистической интеллигенціи. Эти люди проявляютъ только незрѣлый классовый инстинктъ, который въ силу своей незрѣлости дѣлаетъ ихъ фактически пособниками интеллигенціи, только не соціалистической, а буржуазной. Борясь противъ политиковъ-соціалистовъ, они фактически не могутъ (и слава богу, что не могутъ) помѣшать тому процессу, который въ нашихъ условіяхъ превращаетъ всякую ультра-экономическую борьбу въ фактъ политической борьбы противъ царизма и который въ извѣстный моментъ бросаетъ самымъ тщательнымъ образомъ воспитанную вдали отъ политики массу на арену общедемократической политической борьбы. Но они за то достигаютъ того, что въ такіе моменты эта масса является готовою бороться противъ самодержавнаго режима, но неспособной въ этой борьбѣ отстоять свои классовые интересы въ виду организованной и сознательной силы союзныхъ съ ней классовъ. И если-бы наше движеніе шло въ томъ духѣ, который ему стараются придать „экономисты“, оно въ извѣстный моментъ заготовило бы изъ пролетаріата превосходное пушечное мясо для такого политическаго переворота, воспользоваться которымъ могло бы только одно „общество“. Удивительно ли, что всѣ проницательные представители буржуазной струи въ нашей радикальной оппозиціи, всѣ эти враги революціонной маркистской „ортодоксіи“ если не прямо защищаютъ „экономизмъ“ въ его крайнихъ проявленіяхъ, то чрезвычайно негодуютъ противъ энергичной борьбы съ нимъ и доставляютъ ему теоретическую опору яростной „критикой“ нашего „утопизма“! — Въ исторіи Запада такъ называемое „чисто рабочее“ движеніе съ его антагонизмомъ къ „политикамъ“ и идеологамъ сплошь и рядомъ на практикѣ являлось наилучшей опорой той буржуазной демократіи, которая стремилась политически поработить пролетаріатъ, чтобы политически его эксплуатировать. Возьмемъ 60-ые годы въ Германіи. Прогрессистская партія въ борьбѣ съ феодалами и абсолютизмомъ отряжаетъ Шульце-Делича въ рабочую среду для того, чтобы развить въ ней „чисто экономическое“ движеніе „самопомощи и взаимопомощи“, какъ выразился-бы авторъ „письма въ редакцію“, помѣщеннаго въ № 10 „Рабочей Мысли“. Шульце-Деличъ учитъ, что соціальное освобожденіе рабочихъ должно быть достигнуто внѣ классовой политической борьбы и въ то же время прогрессистская партія стремится пользоваться рабочими массами для поддержки своего собственнаго политическаго движенія. Нигдѣ рѣзче не проявляется анти-интеллигентное теченіе, какъ въ тѣхъ старыхъ англійскихъ трэд-

юніонахъ, которые, съуживая свою дѣятельность, какъ рабочихъ организацій, экономической борьбой, въ области политики слѣпо идутъ за буржуазными партіями. Во Франціи въ 80-ыхъ годахъ революціонному соціализму „политиковъ"-интеллигентовъ былъ противопоставленъ сначала „кооператизмъ" Жоффрена, потомъ „практическій" поссибилизмъ съ ихъ „чисто рабочимъ" характеромъ и борьбой противъ идеологовъ, причемъ то и другое движеніе въ области политики плелось въ хвостѣ буржуазнаго радикализма. Изъ этого видно, что суть споровъ, волнующихъ нынѣ наше движеніе, нельзя сводить просто къ борьбѣ „экономическаго" и „политическаго" направленій. Вопросъ затронутъ болѣе глубокій — вопросъ о томъ, какую политическую роль должна на себя взять рабочая партія — роль ли слѣпого орудія и пассивнаго агента общедемократической борьбы или роль самостоятельной силы въ этой борьбѣ.*) А этотъ вопросъ сводится къ основному вопросу о томъ, долженъ ли рабочій классъ организоваться въ самостоятельную силу только по отношенію къ непосредственно противостоящимъ ему капиталистамъ и *данному* правительству или же по отношенію ко всему буржуазному обществу въ его цѣломъ, включая самыя радикальныя его фракціи, которыя онъ можетъ и долженъ поддерживать въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, но которымъ онъ всегда противостоитъ какъ особая политическая сила со *своей* политической программой, съ *своими* пріемами борьбы, съ *своимъ* соціально-политическимъ міровоззрѣніемъ.

Вотъ почему нелѣпо обличать въ „сектантствѣ" тѣхъ, кто, не довольствуясь однимъ фактомъ почти общаго согласія всѣхъ соціалистовъ въ вопросѣ о необходимости „политики", не считаетъ возможнымъ признать вполнѣ своими людей не понимающихъ политическихъ задачъ пролетаріата такъ, какъ онѣ очерчены выше. Если сектанты тѣ, кто ни на минуту не забываетъ за ближайшими задачами дня великихъ цѣлей пролетарскаго движенія въ его цѣломъ, тѣ, кто не довольствуясь интересами борьбы за устраненіе нашего ближайшаго врага — самодержавія, *уже теперь* ни на минуту не упускаетъ изъ вида основной борьбы пролетаріата со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, если это такъ — то мы охотно причислимъ себя къ этимъ „сектантамъ".**)

*) Тотъ же самый вопросъ составляетъ *объективно* основаніе нашихъ организаціонныхъ разногласій. Каждый программный оттѣнокъ въ нашемъ движеніи приходитъ къ особому организаціонному плану. Для представителей нашего „экономическаго" и полуэкономическаго направленій и даже для многихъ принципіально расходящихся съ ними товарищей даже не существуетъ тѣхъ организаціонныхъ вопросовъ, которые для представителей „ортодоксіи" самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ основными задачами русской соціаль-демократіи.

**) Революціонный марксизмъ самъ развился въ борьбѣ съ старымъ соціалистическимъ сектантствомъ (самое названіе, кажется, впервые при-

Не однимъ только „экономизмомъ“ наградила насъ „критика“. Она помогла внесенію въ наше движеніе, поскольку оно является политическимъ, политической точки зрѣнія русскаго „общества“. Русскіе соціалисты прошлаго времени, разъ ставши на путь политической борьбы, поставили ея первой цѣлью революціонное сверженіе самодержавія и замѣну его демократіей. Напротивъ, политическое мышленіе несоціалистической интеллигенціи никогда не шло далѣе проектовъ реформъ, имѣвшихъ задачей постепенное „органическое“ преобразованіе существующаго политическаго строя въ строй конституціонный. Однимъ изъ первыхъ признаковъ подпаденія русской рабочей партіи подъ вліяніе буржуазнаго радикализма была борьба съ якобы „народовольческой“ программой сверженія самодержавія и замѣна ея программой постепеннаго развитія самодержавія въ демократію, или, какъ выразилась одна польская соціалистическая газета, программа обрученія царизма съ политической свободой.

Вообще русская соціаль-демократія за послѣднее время заимствовала у русской буржуазной демократіи и свойственное всякимъ буржуазнымъ реформаторамъ специфически мѣщанское пониманіе реализма въ области политики. Революціонный реализмъ соціаль-демократіи означаетъ отрицаніе утопическихъ задачъ, противорѣчащихъ ходу общественнаго развитія. Буржуазная демократія черезъ посредство „критическаго“ марксизма привила нашей партіи оппортунистическое пониманіе реализма въ политическомъ и соціальномъ движеніи, сведя его къ отрицанію законности всѣхъ требованій, идущихъ далѣе сознанія широкихъ народныхъ массъ въ данное время.

Наконецъ вліяніе буржуазной идеологіи на наше движеніе отразилось внесеніемъ въ него того „практицизма“, который проявляется въ отрицаніи значенія теоріи въ борьбѣ пролетаріата. Для тѣхъ, кто представляетъ себѣ пролетарскую борьбу, какъ борьбу со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, а, слѣдовательно, и какъ борьбу съ его міровоззрѣніемъ, для

мѣнено Марксомъ). Въ настоящее время онъ самъ состоитъ подъ обвиненіемъ въ „сектантствѣ“ у тѣхъ самыхъ людей, которыхъ теорія — если въ нее пристально вглядѣться — представляетъ ничто иное, какъ эклектическую смѣсь обрывковъ ученій отдѣльныхъ сектъ.

Ничѣмъ, быть можетъ, болѣе рельефно не выразилось вліяніе „критики“ въ нашихъ рядахъ, какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что соціаль-демократическая литература стала повторять буржуазныя обвиненія марксистовъ въ сектантствѣ. Признакомъ хорошаго тона становится нынче свобода отъ „сектантства“, то есть отъ того, что слыветъ подъ этимъ именемъ у буржуазныхъ критиковъ и что составляетъ неотъемлемую часть революціонно-соціалистическаго міровоззрѣнія. Еслибъ товарищъ Мартыновъ хоть сколько нибудь понималъ, что скрывается въ наши дни подъ борьбой противъ „сектантства“, онъ не спѣшилъ бы оказать медвѣжью услугу своей организаціи выдачей ей аттестата въ свободѣ отъ соціалистическихъ принциповъ.... то бишь отъ сектантства (см. Мартыновъ, Очередный вопросъ въ № 9 „Рабочаго Дѣла“).

нихъ необходимость для пролетаріата имѣть свою теорію, разрабатывать ее и отстаивать въ идеологической борьбѣ съ буржуазными теоріями не можетъ подлежать сомнѣнію и обратно — борьба противъ теоріи въ соціаль-демократіи есть вѣрнѣйшій признакъ отказа рабочей партіи отъ самостоятельной позиціи, непримиримо враждебной всему буржуазному обществу въ цѣломъ. Ни англійскій трад-юніонизмъ, ни французскій поссибилизмъ не создалъ своей теоріи. Этотъ отказъ отъ теоріи есть первый шагъ по пути идейнаго подчиненія рабочаго движенія гегемоніи буржуазной демократіи. Въ то самое время, когда буржуазно-демократическая литература изгоняла со своихъ столбцовъ ортодоксію во имя критики, эта ортодоксія торжественно изгонялась со столбцовъ нелегальной печати во славу запросовъ „практики“. А явившійся въ результатѣ удаленія теоріи упадокъ теоретическихъ интересовъ въ рядахъ молодыхъ борцовъ нашего движенія сдѣлалъ его беззащитнымъ отъ воздѣйствія буржуазной „критики“, сдѣлалъ его неустойчивымъ принципіально, зачастую безъидейнымъ и всегда готовымъ къ внезапнымъ сальто мортале по случаю любого „историческаго поворота“. Этотъ упадокъ теоретическихъ интересовъ привелъ къ разрыву въ сознаніи революціонной интеллигенціи связи между практической стороной рабочаго движенія и его идеальными цѣлями. И эти идеальныя цѣли, выгнанныя „реализмомъ“ въ дверь, возвращается въ окно, какъ рѣзко противостоящія практическому движенію, возвращаются въ видѣ самостоятельнаго „этическаго“ момента, имѣющаго дополнить „узость“ классоваго движенія. Этимъ самымъ революціонная интеллигенція, отвергая матеріализмъ, становится на теоретическую почву буржуазнаго мышленія, что, въ концѣ концовъ, означаетъ ея идейное порабощеніе буржуазному радикализму. Исконнымъ стремленіемъ европейскаго буржуазнаго свободомыслія новаго времени является внесеніе „соціально этическаго“ момента въ борьбу классовъ, созданіе общности идейной почвы, облегчающей ея притупленіе. Буржуазное опошленіе реализма въ программѣ нашей „Рабочей Мысли“ привело къ обособленію идеалистическаго момента и культивированію его, какъ особой самостоятельной силы въ томъ теченіи, которое представлено въ революціонной средѣ „Рабочимъ Знаменемъ“. Революціонныя въ своемъ собственномъ сознаніи, такія теченія тѣмъ не менѣе опасны, какъ симптомъ капитуляціи соціалистовъ передъ буржуазной критикой матеріализма.*)

---

*) Главное зло такого обособленія идеалистическаго элемента въ соціальномъ движеніи отъ его реалистической основы мы видимъ въ томъ, что оно теоретически *узаконяетъ*, санкціонируетъ оппортюнистическое пониманіе этой реалистической основы. Исходя изъ признанія роковой неизбѣжности опошленія реальнаго движенія массъ, представители „новой струи“ думаютъ спасти его привнесеніемъ извнѣ „идеальнаго момента“.

IV.

Таковы побѣды „критики“ надъ соціалистическимъ классовымъ характеромъ нашего движенія. Каковы же вытекающія отсюда задачи нашей соціалистической интеллигенціи? Прежде всего она должна твердо стать на почву *принципіальной* борьбы со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, должна разорвать

Сначала съ помощью Бернштейна и ему подобныхъ декретируютъ неизбѣжный законъ превращенія рабочаго движенія изъ революціоннаго, преслѣдующаго идеалистическія цѣли освобожденія человѣчества, въ „реалистическое“, для котораго самое пониманіе „классъ“ является условной фикціей и котораго содержаніе ограничивается частной борьбой за частные, въ узко-буржуазномъ смыслѣ матеріальные интересы. Въ этомъ періодѣ развитія „новой струи“ не находятъ достаточно словъ восхищенія передъ мудростью такого „естественнаго хода вещей“ и якобы достигнутыхъ имъ результатовъ. (См. напримѣръ статью П. Струве о Цюрихскомъ конгрессѣ въ „Новомъ Словѣ“ 1897 года.)

Послѣ того, какъ это карикатурное изображеніе дѣйствительнаго развитія достаточно запечатлѣется въ сознаніи читателей, къ нему подходятъ со своими собственными болѣе или менѣе революціонно-идеалистическими запросами и находятъ, что послѣдніе не могутъ быть удовлетворены этимъ естественнымъ ходомъ вещей. Тогда начинается борьба за внесеніе революціонно идеалистической струи въ это грубо-матеріальное развитіе, борьба, которая въ томъ случаѣ, когда ея герои идутъ въ бой съ чистымъ сердцемъ, представляетъ собой не болѣе, какъ новый походъ Донъ-Кихота противъ вѣтряныхъ мельницъ.

Но когда ту же „борьбу“ провозглашаютъ гг. Бердяевы, то мы имѣемъ передъ собой нѣчто большее. Здѣсь передъ нами явное пособничество тѣмъ элементамъ въ современномъ соціализмѣ, которые въ дѣйствительности, а не въ воображеніи только работаютъ надъ внесеніемъ въ рабочее движеніе безъидейности и мелкой, буржуазной „практичности“. Г. Бердяевъ „констатируетъ“ полную научную несостоятельность такъ называемыхъ Zusammenbruchs- und Verelendungstheorie, т. е. того комплекса соціологическихъ построеній, которымъ революціонная соціаль-демократія обосновываетъ свою борьбу за соціальную революцію и свою пропаганду самой идеи классовой борьбы (если въ дѣйствительности происходитъ „притупленіе“ противорѣчій между имущими и неимущими, если постепенно отдѣльныя категоріи пролетаріата переходятъ въ ряды „среднихъ классовъ“, то самое понятіе о пролетаріатѣ, какъ классѣ, теряетъ значеніе реальнаго базиса для программы соціальной борьбы). Итакъ, естественный ходъ вещей приводитъ къ превращенію рабочаго движенія въ борьбу за „желудочные интересы“. Но мы — „борцы за идеализмъ“, дополнимъ „односторонность“ массоваго рабочаго движенія. Мы займемся его „этизированіемъ“. Не одни только свѣтлыя и просторныя жилища надо строить для людей, надо подумать и о высокихъ, высокихъ башняхъ, упирающихся въ самое небо, откуда мы и возьмемъ свой „идеализмъ“.

Говоря попросту, это означаетъ слѣдующее: въ области земной практики мы санкціонируемъ „реалистическое“ развитіе въ сторону „копейки на рупь“. Такъ говоритъ трезвая, реалистическая наука, та самая, что, согласно г. Булгакову, не вѣдаетъ „ни знахарства, ни шарлатанства“ (эта наука, какъ мы слышали, культивируется преимущественно въ учебныхъ заведеніяхъ министерства финансовъ). А для подслащенія этой пресной дѣйствительности — „идеалистическое“ словоизверженіе, томные вздохи о безконечно-далекомъ и въ своей недостижимости прекрасномъ небѣ, смѣшныя потуги „перескочить выше себя“, вырваться изъ рамокъ классовой этики, однимъ словомъ, постройка высокой-высокой вавилонской башни, отличіе которой отъ библейской только въ томъ, что смѣшеніе

всякую идейную зависимость отъ этого общества. Выйдя изъ подполья кружковой жизни, она должна обнять умственнымъ окомъ всю картину политическихъ и соціальныхъ отношеній, всю картину духовной жизни общества и за ея битвами усмотрѣть рефлексъ борьбы классовъ. Она должна понять основной смыслъ ведущейся отовсюду войны противъ революціонной марксистской „ортодоксіи“ и, во имя реальныхъ классовыхъ интересовъ пролетаріата, стать рѣшительно на сторону послѣдней. Внѣ знамени революціонной соціаль-демократіи нѣтъ плодотворной работы для дѣла пролетаріата.

Стоя на этой твердой почвѣ, соціалистическая интеллигенція должна прежде всего понять и признать важность теоретической борьбы со всѣми видами буржуазной „критики“. Горе соціалистической партіи, которая добровольно отказалась

языковъ начало постигать ея строителей еще прежде, чѣмъ они закончили съ постройкой фундамента. А что касается характера послѣдняго, то это одна иллюзія, будто онъ представитъ здоровое, свѣтлое, словомъ, достойное человѣка помѣщеніе. Приглядитесь къ нему и вы увидите, что это просто „практически“ выстроенный мѣщанскій хлѣвъ.

Гг. Бердяевъ и Струве нынче любятъ говорить объ „этизированіи“ грубо-матерьяльнаго пролетарскаго движенія. Революціонная соціаль-демократія, не вдаваясь въ глубоко-безнравственные подчасъ разговоры объ „этическомъ элементѣ“, *на дѣлѣ* работаетъ надъ этизированіемъ стихійно-выростающей классовой борьбы путемъ ея революціонизированія. Элементы этики, проводимые этимъ революціоннымъ путемъ, берутся не извнѣ, не съ неба, но изъ самой классовой борьбы, изъ самыхъ ея основъ — классовыхъ противорѣчій современнаго общества. Тотъ, кто отрицаетъ или старается затушевать классовыя противорѣчія современнаго общества, самымъ вѣрнымъ образомъ работаетъ надъ подрывомъ революціонной соціалистической этики, которую ему приходится замѣнять сотканной изъ оховъ и вздоховъ „общечеловѣческой“ этикой-товаромъ, имѣющимъ всѣ шансы стать ходкимъ на буржуазномъ рынкѣ, ибо послѣднимъ ея словомъ является требованіе видѣть въ классовомъ противникѣ „человѣка“ и любить въ немъ своего „ближняго“.

Эта обще-человѣческая, т. е. выше классовыхъ противорѣчій стоящая „этика“ естественно требуетъ и „обще-человѣческаго“, т. е. всѣмъ исторически измѣнявшимся оффиціально-признаннымъ міровоззрѣніямъ общаго метафизическаго источника — идеи сверхчувственнаго, идеи божества. Отрицанію соціальной пропасти между пролетаріатомъ и буржуазнымъ обществомъ *психологически* соотвѣтствуетъ потребность въ реабилитаціи верховной идеи, общей міровоззрѣніямъ всѣхъ формъ классового господства. Является потребность санкціонировать „притупленіе противорѣчій“ въ дѣйствительности притупленіемъ противоположности въ сферѣ идеологіи (и даже форсировать первое гипнотизирующей пропагандой послѣдняго). Атеизмъ пролетарскаго движенія — это идеологическое отраженіе полнаго и всесторонняго разрыва съ устоями общества, основаннаго на эксплуатаціи — становится дѣломъ старомоднымъ, не выдерживающимъ суда „критики“. И если при пересадкѣ послѣдней на русскую почву ей приходится столкнуться съ воспитаннымъ всей русской исторіей отсутствіемъ религіозныхъ традицій въ радикальной русской интеллигенціи, то это затрудненіе не остановитъ тѣхъ, кто чувствуетъ, что совершаетъ великую историческую миссію спасенія „общечеловѣческой этики“ отъ опустошительныхъ дѣйствій классовой борьбы. „Если бы Бога не было, его надо было бы выдумать.“ И гг. Бердяевы усердно выдумываютъ бога, хотя бы „видомъ малаго и не безсмертнаго“.

отъ самостоятельнаго цѣльнаго міровоззрѣнія, которая подпала вліянію критики буржуазныхъ идеологовъ и довольствуется эклектическимъ міровоззрѣніемъ, въ основѣ котораго лежатъ опошленные до вульгарныхъ общихъ мѣстъ обломки великихъ теорій. Горе русской соціаль-демократіи, если въ основѣ ея міровоззрѣнія будетъ стоять квази-марксизмъ, очищенный, исправленный и дополненный соотвѣтственно авторитетнымъ указаніямъ гг. Бернштейна, Струве, Прокоповича и многихъ иныхъ не менѣе достойныхъ! Если мы хотимъ дѣйствительно отстаивать интересы рабочаго движенія въ его цѣломъ, мы не должны отступать передъ буржуазнымъ противникомъ ни въ одной сферѣ, куда бы онъ ни направилъ свои удары. *Мы должны* послѣдовать за „критикой", всюду, куда бы она не забралась, въ область ли метафизической этики или трансцендентальной философіи, но послѣдовать не за тѣмъ, чтобы остаться въ этихъ надзвѣздныхъ сферахъ, но чтобы совлечь съ нихъ противника и, поставивъ его на землю, разоблачить буржуазную наготу, скрытую подъ туманнымъ покровомъ.... Отстаиваніе соціалистической теоріи, развитіе ея въ духѣ основныхъ ея принциповъ — вотъ первый долгъ революціонной соціалистической интеллигенціи.

Только опираясь на эту теоретическую работу, соціалистическая интеллигенція сможетъ выполнить свою непосредственную политическую задачу-выработку боевой политической рабочей партіи, способной стать во главѣ всѣхъ борющихся съ царизмомъ элементовъ и обезпечить въ процессѣ ликвидаціи самодержавія максимумъ политическихъ завоеваній для рабочаго класса. Для этого дѣла необходима соціалистическая интеллигенція, имѣющая прочные теоретическіе устои и способная никогда не терять изъ виду великихъ общихъ задачъ движенія изъ-за преходящихъ его частностей. Какъ выразился недавно Каутскій „задачей научно образованныхъ бюргерскихъ элементовъ т. е. „интеллигентовъ" или „академиковъ" въ нашей партіи является развитіе и распространеніе пониманія великихъ соціальныхъ соотношеній, широкой соціалистической мысли, возвышающейся надъ мимолетнымъ интересомъ, иначе говоря, революціоннаго духа въ лучшемъ смыслѣ слова". Дѣло соціалистической интеллигенціи, скажемъ мы, во первыхъ, влить въ наше движеніе ту объединяющую струю, безъ которой оно представляется рядомъ разрозненныхъ, разной ступени классоваго развитія соотвѣтствующихъ частныхъ движеній; во-вторыхъ — содѣйствовать выработкѣ тѣхъ формъ организаціи, которыя наилучше приспособлены къ охраненію и усиленію этой объединяющей, соціалистической, политической струи въ движеніи пролетаріата.

Для достиженія первой задачи необходимо духовное объединеніе партіи созданіемъ строго выдержанной принципіаль-

ной партійной литературы. Внѣ партійной литературы немыслимо фактическое, а не формальное только объединеніе движенія, пріобрѣтеніе имъ сознательнаго классоваго характера. Только огражденная отъ воздѣйствія случайныхъ вѣяній революціонной моды, только опираясь на незыблемые устои революціонной теоріи, партійная литература исполнитъ этотъ свой главный долгъ, конечно, поскольку будетъ тѣсно связано съ самымъ движеніемъ. Только направивъ всѣ свои усилія на постановку такой партійной политической литературы, соціалистическая интеллигенція исполнитъ свой долгъ передъ пролетаріатомъ, исполнитъ ту часть общей работы, которая лежитъ на ней, какъ на соціалистической интеллигенціи. А для того, чтобы быть въ состояніи выполнить этотъ долгъ, она должна стремиться революціонизировать свое собственное мышленіе, должна безповоротно порвать со всѣми разлагающими вліяніями буржуазной критики, должна въ основу своего соціалистическаго міровоззрѣнія положить принципъ классовой борьбы со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ.

Чтобы выполнить вторую задачу, чтобы создать для поставленнаго на такія основы движенія соотвѣтствующія ему организаціонныя формы, соціалистическая интеллигенція должна стремиться во всякую частную мѣстную работу вносить свѣтъ общихъ задачъ движенія, подчинить этимъ общимъ задачамъ всѣ виды „мѣстнаго“ дѣла, приспособить наличныя организаціи къ цѣлямъ революціоннаго воспитанія пролетаріата, во первыхъ, и выработки изъ его авангарда боевой революціонной силы во вторыхъ.

Я кончилъ. Русская интеллигенція въ наши дни не перестаетъ скорбѣть объ отсутствіи въ современной дѣйствительности великихъ героическихъ задачъ, способныхъ охватить всего человѣка. Намъ представляется, что такая героическая задача стоитъ передъ современной соціалистической интеллигенціей. Эта задача сводится къ тому, чтобы при условіяхъ въ высшей степени неблагопріятныхъ для созданія дѣйствительно соціалистической рабочей партіи неуклонно бороться за выработку элементовъ такой партіи. Рядъ историческихъ условій противъ насъ въ этомъ дѣлѣ: и неразвитость классовыхъ противорѣчій, оттирающая въ сознаніи общества борьбу труда съ капиталомъ на второй планъ; и обусловленная этимъ факторомъ соціальная неразвитость пролетаріата, создающая развитію соціалистической мысли преграду въ видѣ „чисторабочаго“ движенія; и тяготѣніе надъ нами мрачнаго чудовища-абсолютизма, препятствующаго развитію и обнаруженію основныхъ классовыхъ противорѣчій, обостряющихъ и проясняющихъ соціалистическое сознаніе; и обусловленная его существованіемъ возможность для идеалистическаго радикализма втираться въ ряды рабочей партіи и увлекать за собой народныя массы соціалистической фразеологіей, за

которой скрывается достаточная доза буржуазнаго содержанія.

Всѣ эти факторы стоятъ на пути достиженія опредѣленныхъ нами задачъ. Въ борьбѣ съ ними мы можемъ опираться только на соціальный опытъ всемірнаго пролетаріата, указывающій русскому рабочему движенію его будущія перспективы и на могучую силу соціалистической теоріи, помогающей намъ возвыситься надъ рабской зависимостью отъ убожества нашихъ соціальныхъ отношеній въ данный моментъ. Но эти идеологическія опоры могутъ стать громадной реальной силой, если, пользуясь ими мы разовьемъ энергичную практическую дѣятельность, направленную на завоеваніе соціаль-демократіей роли авангарда какъ въ соціальномъ, такъ и въ политическомъ движеніи нашихъ дней.

Въ настоящій моментъ революціонная соціаль-демократія въ Россіи должна быть готова встрѣтить сопротивленіе со всѣхъ сторонъ — снизу со стороны адептовъ „чисто-рабочаго движенія“, сверху — со стороны буржуазной „критики“, съ фланговъ — со стороны подпавшихъ вліянію того или другого представителей „примирительныхъ“, эклектическихъ теченій. И всѣ нападающіе сойдутся въ признаніи ея „сектантской“. Но — „безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсни“. Великая задача — уже въ данный моментъ отстаивать классовую основу движенія какъ отъ враговъ его, такъ и отъ „друзей“, стоитъ того, чтобы начать борьбу при неодобреніи громаднаго большинства. Одушевленная сознаніемъ исторической важности борьбы за политическую гегемонію пролетаріата, какъ лучшаго оплота его будущей независимости въ борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ міромъ, соціалистическая интеллигенція въ своемъ научномъ міровоззрѣніи найдетъ опору, которая дастъ ей возможность сознательно разорвать всѣ оковы, налагаемыя идеологіей буржуазнаго общества. И тогда она не убоится зачисленія ея „всѣмъ міромъ“ въ ряды „сектантовъ“. И тогда она пойметъ всю нравственную обязанность оставаться при извѣстныхъ условіяхъ *всегда въ меньшинствѣ*.

Л. Мартовъ.

Cant противъ Канта
или
Духовное завѣщаніе г. Бернштейна.

(Э. **Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Переводъ Л. Канцеля. Второе изданіе, С.-Петербургъ, 1901.**)

Умеръ, Касьяновна, умеръ, болѣзная . . .
Некрасовъ.

Die Todten reiten schnell . . .
G. A. Bürger.

Г. Бернштейнъ умеръ для школы Маркса, къ которой онъ когда-то принадлежалъ. Теперь уже невозможно раздражаться противъ него: противъ мертвыхъ не раздражаются. Теперь безполезно и сожалѣть о немъ: сожалѣніями не поможешь дѣлу. Но мы все таки должны отдать послѣдній долгъ нашему покойному товарищу; мы должны посвятить нѣсколько страницъ его книгѣ, надѣлавшей много шума въ соціалистическихъ кругахъ всего цивилизованнаго міра, переведенной на русскій языкъ и вышедшей теперь вторымъ изданіемъ въ Петербургѣ.

Извѣстно, что въ этой книгѣ г. Бернштейнъ подвергаетъ „критическому пересмотру“ теорію Маркса-Энгельса. Мы съ своей стороны сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько критическихъ указаній на счетъ результатовъ этого „пересмотра“.

I.

Г. Бернштейнъ замѣчаетъ, что „важнѣйшій элементъ основанія марксизма (т. е. важнѣйшій элементъ въ основѣ марксизма: г. Л. Канцель очень плохо перевелъ книгу г. Бернштейна, Г. П.) такъ сказать основной законъ его, проходящій черезъ всю систему, есть его специфическая историческая теорія, посящая названіе историческаго матеріализма“. Это не вѣрно. Матеріалистическое объясненіе исторіи, дѣйствительно, является однимъ изъ самыхъ главныхъ отличительныхъ признаковъ марксизма. Но это объясненіе все таки составляетъ лишь *часть матеріалистическаго міросозерцанія Маркса-Энгельса*. Критическое изслѣдованіе ихъ системы должно, поэтому, начинаться съ критики общихъ *философскихъ* основъ этого міросозерцанія. А такъ какъ методъ несомнѣнно составляетъ душу всякой философской системы, то критика *діалектическаго метода* Маркса и Энгельса, естественно и необходимо должна предшествовать „пересмотру“ ихъ исторической теоріи.

Вѣрный своему невѣрному взгляду на „основной законъ“ марксизма, г. Бернштейнъ начинаетъ съ критики матеріалистическаго пониманія исторіи и лишь во второй главѣ своей книги переходитъ къ оцѣнкѣ діалектическаго метода. Мы, въ свою очередь, останемся вѣрны своему взгляду на рѣшающее значеніе метода въ каждой серьезной системѣ и начнемъ съ *діалектики*.

Что говоритъ о ней г. Бернштейнъ?

Онъ не отказывается признать за нею нѣкоторыя достоинства. Болѣе того. Онъ признаетъ, что она имѣла полезное вліяніе на историческую науку. По его словамъ, Ф. А. Ланге былъ совершенно правъ, сказавъ въ своемъ *„Рабочемъ вопросѣ“*, что гегелевскую историческую философію съ ея основнымъ положеніемъ, — развитіемъ путемъ противоположностей и ихъ примиреніемъ, — можно назвать почти антропологическимъ открытіемъ (стр. 39). Но онъ думаетъ, — вмѣстѣ съ тѣмъ же Ланге, — что „какъ въ жизни индивидуума, такъ и въ исторіи развитіе путемъ противоположностей совершается не такъ легко и радикально, не такъ точно и симметрично, какъ въ спекулятивныхъ построеніяхъ“ (та же страница). Марксъ и Энгельсъ не догадались объ этомъ, и потому діалектика имѣла вредное вліяніе на ихъ соціально-политическіе взгляды. Правда, основатели научнаго соціализма не любили умозрительныхъ построеній. Убѣжденные матеріалисты, они стремились „поставить на ноги“ діалектику, стоявшую у Гегеля „на головѣ“, т. е. *вверхъ ногами*. Но г. Бернштейнъ думаетъ, что не такъ-то легко рѣшить такую задачу: „Какъ всегда бываетъ въ дѣйствительности, лишь только мы покидаемъ почву эмпирически установленныхъ фактовъ и начинаемъ мыслить помимо нихъ, мы попадаемъ въ міръ производныхъ понятій; если мы въ такомъ случаѣ станемъ слѣдовать законамъ діалектики, какъ ихъ установилъ Гегель, то мы очутимся, прежде чѣмъ это замѣтимъ, снова въ тискахъ „саморазвитія понятій“. Въ этомъ крупная научная опасность для гегелевской логики противорѣчій“ (т. е. въ этомъ — *опасность логики противорѣчій*, повторяемъ, г. Л. Канцель плохо перевелъ г. Бернштейна, Г. II) (стр. 37). Не замѣтивъ этой опасности, Марксъ и Энгельсъ не убереглись отъ нея и потому не одинъ разъ были введены въ заблужденіе своимъ собственнымъ методомъ. Вотъ, напримѣръ, въ *„Манифестѣ Коммунистической Партіи“* они высказали ту мысль, что въ Германіи буржуазная революція можетъ послужить непосредственнымъ прологомъ рабочей революціи. Это предположеніе (*„можетъ* послужить“) оказалось ошибочнымъ: буржуазная революція 1848 г. не послужила непосредственнымъ прологомъ рабочей революціи. Почему же ошиблись Марксъ и Энгельсъ? *Потому, что придерживались діалектики.* По крайней мѣрѣ, такъ говоритъ г. Бернштейнъ. Еще примѣръ: если въ 1885 г., по случаю новаго изданія брошюры Маркса „Enthüllungen über den Kommunistenprozess“, и въ 1887 г., въ предисловіи къ своей брошюрѣ „Zur Wohnungsfrage“, Энгельсъ высказалъ мысли, которыя, по мнѣнію Бернштейна, трудно согласить съ его рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ извѣстному бунту „молодыхъ“ въ нѣмецкой соціалъ-демократіи, происшедшему нѣсколько лѣтъ спустя, то *и въ этомъ виновата діалектика.* Вы не вѣрите, читатель? Вы думаете, что мы шутимъ? Смотрите сами: „Эта двусмысленность, столь мало свойственная характеру Энгельса, въ концѣ концовъ коренилась въ заимствованной у Гегеля діалектикѣ“ (стр. 44). Въ этой фразѣ нѣтъ, къ сожалѣнію и слѣда „двусмысленности“. И если, убѣдившись въ этомъ, вы спросите г. Бернштейна: почему же, однако, діалектика располагаетъ къ двусмысленности, то получите отъ него такое объясненіе: „ея да, нѣтъ и нѣтъ, да“ вмѣсто: „да, да и нѣтъ, нѣтъ“, ея взаимные переходы противоположностей и превращенія количества въ качество, и другія діалектическія красоты всегда стояли препятствіемъ ясному представленію о значеніи признанныхъ измѣненій“ (та же стр.).

Если „діалектическія красоты“ *всегда* препятствовали ясному представленію объ измѣненіяхъ, совершавшихся въ дѣйствительности, то ясно, что діалектическій методъ ошибоченъ по самому своему существу, и что

оть него должны рѣшительно отказаться всѣ тѣ, которые, дорожа истиной, стремятся къ правильному пониманію природы и общественной жизни. При этомъ остается нерѣшеннымъ только одинъ вопросъ: вопросъ о томъ, какимъ образомъ далеко не прекрасныя діалектическія „красоты“ могли привести Гегеля въ его философіи исторіи къ тому, что г. Бернштейнъ, вслѣдъ за Ланге, признаетъ „почти антропологическимъ открытіемъ“. Словечко *„почти“*, на которое напираетъ г. Бернштейнъ, ничего не объясняетъ въ этомъ случаѣ и можетъ служить развѣ лишь новымъ подтвержденіемъ той старой истины, что *слова* являются кстати тамъ, гдѣ отсутствуютъ *понятія*. Впрочемъ, эту *„двусмысленность“* можно было бы, пожалуй, подарить г. Бернштейну, если бы онъ постарался хоть какъ нибудь *доказать* справедливость своего мнѣнія о вредѣ „діалектическихъ красотъ“. Но о доказательствахъ у него нѣтъ и помину. Да и неоткуда ему взять ихъ: вѣдь *онъ и самъ не рѣшится утверждать, что онъ когда нибудь изучалъ Гегеля. А если бы онъ и вздумалъ утверждать это, то очень легко было бы показать, что онъ . . . заблуждается.* Вотъ почему г. Бернштейнъ даже и не пытается доказывать свое мнѣніе. Онъ просто *высказываетъ* его, очень основательно разсчитывая на то, что всегда найдутся наивные читатели, которые не только повѣрятъ ему на слово, но еще и подивятся его глубокомыслію.

II.

Habent sua fata libelli, говорили римляне. Писатели тоже имѣютъ свою судьбу и подчасъ чрезвычайно странную. Возьмите хоть Гегеля. Какъ *мало* теперь людей, давшихъ себѣ серьезный трудъ изученія его философіи, и какъ *много* въ то же время „критиковъ“, позволяющихъ себѣ судить о ней вкривь и вкось! И тѣ же легкомысленные люди возмутились бы до глубины души, если бы кто нибудь вздумалъ осудить книгу г. Бернштейна, не прочитавши ея. Откуда берутся тутъ двѣ мѣрки? Почему въ отношеніи къ великому Гегелю позволительно такое легкомысліе, какое всякій назоветъ непозволительнымъ въ отношеніи къ маленькому г. Бернштейну? That is the question.

Если бы г. Бернштейнъ *зналъ* предметъ, о которомъ онъ такъ наивно и такъ неуклюже судитъ, то онъ, конечно, и самъ устыдился бы своего отзыва о діалектикѣ. Онъ думаетъ, что діалектическое *„да, нѣтъ и нѣтъ, да“*, препятствуя трезвому отношенію къ дѣйствительности, отдаетъ насъ во власть „саморазвитія понятій“. Но этимъ грѣхомъ грѣшитъ именно то метафизическое мышленіе, пріемы котораго характеризуются у г. Бернштейна формулой: *„да, да и нѣтъ, нѣтъ“*.

Гегель говоритъ: „юности свойственно бросаться въ абстракціи, между тѣмъ какъ человѣкъ, имѣющій жизненный опытъ, не увлекается отвлеченнымъ *или — или*, а держится конкретной почвы“. Этими простыми словами можно очень удовлетворительно характеризовать разницу между діалектикой съ одной стороны и мышленіемъ по любезной г. Бернштейну формулой: „да, да и нѣтъ, нѣтъ“ — съ другой.

Вѣдь эта послѣдняя формула и есть то *„отвлеченное или — или“*, пристрастіе къ которому свойственно, по замѣчанію Гегеля, молодости. А что *„отвлеченное или — или“* долго препятствовало правильной постановкѣ вопросовъ общественной жизни и даже естествознанія, это извѣстно теперь, вѣроятно, всѣмъ и каждому. У насъ въ Россіи покойный Н. Г. Чернышевскій очень популярно и очень хорошо выяснилъ отличительный характеръ *діалектическаго* отношенія къ изучаемому предмету. Съ точки зрѣнія діалектики, „опредѣлительное сужденіе можно произносить только объ опредѣленномъ фактѣ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ

зависитъ... Напримѣръ, благо или зло дождь? Это вопросъ отвлеченный, опредѣлительно отвѣтить на него нельзя: иногда дождь приноситъ пользу, иногда, хотя рѣже, приноситъ вредъ; надобно спрашивать опредѣлительно: послѣ того, какъ посѣвъ хлѣба оконченъ, въ продолженіе пяти часовъ шелъ сильный дождь, — полезенъ-ли онъ былъ для хлѣба? Тутъ только можно отвѣчать опредѣлительно: да, онъ былъ полезенъ." Съ такой же точки зрѣнія смотрѣла, — по совершенно вѣрному объясненію Чернышевскаго, — діалектическая философія Гегеля и на общественныя явленія. Пагубна, или плодотворно война? „Вообще нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ: надобно знать, о какой войнѣ идетъ дѣло.... Марѳонская битва была благодѣтельнѣйшимъ событіемъ въ исторіи человѣчества." Но смотрѣть на явленія съ такой точки зрѣнія значитъ именно поставить ихъ изслѣдованіе на *конкретную почву*. Вотъ почему діалектическая философія признала, по словомъ Чернышевскаго, „что прежнія общія фразы, которыми судили о добрѣ и злѣ, не разсматривая причинъ, по которымъ возникло данное явленіе, что эти общія, отвлеченныя изрѣченія не удовлетворительны. Отвлеченной истины нѣтъ, истина всегда конкретна."

На первый взглядъ кажется, что это ясно само собою; но это ясно только тому, *кто, — сознательно или безсознательно, — сталъ на діалектическую точку зрѣнія* и не считаетъ *„отвлеченнаго или — или"* (иначе — формулы: „да, да и нѣтъ, нѣтъ") важнѣйшимъ пріемомъ мышленія. Спросите, напримѣръ, графа Л. Н. Толстого, правильно-ли приведенное нами разсужденіе Чернышевскаго о войнѣ; онъ отвѣтитъ вамъ, что оно совсѣмъ неправильно такъ какъ война есть *зло*, а зло никогда не можетъ быть *добромъ*. Графъ Толстой обо всѣхъ вопросахъ судитъ съ точки зрѣнія *„отвлеченнаго или — или"*, что и лишаетъ его выводы всякаго сколько нибудь серьезнаго значенія. Какъ *мыслитель*, онъ совершенно чуждъ діалектики и этимъ объясняется, между прочимъ, его инстинктивное отвращеніе отъ марксизма. Къ сожалѣнію, и самъ Чернышевскій часто забывалъ, что „истина всегда конкретна". Въ своей политической экономіи онъ самъ не рѣдко склонялся къ *„отвлеченному или — или"*. Но этотъ неоспоримый фактъ не интересенъ для насъ въ настоящее время. Здѣсь для насъ важно напомнить читателямъ, какъ хорошо понялъ и какъ просто и наглядно объяснилъ Чернышевскій (въ своихъ *„Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы"*) несовмѣстимость діалектическаго взгляда съ отвлеченными сужденіями.

Анархисты спрашиваютъ соціаль-демократовъ: признаете-ли вы свободу личности? — Признаемъ, отвѣчаютъ соціаль-демократы, но признаемъ условно, потому что *безусловная свобода* одного лица означаетъ *безусловное рабство* всѣхъ его окружающихъ, т. е. *превращаетъ свободу въ ея собственную противоположность*. Такой отвѣтъ не нравится анархистамъ, которые, кажется, искренно считаютъ соціаль-демократовъ *врагами свободы* и, съ своей стороны, провозглашаютъ *неограниченную, т. е. безусловную свободу* личности. Превращеніе свободы въ ея собственную противоположность является въ ихъ глазахъ простымъ софизмомъ или, — какъ выразится, пожалуй, кто нибудь изъ нихъ теперь, ознакомившись съ терминологіей г. Бернштейна, — *одной изъ красотъ гегелевской діалектики*. Анархическое ученіе о свободѣ насквозь пропитано духомъ *„отвлеченнаго или — или"* (*или* свобода, *или* деспотизмъ), оно цѣликомъ построено по любезной г. Бернштейну формулѣ: *„да, да и нѣтъ, нѣтъ"*, между тѣмъ какъ соціаль-демократы смотрятъ на вопросъ о свободѣ съ *конкретной точки зрѣнія*. Они помнятъ, что *отвлеченной истины нѣтъ, что истина конкретна*. Въ этомъ отношеніи они проникнуты *духомъ діалектики*.

Конечно, самъ г. Бернштейнъ охотно осудитъ анархическое ученіе о свободѣ и согласится съ тѣмъ, что отвлеченной истины быть не можетъ. И по скольку онъ выскажется въ этомъ смыслѣ, постольку онъ самъ перейдетъ на точку зрѣнія *діалектики*. Но онъ сдѣлаетъ это *безсознательно*, вслѣдствіе чего и не избавится отъ одолѣвающей его путаницы понятій. Мольеровскій г. Журдэнъ могъ говорить сносной прозой, даже и не подозрѣвая существованія прозаической рѣчи. Но когда о діалектикѣ пускаются разсуждать люди, способные лишь къ безсознательному употребленію діалектическаго метода, то они не скажутъ о ней ничего, кромѣ вздора.

Исканіе конкретной истины составляетъ отличительный признакъ діалектическаго мышленія. Чернышевскій выразилъ ту же мысль, сказавъ, что со времени Гегеля „объяснить дѣйствительность стало существенной обязанностью философскаго мышленія", и что „отсюда явилось чрезвычайное вниманіе къ дѣйствительности, надъ которой прежде не задумывались, безъ всякой церемоніи искажая ее въ угодность собственнымъ односторонним предубѣжденіямъ".

Если это такъ, — а это въ самомъ дѣлѣ такъ, — то не трудно понять роль діалектики въ *развитіи соціализма отъ утопіи до науки*.

Французскіе просвѣтители 18-го вѣка смотрѣли на общественную жизнь съ точки зрѣнія отвлеченной противоположности между добромъ и зломъ, между разумомъ и глупостью. Они постоянно „бросались въ абстракціи". Достаточно напомнить ихъ отношеніе къ *феодализму*, въ которомъ они видѣли величайшую *нелѣпость* и ни за что не соглашались признать, что было время, когда онъ могъ быть по своему *разумной* системой общественныхъ отношеній. У соціалистовъ-утопистовъ замѣчается подчасъ сильное недовольство отвлеченнымъ мышленіемъ восемнадцатаго вѣка. Нѣкоторые изъ нихъ, въ своихъ сужденіяхъ объ *исторіи*, иногда покидаютъ отвлеченную формулу *„да, да и нѣтъ, нѣтъ"*, чтобы стать на діалектическую точку зрѣнія. Но это бывало съ ними *только иногда*. Огромное большинство ихъ и въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ продолжало, въ своихъ разсужденіяхъ *объ общественной жизни*, довольствоваться *„отвлеченнымъ или — или"*. Духомъ этого „или — или" пропитаны всѣ ихъ системы, и именно это „или — или" придаетъ ихъ системамъ *утопическій характеръ*. Чтобы изъ *утопіи* сдѣлаться *наукой*, соціализмъ необходимо долженъ былъ перерости этотъ пріемъ мышленія и доразвиться до діалектическаго метода. Марксъ и Энгельсъ сдѣлали эту необходимую реформу въ соціализмѣ. Но они могли сдѣлать ее *только потому*, что они предварительно прошли школу гегелевой философіи. Они и сами охотно признавали, что они очень многимъ обязаны діалектическому методу. Но г. Бернштейну угодно чтобы это было иначе. Онъ объявляетъ намъ, что превращеніе соціализма изъ утопіи въ науку совершилось *вопреки* діалектикѣ. а не *благодаря* ей. Это, конечно, очень рѣшительно, но столь же мало доказательно, какъ и та замѣчательная мысль, — высказанная нѣкогда г. Л. Тихомировымъ въ его брошюрѣ *„Почему я пересталъ быть революціонеромъ"*, — что русская литература развилась *благодаря* самодержавію, а не *вопреки* ему.

Г. Бернштейнъ твердо увѣренъ въ томъ, что Гегель и его ученики пренебрежительно относились къ точно опредѣленнымъ понятіямъ, считая ихъ *метафизикой*. Читатель уже знаетъ, со словъ Чернышевскаго, какого внимательнаго отношенія къ дѣйствительности требовала діалектическая философія Гегеля. Но внимательное отношеніе къ дѣйствительности невозможно безъ точно опредѣленныхъ понятій. Поэтому приходится предположить, что г. Бернштейнъ и въ этомъ случаѣ не понялъ великаго

мыслителя. Такъ оно и есть. И чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать (и, разумѣется, также и понять) восьмидесятый параграфъ большой *„Энциклопедіи“* Гегеля, который гласитъ такъ:

Параграфъ.

„Мышленіе, какъ дѣятельность разсудка, держится твердыхъ опредѣленій, исключающихъ другъ друга. Эти ограниченныя отвлеченности кажутся ему прочно существующими.“

Прибавленіе къ параграфу.

„Разсудочному мышленію слѣдуетъ прежде всего воздать должное и точно также надо признать его заслугу, состоящую въ томъ, что безъ разсудочнаго мышленія нельзя придти ни къ чему прочному и опредѣленному ни въ области теоріи, ни на практикѣ. Познаніе начинается съ того, что существующіе предметы берутся въ ихъ опредѣленныхъ различіяхъ. Такъ, напримѣръ, при изученіи природы различаются отдѣльныя вещества, силы, роды и т. д. и фиксируются въ этой своей изолированности. Дальнѣйшій успѣхъ науки состоитъ въ переходѣ съ точки зрѣнія *разсудка* на точку зрѣнія *разума*, изслѣдующаго каждое изъ этихъ явленій, — которое разсудокъ фиксируетъ, какъ отдѣленное цѣлью пропастью ото всѣхъ остальныхъ, — въ процессѣ его перехода въ другое явленіе, въ процессѣ его возникновенія и уничтоженія.“

Кто за *словами* умѣетъ видѣть связанныя съ ними *понятія*, тотъ, не смущаясь странной теперь терминологіей Гегеля, согласится, что указанный имъ путь изслѣдованія есть именно тотъ путь, слѣдуя которому наука нашего времени, — напримѣръ естествознаніе, — сдѣлала самыя блестящія свои теоретическія пріобрѣтенія.

Гегель не только не игнорируетъ правъ *разсудка* (а слѣдовательно и *точно опредѣленныхъ понятій*), но энергично отстаиваетъ его права даже въ такихъ областяхъ, которыя, казалось бы, очень далеки отъ „разсудочности“: въ философіи, въ религіи и въ искусствѣ. Онъ дѣлаетъ тонкое замѣчаніе о томъ, что всякое удачное драматическое произведеніе предполагаетъ рядъ точно опредѣленныхъ характеровъ. А что касается философіи, то она, по его словамъ, *требуетъ прежде всего*, точности (Präzision) мысли!*)

Но какое дѣло г. Бернштейну до истиннаго характера гегелевой философіи? Какое ему дѣло до гегелевой *„Энциклопедіи“* вообще и до того или другого ея параграфа въ частности? Онъ хорошо знаетъ, что у него всегда найдутся такіе читатели, которые станутъ рукоплескать ему даже въ томъ случаѣ, если замѣтятъ его ошибки. *Онъ „критикуетъ“ Маркса! Онъ старается разрушить марксистскую „догму“.* Этого совершенно достаточно теперь для того, чтобы пріобрѣсти громкую славу. Не мѣшаетъ, конечно, и изучить то, что берешься критиковать. Но можно обойтись и безъ этого. . .

Г. Бернштейнъ уповаетъ на свой здравый мыслъ. Но Энгельсъ справедливо замѣтилъ, что здравый смыслъ остается надежнымъ спутникомъ лишь до тѣхъ поръ, пока не выходитъ изъ предѣловъ своей компетенціи. До чего договорился г. Бернштейнъ, показываетъ слѣдующее его соображеніе, содержащееся, впрочемъ, не въ разбираемой нами теперь книгѣ, а въ одной изъ его статей, напечатанныхъ въ „Neue Zeit“ уже послѣ выхода книги.

Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о Л. Фейербахѣ Энгельсъ говоритъ, что въ глазахъ діалектики міръ представляетъ собою совокупность *процессовъ*, въ которой *вещи* и ихъ умственные образы, т. е. *понятія*, не оста-

*) G. W. F. Hegels Werke, Bd. IV, S. 150—151.

ются неподвижными, а находятся въ постоянномъ измѣненіи. Въ принципѣ („prinzipiell“) г. Бернштейнъ, „конечно“, находитъ это положеніе правильнымъ. Но онъ не знаетъ, въ какихъ предѣлахъ оно сохраняетъ свою правильность („welche Tragweite dürfen wir dem ihm zu Grunde liegenden Gedanken beilegen“), и какъ понимать слова: *постоянное измѣненіе*. По его замѣчанію, *измѣненія, которымъ подвергается организмъ всякаго даннаго человѣка, все таки не могутъ сдѣлать изъ него существа совершенно другого рода*. Такому глубокомыслію могъ бы позавидовать самъ Санчо Панса. Но неужели г. Бернштейнъ думаетъ, что Гегель и гегельянцы могли хоть на минуту упустить изъ виду эту глубокую, старую и почтенную истину? Какъ будто предвидя появленіе „критиковъ“ à la г. Бернштейнъ, Гегель обращалъ вниманіе своихъ слушателей на то, что развитіе всякаго даннаго явленія можетъ сдѣлать *дѣйствительнымъ* лишь то, что заключено въ немъ какъ *возможность* (an sich). Для примѣра онъ указывалъ на *растеніе*, говоря, что хотя растеніе и измѣняется, но измѣняется сообразно природѣ своего зародыша, а „не теряется въ простомъ и ни съ чѣмъ не сообразномъ измѣненіи“.*) Судите послѣ этого, была-ли нужда въ глубокомысленномъ замѣчаніи г. Бернштейна!

III.

Г. Бернштейнъ утверждаетъ, что Марксъ преувеличивалъ быстроту хода историческаго движенія. Это справедливо въ примѣненіи ко взгляду Маркса на развитіе *капиталистическаго* общества. Но *почему* же Марксъ склоненъ былъ къ такому преувеличенію? Г. Бернштейнъ и тутъ винитъ *діалектику*. И *эта* сторона вліянія діалектики кажется ему самой вредной и самой опасной. Именно она-то и отпугиваетъ его отъ „діалектическихъ красотъ“. Но, къ сожалѣнію, и она существуетъ только въ его воображеніи.

По Гегелю, *логическій* процессъ отрицанія совершается *внѣ времени*. *Реальные* же процессы отрицанія одного явленія природы другимъ или одной общественной системы другой опредѣляется, *въ быстротѣ своего хода, своей собственной природой*, и тѣми *конкретными условіями*, среди которыхъ они совершаются. Въ своей полемикѣ съ Дюрингомъ и въ книгѣ „*Л. Фейербахъ*“ Энгельсъ указываетъ на развитіе вселенной, какъ на діалектическій процессъ. *Преувеличилъ-ли* онъ *быстроту* этихъ процессовъ, требовавшихъ, по его собственнымъ словамъ, чрезвычайно продолжительныхъ періодовъ времени? Мы не думаемъ. Но если бы даже и случился съ нимъ такой грѣхъ, то винить въ немъ нужно было бы совсѣмъ не діалектику, а какія нибудь другія обстоятельства: или недостатокъ естественно-научныхъ свѣдѣній, или невнимательное отношеніе къ предмету, или еще что нибудь подобное. Вліяніе діалектики на его сужденіе о быстротѣ этихъ процессовъ было бы въ этомъ случаѣ такъ же ничтожно, какъ и вліяніе на него, напримѣръ, цвѣта лица китайской императрицы.

Возьмемъ другой примѣръ, но этотъ разъ изъ *исторической* области. Въ своей „Misère de la philosophie“ Марксъ, противополагая свой діалектическій методъ отвлеченному мышленію Прудона, говоритъ: „въ Германіи понадобилось три столѣтія для того, чтобы установилось первое раздѣленіе труда, — отдѣленіе города отъ деревни“. Преувеличена-ли здѣсь быстрота хода историческаго развитія? Кажется, что и тутъ нѣтъ никакого преувеличенія, а если и есть оно, то діалектика здѣсь совершенно, ровнехонько не при чемъ.

*) Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, Erster Theil, Hegels Werke, Bd. III, S. 34—35.

Третій примѣръ, касающійся *современной* намъ общественной жизни. Лассаль былъ, какъ извѣстно, рѣшительнымъ сторонникомъ діалектическаго метода. Но этотъ рѣшительный сторонникъ діалектическаго метода думалъ, что для постепеннаго устраненія „поземельной и капиталистической собственности“ (des Grund- und Kapitaleigenthums) понадобится *отъ 100 до 200 лѣтъ*. Судя по теперешнему настроенію г. Бернштейна, можно ожидать что и этотъ срокъ покажется ему слишкомъ короткимъ. Вѣроятно, г. Бернштейнъ думаетъ теперь, подобно Родбертусу, что для названнаго устраненія понадобится не менѣе 500 лѣтъ. Это его дѣло. Но Марксъ, навѣрное, сказалъ бы, что Лассаль требуетъ больше времени, чѣмъ нужно для коренного переустройства общества. Изъ этого слѣдуетъ, что гегельянцы, совершенно сходившіеся между собою въ признаніи важности діалектическаго метода, могли очень различно оцѣнивать быстроту современнаго имъ общественнаго развитія. А отсюда выходитъ, что если какой нибудь сторонникъ діалектики въ самомъ дѣлѣ преувеличиваетъ эту быстроту, то объяснять это надо чѣмъ нибудь другимъ, а вовсе не вліяніемъ діалектики.

Г. Бернштейнъ говоритъ: „Мы знаемъ, что мы думаемъ и мы также достаточно знаемъ, какимъ образомъ мы думаемъ. Но мы никогда не узнаемъ, какъ это происходитъ, что мы думаемъ; какимъ образомъ изъ внѣшнихъ впечатлѣній, изъ возбужденія нервовъ или изъ измѣненія положенія и взаимодѣйствія клѣточекъ нашего мозга возникаетъ сознаніе“.

Справедливо то, что мы никогда не узнаемъ, какъ возникаетъ наше сознаніе. Но вопросъ совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, можетъ-ли это наше незнаніе служить возраженіемъ противъ *матеріализма*. „Критическіе“ мыслители въ родѣ Ф. А. Ланге и даже физіологи въ родѣ Дюбуа-Реймонда, думали, что — *да*. Пишущій эти строки думаетъ, что — *нѣтъ*. Мы доказали это выписками изъ сочиненій Ламеттри въ статьѣ, направленной противъ г-на Бернштейна. Г. Бернштейнъ очень сердитъ на насъ за эту статью, но, — какъ въ этомъ сейчасъ убѣдится читатель — онъ ровно ничего не понялъ изъ нашихъ возраженій.

„Пытались объяснить это, — продолжаетъ г. Бернштейнъ, — приписывая атому извѣстную долю сознавательной способности, долю одушевленности въ смыслѣ ученія о монадахъ.“

Дѣйствительно, — *пытались*. Въ числѣ пытавшихся былъ, какъ мы указали въ своей статьѣ, и *матеріалистъ* Ламеттри, хотя сравнивать его ученіе съ ученіемъ Лейбница о монадахъ все таки очень рискованно. Г. Бернштейнъ ничего не говоритъ собственно о Ламеттри, но онъ вобще думаетъ, что „это (вышеуказанная имъ попытка объясненія) — мысленный образъ, предположеніе, къ которому вынуждаетъ насъ нашъ способъ мышленія и наша потребность цѣльнаго міровоззрѣнія“.

Вы понимаете, читатель? Если — да, то мы поздравляемъ васъ отъ всей души, потому что вы счастливѣе какъ пишущаго эти строки, такъ и самаго г. Бернштейна, который очевидно не понимаетъ того, что говоритъ. *Это не болѣе, какъ предположеніе!* Ну, разумѣется! Г. Бернштейнъ догадался объ этомъ только тогда, когда вздумалъ отрекаться отъ матеріализма, между тѣмъ какъ никто изъ людей, понимавшихъ дѣло, не выдавалъ „этого“ за что нибудь другое.

Но что же *слѣдуетъ* изъ того, что „это“ — простое предположеніе? То-ли что матеріализмъ не состоятеленъ? Въ этомъ весь вопросъ. А на этотъ вопросъ ни въ прежнихъ „критическихъ“ упражненіяхъ г. Бернштейна, ни въ разбираемой нами книгѣ нѣтъ даже ни одного *„атома“* отвѣта.

Дальше. „Статья, въ которой я указывалъ на это обстоятельство и замѣчалъ, что чистый матеріализмъ въ концѣ концовъ сводится къ идеа-

лизму, дала г. П. (Плеханову) желанный поводъ напасть на меня въ „Neue Zeit“ (вып. 44, годъ 16, II) упрекая меня въ невѣжествѣ вообще и въ особенности въ полномъ отсутствіи пониманія философскихъ воззрѣній Энгельса. Я уже не говорю о томъ, какъ г. П. произвольно отнесъ мои слова къ предметамъ, которыхъ я вовсе не касался, — я констатирую лишь то, что его статья оканчивается заявленіемъ, будто Энгельсъ однажды отвѣтилъ на вопросъ П.: „Такъ вы думаете, что старикъ Спиноза былъ правъ, говоря, что мысль и протяженіе не что иное, какъ два аттрибута одной и той же субстанціи?“ — словами: „Конечно, старикъ Спиноза былъ вполнѣ правъ“.

Пишущій эти строки дѣйствительно очень удивился, увидѣвъ, какъ плохо понялъ философію Энгельса (а слѣдовательно и Маркса) г. Бернштейнъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ самыхъ тѣсныхъ съ нимъ отношеніяхъ. Въ отвѣтъ на призывъ г. Бернштейна: *„Назадъ къ Канту“* мы пригласили его вернуться *назадъ къ изученію философіи* (Zurück ins Studirzimmer). Мы не искали повода напасть на г. Бернштейна. Если наше удивленіе выражено было съ нѣкоторой рѣзкостью, то эта рѣзкость объясняется нашими предыдущими отношеніями къ г. Бернштейну. Хотя онъ всегда казался намъ *ограниченнымъ* человѣкомъ (это могутъ засвидѣтельствовать многіе изъ нашихъ ближайшихъ товарищей), но мы все таки считали его принадлежащимъ къ школѣ Маркса и были очень поражены тѣми, по истинѣ ребяческими *пустяками*, которые онъ написалъ тогда о матеріализмѣ. Въ то время нашъ рѣзкій отзывъ о немъ могъ показаться несправедливымъ нѣкоторымъ читателямъ. Теперь врядъ-ли найдется хоть кто нибудь изъ людей, не совершенно лишенныхъ знаній, кто рѣшился бы упрекнуть насъ въ преувеличеніи. *Теперь философское невѣжество г. Бернштейна выступило во всемъ своемъ блескѣ*, и теперь мы даже не станемъ приглашать его вернуться къ учебникамъ: *мы видимъ, что учебники не для него писаны.*

Чистый матеріализмъ въ концѣ концовъ сводится къ идеализму! Но въ такомъ случаѣ философія Фихте или Гегеля „въ концѣ концовъ“ сводится къ философіи Ламеттри или Гольбаха? Это можетъ утверждать только тотъ, кто не понимаетъ ни матеріализма, ни идеализма, ни Гольбаха, Ламеттри, ни Гегеля, ни Фихте. Идеализмъ несомнѣнно имѣетъ одинъ общій признакъ съ матеріализмомъ: стремленіе къ *монистическому* объясненію явленій. Но *способъ*, которымъ осуществляется это стремленіе въ *матеріализмѣ, діаметрально-противоположенъ* способу осуществленія его въ *идеализмѣ*, и потому „въ концѣ концовъ“ матеріализмъ *радикально расходится* съ идеализмомъ.

Призывая *„назадъ къ Канту“*, г. Бернштейнъ долженъ былъ показать, что путь, по которому идетъ матеріализмъ, неправиленъ въ томъ или въ другомъ отношеніи. Вмѣсто этого онъ ограничился „сведеніемъ“ (и какимъ неловкимъ, наивнымъ сведеніемъ!) матеріализма къ идеализму. Удивительная сила и глубина критики!

Теперь о Спинозѣ. Г. Л. Канцель плохо перевелъ относящееся сюда мѣсто въ книгѣ г. Бернштейна. Г. Бернштейнъ говоритъ, что наша статья, написанная по поводу его „возвращенія къ Канту“ (котораго онъ никогда не зналъ и не знаетъ, — что признаетъ даже его единомышленникъ г. Струве) *сводится* къ цитированному имъ нашему разговору съ Энгельсомъ. Это неправда.

Одинъ изъ нѣмецкихъ товарищей, гораздо болѣе компетентный въ философіи, чѣмъ г. Бернштейнъ, высказалъ въ „Neue Zeit“ ту мысль, что естественно-научный матеріализмъ не выдерживаетъ критики и что напрасно связываютъ съ нимъ теорію Маркса-Энгельса, которую очень легко

связать съ гораздо болѣе состоятельнымъ философскимъ ученіемъ *Спинозы*. Такъ какъ г. Бернштейнъ сослался, между прочимъ, на статью этого товарища, то мы сочли нужнымъ отвѣтить *и на нее*. Мы показали, что Марксъ и Энгельсъ никогда не придерживались того матеріализма, который у товарища-спинозиста названъ естественно-научнымъ, т. е. матеріализма Фихте и Молешотта. Далѣе, на основаніи сочиненій Ламеттри и Дидро мы показали, что французскій матеріализмъ XVIII в. былъ въ сущности *не болѣе, какъ видоизмѣненнымъ спинозизмомъ*. Тоже самое показали мы и относительно *Фейербаха*. Только *послѣ этого*, перейдя къ основателямъ научнаго соціализма, мы, — отмѣтивъ близкое родство ихъ философскихъ взглядовъ со взглядами Фейербаха, — высказали свое убѣжденіе въ томъ, что и ихъ матеріализмъ былъ разновидностью спинозизма. И, наконецъ, — *какъ на одно изъ основаній* для этого убѣжденія, — мы сослались на одну изъ своихъ бесѣдъ съ Энгельсомъ. У г. Бернштейна выходитъ, что къ передачѣ этой бесѣды сводится *вся* наша статья. Чему приписать эти его слова: недостатку правдивости, или слабости пониманія?

„Субстанція, которой Спиноза приписываетъ эти два аттрибута — продолжаетъ г. Бернштейнъ, — есть Богъ. Во всякомъ случаѣ Спиноза отождествляетъ Бога съ природой, почему еще очень давно Спиноза считался за отрицателя Бога, а его философію упрекали въ атеизмѣ, между тѣмъ какъ формально она является пантеизмомъ... Спиноза дошелъ до понятія безконечной субстанціи Богъ съ упомянутыми и другими аттрибутами чисто спекулятивнымъ путемъ; для него законосообразное мышленіе и бытіе идентичны. Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на нѣкоторыхъ матеріалистовъ; но было бы произвольнымъ пониманіемъ слова назвать его представителемъ философскаго матеріализма... Если подъ словомъ матеріализмъ вообще нужно понимать нѣчто опредѣленное, то онъ можетъ быть только ученіемъ о матеріи, какъ послѣднемъ и единственномъ основаніи вещей. Но Спиноза ясно называетъ свою субстанцію Богъ невещественной. Каждый, конечно, воленъ быть послѣдователемъ Спинозы, только тогда онъ уже не будетъ матеріалистомъ."

Вотъ все, что г. Бернштейнъ отвѣтилъ намъ на нашу историческую справку. Это не много. Однако, къ этому немногому можетъ быть въ извѣстномъ смыслѣ примѣнено латинское выраженіе: non multa, sed multum.

Спиноза похожъ на нѣкоторыхъ матеріалистовъ въ томъ отношеніи, что для него законосообразное мышленіе и бытіе идентичны. Хорошо. Стало быть, существуютъ матеріалисты, признающіе идентичность бытія и мышленія? Выходитъ, что такъ. Но это совершенный вздоръ, и если бы г. Бернштейнъ, *понялъ*, что собственно означаютъ слова: *идентичность бытія и мышленія*, что онъ, разумѣется, никогда не открылъ бы этой идентичности ни у одного матеріалиста. Онъ увидѣлъ бы тогда, что *признаніе идентичности бытія и мышленія возможно только въ идеализмѣ*. И тогда, — новая и тоже очень не малая выгода пониманія предмета, — онъ не сказалъ бы, что чистый матеріализмъ въ концѣ концовъ сводится къ идеализму. Но онъ не понимаетъ того, о чемъ говоритъ, и потому онъ такъ же неловокъ и безпомощенъ въ употребленіи философской терминологіи, какъ неловокъ и безпомощенъ былъ въ употребленіи литературнаго языка „магъ" (въ разсказѣ Г. И. Успенскаго *„Нужда пѣсенки поетъ"*), обѣщавшій изобразить передъ почтеннѣйшей публикой „обезглавеніе головы, носа и прочихъ частей тѣла".

Если бы Спиноза признавалъ идентичность бытія и мышленія, то онъ былъ бы *„чистымъ" идеалистомъ*, т. е. именно тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ.

Его единая субстанція — *одновременно и вещественна, и духовна.**) По словамъ же г. Бернштейна, Спиноза *„ясно называетъ“* ее *не* вещественной. Очень хорошо понялъ онъ Спинозу! Почти такъ же хорошо, какъ Гегеля!

Всѣ эти промахи г. Бернштейна до такой степени очевидны и до такой степени непростительны; они свидѣтельствуютъ о такой полной и рѣшительной некомпетентности г. Бернштейна въ области философіи, что у читателя можетъ возникнуть вопросъ: да стоитъ-ли на нихъ останавливаться? Но тотъ, кто хоть на минуту склонился бы къ *отрицательному* отвѣту на такой вопросъ, сдѣлалъ бы большую ошибку.

IV.

Обрадованная отступничествомъ г. Бернштейна, буржуазія такъ носится теперь съ этимъ „критикомъ“; она такъ громко трубитъ объ его „критическихъ“ подвигахъ, что внимательный разборъ его аргументаціи можетъ дать много интереснѣйшихъ психологическихъ „документовъ“ для характеристики нашей эпохи. А кромѣ того, отреченіе г. Бернштейна отъ матеріализма и его стремленіе *„вернуться къ Канту“***) является вовсе не простыми ошибками философскаго ума (если только можно говорить о философскомъ умѣ г. Бернштейна); нѣтъ, они явились естественнымъ, неизбѣжнимъ и яркимъ выраженіемъ его нынѣшнихъ соціально-политическихъ тенденцій. Тенденціи эти могутъ быть выражены въ словахъ: *сближеніе съ передовыми слоями буржуазіи.* „То, что называютъ буржуазіей, — говоритъ онъ, — есть сложный классъ, состоящій изъ разныхъ слоевъ съ очень различными интересами. Эти слои держатся вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока они одинаково притѣснены или или пока имъ одинаково угрожаютъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти, конечно, только о послѣднемъ, т. е. о томъ, что буржуазія образуетъ однородную реакціонную массу потому, что всѣмъ ея элементамъ одинаково угрожаетъ соціаль-демократія — однимъ ихъ матеріальнымъ, другимъ ихъ идеологическимъ интересамъ: ихъ религіи, патріотизму, ихъ желанію уберечь страну отъ ужасовъ насильственной революціи“ (стр. 248—49). Эта небольшая выписка даетъ ключъ къ пониманію психологіи предпринятаго г. Бернштейномъ „пересмотра“ марксизма. Чтобы не „угрожать“ идеологическимъ интересамъ буржуазіи, — и прежде всего *религіи,* — г. Бернштейнъ „вернулся“ на точку зрѣнія *„критической“ философіи,* которая отлично уживается съ религіей, между тѣмъ какъ *матеріализмъ* рѣшительно и непримиримо враждебенъ ей.***) Чтобы не „угрожать“ буржуазному *патріотизму,* онъ сталъ опровергать то положеніе Маркса, что пролетаріатъ не имѣетъ отечества, и разсуждать объ иностранной политикѣ Германіи тономъ настоящаго „государственнаго мужа“, изъ школы „реальныхъ политиковъ“; наконецъ,

---

*) Cp. Die Ethik von Spinoza, neu übersetzt von J. Stern, II. Th., S. 77 und 80.

**) Въ своей книгѣ онъ говоритъ, впрочемъ, что выраженіе: „вернемся къ Канту“ онъ замѣнилъ бы теперь выраженіемъ: „вернемся къ Ланге“. Но это не мѣняетъ дѣла.

***) Еще древніе понимали, что въ этомъ заключается одна изъ великихъ культурныхъ заслугъ матеріализма. Лукрецій краснорѣчиво выразилъ это сознаніе въ своей похвалѣ Эпикуру: „Когда на землѣ человѣческая жизнь была презрительно подавлена подъ тяжестью религіи, которая съ неба показывала свою главу и страшнымъ видомъ грозила смертнымъ: — тогда впервые греческій мужъ, смертный, осмѣлился направить туда свой взглядъ и противостать; онъ, котораго не укротили ни храмы боговъ, ни молніи, ни угрожающій трескъ неба“ и т. д.

чтобы не „угрожать“ буржуазіи *„ужасами насильственной революціи“*, онъ ополчился противъ „Zusammenbruchstheorie“ (которую, кстати сказать, онъ самъ же и смастерилъ изъ нѣкоторыхъ, частью плохо имъ понятыхъ, частью искаженныхъ словъ Маркса и Энгельса) и пустился доказывать, что „классовая диктатура есть признакъ болѣе низкой культуры .... является шагомъ назадъ, политическимъ атавизмомъ“. Кто хочетъ понять г. Бернштейна, тому надо выяснить себѣ не столько его *теоретическіе* доводы, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ невѣжества и путаницы понятій, сколько его *практическія* стремленія, которыми объясняются всѣ его теоретическія злоключенія и грѣхопаденія. *Каковъ человѣкъ, такова и его философія*, справедливо говорилъ Фихте.

„Религія есть опіумъ народа, — писалъ Марксъ въ „Deutsch-Französische Jahrbücher“, — уничтоженіе религіи, какъ *призрачнаго* счастья, означаетъ требованіе его *дѣйствительнаго* счастья.... Критики религіи является, поэтому, критикой нашей юдоли плача.“

Такой языкъ, разумѣется, не могъ нравиться не только тѣмъ буржуазнымъ филистерамъ, которые нуждаются въ религіозномъ „опіумѣ“ для того, чтобы обезпечить самимъ себѣ немножко *призрачнаго счастья*, но также и тѣмъ, гораздо болѣе даровитымъ и смѣлымъ идеологамъ буржуазіи, которые, освободивъ самихъ себя отъ религіозныхъ предразсудковъ, угощаютъ, однако, *призрачнымъ счастьемъ* народную массу единственно для того, чтобы обезпечить отъ ея посягательствъ *дѣйствительное счастье* имущихъ классовъ. Само собою понятно, что именно эти господа особенно рѣзко возстаютъ противъ матеріализма и особенно громко осуждаютъ „догматизмъ“ тѣхъ революціонеровъ, которые разоблачаютъ истинный характеръ ихъ анти-матеріалистической пропаганды...

Въ интересной брошюрѣ „Reform oder Revolution“! — К. фонъ Массовъ, Geheimer Regierungsrath, Mitglied der Internationalen Kommission für Schutzpflege u. s. w., словомъ, человѣкъ вполнѣ *„почтенный“*, — высказываетъ свое твердое убѣжденіе въ томъ, что „если наше развитіе пойдетъ такъ же, какъ шло оно до сихъ поръ, то въ будущемъ нашему отечеству угрожаетъ соціальная революція“ (Vorwort, S. 1). Для избѣжанія этой революціи необходима, по его мнѣнію, всесторонняя реформа (eine Gesammtreform auf staatlichem und sozialem Gebiet), требованію которой и посвящена его книга. Но всесторонняя соціальная реформа не исключаетъ въ его программѣ и борьбы противъ „революціонныхъ силъ“ (die Mächte des Umsturzes). Пока не произошло революціоннаго взрыва, надо бороться съ ними *духовнымъ* оружіемъ (mit geistigen Waffen), а въ этой борьбѣ необходимо направить свои силы прежде всего *противъ матеріализма*. Но г. фонъ Массовъ думаетъ, что удачнѣе другихъ будутъ бороться съ матеріализмомъ тѣ противники „революціонныхъ силъ“, которые сами очистятъ себя отъ матеріалистической скверны. „Врагъ, съ которымъ мы должны вступить въ борьбу прежде всего, есть матеріализмъ въ нашей собственной средѣ, проповѣдуетъ онъ. Соціаль-демократія совершенно матеріалистична, она отрицаетъ Бога и вѣчность (sic). Но отъ кого заимствована это ученіе? Не спустилось-ли оно сверху внизъ? Огромнѣйшее большинство образованныхъ людей нашего времени отвернулось отъ вѣры своихъ отцовъ“... „Часть образованнаго міра совершенно атеистична.“ *) А соціальныя послѣдствія атеизма ужасны. „Если нѣтъ ни бога, ни загробной жизни, ни вѣчности; если со смертью прекращается также и существованіе души, товъ двѣсти, въ триста разъ болѣе несправедливымъ становится всякое бѣдствіе, всякая нищета одной части человѣчества,

*) Op. cit., S. 222.

страдающей въ то время, когда другая его часть наслаждается избыткомъ. На какомъ основаніи девять десятыхъ народа должны нести на себѣ тяжелое бремя жизни, между тѣмъ какъ меньшинство остается свободнымъ отъ всякой тяжести?“ *) На этотъ вопросъ атеистъ не можетъ отвѣтить сколько нибудь удовлетворительно. Но именно здѣсь-то и лежитъ *соціальная* опасность атеизма: онъ воспитываетъ и возбуждаетъ революціонныя чувства въ рабочей массѣ. И именно потому нашъ тайный совѣтникъ правленія и проч. и проч. и проч. проповѣдуетъ образованной буржуазіи покаяніе и борьбу съ матеріализмомъ. Г. фонъ Массовъ толковый человѣкъ. Онъ гораздо толковѣе всѣхъ тѣхъ „марксистовъ“, которые, искренно сочувствуя рабочему классу, въ то же время не менѣе искренно увлекаются „критической“ философіи. Эти люди придерживаются матеріалистическаго пониманія исторія. Но они приходятъ въ большое удивленіе, когда имъ указываютъ на *соціальныя*, — т. е. съ послѣднемъ счетѣ, на *экономическія*, — причины того отрицательнаго отношенія къ *матеріализму* и того распространенія *неокантіанства*, которыя замѣчаются въ средѣ образованной буржуазіи нашей эпохи.

V.

Но вернемся къ г. Бернштейну. Заключительная глава его книги украшена эпиграфомъ: Cant wider Kant (Кантъ противъ Канта). Разъясняя смыслъ этого эпиграфа, г. Бернштейнъ говоритъ, что духъ кенигсбергскаго философа призывается имъ для борьбы съ условностью устарѣлыхъ взглядовъ, стремящихся утвердиться въ соціаль-демократіи и составляющихъ для нея большую опасность. „Припадки бѣшенства, — замѣчаетъ онъ, — которые я вызвалъ этимъ у г-на П. (Плеханова) укрѣпили меня въ убѣжденіи, что соціаль-демократіи нуженъ новый Кантъ, который направилъ бы оружіе своей критики, который доказалъ бы, въ чемъ кажущійся матеріализмъ есть величайшая и потому наиболѣе легко сбивающаяся съ пути идеологія, — доказалъ бы, что презрѣніе къ идеалу, признаніе матерьяльныхъ факторовъ всемогущими силами развитія есть самообманъ, всегда на дѣлѣ признававшійся и признаваемый таковымъ тѣми, кто его проповѣдуетъ“ (стр. 330). Читатель недоумѣваетъ: причемъ здѣсь кажущійся матеріализмъ, причемъ здѣсь самобманъ, да еще самообманъ „на дѣлѣ“ совершенно *сознательный?* Дѣло объясняется очень просто: по мнѣнію г. Бернштейна, самообманъ неизбѣженъ тамъ, гдѣ люди, признающіе экономическіе факторы „всемогущими“, въ то же время, „на дѣлѣ“, не чужды *идеаловъ*. Уже изъ одного этого видно, какъ *близокъ* теперь г. Бернштейнъ къ г. Карѣеву и какъ *далекъ* онъ, стало быть, отъ серьезной критики марксизма. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, надо прочитать страницы, посвященныя г. Бернштейномъ оцѣнкѣ *историческихъ* взглядовъ Маркса и Энгельса. При чтеніи этихъ страницъ по истинѣ волосы становятся дыбомъ. Но по недостатку мѣста мы не будемъ разбирать ихъ здѣсь, отсылая любопытнаго читателя къ тому, что сказано о нихъ К. Каутскимъ въ его книгѣ „Bernstein und das sozialdemokratische Programm“ и нами въ предисловіи къ новому изданію *„Манифеста коммунистической партіи“*.**) Здѣсь мы отмѣтимъ только слѣдующій курьезъ, относящійся, впрочемъ, не къ философско-исторической, а

*) Ibid., S. 222—223.

**) Одно мимоходное замѣщаніе. Г. Бернштейнъ не одобряетъ нашего выраженія: *монистическое* объясненіе исторіи. У него слово monistisch оказывается равносильнымъ съ simplistisch. Чтобы не входить въ длинныя объясненія на счетъ того, почему нужно именно *монистическое* объясненіе исторіи, мы скажемъ словами Ньютона: Causas rerum naturalium non

къ философской „критикѣ“ марксизма. Г. Бернштейнъ говоритъ: „Въ выраженіи ‚матеріалистическое пониманіе исторіи‘ заранѣе заключены всѣ недоразумѣнія, которыя вообще связаны съ понятіемъ матеріализма. Философскій или естественно-историческій матеріализмъ вполнѣ детерминистиченъ, чего нельзя сказать о марксистскомъ пониманіи исторіи; оно не признаетъ за экономическимъ основаніемъ жизни народовъ никакого безусловно опредѣляющаго вліянія на ея формы“ (стр. 23—24). Выходитъ, что детерминистъ — только тотъ, кто признаетъ за экономическимъ основаніемъ жизни безусловно опредѣляющее вліяніе на *формы* жизни (?!). Это — Геркулесовы столбы невѣжества и непониманія. Но это не все. Впослѣдствіи, когда Каутскій замѣтилъ въ „Neue Zeit“, что безъ детерминизма нѣтъ научнаго объясненія явленій, нашъ „критикъ“ поспѣшилъ заявить, что возстаетъ собственно только противъ *матеріалистическаго* детерминизма, который состоитъ въ объясненіи психологическихъ явленій дѣйствіемъ матеріи, между тѣмъ какъ онъ, г. Бернштейнъ, признаетъ также дѣйствіе другого начала. Такимъ образомъ г. Бернштейнъ благополучно пришелъ въ ту мирную гавань *дуализма*, входъ въ которую украшенъ надписью: „*Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла*“. Это — опять хорошо знакомая русскому читателю *Карѣевщина*. Но эта Карѣевщина плохо вяжется даже съ тѣмъ кантіанствомъ, къ которому хочетъ „*вернуться*“ г. Бернштейнъ. Кантъ категорически утверждаетъ, что alle Handlungen der vernünftigen Wesen, sofern sie Erscheinungen sind, in irgend einer Erfahrung angetroffen werden, stehen unter der Naturnothwendigkeit (всѣ дѣйствія разумныхъ существъ, поскольку они представляютъ собою явленія и такъ или иначе встрѣчаются намъ въ опытѣ, подчинены естественной необходимости („Prolegomena“, параграфъ 53). Что же это значитъ, что явленія подчинены естественной необходимости? Это значитъ именно то, что они объясняются матеріалистически (ср. „Kritik der Urtheilskraft“, параграфъ 78). Оказывается, стало быть, что г. Бернштейнъ возстаетъ не только противъ матеріалистовъ, но *также и противъ Канта*. И все это затѣмъ, чтобы не *угрожать идеологическимъ интересамъ буржуазіи*, т. е., чтобы не идти противъ буржуазнаго Çant'a. Cant wider Kant — вотъ какой девизъ слѣдовало бы избрать г. Бернштейну.

Если г. Бернштейнъ отказался отъ *матеріализма* для того, чтобы не „угрожать“ тому „идеологическому интересу“ буржуазіи, который называется *религіей*, то его отказъ отъ *діалектики* вызванъ былъ его нежеланіемъ пугать ту же буржуазію „ужасами насильственной революціи“. Выше мы сказали, что онъ, навѣрное, и самъ не прочь осудить „*отвлеченное или-или*“, не считающееся съ условіями мѣста и времени, и что, поэтому, онъ самъ безсознательно пользуется діалектическимъ методомъ. Это вполнѣ вѣрно, но теперь надо прибавить, что онъ безсознательно становится на конкретную почву діалектики только въ тѣхъ случаяхъ и только въ такой мѣрѣ, въ какой діалектика представляетъ собой *удобное оружіе въ борьбѣ съ мнимымъ радикализмомъ „революціонеровъ“, мыслящихъ по фор-*

---

plures admitti debere, quam quae et verae sint et earum Phenomenis explicandis sufficiant. Г. Бернштейнъ не понимаетъ, что если развитіе общественныхъ — и въ послѣднемъ счетѣ экономическихъ — отношеній не представляетъ собою коренной причины развитія такъ называемаго *духовнаго* фактора, то этотъ послѣдній развивается *самъ изъ себя*, а это *саморазвитіе духовнаго фактора* есть не болѣе, какъ одна изъ разновидностей того „*саморазвитія понятій*“, противъ котораго нашъ „критикъ“ предупреждаетъ своихъ читателей, какъ противъ одной изъ опасныхъ приманокъ гегельянской діалектики.

мулъ: „да, да и нѣтъ, нѣтъ“. Это именно тѣ случаи, когда всякій *филистеръ* дѣлается *діалектикомъ*. Но тотъ же самый г. Бернштейнъ, — вмѣстѣ со всѣми филистерами всего земного шара, — готовъ городить противъ діалектики всякій вздоръ и возводить на нее самыя нелѣпыя обвиненія всякій разъ, когда ему кажется, что она можетъ содѣйствовать укрѣпленію и развитію революціонныхъ стремленій въ соціалистической области. Марксъ говоритъ, что нѣмецкіе филистеры увлекались діалектикой въ то доброе старое время, когда они знали ее лишь въ ея мистифицированномъ видѣ и воображали, что она можетъ служить для оправданія ихъ консервативныхъ стремленій, но тотчасъ же и рѣшительно отвернулись отъ нея, когда узнали ея настоящій характеръ и поняли, что она разсматриваетъ все существующее съ его преходящей стороны, что она ни передъ чѣмъ не останавливается и ничего не боится, словомъ, что она *революціонна по самому своему существу*. Это же самое отношеніе къ діалектикѣ видимъ мы и у г. Бернштейна, который во всей своей психологіи является роднымъ дѣтищемъ нѣмецкаго филистерства. Оттого-то нѣмецкіе филистеры и привѣтствовали его „критику“ громкими и продолжительными воплями радости; оттого то они и произвели его въ великіе люди. Рыбакъ рыбака видитъ издалека.

Чтобы не „угрожать“ буржуазіи „ужасами насильственной революціи“, г. Бернштейнъ возсталъ противъ діалектики и ополчился противъ имъ же самимъ сфабрикованной „Zusammenbruchstheorie“. Въ то же самое время, и все съ тою же цѣлью, онъ выступилъ Пиндаромъ *демократіи*. „Демократія — говоритъ онъ — является въ принципѣ уничтоженіемъ классоваго господства, если не фактическимъ уничтоженіемъ самихъ классовъ“ (стр. 225). Мы прекрасно понимаемъ всѣ преимущества демократіи и всѣ тѣ выгоды, которыя она даетъ рабочему классу въ его освободительной борьбѣ. Но мы не хотимъ искажать истину даже ради демократіи точно также, какъ мы не станемъ ломать стулья даже ради Александра Македонскаго. Что демократія уничтожаетъ классовое господство, это есть не болѣе, какъ выдумка г. Бернштейна. Она оставляетъ его существовать въ той области, къ какой собственно и относится понятіе о классѣ, т. е. *въ области экономической*. Она уничтожаетъ только *политическія привилегіи* высшихъ классовъ. И именно потому что она не уничтожаетъ *экономическаго* господства одного класса надъ другимъ, — буржуазіи надъ пролетаріатомъ, — она не устраняетъ также ни взаимной борьбы пролетаріата съ буржуазіей, ни необходимости для пролетаріата бороться всѣми тѣми средствами, какія только могутъ въ данное время оказаться *цѣлесообразными*. Разсуждая „по человѣчеству“, всякій не поврежденный человѣкъ согласится съ тѣмъ, что „ужасы насильственной революціи“, *взятые сами по себѣ*, ничего *желательнаго* въ себѣ не заключаютъ. Но всякій, не ослѣпленный антиреволюціонными тенденціями человѣкъ долженъ также признать, что демократическая конституція совсѣмъ не обезпечиваетъ отъ такого обостренія классовой борьбы, которое можетъ сдѣлать неизбѣжными революціонный взрывъ и революціонную диктатуру. И напрасно г. Бернштейнъ пугаетъ революціонеровъ тѣмъ соображеніемъ, что классовая диктатура явилась бы признакомъ болѣе низкой культуры. Великій общественный вопросъ нашего времени, вопросъ объ уничтоженіи экономической эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, можетъ быть рѣшенъ, — какъ рѣшались великіе общественные вопросы прежняго времени, — *только силой*. Правда, *сила еще не значитъ насиліе*: *насиліе есть лишь одна изъ формъ проявленія силы. Но выборъ* той *формы*, въ которой пролетаріату придется проявлять свою революціонную силу, *зависитъ не отъ его доброй воли, а отъ обстоятельствъ*. Та форма лучше, которая вѣрнѣе и скорѣе ведетъ къ побѣдѣ надъ непріятелемъ. И если бы *„насильственная революція“* оказа-

лась въ данной строкѣ и при данныхъ обстоятельствахъ наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ дѣйствій, то жалкимъ доктринеромъ, — если не измѣнникомъ, — оказался бы тотъ, кто выставилъ бы противъ нея принциніальныя соображенія въ родѣ тѣхъ, которыя мы встрѣчаемъ у г. Бернштейна: „низкая культура“, „политическій атавизмъ“ и т. п. Рукопашная борьба является, если хотите, зоологическимъ „атавизмомъ“ всюду, гдѣ она ни происходитъ: вѣдь два борющихся человѣка напоминаютъ собою двухъ борющихся звѣрей. Но кто, кромѣ „толстовцевъ“, принципіально осудитъ всякое сопротивленіе злу посредствомъ рукопашнаго боя? И развѣ хоть одинъ серьезный человѣкъ можетъ взять въ серьезъ тѣ доводы, съ помощью которыхъ толстовцы принципіально осуждаютъ насиліе? Для всякаго мыслящаго человѣка очевидно, что эти доводы представляютъ собою неумышленную каррикатуру на мышленіе по любезной г. Бернштейну формулѣ: „*да, да и нѣтъ, нѣтъ*“, совершенно тождественной, какъ мы уже знаемъ, съ гегелевскимъ „*отвлеченнымъ или-или*“ (насиліе есть *или* зло, *или* добро). „Ужасы насильственной революціи“ всегда болѣе или менѣе „ужасны“. Это такъ. Этого никто не оспариваетъ, но г. Бернштейнъ избралъ очень плохой путь для ихъ избѣжанія: ему слѣдовало бы обратиться къ буржуазіи и показать тѣмъ ея элементамъ, которые еще не погрязли въ классовомъ эгоизмѣ, что стараться замедлить современное соціалистическое движеніе значитъ совершать самый тяжкій грѣхъ противъ гуманности и культуры. Въ той мѣрѣ, въ какой его проповѣдь выходила бы удачной, она ослабляла бы сопротивленіе, оказываемое буржуазіей движенію пролетаріата и тѣмъ ослабляла бы возможность „ужасовъ насильственной революціи“. Г. Бернштейнъ предпочелъ дѣйствовать иначе. Онъ сталъ затемнять классовое сознаніе рабочихъ, выступивъ съ проповѣдью марксизма, „пересмотреннаго“ имъ со спеціальной цѣлью успокоенія буржуазіи. Этотъ пріемъ оказался удачнымъ въ томъ смыслѣ, что значительная часть образованной буржуазіи хорошо поняла, до какой степени *выгодно для нея* распространеніе марксизма, „пересмотреннаго“ г. Бернштейномъ, на счетъ стараго революціоннаго ученія Маркса. Эта часть буржуазіи привѣтствовать г. Бернштейна, какъ своего рода Мессію. Но для соціализма онъ умеръ и, конечно, никогда уже не воскреснетъ, какъ бы громко ни кричалъ онъ о томъ, что соціалисты его не поняли и что, въ сущности, онъ мало измѣнился сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ былъ. Вотъ оно, усердіе не по разуму!

VI.

Г. Бернштейнъ на каждомъ шагу теряется въ неясности своихъ собственныхъ понятій и путается въ своихъ собственныхъ противорѣчіяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ его аргументаціи есть логическій центръ, вокругъ котораго группируются его мысли. Этимъ центромъ является *ученіе о доходахъ*.

„Совершенно не вѣрно думать, — говоритъ онъ, — что современное развитіе свидѣтельствуетъ объ относительномъ или даже абсолютномъ уменьшеніи числа собственниковъ. Число собственниковъ растетъ не „болѣе или менѣе“, но просто болѣе, т. е. растетъ абсолютно, и относительно. Если бы дѣятельность и надежды соціаль-демократіи зависѣли отъ того, что число собственниковъ уменьшается, то она могла бы въ дѣйствительности „спокойно заснуть“, но это совершенно не вѣрно. Не съ уменьшеніемъ, а съ увеличеніемъ общественнаго богатства связаны надежды соціаль-демократіи.“ (стр. 90).

Ни Марксъ, ни Энгельсъ и никто изъ ихъ учениковъ не связывалъ своихъ надежъ съ *уменьшеніемъ* общественнаго богатства. Стараясь разорвать *такую* „связь“, г. Бернштейнъ просто на просто сражается съ вѣтря-

ными мельницами. Но всѣ марксисты были убѣждены, что ростъ общественнаго богатства сопровождается въ капиталистическомъ обществѣ *ростомъ общественнаго неравенства и уменьшеніемъ числа собственниковъ*. Если бы г. Бернштейну удалось доказать противное, то надо было бы признать, что онъ нанесъ марксизму смертельный ударъ. И тогда, дѣйствительно, всякіе толки о *соціальной революціи* стали бы *пустыми разговорами*. Но бѣда въ томъ, что г. Бернштейнъ ровно ничего не доказалъ, кромѣ своего собственнаго непониманія. Доводы, которые онъ приводитъ въ защиту своего смѣлаго утвержденія, сводятся почти всецѣло къ тому, что умѣренные доходы растутъ быстрѣе, чѣмъ населеніе. Это безспорный фактъ. Но этотъ безспорный фактъ ничего не доказываетъ. *Если общественный доходъ растетъ еще быстрѣе, чѣмъ число умѣренныхъ доходовъ, то ростъ этого числа вполнѣ совмѣстимъ съ ростомъ общественнаго неравенства.* Мы доказали это въ статьѣ противъ г. П. Струве, спеціально посвященной вопросу о „притупленіи“ общественно-экономическаго неравенства. Къ ней мы и отсылаемъ читателя, ограничиваясь здѣсь нѣсколькими частными замѣчаніями.

Во-первыхъ, ростъ числа умѣренныхъ доходовъ, вполнѣ совмѣстимый съ ростомъ общественно-экономическаго неравенства, ни въ какомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ ни объ абсолютномъ, ни — еще менѣе — объ относительномъ увеличеніи числа собственниковъ. *Собственность* и *доходъ* — два совершенно различныхъ понятія.

Во-вторыхъ, ссылки г. Бернштейна на распредѣленіе поземельной собственности такъ же *неточны*, какъ не убѣдительно его указаніе на ростъ числа умѣренныхъ доходовъ. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ.

Онъ говоритъ, что въ Германіи группа среднихъ крестянскихъ хозяйствъ увеличилась въ періодъ 1882—1895 г. почти на 8 проц., а занимаемая ими площадь на 9 проц. (стр. 110). Но какой смыслъ имѣютъ данныя объ увеличеніи абсолютнаго числа хозяйствъ или размѣра площади *одной* категоріи хозяйствъ, если не сообщается *все* число хозяйствъ и *вся* культурная площадь въ странѣ? А если принять во вниманіе это обстоятельство, т. е. разсмотрѣть размѣръ *доли* среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ общемъ числѣ хозяйствъ и въ общемъ итогѣ площади, то окажется, что площадь, занимаемая въ Германіи хозяйствами этой категоріи испытала лишь совершенно ничтожное увеличеніе. Въ 1882 г. она составляла 11,90 прц. всей поземельной площади, а въ 1895 — 12,37 прц., увеличеніе составляетъ, стало быть, *менѣе половины процента*. Но это мы говоримъ о *всей* поземельной площади Германіи. А что касается собственно сельскохозяйственной площади, то хозяйства указанной категоріи составляли въ 1882 г. 12, 26 прц., а въ 1895 г. — 13,02 прц.; увеличеніе не превышаетъ 0,75 проц.*) Это такъ мало, что странно и употреблять здѣсь слово: *увеличеніе*.

Положеніе дѣлъ въ германскомъ земледѣліи такъ сложно, что въ сужденіяхъ о немъ никакъ нельзя довольствоваться голыми статистическими цифрами, а необходимо принимать въ соображеніе географическія особенности каждой данной мѣстности, равно какъ техническія и экономическія особенности каждой отдѣльной категоріи хозяйства, а также и *измѣненія* этихъ особенностей, совершающіяся въ разсматриваемые періоды.

Что касается *Англіи*, то г. Бернштейнъ позабылъ прибавить или не знаетъ, что мелкіе хозяева, — число которыхъ дѣйствительно увеличивается

*) См. Die Landwirthschaft im Deutschen Reich. Nach der landwirthschaftlichen Betriebszählung vom 14. Juni 1895 (Statistik des Deutschen Reiches, Neue Folge, Band 112, S. 11).

тамъ подъ вліяніемъ заокеанской конкурренціи, — называются тамъ *„британскими рабами“* (british slaves*), до такой степени *плохо* ихъ экономическое положеніе,

Теорія Маркса такъ же мало опровергается увеличеніемъ числа этихъ „рабовъ“, какъ опровергалась бы она ростомъ sweating system въ той или другой отрасли обрабатывающей промышленности.

Г. Бернштейнъ говоритъ также, что въ восточной части *Американскихъ Штатовъ* растетъ число мелкихъ и среднихъ хозяйствъ. Это опять не вѣрно. Въ восточныхъ Штатахъ число мелкихъ фермъ *уменьшается*, и вообще въ Сѣверной Америкѣ замѣтна, — по словамъ Левассёра, — нѣкоторая *тенденція къ концентраціи.***)

Въ *Бельгіи* новѣйшія статистическія данныя также указываютъ на концентрацію поземельной собственности.***) *Относительное уменьшеніе числа зем. владѣльцевъ является въ ней твердо установленнымъ фактомъ.*

VII.

„Односторонности въ изложеніи г. Шульце-Геверницемъ исторіи развитія современной Англіи, противъ которыхъ я очень рѣзко возставалъ въ свое время, не помѣшали ему какъ въ его сочиненіи „Zum sozialen Frieden“, такъ и въ монографіи „Der Grossbetrieb ein wirthschaftlicher Fortschritt“ установить факты, имѣющіе важное значеніе для познаванія экономическаго значенія современности, говоритъ г. Бернштейнъ. Я не вижу въ томъ ничего дурного и охотно признаю, что я обратилъ вниманіе на многіе факты, приведенные Шульце-Геверницемъ а также и другими; вышедшими изъ школы Брентано экономистами (Геркнеромъ, Зинцхеймеромъ) — факты, которыхъ я раньше не замѣчалъ вовсе или недостаточно оцѣнивалъ. Я даже не стыжусь признаться, что я кое-чему научился изъ книги Ю. Вольфа „Sozialismus und sozialistische Gesellschaftsordnung“. Г. Плехановъ называетъ это эклектическимъ соединеніемъ (научнаго соціализма) съ ученіемъ буржуазныхъ экономистовъ. Какъ будто $^9/_{10}$ элементовъ научнаго соціализма не взяты изъ сочиненій „буржуазныхъ экономистовъ“, какъ будто вообще существуетъ партійная наука“ (стр. 306 и 307).

„Партійная наука“, строго говоря, невозможна. Но, къ сожалѣнію, очень возможно существованіе *„ученыхъ“, проникнутыхъ духомъ партій и классовымъ эгоизмомъ*. Когда соціалисты презрительно отзываются о буржуазной наукѣ, они имѣютъ въ виду именно „ученыхъ“ этого рода. Къ числу этихъ „ученыхъ“ принадлежатъ и тѣ господа, у которыхъ г. Бернштейнъ столь много „научился“: Ю. Вольфъ, Шульце-Геверницъ и многіе другіе. Если $^9/_{10}$ научнаго соціализма и взяты изъ сочиненій буржуазныхъ экономистовъ, то онѣ взяты не такъ, какъ беретъ г. Бернштейнъ у брентанистовъ и другихъ апологетовъ капитализма свои матеріалы для „пересмотра“ марксизма. Основатели научнаго соціализма умѣли относиться къ буржуазнымъ ученымъ *критически*, а г. Бернштейнъ не съумѣлъ или не захотѣлъ отнестись къ нимъ такимъ образомъ. „Учась“ у нихъ, онъ просто на просто подчинился ихъ вліянію и незамѣтно для себя усвоилъ ихъ апологетическую аргументацію. Онъ вообразилъ, что ученіе о ростѣ умѣренныхъ доходовъ, какъ о доказательствѣ абсолютнаго и относительнаго

---

*) См. Final Report of H. M. Commissioners appointed to inquire into the subject of agricultural depression. London 1879, p. 36.

**) L'Agriculture aux Etas-Unis, Paris et Nancy 1894, p. 61—62.

***) См. книгу Вандервельда „La propriété foncière en Belgique“ и нашу замѣтку о ней въ первой книжкѣ „Зари“.

увеличенія числа собственниковъ, представляетъ собою серьезное пріобрѣтеніе объективной науки, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно оказывается одной изъ апологетическихъ выдумокъ. Если бы г. Бернштейнъ способенъ былъ къ научному мышленію, то онъ не попалъ бы въ такой просакъ, въ какомъ мы видимъ его въ настоящее время, но тогда онъ и не написалъ бы своей книги.

Уже осенью 1898 г. мы высказали ту мысль, что г. Бернштейнъ сталъ „критиковать" Маркса единственно потому, что не въ состояніи былъ критически отнестись къ буржуазной апологетикѣ.*) Тогда же мы отмѣтили и тотъ любопытный фактъ, что даже надѣлавшая много шума фраза г-на Бернштейна: *„движеніе все, а конечная цѣль ничто"*, заимствована г. Бернштейномъ у Шульце-Геверница. Не будучи въ состояніи возразить намъ по существу, г. Бернштейнъ отвѣтилъ намъ грубой бранью, отвѣчать на которую мы не видимъ надобности.**) Мы очень дорожимъ теперь непріязнью г. Бернштейна и гордимся тѣмъ, что мы были одни изъ первыхъ, *указавшихъ* на отступничество г. Бернштейна и *заклеймившихъ* его. *„Дѣло идетъ о томъ, кто кого похоронитъ*, — писали мы въ названной статьѣ: *Бернштейнъ соціаль-демократію, или соціаль-демократія Бернштейна"*. Въ 1898 г. такая постановка вопроса показалась слишкомъ рѣзкой многимъ нашимъ товарищамъ. Теперь въ рядахъ революціонной соціаль-демократіи этотъ вопросъ *всѣми* ставится именно такъ, а не иначе. Дальнѣйшій ходъ дѣла вполнѣ подтвердилъ справедливость нашихъ словъ. Вдаваться въ личныя препирательства съ г. Бернштейномъ мы не имѣли охоты прежде; не имѣемъ ея и теперь. Но мы не можемъ устоять передъ искушеніемъ отмѣтить слѣдующую интересную частность.

Г. Бернштейнъ понялъ направленныя противъ него замѣчанія наши въ томъ смыслѣ, что мы считаемъ положеніе рабочаго въ капиталистическомъ обществѣ „безнадежнымъ", и заявилъ, что не желаетъ спорить „съ человѣкомъ, по понятіямъ котораго наука требуетъ, чтобы положеніе рабочаго считалось безнадежнымъ при всѣхъ условіяхъ вплоть до великаго переворота" (стр. 309—310). Видите, какъ строго! Но въ книгѣ строгаго г. Бернштейна мы находимъ такое мѣсто:

---

*) Въ статьѣ „Wofür sollen wir ihm dankbar sein", Sächsische Arbeiterzeitung, № 253—255. Кстати, мы и до сихъ поръ не можемъ понять, за что собственно благодарилъ Бернштейна Каутскій на Штутгартскомъ партейтагѣ. Книга Каутскаго „Bernstein und das sozialdemokratische Programm" вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль о томъ, что благодарить было не за что.

**) Брань сопровождалась у нашего противника недобровѣстными пріемами спора. Такъ напримѣръ, г. Бернштейну хочется доказать, что теперь еще невозможно уничтожить классы. Съ этой цѣлью онъ цитируетъ Энгельса, который будто бы говоритъ, что уничтоженіе классовъ станетъ возможнымъ „лишь на извѣстной, относительно нашего времени очень высокой степени развитія производительныхъ силъ" (стр. 325—326). Выходитъ, что, по Энгельсу, достигнутая нами ступень развитія производительныхъ силъ еще недостаточна для устраненія капитализма. На самомъ же дѣлѣ Энгельсъ говоритъ *совершенно противное*. „Sie (die Abschaffung der Klassen) hat also zur Voraussetzung einen Höhegrad der Entwicklung der Produktion, auf dem Aneignung der Produktionsmittel und Produkte .... durch eine besondere Gesellschaftsklasse nicht nur überflüssig, sondern auch ökonomisch, politisch und intellektuell ein Hinderniss der Entwicklung geworden ist. Dieser Punkt ist erreicht" (курсивъ нашъ). Dührings Umwälzung der Wissenschaft; dritte Auflage, S. 304. Слишкомъ уже усердствуетъ г. Бернштейнъ въ своемъ стремленіи не испугать буржуазію.

Въ ученіи Маркса и Энгельса „неопровергнутымъ остается лишь слѣдующее: что производительная способность въ современномъ обществѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ дѣйствительный, опредѣляемый покупательной способностью спросъ на продукты; что милліоны живутъ въ дурныхъ жилищахъ, плохо одѣваются и недостаточно питаются несмотря на то, что въ изобиліи имѣются средства, чтобы создать для нихъ достаточно жилищъ, пищи и одежды; что слѣдствіемъ этого несоотвѣтствія въ различныхъ отрасляхъ промышленности является перепроизводство. . . . Что поэтому существуютъ значительныя неправильности въ полученіи рабочими занятій, вслѣдствіе чего положеніе ихъ становится въ высшей степени необезпеченнымъ, все больше повергая ихъ въ недостойную зависимость, создавая въ одномъ мѣстѣ чрезмѣрную работу, а въ другомъ безработицу“ (стр. 145—146).

Г. Л. Канцель, по своему обыкновенію, плохо перевелъ г. Бернштейна. Этотъ послѣдній говоритъ, что рабочіе *поддерживаются* въ недостойной зависимости, а не попадаютъ *все въ большую зависимость*, какъ заставляетъ его говорить его переводчикъ. Но даже и въ правильномъ переводѣ мысль г. Бернштейна побиваетъ его самаго. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ же не *безнадежно* положеніе того класса капиталистическаго общества, который, несмотря на поразительный ростъ производительности труда, *остается* въ томъ экономическомъ положеніи и въ той унизительной зависимости, о которыхъ мы читаемъ у г. Бернштейна! Ясно, что — *безнадежно*, и что вывести пролетаріатъ изъ этого безнадежнаго положенія можетъ только *устраненіе капиталистическаго способа производства, соціальная революція*.*) Г. Бернштейнъ плохо свелъ концы съ концами въ своемъ новомъ міросозерцаніи.

Г. Бернштейнъ глубокомысленно вопрошаетъ: „Не усиливаетъ-ли крупное расширеніе пространства мірового рынка (т. е. его размѣровъ; мы вынуждены еще разъ повторить, что Г. Канцель очень плохо перевелъ разбираемую нами книгу, Г. П.) въ связи съ громаднымъ сокращеніемъ времени, необходимаго для передачи извѣстій и транспорта, — не усиливаетъ-ли оно возможности смягченія застоевъ; а затѣмъ колоссально возросшее богатство европейскихъ промышленныхъ государствъ въ связи съ эластичностью современнаго кредита и возникновеніемъ промышленныхъ картелей, — не уменьшило-ли оно, по крайней мѣрѣ на долгое время, вліянія мѣстныхъ или частныхъ застоевъ на общее положеніе дѣла настолько, что общіе дѣловые (т. е. промышленные, Г. П.) кризисы, подобные прежнимъ, должны считаться невѣроятными“ (стр. 126).

Жизнь отвѣтила на этотъ вопросъ: съ половины прошлаго года цивилизованный міръ переживаетъ общій промышленный кризисъ, приближеніе котораго предвидѣли нѣкоторые буржуазные дѣльцы *уже въ то время, когда г. Бернштейнъ писалъ свою книгу*.

---

*) Марксъ призналъ бы положеніе рабочаго въ капиталистическомъ „*безнадежнымъ*“ даже въ томъ случаѣ, если бы возможно было значительное его улучшеніе. „Лучшая одежда, пища, обращеніе и большій запасъ денегъ, — говорилъ онъ, — столь же мало уничтожаютъ состояніе зависимости и эксплуатацію наемнаго рабочаго, какъ и рабовъ.“ (Капиталъ, I, С.-Петербургъ, стр. 534.) Г. Бернштейнъ и самъ пойметъ, что положеніе раба остается „безнадежнымъ“ въ марксовомъ смыслѣ *вплоть до отмѣны рабства*. Замѣтимъ, впрочемъ, что слово „безнадежно“ принадлежитъ не намъ, а только *приписано* намъ г. Бернштейномъ. Нашъ взглядъ на положеніе работника въ капиталистическомъ обществѣ высказанъ и обоснованъ нами во второй статьѣ противъ г. П. Струве.

VIII.

У Шекспира одинъ придворный говоритъ о помѣшавшейся Офеліи:

Въ ея словахъ нѣтъ половины смысла;
Все дико въ нихъ, — они пустые звуки,
Но ихъ безобразность на размышленья
Наводитъ того, кто имъ внимаетъ. . .

То же приходится сказать и о книгѣ г. Бернштеина: все дико въ ней, и нѣтъ въ ней ничего, кромѣ пустыхъ звуковъ, но именно эта самая пустота звуковъ и наводитъ на грустныя размышленья внимательнаго читателя. Во всѣхъ теоретическихъ вопросахъ г. Бернштейнъ оказался слабѣе слабаго. Какимъ же образомъ могъ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ играть роль одного изъ самыхъ выдающихся теоретиковъ партіи? Надъ этимъ вопросамъ стоитъ подумать. И не легко найти сколько нибудь утѣшительный отвѣтъ на него. . .

Другой вопросъ, не менѣе важный: во взглядахъ г. Бернштейна остались теперь лишь слабые слѣды соціализма. Въ дѣйствительности онъ *гораздо ближе къ мелко-буржуазнымъ сторонникамъ „соціальной реформы“*, чѣмъ *къ революціонной соціаль-демократіи*. А между тѣмъ онъ остается „товарищемъ“, и его не просятъ удалиться изъ партіи. Это отчасти объясняется очень распространеннымъ теперь между соціаль-демократами всѣхъ странъ *ложнымъ взглядомъ на свободу мнѣній*. Говорятъ: „какъ же исключить человѣка изъ партіи за его взгляды? Это значило бы преслѣдовать его за ересь.“ Люди, разсуждающіе такимъ образомъ, забываютъ, что *свобода мнѣній* необходимо должна дополняться свободой взаимнаго сближенія и расхожденія, и что эта послѣдняя свобода не существуетъ тамъ, гдѣ тотъ или другой предразсудокъ заставляетъ идти вмѣстѣ такихъ людей, которымъ лучше разойтись въ виду различія ихъ взглядовъ. Но этимъ неправильнымъ разсужденіемъ только отчасти объясняется тотъ фактъ, что г. Бернштейнъ не исключенъ изъ нѣмецкой соціаль-демократической партіи. Главная же причина заключается въ томъ, что его новые взгляды раздѣляются довольно значительнымъ числомъ другихъ соціаль-демократовъ. По причинамъ, о которыхъ мы не можемъ распространяться въ этой статьѣ, *оппортюнизмъ* пріобрѣлъ много сторонниковъ въ рядахъ соціальной демократіи разныхъ странъ. И въ этомъ распространеніи оппортюнизма заключается самая главная изъ всѣхъ опасностей, угрожающихъ ей въ настоящее время. Соціаль-демократы, оставшіеся вѣрными революціонному духу своей программы, — и они, къ счастью, почти вездѣ еще составляютъ большинство, — сдѣлаютъ непоправимую ошибку, если не примутъ своевременно рѣшительныхъ мѣръ для борьбы съ этой опасностью. Г. Бернштейнъ, взятый самъ по себѣ, не только не страшенъ, но прямо смѣшенъ, отличаясь уморительнымъ сходствомъ съ философствующимъ Санчо Пансой. Но „Бернштейніада“ очень страшна, какъ признакъ возможнаго упадка.

Кстати. Г. Бернштейнъ пишетъ: „Чтобы выставить въ надлежащемъ свѣтѣ полемическіе пріемы г. Плеханова, я долженъ упомянуть, что большая, если не бо́льшая часть работающихъ въ Россіи русскихъ соціаль-демократовъ рѣшительно присоединились къ точкѣ зрѣнія близкой къ моей, и что въ этомъ смыслѣ нѣкоторыя мои „безсодержательныя“ статьи были переведены по русски и распространены въ отдѣльныхъ изданіяхъ.“ *) Да-

*) Это мѣсто выпущено въ переводѣ г. Л. Канцеля. Оно находится въ примѣчаніи на стр. 112 изданнаго въ Лондонѣ русскаго перевода книги г. Бернштейна.

лѣе слѣдуетъ злорадное замѣчаніе о томъ, что такое явленіе врядъ-ли можетъ насъ обрадовать. Оставляя въ сторонѣ какъ вопросъ о нашихъ личныхъ чувствахъ, такъ и вопросъ о томъ, какимъ образомъ наши полемическіе пріемы могутъ быть характеризованы фактомъ сближенія съ г. Бернштейномъ работающихъ въ Россіи соціаль-демократовъ, — если бы этотъ фактъ и былъ вѣренъ, — мы замѣтимъ, что г. Бернштейнъ, очевидно, имѣетъ въ виду такъ называемое *„экономическое“* направленіе русской соціаль-демократіи. Всякій знаетъ, что это направленіе, имѣвшее временный успѣхъ въ Россіи, теперь побѣждено нашими единомышленниками, видящими въ г Бернштейнѣ не болѣе, какъ *отступника*. Но и до сихъ поръ, вѣроятно, не всякому извѣстно, что нашлось одно русское (заграничное) соціаль-демократическое изданіе, не замѣтившее существованія „экономическаго“ направленія и потому отрицавшее его. Зорки были глаза у редакціи этого изданія!

Дрянный русскій переводъ дрянной книжонки г. Бернштейна уже выдержалъ два „легальныхъ“ изданія. Вѣроятно, скоро появится и третье. Удивляться этому нельзя. *Всякая* „критика“ марксизма и *всякая* его пародія, — если только она проникнута *буржуазнымъ* духомъ, — непремѣнно понравится той части нашихъ легальныхъ марксистовъ, которая сама представляетъ собою *буржуазную пародію на марксизмъ*.

Августъ 1901. Г. Плехановъ.

Современная весталка.

(Изъ этюдовъ о современной журналистикѣ.)

Ходятъ толки, что русскій марксизмъ умираетъ, умираетъ естественной смертью, не на полѣ славной брани и не отъ руки цензурнаго убійцы. Ходятъ толки, что старый грѣховодникъ, заживо разлагаясь, собирается каяться: quand le diable devient vieux, il se fait ermite — дряхлѣющій чортъ поступаетъ въ монахи и возноситъ молитвы отвергнутому богу. Болѣе того. Ходятъ толки, что иные эксъ-матеріалисты въ порывѣ покаяннаго восторга уже бьютъ себя въ перси и съ кликушьимъ паѳосомъ даютъ обѣтъ отнынѣ и присно — творить истину и красоту, осуществлять добро, облагораживать душу.*) И не даромъ! „Матеріалистическая“ душа была полна всякой скверны: матеріалисты „издѣвались надъ правомъ нравственнаго суда надъ явленіями общественной жизни“, „выбрасывали за бортъ исторіи многомилліонную массу крестьянства“, „третировали интеллигенцію . .“, „видѣли прогрессивное явленіе“ въ кулакѣ и на своемъ знамени начертали достойный ихъ лозунгъ — *„годить“*, годить до тѣхъ поръ, „пока прочно уляжется ‚экономическій фундаментъ‘, на которомъ возвысится новая надстройка“.**) Неудивительно, что теперь — у одра безнадежно больного — слышится вздохъ облегченія: то праведники ликуютъ, предвкушая блаженство грядущаго торжества. Водрузивъ осиновый колъ на нечестивой могилѣ, они обрѣтутъ, наконецъ, давно желанный покой, „миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“. И заживетъ же тогда наша „передовая“ журналистика, избавившись отъ этихъ зловредныхъ людей! Тихо, благородно и . . . нестерпимо добродѣтельно! Г. Михайловскій помолодѣетъ, утвердивъ за собою „наслѣдство“ былого, глубоко запрятавъ его въ карманъ, подальше отъ любопытствующихъ взоровъ. „Русское Богатство“ будетъ безмятежно ворковать свои „прогрессивныя“ рѣчи, якобы храня „священный огонь“, возженный когда то его „предшественниками“.***) И ни одинъ смѣльчакъ не укажетъ тогда современной „весталкѣ“, что „священный

---

*) См. Н. Бердяевъ „Борьба за идеализмъ“, „Міръ Божій“, іюнь 1901 г.

**) См. „Русское Богатство“, апрѣль 1901 г., статья г. Михайловскаго, стр. 128.

***) См. Н. Михайловскій „Литература и Жизнь“, стр. 94, въ январской книжкѣ „Русскаго Богатства“ за текущій годъ.

огонь“ давно догорѣлъ на опустѣломъ жертвенникѣ и сама „весталка“ усердно *заливала* его водой изъ фонтана своего краснорѣчія.

Чаянья будущаго вдохновляютъ на подвиги въ настоящемъ, удесятеряютъ силы, изощряютъ лукавство. . .

Въ непріятельскомъ станѣ смятенье. Лови моментъ! не плошай! Гдѣ нужно — силой бери и лѣзь на проломъ, гдѣ нужно — въ обходъ пускайся и улещивай! Заманивай! переманивай!

Раздался призывъ, и воинъ за воиномъ спѣшитъ сразиться за правое дѣло. Доблестная дружина!

Вотъ Черновъ — изъ молодыхъ, да ранній: еще недавно ютился на страницахъ марксистскихъ журналовъ, теперь — угрюмо наводитъ дальнобойное орудіе на нечестивцевъ и своими аграрными зарядами дѣйствуетъ столь опустошительно, что заранѣе трубитъ — условія капитуляціи. „. . . Если идейные товарищи г. Давыдова — милостиво заявляетъ нашъ воитель*) — согласятся стать въ аграрномъ вопросѣ на его (г. Давыдова) точку зрѣнія, то тѣмъ самымъ будетъ устранено одно изъ самыхъ главныхъ препятствій къ установленію „цѣлостнаго и многосторонняго единовѣрія“.

Вотъ кокетливый Подарскій, стыдливо-вкрадчиво строитъ глазки „неистовому Виссаріону“ нашихъ дней, оберъ-критику Струве. Онъ ласково-ласково журитъ своего „огорчителя“ за предосудительныя „сальто-мортале“ „въ эфиръ ужасающей метафизики“. „Я дѣйствительно питаю нѣкоторую слабость“.., „никакъ не могу отдѣлаться отъ симпатіи къ этому правдоискательствующему писателю“ **) — шепчетъ краснѣя и потупя очи, эта заигрывающая прелестница. Того и гляди совсѣмъ свихнется бѣдняга Струве и не замѣтитъ, какъ у него въ рукахъ „вмѣсто свѣтильника истины окажется чадящая головня“.***) Сколько хлопотъ предстоитъ еще „друзьямъ активнаго русскаго развитія“, „чтобы направить идеалистическіе порывы нашихъ „неокантіанцевъ“ по руслу нормальнаго общественнаго творчества“. Что же дѣлать? по нуждѣ и въ гувернантки поступишь! Г. Подарскій готовъ и на это и выражаетъ твердую надежду, что успѣхъ вѣнчаетъ дѣло. Не даромъ вѣдь „художественное ‚эхо‘ нашего романиста (Боборыкина) уже подхватило разговоры о примиреніи и соглашеніи, въ скоромъ времени, можетъ быть, повѣдаетъ намъ и о совмѣстной дѣятельности примирившихся и согласившихся“.†)

---

*) См. „Русское Богатство“, ноябрь 1900 г., ст. „Къ вопросу о капиталистической и аграрной эволюціи“, стр. 242. Рѣчь идетъ о замѣткѣ г. П. Давыдова въ журналѣ „Міръ Божій“ по поводу книгъ Каутскаго и Герца.

**) См. „Русское Богатство“, февраль 1901 г., стр. 193.

***) См. „Русское Богатство“, декабрь 1900, стр. 140—141.

†) См. „Русское Богатство“, февраль 1901, стр. 191 и 195.

Но если „юная“ дружина по временамъ предается „сентиментамъ“ и мечтаетъ объ объятіяхъ, въ которыхъ она нѣжно задушитъ „блуднаго сына“ прогресса, то старый воевода непреклоненъ, и „перо его местію дышетъ“.

Еще четверть вѣка назадъ ему приснился однажды кошмаръ — „русскій человѣкъ, который увѣровалъ въ непреложность исторической теоріи Маркса“.*) Яркими красками живописалъ онъ тогда трагизмъ несчастливца, непригоднаго „для мерзостной стороны процесса“, но вынужденнаго „привѣтствовать ниспроверженіе зачатковъ собственнаго идеала“. Съ тѣхъ поръ много воды утекло на мельницѣ русской исторіи: кошмаръ сталъ дѣйствительностью, а несчастливецъ — прохвостомъ. Таковъ нелицепріятный приговоръ — воеводы-писателя. Слава создателю! наконецъ то „тѣсная клѣтка“ марксизма сдается „на сломъ“. Конечно, не въ ней „было искать отвѣтовъ на всѣ вопросы, волнующіе душу современнаго человѣка“.**) Современный человѣкъ найдетъ ихъ въ широкомъ, всеобъемлющемъ міросозерцаніи — г. Михайловскаго и присныхъ его. Когда заблудшая овца-читатель вновь обрѣтетъ своего пастыря и будетъ пастись на мирныхъ пажитяхъ русскаго „прогрессивнаго“ ученія, тогда всѣ эти ортодоксы, критики, декаденты и прочая „мразь“ сгинутъ, какъ тѣни ночи, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, въ блескѣ *исправленныхъ и дополненныхъ* идей 70-хъ годовъ. Близокъ часъ воздаянія, и г. Михайловскій своимъ всевидящимъ окомъ уже зритъ „елисѣйскія поля“ будущаго:

„Въ непродолжительномъ времени — говоритъ онъ***) — идеи 70-хъ годовъ вновь объединятъ значительную и, конечно, не худшую часть русскаго общества, — разумѣется, не въ буквальномъ своемъ повтореніи, а со всѣми тѣми поправками, которыхъ требуетъ пережитый съ тѣхъ поръ опытъ. Останутся островки, гдѣ среди громкозвучной тишины декаденты будутъ фіолетовыми руками воздѣлывать разноцвѣтную ерунду; гдѣ привьется худшая сторона ничшеанства и всякая мразь будетъ ходить гоголемъ, воображая себя сверхъчеловѣкомъ; гдѣ сохранится горсть „ортодоксовъ“; гдѣ, наконецъ, среди метафизическихъ тумановъ дружески обнимутся г. Волынскій и гг. Струве и Бердяевъ. Но все это будутъ только „инсулярныя положенія“, безъ вліянія на главное русло мысли“.

Такъ мечтаетъ старикъ, радостно улыбаясь и вперивъ затуманенный взоръ въ безплотную, но сладостную грезу.

Ахъ, не все жъ намъ слезы горькія
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ.
На минуту позабудемся
Въ чарованьѣ красныхъ вымысловъ. . . .

---

*) См. „Сочиненія Н. К. Михайловскаго“, т. IV, стр. 171.
**) См. „Русское Богатство“, январь 1901, стр. 96.
***) Ibid., стр. 94.

Да, наша печать переживаетъ моментъ пріятнаго волненія, кризисъ въ марксизмѣ обнадежилъ пріунывшихъ было враговъ, муть растущаго теоретическаго хаоса благопріятствуетъ уловленію довѣрчивыхъ рыбинъ искусными рыболовами. И если намъ, русскимъ соціаль-демократамъ, — въ настоящіе трудные дни организаціоннаго строительства и усложняющейся борьбы съ самодержавнымъ противникомъ — приходится опять и опять вести бесѣды съ современной „весталкой“, то этимъ своеобразнымъ удовольствіемъ мы обязаны въ значительной мѣрѣ нашей марксистообразной демократіи и ея духовнымъ вождямъ.

По мѣрѣ того какъ русскій легальный марксизмъ становился все болѣе и болѣе достояніемъ марксистообразныхъ, стиралось различіе между нимъ и современными эпигонами героической эпохи. Споръ о судьбахъ капитализма потерялъ свою остроту, съ неизбѣжнымъ, хотя и невольнымъ, признаніемъ его фактическаго развитія. Аграрный вопросъ сталъ открытымъ вопросомъ для нашихъ гамлетовъ марксизма. А то, что составляло „духъ живъ“ стараго спора, бродильный ферментъ новаго ученія, исчезало и таяло мало по малу — въ дымкѣ былого. Теперь, въ смутное время взаимной разборки и практическаго разброда, иной неофитъ марксизма уже не сумѣетъ дать себѣ отчета въ томъ, что же являлось тогда общественнымъ нервомъ борьбы, движущей силой вспыхнувшей ненависти. А между тѣмъ, намъ, свидѣтелямъ и участникамъ достопамятной распри, было ясно какъ день, что литература лишь отражала на себѣ боязливо-осторожно жгучій конфликтъ двухъ разнородныхъ элементовъ русской жизни. Революціонеръ-разночинецъ выходилъ изъ того оцѣпенѣнія, въ которое погрузилъ его прежній разгромъ, растущее рабочее движеніе манило его своими побѣдными чарами, и онъ шелъ на борьбу, расчищая дорогу и свергая кумиры, стоявшіе ему на пути. Онъ сбрасывалъ путы того литературнаго теченія и той житейской философіи, что красно говорятъ объ отдаленныхъ цѣляхъ, драпируясь въ мантію радикализма, а на дѣлѣ — самодовольно плещутся въ мутномъ прудѣ застоявшейся дѣйствительности, глубоко зарывшись въ грязи компромиссовъ. Острымъ клиномъ войдя въ литературу и въ жизнь, въ литературу, опустившуюся до взглядовъ фрондирующаго обывателя, и въ жизнь, въ ту среду, что такъ охотно давала баюкать себя прогрессивнымъ нянюшкамъ, онъ, конечно, произвелъ неописуемое смятеніе и сталъ притчей во языцѣхъ. Неудивительно, что съ перваго же шага его общественно-литературной карьеры его ждалъ тотъ „милліонъ терзаній“, которымъ наградили его оскорбленные олимпійцы и вся эта потревоженная публика. Несомое на гребнѣ пролетарской волны, съ такимъ компасомъ въ рукахъ, какъ ученіе Маркса, революціонное разночинство могло спокойно

внимать и музыкѣ вражеской брани, и свисту, и шипу, и клеветѣ ядовитой. Оно не боялось врага въ открытомъ бою и на каждый ударъ отвѣчало ударомъ. Но нашъ рыцарь безъ страха и упрека упустилъ изъ виду одно. Старая пословица гласитъ: избави насъ, боже, отъ друзей, а съ врагами мы сами справимся. Увы! Богъ русскаго прогресса не пощадилъ своихъ піонеровъ и прикрылъ гордымъ знаменемъ революціоннаго марксизма цѣлыя стада мягкотѣлаго люда. Положеніе стало рѣзко инымъ съ тѣхъ поръ, какъ русская демократія начала капитулировать передъ новымъ ученіемъ. Le mort saisit le vif! Побѣждаемый противникъ заразилъ побѣдителя и обратилъ торжество въ пораженіе.

Когда то, въ знаменательномъ спорѣ, всѣ марксисты, какъ одинъ человѣкъ, стояли — на одной сторонѣ, оппортунисты-народники и скрывающіе свою оппортунистскую наготу за фиговомъ листкомъ радикальныхъ фразъ прогрессисты — стояли на другой.

Съ тѣхъ поръ — „какъ мало прожито, какъ много пережито!“ Старые друзья разстались врагами, прежніе враги помышляютъ о „цѣлостномъ единовѣріи“ вкупѣ и влюбѣ другъ съ другомъ. Бѣдные народники выбыли изъ строя и въ блаженной неизвѣстности тихо почіютъ на задворкахъ русской литературы, а правовѣрные марксисты — провалились въ подполье. Можно съ увѣренностью сказать: старая борьба не разгорится ужъ вновь на столбцахъ нашей *легальной* печати — *марксистообразные не захотятъ воевать* (да имъ и не за что), *правовѣрные — не смогутъ:* цензурныя безчинства послѣднихъ лѣтъ надъ русскимъ марксизмомъ порукой тому.

И однако: война не за горами, она стучится къ намъ въ двери, она уже началась. *Непримиримая революціонность противъ вьющагося ужомъ оппортунизма!* Старый и вѣчно новый нашъ лозунгъ! Но комбинаціи не тѣ, что прежде. Въ настоящій моментъ марксистскій революціонизмъ имѣетъ противъ себя *и старыхъ „прогрессистовъ“, и самоновѣйшихъ марксистообразныхъ* — эти двѣ послѣдовательныя и любопытныя ступени въ эволюціи нашей демократіи.

Правда, союзникамъ in spe не удалось еще договориться. Ихъ раздѣляютъ — историческое происхожденіе, личные перекоры, философская окраска. Быть можетъ, окажутся и практическія подробности, въ которыхъ они пока не спѣлись. Но, трезвые „реалисты“ въ политикѣ, они найдутъ ту общую почву, на которой — рано или поздно — состоится полюбовное соглашеніе. Марксистообразные достаточно уже искусились въ тактикѣ приспособленія и практикуютъ въ сущности тотъ же оппортунизмъ и столь же *стыдливый*, что и наши „прогрессивные“ писатели. Разница лишь та, что одни гипнотизируютъ читателя, помахивая передъ носомъ его красивымъ видѣньемъ семидесятыхъ годовъ, а другіе заволаки-

ваютъ свою общественную приспособляемость необыкновеннымъ благородствомъ рѣчей во славу — истины, красоты и особенно нравственности. Въ нашъ цивилизованный вѣкъ люди перестали ходить нагишомъ и показываться передъ публикой въ своей натуральности. Форма и сущность, видимость и дѣйствительность, слово и дѣло не соотвѣтствуютъ уже болѣе другъ другу, и требуется каждый разъ немалое усиліе общественнаго анализа, чтобы вскрыть противорѣчіе, путающее умы и несущее развратъ въ читательскія массы. Мертвецы воскресаютъ! оппортунизмъ всѣхъ видовъ и оттѣнковъ подымаетъ голову и затягиваетъ пѣсню въ мажорномъ тонѣ!

Вотъ почему я считаю своевременнымъ напомнить забывчивой публикѣ, не знающей традицій и живущей сегодняшнимъ днемъ, основные мотивы недавняго спора. Надо тряхнуть „стариной“. Но перетряхивая старое, я не хочу отвлекаться и отъ *новѣйшихъ* похожденій веселящихся враговъ. Центральнымъ лицомъ своего повѣствованія я выбираю нашу литературную „весталку“ и попытаюсь въ умахъ читателей запечатлѣть, сколько хватитъ моихъ силъ, эту незабвенную въ исторіи нашей общественности фигуру — фигуру старой дѣвы изъ тѣхъ, что „бѣлила прячутъ подъ румяна“.

* * *

Въ то самое время, когда я пишу эти строки, съ разныхъ концовъ крестьянской Россіи надвигаются грозныя вѣсти. Голодъ идетъ! такой же страшный и огромный, какъ и десять лѣтъ тому назадъ. Десять лѣтъ миновало съ тѣхъ поръ, какъ картина деревни, опухшей отъ голода и гибнущей отъ тифа ошеломила „культурную“ Россію и задала ей вопросъ: что же дѣлать? такъ дальше жить невозможно!

Что дѣлать?

Прежде всего, спасать: спасать, что еще не потеряно, спасать, что спасенью еще подлежитъ. Пусть помощь мала и силы ничтожны: когда вспыхиваетъ пожаръ, его тушатъ, когда слышится крикъ утопающаго, бросаются на помощь. Бѣда на дворѣ: поздно скорбѣть о своей неготовности, клясть свое безсиліе. Надо брать, что есть подъ рукой, и съ открытымъ лицомъ идти на встрѣчу бѣдѣ. Голодъ прошлаго десятилѣтія заставилъ встрепенуться пестрые слои нашего унылаго общества, пробудилъ дремавшую энергію и толкнулъ молодежь въ разоренныя хаты крестьянъ.

Но вотъ — кампанія кончилась: мертвые прибраны, хозяйственныя прорѣхи кое какъ задѣланы. Волна возбужденья идетъ на убыль и опять встаетъ неотвязный вопросъ: а далѣе что? И если раньше, передъ лицомъ народнаго горя, все, казалось, сливалось въ одномъ общемъ порывѣ, то теперь, въ дни оглядокъ и подведенія итоговъ уже не было

этого призрачнаго единодушія. Различные слои выводили различные общественные уроки изъ этой трагедіи трудовой Россіи. Молодое разночинное поколѣніе въ ту мрачную годину принимало свое политическое крещеніе и, принявъ, пыталось дать себѣ отчетъ въ его смыслѣ.

Если бичъ голодовки, говорило оно, не разогнулъ крестьянской спины, покорно склоненной, какъ передъ волею рока, подъ нажимомъ правительственной машины, если пахарь-плательщикъ, даже въ лихолѣтье народной бѣды, все такъ-же какъ и встарь продолжаетъ тянуть свою жизненную лямку, позволяя издѣваться надъ собою первой встрѣчной кокардѣ, то гдѣ то слово-чародѣй, которое превратило бы это темное царство въ арену животворной борьбы. А разъ такого слова нѣтъ и пока не предвидится, что значатъ звучныя рѣчи нашихъ патентованныхъ народолюбцевъ. Себя-ли они тѣшатъ, другихъ-ли морочатъ? Опытъ голоднаго года поставилъ лицомъ къ лицу молчаливое безсиліе крестьянъ и говорливое безсиліе „культурнаго“ общества. Артель, община, народное производство, народные устои — въ этихъ истлѣвшихъ теперь отъ времени словахъ, затасканныхъ праздноболтаніемъ, сколько смысла и сколько жизни было тогда, когда произносилъ ихъ народникъ-бунтарь. Народъ — прирожденный революціонеръ, крестьянскій „міръ“ — ячейка революціи, въ этомъ „законъ и пророки“. Народъ — осуществитель соціалистическаго идеала, активный агентъ революціи. Можно не соглашаться съ такимъ воззрѣніемъ и находить его безумно-утопичнымъ, но въ немъ чуется протестующая мысль, бунтующее чувство человѣка, отвергшаго современный общественный строй и непримиримо враждебнаго ему.

Разночинцу 90-хъ годовъ было бы о чемъ побесѣдовать и о чемъ поспорить съ своимъ революціоннымъ предшественникомъ. Быть можетъ, они не пришли бы никогда къ соглашенію, но во всякомъ случаѣ они поняли бы другъ друга съ полуслова, говоря на одномъ языкѣ. Они повели бы разговоръ о томъ, возможно ли забросить въ деревню сѣмена соціалистическаго ученія, возможна ли тамъ агитація, если возможна, то какъ ее вести, и если нельзя, то гдѣ же искать приложенія силъ современному революціонеру.

Такъ несложно обстояло бы дѣло въ однородной революціонной средѣ, но не такъ просто сложилось оно для разночинца 90-хъ годовъ на слѣдующій же день послѣ завершенія голодной эпопеи.

Потрясающая картина экспропріаціи капиталомъ многомилліоннаго обезсилѣвшаго крестьянства, гигантскій механизмъ всевластной бюрократіи, безстрастно крошащій человѣческое тѣло, и рядомъ... — копошащіеся доброхоты, со свинцовой примочкой прожектёрства въ рукахъ и съ елеемъ народолюбиваго пустословія! О, кто хоть разъ въ своей жизни

перечувствовалъ горечь подобнаго контраста, сохранитъ о немъ вѣчную память. Эпопея научила разночинца презирать и ненавидѣть — всѣмъ сердцемъ своимъ и помышленіемъ, презирать и ненавидѣть культурное русское общество, такъ много пекущееся якобы о „младшемъ братѣ“, такъ краснорѣчиво говорящее о немъ, а на дѣлѣ — неспособное даже на открытый политическій протестъ — въ интересахъ простой самозащиты. Она вытравила изъ сердца разночинца остатки иллюзій, привитыхъ безвременьемъ, и тлѣющій разрывъ раздула въ объявленіе войны Назарету современнаго народолюбія. Глубокимъ плугомъ вспахавъ революціонную почву разночинства, она подготовила все къ воспріятію марксистскаго посѣва.

Мертво и непривѣтно было въ русской литературѣ, когда тревожный слухъ народолюбца учуялъ шорохъ растущаго броженія. Глухо на глухо задѣланныя окна, крѣпко на крѣпко запертыя двери охраняли нашу спящую царевну отъ вторженія непрошеннаго гостя. И два цербера сторожило у входа: царево недреманное око и заботливый другъ народа. Бродило гдѣ то тамъ, вдали отъ литературныхъ „покоевъ“, въ кружкахъ безвѣстной молодежи, послѣ долгихъ блужданій наконецъ снаряжавшейся въ путь на Голгоѳу соціаль-демократической работы. Врагъ былъ невидимъ, но опасность — налицо: разночинецъ несомнѣнно ускользалъ изъ подъ опеки народолюбиваго общества, и необходимо было властное слово авторитетнаго писателя, чтобы заглушить отщепенское движеніе. И такова уже насмѣшка исторіи: г. Михайловскому, этому „послѣдышу“ замѣчательнаго поколѣнія, суждено было стать выразителемъ ламентацій морализирующаго бюргера.

Сначала осторожно и уклончиво, въ формѣ какого-то теоретическаго тезиса, потомъ все болѣе и болѣе явственно уже въ видѣ практическаго обвиненія слагалось въ рядѣ статей утвержденіе этого писателя о злокозненности новыхъ людей.

„Положеніе русскаго ученика Маркса представляется мнѣ крайне труднымъ и двусмысленнымъ“; „онъ долженъ привѣтствовать... обезземеленіе крестьянъ“ ... — пишетъ г. Михайловскій въ іюнѣ 1892 года, открывая антимарксистскую кампанію.*)

То былъ первый и довольно робкій еще шагъ по пути инсинуаціи. За нимъ слѣдовали другіе. Вскорѣ на страницахъ только что реформированнаго „Русскаго Богатства“ (редакціи г. Кривенка) появились статьи г. В. В., возвѣщавшія объ „оживленіи буржуазной тенденціи“ среди русской интеллигенціи и о проповѣди ученія „вполнѣ соотвѣтствую-

*) См. Н. Михайловскій — „Литературныя воспоминанія и современная смута“, т. I, стр. 338.

щаго практической идеѣ и интересамъ буржуазіи". Давая оцѣнку этимъ статьямъ нашъ знаменитый публицистъ заявляетъ, что „въ общемъ совершенно раздѣляетъ мнѣніе г-на В. В." на счетъ русскихъ марксистовъ. „Марксисты — говоритъ онъ*) — прямо настаиваютъ на необходимости разрушить нашу „экономическую организацію, обезпечивающую трудящемуся самостоятельное положеніе въ производствѣ" и г. В. В. протестуетъ противъ „подвиговъ" такого прямого воздѣйствія на существующій экономическій строй".

Но не ошибается ли г. В. В.! Нѣтъ!

Самъ г. Михайловскій „собственными ушами соотвѣтственныя слова слышалъ и собственными глазами ихъ видѣлъ черными буквами на бѣлой бумагѣ". Одного изъ своихъ невѣдомыхъ корреспондентовъ (корреспондентъ всегда находка для писателя!) онъ заставляетъ повѣдать о марксистахъ „разразившихся гнѣвомъ противъ молодежи, отправлявшейся въ деревню „кормить крестьянъ", ибо это значило бы — „препятствовать прогрессу созиданія капитализма".**)

Нашъ великодушный писатель — избави богъ! — не хочетъ „отождествлять" ихъ съ „рыцарями накопленія", хотя — по совѣсти говоря — могъ бы произвести эту операцію съ полною легкостью. Вѣдь, далѣе, въ той же статьѣ онъ знакомитъ читателя съ „активными марксистами", сходными какъ двѣ капли воды съ вышеназванными джентельменами; онъ готовъ „допустить", что „рыцари накопленія" въ случаѣ надобности могутъ довольно удобно устроиться подъ знаменемъ русскаго марксизма и очевидно только по свойственной ему скромности добавляетъ при этомъ, что не рѣшается судить, кто изъ русскихъ марксистовъ „настоящій" и кто „не настоящій". Пойди — разбирай ихъ тамъ!...

Таковъ обвинительный актъ. Къ началу 94 года онъ былъ въ существенныхъ чертахъ своихъ законченъ, и все то, что позже писалось на эту благодарную тему на страницахъ лейбъ-органа г. Михайловскаго самимъ составителемъ акта и его многочисленными послѣдователями, а также и въ иныхъ мѣстахъ нашей печати, до „Новаго Времени" включительно, не болѣе какъ слабыя варіаціи одного и того же лейтъ-мотива.

Обвинительный актъ — классическое произведеніе русской литературы. Я позволю себѣ утверждать, что если бы какой-либо катаклизмъ истребилъ до тла русскую письменность 90-хъ годовъ, то по одному этому драгоцѣнному документу можно было бы возсоздать психологію очень значительнаго напластованія русской общественности. Такъ палеонтологъ иногда по одной кости воспроизводитъ допотопное животное.

---

*) См. „Литер. воспом. и соврем. смута", т. II, стр. 199.

**) См. Ibid., стр. 248.

Вдумайтесь, читатель, въ ходъ мысли обвиненія: марксисты увѣровали въ неотвратимость капиталистическаго развитія; въ этомъ развитіи они черпаютъ свою силу и полагаютъ, что оно неизбѣжно ведетъ къ соціализму; очевидно, говорятъ обвинители, марксисты должны стараться ускорять это развитіе, обезземеливая крестьянъ или, по крайней мѣрѣ, препятствуя всему, что мѣшаетъ ихъ обезземеленію. Въ свое время Бельтовъ немало смѣялся надъ этимъ силлогизмомъ, справедливо указывая, между прочимъ, что „обезземеленіе“ крестьянъ нисколько не благопріятствуетъ капиталистическому развитію. Но меня въ данномъ вопросѣ интересуетъ другое, а именно та *точка зрѣнія*, отправляясь отъ которой наши народолюбцы могли придти къ своему неотразимому выводу.

Это — точка зрѣнія человѣка, смотрящаго на существующій міръ общественныхъ отношеній приблизительно такъ же, какъ рачительный хозяинъ смотритъ на запущенное имѣніе. Вотъ домъ покосился — его надо подправить; дорожки въ саду заросли — ихъ слѣдуетъ почистить. Деревья не привиты, гряды не вскопаны, скотъ безъ призора. Надо скорѣе *распорядиться* по хозяйству, наверстать упущенное. И если сосѣди производятъ опыты съ самоновѣйшими пріемами обработки земли, необходимо воспользоваться *уроками* этихъ опытовъ, избѣжать ихъ ошибокъ.

Народолюбивая наша демократія спитъ и видитъ себя на „хозяйскомъ“ положеніи, лицомъ къ лицу съ великой, запущенной „усадьбой“ — Россіей. Не бѣда, что на дѣлѣ приходится довольствоваться ролью третьестепеннаго прикащика, она болтаетъ, какъ власть имущая, въ дѣловито-распорядительномъ тонѣ. Не бѣда, что въ подлинной дѣйствительности она занимаетъ скромныя мѣста по земскому хозяйству, въ либеральныхъ профессіяхъ или малозначущихъ канцеляріяхъ, она чувствуетъ себя частью того грандіознаго цѣлаго, которое руководитъ Россіей. Правда, это цѣлое плохо, но оно подлежитъ реформированію — реформированію сообразно указаніямъ западно-европейскаго опыта и доморощенныхъ умныхъ совѣтчиковъ. Негодное сегодня, оно станетъ превосходнымъ завтра, и царящій Аракчеевъ уступитъ мѣсто просвѣщенному „другу народа“.

Позвольте — прерываютъ меня — все это быть можетъ справедливо относительно г. В. В., *политическая* невоспитанность котораго не требуетъ дальнѣйшихъ рекомендацій. Но можно ли сомнѣваться въ многоуважаемомъ руководителѣ „Русскаго Богатства“, въ *опредѣленности* отношеній его къ верхамъ соціальнаго зданія? Да, господа, я полагалъ бы; трудно *не* сомнѣваться. Въ дальнѣйшемъ я буду не однажды еще — вся статья посвящена руководимому имъ органу — иллюстрировать это положеніе самыми „свѣжими“ примѣрами.

Пока, для цѣли моей достаточно обновить въ памяти друзей и поклонниковъ этого писателя, двѣ его старыя статьи, а также незабвенныя слова г. Южакова (члена редакціи „Русскаго Богатства“) о спасительныхъ „разумѣ и совѣсти, знаніи и патріотизмѣ руководящихъ классовъ“, и напутственную рѣчь отошедшему въ вѣчность голодному 91-му году почетнаго визитера „Русск. Бог.“, г-на Николая—она.

„Чѣмъ бѣдственнѣе было самое явленіе, чѣмъ глубже было потрясено все общество голодомъ 1891 г., тѣмъ сильнѣе должна была сказаться реакція противъ той хозяйственной политики, которая привела къ этому народному бѣдствію. И дѣйствительно, *все общество, всѣ его слои отъ верхнихъ до нижнихъ* стали проникаться одной идеей: несостоятельность прежней хозяйственной политики стала очевидной для большинства“. Такъ писалъ этотъ „мужъ совѣта“ въ январьскомъ номерѣ „Русск. Бог.“ за 1895 г. (стр. 156).

Но безъ сомнѣнія, всѣ эти образцы блѣднѣютъ передъ яркимъ произведеніемъ пера самого хранителя славныхъ традицій. Въ лучшую пору своей дѣятельности, въ одинъ изъ краткихъ періодовъ россійскихъ „безсмысленныхъ мечтаній“, въ 1880 году, г. Михайловскій писалъ, что „теперь оно (правительственное вмѣшательство) становится вопросомъ благоразумія съ точки зрѣнія весьма разнообразныхъ партій. Люди очень умѣренные, но обладающіе нѣкоторою проницательностью, приходятъ все больше и больше къ заключенію, что въ недалекомъ будущемъ выживетъ та комбинація общественныхъ и политическихъ силъ, которая въ большей или меньшей степени удовлетворитъ массы“.*)

„Кто же возьметъ на себя великій трудъ предотвращенія историческихъ путей родины отъ повторенія европейской борьбы?“ — спрашивалъ себя тогда же г. Михайловскій, — комментируя повѣсть Круглова „Горе Солохонушки“, и отвѣчалъ: „Очевидно, правительство. Оно обладаетъ и нужными для этого средствами, и не менѣе нужнымъ безпристрастіемъ, незаинтересованностью въ торжествѣ неправды. Такова непремѣнно была мысль Нади (героини повѣсти, революціонерки Нади! Ст.). Она ее и изъ многихъ книжекъ могла почерпнуть, и русскихъ, и иностранныхъ, да и изъ всего склада русской жизни. Разсказываютъ, что одинъ изъ такъ называемыхъ петрашевцевъ, донынѣ здравствующій, глубоко поразилъ своими показаніями императора Николая; глубоко и въ совершенно благопріятномъ смыслѣ, ибо въ показаніяхъ этихъ развивалась та мысль, что правительству, и только правительству предстоитъ въ Россіи роль водворителя всеобщаго мира и счастья, какъ ихъ понималъ обвиняемый.“**)

---

*) См. „Сочиненія г. Н. К. Михайловскаго“, т. IV, стр. 1000.
**) Ibid., стр. 972.

Я прошу васъ запомнить эти слова, читатель: *такъ писалъ сотрудникъ Щедрина, преемникъ героевъ „Современника!“* И то, что двадцать лѣтъ тому назадъ могло показаться печальной обмолвкой, къ 90-мъ годамъ — какъ это будетъ далѣе видно — вошло въ нравы и стало привычнымъ дѣломъ для литературной семьи этого писателя...

Бюрократизмомъ вѣетъ отъ образцовъ народолюбиваго творчества, какъ вѣетъ имъ и отъ всего склада жизни, и отъ оборотовъ мысли русскаго культурнаго общества. Но бюрократизмъ безпримѣрный и кристаллически ясный не присталъ нашей демократіи и двойственному ея положенію. Своеобразный слой нашей общественности, всегда будирующій, вѣчно оттѣсняемый на задній планъ истинными режиссерами русской сцены, этотъ еле терпимый въ общемъ хорѣ подголосокъ сплошь и рядомъ и не подозрѣваетъ даже своей бюрократической окраски, искренно ненавидя заправилъ Россіи и все ея проклятое „средостѣніе“. Но упрямо стремясь прилѣпиться къ тому, что можно бы назвать *строительствомъ жизни*, и въ рамкахъ существующаго втихомолку и какъ бы невзначай заложить фундаментъ для лучшаго будущаго, онъ неизбѣжно, роковымъ образомъ, попадаетъ въ сѣть паутинныхъ нитей, циркуляровъ и отношеній, которую не спроста разставилъ повсюду хитроумный паукъ бюрократіи. А разъ попавъ, бѣдная муха народолюбія безпомощно складываетъ крылышки и покорно направляетъ свои движенія и мысли по нитямъ паутиннаго рисунка.

Не въ бюрократическомъ стало быть обличіи, а въ самой жаждѣ строительства — строительства во что бы то ни стало и при какой угодно комбинаціи общественныхъ элементовъ — *корень бѣдъ и злоключеній нашей демократіи, источникъ неизсякаемаго ея оппортунизма. И въ немъ, въ этомъ психологическомъ складѣ, который весь приспособленъ къ такъ называемой „положительной“ работѣ*, хотя бы работа эта сводилась къ созиданію карточныхъ домиковъ, походя сдуваемыхъ непріятелемъ, *въ немъ первооснова непониманія нашей демократіей русскаго марксизма и жалкаго клеветничества на него.*

Въ самомъ дѣлѣ, вообразите себѣ на мгновенье народолюбивую демократію, со всѣмъ букетомъ ея психологическихъ навыковъ, привыкшую бѣгать пѣтушкомъ вокругъ да около народно-хозяйственнаго механизма, — повѣрившей въ спасительность ускореннаго капиталистическаго развитія, и вамъ станетъ понятенъ ужасъ ея положенія и крикъ сердобольнаго сердца. Потому что предъ нею во всѣмъ трагизмѣ предсталъ бы вопросъ: какъ распорядиться съ крестьянами? какія мѣропріятія изобрѣсти, какія начинанія предпринять для ускоренія фатально-цѣлительнаго хода? Она такъ много и такъ напрасно „хлопотала“ около крестьянскаго хозяйства, неужели же теперь ей предстояло бы еще „хлопотать“ около его разложенія?

Загнанная исторіей въ капканъ противорѣчиваго положенія, народолюбивая по традиціи и палачъ въ силу велѣній „государственной мудрости“, она пожала бы лишь то, что посѣяла, вкушая отъ плодовъ своей обычной „хозяйственности“... „Героиня безвременья“, долго и безвозбранно царила она въ средѣ оппозиціи, диктуя ей правила общественнаго поведенія и замыкаясь въ предѣлахъ привычнаго для нея кругозора. Естественно поэтому — да иначе и быть не могло — она потерялась передъ первымъ же натискомъ взбунтовавшагося вассала-разночинца и не была въ состояніи даже отдаленно постигнуть глубокое историческое значеніе того явленія, которое я назвалъ бы разночинно-революціоннымъ „исходомъ“ изъ вавилонскаго народолюбиваго плѣненія. А не понявъ, нашей горе-„строительницѣ“ ничего уже не стоило *подставить свою собственную точку зрѣнія* тому самому разночинцу, котораго только что передъ тѣмъ — замѣтьте это себѣ, читатель, — суровая школа жизненныхъ впечатлѣній оттолкнула прочь отъ міра затѣйничества, призрачныхъ дѣлъ и пріятнаго самообмана. Разумѣется, парѳянская стрѣла разгнѣванной особы пролетѣла мимо, не достигши цѣли. Разночинецъ ушелъ изъ сферы ея вліянія и сталъ неуязвимъ, отвергнувъ ту основу, на которой только и возможно было воздвигнуть зданіе обвиненія. Но и то сказать: онъ ушелъ, имѣлъ силы уйти потому, что *ему было куда уходить*, потому, что за порогомъ культурнаго строительства его ожидало не пустое пространство одиноко безпріютнаго скитальчества, а *полные обѣщающей жизни ростки* мірового историческаго движенія.

Онъ шелъ не менторствовать и опекать, не чинить распоряженія или творить эксперименты на живомъ тѣлѣ соціальныхъ низовъ, онъ могъ гордиться уже тѣмъ, что на долю его выпала болѣе скромная, но и болѣе дѣйствительная роль ферментирующаго, будящаго начала. Слой-отщепенецъ, горькимъ опытомъ познавшій соціальную *слабость* свою, онъ чувствовалъ *силу* того *положенія*, въ которое поставила его исторія — при началѣ огромнаго организаціоннаго процесса. Организовывать борьбу, „строить“ партію — единственная доступная революціонеру „положительная“ задача нашего времени. На этой задачѣ стоитъ изойти кровью, въ нее душу свою положить.

На опаленной огнемъ капиталистическаго развитія „прозаической“ нивѣ классовой борьбы вырастаетъ поэтичнѣйшій цвѣтокъ современности — тотъ особый міръ отношеній и чувствованій, товарищества и партійной солидарности, въ которомъ впервые искалѣченной личности современнаго человѣка вольнѣе дышется, гдѣ усталый находитъ прибѣжище, слабый — поддержку, сильный и смѣлый расправляетъ крылья для своего орлинаго полета. Милліоны людей, замученныхъ жизнью

и оскорбленныхъ „въ мечтѣ завѣтнѣйшей своей“ тянутся — что ни день, то сильнѣе и больше — къ этой мерцающей въ мракѣ ночи свѣтлой точкѣ и несутъ ей свои горе и радость.

Здѣсь, въ этомъ горнилѣ преобразованій, исподволь и незамѣтно совершается чудо современности: здѣсь отмираетъ ветхозавѣтный человѣкъ, здѣсь нарождается новый, здѣсь вчерашній рабъ капитала, сѣрая, безымянная рабочая масса высоко приподымается своей поставленной цѣлью надъ плоскостью буржуазнаго существованія и готовится стать героемъ исторіи, на своихъ плечахъ выносящимъ проблему всеобщаго счастья. Вездѣ и всюду звучитъ эта симфонія отверженнаго человѣчества, и первые едва различимые аккорды ея уже раздались на Руси.

Интеллигентное хожденіе въ рабочія массы — пора это понять наконецъ — было тѣмъ *отвѣтнымъ*, *отраженнымъ теченіемъ*, которымъ революціонное разночинство реагировало на героическую симфонію. И именно этой своей отраженностью, этой своей несамостоятельностью оно было такъ страшно врагамъ, такъ полно историческаго смысла.

Но понять значеніе разночиннаго тяготѣнія къ рабочимъ массамъ значитъ — прежде всего — понять сокровенную сущность *пролетарскаго* движенія. Какъ я немного далѣе постараюсь показать, для народолюбивой демократіи эта „сущность“ всегда оставалась таинственной книгой за семью печатями, предѣломъ, его же не прейдеши. А потому — естественно и неизбѣжно — наше современное паломничество явилось въ представленіи народолюбца какимъ то односторонниМъ увлеченіемъ, доктринерской однобокостью.

Столь яркая въ началѣ сказка объ „обезземеляющихъ“ марксистахъ по мѣрѣ роста рабочаго движенія и его интеллигентной „производной“, разумѣется, стушевывалась и выцвѣтала, все болѣе напоминая собою тотъ старомодный самопалъ, который можно еще повѣсить въ кабинетѣ, въ уваженіе къ прошлому, но изъ котораго лучше не палить, въ интересахъ самого палящаго. Одинъ фантомъ исчезалъ, на его мѣстѣ водворялся другой. Можно сказать: каждый этапъ въ развитіи разночиннаго движенія особо запечатлѣвался въ умѣ народолюбца и, преломляясь сквозь призму его психологіи, задавалъ работу его фантазіи. Если первичному моменту революціонно-разночиннаго „исхода“ соотвѣтствовала пресловутая сказка, то первымъ и самымъ труднымъ практическимъ шагамъ разночинца отвѣчало болѣе тонкое, болѣе приспособленное къ требованіямъ дѣйствительности, новое — а въ сущности подновленное старое — „художественное“ сказаніе о томъ, какъ „хорошія сердца“ погубляются злой вѣдьмой теоріей.*) Словъ нѣтъ: марксисты стараются о городскомъ

*) „Русское Богатство“. февраль 1899 г., „Лит. и Жизнь“, стр. 98.

рабочемъ человѣкѣ, и мы, народолюбцы, не прочь подарить имъ за это наше благоволеніе, но — упрямые доктринеры — они сотворили себѣ кумиръ изъ своего идеала, построеннаго „книжно-умозрительнымъ“ путемъ и ради него готовы „пренебречь живыми интересами живыхъ людей“, проповѣдывать „равнодушіе“, „выбрасывать за бортъ исторіи многомилліонную массу крестьянства“.*)

Вмѣсто властнаго окрика — слезливое причитанье, вмѣстно грозящагося перста — снисходительное помаваніе головы. Даже анаѳемствующій богъ г. Михайловскаго сталъ прерываться фальцетомъ сожалѣнія, за то укоризненно-скорбныя трели гг. Гриневича, Плѣхонова, Чернова и иныхъ представителей „новаго курса“ зазвенѣли безданно-безпошлинно въ умахъ революціоннаго разночинства, какъ осеннія мухи назойливо жужжа объ узости современнаго движенія.

Отчего же, въ самомъ дѣлѣ, разночинецъ не „подалъ милостыню своего вниманія“ „подлинному рабочему человѣку“ „гдѣ бы онъ ни работалъ, въ деревнѣ ли, въ городѣ ли“ и жизнь котораго „одинаково темна и скудна, одинаково требуетъ и одинаково заслуживаетъ участія“?**) А отчего, позвольте васъ спросить, милостивые государи и немилостивые критики, *вы* и ваши единомышленники не подали обойденному марксистами крестьянину милостыни *вашего* вниманія? Отчего вы, свободные отъ доктринъ и неравнодушные къ деревенскому укладу, не послушались велѣній вашего любвеобильнаго сердца и не сдѣлали даже и отдаленной попытки проложить агитаціонную тропу къ сознанію этого паріи нашей общественности. Вы, храбрые *на словахъ*, отчего не попробовали *на дѣлѣ* испытать справедливость вашихъ упрековъ и правоту вашихъ совѣтовъ? Вы скажете: вы заранѣе учли вашу немощь, ибо знали хорошо, что окажетесь также безсильны, какъ были безсильны и тѣ немногочисленные кружки „революціонеровъ-соціалистовъ“ послѣдняго времени, которые такъ старательно подчеркивали свое пристрастіе къ крестьянскому вопросу, а на практикѣ — повторяли зады и покорно плелись по стопамъ соціаль-демократіи. Но если это такъ, что значитъ вашъ вопль, вамъ скрежетъ зубовный? Зачѣмъ двѣ различныя мѣрки для явленій одного и того же порядка? Или упрямые „доктринеры“ наложили свое „табу“ на крестьянина, не удѣлили ему мѣста въ своихъ принципіальныхъ заявленіяхъ? И однако, достопочтенные господа, вы должны были бы знать, что еще съ 80-хъ годовъ литература русской соціаль-демократіи стоитъ передъ этой задачей нашей общественности съ мучительнымъ сознаніемъ ея кардинальной

*) См. „Русское Богатство“, августъ 1898 г., ст. г. Гриневича „Итоги двухъ юбилеевъ“, стр. 121, а также уже цит ст. въ апр. книжкѣ „Р. Б.“ за текущій годъ.

**) „Русское Богатство“, іюнь 1897 г., „Литер. и Жизнь“, стр. 124—125.

важности. Потрудитесь вспомнить хотя бы „проектъ программы“ „группы освобожденія труда“, письма Плеханова о голодѣ или вышедшую нѣсколько лѣтъ тому назадъ брошюру „Задачи русскихъ соціаль-демократовъ“. Конечно, между програмными требованіями соціаль-демократіи и тѣми обѣщаніями, съ которыми можетъ при случаѣ обратиться къ крестьянину всѣхъ видовъ народолюбіе, лежитъ „дистанція огромнаго размѣра“. Революціонной соціаль-демократіи, именно потому, что она революціонна, именно потому, что она связана съ интересами міръ-освобождающаго пролетаріата, и не строитъ „воздушныхъ замковъ“ надеждъ на „песцѣ“ современнаго общественнаго строя, никогда не угнаться — по справедливому замѣчанію Клары Цеткиной*) — за реформаторскими посулами народолюбиваго бюргерства. Я ни мало не упускаю изъ виду програмныхъ различій, я знаю имъ цѣну и знаю ихъ глубину. Но не въ нихъ сейчасъ дѣло и не на нихъ указывали тѣ, кто отсылалъ къ суду общественнаго мнѣнія свои жалобы на забвеніе, „равнодушіе“, „выбрасываніе за бортъ исторіи“ и проч., и проч. Рѣчь шла не о томъ, съ какимъ агитаціонно-програмнымъ багажомъ идти въ крестьянскія массы, а о томъ, что марксистская интеллигенція, спеціализировавшись на городскомъ рабочемъ человѣкѣ, не хотѣла вообще идти въ эти массы.

Да, разночинная интеллигенція 90-хъ годовъ была такъ „узка“, что сконцентрировала все свое вниманіе на пролетаріатѣ, и въ этой ея soit-disant спеціализаціи я осмѣлюсь видѣть не только естественный выводъ изъ горькаго прошлаго — „плоды холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“ — но и здоровое чутье момента, правильную оцѣнку собственнаго положенія, вѣрное пониманіе предстоявшихъ задачъ революціонно-партійнаго строительства.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, что намъ тычутъ въ глаза примѣромъ Европы тѣ самые люди, которые такъ много кричали о марксистскихъ шаблонахъ. Намъ говорятъ: западно-европейская соціаль-демократія съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обращаетъ вниманіе на крестьянское населеніе, она ведетъ среди него агитацію, не замыкаясь въ своей исключительности. Ну, если она такъ дѣлаетъ, то намъ, живущимъ въ мужицкой странѣ, такъ поступать и подавно слѣдуетъ. Кажется: ясно и убѣдительно. Одной только „малости“ не примѣтили господа говорившіе такъ. Если въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ неустанно идущимъ впередъ и крѣпнущимъ пролетаріатомъ, съ развившейся на основѣ его организаціей, со дня на день множащей свои функціи и силою собственнаго роста толкаемой распространять свое вліяніе *и* на крестьянскія массы, то въ другомъ — съ прихотливо-неустойчивымъ продуктомъ

*) См. ея рѣчь на бреславльскомъ партейтагѣ.

нашей отсталости, съ разночинной интеллигенціей въ тотъ критическій моментъ ея исторіи, когда ей пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ начавшей бродить рабочей стихіей. Нужно было быть „народолюбцемъ“, чтобы не понять этой разницы, нужно было быть „самобытнымъ“ писателемъ, чтобы проглядѣть это дѣйствительно „самобытное“ сочетаніе нашихъ общественныхъ силъ.

Разночинецъ, еще не утратившій своей общественной физіономіи, не растерявшій по пути „прогресса“ революціоннаго духа, и пролетаріатъ, приходящій къ самосознанію, жадно вбирающій въ себя слово, къ нему обращенное. . . . Лозунгъ момента былъ несомнителенъ, онъ диктовался самимъ положеніемъ. Революціонное движеніе будетъ рабочимъ движеніемъ или его совсѣмъ не будетъ. Безформенное нѣчто, блестящая ефемерида, вспыхивающая сегодня, чтобы потухнуть завтра, утлая ладья, кидаемая изъ стороны въ сторону перемѣннымъ вѣтромъ общественнаго мнѣнія . . такъ дальше не можетъ, такъ дальше не должно продолжиться! Это „нѣчто“ превратится въ устойчивое цѣлое, разовьется въ организмъ, полный жизни и силъ, только въ томъ случаѣ, если пролетаріатъ станетъ въ центрѣ движенія, его позвоночнымъ столбомъ. И только, по мѣрѣ приближенія къ такой „идеальной“ структурѣ, будетъ расти и возможность — безъ тѣхъ непріятныхъ, но увы! неизбѣжныхъ послѣдствій, съ которыми до сихъ поръ связанъ каждый шагъ въ поступательномъ ходѣ — ширить и усложнять движеніе, революціонизировать крестьянъ, воздѣйствовать на „общество“, вовлекать въ водоворотъ революціоннаго потока самые разнообразные элементы дѣйствительности, всюду и вездѣ быть на чеку и при каждой общественной перекличкѣ отвѣчать неизмѣннымъ — здѣсь. Жизнеспособный организмъ все усвояемое переваритъ, вредоносное тѣло безболѣзненно выброситъ вонъ, и тамъ, гдѣ съ разночинной интеллигенціей приключилась бы смерть — гражданская смерть отъ безславнаго оппортунизма, отъ обезличенія, отъ поглощенія общихъ „суммарныхъ“ задачъ частичными интересами отдѣльныхъ слагаемыхъ и преходящихъ комбинацій, тамъ одинъ лишь пролетаріатъ, имѣя за себѣ исторію, проведетъ свой корабль черезъ хляби перекрестныхъ теченій, упрямо держа курсъ — къ желанному, далекому берегу.*)

У почтенныхъ критиковъ, парадировавшихъ своею любовью къ народу и метавшихъ громы противъ марксистской узости,

*) Русская соціаль-демократія, конечно, *не можетъ* „годить“, пока сложится эта структура. Жизнь не даетъ отсрочекъ, вѣчно толкаетъ впередъ и требуетъ отвѣта на свои многосложные запросы. Но горе соціаль-демократіи, забывшей объ *особенностяхъ наличнаго состава движенія!* Чтобы успѣшно бороться съ опасностью, надо прямо смотрѣть ей въ глаза. Чтобы лѣчить болѣзни движенія, надо прежде всего и больше всего — *спѣшить съ построеніемъ „позвоночника“ и немилосердно чистить авгіевы конюшни идейной растерянности.*

не существовало и не могло существовать *такихъ* соображеній. Для этого имъ не хватало одной, но существенно необходимой предпосылки: *вѣры въ творческую работу массъ — соціальныхъ низовъ вообще*. И не случайно, конечно, что наиболѣе яркимъ выразителемъ народолюбивыхъ стремленій 90-хъ годовъ, главнымъ противникомъ марксизма могъ оказаться не кто иной, какъ г. Михайловскій — „сей остальной изъ стаи славныхъ“. Вѣдь онъ — замѣчу мимоходомъ — даже въ „прекрасные дни Аранжуэца“ своей молодости, въ эпоху повышенной общественной энергіи и „интеллигентнаго“ пилигримства въ деревню не находился въ особенно интимной близости съ тѣмъ культомъ крестьянскихъ — народныхъ массъ, который составлялъ движущее начало того времени. И уже тогда слагалось у него, какъ органическая часть всего его міросозерцанія, отрицательно-скептическое отношеніе къ движенію европейскаго пролетаріата. Классовая борьба — этотъ изумительный механизмъ, при посредствѣ котораго элементарныя потребности и простѣйшія побужденія рабочаго человѣка, отшлифовываются въ алмазъ чистѣйшаго идеализма — была для него просто на просто — „неприглядной стороной европейской исторіи“,*) настолько „неприглядной“, что отъ одной мысли о возможности ея повторенія у насъ радикальный писатель 70-хъ годовъ готовъ былъ апеллировать по начальству.**)

Восьмидесятые годы взлелѣяли ядовитое сѣмя сомнѣнія, дали ему прорости, окрѣпнуть и ко времени новѣйшаго ренесанса разночинной интеллигенціи превратиться въ одинъ изъ ингредіентовъ безвкуснаго плода — народолюбія.

Въ 1892 году, какъ разъ въ то самое время, когда, мучимый зловѣщимъ предчувствіемъ марксистской напасти, нашъ писатель счелъ нужнымъ дать первый сигналъ для тревоги, появилась его же статья о „соціальномъ романѣ“ нѣкоего Буажильбера „Крушеніе цивилизаціи“. Это пессимистическое произведеніе дало благодарный поводъ излиться пессимизму г. Михайловскаго. Рисуя мрачную картину будущаго по Буажильберу, онъ вспоминаетъ оптимиста Беллами и говоритъ: „Пусть Буажильберъ ошибается, полагая, что эти неприглядныя черты сохранятся въ Бостонѣ ли, или въ Ньюіоркѣ черезъ сто лѣтъ; пусть правъ Беллами въ этомъ отношеніи. Но изъ его романа не видно, какими путями онѣ исчезли, какимъ образомъ произошло то мирное соглашеніе, которымъ смѣнилась взаимная вражда и началась эра всеобщаго благополучія. *„Живые трупы“ и „звѣрскія маски“, равно какъ и соотвѣтствующія черты, накопившіяся на противоположномъ полюсѣ общественной жизни, воспитывались въ цѣломъ рядѣ поколѣній, воспитывались тѣмъ самымъ механи-*

*) См. „Сочиненія Н. К. Михайловскаго“, т. IV, стр. 971.
**) Ibid., стр. 972 (выше уже цитировано).

ческимъ историко-экономическимъ процессомъ, на который возлагаетъ надежды Беллами. . . .)* Къ тому моменту, когда параллельные процессы обобществленія труда и концентраціи капиталовъ достигнутъ вершины и для Америки откроется перспектива счастья, насколько оно зависитъ отъ внѣшнихъ экономическихъ условій, *объ стороны* могутъ оказаться неспособными воспользоваться этими условіями; осуществится басня о бѣлкѣ, которой досталась куча орѣховъ, когда у нея уже не было зубовъ.“ **)

Мы „не можемъ съ спокойной совѣстью смотрѣть на тѣ „живые трупы“, которыми устилается дорога“ къ золотому будущему. „Если къ тому времени, когда обобществленіе труда, въ зависимости отъ техническихъ усовершенствованій промышленности, достигнетъ своего апогея, *его представители окажутся „живыми трупами“ съ „остервенѣлыми“ лицами, то понятно, что они ничѣмъ не подорожатъ въ нашей цивилизаціи.* Въ самомъ дѣлѣ, что могутъ значить для этихъ „звѣрскихъ масокъ“ всѣ наши скопленныя вѣками сокровища науки и искусства, всѣ выстраданныя героями, мучениками и жертвами цивилизаціи, нравственныя теоріи, всѣ свободныя учрежденія, всѣ „забытыя слова“, какъ совѣсть, честь и проч.?“

Ужасная перспектива! но, „къ счастью“ — добавляетъ г. Михайловскій — „эти слова не забыты въ европейско-американской цивилизаціи“. Дѣло въ томъ, что „экономическій процессъ, формулированный Марксомъ“, „не въ безвоздушномъ пространствѣ происходитъ“. Въ жизни возникаютъ новыя теченія. Такъ „очевидно, Англія***) плыветъ по историческому руслу, не имѣющему ничего общаго съ кануномъ „крушенія цивилизаціи“ Буажильбера. *Передъ нами не два непримиримо-враждебные лагеря, между которыми невозможно никакое соглашеніе, не два стада звѣрей, ежеминутно готовыхъ ко взаимному истребленію*... Нѣтъ, факты приводимые Гольденвейзеромъ, представляютъ *„отголоски движенія, несомнѣнно происходящаго въ средѣ дирижирующихъ классовъ Англіи. Подъ вліяніемъ частью страха и благоразумнаго разсчета, а частью искреннихъ великодушныхъ чувствъ, мыслящіе люди все болѣе и болѣе проникаются заботами о матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ интересахъ рабочаго класса*... движеніе существуетъ и очень сильное, и что особенно важно, жизнеспособное, т. е. подлежащее дальнѣйшему развитію. *Оно составляетъ залогъ довѣрія, съ которымъ цивилизація относится къ своему будущему*“.†)

---

*) Курсивъ всюду мой.

**) См. „Литер. воспоминанія и соврем. смута“, т. I, стр. 370 и 371.

***) Г. Михайловскій цитируетъ книжку Гольденвейзера „Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи“.

†) Ibid., стр. 372, 373 и 378.

Поучайтесь, читатели, поучайтесь! *Такъ* говоритъ публицистъ, хранящій наслѣдство Чернышевскаго, Добролюбова, эпохи 70-хъ годовъ! Наивные люди, вы вѣрили, когда вмѣстѣ съ грезами юности, съ первыми впечатлѣніями общественной жизни, сквозь стѣны запретовъ и рогатки цензуры къ вамъ стали доноситься съ далекаго Запада вѣсти, будто тамъ во мракѣ буржуазной ночи теплится огонь пролетарскаго самосознанія, изо дня въ день идетъ процессъ сплачиванья-группировки, растетъ чувство сомоотреченія-подчиненія собственныхъ интересовъ интересамъ цѣлаго, будто въ школѣ повседневной борьбы закаляется личность борца нашего времени: онъ сбрасываетъ тряпье предразсудковъ, пытливо всматривается въ жизнь и среди содома современнаго человѣконенавистничества и поклоненія ваалу возвышаетъ свой голосъ, протестуя всюду, гдѣ попрана честь и поругана совѣсть. Не вѣрьте миражу воображенія: школа „непримиримой“ вражды къ капиталистическому строю есть школа озвѣрѣнія; „историко-экономическій процессъ“ готовитъ „живые трупы“ съ „остервенѣлыми лицами“, и все спасеніе дорогой намъ „цивилизаціи“ отъ будущихъ вандаловъ заключается въ ростѣ благожелательства и благоразумнаго разсчета въ средѣ „дирижирующихъ классовъ“: *они* „позаботятся“ объ умственномъ, нравственномъ и физическомъ развитіи рабочаго человѣка.

Поучайтесь и вы, г. Подарскій — *такъ* говоритъ вашъ учитель! Когда вы, еще столь недавно, въ книжкахъ „Русскаго Богатства“, съ неотразимымъ видомъ незапятнаннаго радикализма свысока поглядывали на Бернштейна, не одобряли за „привкусы филистерства“ г. Струве и корили его — повторяя „ортодоксовъ“ — „теоріей развитія путемъ все притупляющихся и притупляющихся противорѣчій“,*) когда вы замѣчали, что здѣсь пахнетъ духомъ буржуазнаго апологетства, я готовъ былъ — забывая на время о вашихъ собственныхъ грѣшкахъ — аплодировать вамъ, но при этомъ со страхомъ думалъ: dans la maison d'un pendu on ne parle pas de corde! Помилуйте, можно ли быть такимъ неосторожнымъ въ „домѣ“ г. Михайловскаго и такъ непринужденно толковать о филистерскомъ „притупленіи“ тамъ, гдѣ когда то самъ „хозяинъ“ намѣтилъ теорію „соглашенія“ и просвѣтлѣнія свыше!

А вы, г. Бердяевъ, — воистину, неблагодарное существо! поторопитесь почтительно сказать спасибо раскритикованному вами автору: вѣдь, вы живете на его капиталъ, вы повторяете — nur mit ein Bischen anderen Worten — принарядивши по модному, точку зрѣнія г. Михайловскаго на сущность рабочаго движенія.

Непримиримая борьба ведетъ къ озвѣрѣнію — говоритъ г. Михайловскій. Острый „романтическій“ періодъ борьбы

*) См. „Русск. Бог.“, дек. 1900 г. и іюль 1901 г., стр. 66.

„калѣчитъ личность“ — утверждаете вы. Онъ „суживаетъ духовные горизонты“ ея; вся борьба „направлена на достиженіе минимума человѣческаго существованія“; вся „теоретическая и практическая работа ушла на выработку матеріальныхъ средствъ“.*) Неудивительно, что когда борьба слегка „притупится“ — „будутъ достигнуты нѣкоторыя элементарныя условія для развитія человѣческой личности“ — „движеніе приметъ окончательно буржуазный характеръ“ — въ погонѣ за „пятикопѣечными улучшеніями“. А такъ какъ борьба, какъ доподлинно извѣстно вамъ, г-ну Струве и вашимъ единомышленникамъ, вездѣ „притупляется“, то, очевидно, бѣдному рабочему, не желающему превратиться въ самодовольное „библейское животное“, остается только искать прибѣжища — на высотахъ вашей метафизики. И если г. Михайловскій 90-хъ годовъ возлагалъ надежды на заботливую о младшемъ братѣ „интеллигенцію“ изъ среды „дирижирующихъ классовъ“, то вы, бурнопламенный поэтъ идеализма и сокрушитель правовѣрныхъ, — ожидаете, должно быть, спасенія отъ вознесшихся надъ классами „идеалистовъ“-философовъ. Согласитесь, однако, различіе не настолько велико, чтобы не признать ваше умственное дѣтище блѣдной, модернизированной копіей съ той яркой картины, которую нарисовало г. Михайловскому его напуганное воображеніе...

Когда я перечитывалъ вышеприведенныя строки г. Михайловскаго, мнѣ было вчужѣ досадно и больно. Не за г-на Михайловскаго, конечно, — богъ съ нимъ — а за то старое, безвозвратно минувшее время, когда — говорятъ — „цивилизація“ была „антиномична“,**) когда „мы“ — ради одной возможности осуществленія соціалистическаго строя — „готовы была не домогаться никакихъ правъ для себя... даже элементарныхъ параграфовъ того, что въ старину называлось естественнымъ правомъ“,***) когда „мы“ твердо знали, что противъ насъ стоитъ міръ грубости и невѣжества, въ которомъ однако есть задатки такой красоты, такой правды, такого добра, которыя при благопріятныхъ условіяхъ должны затмить насъ совсѣмъ, да и теперь уже отчасти затмѣваютъ“.†) Словомъ, мнѣ было больно за то исполненное ошибокъ, но хорошее время, когда великій поэтъ народнаго горя обращался съ привѣтомъ къ тому

...Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ...

---

*) См. „Міръ Божій“, іюнь 1901 г., стр. 6 и 7.
**) Законъ антиномичности всѣхъ благъ цивилизаціи!
***) См. „Сочиненія Н. К. Михайловскаго“, т. IV, стр. 952.
†) См. „Сочиненія“, т. III, стр. 508.

И вотъ теперь, много лѣтъ спустя, когда — видимо для всѣхъ — у человѣка труда „терпѣніе“ лопнуло, „суровыя очи“ давно смотрятъ въ упоръ на врага, „нѣмыя уста“ посылаютъ проклятія, „грубыя руки“ сжались въ кулакъ, теперь — былому глашатаю достославнаго „мы“ — какъ когда то Герцену на склонѣ его лѣтъ — мерещатся лишь будущія полчища варваровъ разрушенія и онъ загодя проливаетъ слезы надъ обломками цивилизаціи.

Правда, представитель труда, ощутившій въ себѣ гражданина, не пахарь, воспѣтый Некрасовымъ, а городской рабочій человѣкъ, не обласканный „формулой прогресса“ г. Михайловскаго. Но что изъ того! Г. Михайловскій, какъ и вся народолюбивая братія, не „узкій“ „доктринеръ“, выкраивающій дѣйствительность по мѣркѣ излюбленной теоріи; онъ не то, что иные-прочіе, онъ готовъ — какъ уже извѣстно читателю — подать „милостыню своего вниманія“, „подлинному рабочему человѣку“, „гдѣ бы онъ ни работалъ, въ деревнѣ ли, въ городѣ ли“ и жизнь котораго „одинаково темна и скудна, одинаково требуетъ и одинаково заслуживаетъ участія“. Для него — справедливость прежде всего! И на самомъ дѣлѣ: онъ почтилъ своимъ милостивымъ вниманіемъ едва начавшееся русское рабочее движеніе!

У всѣхъ еще въ памяти, конечно, большая стачка 1896 года. Друзья и недруги были застигнуты ею врасплохъ. Петербургскіе ткачи проявили такую степень сознательности, выдержки, умѣнья организовываться и чувства солидарности, что превзошли самыя нетерпѣливыя ожиданія и на смерть напугали правительство. Тогда многіе слѣпцы прозрѣли, прежніе скептики стали надѣяться, потянуло предразсвѣтнымъ вѣтеркомъ, стало ясно — русскій рабочій просыпается. И въ то же самое время, въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, во время коронаціонныхъ торжествъ, подгулявшая толпа, въ которой — говорятъ — было много фабричнаго люда — произвела „нарушеніе общественной тишины и спокойствія“ отнюдь не политическаго свойства. „Инцидентъ“ — мало чѣмъ примѣчательный — былъ весьма скоро исчерпанъ усиліями заботливаго начальства и основательно позабытъ — среди треволненій разыгравшейся стачки. Онъ такъ бы и канулъ въ Лету, если бы его не почло своевременнымъ и умѣстнымъ выудить изъ водоворота тогдашнихъ событій деликатное перо народолюбиваго писателя. Г. Михайловскій воспользовался удобнымъ случаемъ — общее вниманіе было приковано къ герою событій — и заговорилъ... о *некультурности* рабочаго человѣка. „Толпа“ на Невскомъ, „повидимому, въ значительной степени состоявшая изъ фабричныхъ обитателей Шлисельбургскаго участка, *многихъ заставила призадуматься своимъ поведеніемъ*“ — писалъ нашъ публицистъ.*)

*) См. „Р. Бог.“, іюль 1896 г. „Литература и Жизнь“, стр. 61.

„И неужели мы не извлечемъ никакого урока изъ этого событія?“ „Удрученная ужаснымъ (!!) событіемъ мысль“ г-на Михайловскаго „невольно“ подымалась „къ общему вопросу о *нашемъ**) отношеніи къ народу вообще, и его духовной жизни въ частности“; и приходила къ выводу: „конечно это дѣло общихъ государственныхъ мѣропріятій, но и мы, приватные люди, можемъ свою хоть малую лепту внести, хотя бы въ видѣ учрежденій, подобныхъ начинаніямъ Невскаго общества устройства народныхъ развлеченій“... (тамъ же).

Такъ писалъ — „наслѣдникъ“ великой эпохи!

Сопоставьте, читатель, это „мы“ „приватныхъ людей“ съ тѣмъ „мы“, которое когда то во имя соціализма соглашалось „питаться одними акридами“. То старое „мы“ видѣло въ „мірѣ грубости и невѣжества“, „стоявшемъ передъ нимъ“, — задатки правды, добра, красоты. Нынѣшнее „приватное“ „мы“, какъ слабонервная барыня, „задумывается“ отъ мало-мальски крупнаго уличнаго скандала и гипнотизированное имъ, игнорируетъ событіе исторической важности. Скандалъ на Невскомъ — это ужасно! А многотысячная толпа фабричнаго народа, въ обстановкѣ полицейскаго режима, въ теченіе долгихъ недѣль упорно отстаивающая свои требованія, это... конечно, *не* ужасно, а даже, вѣроятно, „отрадно“ (хотя и ведетъ къ озвѣрѣнію), но... *эту* толпу можно не учитывать въ своихъ впечатлѣніяхъ, продолжать какъ ни въ чемъ не бывало „удручаться“ и съ полнымъ сознаніемъ своей невиновности, какъ Пилатъ, умывать безгрѣшныя руки — благо цензура не велѣла, мы же „приватные люди“, всѣ подъ цензурою ходимъ!

А въ результатѣ еще — поученіе: надо просвѣтить толпу! очень хорошо! Но не на счетъ ли „хитрой механики“ современнаго общественнаго строя? Помилуй богъ! Трезвенное „мы“ не помышляетъ выходить изъ рамокъ дозволеннаго, оно скромно довольствуется мѣстечкомъ въ томъ „дѣлѣ“, которое есть „дѣло“ — „общихъ государственныхъ мѣропріятій“.

И это вполнѣ естественно: скептическое отношеніе къ массамъ имѣетъ свою логику: кто прожилъ старую вѣру (въ крестьянина) и не нажилъ новой (въ революціонный пролетаріатъ), тотъ, рано или поздно, но непремѣнно успокоится на гостепріимномъ лонѣ народолюбиваго общества.

Въ самомъ дѣлѣ: только въ томъ случаѣ, если мы знаемъ, что наше „просвѣтительное“ слово попадаетъ въ передѣлку къ повседневнымъ жизненнымъ фактамъ, что эти факты съ безпощадной силой вколачиваютъ въ сознаніе человѣка массы правоту нашихъ словъ, что они договариваютъ недосказанное, разъясняютъ непонятое и если мы почему либо позорно молчимъ,

---

*) Курсивъ всюду мой.

сами начинаютъ съ неотразимымъ краснорѣчіемъ говорить и требовать насъ къ отвѣту, только въ этомъ случаѣ мы можемъ не бояться „грубости и невѣжества“. массъ и, не дожидаясь смягченія нравовъ, искать въ массахъ товарищей. И только по мѣрѣ того, что *объектъ* нашей жалости, скорби или ужаса превращается въ нашемъ представленіи въ искомаго *субъекта*-товарища, съ которымъ важно и даже необходимо нужно потолковать и договориться, начиная съ мелочей текущей дѣйствительности и кончая общими задачами движенія, — сѣрое, безразличное, сплошное пятно, именуемое массой, начинаетъ дифференцироваться, отдѣльные классы — части его — выдѣляются въ своей индивидуальности, съ присущими имъ тенденціями, и пролетаріатъ во всѣхъ деталяхъ его поступательнаго движенія приковываетъ къ себѣ наше вниманіе, непонятное народолюбивому писателю.

И наоборотъ: разъ масса съ ея темнотою и скудостью разсматривается не какъ активный агентъ, а лишь какъ предметъ культурнаго воздѣйствія, общественный составъ ея является ненужной подробностью, перипетіи начинающейся борьбы теряютъ значеніе, и на первый планъ выступаетъ моментъ *справедливаго распредѣленія народолюбивыхъ заботъ и вниманія*. Зачѣмъ обходить кого либо? Рабочій или крестьянинъ, каждый изъ нихъ „одинаково требуетъ и одинаково заслуживаютъ участія“! Нужно прежде всего — просвѣщеніе, то просвѣщеніе, которое рекомендуется и практикуется всѣми благомыслящими элементами современнаго русскаго общества.

Такъ именно ставилъ вопросъ г. Михайловскій, и понятно:— негодовалъ на „доктринеровъ“-марксистовъ за недостаточно-почтительное отношеніе — къ „практическому выводу“, „приглашающему къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ“, къ выводу — о „необходимости просвѣщенія“. Эти странные люди, вмѣсто того, чтобы слѣдовать примѣру нашего писателя, носились съ своимъ „теоретическимъ доводомъ“ о преимуществахъ города передъ деревнею и городского рабочаго человѣка передъ крестьяниномъ.

„Ну, а далѣе что? — язвительно вопрошалъ г. Михайловскій.*) Слѣдуетъ ли изъ этого, что городъ, который и безъ того хорошъ, можно оставить безъ вниманія, и всѣ заботы общества должны сосредоточиться на деревнѣ, которая такъ темна и безпомощна? Повидимому, нѣтъ, и даже скорѣе напротивъ. Во всякомъ случаѣ насъ предпочитаютъ держать на высотѣ чисто теоретическаго вывода и настаиваютъ на немъ со страстнымъ полемическимъ задоромъ“.

Недоумѣніе г. Михайловскаго было законнымъ дѣтищемъ его точки зрѣнія — „распредѣлительной“ справедливости. И конечно, съ нимъ безполезно было толковать о томъ, что

---

*) См. „Русск. Бог.“, іюнь 1897 г., стр. 122.

„теоретическій выводъ“ не болѣе какъ скромная форма, облекающая далеко не скромное содержаніе, что онъ имѣетъ весьма „ощутительные практическіе терніи“, что, прежде чѣмъ толковать о просвѣщеніи, надо условиться о томъ, какое просвѣщеніе имѣешь въ виду, т. е. говоря словами Щедрина, — „на какой предметъ и въ какомъ градусѣ“*), что наконецъ, есть банальныя истины, о которыхъ не пристало говорить, не оскорбляя достоинства читателя, и есть темы, о которыхъ трудно говорить до конца — въ разъясненіе недогадливымъ — подцензурной русской печати.

Резюмируя полемическій эпизодъ я сказалъ бы: одно дѣло, сострадая, толковать объ объектѣ благожелательнаго попеченія, и другое — призывать вниманіе къ субъекту историческаго дѣйствія. Вотъ различіе, превосходившее пониманіе мудрѣйшаго изъ народолюбивыхъ писателей.

Еще во время полемики по поводу чеховскихъ „Мужиковъ“, вскользь-мимоходомъ было брошено слово — „филантропія“.

Г. Михайловскій протестовалъ: на него возводятъ поклепъ, ни къ какой, молъ „филантропіи“ онъ не призывалъ. Но — добавлялъ онъ — „діалектическіе матеріалисты“, боясь „слова“ имѣютъ „о самой филантропіи довольно смутныя понятія“.**) Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ этого ему представился случай объясниться съ своими противниками на счетъ „смутнаго понятія“ и установить свое отношеніе къ нему. Этотъ случай — было появленіе въ свѣтѣ, въ концѣ 1898 года, книжки „Очерковъ и разсказовъ“ г. Вересаева.***)

Въ одномъ изъ нихъ, въ разсказѣ „Повѣтріе“, идетъ споръ. Спорятъ „марксистъ-студентъ Даевъ и Наташа Чеканова (героиня повѣсти „Безъ дороги“) — съ хозяиномъ дома, земскимъ врачомъ Троицкимъ и народникомъ-устроителемъ кустарныхъ артелей — Киселевымъ.

— „Повелъ бы я васъ къ нашимъ кустарямъ — говоритъ Киселевъ — посмотрѣли бы вы какъ они живутъ — языкъ бы у васъ не повернулся сказать, что работа на нихъ не имѣетъ никакого общественнаго значенія!...“

Даевъ возражаетъ, что артели Киселева, быть можетъ, и подымутъ благосостояніе артельщиковъ, улучшатъ на нѣкоторое время ихъ положеніе. Но — замѣчаетъ онъ — „вы при этомъ поможете *только даннымъ лицамъ*, вслѣдствіе вашей помощи *имъ* станетъ хорошо, и больше никому. А это и есть то, что называется филантропіею“. И еще: „филантро-

---

*) См. „Новое Слово“, октябрь 1897 г. „На разныя темы“, стр. 56.

**) См. „Р. Бог.“, ноябрь 1897 г., „Лит. и Жизнь“, стр. 125.

***) Въ своей характеристикѣ отношенія г. Михайловскаго къ героинѣ Вересаева я пользуюсь статьею г. К—скаго въ апрѣльской книжкѣ „Начала“ за 1899 г. Надѣюсь, что авторъ статьи — если до него дойдутъ мои строки — не посѣтуетъ на меня за позаимствованія.

пія — вещь необходимая, потому что на землѣ слишкомъ много горя. Но *причинъ* этого горя филантропія по самому своему существу не можетъ уничтожить".*)

Г. Михайловскій недоволенъ и, вмѣшиваясь въ споръ, говоритъ: „При такомъ широкомъ пониманіи филантропіи и при исжеланіи ею заниматься, Наташѣ *очень трудно найти достойное ея дѣло* (курсивъ мой). Говорю объ Наташѣ, а не объ Даевѣ, потому что его мы знаемъ только какъ говорильщика, а съ Наташей познакомились еще въ „Безъ дороги". Знаемъ, что она учила деревенскихъ ребятишекъ и дѣвокъ, читала имъ, сама училась, готовилась поступить на медицинскіе курсы и проч. Знаемъ высокое объ ней мнѣніе покойнаго Чеканова. Помните, онъ ей говорилъ: „люби ближняго своего, какъ самаго себя, — нѣтъ больше этой заповѣди... Но тебѣ нужно другое. Жить для другихъ, работать для другихъ... Все это слишкомъ обще. *Ты хочешь идеи, которая наполнила бы жизнь, которая захватила бы тебя цѣликомъ и упорно вела къ опредѣленной цѣли* (курсивъ мой Ст.), ты хочешь, чтобы я вручилъ тебѣ знамя и сказалъ: „Вотъ тебѣ знамя, — борись и умирай за него"... И вотъ почему Чекановъ предложилъ было Наташѣ роль сельской учительницы, но тогда же чувствовалъ, а потомъ и ей сказалъ, что это слишкомъ мелкая для нея дѣятельность. И въ самомъ дѣлѣ: сельская учительница (какъ, впрочемъ, и всякая другая учительница и всякій другой учитель въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова) „поможетъ *только даннымъ лицамъ*", а это „филантропія", недостойная исключительной натуры Наташи.. Наташѣ не то нужно, не на томъ бы она успокоилась".**)

Въ поученіе ей, г. Михайловскій приводитъ слова Троицкаго, что „жизнь предъявляетъ много разнообразныхъ запросовъ, и удовлетвореніе всѣхъ ихъ одинаково необходимо, а что будущее само уже должно рѣшить, „историческая" ли данная задача или нѣтъ, что нельзя гоняться за какими-то отвлеченными историческими задачами, когда кругомъ такъ много насущнаго дѣла и такъ мало работниковъ" и затѣмъ, устами „непредвидѣннаго г. Вересаевымъ собесѣдника" поясняетъ: „Мнѣ кажется, Наталья Александровна, что вы вывели изъ словъ Троицкаго неправильное заключеніе. Едва ли онъ хотѣлъ сказать, что *всякое* дѣло одинаково хорошо и важно; онъ безъ сомнѣнія понимаетъ, что есть дѣла важныя и не важныя, хорошія и дрянныя. А кромѣ того, въ его репликѣ есть одна интересная мысль: не всегда, конечно, но бываетъ, что изъ простой „филантропіи", какъ сказалъ бы г. Даевъ, разростается настоящая историческая задача".***) Примѣръ: Золя въ дѣлѣ Дрейфуса.

*) См. „Очерки и разсказы" В. Вересаева, стр. 253—254.
**) См. „Р. Бог.", январь 1899 г., „Лит. и Жизнь", стр. 95.
***) Ibid. стр. 96 и 97.

Въ заключеніе приговоръ: бѣда Наташи въ томъ, что она „ищетъ не такой задачи, которая бы была ей подъ силу, а просто самой важной, самой полезной, для которой она, можетъ быть, вѣдь и не годится". Она — „суется въ воду, не спросясь броду".

Такъ незамѣтно — черезъ „филантропію" — г. Михайловскій подошелъ вплотную къ больному вопросу нашей интеллигенціи, къ вопросу о томъ, что *ей* дѣлать, и отвѣтомъ на него достойно увѣнчалъ свое народолюбивое развитіе.*)

Наташа виновата потому, что, будучи не исключительной натурой, а просто — живой, интеллигентной, энергичной дѣвушкой, рѣшилась не довольствоваться обученіемъ ребятишекъ или медицинской практикой, забыла о томъ, что „кругомъ такъ много насущнаго дѣла и такъ мало работниковъ" и пройдя черезъ томительный процессъ исканія, обрѣла себѣ „дорогу", нашла „выходъ и успокоеніе" въ дѣлѣ, которое по словамъ г. Михайловскаго считала „самымъ важнымъ и самымъ полезнымъ". Она виновата потому, что искала работы не по силамъ себѣ, а хотѣла непремѣнно превосходной степени. Тѣмъ хуже для нея: пусть не пеняетъ, когда жизнь надломитъ ее!

Превосходной степени!

Въ томъ то и горе нашего ci-devant радикала и современнаго баяна народолюбія, что онъ видитъ однѣ лишь сравнительныя и превосходныя степени тамъ, гдѣ обычному масштабу расцѣнки приходится посторониться передъ *инымъ* критеріемъ.

Мы, вѣдь, знаемъ хорошо, чего искала Наташа, знаемъ даже изъ цитатъ г. Михайловскаго. Она искала дѣла, которое помогало бы „не только даннымъ лицамъ", но и оказала бы свою долю вліянія на „причины" царящаго зла. Она искала „идеи", которая „наполнила бы жизнь", „захватила бы ее „цѣликомъ" и „упорно вела къ опредѣленной цѣли". Она искала „исторической задачи", къ которой бы могла

---

*) Въ нашей легальной печати, какъ я уже выше отмѣтилъ, своевременно была сдѣлана попытка характеризовать финалъ народолюбиваго развитія: она не увѣнчалась *цензурнымъ* успѣхомъ. Цензурное прикрытіе — самое сильное оружіе г. Михайловскаго въ спорѣ съ марксистами. Такъ, въ апрѣльской книжкѣ „Р. Бог." онъ пользуется этой своей силой, чтобы написать нижеслѣдующія строки: „Не припомнитъ ли г. Струве, что г. Бельтовъ въ книгѣ, доселѣ осыпаемой комплиментами г. Бердяева, кривляясь и кувыркаясь, уличалъ меня во „лжи" въ то самое время, *когда самъ лгалъ, что и было мною документально доказано*". (курс. мой).

Ну, разумѣется: г. Михайловскому ничего не стоило „документально доказать", потому что отвѣтныя „документальныя доказательства" противника тогда же подверглись уничтожающему дѣйствію... цензурнаго пламени. Г. Михайловскому должна быть хорошо извѣстна судьба сборника „Матеріалы къ характеристикѣ нашего хозяйственнаго развитія", Спб. 1895 г. и статьи Утиса „Нѣсколько словъ нашимъ противникамъ". Онъ знаетъ, но... не смущается!

прилѣпиться всѣмъ горячимъ своимъ существомъ. Мы знаемъ вересаевскую Наташу и знаемъ много другихъ Наташъ, не побоявшихся „трудностей“ поднятой ноши и ушедшихъ туда, куда имъ — *среднимъ* людямъ — г. Михайловскій ходить не совѣтовалъ.

Недавно еще нашъ писатель имѣлъ обыкновеніе попрекать Чехова и людей его поколѣнія тѣмъ, что нѣтъ у нихъ „общей идеи“, нѣтъ „бога живого человѣка“. Теперь, потерявъ собственнаго „бога“, онъ съ легкимъ сердцемъ коритъ Наташу за то, что для нея весь міръ, вся практика жизни опредѣляются отношеніемъ къ „богу“, котораго *она* исповѣдуетъ. Но потому то наша маленькая Наташа и имѣетъ огромныя преимущества передъ большимъ Михайловскимъ. Она *вѣритъ* въ свой путь и найдетъ себѣ чѣсто на немъ, она пойдетъ и на скромное, незамѣтное дѣло, на „тяжелый трудъ, красный лишь сознаніемъ, что живешь не напрасно“, и на горькую расплату за него. Только бы и въ трудную минуту ея жизни ей свѣтила увѣренность въ томъ, что она идетъ въ рядахъ сомкнувшейся стройной толпы и за свой маленькій пай вершитъ великое общее дѣло . . .

Г. Михайловскій взялъ подъ защиту „филантропію“ — въ распространительномъ толкованіи вересаевскихъ марксистовъ — и, какъ бы невзначай, *смахнулъ ту пограничную линію, которая отдѣляетъ „широкое“ поле культурныхъ начинаній отъ „узкаго“ „уголка“ революціоннаго строительства.* Съ невиннымъ видомъ произведя *операцію теоретическаго „уравненія“, онъ на практикѣ похоронилъ революціонныя стремленія разночинной интеллигенціи*

Выбирай дѣло по силамъ, непосредственно изъ жизни, а не по „указаніямъ свѣдущихъ людей“, не спросясь броду, не суйся въ воду*) — говорилъ человѣку толпы — „не герою“ этотъ хранитель старыхъ традицій.

Я надѣюсь: читатель понялъ теперь и безъ моихъ поясненій, почему своенравная „интеллигенція“ — этотъ коллективный *средній* человѣкъ — предпочла ласковому автору нравоучительныхъ максимъ тѣхъ грубыхъ людей и пресловутыхъ „квіетистовъ“, которые „третировали“**) ее — по свидѣтельству г. Михайловскаго, но въ тоже время *подымали*, не давая заснуть на пуховикахъ минимальной программы. Я надѣюсь: онъ уразумѣлъ послѣ всего изложеннаго, изъ какихъ источниковъ черпала свои силы легенда о томъ, что эти люди, страдая противоестественнымъ порокомъ „любви къ дальнему“, отсовѣтывали интеллигенціи кормить крестьянъ и *отчасти* были повинны въ равнодушномъ отношеніи общества къ голодному бѣдствію конца 90-хъ годовъ. Я надѣюсь, что те-

*) Ibid. стр. 99, ср. также „Р. Бог.“, февр. 1899 г. „Лит. и Жизнь“ стр. 85.
**) См. „Русск. Бог.“, апр. 1901 г., „Л. и Ж.“ стр., 128.

перь, наконецъ, ему удалось разрѣшить психологическую загадку, какимъ образомъ у народолюбивыхъ сверчковъ, горделиво сидѣвшихъ на шесткахъ „малыхъ дѣлъ", хватало въ то же самое время духу покрикивать на злополучныхъ марксистовъ за то, что тѣ въ своей революціонной работѣ не дошли до крестьянскаго поселка. Чѣмъ-чѣмъ другимъ, а отсутствіемъ великаго почтенія къ собственной дѣятельности никогда не грѣшила народолюбивая демократія!

* * *

Чтобы закончить портретъ современной весталки, мнѣ остается сдѣлать лишь нѣсколько штриховъ — изъ области текущей политики. Но для этой цѣли г. Михайловскій, мой обычный проводникъ по лабиринту народолюбиваго мышленія, увы! не годится: онъ слишкомъ рѣдко спускается на грѣшную землю повседневной дѣйствительности, а если въ кои вѣки и спустится, то больше для войны съ ненавистной заразой. Волей-неволей приходится обратиться къ инымъ представителямъ „весталочной" группы, благо всѣ они связаны круговой порукой постояннаго сотрудничества или даже соредакторства. Къ тому же недавно еще г. Михайловскій печатно заявилъ о томъ, что онъ имѣетъ *честь* принадлежать къ этой группѣ. Ну, а гдѣ честь, тамъ и безчестіе: общіе лавры, общее поношеніе!

Посмотримъ на группу.

Народолюбивая демократія — какъ я уже говорилъ — большая строительница. *А на основѣ строительства растетъ и крѣпнетъ сознаніе своей принадлежности къ дѣйствующему цѣлому и постепенно замираетъ самая возможность принципіальной оппозиціи ему.*

Несите побольше камней, воздвигайте стропила, старайтесь, старайтесь, каждый на мѣстѣ ему уготованномъ, и быстро исчезнетъ для васъ *общій планъ* архитектора, вы станете препираться лишь о деталяхъ фронтона и кончите тѣмъ, что назовете постройку своею!

Со ступеньки на ступеньку! И вы скоро сравнитесь съ хроникеромъ „Русск. Богатства", и провозгласите лицемѣрную „ноту" русскаго правительства, приглашающую державы на „мирную" конференцію — вступленіемъ къ „задачѣ" „великой и благородной",*) вы станете писать двусмысленныя статьи о безобидности оккупаціи Россіей сѣверной Маньчжуріи,**) и при случаѣ закричите ура! — франко-русскому альянсу.

---

*) См. „Русск. Бог.", авг. 1899 г. „Политика", стр. 160: „Это было серьезное съуженіе первоначальной задачи, но и въ этихъ предѣлахъ задача была велика и благородна". Ср. также „Сборникъ журнала „Р. Б.", 1899 г., ст. С. Южакова „Правители и властители современной Европы". стр. 406.

**) См. „Р. Бог.", апрѣль 1900 г. „Политика", стр. 164—165.

Позорнѣйшій торгъ нашего времени представится вашему воображенію началомъ „европейскаго возрожденія“*) и вы поспѣшите вмѣстѣ съ г. С. Н. Южаковымъ украсить страницы нашей передовой журналистики знаменательнымъ словомъ:

„И мнѣ кажется, — говорилъ г. Южаковъ**) — что народы имѣютъ право не только желать, но и надѣяться, что принципы *европейской* политики по отношенію къ Востоку, въ концѣ концовъ всторжествуетъ въ совѣтахъ Европы и что однимъ изъ существенныхъ факторовъ этого торжества явится франко-русская комбинація, которая уже положила начало возрожденію этой европейской политики въ другихъ вопросахъ международной жизни“. Если осуществятся надежды, то „исторія не забудетъ вписать ее въ свои анналы, какъ одну изъ благодѣтельныхъ историческихъ комбинацій“.

Со ступеньки на ступеньку! и вы пойдете слѣдомъ за княземъ Имеретинскимъ и царемъ Николаемъ говорить свои нѣжныя рѣчи замученной Польшѣ — „изстрадавшейся сестрѣ“, „протягивающей руку“***) (кому?), точно старый развратникъ, который глумится надъ беззащитною жертвой, лаская и голубя ее.

„Мы должны . . . помнить — писалъ хроникеръ „Русскаго Богатства“ — что часть польской націи (буржуазная часть, г. Южаковъ! какъ это хорошо извѣстно всякому, хотя немного знакомому съ польскими дѣлами. Ст.) желаетъ устроиться съ нами и отъ насъ (народолюбцевъ?) зависитъ въ значительной степени будущность этого желанія. . .“†) „Злобою сердце питаться устало, много въ ней правды, да радости мало“, могли бы повторять польскіе патріоты эти стихи, если бы знали Некрасова. Да, несомнѣнно они устали питаться злобою и съ искреннимъ порывомъ, почти съ энтузіазмомъ, предались новому чувству, благожелательному, свободному отъ истерзавшихъ сердце злобы и ненависти (къ русскому правительству? такъ что ли, г. Южаковъ? Ст.). Это такъ естественно, такъ понятно . . . . Новыя надежды и ожиданія волнуютъ и радуютъ нашихъ соотечественниковъ польскихъ провинцій. Искренно и душевно желаю, чтобы эти надежды не были иллюзіей, и чтобы миръ и дружба расцвѣли въ сердцахъ народовъ (подъ самодержавнымъ скипетромъ царя? Ст.), такъ долго и непримиримо враждовавшихъ, такъ горестно и неустанно питавшихся злобою и ненавистью. Искренно и душевно желаю, чтобы исчезли причины, питавшія эти злыя чувства, и чтобы сгладились тѣ шероховатости (!), которыя

---

*) См. „Р. Бог.“, августъ 1897 г. „Дневникъ журналиста“, стр. 130.
**) Ibid., стр. 131.
***) См. „Русское Богатство“, сентябрь 1899 г. „Дневникъ журналиста“, стр. 169.
†) Ibid., стр. 159.

заставляютъ русскихъ и поляковъ отворачиваться другъ отъ друга.“*)

Со ступеньки на ступеньку! и вы заявите à la Подарскій, какъ и подобаетъ заправскому „либеральному“ журналисту, храбро трепещущему Грингмутовской тѣни, — „во избѣжаніе возможныхъ кривотолковъ и подтасовокъ“, — что „никому, можетъ быть“ не уступите „въ признаніи необходимости ‚твердой власти‘, въ искреннемъ уваженіи передъ этимъ регулирующимъ общественную жизнь принципомъ“..**) „Для насъ, людей XIX вѣка, только что вступающихъ въ XX-й, начало „твердой власти“ имѣетъ огромное практическое значеніе. Въ свирѣпой свалкѣ классовъ, группъ и индивидуумовъ, гдѣ столько противорѣчивыхъ и эгоистичныхъ интересовъ рвутъ на части общественный организмъ, *роль* высшаго *регулятора*, служащаго *задачамъ цѣлаго, призывающаго къ порядку каждый личный произволъ, есть цивилизаторская миссія* (курсивъ мой). И критикѣ принципъ обязательности подлежитъ лишь постольку, поскольку государственная власть забываетъ свои общекультурныя цѣли и становится служкой какого либо отдѣльнаго класса, корпораціи, лица.“***)

Реакціонная пресса, „гг. Гринмутъ и Ко.“ возбуждаютъ наше негодованіе тѣмъ, что „вмѣсто культурнаго идеала, вызывающаго искреннее и сознательное уваженіе мыслящихъ людей“, „ставятъ передъ нами какого то свирѣпаго идола“. Они „мнятъ“, что „ихъ устами говоритъ само правительство“, въ своемъ „самомнѣніи“ берутъ „подъ свою защиту нашъ

---

*) Ibid., стр. 168. „Новое Слово“ тогда же писало: „Есть охотники приплести къ новѣйшей эрѣ русско-польскихъ отношеній и русское общество, какъ самостоятельный и сознательно дѣйствующій факторъ этихъ отношеній. Это большое заблужденіе. У русскаго общества, строго говоря, нѣтъ самыхъ элементарныхъ условій для такой роли. Намъ могутъ возразить, что польское общество находится въ этомъ отношеніи въ еще менѣе благопріятномъ положеніи. Но это врядъ ли будетъ вѣрно. На реальномъ театрѣ русско-польскихъ отношеній, тамъ, гдѣ они являются матеріаломъ не газетныхъ или журнальныхъ статей, а самой жизни и всѣхъ многообразныхъ ея проявленій, въ царствѣ Польскомъ никакого русскаго общества нѣтъ. Тамъ только двѣ силы — правительство и польское общество. Для русскаго же общества русско-польскія отношенія, конечно, представляютъ вопросъ огромной важности, капитальнаго общественно-политическаго значенія. Но въ то же время именно для *русскаго* общества они должны быть и не могутъ не быть введены въ контекстъ всей русской жизни, поставлены въ связь съ ея основными вопросами. Для русскаго общества вопросъ о русско-польскихъ отношеніяхъ не можетъ являться вопросомъ локальнымъ. А локальная, широкая постановка этого вопроса совершенно недоступна русскому обществу. Оно представляется въ данномъ случаѣ какъ бы сборищемъ зрителей, и притомъ зрителей, изъ которыхъ далеко не всѣ пользуются возможностью высказывать вслухъ свои мысли“ (см. „Н. С.“, октябрь 1897 г. „Текущіе вопросы вн. жизни“, стр. 247—248).

**) „Русск. Богатство“, мартъ 1901 г., Подарскій „Наша текущая жизнь“, стр. 128.

***) Ibid., стр. 128—129.

общій государственный принципъ", тогда какъ „основной аттрибутъ нашего государственнаго строя" есть „законность". „Все, что разрушаетъ логическое развитіе законности, является ущербленіемъ, умаленіемъ самой сущности нашей основной власти. . . Отсюда ясно, какую важную роль играетъ на всѣхъ ступеняхъ нашей политической и административной іерархіи охраненіе и укрѣпленіе законности."*)

Со ступеньки на ступеньку! продѣлавъ все это, въ откровенную минуту, вамъ уже будетъ не трудно подѣлиться съ нами profession de foi оппортуниста и устами г. Владиміра Короленка возгласить, что одно дѣло *заявленіе принципа*, а другое — практическая *программа*. „Чтобы стать ‚программой' ей пришлось бы сильно обкарнаться, потерять свою цѣлостность, пріодѣться въ мундиръ данной минуты. Это судьба всякой системы взглядовъ, когда она стремится стать опредѣленной ‚программой' въ узкомъ смыслѣ. *Мы понимаемъ и цѣнимъ побужденія Милльерана, когда, принимая программу Вальдека-Руссо, онъ сѣлъ на министерской скамьѣ рядомъ съ Галлифе, старымъ своимъ противникомъ.*"**) Несомнѣнно также, что онъ сильно сократилъ практическія требованія данной минуты, сравнительно со всѣмъ объемомъ своихъ убѣжденій. И *никто его за это не осудитъ* (кромѣ нелѣпыхъ доктринеровъ-сектантовъ, Ст.), потому что онъ зналъ для чего это дѣлалъ и имѣлъ въ виду — ввести въ жизнь, какъ фактъ, хоть часть своихъ desiderata. . . *Русской передовой печати пока еще, какъ извѣстно, не представлялось такихъ искушеній*, и вотъ почему она не очень торопилась одѣвать свои принципы въ мундиры программъ."***)

Но какъ только „искушеніе" явится, въ тотъ самый невѣдомый день, когда Россія станетъ конституціонной страною, она въ одинъ могъ „обмундируется" и нетерпѣливо, какъ новобрачная въ первую ночь, будетъ поджидать своего Вальдека. И старый Сипягинъ — нашъ русскій Галлифе — устроится тогда заодно вмѣстѣ съ ними, и такъ-же какъ и прежде будетъ литься горячая кровь — героя фабричной казармы!

Со ступеньки на ступеньку! . . . .

Однако, не довольно ли, читатель: всѣхъ ступенекъ не перечесть — намъ не угнаться за прыткой весталкой!

Я кончилъ . . . . . и на прощанье мнѣ хочется, сказать только нѣсколько словъ — теплыхъ словъ „весталочнымъ" людямъ.

---

*) Ibid., стр. 138. Ср. также его разсужденія объ „эпохѣ Александра III" въ майской книжкѣ „Р. Б.", стр. 169—171.

**) Курсивъ всюду мой.

***) См. „Р. Б.", ноябрь 1899 г. „О сложности жизни", стр. 198. Статья подписана буквами Вл. Кор., но авторъ названъ полностью въ „Р. Б." (мартъ 1901 г.) въ статьѣ г. В. Чернова (стр. 223).

Господа!

Вы неослабно дарили насъ вашимъ вниманіемъ, принимая къ сердцу всѣ перипетіи марксистскаго кризиса. Вы напряженно слѣдили за „поворотами“ „правдоискательствующаго“ Струве и не безъ чувства удовлетворенія читали пламенныя страницы Бердяева. Вы кокетничали съ однимъ, поучали другого, и не могли скрыть охватившей васъ радости. Марксистскій расколъ вамъ казался спасеніемъ. Поступая такъ, вы были въ своемъ правѣ, мы не претендуемъ на васъ: „скачите и играйте“ въ волю!

Но не троньте великихъ тѣней!

Мы не можемъ допустить, господа, чтобы кто либо изъ васъ, чтобы какой нибудь „весталочный“ писатель, сегодня изъясняющійся въ своей любви къ „твердой власти“ и берущій подъ защиту „основы“ противъ искаженій московскаго публициста, завтра — именемъ старыхъ борцовъ — читалъ намъ нотаціи за нашу неорганизованность*) и смѣлъ намъ вкладывать въ уста слова поэта

Wir sind nur Stümper gegen Dich,
Den himmlischen Poeten! . . .

Мы знаемъ хорошо организаціонные и всякіе другіе недостатки нашего движенія, мы съ радостью поучились бы многому у стариковъ и почтительно склоняемся — при всемъ нашемъ разномысліи — передъ обаяньемъ славной эпохи.

Но чтобы вы и люди вашего „міровоззрѣнія“ могли причислять себя къ породѣ „небесныхъ поэтовъ“, чтобы вы — современные народолюбцы — могли щеголять передъ нами, соціаль-демократами, въ яркомъ плащѣ давно ушедшаго прошлаго! . . . нѣтъ! *этого* права мы за вами не признаемъ никогда и всегда скажемъ — руки прочь! — политическимъ самозванцамъ!

Ст.

---

*) См. „Русское Богатство“, декабрь 1900 г., „Наша текущая жизнь“, стр. 133.

Гг. „критики“ въ аграрномъ вопросѣ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

. . . „Доказывать, . . . что догматическій марксизмъ въ области аграрныхъ вопросовъ сбитъ съ позиціи, — значило бы стучаться въ открытую дверь“. . . Такъ заявило въ прошломъ году „Русское Богатство“ устами г. В. Чернова (1900 г. № 8, стр. 204). Страннымъ свойствомъ обладаетъ этотъ „догматическій марксизмъ“! Вотъ уже много лѣтъ ученые и ученѣйшіе люди Европы важно заявляютъ (а газетчики и журналисты повторяютъ и пересказываютъ), что марксизмъ уже сбитъ съ позиціи „критикой“, — и тѣмъ не менѣе каждый новый критикъ опять съ начала начинаетъ трудиться надъ обстрѣливаніемъ этой якобы уже разрушенной позиціи. Г. В. Черновъ, напримѣръ, и въ журналѣ „Русск. Богатство“ и въ сборникѣ „На славномъ посту“ на протяженіи *цѣлыхъ 240 страницъ* „стучится въ открытую дверь“, „бесѣдуя“ съ читателемъ по поводу книги Герца. Столь обстоятельно пересказанное сочиненіе Герца, который въ свою очередь бесѣдуетъ о книгѣ Каутскаго, переведено уже на русскій языкъ. Г. Булгаковъ, исполняя свое обѣщаніе опровергнуть того же Каутскаго, выпустилъ цѣлое двухтомное изслѣдованіе. Теперь уже, навѣрное, никто не доищется и остатковъ „догматическаго марксизма“, раздавленнаго на смерть этими горами критической печатной бумаги.

I.

Присмотримся сначала къ общей теоретической физіономіи критиковъ. Г. Булгаковъ выступилъ еще въ журналѣ „Начало“ со статьей противъ „Аграрнаго вопроса“ Каутскаго и обнаружилъ сразу всѣ свои „критическіе“ пріемы. Съ необычайной хлесткостью и развязностью истиннаго наѣздника „разносилъ“ онъ Каутскаго, подсовывая ему то, чего онъ не говорилъ, обвиняя его, Каутскаго, въ игнорированіи обстоятельствъ и соображеній, точно изложенныхъ имъ же, Каутскимъ, преподнося читателю подъ видомъ *своихъ собственныхъ* критическихъ выводовъ — выводы, сдѣланные Каутскимъ. Съ видомъ знатока г. Булгаковъ обвинялъ Каутскаго въ смѣшеніи техники и экономики, — и самъ при этомъ тутъ же обнаруживалъ не только невѣроятную путаницу, но и свое

нежеланіе дочитывать до конца цитируемыя имъ страницы у своего противника. Само собою разумѣется, что статья будущаго профессора кишѣла избитыми выходками противъ соціалистовъ, противъ „теоріи краха“, утопизма, вѣры въ чудеса и проч. Теперь въ своей докторской диссертаціи („Капитализмъ и земледѣліе“, Спб. 1900 г.) г. Булгаковъ покончилъ всѣ счеты съ марксизмомъ и довелъ свою „критическую“ эволюцію до ея логическаго конца.

Во главу угла своей „теоріи аграрнаго развитія“ г. Булгаковъ ставитъ „законъ убывающаго плодородія почвы“. Намъ приводятъ выдержки изъ сочиненій классиковъ, установлявшихъ этотъ „законъ“ (въ силу котораго каждое добавочное вложеніе труда и капитала въ землю сопровождается не соотвѣтственнымъ, а уменьшающимся количествомъ добываемаго продукта), намъ сообщаютъ списокъ англійскихъ экономистовъ, признающихъ этотъ законъ, насъ увѣряютъ, что онъ „имѣетъ универсальное значеніе“, что это — „вполнѣ очевидная истина, которую совершенно невозможно отрицать“, „которую достаточно лишь ясно констатировать“ и пр. и т. д. Чѣмъ рѣшительнѣе выражается г. Булгаковъ, тѣмъ яснѣе видно, что онъ *пятится назадъ*, къ буржуазной политической экономіи, заслонявшей общественныя отношенія вымышленными „вѣчными законами“. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему сводится „очевидность“ пресловутаго „закона убывающаго плодородія почвы“? Къ тому, что если бы послѣдующія приложенія труда и капитала къ землѣ давали не уменьшающееся, а одинаковое количество продукта, то тогда незачѣмъ было бы вообще расширять запашки, тогда добавочное количество хлѣба можно бы было производить на прежнемъ количествѣ земли, какъ бы мало это количество ни было, тогда „земледѣліе всего земнаго шара можно бы было умѣстить на одной десятинѣ“. Таковъ обычный *(и единственный)* доводъ въ пользу „универсальнаго“ закона. И самое небольшое размышленіе покажетъ всякому, что этотъ доводъ представляетъ изъ себя безсодержательнѣйшую абстракцію, которая оставляетъ въ сторонѣ самое главное: уровень техники, состояніе производительныхъ силъ. Въ сущности вѣдь самое понятіе: „добавочныя (или: послѣдовательныя) вложенія труда и капитала“ *предполагаетъ* измѣненіе способовъ производства, преобразованіе техники. Чтобы увеличить въ значительныхъ размѣрахъ количество вкладываемаго въ землю капитала, надо *изобрѣсти* новыя машины, новыя системы полеводства, новые способы содержанія скота, перевозки продукта и пр. и пр. Конечно, въ сравнительно небольшихъ размѣрахъ „добавочныя вложенія труда и капитала“ могутъ происходить (и происходятъ) и на базисѣ даннаго, неизмѣннаго уровня техники: въ этомъ случаѣ примѣнимъ *до нѣкоторой степени* и „законъ убывающаго плодородія почвы“, примѣнимъ въ

томъ смыслѣ, что неизмѣнное состояніе техники ставитъ очень узкіе сравнительно предѣлы добавочнымъ вложеніямъ труда и капитала. Вмѣсто универсальнаго закона мы получаемъ, слѣдовательно, въ высшей степени относительный „законъ", — настолько относительный, что ни о какомъ „законѣ" и даже ни о какой кардинальной особенности земледѣлія не можетъ быть и рѣчи. Возьмемъ за данное: трехполье, посѣвы традиціонныхъ зерновыхъ хлѣбовъ, навозное скотоводство, отсутствіе улучшенныхъ луговъ и усовершенствованныхъ орудій. Очевидно, что при условіи неизмѣнности этихъ данныхъ предѣлы добавочныхъ вложеній труда и капитала въ землю крайне узки. Но и въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, въ которыхъ всетаки добавочныя вложенія труда и капитала возможны, *отнюдь не всегда и не безусловно* будетъ наблюдаться умѣньшеніе производительности каждаго такого добавочнаго вложенія. Возьмемъ промышленность. Представимъ себѣ мукомольное или желѣзопередѣлочное производство въ эпоху, предшествовавшую всемірной торговлѣ и изобрѣтенію паровыхъ машинъ. При этомъ состояніи техники предѣлы добавочныхъ вложеній труда и капитала въ ручныя кузницы, вѣтряныя и водяныя мельницы были крайне узки; неизбѣжно должно было наблюдаться громадное распространеніе мелкихъ кузницъ и мельницъ, пока радикальное преобразованіе способовъ производства не создало базиса для новыхъ формъ промышленности.

Итакъ: „законъ убывающаго плодородія почвы" вовсе не примѣнимъ къ тѣмъ случаямъ, когда техника прогрессируетъ, когда способы производства преобразуются; онъ имѣетъ лишь весьма относительное и условное примѣненіе къ тѣмъ случаямъ, когда техника остается неизмѣнной. Вотъ почему ни Марксъ, ни марксисты и не говорятъ объ этомъ „законѣ", а кричатъ о немъ только представители буржуазной науки, въ родѣ Брентано, которые никакъ не могутъ отдѣлаться отъ предразсудковъ старой политической экономіи съ ея абстрактными вѣчными и естественными законами.

Г. Булгаковъ защищаетъ „универсальный законъ" такими доводами, надъ которыми стоитъ посмѣяться.

„То, что являлось свободнымъ подаркомъ природы, теперь должно быть сдѣлано человѣкомъ: вѣтеръ и дождь разрыхляли почву, полную питательныхъ элементовъ, достаточно было не большого усилія со стороны человѣка, чтобы добыть необходимое. Съ теченіемъ времени все большая и большая часть производительной работы отходитъ на долю человѣка; какъ и вездѣ, искусственные процессы все больше становятся на мѣсто естественныхъ. Но если въ индустріи въ этомъ выражается побѣда человѣка надъ природой, то въ земледѣліи это указываетъ на ростущую трудность существованія, для котораго природа сокращаетъ свои дары.

„Въ данномъ случаѣ безразлично, выражается ли въ увеличеніи человѣческаго труда или же его продуктовъ, напр., орудій производства или удобренія и т. п., увеличивающаяся трудность производства пищи“; (г. Булгаковъ хочетъ сказать: безразлично, выражается ли увеличивающаяся трудность производства пищи въ увеличеніи человѣческаго труда или же въ увеличеніи его продуктовъ); „важно только то, что она обходится человѣку все дороже и дороже. Въ этомъ замѣщеніи силъ природы человѣческимъ трудомъ, естественныхъ факторовъ производства искусственными и заключается законъ убывающаго плодородія почвы“ (16).

Очевидно, г-ну Булгакову не даютъ спать лавры гг. Струве и Туганъ-Барановскаго, додумавшихся до того, что не человѣкъ работаетъ при помощи машины, а машина при помощи человѣка. Подобно этимъ критикамъ и онъ падаетъ до уровня вульгарной экономіи, толкуя о *замѣщеніи* силъ природы человѣческимъ трудомъ и т. п. Замѣстить силъ природы человѣческимъ трудомъ, вообще говоря, такъ же невозможно, какъ нельзя замѣстить аршиновъ пудами. И въ индустріи и въ земледѣліи человѣкъ можетъ только пользоваться дѣйствіемъ силъ природы, если онъ позналъ ихъ дѣйствіе, и *облегчать* себѣ это пользованіе посредствомъ машинъ, орудій и т. п. Что первобытный человѣкъ получалъ необходимое какъ свободный подарокъ природы, — это глупая побасенка, за которую г. Булгакова могутъ освистать даже начинающіе студенты. Никакого золотого вѣка позади насъ не было, и первобытный человѣкъ былъ совершенно подавленъ трудностью существованія, трудностью борьбы съ природой. Введеніе машинъ и улучшенныхъ способовъ производства неизмѣримо облегчило человѣку эту борьбу вообще и производство пищи въ частности. Увеличилась не трудность производства пищи, а трудность полученія пищи для рабочаго — увеличилась потому, что капиталистическое развитіе вздуло земельную ренту и земельную цѣну, концентрировало сельскія хозяйства въ рукахъ крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ, концентрировало еще больше машины орудія, деньги, безъ которыхъ невозможно успѣшное производство. Объяснять эту ростущую трудность существованія рабочихъ тѣмъ, что природа сокращаетъ свои дары, — значитъ становиться буржуазнымъ апологетомъ.

„Принимая этотъ законъ, — продолжаетъ г. Булгаковъ — мы вовсе не утверждаемъ непрерывнаго увеличенія трудности производства пищи или не отрицаемъ сельско-хозяйственнаго прогресса: утверждать первое и отрицать второе значило бы идти противъ очевидности. Несомнѣнно, что трудность эта растетъ не непрерывно, развитіе движется зигзагами. Агрономическія открытія, техническія усовершенствованія превращаютъ безплодныя земли въ плодородныя, временно упразд-

няютъ тенденцію, отмѣченную въ законѣ убывающаго плодородія почвы.“ (Ibid.)

Неправда-ли, какъ это глубокомысленно? Техническій прогрессъ — „временная“ тенденція, а законъ убывающаго плодородія почвы т. е. уменьшающейся (да и то не всегда) производительности добавочныхъ вложеній капитала на базисѣ неизмѣнной техники „имѣетъ универсальное значеніе“! Это совершенно все равно что сказать: остановки поѣздовъ на станціяхъ представляютъ изъ себя универсальный законъ парового транспорта, а движеніе поѣздовъ между станціями — временная тенденція, парализующая дѣйствіе универсальнаго закона стоянія.

Наконецъ, есть и массовыя данныя, опровергающія наглядно универсальность закона убывающаго плодородія: данныя о земледѣльческомъ и неземледѣльческомъ населеніи. Г. Булгаковъ самъ признаетъ, что „добываніе пищи требовало бы постоянно увеличивающагося относительно“ (это замѣтьте!) „количества труда и, слѣдовательно, земледѣльческаго населенія, если бы каждая страна была ограничена своими естественными рессурсами“ (19). Если въ западной Европѣ земледѣльческое населеніе уменьшается, то это объясняется тѣмъ, что посредствомъ привоза хлѣба удалось отклонить отъ себя дѣйствіе закона убывающаго плодородія. — Нечего сказать, хорошо объясненіе! Нашъ ученый забылъ о той мелочи, что относительное уменьшеніе земледѣльческаго населенія наблюдается во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ земледѣльческихъ, и въ вывозящихъ хлѣбъ. Земледѣльческое населеніе относительно уменьшается въ Америкѣ и въ Россіи, оно уменьшается во Франціи съ конца 18-го вѣка (см. цифры въ томъ же сочиненіи г. Булгакова, II, стр. 168), причемъ это относительное уменьшеніе переходитъ даже иногда въ абсолютное, между тѣмъ какъ перевѣсъ ввоза хлѣба надъ вывозомъ былъ еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ совершенно ничтоженъ, и *только съ 1878 года* не встрѣчается уже совершенно годовъ съ перевѣсомъ вывоза надъ ввозомъ.*) Въ Пруссіи сельское населеніе уменьшалось относительно съ 73,5 % въ 1816 г. до 71,7 % въ 1849 г. и 67,5 % въ 1871 г., а ввозъ ржи начался лишь съ начала 60-хъ, пшеницы — съ начала 70-хъ годовъ (тамъ же, II, 70 и 88). Наконецъ, если мы возьмемъ европейскія страны, ввозящія хлѣбъ, — напримѣръ Францію и Германію послѣдняго десятилѣтія, — то мы увидимъ *несомнѣнный прогрессъ* сельскаго хозяйства наряду съ *абсолютнымъ уменьшеніемъ* числа занятыхъ имъ рабочихъ: во Франціи это число уменьшилось съ 1882 по 1892 г. — съ 6 913 504 до 6 663 135 (Stat. agr., ч. II, стр. 248—251), въ Германіи съ 1882 г. по 1895 г. — съ 8064

*) Statistique agricole de la France (Enquête de 1892). P. 1897. P. 118.

тыс. до 8045 тыс.*) Такимъ образомъ можно сказать, что *вся* исторія 19-го вѣка массовыми данными по отношенію къ самымъ различнымъ странамъ неопровержимо доказываетъ, что „универсальный" законъ убывающаго плодородія *совершенно парализованъ* „временной" тенденціей техническаго прогресса, который даетъ возможность уменьшающемуся относительно (а иногда даже абсолютно) сельскому населенію производить увеличивающееся количество земледѣльческихъ продуктовъ на увеличивающуюся массу населенія.

Кстати сказать, эти массовыя статистическія данныя вполнѣ опровергаютъ также два слѣдующихъ центральныхъ пункта „теоріи" г. Булгакова, именно: во-первыхъ, его утвержденіе, что „къ земледѣлію совершенно неприложима" теорія болѣе быстраго роста постояннаго капитала (орудій и матеріаловъ производства) сравнительно съ перемѣннымъ (рабочая сила). Г. Булгаковъ преважно заявляетъ, что эта теорія невѣрна, ссылаясь въ подтвержденіе своего мнѣнія а) на „проф. А. Скворцова" (знаменитаго всего болѣе тѣмъ, что теорію средней нормы прибыли Маркса онъ приписывалъ агитаторскому злоумышленію) и б) на тотъ фактъ, что при интенсификаціи хозяйства увеличивается количество рабочихъ на единицу площади. Это — одно изъ тѣхъ умышленныхъ непониманій Маркса, которыя постоянно выказываютъ представители модной критики. Подумайте только: теорія болѣе быстраго роста постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ опровергается фактомъ увеличенія *перемѣннаго капитала* на единицу площади! И г. Булгаковъ *не замѣчаетъ*, что приводимыя имъ самимъ въ такомъ обиліи статистическія данныя подтверждаютъ теорію Маркса. Если во всемъ Германскомъ земледѣліи число рабочихъ съ 1882 г. по 1895 г. уменьшилось съ 8064 до 8045 (а при добавленіи лицъ, занятыхъ земледѣліемъ побочно, увеличилось съ 11 208 до 11 623 т. е. всего на 3,7 %), тогда какъ количество скота за это время возросло

) Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge. Bd. 112. Die Landwirthschaft im Deutschen Reich. Berlin 1898, S. 6. Г-ну Булгакову, разумѣется, непріятенъ этотъ, разрушающій все его мальтузіанство, фактъ техническаго прогресса при уменьшающемся сельскомъ населеніи. Нашъ „строгій ученый" прибѣгаетъ поэтому къ такой уловкѣ: вмѣсто того, чтобы взять сельское хозяйство въ собственномъ смыслѣ слова (земледѣліе, скотоводство и т. п.), онъ беретъ (вслѣдъ за данными объ увеличивающемся количествѣ *земледѣльческихъ* продуктовъ съ 1 гектара!) „сельское хозяйство въ широкомъ смыслѣ", куда нѣмецкая статистика включаетъ и оранжерейное и торговое огородничество, *и лѣсоводство, и рыболовство!* Получается увеличеніе общей суммы лицъ, дѣйствительно занятыхъ „земледѣліемъ"!! (Булгаковъ, II, 133). Приведенныя въ текстѣ цифры относятся къ лицамъ, для коихъ земледѣліе составляло *главное* занятіе. Число лицъ, занимающихся земледѣліемъ побочно, возросло съ 3144 тыс. до 3578 тыс. Складывать эти цифры съ предъидущими не вполнѣ правильно, но и при сложеніи мы получаемъ лишь весьма небольшое увеличеніе: съ 11 208 до 11 623 тыс.

съ 23,0 милліоновъ до 25,4 милліоновъ (переводя весь скотъ на крупный) т. е. болѣе чѣмъ на 10%, число случаевъ употребленія пяти главнѣйшихъ машинъ возросло съ 458 тыс. до 922 тыс. т. е. болѣе чѣмъ вдвое, количество ввозныхъ удобреній съ 636 тыс. тоннъ (1883) до 1961 тыс. тоннъ (1892) и количество калійныхъ солей съ 304 тыс. двойныхъ центнеровъ до 2400 тыс.,*) — то не ясно-ли, что отношеніе постояннаго капитала къ перемѣнному увеличивается? Мы уже не говоримъ о томъ, что эти огульныя данныя въ громадной степени скрадываютъ прогрессъ крупнаго производства. Объ этомъ ниже.

Во-вторыхъ, прогрессъ сельскаго хозяйства при уменьшеніи или ничтожномъ абсолютномъ увеличеніи сельскаго населенія вполнѣ опровергаетъ нелѣпую попытку г. Булгакова воскресить мальтузіанство. Изъ русскихъ „бывшихъ марксистовъ“ эту попытку сдѣлалъ едва-ли не впервые г. Струве въ своихъ „Критическихъ замѣткахъ“, но онъ, какъ и всегда, не пошелъ далѣе робкихъ, недоговоренныхъ и двусмысленныхъ замѣчаній, не додуманныхъ до конца и не сведенныхъ къ одной системѣ воззрѣній. Г. Булгаковъ смѣлѣе и послѣдовательнѣе: „законъ убывающаго плодородія“ онъ, ничтоже сумняхуся, превращаетъ въ „одинъ изъ важнѣйшихъ законовъ исторіи цивилизаціи“ (sic! стр. 18). „Вся исторія 19-го вѣка .... съ его проблемами богатства и бѣдности была бы непонятна безъ этого закона“. „Для меня совершенно несомнѣнно, что соціальный вопросъ въ теперешней его постановкѣ существенно связанъ съ этимъ закономъ“ (это нашъ строгій ученый заявляетъ уже на 18-ой страницѣ своего „изслѣдованія“!). ... „Несомнѣнно, — заявляетъ онъ въ концѣ сочиненія — что, при наличности перенаселенія, извѣстная часть бѣдности должна быть отнесена на счетъ *абсолютной бѣдности*, бѣдности производства, а не распредѣленія“ (II, 221). „Проблема народонаселенія въ той особенной ея постановкѣ, какую создаютъ условія сельско-хозяйственнаго производства, составляетъ, въ моихъ глазахъ, главную трудность, которая лежитъ на пути — въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время — сколько нибудь широкому проведенію принциповъ коллективизма или кооперації въ сельско-хозяйственномъ предпріятіи“ (II, 265). „Прошлое оставляетъ въ наслѣдіе будущему хлѣбный вопросъ, болѣе страшный и болѣе трудный, чѣмъ вопросъ соціальный, — вопросъ производства, а не распредѣленія“ (II, 455) и пр. и пр. и пр. Намъ нѣтъ надобности говорить о научномъ значеніи этой „теоріи“, неразрывно связанной съ универсальнымъ закономъ убывающаго плодородія почвы, — послѣ того, какъ мы разобрали этотъ законъ. А что критическое заигрыванье съ мальтузіанствомъ

) Stat. d. D. R., 112, S. 36. Булгаковъ, II, 135.

привело въ своемъ неизбѣжномъ логическомъ развитіи къ самому вульгарному буржуазному апологетизму, — это засвидѣтельствовано въ приведенныхъ нами выводахъ г. Булгакова съ неоставляющей ничего желать откровенностью.

Въ слѣдующемъ очеркѣ мы разберемъ данныя нѣкоторыхъ новыхъ источниковъ, указываемыхъ нашими критиками (которые всѣ уши прожужжали о томъ, что ортодоксы чураются детализаціи), и покажемъ, что г. Булгаковъ вообще превращаетъ словечко „перенаселеніе“ въ трафаретъ, прикладыванье котораго избавляетъ его отъ всякаго анализа и въ особенности отъ анализа классовыхъ противорѣчій внутри „крестьянства“. Теперь же, ограничиваясь обще-теоретической стороной аграрнаго вопроса, мы должны еще коснуться теоріи ренты. „Что касается Маркса“ — пишетъ г. Б. — „то въ III т. „Капитала“ — въ томъ видѣ, какъ мы сейчасъ его имѣемъ, онъ не прибавляетъ ничего, заслуживающаго вниманія, къ теоріи дифференціальной ренты Рикардо“ (87). Запомнимъ это: „ничего заслуживающаго вниманія“, и сопоставимъ съ приговоромъ критика слѣдующее, сдѣланное имъ раньше заявленіе: „Несмотря на очевидно отрицательное отношеніе къ этому закону (закону убывающаго плодородія почвы), Марксъ усвоиваетъ въ основныхъ принципахъ теорію ренты Рикардо, которая построена на этомъ законѣ“ (13). Выходитъ вѣдь, по г. Булгакову, что Марксъ не замѣтилъ связи теоріи ренты Рикардо съ закономъ убывающаго плодородія и потому не свелъ концовъ съ концами! Мы можемъ одно сказать по поводу такого изложенія: никто такъ не извращаетъ Маркса, какъ бывшіе марксисты, никто не проявляетъ такой невѣроятной без . . . без . . . безцеремонности въ подсовываніи критикуемому писателю тысячи и одного смертнаго грѣха.

Утвержденіе г. Булгакова есть вопіющее извращеніе истины. На самомъ дѣлѣ Марксъ не только замѣтилъ эту связь теоріи ренты Рикардо съ его ошибочнымъ ученіемъ объ убывающемъ плодородіи почвы, но и съ полнѣйшей опредѣленностью разоблачилъ ошибку Рикардо. Кто хоть съ капелькой „вниманія“ читалъ третій томъ „Капитала“, тотъ не могъ не замѣтить того въ высшей степени „заслуживающаго вниманія“ обстоятельства, что именно Марксъ *освободилъ* теорію дифференціальной ренты отъ *всякой связи* съ пресловутымъ „закономъ убывающаго плодородія почвы“. Марксъ показалъ, что для образованія дифференціальной ренты необходимъ и достаточенъ фактъ различной производительности различныхъ приложеній капитала къ землѣ. Совершенно не существенно при этомъ, совершается ли переходъ отъ лучшей земли къ худшей или наоборотъ, понижается ли производительность добавочныхъ вложеній капитала въ землю или повышается. Въ дѣйствительности имѣютъ

мѣсто всевозможныя комбинаціи этихъ различныхъ случаевъ, и ни подъ какое единое общее правило этихъ комбинацій подвести нельзя. Такъ, напр., Марксъ описываетъ сначала дифференціальную ренту перваго вида, происходящую отъ различной производительности приложеній капитала на различныхъ участкахъ земли, и поясняетъ свое изложеніе таблицами (по поводу которыхъ г. Б. дѣлаетъ строгое внушеніе за „чрезмѣрное пристрастіе Маркса къ облаченію своихъ — нерѣдко очень простыхъ — мыслей въ сложную математическую одежду". Эта сложная математическая одежда ограничивается четырьмя дѣйствіями ариѳметики, а очень простыя мысли оказались, какъ мы видимъ, совершенно непонятыми ученымъ профессоромъ). Разобравъ эти таблицы, Марксъ заключаетъ: „Такимъ образомъ падаетъ та первая невѣрная предпосылка дифференціальной ренты, которая еще господствуетъ у Веста (West), Мальтуса, Рикардо, именно, что дифференціальная рента необходимо предполагаетъ переходъ къ худшей и худшей почвѣ или же постоянно уменьшающуюся производительность земледѣлія. Дифференціальная рента, какъ мы видѣли, можетъ имѣть мѣсто при переходѣ къ лучшей и лучшей землѣ; дифференціальная рента можетъ имѣть мѣсто, если низшую ступень занимаетъ лучшая почва вмѣсто прежней худшей; она можетъ быть связана съ растущимъ прогрессомъ земледѣлія. Ея условіемъ является исключительно неравенство видовъ почвы". (Марксъ не говоритъ здѣсь о различной производительности послѣдовательныхъ вложеній капитала въ землю, ибо это порождаетъ дифференціальную ренту *второго* вида, а въ данной главѣ рѣчь идетъ о дифференціальной рентѣ I вида). „Поскольку дѣло касается развитія производительности, — постольку дифференціальная рента предполагаетъ, что повышеніе абсолютнаго плодородія всей сельскохозяйственной площади не уничтожаетъ этого неравенства, а либо усиливаетъ его, либо оставляетъ неизмѣннымъ, либо же только уменьшаетъ". (Das Kapital, III, 2, S. 199). Г. Булгаковъ *не замѣтилъ* этого коренного отличія теоріи дифференціальной ренты Маркса отъ теоріи ренты Рикардо. За то онъ предпочелъ разыскать въ третьемъ томѣ „Капитала" „отрывокъ, позволяющій скорѣе думать, что Марксъ относился къ закону убывающаго плодородія почвы далеко не отрицательно" (стр. 13, примѣч.). Мы извиняемся предъ читателемъ, что намъ придется удѣлить очень много мѣста совершенно несущественному (по отношенію къ интересующему насъ съ г. Булгаковымъ вопросу) отрывку. Но что прикажете дѣлать, если герои современной критики (которые еще смѣютъ обвинять ортодоксовъ въ рабулистикѣ) извращаютъ совершенно ясный смыслъ враждебнаго имъ ученія посредствомъ выхваченныхъ изъ контекста цитатъ и посредствомъ перевранныхъ переводовъ? Г. Булгаковъ ци-

тируетъ найденный имъ отрывокъ такъ: „Съ точки зрѣнія капиталистическаго способа производства всегда происходитъ относительное удорожаніе *(земледѣльческихъ)* продуктовъ, *такъ какъ*“ (мы просимъ читателя обратить особое вниманіе на подчеркиваемыя *нами* слова) „для полученія продукта дѣлается извѣстная затрата, должно оплачиваться нѣчто такое, что̀ прежде не оплачивалось“. И Марксъ говоритъ дальше, что элементы природы, входящіе въ производство, какъ агенты его, ничего не стоя, являются даровой естественной производительной силой труда, а если для производства добавочнаго продукта приходится работать безъ помощи этой естественной силы, то необходимо затратить новый капиталъ, что̀ ведетъ къ удорожанію производства.

По поводу такого способа „цитировать“ мы должны сдѣлать три замѣчанія. Во-первыхъ, словечко „такъ какъ“, придающее тирадѣ абсолютный смыслъ установленія какого-то „закона“, *вставлено г. Булгаковымъ отъ себя. Въ оригиналѣ* (Das Kapital, III, 2, 277/78) *стоитъ не „такъ какъ“, а „если“. Если* должно оплачиваться нѣчто такое, что̀ раньше не оплачивалось, то происходитъ всегда относительное удорожаніе продуктовъ: неправда-ли, какъ *это* положеніе похоже на признаніе „закона“ убывающаго плодородія? Во-вторыхъ, словечко „земледѣльческихъ“ вставлено вмѣстѣ со скобками г. Булгаковымъ. *Въ оригиналѣ его вовсе нѣтъ.* Г. Булгаковъ рѣшилъ, вѣроятно, со свойственнымъ гг. критикамъ легкомысліемъ, что Марксъ можетъ говорить здѣсь только о земледѣльческихъ продуктахъ и поспѣшилъ дать читателю „поясненіе“ совершенно превратнаго свойства. На самомъ дѣлѣ Марксъ говоритъ здѣсь о всѣхъ продуктахъ вообще; отрывку, цитированному г. Булгаковымъ, предшествуютъ слова Маркса: „вообще должно замѣтить слѣдующее“. Даровыя силы природы могутъ входить и въ промышленное производство — таковъ приведенный Марксомъ въ томъ же отдѣлѣ о рентѣ примѣръ водопада, замѣняющаго для одной изъ фабрикъ силу пара, — и если нужно произвести добавочное количество продукта безъ помощи этихъ даровыхъ силъ, то произойдетъ *всегда* относительное удорожаніе продуктовъ. Въ-третьихъ, надо разсмотрѣть, въ какомъ контекстѣ стоитъ этотъ отрывокъ? Марксъ говоритъ въ этой главѣ о дифференціальной рентѣ съ худшей воздѣлываемой земли и разбираетъ, *какъ и всегда*, два для него совершенно равноправныхъ, *совершенно одинаково возможныхъ* случая: первый случай — повышающуюся производительность послѣдовательныхъ приложеній капитала (S. 274—276) и второй случай — понижающуюся производительность ихъ (Seite 276—278). По поводу этого послѣдняго изъ возможныхъ случаевъ Марксъ говоритъ: „О понижающейся производительности почвы при послѣдовательныхъ приложеніяхъ капитала смотри у Либиха... *Но*

должно *вообще* замѣтить слѣдующее“ (курсивъ нашъ). Слѣдуетъ „переведенный“ г. Булгаковымъ отрывокъ, гласящій, что если оплачивается то, что раньше не оплачивались, то *всегда* происходитъ относительное удорожаніе продуктовъ.

Предоставляемъ самому читателю судить о научной добросовѣстности критика, который превратилъ замѣчаніе Маркса объ одномъ изъ возможныхъ случаевъ въ признаніе Марксомъ этого случая за какой-то общій „законъ“.

А вотъ заключительное мнѣніе г. Булгакова о найденномъ имъ отрывкѣ:

„Этотъ отрывокъ, конечно, не ясенъ.“... Ну, еще бы! Послѣ булгаковской замѣны одного слова другимъ этотъ отрывокъ даже совершенно лишенъ смысла... „но не можетъ быть понятъ иначе какъ косвенное или даже прямое признаніе“ (слушайте!) „закона убывающаго плодородія почвы. Мнѣ не извѣстно, чтобы Марксъ гдѣ-либо еще прямо высказывался по поводу послѣдняго“. (I, 14). Какъ бывшему марксисту, г. Булгакову „неизвѣстно“, что Марксъ прямо объявилъ совершенно невѣрнымъ предположеніе Вэста, Мальтуса, Рикардо, будто дифференціальная рента предполагаетъ переходъ къ худшимъ землямъ или падающее плодородіе почвы.*) Ему „неизвѣстно“, что Марксъ на протяженіи всего своего объемистаго анализа ренты *десятки разъ* показываетъ, что понижающуюся и повышающуюся производительность добавочныхъ затратъ капитала онъ разсматриваетъ какъ совершенно одинаково возможные случаи!

II.

Теоріи ренты Маркса г. Булгаковъ вообще не понялъ. Онъ увѣренъ, что разбиваетъ эту теорію двумя слѣдующими возраженіями: 1. по Марксу, земледѣльческій капиталъ входитъ въ выравниваніе нормы прибыли, такъ что ренту создаетъ добавочная прибыль, превышающая среднюю норму прибыли. Это невѣрно, по мнѣнію г. Булгакова, ибо монополія землевладѣнія устраняетъ свободу конкурренціи, необходимую для процесса выравниванія нормы прибыли. Земледѣльческій капиталъ не входитъ въ процессъ выравниванія нормы прибыли. 2. Абсолютная рента есть лишь особый случай дифференціальной ренты, и различеніе ея отъ этой послѣдней неправильно; это различеніе основывается на совершенно произвольномъ двоякомъ толкованіи одного и того же факта — монопольнаго владѣнія однимъ изъ факторовъ

*) Это опровергнутое Марксомъ невѣрное предположеніе классической экономіи перенялъ, разумѣется, безъ критики и „критикъ“ г. Булгаковъ вслѣдъ за своимъ учителемъ Брентано. „Условіемъ возникновенія ренты — пишетъ г-нъ Булгаковъ — является законъ убывающаго плодородія почвы“... (I, 90). ...„Англійская рента... фактически различаетъ послѣдовательныя затраты капитала разной, въ общемъ убывающей производительности“ (I, 130).

производства. Г. Булгаковъ такъ увѣренъ въ сокрушительности своихъ доводовъ, что не можетъ воздержаться отъ цѣлаго потока сильныхъ словъ противъ Маркса: petitio principii, немарксизмъ, логическій фетишизмъ, утрата Марксомъ свободы умственнаго полета и пр. А между тѣмъ оба его довода основаны на довольно грубой ошибкѣ. То же самое одностороннее упрощеніе предмета, которое побудило г. Булгакова возвести одинъ изъ возможныхъ случаевъ (пониженіе производительности добавочныхъ затратъ капитала) въ универсальный законъ убывающаго плодородія, — приводитъ его въ данномъ вопросѣ къ тому, что онъ безъ критики оперируетъ съ понятіемъ „монополія", возводя это понятіе въ нѣчто въ своемъ родѣ тоже универсальное, и смѣшиваетъ при этомъ тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ, при капиталистической организаціи земледѣлія, изъ *ограниченности земли*, съ одной стороны, и изъ *частной собственности на землю*, — съ другой. Это вѣдь двѣ вещи различныя. Объяснимся.

„*Условіемъ*, хотя и не источникомъ возникновенія земельной ренты — пишетъ г. Булгаковъ — является то же самое, что̀ вызвало и возможность монополизаціи земли, — ограниченность производительныхъ силъ земли и безгранично растущая потребность въ нихъ человѣка" (I, 90). Вмѣсто: „ограниченность производительныхъ силъ земли" надо было сказать: *„ограниченность земли"*. (Ограниченность прозводительныхъ силъ земли сводится, какъ мы уже показали, къ „ограниченности" даннаго уровня техники, даннаго состоянія производительныхъ силъ.) Ограниченность земли предполагаетъ дѣйствительно, при капиталистическомъ строѣ общества, монополизацію земли, *но земли какъ объекта хозяйства, а не какъ объекта права собственности*. Предположеніе капиталистической организаціи земледѣлія необходимо включаетъ въ себѣ то предположеніе, что вся земля занята отдѣльными, частными хозяйствами, *но отнюдь не включаетъ предположеніе*, что вся земля находится въ частной собственности этихъ хозяевъ или другихъ лицъ или въ частной собственности вообще. Монополія владѣнія землей на правѣ собственности и монополія хозяйства не землѣ — вещи совершенно различныя не только логически, но и исторически. Логически — мы вполнѣ можемъ представить себѣ чисто капиталистическую организацію земледѣлія при полномъ отсутствіи частной собственности на землю, при нахожденіи земли въ собственности государства или общинъ и т. п. И въ дѣйствительности мы видимъ, что во всѣхъ развитыхъ капиталистическихъ странахъ вся земля занята отдѣльными, частными хозяйствами, но эти хозяйства эксплуатируютъ не только свои собственныя, но и арендуемыя ими земли частныхъ собственниковъ, и государственныя земли, и земли общинъ (напр., въ Россіи, причемъ во главѣ частныхъ хозяйствъ на крестьянскихъ об-

щинныхъ земляхъ стоятъ, какъ извѣстно, капиталистическія крестьянскія хозяйства). И Марксъ недаромъ дѣлаетъ въ самомъ началѣ своего анализа ренты замѣчаніе, что капиталистическій способъ производства застаетъ (и подчиняетъ себѣ) самыя различныя формы поземельной собственности, начиная отъ клановой собственности и феодальной собственности и кончая собственностью крестьянскихъ общинъ.

Итакъ, ограниченность земли неизбѣжно предполагаетъ только монополизацію хозяйства на землѣ (при условіи господства капитализма). Спрашивается, каковы необходимыя послѣдствія *этой* монополизаціи по отношенію къ вопросу о рентѣ? Ограниченность земли ведетъ къ тому, что цѣну хлѣба опредѣляютъ условія производства не на средняго качества землѣ, а на худшей воздѣлываемой землѣ. Эта цѣна хлѣба даетъ фермеру (= капиталистическому предпринимателю въ земледѣліи) покрытіе его издержекъ производства и среднюю прибыль на его капиталъ. Фермеръ на лучшей землѣ получаетъ добавочную прибыль, которая и образуетъ *дифференціальную ренту*. Вопросъ о томъ, существуетъ ли частная собственность на землю, не стоитъ ровно ни въ какой связи съ вопросомъ объ образованіи дифференціальной ренты, которая неизбѣжна въ капиталистическомъ земледѣліи хотя бы на общинныхъ, государственныхъ, безхозяйныхъ земляхъ. Единственное послѣдствіе ограниченности земли при капитализмѣ — образованіе дифференціальной ренты вслѣдствіе различной производительности различныхъ затратъ капитала. Г. Булгаковъ усматриваетъ второе послѣдствіе въ устраненіи свободы конкурренціи въ земледѣліи, говоря, что отсутствіе этой свободы препятствуетъ земледѣльческому капиталу участвовать въ образованіи средней прибыли. Это — явное смѣшеніе вопроса о хозяйствѣ на землѣ съ вопросомъ о правѣ собственности на землю. Изъ факта ограниченности земли (независимо отъ частной собственности на землю) вытекаетъ логически только то, что вся земля будетъ занята капиталистами-фермерами, но отнюдь не вытекаетъ необходимость какихъ бы то ни было ограниченій свободы конкурренціи между этими фермерами. Ограниченность земли есть явленіе общее, неизбѣжно кладущее свою печать на всякое капиталистическое земледѣліе. Логическая несостоятельность смѣшенія этихъ различныхъ вещей наглядно подтверждается и исторіей. Не говоримъ уже объ Англіи: въ ней отдѣленіе землевладѣнія отъ земледѣльческаго хозяйства очевидно, свобода конкурренціи между фермерами — почти полная, обращеніе образованнаго въ торговлѣ и промышленности капитала на сельское хозяйство имѣло и имѣетъ мѣсто въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но и во всѣхъ остальныхъ капиталистическихъ странахъ происходитъ (вопреки мнѣнію г. Булгакова, тщетно пытающагося, вслѣдъ за г. Струве, вы-

дѣлить „англійскую“ ренту въ нѣчто совершенно своеобразное) *тотъ же самый процессъ* отдѣленія землевладѣнія отъ земледѣльческаго хозяйства — только въ самыхъ различныхъ формахъ (аренда, гипотека). Не замѣчая этого процесса (усиленно подчеркиваемаго Марксомъ) г. Булгаковъ, можно сказать, слона не замѣчаетъ. Во всѣхъ европейскихъ странахъ наблюдаемъ мы, послѣ паденія крѣпостного права, разрушеніе сословности землевладѣнія, мобилизацію земельной собственности, обращеніе торгово-промышленнаго капитала на сельское хозяйство, ростъ аренды и гипотечной задолженности. И въ Россіи, несмотря на наибольшіе остатки крѣпостного права, мы видимъ послѣ реформы усиленную покупку земли крестьянами, разночинцами и купцами, развитіе аренды частновладѣльческихъ, государственныхъ и *общинныхъ* земель и проч. и проч. О чемъ свидѣтельствуютъ всѣ эти явленія? О созданіи свободной конкурренціи въ *земледѣліи* — *вопреки* монополіи *земельной собственности* и несмотря на безконечно разнообразныя формы этой собственности. Въ настоящее время во всѣхъ капиталистическихъ странахъ всякій владѣлецъ капитала можетъ такъ же легко или почти такъ же легко вложить этотъ капиталъ въ сельское хозяйство (посредствомъ покупки или аренды земли), какъ и въ любую отрасль торговли или промышленности.

Г. Булгаковъ въ возраженіе противъ Марксовой теоріи дифференціальной ренты указываетъ на то, что „всѣ эти различія (различія въ условіяхъ производства земледѣльческихъ продуктовъ) противорѣчивы и *могутъ*“ (курсивъ нашъ) „взаимно уничтожать другъ друга, — разстояніе, какъ это указывалъ уже Родбертусъ, можетъ парализоваться плодородіемъ, различное же плодородіе можетъ выравниваться болѣе усиленнымъ производствомъ на участкахъ большаго плодородія“ (I, 81). Напрасно только забываетъ нашъ строгій ученый о томъ, что Марксъ отмѣтилъ этотъ фактъ и сумѣлъ дать ему не такую однобокую оцѣнку. „Ясно, — пишетъ Марксъ — что эти два различныя основанія дифференціальной ренты, плодородіе и положеніе“ (земельныхъ участковъ) „могутъ дѣйствовать въ противоположномъ направленіи. Земельный участокъ можетъ быть хорошо расположенъ и очень мало плодороденъ, и наоборотъ. Это обстоятельство важно, ибо оно объясняетъ намъ, почему при распашкѣ земли въ данной странѣ переходъ можетъ совершаться точно такъ же отъ лучшей земли къ худшей, какъ и наоборотъ. Наконецъ, ясно, что процессъ соціальнаго производства вообще дѣйствуетъ, съ одной стороны, нивеллирующимъ образомъ на положеніе“ (земельныхъ участковъ) „какъ на основаніе дифференціальной ренты, создавая мѣстные рынки, создавая положеніе посредствомъ проведенія путей сообщенія; а съ другой стороны, усиливаетъ различія въ мѣстномъ положеніи земельныхъ

участковъ какъ посредствомъ отдѣленія земледѣлія отъ промышленности, такъ и посредствомъ образованія крупныхъ центровъ производства наряду съ обратной стороной этого явленія: усиленіемъ относительнаго одиночества деревни" (relative Vereinsamung des Landes). (Das Kapital, III, 2, 190). Такимъ образомъ въ то время какъ г. Булгаковъ съ побѣдоноснымъ видомъ повторяетъ давно извѣстное указаніе на *возможность* взаимнаго уничтоженіе различій, Марксъ ставитъ *дальнѣйшій* вопросъ о превращеніи этой возможности въ дѣйствительность и показываетъ, что рядомъ съ нивеллирующими вліяніями наблюдаются и дифференцирующія. Конечный итогъ этихъ взаимнопротиворѣчивыхъ вліяній состоитъ, какъ всякій знаетъ, въ томъ, что во всѣхъ странахъ и повсюду *существуютъ* громадныя различія между земельными участками по плодородію и положенію ихъ. Возраженіе г. Булгакова свидѣтельствуетъ только о полной непродуманности его замѣчаній.

Понятіе послѣдней наименѣе производительной затраты труда и капитала — продолжаетъ возражать г. Булгаковъ — „одинаково безъ критики употребляется и Рикардо и Марксомъ. Не трудно видѣть, какой элементъ произвола вносится этимъ понятіемъ: пусть на землю затрачивается 10 *a* капитала, причемъ каждое послѣдующее *a* отличается убывающей производительностью; общій продуктъ почвы будетъ *A*. Очевидно, средняя производительность каждаго *a* будетъ равна A/10 и, если весь капиталъ разсматривать какъ одно цѣлое, то цѣна будетъ опредѣляться именно этой средней его производительностью" (I, 82). Очевидно, — скажемъ мы на это, что г. Булгаковъ за своими пышными фразами объ „ограниченности производительныхъ силъ земли" просмотрѣлъ *мелочь*: ограниченность земли. Эта ограниченность — совершенно независимо отъ какой бы то ни было *собственности* на землю — создаетъ извѣстаго рода монополію, именно: такъ какъ земля вся занята фермерами, такъ какъ спросъ предъявляется на весь хлѣбъ, производимый на всей землѣ въ томъ числѣ и на самыхъ худшихъ и на самыхъ удаленныхъ отъ рынка участкахъ, то понятно, что цѣну хлѣба опредѣляетъ цѣна производства на худшей землѣ (или цѣна производства при послѣдней, наименѣе производительной затратѣ капитала). „Средняя производительность" г. Булгакова есть пустое ариѳметическое упражненіе, ибо дѣйствительному образованію этой средней препятствуетъ ограниченность земли. Чтобы образовалась эта „средняя производительность" и опредѣлила собой цѣны, для этого необходимо, чтобы каждый капиталистъ не только могъ вообще приложить капиталъ къ земледѣлію (настолько въ земледѣліи есть, какъ мы уже говорили, свобода конкурренціи), но также, чтобы каждый капиталистъ могъ всегда сверхъ наличнаго числа земледѣльческхъ предпріятій осно-

вать *новое* земледѣльческое предпріятіе. Будь это такъ, тогда между земледѣліемъ и промышленностью никакой разницы не было бы, тогда никакой ренты не могло бы возникнуть. Но именно ограниченность земли дѣлаетъ то, что это не такъ.

Пойдемъ далѣе. Мы разсуждали до сихъ поръ, совершенно оставляя въ сторонѣ вопросъ о собственности на землю; мы видѣли, что такой пріемъ обязателенъ и въ виду логическихъ соображеній и въ виду историческихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о возникновеніи и развитіи капиталистическаго земледѣлія при всякихъ формахъ землевладѣнія. Введемъ теперь это новое условіе. Предположимъ, что вся земля находится въ частной собственности. Какъ отразится это на рентѣ? Дифференціальная рента будетъ отобрана землевладѣльцемъ на основаніи его права собственности у фермера: такъ какъ дифференціальная рента есть избытокъ прибыли сверхъ нормальной, средней прибыли на капиталъ, и такъ какъ свобода конкурренціи въ смыслѣ свободы вложенія капитала въ сельское хозяйство въ земледѣліи есть (respective создается капиталистическимъ развитіемъ), то землевладѣлецъ всегда найдетъ фермера, удовлетворяющагося средней прибылью и отдающаго ему, землевладѣльцу, сверхъприбыль. Частная собственность на землю не создаетъ дифференціальной ренты, а только перемѣщаетъ ее изъ рукъ фермера въ руки землевладѣльца. Ограничивается-ли этимъ вліяніе частной поземельной собственности? Можно-ли предположить, что землевладѣлецъ *даромъ* позволитъ фермеру эксплуатировать ту худшую и хуже всѣхъ расположенную землю, которая даетъ только среднюю прибыль на капиталъ? Конечно, нѣтъ. Землевладѣніе есть монополія и на основаніи этой монополіи землевладѣлецъ потребуетъ платы съ фермера и за эту землю. Эта плата будетъ *абсолютной рентой*, не стоящей ни въ какой связи съ различной производительностью различныхъ затратъ капитала и *вытекающей изъ частной собственности на землю*. Обвиняя Маркса въ произвольномъ двоякомъ толкованіи одной и той же монополіи, г. Булгаковъ не далъ себѣ труда подумать, что мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ двоякой монополіей; во-первыхъ, мы имѣемъ монополію хозяйства (капиталистическаго) на землѣ. Эта монополія вытекаетъ изъ ограниченности земли, являясь поэтому необходимой во всякомъ капиталистическомъ обществѣ. Ведетъ *эта* монополія къ тому, что цѣну хлѣба опредѣляютъ условія производства на худшей землѣ, а избыточная, прибавочная прибыль, приносимая затратой капитала на лучшей землѣ или болѣе производительной затратой капитала, образуетъ дифференціальную ренту. Рента эта возникаетъ совершенно независимо отъ частной поземельной собственности, которая только даетъ возможность землевладѣльцу отобрать ее у фермера. Во-вторыхъ, мы имѣемъ мо-

нополію частной собственности на землю. Ни логически, ни исторически эта монополія съ предъидущей неразрывно*) не связана. Ничего *необходимаго* для капиталистическаго общества и для капиталистической организаціи земледѣлія эта монополія изъ себя не представляетъ. Съ одной стороны, мы вполнѣ можемъ мыслить капиталистическое земледѣліе безъ частной собственности на землю, и многіе послѣдовательные буржуазные экономисты требовали націонализаціи земли. Съ другой стороны, мы и въ дѣйствительности встрѣчаемъ капиталистическую организацію земледѣлія при остутствіи частной поземельной собственности, напр., на земляхъ государственныхъ и общинныхъ. Поэтому различать эти двоякаго рода монополіи безусловно необходимо, а, слѣдовательно, необходимо на ряду съ дифференціальной рентой признать и существованіе абсолютной ренты, которую *порождаетъ* частная собственность на землю.

Возможность происхожденія абсолютной ренты изъ прибавочной стоимости земледѣльческаго капитала Марксъ объясняетъ тѣмъ, что въ земледѣліи доля перемѣннаго капитала въ общемъ составѣ капитала выше средняго (— предположеніе вполнѣ естественное при несомнѣнной отсталости земледѣльческой техники сравнительно съ промышленной). Разъ это такъ — слѣдовательно, стоимость земледѣльческихъ продуктовъ вообще выше ихъ цѣны производства, а прибавочная стоимость выше прибыли. Между тѣмъ монополія частной поземельной собстенности препятствуетъ этому излишку войти цѣликомъ въ процессъ выравниванія прибыли, и абсолютная рента берется изъ этого излишка.**)

*) Врядъ-ли есть надобность напоминать читателю, что имѣя здѣсь дѣло съ общей теоріей ренты и капиталистической организаціи земледѣлія, мы не касаемся такихъ фактовъ, какъ давность и распространенность частной поземельной собственности, какъ подрывъ заокеанской конкурренціей послѣдняго указаннаго нами вида монополіи, а отчасти и обоихъ ея видовъ, и т. п.

**) Между прочимъ. Мы считали необходимымъ особенно подробно остановиться на теоріи ренты Маркса въ виду того, что ошибочное пониманіе ея мы встрѣтили также у г. П. Маслова („Жизнь“ 1901 № 3 и 4, „Къ аграрному вопросу“), который признаетъ убывающую производительность добавочныхъ затратъ капитала если не закономъ, то „обыкновеннымъ“ и какъ бы нормальнымъ явленіемъ, связываетъ съ этимъ явленіемъ дифференціальную рениту и отвергаетъ теорію абсолютной ренты. Интересная статья г. П. Маслова содержитъ много вѣрныхъ замѣчаній по адресу критиковъ, но она сильно страдаетъ какъ отъ указанной сейчасъ ошибочности теоріи автора (который, защищая марксизмъ, не потрудился точно опредѣлить отличіе „своей“ теоріи отъ теоріи Маркса), такъ и отъ ряда неосторожныхъ и совершенно несправедливыхъ утвержденій въ родѣ, напр., того, что г. Бердяевъ „совершенно освобождается отъ вліянія буржуазныхъ писателей“ и отличается „выдержанностью классовой точки зрѣнія не въ ущербъ объективности“, что „во многихъ отношеніяхъ анализъ, сдѣланный Каутскимъ, является мѣстами . . . тенденціознымъ“, что Каутскій „совершенно не опредѣлилъ, въ какомъ направленіи идетъ развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи“, и т. п.

Г. Булгаковъ очень недоволенъ этимъ объясненіемъ и восклицаетъ: „Что же за вещь такая — эта прибавочная цѣнность, что ея какъ сукна или хлопка или другого какого-либо товара можетъ хватать или не хватать для покрытія возможнаго спроса. Прежде всего, это не матеріальная вещь, это — понятіе, служащее для выраженія опредѣленнаго общественнаго отношенія производства“ (I, 105). Это противоположеніе „матеріальной вещи“ — „понятію“ представляетъ изъ себя наглядный образчикъ той схоластики, которую такъ любятъ въ настоящее время преподносить подъ видомъ „критики“. Какое значеніе могло бы имѣть „понятіе“ о долѣ общественнаго продукта, еслибы этому понятію не соотвѣтствовали опредѣленныя „матеріальныя вещи“? Прибавочная цѣнность есть денежный эквивалентъ прибавочнаго продукта, который состоитъ изъ опредѣленной доли сукна, хлопка, хлѣба и всѣхъ прочихъ товаровъ. („Опредѣленность“ надо понимать, конечно, не въ томъ смыслѣ, что наука можетъ конкретно опредѣлить эту долю, а въ томъ смыслѣ, что извѣстны условія, опредѣляющія въ общихъ чертахъ размѣръ этой доли). Въ земледѣліи прибавочный продукъ больше (въ пропорціи къ капиталу), чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленности, и этого излишка (не входящаго въ выравниваніе прибыли вслѣдствіе монополіи поземельной собственности) можетъ, естественно, „хватать или не хватать не покрытіе спроса“ со стороны монополиста-землевладѣльца.

Мы можемъ избавить читателя отъ подробнаго изложенія той теоріи ренты, которую создалъ г. Булгаковъ, по собственному скромному замѣчанію, „собственными силами“, „идя своимъ путемъ“ (I, 112). Достаточно нѣсколькихъ замѣчаній, чтобы охарактеризовать этотъ продуктъ „послѣдней наименѣе производительной затраты“ профессорскаго „труда“. „Новая“ теорія ренты построена по старинному рецепту: „назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ“. Разъ свобода конкурренціи, — тогда уже не должно быть абсолютно никакихъ ограниченій ея (хотя такой абсолютной свободы конкурренціи нигдѣ никогда и не существовало). Разъ монополія, — кончено дѣло. Значитъ, рента берется вовсе не изъ прибавочной цѣнности, вовсе даже не изъ земледѣльческаго продукта; она берется изъ продукта неземледѣльческаго труда, это просто — дань, налогъ, вычетъ изъ всего общественнаго производства, вексель землевладѣльца. „Земледѣльческій капиталъ съ своей прибылью и земледѣльческій трудъ, вообще земледѣліе какъ объектъ приложенія труда и капитала, составляетъ такимъ образомъ status in statu въ капиталистическомъ царствѣ ... всѣ (sic!) опредѣленія капитала, прибавочной цѣнности, заработной платы и цѣнности вообще въ примѣненіи къ земледѣлію оказываются величинами мнимыми“ (I, 99).

Такъ. Такъ. Отнынѣ все ясно: и капиталисты и наемные рабочіе въ земледѣліи — все это величины мнимыя. Но если г. Булгакову случается такъ зарапортоваться, то онъ иногда разсуждаетъ и несовсѣмъ неразумно. Черезъ четырнадцать страницъ мы читаемъ: „Производство земледѣльческихъ продуктовъ стоитъ обществу извѣстнаго количества труда; это — ихъ цѣнность.“ Отлично. Значитъ, уже по крайней мѣрѣ „опредѣленія“ цѣнности — величины несовсѣмъ мнимыя. Дальше: „Разъ производство организовано капиталистически и во главѣ производства стоитъ капиталъ, то цѣна хлѣба опредѣлится по цѣнамъ производства, значитъ, будетъ произведенъ учетъ производительности даннаго приложенія труда и капитала сравнительно съ среднеобщественною.“ Прекрасно. Значитъ, и „опредѣленія“ капитала, прибавочной цѣнности и заработной платы — величины несовсѣмъ мнимыя. Значитъ, и свобода конкурренціи (хотя и не абсолютная) имѣется на лицо, ибо безъ перехода капитала изъ земледѣлія въ промышленность и обратно, невозможенъ былъ бы „учетъ производительности сравнительно съ среднеобщественною“. Дальше: „Благодаря же земельной монополіи цѣна поднимается выше цѣнности, до тѣхъ границъ, до которыхъ позволяютъ условія рынка“. Превосходно. Но только гдѣ же это видывалъ г. Булгаковъ, чтобы дань, налогъ, вексель и проч. зависѣли отъ условій рынка? Если благодаря монополіи цѣна поднимается до границъ допускаемыхъ условіями рынка, то все отличіе „новой“ теоріи ренты отъ „старой“ состоитъ въ томъ, что шедшій „своимъ путемъ“ авторъ не понялъ, съ одной стороны, разницы между вліяніемъ ограниченности земли и вліяніемъ частной собственности на землю, а съ другой стороны, — связи между понятіемъ „монополія“ и понятіемъ „послѣдняя наименѣе производительная затрата труда и капитала“. Удивляться-ли послѣ этого, что еще черезъ семь страницъ (I, 120) г. Булгаковъ совсѣмъ забылъ уже о „своей“ теоріи и разсуждаетъ о „способѣ дѣлежа этого (земледѣльческаго) продукта между землевладѣльцемъ, капиталистическимъ фермеромъ и сельскохозяйственными рабочими“? Блестящій финалъ блестящей критики! Замѣчательный результатъ новой, обогатившей отнынѣ науку политической экономіи, *Булгаковской теоріи ренты!*

III.

Перейдемъ теперь къ „замѣчательной“, по отзыву г. Булгакова, работѣ Герца (Die agrarischen Fragen im Verhältniss zum Sozialismus. Wien 1899. Русскій переводъ А. Ильинскаго, С.-Петерб. 1900). Намъ придется впрочемъ нѣкоторое время разбирать одинаковые доводы обоихъ этихъ писателей совмѣстно.

Вопросъ о машинахъ въ сельскомъ хозяйствѣ и въ тѣсной связи съ нимъ вопросъ о крупномъ и мелкомъ производствѣ въ земледѣліи служатъ для „критиковъ“ особенно часто поводомъ къ „опроверженію“ марксизма. Ниже мы подробно разберемъ нѣкоторыя приводимыя ими детальныя данныя, а теперь разсмотримъ относящія сюда общія соображенія. Критики посвящаютъ цѣлыя страницы подробнѣйшимъ разсужденіямъ на счетъ того, что машины въ земледѣліи встрѣчаютъ больше трудностей примѣненія, чѣмъ въ промышленности, и потому примѣняются меньше и имѣютъ меньше значенія. Все это безспорно и совершенно опредѣленно было указано, напримѣръ, и тѣмъ самымъ Каутскимъ, одно имя котораго приводитъ гг. Булгакова, Герца и Чернова въ состояніе близкое къ невмѣняемости. Но этотъ безспорный фактъ ни мало не опровергаетъ того, что примѣненіе машинъ быстро развивается и въ земледѣліи, оказывая на него могучее преобразующее дѣйствіе. Критики могутъ только „отговариваться“ отъ этого неизбѣжнаго вывода посредствомъ такихъ, напримѣръ, глубокомысленныхъ разсужденій: . . . „Земледѣліе характеризуется господствомъ природы въ процессѣ производства, несвободой человѣческой воли“ (Булгаковъ, I, 43). . . „вмѣсто неувѣренной и неточной работы человѣка она“ (машина въ промышленности) „съ математической правильностью выполняетъ какъ микрометрическія, такъ и колоссальныя работы. Машина не можетъ сдѣлать ничего подобнаго (?) относительно производства земледѣльческихъ продуктовъ, ибо до сихъ поръ рабочій инструментъ этотъ находится въ рукахъ не у человѣка, а у матери-природы. Это не метафора“ (тамъ же). Это дѣйствительно не метафора, а просто пустая фраза, ибо всякій знаетъ, что паровой плугъ, рядовая сѣялка, молотилка и т. п. *дѣлаютъ* работу *болѣе* „увѣренной и точной“, а слѣдовательно, сказать „ничего подобнаго“ значитъ сказать пустяки, — точно такъ же, какъ сказать, что машина въ земледѣліи „не можетъ ни въ какой мѣрѣ (sic!) революціонизировать *производство*“ (Булгаковъ, I, 43/44, причемъ цитируется спеціалисты по сельско-хозяйственному машиностроенію, которые однако говорятъ только о сравнительномъ отличіи машинъ сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ), или сказать: „машина не только не можетъ здѣсь превратить работника въ свой придатокъ (?), но этому работнику остается по прежнему роль руководителя процесса“ (44) — напримѣръ, подавальщику при молотилкѣ? Превосходство парового плуга г. Булгаковъ старается ослабить ссылками на Штумпфе и Кутцлеба (писавшихъ о способности мелкаго хозяйства конкуррировать съ крупнымъ) въ противоположность выводамъ спеціалистовъ по сельско-хозяйстому машиностроенію и сельско-хозяйственной экономіи (Фюлинга, Перельса), причемъ фигурируютъ доводы въ родѣ того, что возможность паровой вспашки тре-

буетъ особой почвы*) и „чрезвычайно обширныхъ размѣровъ имѣній“ (по мнѣнію г. Булгакова, это доводъ не противъ мелкаго хозяйства, а противъ парового плуга!), что при глубинѣ борозды *въ 12 дюймовъ* работа скота *бешевле*, чѣмъ пара, и т. п. Подобными доводами можно исписать цѣлые томы, нисколько не опровергнувъ этимъ ни того, что паровой плугъ далъ возможность чрезвычайно глубокой вспашки (и глубже, чѣмъ на 12 дюймовъ) ни того, что примѣненіе его быстро развивалось: въ Англіи въ 1867 г. его примѣняли только 135 имѣній, въ 1871 г. было уже въ употребленіи больше 2000 паровыхъ плуговъ (Каутскій); въ Германіи число хозяйствъ, употреблявшихъ паровые плуги поднялось съ 1882 по 1895 г. съ 836 до 1696.

По вопросу о сельско-хозяйственныхъ машинахъ г. Булгаковъ цитируетъ неоднократно Фр. Бензинга, „автора спеціальной монографіи о сельско-хозяйственныхъ машинахъ“, какъ онъ его аттестуетъ (I, 44). Было бы большой несправедливостью, если бы мы не отмѣтили и въ данномъ случаѣ, *какъ* цитируетъ г. Булгаковъ и *какъ* побиваютъ его имъ же вызываемые свидѣтели.

Утверждая, что „конструкція“ Маркса о болѣе быстромъ ростѣ постояннаго капитала по сравненію съ перемѣннымъ неприложима къ земледѣлію, г. Булгаковъ ссылается на необходимость все бо́льшей затраты рабочей силы по мѣрѣ увеличенія производительности земледѣлія и цитируетъ, между прочемъ, разчетъ Бензинга. „Общая потребность въ человѣческомъ трудѣ выражается при разныхъ системахъ хозяйства такъ: при трехпольномъ хозяйствѣ — 712 рабочихъ дней; при норфолькскомъ плодоперемѣнномъ хозяйствѣ 1615 рабочихъ дней; при плодоперемѣнномъ хозяйствѣ съ значительнымъ производствомъ свеклы — 2608 рабочихъ дней“ (на 60 гектаровъ. Franz Bensing: Der Einfluss der landwirthschaftlichen Maschinen auf Volks- und Privatwirthschaft. Breslau 1897, S. 42. Булгаковъ, I, 32). Бѣда только въ томъ, что Бензингъ этимъ разсчетомъ хочетъ доказать именно растущую роль машинъ: примѣняя эти цифры ко всему сельскому хозяйству Германіи, Бензингъ вычисляетъ, что наличныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ хватило бы только для обработки земли по трехпольной системѣ, и что, слѣдовательно, введеніе плодоперемѣна было бы вообще *невозможно*, если бы не примѣнялись машины. Такъ какъ извѣстно, что при господствѣ стараго трехполья машины почти совсѣмъ не употреблялись, то разсчетъ Бензинга доказываетъ *обратное* тому, что̀ хочетъ доказать г. Булгаковъ; именно: этотъ разсчетъ доказываетъ, что ростъ производительности земледѣлія не-

*) Герцъ съ особенно „побѣдоноснымъ“ видомъ настаиваетъ на этомъ, доказывая невѣрность „абсолютнаго“ сужденія (S. 65, р. пер. 156), что паровой плугъ „при всякихъ обстоятельствахъ“ выше упряжного. Это вотъ именно называется ломиться въ открытую дверь!

обходимо долженъ быть идти въ связи съ болѣе быстрымъ ростомъ постояннаго капитала по отношенію къ перемѣнному.

Другой разъ, утверждая, что „существуетъ коренная (sic!) разница между ролью машины въ обрабатывающей промышленности и въ земледѣліи", г. Булгаковъ цитируетъ слова Бензинга: „сельско-хозяйственныя машины не способны къ такому безграничному повышенію производства, какъ промышленныя". . . . (I, 44). И опять не везетъ г. Булгакову. Бензингъ отмѣчаетъ эту, вовсе не „коренную" разницу между земледѣльческими и промышленными машинами въ началѣ VI-ой главы, которая озаглавлена: „Вліяніе сельско-хозяйственныхъ машинъ на валовой доходъ". Разобравъ подробно по отношенію къ каждому отдѣльному виду машинъ данныя спеціальной сельско-хозяйственной литературы и особо произведенной имъ анкеты, Бензингъ получаетъ такой общій выводъ: увеличеніе валовой выручки получается при употребленіи парового плуга — на 10 процентовъ, рядовой сѣялки — на 10 процентовъ, молотилки на 15 процентовъ, кромѣ того рядовая сѣялка сберегаетъ 20 процентовъ сѣмянъ, и только при употребленіи машины для сбора картофеля замѣчается пониженіе валовой выручки на 5 процентовъ. Утвержденіе г. Булгакова: „во всякомъ случаѣ, паровой плугъ есть единственная изъ сельско-хозяйств. машинъ, въ пользу которой могутъ быть приведены извѣстныя техническія соображенія" (I, 48), *во всякомъ случаѣ* опровергнуто тѣмъ самымъ Бензингомъ, на котораго неосторожный г. Булгаковъ тутъ же ссылается.

Чтобы дать возможно болѣе точное и цѣльное представленіе о значеніи машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, Бензингъ даетъ рядъ подробнѣйшихъ разсчетовъ о результатахъ хозяйничанья безъ машинъ, съ одной, двумя и т. д. и наконецъ со всѣми важнѣйшими машинами, включая и паровой плугъ и сельско-хозяйственныя подвозныя желѣзныя дороги (Feldbahnen). Оказывается, что при отсутствіи машинъ валовая выручка = 69 040 маркамъ, расходъ = 68 615 м., чистый доходъ = 425 м. или по 1,37 маркѣ съ гектара, а при употребленіи всѣхъ важнѣйшихъ машинъ валовой доходъ = 81 078 м., расходъ = 62 551,5 м., чистый доходъ = 18 526,5 м., т. е. по 59,76 м. съ гектара то-есть *болѣе чѣмъ въ сорокъ разъ выше.* И это вліяніе однѣхъ только машинъ, ибо система хозяйства предположена неизмѣнной! Что примѣненіе машинъ сопровождается, какъ показываютъ тѣ-же разсчеты Бензинга, громаднымъ ростомъ постояннаго капитала и *уменьшеніемъ* перемѣннаго (т. е. капитала, расходуемаго на рабочую силу, и самаго числа рабочихъ), это разумѣется само собою. Однимъ словомъ, работа Бензинга всецѣло опровергаетъ г. Булгакова и доказываетъ какъ превосходство крупнаго хозяйства въ земледѣліи, такъ и примѣнимость къ послѣднему закона о ростѣ постояннаго капитала на счетъ перемѣннаго.

Одно только сближаетъ г. Булгакова и Бензинга: это то, что послѣдній стоитъ на чисто буржуазной точкѣ зрѣнія, совершенно не понимаетъ присущихъ капитализму противорѣчій и преблагодушно закрываетъ глаза на вытѣсненіе рабочихъ машинами и т. п. О Марксѣ этотъ умѣренный и аккуратный ученикъ нѣмецкихъ профессоровъ говоритъ съ такой же ненавистью, какъ и г. Булгаковъ. Только Бензингъ послѣдовательнѣе: онъ называетъ Маркса „противникомъ машинъ“ вообще, и въ земледѣліи и въ промышленности, такъ какъ, дескать, Марксъ „извращаетъ факты“, толкуя о вредномъ вліяніи машинъ на рабочихъ и вообще приписывая машинамъ всякія бѣды (Bensing, l. c. S. 4, 5, 11). Отношеніе г. Булгакова къ Бензингу паки и паки показываетъ намъ, что̀ перенимаютъ у буржуазныхъ ученыхъ гг. „критики“ и на что они смотрятъ сквозь пальцы.

Какого сорта „критика“ Герца, это достаточно видно изъ такого примѣра: на стр. 149 (р. пер.) онъ обвиняетъ Каутскаго въ „фельетонныхъ пріемахъ“ и на стр. 150 „опровергаетъ“ утвержденіе о превосходствѣ крупнаго производства по употребленію машинъ такими доводами: 1. посредствомъ товариществъ покупка машинъ *доступна* и мелкимъ хозяевамъ. Это, изволите видѣть, опровергаетъ *фактъ* большей распространенности машинъ въ крупныхъ хозяйствахъ! Кому болѣе *доступны* блага товарищескаго соединенія, объ этомъ мы во второмъ очеркѣ особо побесѣдуемъ съ Герцемъ. 2. Давидъ показалъ въ „Sozialistische Monatshefte“ (V, 2), что употребленіе машинъ въ мелкихъ хозяйствахъ „широко распространено и сильно возрастаетъ . . . что и рядовая сѣялка часто (sic!) встрѣчается даже въ очень мелкихъ хозяйствахъ. Тоже самое съ сѣнокосилками и другими машинами“ (S. 63, стр. 151 р. п.). А если читатель обратится къ статейкѣ Давида, то увидитъ, что онъ беретъ *абсолютныя цифры* о числѣ хозяйствъ, употреблявшихъ машины, а не процентное отношеніе этихъ хозяйствъ ко всему числу хозяйствъ данной группы (какъ дѣлаетъ, разумѣется, Каутскій).

Сопоставимъ эти цифры, относящіяся ко всей Германіи за 1895 годъ.*)

Группы хозяйствъ.	Всего хозяйствъ.	Въ томъ числѣ употреблявшихъ машины:					
		сѣялки	%	рядовыя сѣялки.	%	косилки и жатки.	%
До 2 ha . .	3236367	214	0,01	14735	0,46	245	0,01
2—5 ha . . .	1016318	551	0,05	13088	1,29	600	0,06
5—20 ha . . .	998804	3252	0,33	48751	4,88	6746	0,68
20—100 ha . .	281767	12091	4,29	49852	17,69	19535	6,93
100 и больше ha	25061	12565	50,14	14366	57,32	7958	31,75
Всего	5558317	28673	0,52	140792	2,54	35084	0,63

) Stat. d. D. R., 112. Bd., S. 36.

Неправда-ли, какъ подтверждаются этимъ слова Давида и Герца, что сѣялки и косилки „часто“ встрѣчаются „даже въ очень мелкихъ хозяйствахъ“? И если Герцъ дѣлаетъ „выводъ“, что „со стороны статистики утвержденіе Каутскаго совершенно не выдерживаетъ критики“, то на чьей сторонѣ наблюдаемъ мы въ самомъ дѣлѣ по истинѣ фельетонные пріемы?

Какъ курьезъ надо отмѣтить, что, отрицая превосходство крупнаго хозяйства по употребленію машинъ, отрицая вызываемый этимъ фактъ чрезмѣрнаго труда и недостаточнаго потребленія въ мелкомъ хозяйствѣ, „критики“ сами однако, когда имъ приходится касаться фактическаго положенія дѣлъ (и когда они забываютъ о своей „главной задачѣ“ — опроверженіи „ортодоксальнаго“ марксизма), безпощадно себя побиваютъ. Крупное хозяйство — говоритъ, напр., г. Булгаковъ во II томѣ своей книги (стр. 115) — „работаетъ всегда капиталоинтенсивнѣе, чѣмъ мелкое, и потому, естественно, отдаетъ предпочтеніе механическимъ факторамъ производства, сравнительно съ живою рабочей силой“. Что г. Булгаковъ, въ качествѣ „критика“, склоняется вслѣдъ за гг. Струве и Туганъ-Барановскимъ, къ вульгарной экономіи, противополагая механическіе *„факторы* производства“ живымъ, — это дѣйствительно вполнѣ „естественно“. Но естественно ли было, что онъ такъ неосторожно отрицалъ превосходство крупнаго хозяйства?

О концентраціи въ сельско-хозяйственномъ производствѣ г. Булгаковъ выражается не иначе, какъ „мистическій законъ концентраціи“ и т. п. Но вотъ приходится ему имѣть дѣло съ англійскими данными, и оказывается, что тенденція къ концентраціи фермъ имѣла мѣсто съ 50-хъ годовъ вплоть до конца 70-хъ. „Мелкія потребительскія хозяйства — пишетъ г. Булгаковъ — соединялись въ болѣе крупныя. *Эта* консолидація земельныхъ участковъ представляется однюдь не результатомъ борьбы крупнаго и мелкаго производства (?), а сознательнаго (!?) стремленія лэндлордовъ къ повышенію своей ренты соединеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ хозяйствъ, платившихъ весьма низкую ренту, въ крупное, могущее платить большую ренту“ (I, 239). Вы понимаете, читатель: **не** борьба крупнаго съ мелкимъ, **а** вытѣсненіе второго, какъ малодоходнаго, первымъ? „Разъ хозяйство поставлено на капиталистическую ногу, то безспорно, что, въ извѣстныхъ границахъ, крупное капиталистическое хозяйство имѣетъ несомнѣнныя преимущества надъ мелкимъ капиталистическимъ“ (239—240, I). Если это безспорно, то зачѣмъ же такъ шумитъ г. Булгаковъ и шумѣлъ (въ „Началѣ“) противъ Каутскаго, который *начинаетъ* свою главу о крупномъ и мелкомъ производствѣ (въ „Аграрномъ вопросѣ“) заявленіемъ: „Чѣмъ болѣе капиталистическимъ становится сельское

хозяйство, тѣмъ болѣе развиваетъ оно качественное различіе въ техникѣ между крупнымъ и мелкимъ производствомъ?“

Но не только періодъ процвѣтанія земледѣлія въ Англіи, а и періодъ кризиса приводитъ къ неблагопріятнымъ для мелкаго хозяйства выводамъ. Отчеты коммиссій за послѣдніе годы „съ удивительной настойчивостью утверждаютъ, что наиболѣе тяжело кризисъ легъ именно на мелкихъ хозяевъ“ (I, 311). „Дома ихъ — говоритъ одинъ отчетъ про мелкихъ собственниковъ — хуже среднихъ коттэджей рабочихъ. . . . Работа всѣхъ ихъ удивительно тяжела и значительно продолжительнѣе, чѣмъ рабочихъ, причемъ многіе изъ нихъ говорятъ, что они не находятся въ столь выгодномъ матеріальномъ положеніи, какъ послѣдніе, что они живутъ не такъ хорошо и рѣдко ѣдятъ свѣжее мясо.“. . . . „Йомены, обремененные гипотеками, погибли первые“ (I, 316). . . „Они экономятъ во всемъ такъ, какъ это дѣлаютъ лишь немногіе рабочіе“. . . . „Мелкіе фермеры еще справляются до тѣхъ поръ, пока пользуются неоплаченнымъ трудомъ членовъ семьи“. . . . „Что жизнь мелкаго фермера безконечно тяжеле, чѣмъ работника, едва ли нужно и добавлять“ (I, 321). Мы привели эти выписки, чтобы читатель могъ судить о правильности слѣдующаго вывода г. Булгакова: „Жестокое разореніе хозяйствъ, сохранившихся до эпохи аграрнаго кризиса, говоритъ только (!!) о томъ, что мелкіе производители въ подобныхъ случаяхъ погибаютъ скорѣе, чѣмъ крупные, — не болѣе (sic!!). Сдѣлать отсюда какое-либо общее заключеніе объ ихъ общей экономической жизнеспособности совершенно невозможно, ибо въ эту эпоху оказалось несостоятельно все англійское земледѣліе“ (I, 333). Неправда-ли, хорошо? И г. Булгаковъ въ главѣ объ общихъ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства даже обобщаетъ этотъ замѣчательный способъ разсужденія: „Внезапное паденіе цѣнъ тяжело отзывается на всѣ формы (всѣхъ формахъ?) производства, но крестьянское, какъ наиболѣе слабое капиталомъ, естественно, менѣе устойчиво, чѣмъ крупное (что нимало не затрогиваетъ вопроса объ его общей жизнеспособности)“ (II, 247). Итакъ, въ капиталистическомъ обществѣ слабыя капиталомъ хозяйства менѣе устойчивы, но это не затрогиваетъ ихъ „общей“ жизнеспособности!

Не лучше обстоитъ дѣло въ отношеніи послѣдовательности разсужденія и у Герца. Онъ „опровергаетъ“ (охарактеризованными выше пріемами) Каутскаго, но когда рѣчь заходитъ объ Америкѣ онъ признаетъ преимущество ея болѣе крупныхъ хозяйствъ, допускающихъ „въ гораздо большей степени примѣненіе машинъ, чего не допускаетъ наше парцельное хозяйство“ (S. 36, p. n. 93); онъ признаетъ, что „европейскій крестьянинъ хозяйничаетъ часто, придерживаясь устарѣлыхъ,

рутинныхъ способовъ производства, надрываясь (robotend) надъ кускомъ хлѣба какъ рабочій, не стремясь къ лучшему“ (тамъ же). Герцъ признаетъ и вообще, что „мелкое производство примѣняетъ сравнительно больше труда, чѣмъ крупное“ (S. 74, р. п. 175), онъ могъ бы съ успѣхомъ подѣлиться съ г. Булгаковымъ данными о повышеніи урожаевъ вслѣдствіе введенія парового плуга (S. 67/68, р. пер. 162/63) и т. п.

Естественнымъ спутникомъ неустойчивости теоретическихъ воззрѣній нашихъ критиковъ на значеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ является безпомощное повтореніе ими чистореакціонныхъ выводовъ аграріевъ, настроенныхъ противъ машинъ. Герцъ еще очень нерѣшителенъ, правда, въ этомъ щекотливомъ пунктѣ; говоря о „затрудненіяхъ“, которыя ставитъ сельское хозяйство введенію машинъ, онъ замѣчаетъ: „высказывается мнѣніе, что зимой остается столько свободнаго времени, что ручная молотьба бываетъ выгоднѣе“ (S. 65, р. п. 156/57). Герцъ склоненъ, видимо, заключать отсюда со свойственной ему логичностью, что этотъ фактъ говоритъ не противъ мелкаго производства, не противъ капиталистическихъ препятствій введенію машинъ, а противъ машинъ! За то г. Булгаковъ не даромъ выговариваетъ Герцу, что онъ „слишкомъ связанъ мнѣніями своей партіи“ (II, 287). Россійскій профессоръ, конечно, выше такихъ унизительныхъ „связей“ и гордо заявляетъ: „Я достаточно свободенъ отъ столь распространеннаго, особенно въ марксистской литературѣ предразсудка, согласно которому нужно видѣть прогрессъ во всякой машинѣ“ (I, 48). Къ сожалѣнію, полету мысли въ этомъ великолѣпномъ разсужденіи совершенно не соотвѣтствуютъ конкретные выводы. „Паровая молотилка — пишетъ г. Булгаковъ, — лишивъ многихъ и многихъ рабочихъ зимнихъ занятій, была, несомнѣнно, значительнымъ зломъ для рабочихъ, которое не окупалось техническими выгодами.*) На это указываетъ, м. пр., Гольцъ, который выставляетъ даже утопическое пожеланіе“ (II, 103), именно пожеланіе *ограничить* употребленіе молотилки, особенно паровой, „для улучшенія положенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ — добавляетъ Гольцъ — а также для уменьшенія эмиграціи — и миграціи“ (подъ миграціей, вѣроятно, Гольцъ имѣетъ въ виду, добавимъ отъ себя, переселеніе въ города).

Напомнимъ читателю, что именно эту идею Гольца отмѣтилъ въ своемъ „Аграрномъ вопросѣ“ и Каутскій. Небезъинтересно поэтому сравнить отношеніе къ конкретному вопросу экономіи (значеніе машинъ) и политики (не ограничить-ли?)

*) Ср. т. I, стр. 51: . . . . „паровая молотилка . . . выполняетъ главную работу и безъ того бѣднаго работами зимняго періода (полезность этой машины для всего (sic!!) сельскаго хозяйства поэтому болѣе чѣмъ сомнительна; мы еще встрѣтимся съ этимъ фактомъ).“

узкаго ортодокса, погрязающаго въ марксистскихъ предразсудкахъ, и современнаго критика, прекрасно воспринявшаго весь духъ „критицизма“.

Каутскій говоритъ (Agrarfrage, S. 41) что Гольцъ приписываетъ молотилкѣ особенно „вредное вліяніе“: она отнимаетъ у сельскихъ рабочихъ ихъ главное зимнее занятіе, гонитъ ихъ въ города, усиливаетъ обезлюденіе деревни. И Гольцъ предлагаетъ ограничить употребленіе молотилки, предлагаетъ — добавляетъ Каутскій — „повидимому, въ интересахъ сельскихъ рабочихъ, а на самомъ дѣлѣ въ интересахъ помѣщиковъ, для которыхъ, какъ говоритъ самъ Гольцъ, „проистекающій отъ такого ограниченія убытокъ будетъ съ избыткомъ возмѣщенъ — если и не тотчасъ, то въ будущемъ — увеличеніемъ числа рабочихъ силъ на лѣтнее время“. Къ счастью — продолжаетъ Каутскій — это консервативное дружелюбіе по отношенію къ рабочимъ есть не что иное, какъ реакціонная утопія. Молотилка слишкомъ выгодна „тотчасъ“, чтобы помѣщики могли отказаться отъ ея употребленія ради прибыли „въ будущемъ“. И потому молотилка будетъ продолжать свою революціонную работу; она будетъ гнать сельскихъ рабочихъ въ города, она станетъ вслѣдствіе этого могучимъ орудіемъ, съ одной стороны, повышенія заработныхъ платъ въ деревнѣ, съ другой стороны, дальнѣйшаго развитія сельско-хозяйственнаго машиностроенія“.

Отношеніе г. Булгакова къ такой постановкѣ вопроса соціальдемократомъ и аграріемъ въ высшей степени характерно: это маленькій образчикъ той позиціи, которую заняла вообще вся современная „критика“ между партіей пролетаріата и партіей буржуазіи. Критикъ, разумѣется, не такъ узокъ и не такъ шаблоненъ, чтобы встать на точку зрѣнія классовой борьбы и революціонизированія всѣхъ общественныхъ отношеній капитализмомъ. Но съ другой стороны, хотя нашъ критикъ и „поумнѣлъ“, все же воспоминанія о томъ времени, когда онъ былъ „молодъ и глупъ“, раздѣлялъ предразсудки марксизма, — не позволяютъ ему цѣликомъ принять программу его новаго товарища, аграрія, совершенно резонно и послѣдовательно заключающаго отъ вреда машины „для *всего* сельскаго хозяйства“, къ пожеланію: запретить! И нашъ добрый критикъ оказывается въ положеніи буриданова осла между двумя вязанками сѣна: съ одной стороны, онъ утратилъ уже всякое пониманіе классовой борьбы и способенъ теперь говорить о вредѣ машинъ для „*всего* сельскаго хозяйства“, забывая, что *всѣмъ* современнымъ сельскимъ хозяйствомъ руководятъ на первомъ планѣ предприниматели, думающіе только о своей прибыли, — онъ настолько забылъ тѣ „годы юности“, когда онъ былъ марксистомъ, что ставитъ уже нелѣпѣйшій вопросъ, „окупаютъ“ ли техническія выгоды ма-

шины ея вредное дѣйствіе на рабочихъ (а это вредное дѣйствіе оказываетъ не одна паровая молотилка, а и паровой плугъ и косилка и зерноочистительная машина и проч.), онъ не замѣчаетъ даже, что аграрій хочетъ въ сущности только болѣе глубокаго порабощенія рабочаго и зимой и лѣтомъ. Но, съ другой стороны, онъ смутно вспоминаетъ тотъ устарѣлый „догматическій“ предразсудокъ, что запрещеніе машинъ есть утопія. Бѣдный г. Булгаковъ, выпутается-ли онъ изъ этого непріятнаго положенія?

Интересно отмѣтить, что наши критики, стараясь всячески ослабить значеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ, выставляя даже „законъ убывающаго плодородія почвы“, забыли (или умышленно не пожелали) упомянуть о томъ новомъ техническомъ переворотѣ земледѣлія, который подготовляетъ электротехника. Напротивъ, Каутскій, — который, по болѣе чѣмъ несправедливому сужденію г. П. Маслова, „сдѣлалъ существенную ошибку, совершенно не опредѣливши, въ какомъ направленіи идетъ развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи“ („Жизнь“, 1901 № 3, стр. 171), — Каутскій указалъ на значеніе электричества въ земледѣліи еще въ 1899 году (Agrarfrage). Въ настоящее время признаки грядущаго техническаго переворота намѣчаются уже яснѣе. Дѣлаются попытки освѣтить теоретически значеніе электротехники въ земледѣліи (см. Dr. Otto Pringsheim: „Landwirthschaftliche Manufaktur und elektrische Landwirthschaft“, Brauns Archiv, XV, 1900, S. 406—418, и статью К. Каутскаго въ Neue Zeit XIX, 1, 1900—1901, № 18, Die Elektrizität in der Landwirthschaft), раздаются голоса практиковъ-помѣщиковъ, описывающихъ свои опыты по примѣненію электричества (Прингсгеймъ цитируетъ книку Адольфа Зейффергельда, разсказывающаго объ опытѣ въ своемъ хозяйствѣ), видящихъ въ электричествѣ средство сдѣлать снова земледѣліе доходнымъ, призывающихъ правительство и помѣщиковъ къ устройству центральныхъ силовыхъ станцій и массовому производству электрической силы для сельскихъ хозяевъ (въ Кенигсбергѣ вышла въ прошломъ году книга помѣщика изъ Восточной Пруссіи, П. Мака — P. Mack: „Der Aufschwung unseres Landwirthschaftsbetriebes durch Verbilligung der Produktionskosten. Eine Untersuchung über den Dienst, den Maschinentechnik und Elektrizität der Landwirthschaft bieten“).

Прингсгеймъ дѣлаетъ очень вѣрное, на нашъ взглядъ, замѣчаніе, что современное земледѣліе — по общему уровню его техники, да пожалуй и экономики — ближе подходитъ къ той стадіи развитія промышленности, которую Марксъ назвалъ „мануфактурой“. Преобладаніе ручного труда и простой кооперації, спорадическое примѣненіе машинъ, мелкіе сравнительно размѣры производства (если считать, напр., по суммѣ ежегодно продаваемыхъ однимъ предпріятіемъ про-

дуктовъ), сравнительно мелкіе, въ большинствѣ случаевъ, размѣры рынка, связь крупнаго производства съ мелкимъ (причемъ послѣднее, подобно кустарямъ въ ихъ отношеніи къ крупному хозяину мануфактуры, доставляетъ рабочую силу первому, — или первое скупаетъ „полуфабрикатъ“ у второго, напр., крупные хозяева скупаютъ свеклу, скотъ и т. п. у мелкихъ), — всѣ эти признаки, дѣйствительно, говорятъ за то, что земледѣліе еще не достигло ступени настоящей „крупной машинной индустріи“, въ смыслѣ Маркса. Въ земледѣліи еще нѣтъ „системы машинъ“, связанныхъ въ одинъ производительный механизмъ.

Не надо, конечно, утрировать этого сравненія: съ одной стороны, есть особенности земледѣлія, которыя абсолютно неустранимы (если оставить въ сторонѣ слишкомъ отдаленную и слишкомъ проблематическую возможность лабораторнаго приготовленія бѣлка и пищи). Вслѣдствіе этихъ особенностей крупная машинная индустрія въ земледѣліи никогда не будетъ отличаться *всѣми* тѣми чертами, которыя она имѣетъ въ промышленности. Съ другой стороны, и въ мануфактурѣ крупное производство въ промышленности достигло уже преобладанія и значительнаго техническаго превосходства надъ мелкимъ. Это превосходство мелкій промышленникъ пытался долгое еще время парализовать тѣмъ удлиненіемъ рабочаго дня и сокращеніемъ потребностей, которое такъ характерно и для кустаря и для современнаго мелкаго крестьянина. Преобладаніе ручного труда въ мануфактурѣ давало еще нѣкоторую возможность мелкому производству держаться посредствомъ подобныхъ „героическихъ“ средствъ, — но тѣ люди, которые обольщались этимъ и говорили о жизнеспособности кустаря (подобно тому, какъ нынѣшніе критики говорятъ о жизнеспособности крестьянина), оказывались очень быстро опровергнутыми той „временной тенденціей“, которая парализуетъ „универсальный законъ“ техническаго застоя. Напомнимъ, для примѣра, русскихъ изслѣдователей кустарнаго ткачества въ Московской губерніи въ 70-хъ годахъ. По отношенію къ хлопчатобумажному ткачеству — говорили они — дѣло ручного ткача проиграно: машина взяла верхъ, но вотъ за то въ области шелкового ткачества кустари еще могутъ держаться, машины еще далеко не такъ усовершенствованы. Прошло два десятилѣтія — и техника отняла у мелкаго производства еще одно изъ его послѣднихъ убѣжищъ, какъ бы говоря — тѣмъ, кто имѣетъ уши, чтобы слушать, и глаза, чтобы видѣть, — что экономистъ всегда долженъ смотрѣть впередъ, въ сторону прогресса техники, иначе онъ немедленно окажется отставшимъ, ибо кто не хочетъ смотрѣть впередъ, тотъ поворачивается къ исторіи задомъ: середины тутъ нѣтъ и быть не можетъ.

„Писатели, которые, подобно Герцу трактовали о конкурренціи мелкаго и крупнаго производства въ земледѣліи, игнорируя при этомъ роль электротехники, должны будутъ съизнова начать свое изслѣдованіе“ — мѣтко замѣтилъ Прингсгеймъ, и его замѣчаніе съ еще большей силой падаетъ на двухтомный трудъ г. Булгакова.

Электрическая энергія дешевле паровой силы, она отличается бо́льшей дѣлимостью, ее гораздо легче передавать на очень большія разстоянія, ходъ машинъ при этомъ правильнѣе и спокойнѣе, — она гораздо удобнѣе поэтому примѣняется и къ молотьбѣ и къ паханью и къ доенію и къ рѣзкѣ корма скоту*) и пр. Каутскій описываетъ одну изъ венгерскихъ латифундій,**) въ которой электрическая энергія проведена съ центральной станціи по всѣмъ направленіямъ въ отдаленныя части имѣнія, служа для приведенія въ дѣйствіе сельскохозяйственныхъ машинъ, для рѣзки свеклы, для подъема воды, для освѣщенія и пр. и пр. „Для доставки 300 гектолитровъ воды ежедневно изъ колодца, глубиной въ 29 метровъ, въ резервуаръ, высотой въ 10 метровъ, и для приготовленія корма для 240 коровъ, 200 телятъ и 60 рабочихъ воловъ и лошадей, т. е. для рѣзки, рубки свеклы и т. п., требовалось зимой двѣ пары лошадей, лѣтомъ одна пара, что стоило 1500 гульденовъ. Вмѣсто лошадей работаетъ теперь 2-хъ и 3-хъ сильный моторъ, работа которыхъ обходится, считая покрытіе всѣхъ расходовъ, въ 700 гульденовъ, т. е. на 800 гульденовъ меньше“. (Kautsky, l. c.). Макъ разсчитываетъ стоимость коннаго рабочаго дня въ три марки, а при замѣнѣ его электричествомъ — та же работа обходится въ 40—75 пфенниговъ, т. е. на 400—700% дешевле. Если бы лѣтъ черезъ 50 или больше — говоритъ онъ — $1^{3}/_{4}$ милліона лошадей въ германскомъ земледѣліи были замѣнены электрической силой (въ 1895 году въ германскомъ земледѣліи употреблялось для полевыхъ работъ 2,6 милліона лошадей + 1,0 милліона воловъ + 2,3 милліона коровъ, въ томъ числѣ у хозяйствъ выше 20 ha — 1,4 милліона лошадей и 0,4 милл. воловъ), — то это уменьшило бы расходы съ 1003 милліоновъ марокъ до 261 милліона т. е. на 742 милліона марокъ. Громадная площадь, дающая кормъ для скота, могла бы быть обращена на производство пищи людямъ, на улучшеніе питанія рабочихъ, которыхъ г-нъ Булгаковъ такъ пугаетъ „сокращеніемъ даровъ природы“, „хлѣбнымъ вопросомъ“ и т. п. Макъ настойчиво рекомендуетъ соединеніе земледѣлія съ промышленностью для постояннаго

---

*) Къ свѣдѣнію смѣлаго г. Булгакова, который смѣло и неосновательно говоритъ о „такихъ отрасляхъ сельскохозяйственнаго производства. которыя совсѣмъ недоступны машинамъ, напр., скотоводство“ (I, 49).

**) Еще разъ, къ свѣдѣнію г. Булгакова, толкующаго о „латифундіарномъ вырожденіи крупнаго хозяйства“!

эксплуатированія электрической энергіи, рекомендуетъ прорытіе мазурскаго канала, который могъ бы питать электрической силой 5 центральныхъ станцій, раздающихъ энергію на 20—25 километровъ вокругъ сельскимъ хозяевамъ, рекомендуетъ утилизацію торфа для той же цѣли, требуетъ объединенія сельскихъ хозяевъ: „только въ товарищескомъ объединеніи съ индустріей и крупнымъ капиталомъ возможно сдѣлать снова прибыльной нашу отрасль промышленности“ (Mack, S. 48). Разумѣется, примѣненіе новыхъ способовъ производства встрѣтитъ массу затрудненій и пойдетъ не гладкимъ, а зигзагообразнымъ путемъ, но что оно пойдетъ, что революціонизированіе земледѣлія неизбѣжно, — въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться. „Замѣна большей части упряжекъ электромоторами означаетъ — справедливо говоритъ Прингсгеймъ — возможность системы машинъ въ земледѣліи . . . Чего не могла сдѣлать сила пара, того навѣрное достигнетъ электротехника — именно: превращенія сельскаго хозяйства изъ старой мануфактуры въ современное крупное производство“ (l. c., p. 414).

Мы не будемъ распространяться о томъ, какую гигантскую побѣду крупнаго производства будетъ означать (отчасти означаетъ уже) введеніе электротехники въ земледѣліе, — это обстоятельство слишкомъ очевидно, чтобы на немъ настаивать. Посмотримъ лучше, въ какихъ современныхъ хозяйствахъ имѣются на лицо зародыши той „системы машинъ“, которую пуститъ въ ходъ центральная силовая станція. Вѣдь для системы машинъ нужно сначала употребленіе различныхъ машинъ на опытѣ, нужны примѣры совмѣстнаго употребленія многихъ машинъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ свѣдѣнія германской переписи земледѣльческихъ хозяйствъ 14 іюня 1895 года. Мы имѣемъ данныя о числѣ хозяйствъ каждой группы, употреблявшихъ свои или чужія машины (г. Булгаковъ ошибается, приведя на стр. 114 второго тома часть этихъ данныхъ и думая, что они относятся къ числу *машинъ*. Кстати: свѣдѣнія о числѣ хозяйствъ, употреблявшихъ машины свои или чужія, представляютъ, разумѣется, превосходство крупнаго производства болѣе слабымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Крупные хозяева чаще имѣютъ собственныя машины, чѣмъ мелкіе, переплачивающіе за пользованіе ими). Данныя эти относятся къ употребленію или машинъ вообще или каждаго рода машинъ въ отдѣльности, такъ что мы не можемъ опредѣлить, *по скольку* машинъ употребляли хозяйства разныхъ группъ. Но если мы сложимъ для каждой группы число всѣхъ хозяйствъ, употреблявшихъ каждый отдѣльный видъ машинъ, то получимъ *число случаевъ употребленія* всякихъ сельско-хозяйственныхъ машинъ. Приводимъ обработанныя такимъ образомъ данныя, показывающія, какъ подготовляется „система машинъ“ въ земледѣліи:

Размѣры хозяйствъ:	На 100 хозяйствъ приходится	
	Хозяйствъ, употреблявшихъ с.-х. машины вообще (1895)	Случаевъ употребленія той или другой с.-х. машины (1895).
До 2 ha	2,03	2,30
2— 5 „	13,81	15,46
5— 20 „	45,80	56,04
20—100 „	78,79	128,46
100 и б. „	94,16	352,34
Всего	16,36	22,36

Итакъ, въ мелкихъ хозяйствахъ, до 5 гектаровъ (такихъ хозяйствъ болѣе трехъ четвертей всего числа, 4,1 милл. изъ 5,5 милл. т. е. 75,5%; но у нихъ только 5 милл. гектаровъ земли изъ 32½ милл. т. е. 15,6%) — число *случаевъ* употребленія какихъ бы то ни было сельскохозяйственныхъ машинъ (мы сосчитали вмѣстѣ и машины для молочнаго хозяйства) совершенно ничтожно. Въ среднихъ хозяйствахъ (5—20 ha) меньше половины хозяйствъ употребляютъ вообще машины, и на 100 хозяйствъ приходится только 56 случаевъ употребленія сельскохозяйственныхъ машинъ. Только въ крупномъ капиталистическомъ производствѣ*) мы видимъ, что *большинство* хозяйствъ (¾—⁹/₁₀) употребляютъ машины, и *начинаетъ складываться система машинъ*: на каждое хозяйство приходится болѣе одного случая употребленія машинъ. Употребляется, слѣд., по нѣскольку машинъ въ одномъ хозяйствѣ: напр., хозяйства выше 100 ha употребляли каждое *около 4-хъ машинъ* (352% на 94% употреблявшихъ вообще). Изъ 572 латифундій (хозяйствъ съ 1000 и болѣе ha) 555 употребляли машины, и число случаевъ употребленія машинъ равняется 2800, т. е. каждое хозяйство употребляло *по пяти машинъ*. Понятно отсюда, какія хозяйства подготовляютъ „электрическую“ революцію и какія больше всего ей воспользуются.

IV.

Отъ Герца перейдемъ къ г. Чернову. Такъ какъ послѣдній только „бесѣдуетъ по поводу перваго, то мы ограничимся здѣсь краткой характеристикой пріемовъ разсужденія Герца (и пріемовъ перефразировки его г. Черновымъ), чтобы перейти (въ слѣдующемъ очеркѣ) къ разбору нѣкоторыхъ новыхъ, выдвигаемыхъ „критиками“, фактическихъ данныхъ.

Что представляетъ изъ себя Герцъ въ качествѣ теоретика, это достаточно показать на *одномъ* примѣрѣ. Въ самомъ началѣ его книги мы встрѣчаемъ параграфъ, носящій претен-

*) Выше 20 ha только 0,3 милл. хозяйствъ изъ 5,5 милл. т. е. только 5,5% всего числа, но у нихъ 17,7 милл. гектаровъ земли изъ 32,5 т. е. 54,4% всей сельскохозяйственной площади.

ціозное заглавіе: „Понятіе національнаго капитализма“. Герцъ хочетъ не больше и не меньше какъ дать опредѣленіе капитализму. „Мы можемъ, конечно, — пишетъ онъ — охарактеризовать его, какъ такую народнохозяйственную систему, которая *юридически* основывается на вполнѣ проведенныхъ принципахъ свободы личности и собственности, *технически* — на производствѣ въ широкихъ“ (крупныхъ?) „размѣрахъ,*) *соціально* — на отдѣленіи средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей, *политически* — на обладаніи капиталистами центральной политической властью“ (концентрированной политической силой государства?) „въ силу одного экономическаго основанія распредѣленія собственности“. (Р. пер., с. 37). Эти опредѣленія неполны, требуютъ ограниченій — говоритъ Герцъ — напр., домашняя работа и мелкая аренда держатся еще вездѣ наряду съ крупнымъ производствомъ. „Не вполнѣ подходящимъ является также *реальное* (sic!) опредѣленіе капитализма, какъ системы, при которой производство находится подъ контролемъ“ (господствомъ и контролемъ) капиталистовъ“ (капиталовладѣльцевъ). Неправда-ли, какъ великолѣпно это „реальное“ опредѣленіе капитализма какъ господства капиталистовъ? И какъ характерна эта, столь модная въ настоящее время, quasi-реалистическая, а на самомъ дѣлѣ эклектическая погоня за полнымъ перечнемъ всѣхъ отдѣльныхъ признаковъ и отдѣльныхъ „факторовъ“. Въ результатѣ, конечно, эта безсмысленная попытка внести въ общее понятіе всѣ частные признаки единичныхъ явленій, или наоборотъ „избѣгнуть столкновенія съ крайнимъ разнообразіемъ явленій,“ — попытка свидѣтельствующая просто объ элементарномъ непониманіи того, что такое наука, — приводитъ „теоретика“ къ тому, что за деревьями онъ не видитъ лѣса. Герцъ, напр., забылъ о такой мелочи какъ товарное производство и превращеніе рабочей силы въ товаръ! За то онъ сочинилъ слѣдующее *генетическое* опредѣленіе, которое — въ наказаніе сочинителю — слѣдуетъ привести цѣликомъ: капитализмъ — „такое состояніе народнаго хозяйства, въ которомъ осуществленіе принциповъ свободнаго оборота, свободы личности и собственности достигло высшаго (относительно) пункта, опредѣляемаго экономическимъ развитіемъ и эмпирическими условіями каждаго отдѣльнаго народнаго хозяйства“ (S. 10, р. пер. 38/39 не вполнѣ точенъ). Г. В. Черновъ, разумѣется, съ восторженнымъ благоговѣніемъ переписываетъ и расписываетъ эти мыльные пузыри, угощая кромѣ того читателей „Русскаго Богатства“ на протяженіи цѣлыхъ тридцати страницъ „анализомъ“ типовъ

---

*) Г. В. Черновъ переводитъ (Р. Б. № 4, 132): „на производствѣ, достигшемъ высокой степени развитія“. Это онъ ухитрился „понять“ такимъ образомъ нѣмецкое выраженіе „auf grosser Stufenleiter“!!

національнаго капитализма. Изъ этого высокопоучительнаго анализа можно извлечь рядъ чрезвычайно цѣнныхъ и нисколько не шаблонныхъ указаній, напр., указаніе на „независимый, гордый и энергическій характеръ британца“, на „солидность“ англійской буржуазіи и „несимпатичность“ ея внѣшней политики, — на „страстный, увлекающійся темпераментъ романской расы“ и на „нѣмецкую аккуратность“ (стр. 152 въ № 4 „Р. Б.“). „Догматическій“ марксизмъ, разумѣется, окончательно уничтоженъ этимъ анализомъ.

Не менѣе сокрушителенъ произведенный Герцемъ анализъ данныхъ о гипотекахъ. По крайней мѣрѣ, г. Черновъ въ восторгѣ отъ него. „Фактъ тотъ, — пишетъ онъ — что... данныя Герца еще никѣмъ не опровергнуты. Каутскій въ своемъ отвѣтѣ на книгу Герца, распространяясь чрезвычайно много по поводу нѣкоторыхъ частностей“, (въ родѣ доказательства *передержекъ* Герца! Хороши „частности“!) „на аргументацію Герца въ вопросѣ о гипотекахъ *не отвѣчаетъ ни единымъ словомъ*“ (Р. Б., № 10, стр. 217, курсивъ г. Чернова). Какъ видно изъ ссылки на стр. 238 той же книжки Р. Б., г. Черновъ знакомъ съ отвѣтной статьей Каутскаго („Zwei Kritiker meiner Agrarfrage“ въ „Neue Zeit“, 18, 1: 1899/1900); г. Черновъ не могъ не знать также, что журналъ, въ которомъ эта статья помѣщена, запрещенъ въ Россіи цензурой. Тѣмъ знаменательнѣе для характеристики всего облика современной „критики“ тотъ фактъ, что подчеркнутыя самимъ г. Черновымъ слова заключаютъ въ себѣ *прямую неправду*, ибо Каутскій *отвѣтилъ* по вопросу о гипотекахъ „Герцу, Давиду, Бернштейну, Шиппелю, Булгакову e tutti quanti“*) на стр. 472—477 *той самой статьи, которую г. Черновъ указываетъ*. Скучная эта обязанность — возстановлять извращенную истину, — но, разъ имѣешь дѣло съ гг. Черновыми, отъ этой обязанности никакъ не уклониться.

Каутскій отвѣтилъ Герцу, разумѣется, насмѣшкой, ибо Герцъ и въ этомъ вопросѣ обнаружилъ свое неумѣніе или нежеланіе понять, что къ чему, и склонность повторять избитые доводы буржуазныхъ экономистовъ. Въ „Agrarfrage“ Каутскаго рѣчь шла (S. 88—89) о концентраціи гипотекъ. „Многочисленные мелкіе деревенскіе ростовщики — писалъ Каутскій — все болѣе и болѣе оттѣсняются на второй планъ, уступая мѣсто крупнымъ централизованнымъ капиталистическимъ или общественнымъ учрежденіямъ, монополизирующимъ гипотечный кредитъ.“ Каутскій перечисляетъ нѣкоторыя капиталистическія и общественныя учрежденія этого рода, говоритъ объ обществахъ взаимнаго поземельнаго кредита (genossenschaftliche Bodenkreditinstitute), указываетъ на то, что и *сберегательныя кассы* и страховыя общества и многія

*) Выраженіе Каутскаго: стр. 472 „N. Z.“

корпораціи (S. 89) вкладываютъ свои фонды въ гипотеки и т. п. Напр., въ Пруссіи 17 обществъ взаимнаго кредита выпустило къ 1887 г. на 1650 милл. марокъ закладныхъ листовъ. „Эти цифры указываютъ уже на громадную концентрацію поземельной ренты *въ немногихъ центральныхъ учрежденіяхъ*“; (курсивъ нашъ), „но концентрація быстро растетъ. Въ 1875 г. нѣмецкіе гипотечные банки выпустили закладныхъ листовъ на 900 милл. м., въ 1888 — на $2^1/_2$ милліарда, въ 1895 году эта сумма составляла уже 3400 милліона, сконцентрированныхъ въ 31 (въ 1875 г. въ 27) банкѣ“. (S. 89). Эта концентрація поземельной ренты указываетъ ясно на концентрацію *поземельной собственности*.

Нѣтъ — отвѣчаетъ Герцъ, Булгаковъ, Черновъ и Ко. — „мы встрѣчаемъ самую рѣшительную тенденцію къ децентрализаціи, къ раздробленію собственности“ (Р. Б. № 10, 216), ибо „болѣе четверти ипотечнаго кредита сосредоточено въ рукахъ демократическихъ (sic!) кредитныхъ учрежденій, съ массою мелкихъ вкладчиковъ“ (тамъ же). Герцъ съ необычайнымъ усердіемъ, приводя рядъ таблицъ, доказываетъ, что *мелкіе вкладчики* составляютъ массу вкладчиковъ въ сберег. кассы и т. п. Спрашивается только, къ чему все это? Вѣдь на общества взаимнаго кредита и сберегательныя кассы указалъ самъ Каутскій (не воображая, конечно, какъ воображаетъ г. Черновъ, что это особо „демократическія“ учрежденія). Каутскій говоритъ о централизаціи ренты въ немногихъ центральныхъ учрежденіяхъ, — а ему указываютъ на массу мелкихъ вкладчиковъ въ сберег. кассы!! И называютъ это „раздробленіемъ собственности“! Да какое же отношеніе къ сельскому хозяйству (рѣчь идетъ о концентраціи ренты) имѣетъ число вкладчиковъ въ гипотечный банкъ? Развѣ крупная фабрика перестаетъ означать централизацію производства на томъ основаніи, что акціи ея распредѣлены среди массы мелкихъ капиталистовъ? „До тѣхъ поръ пока Герцъ и Давидъ не освѣдомили меня, — писалъ Каутскій въ отвѣтѣ Герцу, — я и понятія не имѣлъ о томъ, откуда берутъ сберегательныя кассы свои деньги. Я думалъ, что онѣ орудуютъ съ сбереженіями Ротшильдовъ и Вандербильтовъ“.

По поводу передачи гипотекъ въ собственность государства Герцъ говоритъ: „Это было бы очень плохое средство борьбы противъ крупнаго капитала и, конечно, прекрасное средство, чтобы возстановить противъ виновниковъ такой реформы громадную, все увеличивающуюся армію мелкихъ собственниковъ, и въ ихъ числѣ особенно сельскихъ батраковъ“. (S. 29, р. п. 78. Г. Черновъ повторяетъ это съ удовольствіемъ на стр. 217/18 Р. Б.)

Такъ вотъ кто эти „собственники“, объ увеличеніи числа которыхъ кричитъ Бернштейнъ и Ко! — отвѣчаетъ Каут-

скій. — Это служанки съ 20 марками въ сберегательной кассѣ! И какъ старъ и избитъ этотъ доводъ противъ соціалистовъ, что „экспропріаціей“ своей они ограбятъ громадную армію трудящихся. Никто иной, какъ Евгеній Рихтеръ съ особеннымъ усердіемъ выдвигалъ этотъ доводъ въ своей брошюрѣ, которую онъ выпустилъ послѣ отмѣны исключительнаго закона противъ соціалистовъ (и которую фабриканты скупали тысячами для даровой раздачи рабочимъ). Въ этой брошюрѣ Евг. Рихтеръ выдвинулъ свою знаменитую „бережливую Агнесу“: бѣдную швею, которая имѣла нѣсколько десятковъ марокъ въ сберегательной кассѣ и которая была ограблена злыми соціалистами, захватившими государственную власть и превратившими банки въ государственную собственность. Вотъ изъ какого источника черпаютъ свои „критическіе“ доводы Булгаковы,*) Герцы и Черновы!

„Въ то время — говоритъ Каутскій о „знаменитой“ брошюрѣ Евг. Рихтера — Евг. Рихтеръ былъ за это единодушно осмѣянъ всѣми соціаль-демократами. А теперь находятся среди послѣднихъ люди, которые въ нашемъ центральномъ органѣ“ (имѣются въ виду статьи, кажется, Давида въ Vorwärts) „поютъ хвалебную пѣсень сочиненію, повторяющему тѣ же мысли: Герцъ, мы превозносимъ твои подвиги!

„Для бѣднаго Евгенія на склонѣ его лѣтъ это — настоящій тріумфъ, и я не могу не привести еще, къ его удовольствію, слѣдующаго мѣста, находящагося на той же страницѣ у Герца: „Мы видимъ, что мелкаго крестьянина, городскаго домовладѣльца и особенно крупнаго земледѣльца экспропріируютъ именно низшіе и средніе классы, и главный контингентъ ихъ поставляется, несомнѣнно, сельскимъ населеніемъ“ (Герцъ, S. 29, р. пер. 77. — пересказано съ упоеніемъ въ Рус. Бог., № 10, с. 216/17). „Теорія Давида объ „опорожненіи“ (Aushöhlung) капитализма посредствомъ коллективныхъ договоровъ о заработной платѣ (Tarifgemeinschaften) и потребительныхъ обществъ, теперь превзойдена. Она блѣднѣетъ передъ Герцевской экспропріаціей экспропріаторовъ посредствомъ сберегательныхъ кассъ. Бережливая Агнеса, которую считали уже умершей, воскресаетъ къ новой жизни“ (Kautsky, l. c. S. 475) — и русскіе „критики“ вмѣстѣ съ публицистами „Русскаго Богатства“ спѣшатъ пересадить эту воскресшую „бережливую Агнесу“ на русскую почву для посрамленія „ортодоксальной“ соціальдемократіи.

И вотъ этотъ-то г. В. Черновъ, захлебывающійся отъ восторга по поводу повторяемыхъ Герцемъ доводовъ Евгенія Рихтера, „разноситъ“ Каутскаго на всѣ корки на стра-

*) Г. Булгаковъ выдвигалъ противъ Каутскаго тѣ же доводы насчетъ гипотекъ въ „Началѣ“, а по нѣмецки и въ „Архивѣ“ Брауна.

ницахъ „Русскаго Богатства“ и сборника въ честь г. Н. Михайловскаго „На славномъ посту“. Было бы несправедливостью, если бы мы не отмѣтили нѣкоторые перлы этого разноса. „Каутскій признаетъ, опять таки вслѣдъ за Марксомъ, — пишетъ г. Черновъ въ № 8 Р. Б. с. 229 — что прогрессъ капиталистическаго земледѣлія ведетъ къ обѣднѣнію почвы питательными веществами: въ видѣ различныхъ продуктовъ у земли постоянно нѣчто отнимается, направляется въ городъ и не возвращается обратно землѣ... Какъ видите, въ вопросѣ о законахъ плодородія почвы Каутскій безпомощно (sic) повторяетъ слова Маркса, основывавшагося на теоріи Либиха. Но когда Марксъ писалъ свой первый томъ, Либиховскій „законъ возстановленія“ былъ послѣднимъ словомъ агрономіи. Со времени этого открытія прошло уже болѣе полувѣка. Въ нашихъ знаніяхъ о законахъ плодородія почвы произошла цѣлая революція. И что же? Весь послѣ-либиховскій періодъ, всѣ послѣдующія открытія Пастера, Вилле, опыты Солари съ введеніемъ азота, открытія Бертело, Гельригеля, Вильфарта и Виноградскаго въ области бактеріологіи почвы — все это для Каутскаго прошло безслѣдно“... Милый г. Черновъ! Какъ онъ удивительно похожъ на тургеневскаго Ворошилова: помните — въ „Дымѣ“ — молодого русскаго приватъ-доцента, который совершалъ променадъ по заграницѣ, отличался вообще большой молчаливостью, но отъ времени до времени его прорывало и онъ начиналъ сыпать десятками и сотнями ученыхъ и ученѣйшихъ, рѣдкихъ и рѣдчайшихъ именъ? Точь въ точь нашъ ученый г. Черновъ, который совсѣмъ уничтожилъ этого невѣжественнаго Каутскаго. Только... только не справиться-ли намъ все же съ книгой Каутскаго? Не заглянуть-ли намъ хоть въ оглавленіе ея? Находимъ главу IV: „Современное сельское хозяйство“, параграфъ d) „удобренія, *бактеріи*“. Открываемъ параграфъ d) и читаемъ:

„Во второй половинѣ прошлаго десятилѣтія было сдѣлано открытіе, что стручковыя растенія въ отличіе отъ остальныхъ культурныхъ растеній получаютъ почти весь свой запасъ азота не изъ почвы, а изъ воздуха, что они дѣлаютъ почву не только не бѣднѣе азотомъ, а еще богаче. Но этимъ свойствомъ обладаютъ они лишь въ томъ случаѣ, если въ почвѣ имѣются извѣстные микроорганизмы, пристающіе къ ихъ корнямъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ микроорганизмовъ, — можно посредствомъ соотвѣтствующей прививки придать стручковымъ растеніямъ способность превращать бѣдную азотомъ почву въ богатую азотомъ и такимъ образомъ удобрять до извѣстной степени эту почву для другихъ культурныхъ растеній. Прививка бактерій стручковымъ растеніямъ даетъ, по общему правилу, возможность, въ соединеніи съ соотвѣтствующими минеральными удобреніями (фосфорнокислыми

солями и калійными удобреніями) получать съ земли постоянно самые высокіе урожаи и безъ навоза. Лишь благодаря этому открытію „свободное хозяйство“ пріобрѣло вполнѣ прочный базисъ“ (Kautsky, 51—52). Кто же обосновалъ научно это замѣчательное открытіе собирающихъ азотъ бактерій? — Гелльригель . . .

Вина Каутскаго въ томъ, что онъ имѣетъ скверную привычку (которая наблюдается также у многихъ узкихъ ортодоксовъ) — не забывать никогда о томъ, что члены боевой соціалистической партіи должны и въ ученыхъ своихъ трудахъ не упускать изъ виду читателя-рабочаго, должны стараться писать *просто*, безъ тѣхъ ненужныхъ ухищреній слога, безъ тѣхъ внѣшнихъ признаковъ „учености“, которые такъ плѣняютъ декадентовъ и титулованныхъ представителей оффиціальной науки. Каутскій и здѣсь предпочелъ разсказать толково и ясно, въ чемъ состоятъ новѣйшія агрономическія открытія, и опустить ничего не говорящія для девяти десятыхъ публики ученыя имена. Ворошиловы поступаютъ наоборотъ: они предпочитаютъ высыпать цѣлый мѣшокъ ученыхъ именъ изъ области агрономіи, политической экономіи, критической философіи и т. п., загромождая ученымъ соромъ суть дѣла.

Напримѣръ, Ворошиловъ-Черновъ своимъ облыжнымъ обвиненіемъ Каутскаго въ незнаніи ученыхъ именъ и научныхъ открытій загромоздилъ и замялъ крайне интересный и поучительный эпизодъ модной критики, именно: аттаку буржуазной экономіи на соціалистическую идею объ уничтоженіи противоположности между городомъ и деревней. Профессоръ Луйо Брентано увѣряетъ, напримѣръ, что переселеніе изъ деревень въ города вызывается не данными соціальными условіями, а *естественной необходимостью*, закономъ убывающаго плодородія почвы.*) Г. Булгаковъ, вслѣдъ за своимъ

*) См. статью Каутскаго въ „Neue Zeit“, XIX, 2, 1900/1901, № 27: „Tolstoi und Brentano“. Каутскій сопоставляетъ съ современнымъ научнымъ соціализмомъ ученіе Л. Толстого, остающагося глубокимъ наблюдателемъ и критикомъ буржуазнаго строя, несмотря на реакціонную наивность своей теоріи, — и буржуазную экономію, „звѣзда“ которой, Брентано (какъ извѣстно, учитель гг. Струве, Булгакова, Герца и tutti quanti) обнаруживаетъ самую невѣроятную путаницу, смѣшивая явленія природы и явленія общественныя, смѣшивая понятія продуктивности и прибыльности, стоимости и цѣны и т. п. „Это не столь характерно для Брентано лично, — справедливо говоритъ Каутскій — какъ для той *школы*, которой онъ принадлежитъ. *Историческая школа* буржуазной экономіи въ ея современномъ видѣ считаетъ стремленіе къ цѣлостному пониманію общественнаго механизма превзойденной ступенью (überwundener Standpunkt). Экономическая наука должна, по этому воззрѣнію, не изслѣдовать соціальные законы и сводить ихъ въ цѣльную систему, а ограничиваться протокольнымъ описаніемъ отдѣльныхъ соціальныхъ фактовъ прошлаго и настоящаго. Такъ она и привыкаетъ къ тому, чтобы касаться только поверхностной стороны явленій. А когда тотъ или другой представитель этой школы поддастся тѣмъ не менѣе искушенію разсмотрѣть болѣе глубокія основанія явленій,

учителемъ, объявлялъ еще въ „Началѣ“ (1899, мартъ, стр. 29) идею объ уничтоженіи противоположности между городомъ и деревней „совершенной фантазіей“, которая „вызоветъ улыбку у агронома“. Герцъ пишетъ въ своей книгѣ: „Уничтоженіе различія между городомъ и деревней является, правда, основнымъ стремленіемъ старыхъ утопистовъ (и даже Манифеста), — но намъ все же не вѣрится, чтобы общественный строй, заключающій въ себѣ всѣ условія для направленія человѣческой культуры къ высшимъ достижимымъ цѣлямъ, дѣйствительно уничтожилъ тѣ великіе центры энергіи и культуры, какими являются большіе города, и въ угоду оскорбленному эстетическому чувству, отказался отъ этихъ обильныхъ сокровищницъ искусства и науки, безъ которыхъ невозможенъ прогрессъ“ (S. 76. Русскій переводчикъ, стр. 182, ухитрился слово „potenzirt“ перевести „потенціальный“. Бѣда съ этими русскими переводами! На стр. 270 тотъ же переводчикъ переводитъ: „Wer isst zuletzt das Schwein?“ — „Кто же въ концѣ концовъ свинья?“) Какъ видите, Герцъ защищаетъ буржуазный порядокъ отъ соціалистическихъ „фантазій“ фразами, въ которыхъ не меньше „борьбы за идеализмъ“, чѣмъ у гг. Струве и Бердяева! Но самая защита отъ этого напыщеннаго идеалистическаго фразерства нимало не выигрываетъ.

Что соціаль-демократы умѣютъ цѣнить историческую заслугу великихъ центровъ энергіи и культуры, это они доказываютъ своей непримиримой борьбой противъ всего, что прикрѣпляетъ къ мѣсту населеніе вообще, крестьянъ и сельскихъ рабочихъ въ частности. И поэтому ихъ, въ отличіе отъ критиковъ, не поймаетъ на удочку ни одинъ аграрій, стремящійся доставить „мужичку“ зимніе „заработки“. Но рѣшительное признаніе прогрессивности большихъ городовъ въ капиталистическомъ обществѣ нисколько не мѣшаетъ намъ включать въ свой идеалъ (и въ свою программу дѣйствія, ибо неосуществимые идеалы мы предоставляемъ гг. Струве и Бердяевымъ) уничтоженіе противоположности между городомъ и деревней. Неправда, что это равносильно отказу отъ сокровищъ науки и искусства. Какъ разъ наоборотъ: это необходимо для того, чтобы сдѣлать эти сокровища *доступными всему народу*, чтобы уничтожить ту отчужденность отъ

— тогда онъ оказывается совершенно не въ состояніи оріентироваться и блуждаетъ безпомощно кругомъ да около. И въ нашей партіи съ нѣкотораго времени проявляется стремленіе замѣнить Марксову теорію не какой либо другой теоріей, а тѣмъ отсутствіемъ всякой теоріи (Theorielosigkeit), которое отличаетъ историческую школу, — стремленіе принизитъ теоретика до роли репортера. Кому нужно не простое безцѣльное перепрыгиванье (Fortwurschteln) отъ случая къ случаю, а цѣлостное энергичное движеніе впередъ къ великой цѣли, тому да послужитъ обнаруженная нами Брентановская путаница предостереженіемъ отъ теперешнихъ методовъ исторической школы“ (S. 25).

культуры милліоновъ деревенскаго населенія, которую Марксъ такъ мѣтко назвалъ „идіотизмомъ деревенской жизни“. И въ настоящее время, когда возможна передача электрической энергіи на разстояніе, когда техника транспорта повысилась настолько, что можно при меньшихъ (противъ теперешнихъ) издержкахъ перевозить пассажировъ съ быстротой свыше 200 верстъ въ часъ,*) — нѣтъ ровно никакихъ техническихъ препятствій тому, чтобы сокровищами науки и искусства, вѣками скопленными въ немногихъ центрахъ, пользовалось все населеніе, размѣщенное болѣе или менѣе равномѣрно по всей странѣ.

И если ничто не мѣшаетъ уничтоженію противоположности между городомъ и деревней (причемъ слѣдуетъ, конечно, представлять себѣ это уничтоженіе не въ формѣ одного акта, а въ формѣ цѣлаго ряда мѣръ), то требуетъ его отнюдь не одно только „эстетическое чувство“. Въ большихъ городахъ люди задыхаются, по выраженію Энгельса, въ своемъ собственномъ навозѣ, и періодически всѣ, кто могутъ, бѣгутъ изъ города въ поискахъ за свѣжимъ воздухомъ и чистой водой. Промышленность тоже разселяется по странѣ, ибо и ей нужна чистая вода. Эксплуатація водопадовъ, каналовъ и рѣкъ для полученія электрической энергіи дастъ новый толчекъ этому „разсѣянію промышленности“. Наконецъ — last but not least — раціональная утилизація столь важныхъ для земледѣлія городскихъ нечистотъ вообще и человѣческихъ экскрементовъ въ частности тоже требуетъ уничтоженія противоположности между городомъ и деревней. И вотъ на этотъ то пунктъ теоріи Маркса и Энгельса вздумали направить гг. критики свои агрономическія возраженія (отъ полнаго разбора теоріи, которая по этому вопросу особенно подробно изложена Энгельсомъ въ Anti-Dühring'ѣ, гг. критики предпочли воздержаться, ограничиваясь, какъ и всегда, простой перефразировкой обрывковъ мысли какого-нибудь Брентано). Ходъ ихъ разсужденія такой: Либихъ доказалъ необходимость отдавать почвѣ столько же, сколько у нея берется. Онъ считалъ поэтому выбрасыванье городскихъ нечистотъ въ моря и рѣки безсмысленнымъ и варварскимъ расхищеніемъ веществъ, необходимыхъ для земледѣлія. Каутскій раздѣляетъ теорію Либиха. *Но* новѣйшая агрономія показала полную возможность востановленія производительныхъ силъ земли безъ стойловаго навоза посредствомъ искусственныхъ удобреній, прививки извѣстныхъ бактерій собирающимъ азотъ стручковымъ растеніямъ и т. п. *Слѣдовательно*, Каутскій и всѣ эти „ортодоксы“ — просто отсталые люди.

---

*) Проектъ такой дороги между Манчестеромъ и Ливерпулемъ не получилъ утвержденія парламента только вслѣдствіе корыстнаго противодѣйствія желѣзнодорожныхъ тузовъ, боящихся разоренія старыхъ компаній.

Слѣдовательно, — отвѣтимъ мы, — гг. критики и здѣсь совершаютъ одну изъ своихъ безчисленныхъ и безконечныхъ *передержекъ*. Изложивши теорію Либиха, Каутскій *тотчасъ же* указалъ, что современная агрономія доказала полную возможность „обходиться совершенно безъ стойлового навоза“ (S. 50, „Agrarfrage“; ср. вышеприведенное мѣсто), но добавилъ при этомъ, что это — *палліативъ* сравнительно съ вызываемымъ системой очисткой городовъ расхищеніемъ человѣческихъ экскрементовъ. Вотъ этотъ пунктъ должны было бы опровергнуть критики, если бы они были способны спорить по существу, — показать, что это не палліативъ. Объ этомъ они и не подумали. Понятно само собой, что возможность замѣны естественныхъ удобреній искусственными и фактъ этой *(частичной)* замѣны ни на іоту не опровергаетъ того, что нераціонально выбрасывать естественныя удобренія понапрасну, отравляя притомъ нечистотами рѣки и воздухъ въ пригородныхъ и прифабричныхъ мѣстностяхъ. Около большихъ городовъ и сейчасъ существуютъ поля орошенія, утилизирующія городскія нечистоты съ громадной пользой для земледѣлія, — но утилизируется такимъ образомъ только ничтожная доля нечистотъ. Искусственныя удобренія — говоритъ Каутскій, отвѣчая на стр. 211 своей книги на то самое возраженіе, будто новѣйшая агрономія опровергаетъ фактъ агрономической эксплуатаціи деревни городомъ, которое гг. критики преподносятъ ему за нѣчто новое, — искусственныя удобренія „даютъ возможность предотвратить пониженіе плодородія почвы, но необходимость примѣнять эти искусственныя удобренія все въ большемъ и большемъ размѣрѣ означаетъ лишь еще одно изъ тѣхъ многочисленныхъ отягощеній сельскаго хозяйства, которыя *отнюдь не являются естественной необходимостью, а проистекаютъ изъ существующихъ соціальныхъ отношеній*“.*)

Въ подчеркнутыхъ нами словахъ заключается весь „гвоздь“ вопроса, такъ усердно запутываемаго критиками. Писатели, которые подобно г. Булгакову, пугаютъ пролетаріатъ „хлѣбнымъ вопросомъ“ болѣе страшнымъ и важнымъ, чѣмъ соціальный вопросъ, которые восторгаются искусственнымъ ограниченіемъ дѣторожденія, говоря, что „регулированіе прироста населенія“ становится „основнымъ (sic!) экономическимъ условіемъ“ благополучія крестьянства (II, 261), что это регулированіе заслуживаетъ „уваженія“, и что „много лицемѣрнаго негодованія“ (только лицемѣрнаго? а не законнаго негодованія противъ современныхъ общественныхъ порядковъ?) „возбуждаетъ крестьянскій приростъ населенія

*) Разумѣется, искусственныя удобренія — говоритъ Каутскій далѣе — не исчезнутъ съ паденіемъ капитализма, но они будутъ обогащать почву особыми веществами, а не исполнять *всю* задачу возстановленія плодородія почвы.

у сентиментальныхъ (!?) моралистовъ, какъ будто безудержная похотливость (sic!) сама по себѣ является добродѣтелью“ (тамъ же), — подобные писатели естественно и неизбѣжно должны стремиться къ тому, чтобы оставить въ тѣни *капиталистическія* препятствія земледѣльческому прогрессу, чтобы свалить все на естественный „законъ убывающаго плодородія почвы“, чтобы выставить уничтоженіе противоположности между городомъ и деревней „совершенной фантазіей“. Но какимъ безграничнымъ легкомысліемъ должны отличаться гг. Черновы, чтобы вторить подобнымъ разсужденіямъ и въ то же время упрекать критиковъ марксизма въ „отсутствіи принципіальности, эклектизмѣ и оппортунизмѣ“ (Р. Б. № 11, стр. 246)?! Г. Черновъ, упрекающій другихъ въ отсутствіи принципіальности и оппортунизмѣ, — что можетъ быть комичнѣе этого зрѣлища?

Всѣ остальные критическіе подвиги нашего Ворошилова совершенно такіе же, какъ сейчасъ нами разобранный.

Если Ворошиловъ увѣряетъ васъ, что Каутскій не понимаетъ разницы кежду капиталистическомъ кредитомъ и ростовщичествомъ, что онъ обнаруживаетъ полное неумѣнье или нежеланіе понять Маркса, когда говоритъ о крестьянинѣ, исполняющемъ функціи предпринимателя и въ качествѣ такового занимающемъ относительно пролетаріата мѣсто подобное фабриканту, если Ворошиловъ бьетъ при этомъ себя въ грудь и восклицаетъ: „говорю это смѣло, ибо чувствую (sic!) подъ собою твердую почву“ („На славномъ посту“, стр. 169), — то вы можете быть спокойны: Ворошиловъ опять безбожно путаетъ и такъ же безбожно хвастаетъ. Онъ „не замѣтилъ“ въ книгѣ Каутскаго мѣстъ, посвященныхъ ростовщичеству какъ таковому (Agrarfrage, S. 11, 102—104 особенно, 118, 290—292), и ломится изо всѣхъ силъ въ открытую дверь, крича при этомъ, какъ водится, о „доктринерскомъ формализмѣ“, „нравственной черствости“ Каутскаго, „издѣвательствѣ надъ человѣческими страданіями“ и пр. Что же касается до исполненія крестьяниномъ функцій предпринимателя, то эта удивительно мудреная вещь, повидимому, превосходитъ мѣру пониманія Ворошилова. Въ слѣдующемъ очеркѣ мы попробуемъ однако разъяснить ему ее на самыхъ конкретныхъ примѣрахъ.

Если Ворошиловъ желаетъ доказать, что онъ настоящій представитель „интересовъ труда“ и громитъ Каутскаго за „изгнаніе изъ рядовъ пролетаріата множества самаго доподлиннаго рабочаго люда“ (тамъ же, стр. 167), въ родѣ Lumpenproletariat'a, прислуги, кустаря и т. п., — то знайте, что Ворошиловъ путаетъ. Каутскій разбираетъ здѣсь признаки, выдѣляющіе тотъ „современный пролетаріатъ“, который создалъ современное „соціаль-демократическое пролетарское движеніе“ (Agrarfrage, S. 306), и Ворошиловы не сдѣлали еще до сихъ поръ такого открытія, чтобы босяки,

кустари или прислуга создали соціаль-демократическое движеніе. Упрекъ же, что Каутскій способенъ „изгонять“ прислугу (начинающую теперь въ Германіи примыкать къ движенію), кустарей и пр. изъ рядовъ пролетаріата, — показываетъ только въ полномъ видѣ всю беззастѣнчивость Ворошиловыхъ, которые тѣмъ охотнѣе проявляютъ свое дружелюбіе къ „доподлинному рабочему люду“, чѣмъ меньше практическаго значенія имѣютъ такія фразы и чѣмъ безопаснѣе разносить *вторую часть* „Аграрнаго вопроса“, непропущенную россійской цензурой. Впрочемъ по части беззастѣнчивости есть и еще перлы: восхваляя гг. Н.—она и Каблукова съ полнымъ умолчаніемъ о направленной противъ нихъ марксистской критикѣ, г. Черновъ въ то же время съ напускной наивностью спрашиваетъ: кого это разумѣютъ нѣмецкіе соціаль-демократы подъ своими русскими „товарищами“? Не вѣрите, что въ „Русскомъ Богатствѣ“ ставятся такіе вопросы, такъ справьтесь съ № 7, стр. 166.

Если Ворошиловъ увѣряетъ, что „предсказанія“ Энгельса о безрезультатности бельгійскаго рабочаго движенія благодаря вліянію прудонизма „потерпѣли крушеніе“, — то знайте, что Ворошиловъ опять извращаетъ дѣло, слишкомъ увѣренный въ своей, такъ сказать, „безотвѣтственности“. Вотъ его слова: „Недаромъ Бельгія никогда не была ортодоксально-марксистской, и не даромъ недовольный ею за это Энгельсъ предрекалъ, что бельгійское движеніе, благодаря вліянію „прудонистскихъ принциповъ“, пойдетъ „von nichts durch nichts zu nichts“. Увы! его предсказанія потерпѣли крушеніе, а широта и всесторонность бельгійскаго движенія сдѣлали его въ настоящее время образцомъ, по которому многому научаются многія ‚правовѣрныя‘ страны.“ (Р. Б. № 10, стр. 234). Дѣло было такъ: въ 1872-омъ (семьдесятъ второмъ!) году Энгельсъ полемизировалъ въ соціаль-демократической газетѣ „Volksstaat“ съ нѣмецкимъ прудонистомъ Мюльбергеромъ и возражая противъ преувеличенія значенія прудонизма, писалъ: „Единственная страна, въ которой рабочее движеніе находится непосредственно подъ вліяніемъ прудоновскихъ „принциповъ“, это — Бельгія, и именно поэтому бельгійское рабочее движеніе и идетъ, по выраженію Гегеля, ‚отъ ничего чрезъ ничто къ ничему‘.“*) Итакъ, это *прямая неправда*, будто Энгельсъ что-либо „предрекалъ“ или „предсказывалъ“. Онъ говорилъ только *про то, что есть*, т. е. про то, что было въ 1872 году. А это несомнѣнный историческій фактъ, что *въ то время* бельгійское движеніе топталось на одномъ мѣстѣ именно благодаря господству прудонизма,

*) См. брошюру „Zur Wohnungsfrage“, Zürich 1887, содержащую въ себѣ перепечатку статей Энгельса противъ Мюльбергера 1872-го года и его введеніе, помѣченное 10-ымъ января 1887-го года. Цитир. мѣсто на стр. 56.

вожаки котораго высказывались противъ коллективизма и отвергали самостоятельную политическую дѣятельность пролетаріата. Только въ 1879 году образована была „бельгійская соціалистическая партія“ и только съ этого времени начинается та агитація за всеобщее избирательное право, которая ознаменовала побѣду марксизма надъ прудонизмомъ (признаніе политической борьбы пролетаріата, организованнаго въ самостоятельную классовую партію) и начало выдающихся успѣховъ движенія. Современная программа „бельгійской рабочей партіи“ восприняла (не говоря объ отдѣльныхъ менѣе важныхъ пунктахъ) *всѣ* основныя идеи марксизма. И вотъ въ 1887 году, въ предисловіи ко второму изданію своихъ статей о жилищномъ вопросѣ, Энгельсъ особенно подчеркиваетъ „гигантскій прогрессъ международнаго рабочаго движенія за послѣднія 14 лѣтъ“. Прогрессъ этотъ тѣсно связанъ — говоритъ онъ — съ вытѣсненіемъ прудонизма, который *тогда* господствовалъ, а *теперь* почти забытъ. „Въ Бельгіи — замѣчаетъ Энгельсъ — фламандцы оттѣснили валлоновъ отъ руководства движеніемъ, смѣстили (abgesetzt) прудонизмъ и сильно подняли движеніе“ (стр. 4 той же брошюры, предисловіе). Неправда-ли, какъ вѣрно изображено дѣло въ „Русскомъ Богатствѣ“?

Если Ворошиловъ . . . но довольно! За легальнымъ журналомъ, который можетъ ежемѣсячно врать на „ортодоксальный“ марксизмъ, какъ на мертваго, — намъ, разумѣется, не угоняться.

Н. Ленинъ.

Элементы идеализма въ соціализмѣ.

I.

(Нѣсколько критическихъ замѣчаній по адресу нѣкоторыхъ прекрасныхъ душъ.)

„XIX вѣкъ создалъ въ своихъ нѣдрахъ оппозицію буржуазному обществу. И вотъ оппозиція заразилась буржуазностью", говоритъ г. Бердяевъ въ своей „Борьбѣ за идеализмъ".*) „Я настойчиво это утверждаю", прибавляетъ онъ къ своему показанію, хотя въ устахъ г. Бердяева это „я утверждаю" звучитъ довольно комично для каждаго, читавшаго его книгу „Субъективизмъ и индивидуализмъ". Въ ней утверждалось и тоже довольно „настойчиво" какъ разъ противуположное. Но за полгода, отдѣляющіе статью отъ книги, подсудимый пролетаріатъ въ западной Европѣ ничѣмъ спеціально не провинился, а у насъ ярче чѣмъ когда либо проявилъ, выражаясь языкомъ г. Бердяева, „тотъ соціально-политическій романтизмъ, который сопровождается мученичествомъ и кладетъ на борцовъ рѣзко антибуржуазный отпечатокъ". Поэтому какъ ни „настойчиво" свидѣтельское показаніе г. Бердяева, ни на какомъ судѣ оно не могло бы имѣть цѣны, такъ какъ основано лишь на слухахъ (Струве сказалъ) и косвенныхъ внушеніяхъ (Ничше). Помогло также по всему вѣроятію г. Бердяеву и болѣе послѣдовательное проникновеніе въ сущность бернштейновскаго соціализма, необходимо предполагающаго „буржуазность" пролетаріата.

Такой же процессъ обуржуазиванія пролетаріата произошелъ нѣсколько раньше и въ головѣ самаго г. Струве. Въ своей статьѣ въ „Архивѣ" Брауна**) онъ возстаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ противупоставленія соціализма капитализму. Для него соціализмъ есть безличный процессъ постепеннаго усовершенствованія капиталистическаго общества и совершенно немыслимъ какъ результатъ направленнаго къ опредѣленной цѣли дѣйствія, реальнаго, имѣющаго объединенную волю историческаго субъекта —

*) „Міръ Божій", іюнь 1901 г.

**) Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung. „Archiv für soziale Gesetzgebung".

пролетаріата. Но уничтоживъ всякую грань между соціализмомъ и капитализмомъ, г. Струве въ своей статьѣ въ „Архивѣ“ еще сохраняетъ ее между буржуазіей и пролетаріатомъ. Онъ упрекаетъ Бернштейна, какъ это онъ не понимаетъ, что, не смотря на свою теоретическую нереальность, „конечная цѣль“, достигаемая борьбой класса, это не Cant, не условныя фразы, а *религія* организованнаго въ партію класса, — морально политическаго субъекта — выступающаго объединенно въ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ. Безъ этой цѣли партія не могла бы существовать, она должна имѣть ее или распасться.

Г. Струве предсказываетъ, правда, что современемъ идеи соціаль-демократіи утратятъ свою опредѣленность, но пока что, въ архивной статьѣ пролетаріатъ имѣетъ свою религію и могучую религію, дающую ему единство морально-политическаго субъекта.

Не можемъ не замѣтить, что въ этомъ пунктѣ статья г. Струве представляетъ изъ себя величайшую психологическую несообразность, къ которой небезъинтересно присмотрѣться, хотя это и можетъ показаться отклоненіемъ отъ нашей темы.

Я знаю что именно эта благосклонная отсрочка нашей гибели, вслѣдъ за теоретическимъ ниспроверженіемъ идей, безъ которыхъ ни отдѣльный соціалистъ, ни соціалистическая партія существовать не могутъ, вызывала, у всѣхъ знакомившихся съ ней сторонниковъ революціоннаго соціализма, непосредственное чувство той „нетерпимости“, о которой говоритъ г. Струве въ іюньской книжкѣ Міра Божьяго. Вызывала и не могла не вызывать — такимъ безмѣрнымъ высокомѣріемъ, такимъ презрѣніемъ къ толпѣ она звучала. Что это, въ самомъ дѣлѣ, за мудрецъ, вѣщающій съ высоты Олимпа свою истину и въ то же время заявляющій, что не смотря на ея оглашеніе, мы толпящіеся подъ горой бѣдные смертные останемся при своей „Lebenslüge“, пока она сама не вывѣтрится изъ нашихъ головъ? И хотя бы мудрецъ, сидя на далекомъ Олимпѣ и созерцая настоящее глазами историка, изслѣдующаго процессъ исчезновенія давно погибшей рассы, дѣйствительно отрѣшился отъ нашихъ земныхъ дѣлъ. Но этого нѣтъ и слѣда. Не смотря на свое квази-историческое отношеніе къ текущей дѣйствительности, какъ къ погребенному прошлому, онъ остается среди живой толпы, считаетъ возможнымъ пытаться вліять на эту приговоренную имъ жизнь и вліять, не въ качествѣ врага и разрушителя, — это было бы понятно, — такъ нѣтъ же: въ качествѣ благосклоннаго участника.

Это совершенно невозможное отношеніе къ жизни вызвано, однако, какъ мнѣ кажется, не безграничнымъ высокомѣріемъ — не имъ однимъ по крайней мѣрѣ — а особаго рода пси-

хологическимъ дальтонизмомъ, явившимся быть можетъ (разумѣется — это мое личное предположеніе) результатомъ гносеологическихъ упражненій надъ „отдумываніемъ“ всего на свѣтѣ кромѣ своего „я“.

Обратите вниманіе на слѣдующее мѣсто въ той же статьѣ: „Я опасаюсь, говоритъ г. Струве, что мое теоретическое отрицаніе понятія соціальной революціи навлечетъ на меня упрекъ въ реакціонномъ, не соціалистическомъ образѣ мыслей. Въ этомъ упрекѣ было бы столько же остроумія, какъ въ извѣстномъ обвиненіи теоретическаго идеалиста въ томъ, что онъ отрицаетъ „существованіе“ дома, въ которомъ живетъ“.

Теоретическій идеалистъ признаетъ міръ, — а въ томъ числѣ и домъ, — продуктомъ своего собственнаго сознанія, но практически относится къ дому точно такъ же, какъ и его сосѣдъ, никогда не сомнѣвавшійся во внѣшнемъ, матеріальномъ существованіи своего жилища. И если идеалистъ обратитъ своего сосѣда въ свою философскую вѣру, никакого ущерба ни его дому, ни остальному его имуществу онъ не принесетъ, и даже „лошади останутся въ конюшнѣ“, какъ утѣшалъ еще Берклей своихъ встревоженныхъ читателей.

Г. Струве находитъ, повидимому аналогію, между отношеніемъ теоретическаго идеалиста къ дому и своимъ собственнымъ къ революціонному соціализму. Онъ отрицаетъ не фактическое существованіе соціалистовъ съ ихъ стремленіями, а лишь опредѣленное теоретическое воззрѣніе. Съ нашей точки зрѣнія, эта аналогія ровно ничего не говоритъ въ огражденіе г. Струве отъ „упрека“, котораго онъ опасался. Теоретическій идеалистъ могъ выучить сосѣда „отдумывать“ свой домъ лишь въ качествѣ объекта гносеологическихъ упражненій, но какъ только вниманіе нашихъ гносеологовъ обращается непосредственно на домъ, тотъ тотчасъ-же возстановляетъ свое внѣшнее существованіе, не дозволяя ни на одно мгновеніе дѣйствительно усумниться въ немъ. Другое дѣло система воззрѣній, убѣдительность которой опирается на нѣчто безконечно болѣе сложное, чѣмъ непосредственное и непобѣдимое никакими доводами свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ. Если бы статья г. Струве могла убѣдить соціаль-демократовъ, — а вѣдь онъ-то считаетъ ее убѣдительной — она дѣйствительно лишила бы ихъ „дома“: разрушила бы партію, — онъ и самъ говоритъ это. Соціаль-демократы не могутъ не считать его своимъ врагомъ. Но г-ну Струве дѣло представляется въ другомъ видѣ. Онъ борется противъ „научной“ теоретической допустимости соціалистическаго строя, какъ цѣли достигаемой обединеннымъ въ партію пролетаріатомъ, захватившимъ политическую власть. Онъ старается доказать, что этого быть не можетъ. Это утопія; но вѣдь въ той же статьѣ онъ признаетъ за соціализмомъ „божественное право на порядочный кусокъ (ein

gut Stück) утопіи". Онъ говоритъ, что для „каждаго, чувствующаго себя соціалистомъ, утопическая, революціонная сторона соціализма такъ же дорога или даже еще дороже, чѣмъ реалистическая".

Мы знаемъ, что это не вѣрно: завѣдомо утопическая, недостижимая никакими усиліями соціалистовъ цѣль не можетъ оставаться цѣлью, она уничтожается какъ цѣль, она не можетъ быть „дорогою". Или, если ее можно нѣкоторое время продолжать любить, то лишь тою любовью, какую чувствуютъ къ любимымъ людямъ послѣ ихъ смерти. Но вѣдь это любовь пассивная, съѣдающая того, кто ее чувствуетъ. Она не можетъ вызвать никакихъ дѣйствій кромѣ самоубійства — если очень сильна. Г. Струве этого, повидимому, не понимаетъ, и его психологическая слѣпота находится въ несомнѣнной связи съ его гносеологіей.

Кантъ говорилъ, что долженъ былъ разрушить знаніе, чтобы дать мѣсто вѣрѣ. Но онъ его не далъ. То, что онъ создалъ есть cant, не имѣющій ничего общаго съ той вѣрой, которая была и теперь еще кое гдѣ существуетъ, какъ сила, вліяющая на жизнь людей, способная толкнуть ихъ на тѣ или другія дѣйствія. Та вѣра есть *знаніе* и не можетъ сохраняться безъ знанія. Крестьянинъ, вѣрующій въ Бога, знаетъ, что Богъ есть, по меньшей мѣрѣ такъ же твердо, какъ и то, что есть царь, и гораздо тверже и непреложнѣе чѣмъ то, что есть море-океанъ и городъ Парижъ. И знаетъ онъ все это одинаковымъ образомъ, изъ одного и того-же источника. Съ ранняго дѣтства онъ слышитъ объ этомъ отъ всѣхъ окружающихъ, узнаетъ потомъ, что болѣе подробныя свѣдѣнія о Богѣ имѣются въ священныхъ книгахъ, писанныхъ святыми людьми, которымъ Богъ самъ являлся, самъ сказалъ. По мѣрѣ того какъ разрушается это знаніе, находящееся въ неразрывной связи со всѣмъ традиціоннымъ знаніемъ, вытекающимъ изъ неподвижности быта, разрушается и вѣра, изчезаетъ ея объектъ, и не метафизическимъ суррогатамъ воспроизвести этого „живаго" Бога.

Изъ предисловія*) къ книгѣ г. Бердяева мы узнаемъ, что для г. Струве, такъ же какъ и для Канта, совершенно ясна полнѣйшая невозможность вѣрить въ объективную доказуемость бытія божія. Но это бытіе нужно ему для его душевнаго обихода. Безъ этого для него невозможно „убѣжденіе въ существованіи объективнаго и разумнаго міропорядка". А безъ „міропорядка" нѣтъ „абсолютнаго добра", и невозможенъ „абсолютизмъ въ этикѣ". Не установивши же всѣхъ этихъ абсолютностей, ему пришлось бы сдѣлаться въ этикѣ „либо абсолютнымъ скептикомъ (или, что тоже, циникомъ въ вульгарномъ смыслѣ слова), либо, по меньшей мѣрѣ, край-

*) „Субъективизмъ и индивидуализмъ", стр. LIII, LIV и слѣдующая; предисловіе г. Струве.

нимъ субъективистомъ". Къ тому же безъ вѣры въ міропорядокъ г. Струве не имѣлъ бы ручательства въ томъ, что въ міровомъ процессѣ осуществляется его идеалъ.

Для обыкновеннаго человѣка изъ всѣхъ этихъ надобностей никакого міропорядка еще не вышло бы. Въ сознаніи вѣрующихъ старый Богъ существовалъ не потому, что былъ нуженъ. Наоборотъ, онъ потому только и могъ удовлетворять — посредстомъ загробнаго рая — потребность въ надеждѣ на лучшее будущее, потому только и могъ повелѣвать людямъ дѣйствовать такъ или иначе, что его существованіе было внѣ всякаго сомнѣнія для ихъ познающаго разума. Богъ, въ доказательство существованія котораго сами его проповѣдники не могутъ привести ни одного аргумента, кромѣ того, что онъ имъ нуженъ, есть лишь выраженіе ихъ потребности. Намъ непонятно, какъ можетъ онъ удовлетворять ее? Но, быть можетъ, пріобрѣтенная посредствомъ гносеологическихъ упражненій способность мыслить (пока обдумываешь статью) внѣшній міръ какъ продуктъ дѣятельности собственнаго сознанія, вызываетъ у гносеологовъ дополнительную способность снабжать завѣдомые продукты собственной выдумки, завѣдомые „Undinge", силою служить основаніемъ для дальнѣйшихъ выводовъ. Все, что я знаю, не даетъ мнѣ ни малѣйшихъ основаній предположить существованіе Бога, но не даетъ также ни абсолютной нравственности, ни ручательства за прогрессъ. Я такимъ образомъ впаду въ цинизмъ и пессимизмъ, а это дурно и тяжело. Чтобы избавиться отъ дурныхъ послѣдствій моего знанія и его недостаточности, я постулирую Бога и изъ него выведу и прогрессъ и абсолютный, общеобязательный нравственный законъ.*)

Такая покорность разума своимъ же собственнымъ завѣдомымъ фантазіямъ для насъ непонятна. Но допустивъ, что г. Струве ее дѣйствительно ощущаетъ, становится понятнымъ, какъ это онъ можетъ стараться разрушить живую душу соціаль-демократіи (ея коллективное „я", или вѣрнѣе „мы"), тѣ идеи, безъ которыхъ она не можетъ существовать, и въ тоже время не считать себя ея врагомъ. Онъ только ложность этихъ идей старается доказать, но не мѣшаетъ соціалистамъ имѣть ихъ въ качествѣ утопіи. Его самодѣльный (или у Канта позаимствованный) Богъ не менѣе утопиченъ, а вѣдь спасаетъ же его отъ пессимизма и цинизма.

Въ статьѣ напечатанной въ „Архивѣ" Брауна на міропорядокъ нѣтъ еще и намека. „Реализмъ" еще господствуетъ

---

*) Какимъ образомъ, не постулировавши одновременно съ Богомъ еще и „откровеніе", можно заставить своего лишеннаго всякаго эмпирическаго содержанія Бога дать общеобязательный нравственный законъ, — я все таки не вижу. Не издавшій заранѣе кодекса нравственности Богъ не будетъ въ состояніи приказать ничего инаго, кромѣ того, что вы же сами сознательно поручите ему приказать вамъ.

тамъ безраздѣльно, и постепенныя, „пятикопѣечныя“, по выраженію г. Бердяева, улучшенія буржуазной лавки служатъ еще достаточнымъ ручательствомъ за прогрессъ. Свой „реализмъ“ г. Струве и теперь сохраняетъ въ цѣлости, но уже не видитъ въ немъ достаточнаго ручательства. Теперь для спасенія отъ пессимизма ему нужно, чтобы въ капиталистической лавкѣ невидимо присутствовалъ Богъ и направлялъ торговлю въ сторону идеала.

Итакъ, въ архивной статьѣ пролетаріатъ еще сильно отличался отъ буржуазіи и въ своей конечной цѣли имѣлъ могучую религію, объединявшую его въ сплоченную партію.

Въ предисловіи къ книгѣ г. Бердяева и въ статьѣ, помѣщенной въ январьской книжкѣ „Міра Божія“ за этотъ годъ, пролетаріатъ уже не таковъ. По своей нравственной физіономіи онъ идентиченъ съ буржуазіей, онъ отъ нея ничѣмъ не отличается.

„Соціальная борьба нашего времени, — говоритъ г. Струве въ статьѣ въ „Мірѣ Божіемъ“, — задается освобожденіемъ человѣка отъ рабскаго подчиненія матеріальнымъ условіямъ его бытія, освобожденіемъ отъ голода, холода и всяческой нужды. Если въ этомъ — счастье, то, конечно, соціальная борьба есть борьба за счастье. Буржуазное міровоззрѣніе и жизнепониманіе видитъ въ этомъ счастьѣ предѣлъ и высшую точку всѣхъ желаній. Ея излюбленная цѣль — довольство. Буржуазность есть культъ довольства.“ Довольство необходимо, какъ средство для дальнѣйшаго подъема человѣка и человѣчества, „буржуазность начинается тамъ, гдѣ это средство становится объектомъ культа, превращается въ верховную цѣль и въ высшую цѣнность, словомъ заполняетъ религіозное сознаніе людей.“ И этой буржуазностью „одинаково поражены какъ удовлетворенные, такъ и не удовлетворенные современностью“... „они одинаково буржуазны по духу“. Изъ этихъ строкъ не видно еще, кажется ли г. Струве, что пролетаріатъ уже утратилъ свою „религію“, или она сама представляется ему теперь лишь „культомъ наживы“, равноцѣннымъ въ нравственномъ отношеніи стремленію буржуа къ своей личной наживѣ. Вѣроятнѣе послѣднее. „Къ самымъ мощнымъ разрушителямъ культа довольства, — продолжаетъ г. Струве, — принадлежитъ Нитцше, и въ этомъ отношеніи нѣтъ ему равнаго среди борцовъ съ культурной буржуазностью.“

А изъ предисловія къ книгѣ г. Бердяева видно, въ чемъ заключается, по мнѣнію г. Струве, — главная заслуга Ничше въ борьбѣ съ буржуазностью:

„Огромную заслугу Нитцше, какъ моралиста, говоритъ онъ,*) я вижу въ художественномъ развѣнчаніи эвдемонизма.

*) Стр. LXI и LXII.

Онъ произвелъ это развѣнчаніе, какъ извѣстно, съ точки зрѣнія, которая не имѣется ничего общаго ни съ идеей долга, ни съ альтруизмомъ — тѣмъ цѣннѣе оно для насъ.“ Г. Струве цитируетъ затѣмъ начало извѣстной выходки Ничше противъ „послѣднихъ“, самыхъ „презрѣнныхъ“ людей:

„Что есть любовь? Что есть твореніе? Что есть тоска? такъ спрашиваетъ послѣдній человѣкъ и мигаетъ.

„Земля сдѣлается тогда маленькой, а на ней скачетъ послѣдній человѣкъ, который умаляетъ все. Его родъ неистребимъ, какъ земляная блоха. Послѣдній человѣкъ живетъ всѣхъ дольше.

„Мы изобрѣли счастье, говорятъ послѣдніе люди и мигаютъ.“

Все это не выражаетъ ровно ничего кромѣ отвращенія и ненависти Ничше къ его „послѣднимъ людямъ“, — это просто наборъ проклятій, которыми онъ ихъ награждаетъ. Но изъ той же рѣчи Заратустры, изъ той же страницы, которую цитируетъ г. Струве, ясно видно, что̀ именно вызвало ненависть Ничше, чему въ современной дѣйствительности пытается онъ надавать пощечинъ въ лицѣ этихъ „послѣднихъ людей, выдумавшихъ счастье“. Среди нихъ, говоритъ Заратустра: „никто уже не хочетъ ни бѣдности, ни богатства ... и кто захотѣлъ бы еще властвовать и кто подчиняться? ... Пастуховъ нѣтъ и всего на всего одно стадо! Каждый желаетъ себѣ равной съ другими доли, и всѣ равны: кто чувствуетъ себя иначе, самъ отправляется въ сумашедшій домъ.“

Вотъ за это-то и „моргаютъ“ послѣдніе люди.

Не эвдемонизмъ „развѣнчиваетъ“ здѣсь Ничше,*) а стремленіе къ равенству, къ прекращенію господства людей надъ людьми. Всѣ тенденціи въ этомъ направленіи были ему противны, такъ что нѣкоторый непріятный запахъ**) онъ почуялъ бы (и чуялъ у Канта) даже въ „формальныхъ условіяхъ осуществленія въ человѣкѣ абсолютнаго добра“, выставленныхъ на слѣдующей же страницѣ самимъ г. Струве. Противупоставляя далѣе мораль „долга“ (невозможную, по его мнѣнію, безъ идеи „міропорядка“) морали „воли“ (которая можетъ быть при этомъ или „низко животной“ или „святой“, если совпадаетъ съ требованіемъ „закона“), г. Струве говоритъ (стр. LXXI), что „не въ книгахъ, а въ жизни и буржуазія и пролетаріатъ Западной Европы оба давно уже недвусмысленно склонились въ пользу морали воли, а не

---

*) Ничше, конечно, противникъ счастья массъ. Оно не совмѣстимо съ ихъ рабствомъ, безусловно необходимымъ для совершенства господъ. Но господа, — эти „танцующія звѣзды“ — должны быть счастливы, должны говорить „да“ жизни. Счастье входитъ въ программу ихъ совершенствованія.

**) „Stinkt“ любимое слово Ничше для характеристики тенденцій этого рода.

долга, кстати сказать въ формѣ, которая не имѣетъ ничего общаго съ духомъ ученія Ничше.“*) А въ примѣчаніи г. Струве добавляетъ, что „западно-европейскій пролетаріатъ, осуществляя свою небуржуазную задачу, въ то же время глубоко проникнутъ моральной буржуазностью (или буржуазной моралью).**) Это исторически вполнѣ понятное явленіе ставитъ передъ теоретиками новаго общества великую идеологическую задачу создать въ пролетаріатѣ моральное настроеніе и міровоззрѣніе, стоящее на высотѣ, во-первыхъ, его политическаго настроенія, во-вторыхъ, его историческаго общественнаго призванія, иначе говоря, вложитъ цѣнное моральное содержаніе въ его общественно политическій идеалъ.“

Вотъ эту-то программу и бросился выполнять перепуганный г. Бердяевъ. И нельзя было не перепугаться: Буржуазія, говоритъ онъ въ статьѣ „Борьба за идеализмъ“, „обратила жизнь въ лавку“, выдвинула взглядъ лавочника, „не знающій болѣе высокаго нравственнаго маяка чѣмъ приходо-расходная книга.“ Вся ея нравственная жизнь вращается вокругъ наживы и проч. Все совершенно справедливыя вещи, которыя буржуазія слышитъ съ тѣхъ поръ (и даже

---

*) Немного выше сказано, что, проповѣдуя мораль воли, Ничше желалъ „святости“ (!).

**) Казалось бы: разъ пролетаріатъ такъ же охотно осуществляетъ свою пролетарскую задачу, какъ излюбленные Ничше господа осуществляли свою господскую, онъ тоже не лишенъ той „святости воли“, которую г. Струве находитъ въ господской морали, проповѣдуемой Ничше. Тѣмъ болѣе, что „формальныя условія осуществленія абсолютнаго добра“, признаваемыя г. Струве, имѣютъ нѣчто общее съ „задачей“ пролетаріата, а задача „господъ“ имъ какъ разъ противоположна. Но дѣло, повидимому, въ томъ, что у Ничше его „господа“, занимаясь въ теченіе ряда поколѣній терзаніемъ рабовъ, борьбой за увеличеніе власти и за ея охраненіе, тѣмъ самымъ, на вкусъ Ничше, совершенствовались, становились все болѣе „Vornehm“ — важнѣе, знатнѣе. Вотъ этотъ то формальный моментъ совершенствованія, независимо отъ его содержанія и прельщаетъ г. Струве. Въ идеалѣ-же пролетаріата онъ его не замѣчаетъ и готовъ повѣрить Ничше, что массы „изобрѣтя счастье“, пожалуй заморгаютъ.

Г. Струве называетъ Ничше „честно-дерзкимъ“. Это правда: Ничше откровененъ до конца. Насъ, „рабовъ“, „тарантуловъ, проповѣдниковъ равенства“, онъ вовсе не желаетъ примирять со своимъ идеаломъ. Но наши любители Ничше лишаютъ его этой честной дерзости. Стать цѣликомъ на его сторону — на сторону „господъ“ — они еще не въ состояніи. Имъ пришлось бы для этого отдѣлаться отъ всего, что въ нихъ осталось „тарантульскаго“, и забыть многое, чего никогда не зналъ Ничше. За то отдѣльные камешки въ его зданіи возбуждаютъ ихъ мародерскіе (эклектическіе — тожь) инстинкты и они раскалываютъ это зданіе (операція, которую г. Струве давно грозится продѣлать надъ Марксомъ), чтобы унести для своего обихода подходящіе куски, все же неподходящее затушевываютъ. Но вставленные въ чужую оперу ничшеанскіе мотивы звучатъ фальшиво, чего у самаго Ничше никогда не бываетъ. Наши полу-ничшеанцы (г. Невѣдомскій — въ особенности) дѣлаютъ своего любимца въ десять разъ мелче, чѣмъ онъ былъ. Здѣсь не мѣсто приводить этому доказательства. Ничше слишкомъ богатъ содержаніемъ, слишкомъ цѣленъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ послѣдняго періода, чтобы говорить о немъ мимоходомъ. Мы сдѣлаемъ это въ особой статьѣ.

раньше) какъ стала современной буржуазіей и будетъ слышать, пока не исчезнетъ. Такою же была она и въ то время, когда г. Бердяевъ писалъ свою книгу, но тогда совсѣмъ иначе обстояло дѣло „въ трудящихся слояхъ современнаго общества. Тутъ *мы видимъ* (курсивъ нашъ), говорилъ онъ, такую солидарность, такой альтруизмъ, которые стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ духомъ нашего вѣка.“ Въ то время психологія пролетаріата была „результатомъ приспособленія къ требованіямъ общечеловѣческаго соціальнаго прогресса“. Нравственность и тогда уже не могла быть классовой, но исторически она принимала классовую форму, и носителемъ ея былъ прогрессивный классъ — въ нашу эпоху пролетаріатъ.*)

Кантъ и „абсолютное добро“ свирѣпствовали уже и тогда, но въ исторію не вмѣшивались. „Торжество высшаго типа нравственности“, въ то время, ни въ какомъ случаѣ не могло быть достигнуто нравственнымъ совершенствованіемъ личностей, оно могло быть лишь результатомъ устраненія классовъ посредствомъ установленія опредѣленной формы общежитія, въ которой только и можетъ нормально развиваться человѣческая личность.**)

Кантъ нуженъ былъ въ то время г. Бердяеву, чтобы знать объективно, навѣрняка, почему именно „демократическій идеалъ выше буржуазнаго, почему лучше, чтобы сердце пріятно билось (оно и такъ бьется, но г. Бердяеву надо знать, почему это лучше) при словахъ — справедливость и благо народа, чѣмъ при словахъ — кнутъ и обузданіе? Почему субъективная нравственность той общественной группы, которой мы сочувствуемъ, выше и человѣчнѣе нравственности другихъ группъ, которая теперь господствуетъ, но не возбуждаетъ въ насъ особеннаго сочувствія?“***) Г. Бердяеву нужна была въ то время объективная, общеобязательная санкція его субъективнаго сочувствія высокой и человѣчной нравственности, но дать это сочувствіе, вложить такую нравственность Кантъ, въ то время, ни въ кого не могъ. Пролетаріатъ и безъ Канта самъ себѣ сочувствовалъ, сочувствовалъ ему и г. Бердяевъ, а для господствующаго класса, имѣющаго свою низшаго типа нравственность, чужая оставалась „психологически недоступной“ (хоть сто разъ ему по Канту доказывай что она „общеобязательна“).

Такъ было въ то время, когда г. Бердяевъ изо всѣхъ силъ старался согласить Маркса съ Кантомъ. Онъ и тогда уже отбросилъ революціонный соціализмъ, уже подмѣнилъ Маркса Бернштейномъ (или Струве) и предсказывалъ, что „поправки, создаваемыя самимъ капиталистическимъ развитіемъ, до тѣхъ поръ будутъ штопать дыры существующаго общества, пока

*) „Субъективизмъ и индивидуализмъ“, стр. 77, 78 и слѣдующія.
**) Стр. 176.
***) Стр. 67—68.

вся общественная ткань не сдѣлается сплошь новой.“ *) Но онъ не видѣлъ еще всѣхъ послѣдствій какъ привлеченія Канта, такъ и теоріи „штопанья“.**) Г. Струве указалъ ему эти послѣдствія.

Расхваливъ г. Бердяева кромѣ критицизма еще и за „душевный подъемъ, рождающій вѣру и энтузіазмъ“, онъ взялъ да и прихлопнулъ однимъ ударомъ всю его „вѣру“.

Подчеркнувъ, что съ ихъ общей „внѣ классовой, общечеловѣческой точки зрѣнія философскаго идеализма“, въ психологіи оппозиціоннаго класса лишь „эмпирически случайно (а г. Бердяевъ, когда писалъ книгу, думалъ, что не случайно) могутъ встрѣтиться благопріятныя предпосылки нахожденія истины“, г. Струве сообщилъ г. Бердяеву печальную вѣсть, что въ самую интересную для него историческую эпоху, въ ту самую, въ которой онъ живетъ, этой счастливой случайности не случилось, что классъ, составляющій оппозицію буржуазіи, глубоко проникнутъ моральной буржуазностью или буржуазной моралью. Мы знаемъ, что утративъ свою первую „вѣру“, душа г. Бердяева взвилась выше прежняго, выше облака ходячаго и, если позволительно такъ выразится, завизжала, подавляемая избыткомъ собственнаго энтузіазма (или это намъ снизу такъ слышится отъ непривычки къ райскому пѣнію?), но этотъ „подъемъ“ совершился уже въ иномъ направленіи. Отъ вѣры въ то, что „рѣшеніе великой соціальной проблемы приведетъ къ торжеству высшаго типа человѣческой нравственности“, не осталось и слѣда.

Результатомъ постигшаго г. Бердяева переворота явилась статья въ „Мірѣ Божіемъ“: „Борьба за идеализмъ“. Въ прошломъ, говорится въ этой статьѣ, когда соціально-политическая борьба „сопровождалась мучничествомъ“, въ ней еще былъ романтизмъ, накладывавшій на борцовъ анти-буржуазный отпечатокъ. Но теперь этотъ путь проявленія антибуржуазнаго духа закрывается. „Производители становятся гражданами міра сего, создаются нѣкоторыя элементарныя условія для развитія человѣческой жизни, ихъ борьба пріобрѣтаетъ менѣе острый характеръ и формула ихъ жизни можетъ расширяться, человѣческая личность дѣлается не только средствомъ, но и *самоцѣлью* (курсивъ нашъ). Въ какую сторону расширится формула жизни самоцѣльной человѣческой жизни . . .“ чѣмъ будетъ эта личность отличаться отъ буржуазнаго филистера? Оказывается, что ничѣмъ, соціальное движеніе приметъ окончательно буржуазный характеръ, и новый филистеръ будетъ столь же непривлека-

*) Стр. 260.

**) Не видѣлъ того, что если представлять себѣ прогрессъ въ видѣ уменьшенія классовыхъ противорѣчій и сближенія интересовъ буржуазіи и пролетаріата, необходимымъ дополненіемъ этого представленія является сближеніе нравственныхъ типовъ пролетарія и буржуа.

тельнымъ типомъ, какъ и старый, противъ котораго ведется борьба. „Побѣда угнетенныхъ“ ослабила борьбу, объ этомъ г. Бердяевъ, конечно, не жалѣетъ, но эта побѣда ведетъ „къ такому измельчанію, что за пятикопѣечными улучшеніями ничего не будетъ видно. Всепоглощающая трезвенность убиваетъ поэзію прошлаго, и необходима компенсація за тѣ духовныя потери, которыми сопровождается матеріальная побѣда.“

Эти строки представляютъ вполнѣ логическое слѣдствіе отрицанія революціоннаго соціализма.

„Побѣда угнетенныхъ“ уже одержана. Предстоятъ, правда, „пятикопѣечныя улучшенія“, но „основная идея Кантовской этики... мысль Канта о человѣкѣ, какъ самоцѣли“ уже осуществлена въ дѣйствительности.*) Г. Бердяевъ понялъ, что его представленіе о способѣ усовершенствованія капиталистической лавки не допускаетъ никакой конечной заплатки, послѣ которой „общественная ткань“ окажется „сплошь новой“, такъ какъ каждая до такой степени пропахнетъ лавкой, что отъ основной ткани ее не отличишь. Онъ понялъ, что съ его точки зрѣнія, общественнаго идеала или вовсе нѣтъ, или *качественно* онъ *уже осуществленъ*, и остаются лишь пятикопѣечныя добавленія; что „когда Бернштейнъ предлагаетъ сосредоточиться на средствахъ борьбы и произноситъ не осмотрительную фразу „цѣль для меня ничто“, онъ частично въ очень узкой сферѣ правъ“ (не правъ-же тѣмъ, что не заботится замѣнить „цѣль“ идеальнымъ усовершенствованіемъ личностей).

Мы съ своей стороны думаемъ, что, ставъ на общую ему со Струве и Бердяевымъ точку зрѣнія, Бернштейнъ совершенно правъ, отрицая конечную цѣль рабочаго движенія. Странно только, что г. Бердяевъ называетъ фразу Бернштейна „неосмотрительной“.**)

Въ самомъ дѣлѣ, при состоящемъ изъ кусковъ (stückweise) соціализмѣ, какой-то теряющійся во тьмѣ вѣковъ конечный пятачекъ менѣе чѣмъ „ничто“, по сравненію съ ближайшимъ, который теперь наклевывается и тоже представляетъ собою кусочекъ соціализма. У людей съ такимъ міровоззрѣніемъ можетъ быть много частныхъ цѣлей, но общей, конечной —

---

*) Въ тѣ далекія времена (эмпирически всего ½ года, но мы измѣряемъ здѣсь время громадностью пройденнаго пути), когда Кантъ еще приспособлялся къ Марксу, въ кантовской идеѣ о человѣкѣ какъ самоцѣли только „коренилась высшая философско-этическая санкція нашего общественнаго идеала“, который еще предстояло осуществлять.

**) Неосмотрительна она, пожалуй, если смотрѣть глазами того лавочника, который думаетъ, что „не обманешь не продашь“. Фраза Бернштейн точно ударъ хлыста заставила встрепенуться всѣхъ, кому дѣйствительно дорогъ соціализмъ. Безъ нея, быть можетъ, довѣріе къ старому товарищу Бернштейну долго еще мѣшало бы понять истинный смыслъ его новаго „реализма“. Фраза Бернштейна была честная фраза, болѣе честная, чѣмъ послѣдовавшія старанія ее weg zu expliziren.

никакой, какъ нѣтъ ее и у буржуазіи: и она, какъ бернштейновцы, можетъ стремиться лишь къ накловывающимся милліонамъ и жить не иначе, какъ со дня на день.

Итакъ, борьба кончена, впереди не предстоитъ ничего кромѣ маленькихъ улучшеній. Г. Бердяевъ думаетъ даже, что трезвый соціальный реализмъ долженъ быть еще усиленъ, а трезвѣе и реалистичнѣе пятикопѣечнаго улучшенія можетъ быть лишь грошевое или копѣечное.

Но предоставивъ общественную область всей ея трезвенности, г. Бердяевъ, вслѣдъ за г. Струве и вопреки автору книги „Субъективизмъ и индивидуализмъ", находитъ, что „идеологи новаго общества не должны допустить, чтобы въ это общество вошли буржуазныя души, они должны подготовить человѣка съ цѣннымъ жизненнымъ содержаніемъ. Передовой интеллигенціи нашего времани предстоитъ работа надъ *духовнымъ* перерожденіемъ" рабочаго, надъ созданіемъ „нравственно совершеннаго человѣка".*) И все это небходимо „съ сегодняшняго же дня начать дѣлать. Иначе мы рискуемъ войти въ повое общество, окончательно растерявъ по доргѣ свой идеализмъ, съ душами маленькими, все такими же буржуазными, но благополучно переваривающими пищу и благоденствующими. Какое ужасное, по истипѣ трагическое противорѣчіе: мы готовы были принять мученическій вѣнецъ за нашъ идеалъ и проявить величіе души, а самъ идеалъ оказывается такимъ мѣщански плоскимъ и ничтожнымъ, въ немъ нѣтъ мѣста для величія души".**)

---

*) „Соціальный вопросъ... можетъ быть названъ этическимъ вопросомъ", говоритъ г. Бердяевъ въ своей книгѣ (стр. 123), „но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляютъ это выраженіе *буржуазные идеологи* (курсивъ нашъ). Не потому онъ вопросъ этическій, что онъ рѣшенъ будетъ нравственнымъ усовершенствованіемъ людей, а потому что рѣшеніе великой соціальной проблемы нашихъ дней... приведетъ къ торжеству высшаго типа человѣческой нравственности." Это г. Бердяевъ буржуазнымъ идеологамъ говорилъ, а г. Михайловскаго онъ поучалъ, той истинѣ, что „Прекрасная человѣческая индивидуальность не есть опредѣленный общественный идеалъ; подъ флагомъ „личности" слишкомъ часто провозилась всякая дрянь, и онъ самъ по себѣ ничего не можетъ гарантировать. Развѣ не во имя той же личности раздаются лицемѣрные крики противъ „грядущаго рабства". Этимъ названіемъ клеймится то направленіе, въ которомъ сконцентрировано все свѣтлое въ жизни современнаго человѣчества. Мы стремимся къ этой опредѣленной формѣ общежитія и увѣрены, что только въ ней личность можетъ нормально развиваться". (стр. 176) Все это г. Бердяевъ писалъ въ своей книгѣ потому, что вопреки теоріи штопанья онъ въ этомъ пунктѣ еще не разстался тогда съ революціоннымъ соціализмомъ. Теперь эта теорія произвела въ немъ всѣ вытекающія изъ нея опустошенія, окончательно вытѣснила революціонный соціализмъ, и онъ самъ плыветъ уже подъ „флагомъ личности" и во имя „совершенной души", т. е. той же личности, поднимаетъ, какъ сейчасъ увидимъ, крикъ, если не противъ „грядущаго рабства" то противъ грядущаго „свинства".

**) Непріятными существами изображаетъ г. Бердяевъ своихъ „идеалистовъ". Заранѣе познали „величіе" своей собственной души, готовы бы

„Повиненъ... въ этомъ противорѣчіи“ оказывается, конечно, „ортодоксальный марксизмъ съ его теоріей необходимости соціальнаго катаклизма“. Идеализмъ метафизиченъ, а онъ не хочетъ знать ни о какой метафизикѣ. „Человѣкъ — святая самоцѣль, кричитъ г. Бердяевъ, не есть существо переваривающее пищу и получающее отъ этого пріятное удовлетвореніе, нѣтъ, это духовное существо, носитель истины, добра и красоты, реализація высшей правды“ и проч., но онъ думаетъ, что эта духовная и святая самоцѣль, не будучи заблаговременно обучена метафизикѣ, „по ту сторону грани“, отдѣляющей капиталистическій строй отъ соціалистическаго*), немедленно превратится въ свинью уже безъ всякихъ шансовъ спасенія. Тогда „буржуазное довольство распространится на всѣхъ людей, и души покроются слишкомъ толстымъ слоемъ жира, чтобы идеалистически протестовать противъ безпощадной пошлости жизни“. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, святую, божественную душу покрытую толстымъ слоемъ обыкновеннѣйшаго жира, получившагося вслѣдствіе благополучнаго перевариванія пищи! Развѣ это не грустно? Развѣ это не возмутительно? И возмущенный г. Бердяевъ ругаетъ виновнаго ортодокса „самымъ отвратительнымъ типомъ“, — ругаетъ, впрочемъ, условно, на тотъ случей, если онъ и теперь осмѣлится повторить, что пѣсенка идеализма уже спѣта.

Что г. Бердяевъ ругается, это не бѣда. Дурно то, что въ своей статьѣ онъ дѣлаетъ невообразимый винигретъ изъ всевозможныхъ смысловъ одного и того же слова „идеализмъ“, и по мѣрѣ своихъ силъ и возможности залѣпляетъ этой смѣсью глаза читателей, а также и свои собственные.

Провозглашается обязательность „философскаго идеализма, примыкающаго къ традиціямъ безсмертнаго Платона“, необходимость „признать міръ идеальныхъ цѣнностей внѣвременныхъ и внѣпространственныхъ“, абсолютность истины, добра и красоты предвѣчно данныхъ, эмпирическаго содержанія не имѣющихъ, но являющихся конечной цѣлью прогресса, за осуществленіе которой г. Бердяеву ручается религіозная идея нравственнаго міропорядка.**)

„проявить“ его и для другихъ, да — видите ли — мѣста ему не найдутъ. Я знала много людей, подвергавшихся за свою дѣятельность непріятностямъ, именуемымъ „мученическимъ вѣнцомъ“, и никому изъ нихъ не приходило въ голову размышлять о величіи собственной души. Быть можетъ внутреннее познаніе своего величія дѣлаетъ невозможнымъ его внѣшнее „проявленіе“. Никакъ ему мѣста не найдешь, всякое малымъ покажется.

*) Г. Бердяевъ знаетъ, что такой „грани“ быть не можетъ, что наша теорія революціоннаго соціализма „ненаучна, логически нелѣпа“ и проч. и проч. Онъ допускаетъ на минутку „грань“ лишь для того, чтобы хорошенько насъ посрамить.

**) Склонность къ такому міровоззрѣнію объявляется признакомъ „глубокой души“, „глубокой и сложной натуры“, для которой безъ этихъ „священныхъ“ запросовъ „жизнь сѣра, пуста, безсмысленна“. Отсутствіе „священныхъ запросовъ“ клеймится „духовнымъ убожествомъ“ и прочими

На метафизическій идеализмъ ортодоксальные марксисты, разумѣется, не имѣютъ ни малѣйшихъ претензій. Но утвердивъ за собой этотъ опредѣленный идеализмъ, г. Бердяевъ забираетъ затѣмъ въ свой метафизическій кошель все хорошее на свѣтѣ (за исключеніемъ ненавистнаго ему пищеваренія) подъ тѣмъ предлогомъ, что все это тоже идеализмомъ называется.

Онъ не можетъ не признать, что сама исторія послѣднихъ столѣтій дала очень большой поводъ къ тому „недоразумѣнію", которое гласитъ, что „теоретическій идеализмъ связанъ съ реакціонными вожделѣніями и практическимъ матеріализмомъ", а теоретическій матеріализмъ — съ практическимъ идеализмомъ и прогрессивными стремленіями. Г. Бердяевъ объясняетъ это „недоразумѣніе" тѣмъ, что революціонный французскій матеріализмъ XVIII вѣка, ученіе Фейербаха и лѣво-гегеліанцевъ въ Германіи, взгляды Чернышевскаго и Писарева у насъ — все это было идеализмомъ, прикрывавшимъ свое идеалистическое содержаніе матеріалистическими словами, потому что реакціонные противники этихъ ученій прикрывали свое содержаніе идеалистическими словами. Такимъ простымъ способомъ всѣ хорощіе люди и прогрессивныя стремленія благополучно прибраны къ рукамъ. Разлакомившись, г. Бердяевъ „рѣшается" сказать, что „всякій живой дѣйствующій человѣкъ, человѣкъ отыскивающій истину, творящій справедливость и добро или созерцающій красоту — метафизикъ идеалистъ".

Превращеніе всякаго искателя истины въ метафизика производится очень просто: если вы ищете истину, вы предполагаете, „что *истина* не звукъ пустой, что истина есть цѣнность, абсолютная цѣнность". Такимъ образомъ, посредствомъ альтернативы: либо „звукъ пустой", либо, „абсолютная цѣнность", существительное *истина* благополучно сцѣпляется съ прилагательнымъ — *абсолютная*, а ея искатель превращается въ метафизика. Еще проще обстоитъ дѣло съ человѣкомъ, сказавшимъ себѣ: „это добро, а это зло, добро есть цѣнность... я хочу служить добру и бороться со зломъ". Въ этомъ случаѣ „вы признаете абсолютную цѣнность добра" и „совершаете... истинное богослуженіе, служеніе Богу

нелестными эпитетами, за которые мы на г. Бердяева шичуть не въ претензіи. Судя по его статьѣ, метафизическіе идеалисты чрезвычайно заняты измѣреніями своей собственной души въ глубину, высоту и ширину. Намъ это занятіе кажется пустымъ. Тамъ уже жизнь покажетъ, какая у кого душа. Но если есть у этой „души", не въ небесахъ, а на нашей маленькой землѣ, нѣчто великое, если есть у нея общая цѣль, съ которой слилась ея жизнь, эта жизнь можетъ быть и очень тяжела, но ни сѣра, ни пуста, ни безсмысленна она не будетъ. О полнѣйшей невозможности и совершенной ненужности для насъ „идеи міропорядка", въ качествѣ ручательства за прогрессъ, смотри статью „Ортодокса" въ этомъ же номерѣ „Зари".

правды". Двойная причина записать васъ въ метафизики. Аналогичные фокусы продѣлываются съ человѣкомъ, борящимся за справедливость и созерцающимъ красоту. Правда, за всѣми за ними бѣгаетъ какой-то несносный эволюціонистъ съ призывомъ „обратиться къ моллюскамъ для объясненія всего на свѣтѣ". Но онъ можетъ помѣшать лишь водворенію метафизики какъ теоріи, идеалистами же, не признающими себя (по недоразумѣнію) метафизиками, какъ видно изъ вышеизложеннаго, переполненъ міръ. Идеализма нѣтъ только въ одномъ „соціальномъ движеніи нашихъ дней".

„Бернштейнъ — законное дитя ортодоксальнаго марксизма, говоритъ г. Бердяевъ, онъ унаслѣдовалъ отъ него реалистическіе элементы, которые старается усилить, и онъ правъ, насколько въ немъ говоритъ голосъ современной соціальной дѣйствительности"... Но, „въ ортодоксальномъ марксизмѣ Бернштейнъ не нашелъ идеализма, а самъ онъ оказался неспособнымъ къ самостоятельному творчеству... и остался безъ идеализма. Остался безъ идеализма не одинъ Бернштейнъ... важно то, что самое соціальное движеніе нашихъ дней остается безъ идеализма".

Но окончательное сведеніе „соціальнаго движенія нашихъ дней" на одно пищевареніе совершается г. Бердяевымъ при помощи „гедонизма", при чемъ поясняется, что „гедонизмомъ называется такое ученіе о нравственности, которое видитъ цѣль жизни въ удовольствіи". Этотъ гедонизмъ навязывается Марксу съ Энгельсомъ и всѣмъ марксистамъ.*)

Затѣмъ истина, добро и красота изъемлятся изъ числа тѣхъ „удовольствій", которыя являются для бердяевскихъ „марксистовъ" цѣлью жизни. *„Иллюзіонизмъ"***) — вотъ точка зрѣнія марксизма на духовныя блага", поучаетъ насъ г. Бердяевъ. „Намъ говорятъ, что философія, нравственность, искусство, словомъ идеологія существуютъ для жизни, что

*) Никакой оффиціальной системы нравственности марксизмъ, поскольку мнѣ извѣстно, никогда не выставлялъ. Но что у соціаль-демократіи, у организованнаго и борящагося пролетаріата есть общеобязательныя нравственныя требованія, — это несомнѣнно. *Солидарность* — основное требованіе этой нравственности. Не дѣлай ничего идущаго въ разрѣзъ съ интересами того цѣлаго, къ которому принадлежишь, какъ бы ни было это для тебя лично нужно, таково минимальное требованіе солидарности. Дѣлай все отъ тебя зависящее для общаго дѣла, не щади для него ничего личнаго, умри за него, если понадобится, — таково максимальное требованіе. Эта нравственность не имѣетъ (какъ увидимъ) ничего общаго съ „идеализмомъ въ этикѣ" г. Бердяева, не уляжется она и въ его формулу „гедонизма". Но это несомнѣнно утилитарная нравственность. Пользой, благомъ того цѣлаго, съ которымъ личность соединена общей цѣлью, опредѣляются всѣ требованія. Это нравственность „долга", но въ то же время и „воли", потому что тотъ, для кого общее дѣло не свое, а чужое, кому лично не больно принести вредъ цѣлому, не радостно принести ему пользу, тотъ не принадлежитъ къ этому цѣлому.

**) См. статью „Ортодокса".

онѣ цѣнны, лишь какъ полезности въ соціальной жизни людей, а въ данную эпоху, какъ полезности въ рѣшеніи соціальнаго вопроса нашихъ дней."

Все это лишь полезности, лишь средства для жизни, а слѣдовательно не входятъ въ число ея цѣлей, ея „удовольствій"; въ качествѣ таковаго, для изобрѣтенныхъ г. Бердяевымъ марксистовъ остается одно только „перевариваніе пищи".

И не только намъ — самому Д. С. Миллю запрещается въ качествѣ утилитариста имѣть иныя потребности кромѣ пищеваренія. Онъ сказалъ, что „лучше быть недовольнымъ Сократомъ, чѣмъ довольной свиньей", но по мнѣнію г. Бердяева на почвѣ утилитаризма этого сказать нельзя, надо сперва признать нѣчто „болѣе высокое и священное". Напрасно Милль сталъ бы возражать, что въ его понятіе „наибольшаго блага наибольшаго числа людей" входитъ напряженная умственная жизнь, широкая общественная дѣятельность, сознаніе пользы принесенной своимъ, хотя бы и неблагодарнымъ (причина недовольства) согражданамъ, — словомъ то, что было у взятаго имъ за образецъ человѣка — Сократа и чего нѣтъ у свиньи, которая въ качествѣ свиньи ни въ чемъ этомъ и не нуждается. Ну нѣтъ, возразитъ ему г. Бердяевъ, все, чего у свиньи нѣту, и для тебя, утилитариста, слишкомъ высоко и священно. „Карлейль имѣлъ всѣ основанія назвать утилитаризмъ свинской философіей", а имѣешь свинскую философію, такъ и довольствуйся тѣмъ, что имѣетъ свинья. Г. Бердяевъ объявляетъ даже, что „для *послѣдовательнаго* (курсивъ нашъ) гедониста слово *человѣкъ* (курсивъ г. Берд.), поскольку въ него вкладывается этическій смыслъ, есть звукъ пустой, красивая фраза (и какимъ это образомъ для гедониста одно слово превращается въ цѣлую фразу, да еще и красивую?), для насъ же это слово полно высокаго смысла и значенія." Для „послѣдовательнаго" же гедониста оно, очевидно, имѣетъ смыслъ и значеніе желудка на двухъ ногахъ.

Тому, кто заглядывалъ въ литературу, изобличавшую матеріалистовъ XVIII-го вѣка, или нашихъ „нигилистовъ" въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XIX-го вѣка, очень знакомо это требованіе отъ нихъ, а также и приписываніе имъ особаго рода послѣдовательности. Въ основѣ этого требованія лежитъ, повидимому, такого рода „послѣдовательное" разсужденіе: Разъ ты, матеріалистъ, отвергаешь божественную душу и все довременное и абсолютное, такъ будь же послѣдователенъ и отвергай все то, что *мы называемъ* проявленіями безсмертной души, что *мы считаемъ* абсолютнымъ и вѣчнымъ. Признавать же ты можешь лишь то, что и мы также считаемъ тѣлеснымъ, временнымъ и относительнымъ: напримѣръ пищеваренiе. Матеріалистъ продолжаетъ, разумѣется, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти увѣщанія, признавать человѣка цѣликомъ, со всѣми его качествами, съ умомъ и чув-

ствомъ, со всѣми его умственными и нравственными потребностями, отбрасывая лишь ихъ метафизическія опредѣленія. Но и метафизикъ, съ своей стороны, не обращая вниманіе на такое поведеніе матеріалиста, продолжаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, утверждать, что его „послѣдовательный" противникъ не признаетъ въ человѣкѣ ничего, кромѣ „пищеваренія."

По отношенію къ этому почтенному закону послѣдовательности г. Бердяевъ проявляетъ свою оригинальность лишь въ томъ, что даетъ ему обратную силу надъ исторіей революціоннаго соціализма и разсуждаетъ такъ, какъ будто марксисты и въ прошломъ и въ настоящемъ слушались „идеалиста" и были „послѣдовательны" такъ именно, какъ онъ предписываетъ.

Величайшая заслуга марксизма, говоритъ г. Бердяевъ, заключается въ томъ, что „марксизмъ впервые установилъ, что только матеріальная общественная организація можетъ быть базисомъ для идеальнаго развитія человѣческой жизни, что человѣческія цѣли осуществляются лишь при матеріальномъ условіи экономическаго господства надъ природой." Но условія историческаго момента въ срединѣ XIX-го вѣка были таковы, что человѣка самоцѣли тогда не было, человѣкъ былъ обращенъ въ средство, безотлагательная работа была направлена на достиженіе минимума человѣческаго существованія. Теперь-то, по мнѣнію г. Бердяева, этотъ минимумъ достигнутъ, и рабочій живетъ въ условіяхъ „самоцѣли", но марксисты „по психологически понятной иллюзіи" приняли средства за цѣли, самыя цѣли поняли слишкомъ матеріально и надъ духовной буржуазностью вѣка не возвысились" (стр. 6/7). Поскольку тутъ можно что нибудь понять, г. Бердяевъ хочетъ изобразить дѣло такъ, что на практикѣ марксисты заботились только о матеріальномъ положеніи рабочихъ и своей цѣлью ставили лишь улучшеніе этого положенія. Что онъ имепно это хочетъ сказать, еще виднѣе изъ другого мѣста.

Ратуя противъ теоріи „необходимости соціальной катастрофы" (т. е. диктатуры пролетаріата) для перехода капиталистическаго строя въ соціалистическій, г. Бердяевъ говоритъ, что при такой теоріи нѣтъ мѣста для идеализма ни до ни послѣ соціалистической революціи.

„По эту сторону грани идеализмъ преждевременен, что и утверждаютъ ортодоксы; соціальное зло такъ велико и обострено, что жизнь людей должна быть поглощена матеріальными средствами борьбы; психологія производителей съ точки зрѣнія теоріи Zusammenbruch'a не можетъ расширяться и углубляться." По ту же сторону грани (мы уже цитировали относящееся сюда мѣсто) „идеализмъ уже не будетъ нуженъ". Вѣдь для созданныхъ г. Бердяевымъ марксистовъ все кромѣ пищеваренія является лишь средствомъ для „полученія этого пріятнаго удовлетворенія", а оно тогда будетъ уже получено.

Выходитъ, такимъ образомъ, что по эту сторону грани „ортодоксы“ поглощены матеріальными средствами борьбы, а „расширеніемъ и углубленіемъ психологіи производителей“ они не занимались, не занимаются и утверждаютъ, что оно преждевременно. А вѣдь г. Бердяевъ знаетъ, что дѣло обстояло какъ разъ обратно. На какую же это „односторонность“ нѣмецкой соціаль-демократической партіи указывалъ (и былъ „правъ“ по рѣшенію г. Бердяева) Бернштейнъ? Въ чемъ обвиняютъ ее всѣ пошедшіе за нимъ оппортюнисты, какъ не въ отсутствіи „поглощенія матеріальными средствами борьбы“ (профессіональными союзами и потребительными обществами). и въ недостаткѣ „положительной работы“, т. е. положительныхъ „матеріальныхъ“ реформъ, которыя, по предположенію оппортюнистовъ, могли бы получиться, если бы партія больше заботилась о союзѣ съ буржуазіей, чѣмъ о „несгибаемой“ ясности и искренности своей пропаганды? А съ другой стороны, въ противность утвержденію поклонника абсолютной истины, г. Бердяева, „ортодоксы“ всегда утверждали, что расширеніе и углубленіе сознанія пролетаріата, несмотря на „соціальное зло“, вполнѣ возможно и доказывали это на дѣлѣ. Въ кружкахъ самообразованія и пропаганды зародилась соціаль-демократія и выросла въ великую международную партію. Этотъ характеръ сохраняютъ и теперь ея безчисленные ферейны, съ ихъ библіотеками, рефератами, постоянными обсужденіями всѣхъ вопросовъ, касающихся до партіи, — а какіе до нея не касаются?

Г. Бердяеву можетъ не нравиться содержаніе этой идеалистической работы, но вѣдь не метафизику же, собственно, имѣлъ онъ въ виду, приписывая ортодоксамъ „утвержденіе“ преждевременности идеализма?

А какое, не только партійное, а, такъ сказать, общечеловѣчески нравственное значеніе имѣетъ руководство въ выборѣ чтенія для всей рабочей молодежи, какое значеніе имѣетъ обширная періодическая пресса партіи, пойметъ всякій, кто знаетъ, какимъ „дешевымъ“ чтеніемъ снабжаютъ спекулянты рабочую молодежь тѣхъ странъ, гдѣ недостаточна развита или, какъ въ Англіи, почти вовсе не существуетъ соціалистическая рабочая пресса.*)

Вытравивъ, такимъ образомъ, изъ соціализма весь идеализмъ (въ смыслѣ „все хорошее, кромѣ ѣды“), превративъ его въ уголокъ буржуазной лавки, наши метафизики намъ же его навязываютъ, подставляютъ свое понятіе подъ наше и за тѣмъ, выругавъ насъ на чемъ свѣтъ стоитъ, бросаются въ своемъ воображеніи совершенствовать получившагося урода

*) О „penny dreadful“ („ужасы за 5 коп.“ спеціальное названіе кровавой беллетристики, составляющей любимое чтеніе рабочихъ подростковъ) не разъ въ англійской большой прессѣ поднимался вопросъ какъ объ общественномъ бѣдствіи, но, разумѣется, оставался безъ разрѣшенія.

посредствомъ акафистовъ абсолютной истинѣ, добру и красотѣ.

Не знаю, какова та „абсолютная истина", которую „человѣческая личность должна, по утвержденію г. Бердяева, „творить въ своей жизни", но хотя въ статьѣ онъ пишетъ слово „Правда" съ прописной буквы, „творитъ" онъ неправду, не имѣя при этомъ нравственнаго оправданія народниковъ: онъ недостаточно невѣжественъ, чтобы совсѣмъ не вѣдать, что творитъ.

Прежде чѣмъ разстаться съ г. Бердяевымъ, взглянемъ еще на его способъ приближенія къ „абсолютному добру", на проповѣдуемый имъ „идеализмъ въ этикѣ".

Этотъ идеализмъ признаетъ, разумѣется, „абсолютную цѣнность добра и его качественную самостоятельность. Прежде всего и больше всего идеалисты должны настаивать на томъ, что нравственное совершенство есть цѣль человѣческой жизни, что совершенствованіе выше всякаго довольства. Пора также разстаться съ тѣмъ софизмомъ, который видитъ высшее проявленіе нравственности въ пожертвованіи собственной душой во имя блага другихъ. Жизнь свою можно, а иногда и должно отдать, но душу свою нельзя отдать ни за что на свѣтѣ."

Что подразумѣваетъ г. Бердяевъ подъ душой, которой благу другихъ отдавать нельзя? Какъ бы ни была эта душа духовна, возвышенна, полна абсолютной красоты, отдавать ее чьему либо благу все таки не можетъ обозначать ничего другого, какъ посвящать этому благу свои мысли, чувства, заботы. Слѣдовательно, абсолютное добро г. Бердяева требуетъ, чтобы идеалистъ не тратилъ своихъ душевныхъ силъ ни для чьего блага — употреблялъ ихъ всѣ на собственное усовершенствованіе, памятуя, что „только духовно развитая и совершенная душа можетъ быть настоящимъ борцомъ прогресса, можетъ вносить въ жизнь человѣчества свѣтъ истины, добра и красоты" — вносить самымъ фактомъ своего совершенства. Что именно таковъ смыслъ этихъ фразъ, видно и изъ дальнѣйшаго: „Каждая человѣческая личность не забитая и не окончательно пришибленная, должна сознавать свое естественное право на духовное совершенствованіе, право свободно творить въ своей жизни абсолютную (!) истину и красоту". Немного выше*) г. Бердяевъ уже говорилъ объ творчествѣ истины и красоты въ своей жизни, но тамъ это творчество вступало въ „по истинѣ трагическій конфликтъ" со стремленіемъ „къ воплощенію справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ". Слишкомъ трагическимъ конфликтъ, очевидно, не былъ, такъ какъ черезъ 7 страницъ благопо-

*) На стр. 15. Вышеприведенный же кодексъ „идеализма въ этикѣ" излагается на 23 стр. „Борьбы за идеализмъ".

лучно разрѣшился въ пользу собственной красоты.*) „Вульгаризація духа есть величайшее нравственное преступленіе", продолжаетъ г. Бердяевъ свои завѣты „идеализма въ этикѣ". „Общественный утилитаризмъ, поскольку онъ посягаетъ на фаустовскія стремленія и унижаетъ духъ человѣка, является реакціоннымъ направленіемъ человѣческой мысли, какими бы демократическими формами онъ ни прикрывался. Когда человѣкъ приноситъ жертвы на алтарь *своей правды*, то духъ его возвышается, и мы встрѣчаемся съ нравственнымъ величіемъ. Но нѣтъ величія въ идеѣ жертвы собственнымъ духомъ во имя мѣщанскаго благополучія X и Y". Хорошъ идеализмъ! Не смотря на дальнѣйшее требованіе „понять демократизацію общества, какъ его аристократизацію" (пойми кто можетъ!) и уже извѣстныя намъ претензіи „влить идеальное нравственное содержаніе въ соціальныя формы" и проч., несмотря на эти претензіи, я не встрѣчала въ русской литературѣ, не принадлежащей къ реакціонному лагерю, страницы сильнѣе противорѣчащей самой сущности практическаго идеализма.

Г. Бердяевъ думаетъ, что лишь по историческому недоразумѣнію „теоретическій идеализмъ связанъ съ реакціонными соціальными вожделѣніями" и упорно боролся съ „практическимъ идеализмомъ и прогрессивными стремленіями" конца XVIII-го и всего XIX-го вѣка, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи. Но приведенная нами страничка изъ собственной статьи г. Бердяева, излагающая требованія „идеализма въ этикѣ", наглядно доказываетъ, что тутъ не было никакого недоразумѣнія. Я — не только допускаю — я вижу, знаю, что г. Бердяевъ неповиненъ въ сознательномъ пристрастіи къ „реакціоннымъ соціальнымъ вожделѣніямъ". Запутавшись въ своемъ стремленіи примирить Ничше съ Кантомъ и божественнымъ Платономъ,**) онъ въ этомъ отношеніи по истинѣ не вѣдаетъ, что творитъ. Но тѣмъ не менѣе, по

---

*) Интересно бы знать, что подразумѣваетъ г. Бердяевъ подъ обязанностью „творить въ своей жизни абсолютную красоту"? Значитъ ли это, что всѣ должны подѣлаться художниками? Невыполнимо оно, правда, но мало ли что! Выставляетъ же г. Струве (стр. LXXIII предисловія къ книгѣ г. Бердяева) во имя нравственности столь же невыполнимое требованіе, чтобы „каждая личность" была „оригинальна" (оригинальничать, конечно, можно и теперь въ модѣ, но развѣ это оригинально?). Или, для удовлетворенія требованій г. Бердяева на счетъ красоты, достаточно осматривать галлереи картинъ и статуй, любоваться красотой природы и читать декадентовъ, подготовляющихъ „новаго человѣка съ болѣе красивой душой, полной индивидуальныхъ настроеній и красокъ, безконечно цѣнныхъ для интимной жизни человѣческой личности?" Собирается еще г. Бердяевъ на той же (24-ой) страницѣ „внести струю трагической красоты" и при этомъ Ничше поминаетъ. Но эту струю онъ пуститъ уже не въ свою жизнь (и не въ искусство — замѣтьте!), а „въ новую культуру". Ужъ какъ онъ ее пускать будетъ, богъ его вѣдаетъ.

**) Двумя философами, которыхъ бѣдный Ничше ненавидѣлъ до глубины души — особенно послѣдняго.

существу дѣла г. Бердяевъ борется противъ „практическаго идеализма и прогрессивныхъ стремленій“.

И въ XVIII и въ XIX вѣкѣ этотъ идеализмъ былъ (и будетъ въ XX-омъ) подготовленіемъ борьбы, или самой борьбой угнетенныхъ слоевъ населенія противъ господствующихъ, былъ, слѣдовательно, борьбой за общее благо всѣхъ X и Y. Возвышая заботы о собственномъ усовершенствованіи и украшеніи своей жизни, насчетъ отдачи своихъ силъ и помысловъ борьбѣ за общее благо, противопоставляя фаустовскія стремленія общественной пользѣ, какую-то „свою правду“— не чужой лжи, — а благу всѣхъ X и Y, вы боретесь противъ практическаго идеализма, который, въ извѣстномъ смыслѣ, и былъ и есть и будетъ борьбой за возможность для всѣхъ X и Y пользоваться вашими прославленными прелестями, который долженъ „посягать на фаустовскія стремленія“, увлекая Фаустовъ изъ ихъ кабинетовъ, не на погибель бѣдныхъ Гретхенъ, а на общественную борьбу въ рядахъ X и Y.

Мы охотно вѣримъ г. Бердяеву, когда онъ говоритъ, что „величественный подъемъ духа и идеалистическій энтузіазмъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если я чувствую всѣмъ своимъ существомъ, что, служа человѣческому прогрессу въ его современной исторической формѣ, я служу вѣчной правдѣ, что мои усилія и труды безсмертны по своимъ результатамъ и учитаются въ міропорядкѣ.“

Еще бы! На меньшее идеалисту г. Бердяева нельзя согласиться, да, я думаю, и этого мало.

Неразлучный съ практическимъ идеализмомъ, невымученный, самъ собою являющійся подъемъ духа возможенъ лишь тогда, когда человѣкъ сливаетъ свою личность съ тѣмъ общимъ благомъ, общимъ революціоннымъ дѣломъ, которое въ данную минуту стоитъ на очереди. Когда онъ не противопоставляетъ „своей правды“ пользѣ X и Y; когда онъ не только не торгуется съ задачей „воплощенія справедливости“ относительно количества своихъ „жертвъ“, но даже не помышляетъ ни о какихъ жертвахъ, работая для *своей* цѣли, каковою не можетъ не стать для него „воплощеніе справедливости“, если онъ дѣйствительно за него борется. Не знаю, пошлетъ ли г. Бердяеву его богъ душевный подъемъ и энтузіазмъ. Въ статьѣ во всякомъ случаѣ, несмотря на обѣщаніе „поднять землю до небесъ и свести небеса на землю“, чувствуется его полнѣйшее отсутствіе.

Въ слѣдующей статьѣ мы будемъ говорить о тѣхъ же вопросахъ уже по своему, безъ г. Бердяева.

В. Засуличъ.

Библіографія.

С. Франкъ, Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Критическій этюдъ. С.-Петербуръ 1900.

Г. С. Франкъ такъ опредѣляетъ цѣль своего „этюда“: „Мы старались въ немъ показать, въ какомъ отношеніи теорія цѣнности Маркса должна быть признана неправильной и при какомъ значеніи она сохраняетъ научную цѣнность. Мы старались далѣе показать, что это послѣднее, единственно истинное значеніе трудовой теоріи цѣнности можетъ быть обнаружено только путемъ органическаго ея соединенія съ другой теоріей цѣнности, такъ называемой теоріей субъективной цѣнности или предѣльной полезности, и что такое соединеніе двухъ повидимому противорѣчащихъ другъ другу теорій служитъ на пользу ихъ обѣихъ и открываетъ нѣкоторыя новыя плодотворныя точки зрѣнія въ теоріи цѣнности и распредѣленія“. (Предисловіе, стр. V.)

Другими словами: г. Франкъ задался цѣлью показать, что Марксъ еще бы болѣ навострился, когда бы у Бёмъ-Баверка немного поучился! Это, безъ сомнѣнія, очень интересная тема. Весь вопросъ въ томъ, достигъ ли нашъ авторъ своей цѣли. На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить рѣшительнымъ отрицаніемъ: нѣтъ, цѣль г. Франка осталась недостигнутой.

Чтобы критиковать Маркса, — какъ и всякаго другого писателя, — необходимо дать себѣ трудъ понять его. Весьма трудолюбивый г. Франкъ не далъ себѣ этого необходимаго труда. Неудивительно, поэтому, что изъ его попытки не вышло ничего, кромѣ огромной путаницы понятій.

Основное положеніе предпринятой г. Франкомъ критики Марксовой теоріи цѣнности состоитъ въ томъ, что *третій* томъ *„Капитала“* противорѣчитъ *первому*, такъ какъ въ третьемъ томѣ Марксъ не разрѣшилъ того затрудненія, которое онъ обѣщалъ разрѣшить, и въ сущности *отказался* отъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности (стр. 263 и 271). Это положеніе тѣсно переплетается со всѣми разсужденіями г. Франка объ экономической системѣ Маркса, и надо признать, что оно придало бы имъ значительный вѣсъ, если бы оно было справедливо. Но, къ сожалѣнію, оно совершенно ошибочно.

Доводы, приводимые г. Франкомъ въ защиту этого положенія, сводятся къ слѣдующему.

„Задача *трудовой теоріи мѣновой цѣнности* заключается въ опредѣленіи того общаго свойства всѣхъ товаровъ, которое имѣется въ одинаковомъ количествѣ въ обмѣнивающихся другъ на друга единицахъ ихъ; поэтому тотъ фактъ, что при обмѣнѣ по „среднимъ“ или „нормальнымъ“ цѣнамъ обмѣниваются другъ на друга товары, заключающіе въ себѣ *разное* количество рабочаго времени, служитъ самъ по себѣ опроверженіемъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности, и никакое объясненіе этого явленія не можетъ измѣнить его.“ Вотъ почему большинство приверженцевъ названной теоріи ожидало, что въ третьемъ томѣ своего главнаго труда Марксъ докажетъ, что въ дѣйствительности среднія цѣны совсѣмъ не отклоняются отъ трудовой цѣнности товаровъ. „Ожидали, — говоритъ г. Франкъ, — что онъ покажетъ мнимость этого отклоненія, столь оче-

виднаго съ перваго взгляда, и, такимъ образомъ, нѣкоторымъ таинственнымъ кунстштюкомъ разрѣшитъ знаменитую „сфинксову" загадку." Но третій томъ „Капитала" обманулъ эти ожиданія. „Какъ бы кто ни смотрѣлъ на то разрѣшеніе задачи, которое предложилъ Марксъ, — продолжаетъ г. Франкъ, — одно несомнѣнно: оно... прямо признавало, что обмѣнъ товаровъ „по среднимъ цѣнамъ" не совпадаетъ съ обмѣномъ пропорціонально сравнительной затратѣ труда на производство товаровъ. Такой отвѣтъ былъ, разумѣется, необходимъ; нельзя было думать, что Марксъ будетъ отвергать это несовпаденіе, составляющее одно изъ наименѣе оспариваемыхъ положеній экономической науки. Съ другой стороны, однако, отвѣтъ этотъ... уничтожалъ всякое значеніе трудовой теоріи мѣновой цѣнности, и Зомбартъ правъ, говоря, что рѣшеніе Маркса встрѣтило одно „всеобщее покачиваніе головой, — „ein allgemeines Kopfschütteln", — у многихъ можетъ быть непроизвольное". (стр. 63—64).

Итакъ, *„ожидали"*, что Марксъ покажетъ „мнимость" отклоненія среднихъ цѣнъ отъ трудовой цѣнности. Это, пожалуй, и вѣрно. Г. Франкъ справедливо говоритъ, что именно на этомъ ожиданіи основывались работы Конрада Шмидта и Штиблинга на Западѣ и профессора А. И. Скворцова — у насъ (стр. 62). Но это обстоятельство еще ни мало не доказываетъ того, что указанное *„ожиданіе"* соотвѣтствовало мысли Маркса. Въ дѣйствительности оно рѣшительно и *явно* противорѣчило ей.

Вотъ, напримѣръ, потрудитесь прочитать эти строки:

„Если бы безпристрастное мышленіе было въ интересахъ капиталиста, онъ долженъ былъ бы поставить себѣ задачу происхожденія капитала слѣдующимъ образомъ: какимъ образомъ можетъ образоваться капиталъ въ томъ случаѣ, когда цѣны регулируются среднею цѣною, т. е. въ *послѣдней* инстанціи стоимостью (цѣнностью) товара? Я говорю въ „послѣдней инстанціи", потому что среднія цѣны не совпадаютъ прямо съ величинами стоимости (цѣнности) товаровъ, какъ это думаютъ А. Смитъ, Рикардо и другіе."*)

Простой и ясный смыслъ этихъ словъ врядъ-ли нуждается въ комментаріяхъ: Марксъ *отрицаетъ* прямое (въ нѣмецкомъ подлинникѣ: direkt) совпаденіе среднихъ цѣнъ товаровъ съ ихъ цѣнностями. Люди, думавшіе, что Марксъ *признаетъ* его и даже собирается *„доказать"* его въ третьемъ томѣ, просто на просто *плохо поняли Маркса*. Г. Франку слѣдовало показать неосновательность ихъ ожиданій. Онъ поступилъ не такъ. Изъ того, что *третій* томъ „Капитала" не оправдалъ ожиданій нѣкоторыхъ читателей его *перваго* тома, онъ заключилъ, что третій томъ противорѣчитъ первому и что въ третьемъ томѣ Марксъ *„отказался"* отъ своей собственной теоріи цѣнности. Странная логика у г. Франка!

Правда, въ цитированныхъ нами строкахъ говорится, что въ *послѣдней инстанціи* цѣны все таки регулируются *трудовою цѣнностью* товаровъ. До выхода третьяго тома могло оставаться не совсѣмъ яснымъ, *что именно* разумѣетъ Марксъ подъ этимъ *регулированіемъ въ послѣдней инстанціи*. На этотъ счетъ можно было строить тѣ или другія догадки. Но что это регулированіе совсѣмъ не означало того *прямого совпаденія*, о которомъ говоритъ г. Франкъ и о которомъ дѣйствительно думали нѣкоторые читатели „Капитала" (гг. К. Шмидтъ и А. И. Скворцовъ въ томъ числѣ),

---

*) „Капиталъ", С.-Петербургъ 1872, стр. 109 примѣчаніе. Въ цитируемомъ нами изданіи слово „Werth" переведено словомъ *стоимость*. Теперь для обозначенія того понятія у насъ употребляется слово: *цѣнность*. Мы считаемъ старый терминъ болѣе удачнымъ, но во избѣжаніе терминологической путаницы мы тоже отказываемся отъ него.

это совершенно очевидно и не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ.

Впрочемъ, каши масломъ не портятъ. Въ наше „критическое“ время не мѣшаетъ доказывать даже совершенно очевидныя истины. Приведемъ и мы нѣкоторые лишніе доводы въ пользу защищаемой нами мысли.

Во второмъ томѣ „Капитала“ Марксъ, разбирая указанные Рикардо признаки различія между основнымъ капиталомъ, съ одной стороны, и оборотнымъ, съ другой, между прочимъ замѣчаетъ:

„При распредѣленіи общественной прибавочной стоимости (цѣнности) между капиталами, помѣщенными въ различныхъ предпріятіяхъ, различіе сроковъ, на которые затрачивается капиталъ (слѣдовательно, продолжительность существованія основного капитала, напримѣръ) и различный органическій составъ капитала (слѣдовательно, также различное обращеніе постояннаго и перемѣннаго капитала) оказываютъ соразмѣрное (имѣютъ одинаковое) вліяніе при приведеніи прибыли къ общей нормѣ и при превращеніи стоимости (цѣнности) въ цѣну производства.“*)

Изъ этихъ словъ съ полной ясностью слѣдовало:

1. Что *цѣнность* товаровъ превращается въ *цѣну производства;*

2. Что *цѣна производства* даннаго товара *не равна*, или, по крайней мѣрѣ, *не всегда равна* его *цѣнности*; если бы была *равна*, то время обращенія и органическій составъ капитала не имѣли бы вліянія;

3. Что *общественная прибавочная цѣнность* распредѣляется между отдѣльными предпріятіями сообразно *закону* (пока еще намъ неизвѣстному) *превращенія цѣнности въ цѣну производства.*

Эти три вывода съ одной стороны поясняютъ смыслъ замѣчанія, заимствованнаго нами изъ перваго тома, а съ другой — представляютъ резюмэ (правда, очень краткое и не совсѣмъ полное) того самого рѣшенія „сфинксовой загадки“, которое заключается въ *третьемъ томѣ* и которое, по мнѣнію г. Франка, рѣшительно противорѣчитъ теоріи цѣнности, изложенной въ *первомъ*.

Но это не все. Въ томъ же второмъ томѣ *„Капитала“* Марксъ говоритъ, что при всеобщемъ повышеніи заработной платы „цѣна товаровъ возвышается въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ главное значеніе имѣетъ перемѣнный капиталъ, и падаетъ въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ главную ролъ играетъ капиталъ постоянный“.**)

Марксъ не могъ бы держаться такого взгляда, если бы полагалъ, что *„средняя цѣна“* товара равняется его *цѣнности*. Съ этимъ согласится всякій, кто знакомъ хотя бы только съ азбукой занимающей насъ теоріи. А при внимательномъ отношеніи къ вопросу всякій понимающій дѣло человѣкъ согласится также и съ тѣмъ, что и этотъ взглядъ Маркса былъ довольно яснымъ указаніемъ на счетъ того, въ какомъ смыслѣ рѣшалъ Марксъ свою „загадку“: зная этотъ взглядъ, мы *имѣли* бы полное право удивиться, *если бы третій томъ далъ намъ не то ея рѣшеніе, какое мы находимъ въ немъ теперь.* Тогда мы дѣйствительно могли бы заговорить о „противорѣчіи“ между различными томами „Капитала“. А теперь у насъ нѣтъ даже и тѣни подобнаго права.

То правда, что многіе „приверженцы теоріи цѣнности Маркса“ не замѣчали указываемыхъ нами мѣстъ второго тома и продолжали понимать эту теорію совершенно такъ, какъ до нынѣ понимаетъ ее г. Франкъ, т. е. въ смыслѣ совпаденія „среднихъ цѣнъ“ товаровъ съ ихъ цѣнностями. И

---

*) Стр. 152 русск. перев. и 186 второго изданія нѣмецкаго подлинника.

**) Стр. 315 второго изданія нѣмецкаго подлинника и 253 русскаго перевода (изд. 1885 г.).

этого, разумѣется, похвалить нельзя. Но Марксъ тутъ совсѣмъ не при чемъ, и его „отказъ“ отъ своей собственной теоріи все таки остается выдумкой г. Франка.

Впрочемъ, г. Франкъ только повторяетъ чужую выдумку. По всему видно, что его ввелъ въ заблужденіе Бёмъ-Баверкъ, который, въ своей извѣстной работѣ: „Zum Abschluss vom Marxschen System“, выдвигаетъ мнимое противорѣчіе третьяго тома съ первымъ какъ неподлежащую сомнѣнію истину и какъ одно изъ самыхъ яркихъ доказательствъ несостоятельности экономической системы Маркса. Г. Франкъ считаетъ эту работу австрійскаго профессора серьезной, продуманной и основательной. По его мнѣнію, причины того пренебрежительнаго отношенія, которое она встрѣтила въ русской литературѣ, могутъ лежать въ чемъ угодно, но никакъ не въ качествахъ самой работы“ (стр. 18, примѣчаніе). „Систематической и обстоятельной критикѣ — прибавляетъ онъ — эта работа до сихъ поръ подвергнута не была, несмотря на то, что *по поводу нея* написано было довольно много“ (стр. 19, продолженіе того же примѣчанія). Мы не знаемъ, почему никто изъ русскихъ писателей до сихъ поръ не захотѣлъ „систематически и обстоятельно“ разобрать это произведеніе Бёмъ-Баверка. Но мы съ увѣренностью говоримъ, что причины этого заключались, конечно, не въ силѣ занятой Бёмъ-Баверкомъ теоретической позиціи. Что позиція эта какъ нельзя болѣе слаба, видно уже изъ одного того, что ключомъ ея служитъ все то же *несуществующее „противорѣчіе“* между третьимъ и первымъ томами „Капитала“. Мы искренно сожалѣемъ о томъ, что „критически“-мыслящій г. Франкъ не съумѣлъ *критически* отнестись къ Бёмъ-Баверку и не замѣтилъ безпредѣльной безполезности того критическаго похода противъ Маркса, который былъ предпринятъ этимъ теоретикомъ предѣльной полезности. Критическое отношеніе къ Бёмъ-Баверку предохранило бы нашего критика отъ многихъ важныхъ заблужденій. Конечно, при такомъ отношеніи къ Бёмъ-Баверку книга г-на Франка, можетъ быть, совсѣмъ не была бы написана или не приняла бы тѣхъ, довольно почтенныхъ размѣровъ, какіе она имѣетъ въ настоящее время (VI и 370 стр.) Но въ этомъ не было бы большой бѣды. Еще Козьма Прутковъ далъ прекрасный совѣтъ: *лучше скажи мало, но хорошо.*

Приписавъ Марксу (т. е. Марксу *первой манеры*, какъ говорятъ живописцы) ту мысль, что среднія цѣны товаровъ равняются ихъ цѣнностямъ, г. Франкъ разсуждаетъ совершенно логично, приписывая ему *„схему распредѣленія“*, сводящуюся къ тому, что „процессъ распредѣленія всей суммы произведенныхъ въ обществѣ цѣнностей совершается въ каждой отрасли производства отдѣльно и независимо отъ другихъ отраслей производства, и что поэтому капиталисты каждой производительной группы получаютъ „прибавочную цѣнность“, созданную рабочими той же самой производительной группы. Все общество оказывается раздѣленнымъ на цѣлый рядъ общественныхъ группъ, *внутри* которыхъ совершается процессъ распредѣленія общественнаго дохода, но которыя *между собой* только обмѣниваютъ одинъ видъ продуктовъ на другой, а не распредѣляютъ общественнаго дохода“ (стр. 268—269).

По поводу этой *„схемы Маркса“* г. Франкъ глубокомысленно замѣчаетъ, что она „неправильно или, по крайней мѣрѣ, односторонне изображаетъ дѣйствительный процессъ распредѣленія въ капиталистическомъ обществѣ“ (стр. 269) и что въ третьемъ томѣ „Капитала“ Марксъ отказался также и отъ этой схемы (стр. 271). „Картина распредѣленія получаетъ въ третьемъ томѣ слѣдующій видъ.“ „Прибавочную цѣнность“, при обмѣнѣ труда на продуктъ извлекаетъ не каждый отдѣльный капиталистъ, а весь классъ капиталистовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Вторичный об-

мѣнъ *между* отдѣльными членами этого класса означаетъ не только перемѣну потребительной формы прибавочной цѣнности между капиталистами, такъ что каждый изъ нихъ въ отдѣльности извлекаетъ свой доходъ не только изъ перваго обмѣна, но и изъ второго. Точнѣе изъ перваго обмѣна извлекаетъ прибавочную цѣнность весь классъ капиталистовъ, а каждый членъ его въ отдѣльности присвоиваетъ себѣ долю этой цѣнности во второмъ обмѣнѣ: такъ какъ этотъ послѣдній обмѣнъ не есть обмѣнъ равной цѣнности на равную, то онъ и означаетъ распредѣленіе прибавочной цѣнности между капиталистами" (стр. 272).

Г. Франкъ считаетъ эту „вторую схему" Маркса болѣе правильной, чѣмъ „первая", но и она не ясно формулируетъ, по его мнѣнію, тѣ выводы, „которые можно сдѣлать изъ посылокъ, лежащихъ въ ея основаніи". Въ числѣ этихъ посылокъ г. Франкъ прежде всего указываетъ на *„признаніе* (курсивъ г. Франка) общественнаго труда мѣриломъ субъективной цѣнности" (стр. 272—273).

Какъ замѣтилъ, конечно, читатель, покупка-продажа рабочей силы называется у нашего критика *обмѣномъ труда на продуктъ*. Съ его точки зрѣнія это измѣненіе терминовъ не лишено цѣлесообразности. Но что оно совершенно неосновательно по существу и неспособно произвести ничего, кромѣ путаницы понятій, это понятно само собою. Поэтому мы, ограничиваясь простымъ указаніемъ на нее, переходитъ къ *„признанію* труда мѣриломъ общественной субъективной цѣнности".

Что такое общественная субъективная цѣнность?

„Если мы имѣемъ передъ собою соціальную группу въ роли единаго субъекта хозяйственной дѣятельности, — говоритъ г. Франкъ, — то это предполагаетъ также единство воли и потребностей, а, слѣдовательно, и единство оцѣнки благъ во всѣхъ ея членахъ. Въ этомъ смыслѣ общество можно назвать субъектомъ оцѣнки, а соотвѣтствующую цѣнность — субъективной общественной цѣнностью" (стр. 248).

Итакъ, общественная субъективная цѣнность блага, это та его цѣнность, которую оно имѣетъ въ глазахъ общества. Замѣтимъ, кстати, что по мнѣнію г. Франка, — условіемъ возникновенія чувства этой цѣнности является польза извѣстнаго блага для самосохраненія всего общественнаго хозяйства, всей группы, вмѣстѣ взятой (стр. 246).

Какимъ же образомъ общественный трудъ можетъ стать мѣриломъ общественной субъективной цѣнности?

Г. Франкъ различаетъ два вида хозяйствъ: 1. изолированное хозяйство и 2. хозяйство мѣновое. Изолированнымъ у него называется такое хозяйство, „при которомъ потребности его субъекта удовлетворяются путемъ собственной дѣятельности этого субъекта" (стр. 244). При этомъ все равно, — кто является субъектомъ хозяйства: индивидуумъ, семья, группа семей, или большое общество. Что касается *мѣнового* хозяйства, то его характеръ достаточно опредѣляется въ разсматриваемомъ отношеніи его *названіемъ*. Г. Франкъ беретъ сначала изолированное хозяйство и старается показать, что въ немъ „трудовая цѣнность есть не что иное, какъ субъективная цѣнность дохода" (стр. 244). Затѣмъ онъ разсматриваетъ значеніе этой теоремы въ примѣненіи къ мѣновому хозяйству. При разборѣ его доводовъ намъ естественно держаться того же порядка.

Г. Франкъ разсуждаетъ такъ. „Цѣнность всякаго блага опредѣляется интенсивностью той потребности, удовлетвореніе которой находится въ зависимости отъ обладанія даннымъ благомъ. Если при помощи извѣстнаго средства производства можно создать въ извѣстномъ количествѣ всѣ блага, то обладаніе каждымъ изъ нихъ отнюдь не составляетъ условія удовлетворенія соотвѣтственной ему потребности: при отсутствіи блага,

оно можетъ быть вновь создано. При этомъ придется пожертвовать лишь опредѣленнымъ количествомъ этого средства производства, т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе полезнымъ продуктомъ его. Такимъ образомъ, эта жертва одинакова при созданіи всѣхъ родственныхъ по производству благъ: она равна цѣнности наименѣе полезнаго продукта даннаго средства производства. Если мы поставимъ теперь вмѣсто понятія „средства производства" понятіе *труда*, который и служитъ такимъ общимъ средствомъ производства для всѣхъ воспроизводимыхъ благъ, то мы придемъ къ выводу, что субъективная цѣнность этихъ благъ опредѣляется цѣнностью наименѣе полезнаго продукта *труда*. Такъ какъ обладаніе каждымъ изъ этихъ благъ зависитъ для человѣка отъ затраты опредѣленнаго количества труда, то при потерѣ каждаго изъ нихъ онъ можетъ обезпечить себѣ удовлетвореніе соотвѣтственной потребности, затрачивая на производство даннаго блага требуемое количество труда, т. е. теряя при этомъ наименѣе полезный продуктъ труда. Пожертвованіе опредѣленнымъ количествомъ труда, необходимое для созданія блага, равносильно поэтому для человѣка пожертвованію предѣльной полезностью наименѣе полезнаго продукта этого труда... Трудъ, какъ общее условіе созданія благъ, становится общимъ мѣриломъ ихъ субъективной цѣнности. *Субъективная цѣнность продуктовъ труда совпадаетъ*, такимъ образомъ, *съ ихъ трудовой цѣнностью, т. е. является результатомъ оцѣнки благъ пропорціонально затраченному на ихъ производство труду*" (стр. 233—234).

Субъективная цѣнность сдѣланной нами выписки опредѣляется для насъ тѣмъ, что это длинное благо ясно показываетъ, въ какія логическія противорѣчія попадаетъ г. Франкъ подъ вліяніемъ своей интенсивной потребности поправить Маркса посредствомъ Бёмъ-Баверка. Въ самомъ дѣлѣ, мѣриломъ субъективной цѣнности продуктовъ оказывается у него *трудъ*, а субъективная цѣнность этого „средства производства" опредѣляется субъективной цѣнностью его наименѣе полезнаго продукта. Это называется посылать отъ Понтія къ Пилату или, — выражаясь менѣе литературнымъ языкомъ, — топтаться на одномъ мѣстѣ. Если, не довольствуясь столь „критическимъ" топтаніемъ, мы спросимъ себя, существуетъ-ли какая нибудь *іерархія человѣческихъ потребностей*, то г. Франкъ не колеблясь отвѣтитъ намъ, что существуетъ. *„Субъективная цѣнность хлѣба* — пишетъ онъ курсивомъ — *выше цѣнности предметовъ украшенія*" (стр. 302). На ряду съ *„предметами украшенія"* здѣсь очевидно можно поставить всѣ вообще *предметы роскоши*: ихъ субъективная цѣнность ниже цѣнности *предметовъ необходимости*. Вотъ это ясно, и это поможетъ намъ выйти изъ логическаго тупика, въ который мы попали благодаря нашему „критику".

Вообразимъ, что субъектъ изолированнаго хозяйства, — скажемъ хоть Робинзонъ на своемъ островѣ, — затрачиваетъ опредѣленное число часовъ на производство предметовъ необходимости („хлѣбъ" г. Франка) и столь же точно опредѣленное число — на приготовленіе предметовъ роскоши („предметовъ украшенія"). Если для производства даннаго предмета роскоши Робензону нужно употребить столько же времени, сколько требуется его для изготовленія даннаго предмета необходимости, то трудовая цѣнность этихъ предметовъ будетъ *одинакова*, несмотря на то, что одинъ изъ нихъ есть *„хлѣбъ"*, а другой — *„украшеніе"*, и что *„субъективная цѣнность хлѣба выше цѣнности предметовъ украшенія"*. Это значитъ, что трудовая цѣнность продуктовъ *не совпадаетъ* съ ихъ субъективной цѣнностью, *а потому и не можетъ служить ея мѣриломъ*. А въ виду этого и все разсужденіе г. Франка оказывается построеннымъ „на песцѣ" и потому обладающимъ совершенно ничтожной *предѣльной полезностью*.

Если г. Франкъ откажется отъ своей — высказанной *курсивомъ* — мысли о томъ, что *„субъективная цѣнность хлѣба выше цѣнности предметовъ украшенія“*, и, подобно нѣкоторымъ другимъ питомцамъ австрійской школы, напримѣръ, Смарту въ его „Introductory to the theory of value“, начнетъ увѣрять насъ въ томъ, что субъективная цѣнность украшенія можетъ быть гораздо выше таковой же цѣнности хлѣба, то мы замѣтимъ нашему автору, во-первыхъ, что такой *„отказъ“* дѣлаетъ цѣлый *„переворотъ“* въ его *„системѣ“*, а во-вторыхъ, что его положеніе ни мало не улучшится даже благодаря *„отказу“*: пока изготовленіе двухъ данныхъ предметовъ будетъ стоить субъекту изолированнаго хозяйства одинаковой затраты труда, до тѣхъ поръ они не перестанутъ имѣть для него одинаковую трудовую цѣнность, *какъ бы ни различались между собой, по своей интенсивности, тѣ потребности, которыя удовлетворяются ими.**)

Само собою разумѣется, что если данный предметъ не удовлетворяетъ *никакой потребности*, то трудъ, затраченный на его производство окажется *безцѣльнымъ* и потому не создающимъ *никакой цѣнности*. Но вѣдь это очень хорошо было извѣстно Марксу, и для того, чтобы обосновать это положеніе, нѣтъ ни малѣйшей надобности аппелировать къ Бёмъ-Баверку.

А какъ обстоитъ дѣло съ общественной субъективной цѣнностью въ мѣновомъ хозяйствѣ? На этотъ счетъ господинъ Франкъ говоритъ намъ вотъ что.

„Въ обществѣ, гдѣ реальное единство субъекта хозяйства отсутствуетъ, или гдѣ дѣятельность этого субъекта играетъ по крайней мѣрѣ незначительную роль въ совокупности общественно-хозяйственныхъ процессовъ, категорія общественной цѣнности имѣетъ мѣсто по стольку, по скольку въ обществѣ распространено *представленіе* объ общественномъ хозяйствѣ, какъ единомъ цѣломъ. Условіемъ возникновенія представленія объ общественной цѣнности является, такимъ образомъ, извѣстное культурно-правовое или этическое міросозерцаніе, основанное на признаніи всѣхъ (?) людей членами общества и сознаніи интересовъ общества, какъ такового... Гдѣ такое міросозерцаніе отсутствуетъ, тамъ не можетъ имѣть мѣста и представленіе объ общественной цѣнности продукта“ (стр. 255).

Довольно! Кто внимательно прочиталъ эти строки, тотъ и самъ видитъ, что ни одна изъ „схемъ распредѣленія“ Маркса не была и не могла быть основана на признаніи общественнаго труда мѣриломъ общественной субъективной цѣнности. Такое „признаніе“ есть не болѣе, какъ очень неудачное „сочиненіе“ г. Франка.

Цѣль, которую поставилъ себѣ г. Франкъ, осталась недостигнутой. Его „критическій этюдъ“ представляетъ собою *почти сплошную путаницу понятій*. И тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ для насъ нѣкоторую „субъективную цѣнность“: онъ показываетъ намъ, что кому нибудь изъ послѣдователей Маркса слѣдовало бы *сдѣлать новое изложеніе теоріи* трудовой цѣнности, — такое изложеніе, которое сообразовалось бы съ вопіющей путаницей, внесенной въ этотъ предметъ „критиками“ въ родѣ г. П. Струве, Туганъ-Барановскаго, Франка и проч., и устраняло бы эту путаницу.

Г. Франкъ съ большой похвалой отзывается (стр. 140—141, примѣчаніе) о статьяхъ г. П. Струве, посвященныхъ „критикѣ“ Марксовой теоріи цѣнности и появившихся въ *„Жизни“*. Съ своей стороны г. П. Струве рас-

---

*) Именно этотъ случай показываетъ, что терминъ *„стоимость“* удачнѣе термина *„цѣнность“*: цѣнность предмета опредѣляется здѣсь именно тѣми *усиліями*, которыхъ *стоитъ* его изготовленіе.

хвалилъ „этюдъ“ г. Франка въ чрезвычайно поверхностной рецензіи, напечатанной въ августовской книжкѣ „Міра Божьяго“.

За что же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ кукушку.

Г. П.

„**Революціонная Россія**“, изданіе Союза Соціалистовъ-Революціонеровъ, №2.

Передовая статья газеты, названіе которой выписано выше, характеризуетъ переломъ, совершившійся въ нашей общественной жизни весной этого года вмѣстѣ съ началомъ широкой активной борьбы противъ самодержавнаго правительства. Интересны выводы, дѣлаемые газетой изъ событій послѣдняго времени:

„Уже въ первомъ номерѣ мы вполнѣ сознательно уклонились отъ теоретической разработки программныхъ вопросовъ. Мы предпочитали откликаться на дѣйствительность, какъ бы сѣра и уныла она ни была, всякимъ мудрствованіямъ, вносящимъ лишь треніе въ живое революціонное дѣло. Чѣмъ ярче факты, тѣмъ сильнѣе наше желаніе жить и работать, а не только философствовать. Однако, мы охотно готовы сдѣлать тѣ выводы, которые подказываются самой жизнью.“

Неправда-ли, читатель, какъ напоминаетъ эта тирада недавніе разговоры нашихъ оппортюнистовъ „экономизма“! Какъ знакомы намъ эти противопоставленія „сѣрой и унылой“ дѣйствительности „всякимъ мудрствованіямъ, вносящимъ лишь треніе“ и т. д.! Сколько разъ уже мы слышали о томъ, что „мудрствованія“ надо ограничить „выводами, которые подсказываются самой жизнью.“

Изъ дальнѣйшаго изложенія читатель, надѣемся, сдѣлаетъ „подсказываемые самой жизнью“ выводы о причинахъ такого трогательнаго совпаденія между оппортюнистами изъ числа соціаль-демократовъ и представителями анти-марксистскаго революціонизма. Теперь же послѣдуемъ за „Революціонной Россіей“ въ ея интерпретированіи властныхъ велѣній „жизни“.

„Событія послѣднихъ мѣсяцевъ разрѣшили многіе спорные среди революціонеровъ вопросы или сдѣлали ихъ безцѣльными. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему теперь споръ о томъ, что должно быть непосредственной цѣлью борьбы — радикальная ли перестройка политическихъ формъ или мелкія улучшенія въ жизни рабочаго. Жизнь сама поставила задачу и при томъ въ самой рѣдкой (рѣзкой?) ея формѣ — въ формѣ противоположенія интересовъ высшей (?) науки самымъ грубымъ аттрибутамъ полицейскаго государства — кулаку и нагайкамъ; уклониться отъ разрѣшенія этой задачи — это значило бы измѣнить общему дѣлу.“

Совершенно вѣрно, что поссибилистами русской соціаль-демократіи вопросъ былъ поставленъ именно въ такой формѣ: „радикальная перестройка политическихъ формъ или *мелкія* улучшенія въ положеніи рабочаго“. Но противопоставленіе „радикальной перестройки политическихъ формъ“ „улучшеніямъ въ положеніи рабочаго“ имѣло нѣкоторый смыслъ лишь постольку, поскольку эти „улучшенія“ мыслились обязательно, какъ „мелкія“. Это противопоставленіе теряетъ всякій raison d'être, какъ только поверхъ всякихъ „мелкихъ“ улучшеній выплываетъ вопросъ о „радикальной перестройкѣ“... самого положенія рабочаго класса, вопросъ о соціализмѣ, какъ цѣли политической борьбы, обязательно опредѣляющей принципы и формы этой борьбы. Спорный вопросъ не устраненъ нынѣ жизнью,

но, напротивъ, впервые ею ясно поставленъ. И этотъ вопросъ въ теперешней его формѣ гласитъ: какую роль въ „радикальной перестройкѣ политическихъ формъ“ долженъ играть русскій пролетаріатъ и въ какомъ отношеніи эта перестройка будетъ стоять къ улучшенію его положенія, какъ класса?

Мы видимъ, что для нашихъ „соціалистовъ-революціонеровъ“ „жизнь“ поставила совсѣмъ иного рода задачу. Вопросъ объ улучшеніи положенія рабочаго класса совершенно испарился передъ внезапно вставшимъ для нихъ вопросомъ о „противоположеніи интересовъ высшей науки... кулаку и нагайкамъ“. Читатель, конечно, понимаетъ, что такъ выраженный „вопросъ“ означаетъ для соціалистовъ-революціонеровъ все тотъ же вопросъ о радикальной перестройкѣ политическихъ формъ. Но обратите вниманіе, какъ идеологическій революціонизмъ ухитряется всякому грубо-матерьяльному вопросу столкновенія общественныхъ силъ придать возможно болѣе абстрактную форму, въ которой потерялось бы всякое революціонное содержаніе! Вмѣсто борьбы интеллигенціи, пролетаріата и городскаго „простонародія“ противъ всѣхъ ихъ угнетающей бюрократіи мы получаемъ какой то идеальный конфликтъ между „высшей наукой“ и нагайкой. Историческое значеніе мартовскихъ событій тѣмъ самымъ совершенно искажается. Они представляются не естественнымъ продуктомъ послѣдовательнаго развитія антагонизмовъ между участвовавшими въ нихъ силами и самодержавіемъ, но результатомъ внезапнаго идеалистическаго порыва всѣхъ и каждаго въ защиту поруганной безплотной науки. Поэтому, и вопросъ о „радикальной перестройкѣ“ можно теперь ставить внѣ всякой связи съ прежними вопросами объ „улучшеніи положенія“. Поставленный теперь на недосягаемую высоту вопросъ о „противоположеніи интересовъ высшей науки... кулаку и нагайкамъ“ такъ хрустально-чистъ отъ всякой связи съ грубой прозой „улучшенія положенія“, что намъ даже грозятъ: „уклониться отъ разрѣшенія этой задачи — это значило бы измѣнить общему дѣлу.“ Такъ рѣшаютъ „соціалисты-революціоперы“, которые, какъ извѣстно, потому носятъ свое двойное прозвище, что ихъ „соціализмъ“ совершенно не революціоненъ, а содержаніе ихъ революціонизма имѣетъ мало общаго съ соціализмомъ.

Если бы соціалисты-революціонеры не спѣшили превратить „выдвигаемый жизнью“ вопросъ въ конфликтъ „высшей науки“ съ нагайкой, они должны были бы задать себѣ вопросъ: какимъ же процессомъ массы „простонародья“ пришли къ тому, чтобы въ звукѣ нагайки, хлеставшей „высшую науку“, разслышать отголосокъ ударовъ бича, истязающаго всю нашу родину, а въ „временныхъ правилахъ“, жестоко покаравшихъ учащуюся молодежь, усмотрѣть проявленіе тяготѣющаго надъ всѣмъ народомъ „вѣчнаго“ режима? Поставивъ такой вопросъ, соціалисты-революціонеры не могли бы уже такъ легко устранить во имя „жизни“ вопросъ объ „улучшеніи положенія“ и написать слѣдующія классическія строки:

„Къ чему теперь противопоставленіе общества рабочимъ (?) классамъ (?), если на нашихъ глазахъ перегородки, отдѣляющія обывателя отъ революціонера, интеллигенцію отъ народа, хотя бы на одинъ моментъ были сломаны?“

Нельзя упрекнуть эту тираду въ излишней логичности и ясности выраженія; тѣмъ не менѣе смыслъ ея понятенъ.

Къ чему противопоставлять пролетаріатъ буржуазіи? — вотъ выводъ, подказанный вдумчивымъ „соціалистамъ-революціонерамъ“ „самой жизнью“. А изъ него слѣдуетъ: „не теоретизировать теперь время, а дѣйствовать“.

При нѣсколько меньшемъ отвращеніи къ „теоретизированію“ и „мудрствованіямъ“ соціалисты-революціонеры легко убѣдились бы, что активное

участіе городскихъ рабочихъ массъ въ безпорядкахъ послѣдней весны было подготовлено десятилѣтіемъ пропаганды и агитаціи, развивавшихся на почвѣ классовой борьбы, на почвѣ, стало быть, „противоположенія рабочихъ классовъ обществу“ и, въ свою очередь, развивавшихъ и углублявшихъ это противоположеніе. Если бы издатели „Революціонной Россіи“ были не такъ невинны по части всякихъ „мудрствованій“, они должны были бы понять, что столь окрыляющее ихъ сердца сліяніе „общества“ и „народа“ на извѣстный моментъ въ единую протестующую массу само явилось результатомъ процесса развитія классовыхъ антагонизмовъ внутри этой массы. Это можетъ казаться противорѣчіемъ только тому, кто не умѣетъ мыслить діалектически, т. е. совершенно чуждъ „мудрствованій“, вносящихъ „лишь треніе“ въ живое дѣло самобытнаго мышленія.

Въ „Революціонной Россіи“ мы не находимъ указанія на то, что революціонный подъемъ городскихъ массъ подготовленъ предшествовавшей систематической дѣятельностью русскихъ соціаль-демократовъ. Это умолчаніе вполнѣ понятно. Вѣдь во все время, пока развивалась эта дѣятельность, революціонеры-антимарксисты, сѣтуя на сопровождавшія эту дѣятельность „мудрствованія“ и противоположеніе рабочаго класса „обществу“, сами, можно сказать, ничего не сдѣлали для вовлеченія народныхъ массъ въ революціонную борьбу. (Фактъ извѣстный, что тамъ, гдѣ возникали группы „соціалистовъ-революціонеровъ“, ихъ вліяніе на рабочія массы всегда было очень ничтожно.) И теперь, выступая съ увѣреніемъ, что „жизнь“ властно требуетъ принятія ихъ программы, наши соціалисты-революціонеры не могутъ останавливаться на вопросѣ о томъ, какъ это случилось, что политическая работа въ „народѣ“ перестала быть тѣмъ безнадежнымъ дѣломъ, какимъ ее считали еще такъ недавно всѣ не зараженные „ортодоксіей“ интеллигенты. Не останавливаясь на этомъ вопросѣ, наши „соціалисты-революціонеры“ желали бы закрѣпить процессъ развитія революціонной энергіи рабочей массы на томъ моментѣ, когда она выступила противъ самодержавія въ рядахъ „единаго и нераздѣльнаго“ народа. Но такому закрѣпленію мѣшаютъ разныя „мудрствованія“ революціоннаго марксизма, который не можетъ остановиться на этомъ моментѣ, не можетъ не стремиться двигать развитіе впередъ (за что его упрекаютъ въ . . . фатализмѣ и квіэтизмѣ), раскрывать глубже и глубже скрытое за единствомъ даннаго момента „противоположеніе“ разнородныхъ классовыхъ элементовъ для того, чтобы поднять революціонное движеніе на качественно высшую ступень. Отсюда — гнѣвъ противъ „мудрствованій“, отсюда — попытка конструировать политическую программу ближайшаго будущаго внѣ всякой связи съ предшествующимъ ходомъ развитія.

Мы не хотимъ здѣсь писать апологію того процесса развитія русской соціаль-демократіи, который она продѣлывала въ послѣднее десятилѣтіе. Предоставимъ это неблагодарное занятіе оппортюнистамъ à la Кричевскій, который даже и не подозрѣваетъ того, что русская соціаль-демократія могла бы себѣ поставать (и выполнить) гораздо болѣе глубокія задачи, чѣмъ задачу просто „втянуть“ рабочія массы въ общедемократическую борьбу. Нѣтъ! мы очень критически относимся ко многому въ дѣятельности русской соціаль-демократіи за послѣдніе годы, но мы полагаемъ, что критика этой дѣятельности можетъ имѣть сколько-нибудь плодотворное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если она производится съ точки зрѣнія болѣе передовой, чѣмъ точка зрѣнія тѣхъ „практиковъ“, дѣятельность которыхъ подлежитъ критикѣ. Но „соціалисты-революціонеры“, которые находятъ, что съ момента общественнаго подъема надо спрятать въ карманъ всю азбуку соціализма, всѣ разговоры о „перегородкахъ“, они то всего менѣе имѣютъ права смотрѣть сверху внизъ на десятилѣтнюю работу соціаль-

демократовъ. Какова бы она ни была, эта работа, она и только она создала то положеніе, при которомъ разговоры о „штурмѣ“ на самодержавіе перестали быть „чарованьемъ красныхъ вымысловъ“.

Наше революціонное движеніе теперь стоитъ на распутьи. По какому пути пойдетъ оно? Суждено ли ему идти подъ руководствомъ окрашеннаго соціализмомъ идеологическаго радикализма, который такъ усиленно старается освободить его отъ всякихъ „мудрствованій“ и отъ страсти „противополагать общество рабочимъ классамъ“? Или же во главѣ его станетъ и его поведетъ революціонная соціаль-демократія, синтезирующая въ своей борьбѣ политическій и экономическій моментъ въ соціальномъ движеніи?

Тѣмъ изъ нашихъ „практиковъ“, которые чурались „доктрины“, боясь, что она слишкомъ далека отъ „непосредственныхъ“ интересовъ рабочихъ массъ мы бы совѣтовали внимательно слѣдить за литературой того толка, къ которому принадлежитъ „Революціонная Россія“. Внимательное чтеніе этой литературы заставитъ ихъ задуматься надъ вопросомъ: какія причины подготовили тотъ фактъ, что первое проявленіе общенаціональнаго возбужденія вызвало къ жизни, казалось, совсѣмъ исчезнувшія формы неклассового русскаго революціонизма? Поставивъ себѣ этотъ вопросъ, они, быть можетъ, сообразятъ, какимъ интересамъ служитъ столь распространенное нынѣ отрицаніе всякихъ „мудрствованій“, и что изъ сего факта слѣдуетъ для дѣйствительныхъ представителей интересовъ пролетаріата?

Л. М.

„Вѣстникъ Русской Революціи“, соціально-политическое обозрѣніе. Подъ редакціею К. Тарасова. № 1. 1901 г. Іюль.

Замѣчающійся у насъ въ послѣднее время революціонный подъемъ вызвалъ къ жизни много новыхъ изданій. Изъ ихъ числа „Вѣстн. Русск. Рев.“ представляется, безспорно, однимъ изъ самыхъ интересныхъ. Умѣло редактированная книжка „Вѣстникъ“ прочтется съ интересомъ даже и въ тѣхъ кругахъ, которые не признаютъ его направленія своимъ. Мы не можемъ въ журнальной рецензіи говорить о всѣхъ статьяхъ новаго журнала и намъ придется коснуться только тѣхъ изъ нихъ, которыя лучше другихъ даютъ возможность ознакомиться съ его основными тенденціями.

Въ статьѣ „Наша программа“ редакція заявляетъ: „Мы считаемъ себя идейными продолжателями Народной Воли... Мы не стоимъ при этомъ за названіе, за букву.... Но мы болѣе, чѣмъ когда-либо, стоимъ за духъ, за сущность народовольтества, а этотъ духъ, эта сущность заключается для насъ не въ теоретическомъ только, но, что гораздо важнѣе, въ практическомъ, ежедневномъ, ежечасномъ признаніи нашей руководительницей лишь самой жизни, лишь самой реальной дѣйствительности.“

Абстрагировать „сущность“ народовольчества до той степени отвлеченности, гдѣ она, эта сущность, представляется въ одномъ лишь „признаніи нашей руководительницей самой жизни“ — это значитъ *отказаться* отъ „матерьяльной“ сущности народовольчества. Возникновеніе русской соціаль-демократіи также означало шагъ впередъ, сдѣланный въ пониманіи „запросовъ жизни“. И ея теперешнее приближеніе къ по становкѣ *на практикъ* тѣхъ политическихъ задачъ, которыя съ самаго начала были выдвинуты ея теоретиками, въ свою очередь, является результатомъ ея постояннаго стремленія „признавать своей руководительницей жизнь“. Но это стремленіе революціонной партіи можетъ вести къ непрерывному развитію лишь тогда, когда партія застрахована отъ *политическаго импрес-*

сіонизма, когда она запаслась *системой* пониманія жизни, правильнымъ *методомъ* изслѣдованія „реальной дѣйствительности".

Въ наши дни много развелось охотниковъ „ежедневно, ежечасно" твердить, что они хотятъ руководиться „лишь реальной дѣйствительностью", которая тутъ же противопоставляется „доктринѣ" — т. е. научной концепціи этой самой дѣйствительности! Какъ хотите, а это знаменіе времени, и за этой становящейся модной „идеологической формой" скрывается весьма поучительная „групповая психологія". Когда-нибудь мы займемся интереснымъ вопросомъ о содержаніи этой психологіи.... Пока ограничимся констатированіемъ того факта, что вышеприведенная цитата уже потому не можетъ характеризовать направленія какой либо группы, что самыя различныя партіи могутъ признавать своей руководительницей одну только жизнь, при томъ самую что ни на есть „реальную" жизнь и, тѣмъ не менѣе, кореннымъ образомъ расходиться въ опредѣленіи запросовъ этой жизни.

Столь же мало говоритъ намъ слѣдующая за симъ велерѣчивая фраза: „Смотрѣть кругомъ себя и видѣть; не заклеивать воскомъ доктринерства уши, а, наоборотъ, прислушиваться къ шуму и трепету дѣйствительности; выводить нашу соціально-политическую программу изъ окружающихъ условій — таковъ духъ, завѣщанный намъ Народной Волей."

На свѣжаго человѣка (напримѣръ, иностранца) такого рода торжественныя заявленія должны произвести странное впечатлѣніе. Серьезные люди съ самымъ серьезнымъ видомъ заявляютъ, что руководящимъ принципомъ ихъ дѣятельности будетъ.... смотрѣть вокругъ себя, и притомъ такъ смотрѣть, чтобы что-нибудь видѣть! Вотъ такъ принципъ! Да неужели, спроситъ иностранецъ, у васъ въ Россіи было до сихъ поръ въ обычаѣ дѣйствовать, ничего не видя и заткнувъ себѣ предварительно уши „воскомъ доктринерства"?

И русскимъ людямъ пришлось бы сознаться, что такой обычай существовалъ въ извѣстной части нашей революціонной интеллигенціи. Удивительная способность „смотрѣть вокругъ себя и не видѣть", прислушиваться къ дѣйствительности и не слышать не легко уловимаго шума „новой жизни, расцвѣтающей на руинахъ", эта способность обусловливалась именно плохой привычкой „залѣплять уши воскомъ доктринерства". Сколько, напримѣръ, въ этомъ смыслѣ принесло вреда народническое доктринерство! Какія крупныя событія должны были потрясти общество, какія громадныя жертвы должно было принести наше рабочее движеніе, чтобы, наконецъ, мы могли прочитать на страницахъ *народовольческаго* журнала такія строки:

Переходя къ разбору нашей дѣйствительности и измѣненій, испытанныхъ ею за время, протекшее послѣ гибели „Народной Воли", программа заявляетъ: „Эти измѣненія можно свести къ одному основному явленію: развитію капитализма въ его разрушающихъ и созидающихъ*) формахъ." И далѣе: „Наиболѣе яркое измѣненіе замѣчается въ рабочемъ классѣ и спеціально въ фабрично заводскомъ пролетаріатѣ." А въ чрезвычайно интересной статьѣ „Рабочій вопросъ и революція", представляющей безспорно выраженіе *крайняго лѣваго* оттѣнка тѣхъ теченій, которыя представлены новымъ журналомъ, мы читаемъ (стр. 253): „Вся экономическая жизнь Россіи вовлекается мало по малу въ круговоротъ капитала. Даже

*) Отмѣтимъ это мѣсто, какъ очень важный показатель перелома въ мышленіи представителей нашихъ не-марксистскихъ фракцій. Давно ли считалось признакомъ ортодоксальнаго „доктринерства" предположеніе, что русскій капитализмъ не только разрушаетъ, но кое-что и „созидаетъ"?

отсталыя отрасли добывающей промышленности подпадаютъ подъ власть денежнаго рынка. . . .“ Рабочій классъ „стягивается и концентрируется особенно сильно въ нѣсколькихъ районахъ и становится болѣе осѣдлымъ. Самыя условія его существованія способствуютъ его быстрѣйшему умственному развитію и дѣлаютъ его воспріимчивымъ къ соціалистической пропагандѣ.“ (ibid.) „Не въ ней (въ революціонной интеллигенціи. Л. М.) теперь будетъ центръ тяжести движенія. Развитіе экономическихъ силъ передвинуло теперь ось его и провело ее черезъ рабочій классъ.“ (стр. 259.) Разрушительная работа непосредственной борьбы съ самодержавіемъ, заявляетъ тотъ же авторъ, „не только не должна изолироваться отъ массъ, но должна быть въ тѣсномъ, идейномъ и практическомъ общеніи съ резервуаромъ народныхъ силъ“ (стр. 260). Мы можемъ только привѣтствовать такія заявленія, какъ явное свидѣтельство того, что революціонная мысль того оттѣнка, который представленъ „Вѣстникомъ“, вступила на путь развитія, ведущій, по нашему глубокому убѣжденію, въ концѣ концовъ къ революціонному марксизму. Конечно, въ данный моментъ эта эволюція только началась. Автору названной статьи „одно кажется несомнѣннымъ: оба еще недавно враждебныя идейныя теченія могутъ теперь развиваться рядомъ и параллельно въ нѣдрахъ умиротворенной соціалистической русской партіи“ и т. д. Мы тоже склонны думать, что видоизмѣненное исторіей „соціально-революціонное“ направленіе могло бы, какъ желанный союзникъ, дѣйствовать параллельно съ развившейся и политически созрѣвшей русской соціаль-демократіей, но только подъ условіемъ: если оно съумѣетъ уберечься отъ тлетворнаго вліянія такъ называемаго русскаго бернштейніанства. Что эта наша оговорка не лишняя, будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

„Программа“ ничего не говоритъ о формахъ борьбы съ самодержавіемъ, рекомендуемыхъ новой группой. „Быстрота развитія революціонной оппозиціи и ея многочисленность укажутъ намъ, какія формы нападенія предпочтительнѣе.“ Правда, далѣе слѣдуетъ заявленіе: „такъ мы, напримѣръ, не исключаемъ изъ своихъ плановъ даже въ недалекомъ будущемъ теоретической возможности захвата власти и диктатуры революціонной интеллигенціи и пролетаріата въ центрахъ, съ цѣлью дать толчокъ оппозиціонному движенію во всей странѣ,“ но это указаніе на „захватъ власти“, съ одной стороны, теряетъ свой специфически-народовольческій характеръ, когда рядомъ съ „революціонной интеллигенціей“ субъектомъ будущей „диктатуры“ ставится пролетаріатъ, т. е. „захватъ власти“ заговорщицкой партіей подмѣняется диктатурой революціоннаго *класса* и когда роль такого „захвата власти“ ограничивается содѣйствіемъ политическому перевороту (тогда какъ у старой „Нар. Воли“ захватъ власти являлся прологомъ къ революціи соціальной); а, во-вторыхъ, разговоръ о диктатурѣ пролетаріата (въ современной Россіи!) является столь неожиданнымъ и никакими доводами не обоснованнымъ, что его приходится считать только уступкой старой „буквѣ“, заявленіемъ, которое едва ли претендуетъ на то, чтобы опредѣлять собою текущую дѣятельность партіи.

Однако, въ противорѣчіи съ цитированнымъ выше мѣстомъ, авторы программы въ дальнѣйшемъ изложеніи коснулись вопроса объ одной формѣ политической борьбы и дали готовый отвѣтъ на этотъ вопросъ. „Вѣрные традиціямъ Исполнительнаго Комитета, мы смотримъ на терроръ, какъ на *необходимое* (курсивъ нашъ), хотя и печальное орудіе борьбы съ правительствомъ, которое само отказывается отъ человѣческихъ формъ самозащиты. И, какъ Испольнительный же Комитетъ, мы полагаемъ, что систематическій терроръ можетъ оказаться цѣлесообразнымъ лишь въ рукахъ организованной партіи.“ Въ этомъ пунктѣ, стало быть, мы, вопреки за-

року слушаться только велѣній „реальной жизни“, апеллируемъ ни къ чему иному, какъ къ традиціямъ. Впрочемъ, нѣтъ, не только къ традиціямъ, но и къ жизни, только къ жизни умершей эпохи. Въ самомъ дѣлѣ: „Не забудемъ, что террористическая дѣятельность Народной Воли отвѣчала насущной необходимости революціонной борьбы, отвѣчала исторической, до сихъ поръ еще не рѣшенной задачѣ низверженія самодержавія, отвѣчала наконецъ, настроенію всѣхъ живыхъ силъ общества.“ Почтенные авторы забыли самое главное: эта дѣятельность отвѣчала почти полной пассивности народной массы и почти полной изолированности революціонной партіи отъ этой массы. Во всякомъ случаѣ, ясно, что мотивировать необходимость террора *теперь* тѣмъ, что 20 лѣтъ назадъ онъ соотвѣтствовалъ „настроенію всѣхъ живыхъ силъ общества“ — не приходится. Если же террористическая дѣятельность „Народной Воли“ и отвѣчала исторической (къ сожалѣнію, до сихъ поръ не рѣшенной) задачѣ низверженія самодержавія, то не надо забывать, что эта историческая задача въ то время ставилась въ специфической исторической обстановкѣ (отсутствіе революціоннаго класса), которая и обусловливала формы борьбы, являющіяся нынѣ анахронизмомъ. . .

Очень интересно подчеркнуть, что въ своихъ разсужденіяхъ о современной революціонной дѣятельности среди крестьянъ издатели „Вѣстника“ стоятъ, въ общемъ, на точкѣ зрѣнія, развивавшейся неоднократно въ послѣдніе годы въ соціаль-демократической литературѣ (напримѣръ, въ „Задачахъ русской соціаль-демократіи“ и въ брошюрахъ П. Аксельрода). Въ отличіе отъ тѣхъ „непомнящихъ родства“ хранителей народовольческаго наслѣдія, которые выдумали, будто соціаль-демократы впервые „отреклись“ отъ работы въ деревнѣ, авторы программы хорошо помнятъ, что Народная Воля „не думала, чтобы революціонная дѣятельность могла, по примѣру прежнихъ лѣтъ, искать отправнаго пункта для себя въ деревнѣ и непосредственно опираться на мужика“. И авторы программы убѣждены, что „съ тѣхъ поръ не произошло здѣсь ничего существенно новаго, что заставило бы насъ отказаться отъ такого взгляда“. Въ такой общей формѣ мы съ этимъ утвержденіемъ согласиться не можемъ. Въ вопросѣ о революціонной воспріимчивости деревни мы теперь можемъ считаться кое съ чѣмъ „существенно новымъ“ и помимо того (также достаточно новаго) факта, на который дальше указываетъ программа („Возникновеніе сельской интеллигенціи“). Это существенное новое можно свести къ двумъ громадной важности факторамъ: во-первыхъ, къ очень далеко подвинувшемуся за 20 лѣтъ разслоенію деревни, сопровождаемому ростомъ классоваго антагонизма и политическаго недовольства и, во-вторыхъ, къ усиленію возможности революціоннаго вліянія на деревню, благодаря наличности революціоннаго сознанія въ широкихъ слояхъ той рабочей массы, которая не порвала связи съ деревней и, частью, постоянно ее возобновляетъ. Кто знакомъ на практикѣ съ нашимъ рабочимъ движеніемъ, тотъ знаетъ, какъ часто уже теперь осуществляется предсказанная „Группой Осв. Труда“ въ 1885 г. перспектива и „выброшенный изъ деревни въ качествѣ обнищавшаго члена общины, пролетарій . . . возвращается въ нее соціаль-демократическимъ агитаторомъ“. Намъ извѣстенъ случай, когда спропагандированные въ Одессѣ каменьщики у себя на родинѣ (въ центр. Россіи) организовали борьбу съ кулаками и даже провели соціалиста въ сельскіе старосты. Намъ извѣстно громадное имѣніе на югѣ, въ которомъ изъ находящагося тамъ мелкаго завода постоянно направляется въ среду крестьянъ множество революціонной (соціаль-демократической) литературы. Знаемъ мы одного товарища — рабочаго, одного изъ лучшихъ представителей соціаль-демократической рабочей интеллигенціи, который

вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ „осѣлъ“ въ деревнѣ, занимаясь просвѣтительно-революціонной работой. А высылаемые сотнями стачечники? а каждое лѣто разъѣзжающіеся по деревнямъ (хоть бы на 2 недѣли) петербургскіе и ивановскіе ткачи? Всякій агитаторъ знаетъ, что такіе рабочіе требуютъ „побольше литературы“ для односельчанъ.... Конечно, вся эта, можно сказать, молекулярная работа совершаемая сотнями піонеровъ, еще, быть можетъ, не скоро дастъ сколько-нибудь замѣтные плоды... Существенно то, что главное средство революціонизированія деревни уже намѣчено. Отъ силы рабочей партіи, отъ ея организованности будетъ зависѣть, когда она сможетъ оформить и систематизировать эту работу.

Для настоящаго времени, во всякомъ случаѣ, правильно указаніе программы „Вѣстника“, сводящееся къ тому, что „отдѣлить часть силъ, работающихъ въ городѣ, на пропаганду соціализма въ деревнѣ представляется... пока операціей рѣшительно невыгодной, разбивающей дружный натискъ революціонной арміи на самодержавіе“, но что желательна и возможна пропаганда въ деревнѣ тѣхъ лицъ, которыя „самымъ образомъ своихъ занятій, такъ сказать, прикрѣплены къ ней“.*)

Намъ остается теперь выяснить, каково отношеніе новаго журнала къ великому по своему общественному значенію вопросу о раздирающей современный соціалистическій міръ борьбѣ между „Горой“ и „Жирондой“ — между революціоннымъ соціализмомъ и соціалистическимъ оппортунизмомъ?

Въ предисловіи къ обзору иностранныхъ событій мы читаемъ: „Среди борьбы новаторовъ съ догматиками, практиковъ съ теоретиками, постепеновцевъ съ революціонерами на Западѣ намъ, русскимъ, приходится особенно внимательно разбираться. Присутствуя при спорѣ „критика“ съ догматикомъ, мы слышимъ отголоски нашихъ споровъ: то, что вводится въ европейскій соціализмъ, какъ нѣчто новое, какъ результатъ критическихъ изслѣдованій, знакомо намъ по той борьбѣ, которую пришлось выдержать марксизму на русской почвѣ“ (стр. 61). Послѣднее замѣчаніе весьма цѣнно: оно подтверждаетъ наше собственное мнѣніе о духовномъ сродствѣ русскаго анти-марксистскаго радикализма недавняго времени съ новомоднымъ европейскимъ бернштейніанствомъ. — Нѣсколько странно зву-

---

*) Напомнимъ, что эта формулировка почти буквально воспроизводитъ ту, которая дана была въ 1885 г. русской соціаль-демократіей („Проектъ Программы“ Гр. Осв. Тр.). Сравни также слѣдующее мѣсто изъ „Нашихъ разногласій“ (1885 г.):

„Начните соціально-политическое движеніе въ рабочей средѣ, и вы увидите, что эти сельскіе демократы мало по малу перейдутъ на точку зрѣнія соціаль-демократіи и, въ свою очередь, послужатъ связующимъ звеномъ между городомъ и деревней.

„Тогда наши революціонныя силы будутъ распредѣляться слѣдующимъ образомъ: въ деревню пойдутъ всѣ тѣ, кого вынуждаютъ къ этому профессіональныя обязанности. Само-собой разумѣется, что такихъ будетъ не мало. Въ тоже время, люди, имѣющіе возможность поселиться въ городахъ или промышленныхъ центрахъ, направятъ свои усилія на рабочую среду и постараются сдѣлать изъ нея авангардъ русской соціаль-демократической арміи.

Такова наша программа. Она не жертвуетъ деревней въ интересахъ города, не игнорируетъ крестьянства ради промышленныхъ рабочихъ. *Она ставитъ своей задачей* организацію соціально-революціонныхъ силъ города для вовлеченія деревни въ русло всемірно-историческаго движенія“ (Наши разногласія, стр. 818—819).

читъ употребленіе словъ „новаторовъ“ и „постепеновцевъ“ рядомъ съ „практиками“ (которые противопоставлены „теоретикамъ“), какъ понятій равнозначущихъ. Неужели авторъ серьезно причисляетъ Августа Бебеля или Зингера, которые не хотятъ идти съ „новаторами“, къ „теоретикамъ“? И неужели „новаторъ“ и несомнѣнный „постепеновецъ“ Л. Вольтманъ, этотъ типичный гелертеръ — представляется ему „практикомъ“? Гораздо интереснѣе выслушать такое мнѣніе „Вѣстника“: „Но знакомые и, частью, симпатичные для насъ элементы критицизма причудливо переплетаются съ элементами реакціонными, которые могутъ лишь задержать прогрессъ революціонно-соціалистической мысли. Мы присутствуемъ при печальномъ зрѣлищѣ, какъ люди, въ родѣ Бернштейна, способные оживить застывающую въ догмѣ мысль, способные раскрыть дверь новой соціалистической мысли (!), пытаются другими сторонами своего ученія вызвать попятное движеніе.“ Да, „печальное недоразумѣніе“, о которомъ скорбятъ одинаково и В. Черновъ изъ „Русск. Бог.“, и П. Струве, и „Вѣст. Русск. Рев.“, и г. Бердяевъ! Всѣмъ имъ весьма хотѣлось бы имѣть Бернштейна очищеннымъ отъ всякой буржуазной пошлости.*) Но вотъ бѣда: что̀ если за вычетомъ этой пошлости въ „новаторствѣ“ Бернштейна не окажется ровнехонько ничего новаго: А между тѣмъ, это такъ. Вѣдь не случайно же вышло, что, какъ констатируетъ „Вѣстникъ“, „въ области практики.... честь высоко держать знамя революціи достается не людямъ „критики“, а защитникамъ „догмы“. И мы можемъ предсказать „Вѣстнику“, что онъ тѣмъ болѣе пріобщится этой высокой чести, чѣмъ рѣшительнѣе приблизится къ „догмѣ“.

Редакція „Вѣстника“ думаетъ не такъ. Ей кажется, что „на ряду съ этими комбинаціями смутно вырисовываются на фонѣ европейской соціалистической мысли и новыя. Въ одной изъ своихъ статей бывшій анархистъ, присоединившійся къ соціаль-демократіи, Л. Гумпловичъ спрашиваетъ: нельзя ли, исходя изъ бернштейніанскихъ предпосылокъ, въ извѣстныхъ случаяхъ стать на сторону болѣе быстраго переворота? Не вызываетъ ли „новый соціализмъ“ на практикѣ стремленіе, съ помощью болѣе правильнаго и болѣе глубокаго пониманія условій общественнаго развитія, ускорить темпъ соціальнаго прогресса?“

Бѣдная русская мысль! Отчаявшись сдѣлать выборъ между революціонной ортодоксіей и „симпатичнымъ“, но буржуазно-пошловатымъ „критицизмомъ“, она, кажется, готова схватиться за перваго попавшагося захудалаго нѣмецкаго „академика“, который и всего то прославился, главнымъ образомъ, тѣмъ, что во всѣхъ своихъ „ипостасяхъ“ — отъ анархиста до „новаго соціалиста“, всегда проявлялъ одинаковое легкомысліе и наклонность къ „беллетристическому“, какъ говорятъ нѣмцы, третированію общественныхъ вопросовъ! Поставленная Гумпловичемъ „проблема“, вообще говоря, представляетъ сущій вздоръ. Никто и не сомнѣвался, что „исходя изъ бернштейніанскихъ предпосылокъ“, можно „въ извѣстныхъ случахъ стать на сторону болѣе быстраго переворота“. Въ своихъ недавнихъ статьяхъ объ оппортунизмѣ (въ Neue Zeit) Парвусъ блестяще показалъ, что исходя изъ „основныхъ предпосылокъ“ оппортунизма (а этими основными предпосылками являются: политическая безхарактерность, теоретическая беззаботность и отсутствіе развитаго классового самосознанія), не только можно, но и должно въ извѣстныхъ случаяхъ стоять за „болѣе быстрый переворотъ“. Ультра-революціонизмъ оппортуниста въ „праз-

*) Что не помѣшало, однако, такимъ скорбящимъ, какъ гг. Струве и Бердяевъ, самимъ воспринять изрядную дозу Бернштейновскаго филистерства.

дничное" время прямо пропорціонально его трезвенности во время буденъ. Примѣръ: Б. Кричевскій до февраля мѣсяца и Б. Кричевскій въ мартѣ мѣсяцѣ (того же года).

Такъ обстоитъ дѣло съ проблемой Л. Гумпловича. Что-же касается проблемы „В. Р. Р." касательно того, не вызываетъ ли „новый соціализмъ" на практикѣ стремленіе „ускорить темпъ соціальнаго прогресса", то, кажется намъ, эта проблема уже рѣшена „практикой". Священной Римской Имперіи баронъ Мильеранъ, споспѣшествуемый апостоломъ „новаго соціализма" Жорэсомъ, явилъ намъ достаточно-наглядный примѣръ попытки „ускоренія темпа соціальнаго прогресса". . . . Когда эти строки появятся въ печати, обманутые „новымъ соціализмомъ" французскіе углекопы, вѣроятно, своею кровью подведутъ итогъ „цѣнѣ" этого „ускоренія прогресса".

Какъ видитъ читатель, при всемъ стремленіи „высоко держать знамя революціи", новый журналъ не чуждъ новомодной „секретной болѣзни" — бернштейніанскихъ симпатій. Попытка соединить несоединимое — симпатіи къ „критикѣ марксизма" съ сочувствіемъ революціонному соціализму заставляютъ А. И. Комова, автора статьи „Историческіе зигзаги", написать слѣдующія болѣе чѣмъ странныя строки: „. . . . подъ вліяніемъ реакціи противъ крайнихъ выводовъ „направо", подъ вліяніемъ *внутренней прогрессивной критики марксизма* (курсивъ нашъ) . . . лучшая и болѣе энергичная часть русской соціаль-демократіи все рѣшительнѣе обнаруживаетъ тяготѣніе въ сторону многихъ существенныхъ принциповъ Народной Воли. Вновь возникающія революціонныя группы и организаціи ставятъ, какъ и Народная Воля, на первый планъ вопросъ о политической свободѣ, отдавая по большей части (!) предпочтеніе выдвинутымъ ею методамъ и средствамъ борьбы." Такъ то пишется исторія! Оставимъ на совѣсти автора его увѣреніе о томъ, будто „по большей части" новыя революціонныя организаціи отдаютъ предпочтеніе народовольческимъ методамъ борьбы. Странныя это организаціи, о существованіи которыхъ что-то даже и не слышно! Впрочемъ, это подставленіе „желаемаго" вмѣсто дѣйствительнаго совершенно невинная вещь по сравненію съ чудовищнымъ утвержденіемъ, что переходъ соціаль-демократическихъ организацій къ политической борьбѣ есть результатъ „внутренней прогрессивной критики марксизма". Гг. Прокоповичъ, Булгаковъ, Струве и Бердяевъ, какъ виновники вытѣсненія нашего „экономизма" „политическимъ" направленіемъ! „критическое" „credo", какъ исходный пунктъ новаго революціоннаго подъема! До чего, однако, люди договариваются!

Слѣдуетъ надѣяться, что живое революціонное чувство вступитъ у издателей „Вѣстника" въ конфликтъ съ некритическимъ тяготѣніемъ къ мнимошрокимъ перспективамъ, открываемымъ „новымъ", „критическимъ" соціализмомъ. Пока-же мы можемъ рекомендовать имъ бóльшую осторожность въ принятіи пламенныхъ признаній въ любви, которыя имъ охотно будутъ расточать представители нашего россійскаго „новаго" соціализма. Расплывчатости и неопредѣленности достаточно много въ русскомъ соціализмѣ „субъективной" школы, чтобы ихъ стóило усугублять расплывчатостью и неопредѣленностью нашихъ „марксистообразныхъ" критиковъ.

На это размышленія насъ навело именно такое признаніе въ любви, помѣщенное въ „В. Р. Р.", какъ письмо въ редакцію, исходящее якобы отъ соціаль-демократа. Какъ и приличествуетъ любовнымъ письмамъ, въ этомъ произведеніи гораздо больше чувства, чѣмъ смысла, гораздо больше восклицательныхъ знаковъ, чѣмъ идей. Письмо носитъ громко вопросительное заглавіе: „Что же насъ разъединяетъ?", на каковой вопросъ по истеченіи 6 страницъ истерическихъ взвизгиваній дается отвѣтъ: „И вновь все тотъ же краткій и выразительный отвѣтъ: ничто! Да, насъ ничто по существу

не разъединяетъ и изъ враговъ*) по недоразумѣнію мы можемъ стать и станемъ друзьями, друзьями и въ счастьѣ, и въ несчастьѣ, друзьями и въ мирѣ, и на войнѣ. Руку же, товарищи!“ Подписано: „не-стяжатель“.

Редакція надѣется, что „читатели съ интересомъ отнесутся къ этому письму, въ которомъ отражается все наростающая потребность различныхъ соціалистическихъ группъ въ сближеніи“. Право, совѣстно становится за почтенную редакцію, что она столь безвкусное разжевываніе на 6 страницахъ одного „краткаго и выразительнаго ничто“ могла принять за „отраженіе“ чего бы то ни было серьезнаго. Ну развѣ пустословіе можетъ „отражать“ что либо, кромѣ развѣ маниловскаго прекраснодушія!

Но читатель уже негодуетъ на нашу „рѣзкость“. Въ свое оправданіе мы приведемъ начало этого великолѣпнаго письма:

„Великій грѣхъ совершаемъ передъ русскимъ народомъ! Онъ, подавленный, забитый, скованный въ тискахъ царскаго произвола, ждетъ отъ насъ, своихъ сыновей просвѣщенныхъ, знающихъ зло (!) и средства борьбы съ нимъ, ждетъ — давно уже ждетъ — совѣта и руководительства. Онъ ждетъ. . . . А мы — мы слишкомъ просвѣщены, мы слишкомъ дорожимъ буквой нашей вѣры, чтобы снизойти до сѣрой дѣйствительности, такой непослушной для нашихъ формулъ, и въ ней, въ неумолчно бьющемся пульсѣ жизни, черпать для себя указанія. Цѣль и смыслъ нашего существованія часто мы бываемъ склонны видѣть не въ томъ, чтобы революціонно воздѣйствовать на жизнь, чтобы вести впередъ угнетенную массу народа, а въ безконечныхъ схоластическихъ спорахъ о нашихъ программныхъ разногласіяхъ. . .

„А врагъ, нашъ истинный врагъ — царское правительство — творитъ на досугѣ свое дѣло, дѣло угнетенія и подавленія всего праваго, всего честнаго.

„Чтожъ? Долго будетъ такъ?

„Долго будемъ мы продолжать оставаться невольными пособниками беззаконія и насилія? (ого!) Неужели мало мы спорили и „выясняли“ и себя, и другихъ? Довлѣетъ дневи злоба его. Прошло, думается мнѣ, время споровъ и выясненій, и настала пора дѣйствія, пора живой интенсивной практики.“

Читатель, вѣрно, уже оглушенъ криками „слишкомъ просвѣщеннаго“ не-стяжателя и мы спѣшимъ остановиться. Удивительное, право, дѣло! За послѣднее время у насъ самымъ несомнѣннымъ образомъ нарождается цехъ революціонныхъ декламаторовъ, столь чуждый до сихъ поръ русской соціалистической средѣ. Что это? не признакъ ли приближающагося утра, которое по своему привѣтствуютъ ранніе пѣтухи? Далъ бы Богъ!

Что же намъ скажетъ по существу нашъ „невольный пособникъ беззаконія и насилія“ (самъ, вѣдь, такъ назвалъ себя!)?

„Я рѣшаюсь прямо и открыто заявить, что можно и должно забыть не только все то, что такъ или иначе, до сихъ поръ разъединяло на отдѣльныя фракціи и направленія насъ, соціаль-демократовъ, но и то, что, *казалось* (курсивъ автора), на вѣки глухой стѣной стало между нами и народовольцами.“

Можетъ быть, насъ разъединяетъ теорія? спрашиваетъ авторъ, „положительное или отрицательное отношеніе къ доктринѣ экономическаго матеріализма, къ „роли личности“ въ историческомъ процессѣ?“ И тутъ же отвѣчаетъ: „Но гдѣ, у кого есть она, эта теорія, которая могла бы смѣло и гордо заявить: я — вся истина, и нѣтъ истины, кромѣ меня.“

---

*) Никогда русскіе соціаль-демократы не видѣли въ соціалистахъ другихъ фракцій „враговъ“. Удивительная страсть говорить гиперболами!

Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ людей, которые воображаютъ, что если они сами растеряли всѣ теоретическіе устои, то это значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что сама теорія испарилась, яко дымъ.

„Да и можетъ ли быть она, теорія, наука, *такой* истиной, разъ она хочетъ говорить намъ о настоящемъ и будущемъ, о томъ настоящемъ и будущемъ, гдѣ *мы* чувствуемъ себя и *не* можемъ не чувствовать творцами жизни."

Нашъ „слишкомъ просвѣщенный" „невольный пособникъ беззаконія и насилія", оказавшійся еще вдобавокъ „творцомъ жизни" (и все это бумага выноситъ!) совершаетъ курьезный фокусъ-покусъ. Онъ взялся намъ доказать, что теорія „насъ" не разъединяетъ отъ народовольцевъ. Доказательство свое онъ начинаетъ съ утвержденія, что теорія марксизма a priori несостоятельна — по тому собственно случаю, что онъ, г-нъ нестяжатель, чувствуетъ и не можетъ не чувствовать себя „творцомъ жизни" — ni plus ni moins. Да, такимъ способомъ не мудрено „примиритъ" что бы то ни было съ чѣмъ бы то ни было. Но такъ бы и говорилъ г-нъ не-стяжатель, что онъ собирается „объединять" вышедшихъ въ отставку (по случаю „критическаго" недомоганія) марксистовъ съ противниками марксизма. Было бы понятно и естественно.

„Я не хочу этимъ сказать, продолжаетъ „творецъ жизни", чтобы мы, соціаль-демократы, не обладали нѣкоторыми основными устойчивыми элементами теоріи. Они у насъ есть: это — доктрина экономическаго матеріализма въ извѣстномъ критическомъ освѣщеніи." Чтобы не осталось неяснымъ, какого рода „освѣщеніе" дается нашей теоріи прыткимъ „нестяжателемъ", онъ выпаливаетъ такую тираду: „На мой взглядъ, марксистомъ можетъ быть въ одинаковой степени и сторонникъ идеалистической философіи, и сторонникъ философскаго матеріализма, и современный позитивистъ эмпиріо-критическаго направленія. И факты вполнѣ подтверждаютъ справедливость этого. Въ марксизмъ все болѣе и болѣе проникаетъ струя критическаго идеализма, въ лицѣ новѣйшихъ представителей неокантіанства."

Парвусъ метко указалъ на то, что для оппортюниста (а эклектики суть оппортюнисты въ области теоріи) ultima ratio его права на существованіе есть самый фактъ его существованія. Я появился на свѣтъ божій, стало быть, я законный плодъ исторіи. Такъ же разсуждаетъ и г. не-стяжатель. Изъ того факта, что появились люди, совмѣщающіе въ своихъ головахъ несовмѣстимые элементы разныхъ философскихъ системъ, онъ дѣлаетъ побѣдоносное заключеніе, что такіе противуестественные союзы являются самымъ нормальнымъ дѣломъ.

Не будемъ дальше слѣдить за всѣми вывертами мысли нашего автора, а подойдемъ прямо къ „практическому" выводу. Выводъ этотъ сводится вотъ къ чему: пусть народовольцы создадутъ свою „боевую организацію, которая наряду съ соціаль-демократической, могла бы вести рѣшительную борьбу съ царскимъ правительствомъ." За малымъ дѣло стало! Шутникъ, право шутникъ г. не-стяжатель! „И повѣрьте, продолжаетъ онъ шутить, мы, соціаль-демократы, будемъ отъ всей души привѣтствовать подобную организацію, если только она признаетъ правомѣрность нашего *самостоятельнаго* существованія, нисколько не исключающаго, впрочемъ, параллельную дѣятельность." Величественная картина: Г. не-стяжатель заключаетъ отъ имени русской соціаль-демократіи договоръ съ имѣющей еще родиться „боевой организаціей" и первымъ условіемъ соглашенія ставитъ, чтобы эта несуществующая еще организація признала „правомѣрность" существованія организаціи уже существующей! Партія, съ полнымъ правомъ претендующая быть представителемъ революціоннаго пролетаріата, станетъ спрашивать

у организаціи революціонныхъ идеологовъ разрѣшенія на „самостоятельное существованіе“! Да, кого богъ хочетъ наказать „критической“ болѣзнью, онъ прежде всего лишаетъ всякаго чувства кровной связи съ классомъ, которому принадлежитъ будущее!

Итакъ г. не-стяжатель привелъ въ движеніе небо и землю, громъ и молнію, идеалистическую философію и эмпиріо критицизмъ, роль личности и Земскій Соборъ, залежи собственнаго невѣжества и цѣлый фейерверкъ велерѣчивыхъ фразъ — и все это для того, чтобы доказать, что если создастся народовольческая партія, то соціаль-демократія, *оставаясь вполнѣ самостоятельной*, будетъ видѣть въ ней союзника въ борьбѣ съ самодержавіемъ! И редакціи „Вѣстника“ эта новость показалась столь поучительной, что она обращаетъ вниманіе читателя на сіе письмо. Въ странное, однако, время мы живемъ!

Л. М.

„Былое“. Историко-революціонный сборникъ № 2, Лондонъ.

Второй выпускъ „Былого“ заключаетъ немало интересныхъ матерьяловъ. Въ немъ перепечатаны первыя прокламаціи Исполнительнаго Комитета, одна статья изъ № 2 „Народной Воли“, статьи изъ „Рабочей Газеты“ 1880—81 года, процессъ 20-ти (Александра Михайлова и др.). Мы можемъ только привѣтствовать попытку собранія матерьяловъ по исторіи нашего революціоннаго движенія, такъ мало въ настоящее время извѣстной многимъ молодымъ дѣятелямъ. Для революціонеровъ всѣхъ фракцій одинаково важно собраніе всего того, что можетъ восполнить наши знанія о прошломъ русскаго революціоннаго движенія.

Поэтому, предпріятіе г. Бурцева могло бы разсчитывать на всеобщее сочувствіе, если бы въ исполненіе своей задачи онъ не внесъ нѣкотораго неподобающаго въ такомъ дѣлѣ элемента сведенія партійныхъ счетовъ со своими противниками. Быть влюбленнымъ въ героевъ, исторію которыхъ изучаешь, — дѣло довольно обычное для историка; но перемѣшивать воспѣваніе этихъ героевъ задорными выходками по адресу тѣхъ, кто въ свое время критически отнесся къ ихъ дѣятельности, — для этого уже требуется нѣкоторое отсутствіе вкуса. Во всякомъ случаѣ, такимъ путемъ если и отведешь свою душу, то ужъ никакъ не заставишь всѣхъ читателей смотрѣть на твое дѣло, какъ на предпріятіе „безпартійное“, помогать которому должны всѣ и каждый.

На всѣ эти мысли насъ навела полемика г-на Бурцева съ соціаль-демократами по вопросу о пропагандѣ среди рабочихъ, веденной партіей „Народной Воли“.

„Мы очень желали бы, говоритъ г. Бурцевъ, („Былое“ стр. 84) на страницахъ „Былого“ привести о пропагандѣ народовольцевъ среди рабочихъ мнѣнія людей, враждебно настроенныхъ къ „Народной Волѣ“; но, къ сожалѣнію, мы не встрѣчаемъ со стороны народовольческихъ противниковъ ни критики дѣятельности народовольцевъ среди рабочихъ, ни простого знакомства съ фактами этого движенія. Все, что можно найти на этотъ счетъ, это или голословное отрицаніе существованія сложнаго, богатаго событіями движенія среди передовыхъ народовольцевъ, или такое же голословное и ни на чемъ не основанное приписываніе движенію характера, котораго оно никогда не имѣло“. Какъ на примѣръ „такого глубоко печальнаго и несправедливаго отношенія къ серьезному вопросу“, г. Бурцевъ указываетъ на „письмо къ товарищамъ“ П. Аксельрода (отлитографированное въ 1887 году).

Въ этомъ письмѣ П. Аксельродъ высказалъ ту мысль, что въ народовольческій періодъ нашего революціоннаго движенія „пропагандистско-проповѣдническая дѣятельность все болѣе и болѣе съуживалась и превратилась преимущественно въ орудіе вербовки въ средѣ рабочихъ подходящихъ для террористической борьбы лицъ". В. Бурцевъ, наставивъ въ цитируемой имъ фразѣ П. Аксельрода цѣлую чащу вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ, замѣчаетъ, между прочимъ:

„Что же касается обвиненія г. Аксельрода въ томъ, что народовольцы съузили свою дѣятельность среди рабочихъ до простой вербовки (!) членовъ для террористической дѣятельности, то эта мысль цѣликомъ взята имъ на вѣру изъ рѣчей прокурора Муравьева и съ исторической правдой ничего общаго не имѣетъ. Среди соціаль-демократовъ эта мысль г. Аксельрода привилась и много послужила для затемнѣнія истиннаго смысла дѣятельности народовольцевъ и для отпугиванія отъ Народной Воли людей, которые на слово вѣрятъ такимъ писателямъ, какъ Аксельродъ, полагая, что они въ своей полемикѣ съ противниками не только вѣрятъ сами въ то, о чемъ говорятъ, но то, что они говорятъ, они *серьезно* обосновали и взяли не „съ вѣтра", или еще хуже, не изъ такого мутнаго источника, какъ рѣчи Муравьева" (стр. 85).

Изъ программы Исполнительнаго Комитета мы знаемъ, что партія Народной Воли стремилась организовать боевые элементы пролетаріата для того, чтобы обезпечить себѣ его поддержку въ моментъ рѣшительнаго нападенія на правительство въ цѣляхъ „захвата власти". Но несомнѣнно, что *практика* партіи въ моментъ наиболѣе агрессивной ея дѣятельности съузила эту задачу и свела ее въ концѣ концовъ къ подготовкѣ кадра заговорщиковъ, изъ которыхъ самыя цѣнныя силы вербовались въ ряды террористическихъ дружинъ. Такова логика террористической борьбы. Нѣчто подобное произошло и съ попыткой „военной организаціи". Лучшія организаторскія и пропагандистскія силы среди офицеровъ втягивались въ террористическую борьбу и Рогачевы, Сухановы и Буцевичи также точно поглощались всепожирающей работой подготовки покушеній, какъ Прѣсняковы, Михайловы и Халтурины. Если же въ 1882/83 годахъ пропаганда среди рабочихъ начала опять оживать, то лишь потому, что непосредственно террористическая дѣятельность партіи замерла, отъ партіи началъ отлетать ея „духъ живъ", цѣльность ея политической работы и отдѣльныя ея функціи, поскольку онѣ *таили сами въ себѣ жизненное начало*, продолжали свое самостоятельное существованіе.

Если г. П. Аксельродъ утверждалъ, что на практикѣ народовольцы съузили свою пропаганду до выработки изъ рабочихъ террористическихъ кадровъ, то въ этомъ утвержденіи нельзя усматривать ничего оскорбительнаго для памяти борцовъ Народной Воли. Вѣдь П. Аксельродъ никогда не подвергалъ сомнѣнію того общеизвѣстнаго факта, что для народовольцевъ террористическая борьба была единственно возможной формой политической борьбой *за соціальную революцію*. Вполнѣ послѣдовательно они вовлекали всѣ активно-революціонныя силы въ эту борьбу.

Вотъ если бы кто сталъ утверждать, что народовольцы, пропагандируя среди рабочихъ, ни о какихъ соціализмахъ не думали, а желали только сдѣлать изъ нихъ орудіе политической борьбы, вотъ тогда г. Бурцеву было бы о чемъ возмущаться! Почему, напр., г. Бурцевъ, стремясь реабилитировать „Народную Волю", не вспомнилъ о томъ писателѣ, который въ 1889 г., говоря о народовольцахъ, писалъ, что большинству изъ нихъ „рабочая пропаганда нужна была для того, чтобы имѣть сочувствующихъ революціонерамъ рабочихъ *на другой день послѣ побѣды*, для болѣе крайнихъ радикаловъ рабочіе были необходимы для *политической* рево-

люціи — не болѣе“ (курсивъ въ подлинникѣ)? Почему, въ самомъ дѣлѣ, г. Бурцевъ не вспомнилъ о такого рода „обвиненіяхъ“ противъ народовольцевъ? Вѣроятно, потому, что авторъ цитированныхъ строкъ — самъ г-нъ Бурцевъ (Свободная Россія № 1 1889 г.).

Гнѣвъ г. Бурцева по адресу соціаль-демократовъ вообще и П. Аксельрода въ частности былъ бы только комиченъ, еслибъ не сопровождался пелѣпой и неприличной выходкой — указаніемъ на „мутные источники“. Мы не знаемъ, какъ говорилъ г. Муравьевъ объ отношеніи народовольцевъ къ рабочимъ. Но мы легко можемъ себѣ представить, что онъ долженъ былъ сказать, будучи прокуроромъ. Онъ, вѣроятно, утверждалъ, что для народовольцевъ рабочіе были только „пушечнымъ мясомъ“, орудіемъ для достиженія „чуждыхъ имъ цѣлей“, какъ выразился г. Витте въ 1896 г., увѣщевая петербургскихъ рабочихъ не идти за соціаль-демократіей. Можно-ли придать такой смыслъ словамъ П. Аксельрода о томъ, что пропаганда народовольцевъ превратилась въ орудіе вербовки террористовъ? Всякій безпристрастный читатель скажетъ, что такого смысла этому утвержденію придать нельзя. И всякій безпристрастный читатель признаетъ, что то, что говорилъ о народовольцахъ въ 1889 г. г-нъ Бурцевъ, гораздо ближе къ Муравьевскимъ утвержденіямъ. Изъ чего слѣдуетъ, что вообще неприличная выходка г. Бурцева на счетъ „мутныхъ источниковъ“ сугубо-неприлична въ устахъ писателя, который самъ одно время занимался несправедливымъ дискредитированіемъ народовольцевъ.

Въ упомянутомъ „письмѣ“ П. Аксельродъ, между прочимъ, отозвался неодобрительно о фельетонѣ № 2 „Рабочей газеты“, издававшейся народовольцами въ 1880/81 годахъ. Г. Бурцевъ находитъ, что и тутъ П. Аксельродъ взвелъ на народовольцевъ напраслину. Посмотримъ, такъ ли это.

Что сказалъ по этому поводу П. Аксельродъ?

„Рабочая Газета... разсказывала такія небылицы о результатахъ низверженія Наполеона III, что рабочіе могли вывести чрезвычайно радужное представленіе о положеніи ихъ собратій во Франціи при республиканскомъ управленіи. Отсюда слѣдовало, что и у насъ паденіе абсолютизма будетъ имѣть непосредственнымъ своимъ результатомъ воцареніе благосостоянія и равенства. Это уже былъ чисто демагогическій пріемъ“.

„Что издатели Рабочей Газеты, возражаетъ на это г. Бурцевъ, не рисовали современной имъ Франціи въ видѣ какой то Аркадіи, какъ это могли бы сдѣлать тѣ демагоги, какими рисуетъ г. Аксельродъ народовольцевъ, это видно изъ первой статьи того-же № 2-го“. Однако, передовица — передовицей, а все таки, что говорилось въ фельетонѣ? Посмотримъ на стр. 81 того же выпуска „Былого“, гдѣ приводится этотъ фельетонъ.

„Теперь (послѣ 1870 г.) французы зажили на славу: — голодать имъ не приходится, да что голодать! Хлѣба нашего не токмо съ мякиной, а простого черпаго не ѣдятъ, а все бѣлый, да пеклеванный, про говядину и говорить нечего — не намъ чета. Потому и зажили хорошо, что грабителей, да обирохъ всѣхъ прогнали!“

Читатель видитъ теперь, правъ ли былъ П. Аксельродъ, говоря о „небылицахъ“. Онъ видитъ также, можно ли считать г. Бурцева удачнымъ адвокатомъ взятой имъ въ свое спеціальное вѣдѣніе партіи „Народной Воли“.

Охъ, бѣда съ этими влюбленными!

Особенная бѣда потому, что начавши молиться на свой „предметъ“, эти бѣдные люди сплошь и рядомъ рискуютъ разбить себѣ лобъ.

На стр. 139 „Былого“ мы читаемъ:

„Реакція, царившая въ революціонныхъ рядахъ въ 1888/1897 годахъ, не позволяла выступить на сцену дѣятелямъ школы Желябева и Ал. Михайлова, но это печальное для насъ время проходитъ, и революціонная

мысль начинаетъ понимать свои недавнія ужасныя ошибки и уже выходитъ на настоящую дорогу для борьбы съ самодержавіемъ: въ литературѣ и внѣ ея теперь раздаются громко голоса за поворотъ къ идеямъ „Народной Воли".

Въ 1883 году возникла русская соціаль-демократія — фактъ, который г. Бурцеву вполнѣ естественно поставить, какъ исходный пунктъ „реакціи". Но почему же „начало конца" этой реакціи отнесено г. Бурцевымъ къ 1897 году? Въ 1896 г. прекратилась дѣятельность послѣдней революціонной группы въ Россіи, еще носившей имя народовольческой;*) въ этомъ же году вышелъ послѣдній выпускъ изданія заграничной „группы старыхъ народовольцевъ". Почему для г. Бурцева какъ разъ слѣдующій, 1897-й, годъ представляется началомъ возрожденія? Да какъ же вы не догадываетесь, читатель? вѣдь въ 1897 году вышелъ ... подъ редакціей г. Бурцева журнальчикъ „Народоволецъ", направленія ругательно-легкомысленнаго. Такъ вотъ оно, значеніе историческихъ датъ! Отъ возникновенія соціаль-демократіи до возрожденія г. Бурцева!

А, вѣдь, дѣйствительно, былъ у насъ періодъ реакціи въ революціонныхъ рядахъ. Было время, когда русскіе революціонеры отказывались отъ важнѣйшей своей традиціи — отъ солидарности со всемірнымъ соціалистическимъ движеніемъ. Раздавались голоса о необходимости спрятать соціализмъ въ карманъ, раздавались упреки по адресу „Народной Воли" за то, что она ради соціалистическаго идеала, игнорировала фактическую политическую силу — русскій либерализмъ ... Апогеемъ этого реакціоннаго теченія было появленіе „Свободной Россіи", однимъ изъ редакторовъ которой былъ г. Вл. Бурцевъ. Явно-реакціонный характеръ „новой струи" побудилъ даже въ то время соціаль-демократовъ и народовольцевъ соединиться для борьбы съ этой попыткой навязать русскому революціонному движенію буржуазное знамя.

Не гоже, г. Бурцевъ, говорить о „реакціи" въ такомъ тонѣ, словно бы вы неизмѣнно держали высоко знамя „народовольчества". Или, по крайней мѣрѣ, безпристрастія ради, слѣдовало бы Вамъ въ слѣдующемъ выпускѣ „Былого" перепечатать свои статьи изъ „Свободной Россіи". Эти статьи пригодились бы

Молодымъ людямъ на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушеніе. Л. М.

Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle. Herausgegeben von Franz Mehring. I. Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels. Von März 1841 bis März 1844. Stuttgart, Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. 1902. (Изъ литерарнаго наслѣдства Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля. Томъ первый: Собраніе сочиненій Карла Маркса и Фридриха Энгельса, вышедшихъ отъ марта 1841 г. до марта 1844 г. Изданіе И. Г. В. Дица преемн., подъ редакціей Франца Мерингa, Штутгартъ 1902.)

Многія изъ сочиненій Маркса и Энгельса, вышедшихъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, сдѣлались совершенно недоступны читающей пу-

---

*) Напомнимъ, что № 4 „Лет. Листка", выпущенный этой групой, подвергся нападкамъ хранителей „устоевъ" народовольчества за его близость къ соціаль-демократіи. А 5-ый № того же листка, арестованный въ готовомъ видѣ полиціей, прямо заявилъ о переходѣ группы, его издававшей, къ соціаль-демократіи — какъ намъ положительно заявили члены этой группы

бликѣ. А между тѣмъ они чрезвычайно важны, какъ матеріалъ для исторіи возникновенія и развитія современнаго соціализма. Поэтому предпринятое фирмой Дица изданіе этихъ сочиненій, сопровождаемыхъ пояснительными примѣчаніями Фр. Меринга, будетъ радостно встрѣчено всѣми мыслящими читателями. Теперь вышелъ первый томъ этого изданія, который заключаетъ въ себѣ сочиненія, относящіяся къ періоду 1841—1844 годовъ.*) Интересъ, возбуждаемый этимъ томомъ, усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ него вошла остававшаяся до сихъ ненапечатанной докторская диссертація Маркса „Differenz der demokritischen und epikureischen Naturphilosophie“ (о различіи между демокритовой и эпикуровой философіей природы).

Когда мы читали этотъ томъ, намъ не разъ вспоминалось замѣчаніе, которое дѣлаетъ врачъ-французъ въ одной изъ повѣстей Герцена: „Должно быть на людей бываетъ урожай, какъ на виноградъ. Кажется, условія тѣ же, а одинъ годъ изъ десяти вино лучше, говорятъ отъ кометы. Въ Англіи комета на людей была во время Кромвелля, а у насъ въ концѣ XVIII вѣка.“ Въ Германіи „комета на людей“, была, повидимому, въ ту эпоху, когда складывались характеръ и міросозерцаніе Маркса, Энгельса и Лассаля. Какъ усердно работала мысль тѣхъ, — правда, не очень многочисленныхъ, — людей, которые пробуждались тогда къ сознательной жизни! И какимъ благороднымъ огнемъ горѣло ихъ сердце! Г. Вернеръ Зомбартъ говоритъ въ своихъ чтеніяхъ о соціальномъ движеніи XIX вѣка, что революціонное настроеніе Маркса, не покидавшее его до самой смерти, объясняется его скитальческой жизнью политическаго изгнанника. Это объясненіе, отъ котораго такъ сильно несетъ *филистерскимъ* духомъ, сдѣлается совершенно несостоятельнымъ въглазахъ всякаго безпристрастнаго читателя, если только онъ дастъ себѣ трудъ внимательно прочитать рецензируемый нами томъ. Вошедшія въ него сочиненія Маркса написаны были въ то время, когда онъ совсѣмъ еще не отвѣдалъ горечи изгнаннической жизни. А между тѣмъ революціонная страсть бьетъ въ нихъ ключемъ всюду, гдѣ только заходитъ рѣчь объ общественныхъ вопросахъ. Ясно, что эта страсть порождена не эмигрантской жизнью; ясно, что она создана была той самой „кометой“, которая вызвала „урожай на людей“ въ Англіи семнадцатаго и во Франціи восемнадцатаго вѣка. А если мы вспомнимъ, каковы были соціально-политическія условія каждаго изъ этихъ „урожайныхъ“ періодовъ, то мы безъ труда увидимъ также и ошибку герценовскаго врача-француза: въ самомъ дѣлѣ, у него выходитъ, что общественныя условія остаются *„тѣ же“* какъ въ „урожайные“, такъ и въ неурожайные годы, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оказывается, что именно условія-то и измѣняются, и что въ ихъ измѣненіи все дѣло: урожай на революціонеровъ бываетъ тогда, когда новыя общественныя нужды приходятъ въ противорѣчіе со старымъ соціально-политическимъ порядкомъ, и когда общество вступаетъ, вслѣдствіе этого, въ революціонную эпоху своего развитія. Такое противорѣчіе существовало въ Англіи временъ Кромвелля и во Франціи второй половины восемнадцатаго вѣка. Въ Германіи оно характеризируетъ собою все то время, къ которому относится юность и первая молодость Маркса, Энгельса и Лассаля. Эти люди стали революціонерами по той причинѣ, что воспитались въ революціонную эпоху. А вотъ г. Вернеръ Зомбартъ воспитывался въ такое время, когда классъ, къ которому онъ принадлежитъ, — *нѣмецкая буржуазія*, — во всѣхъ своихъ

*) На дняхъ вышелъ также 4-ый томъ, содержащій письма Ф. Лассаля къ Марксу и Энгельсу за 1849—1862 годы. Въ февралѣ выйдетъ второй и въ апрѣлѣ третій томы. Ред.

слояхъ сдѣлалась болѣе или менѣе консервативной. Поэтому ученый профессоръ просто на просто неспособенъ понять революціонное настроеніе Маркса, до сихъ поръ, однако, очень хорошо понятное многимъ и многимъ *нѣмецкимъ пролетаріямъ*. Теперь въ Германіи полный неурожай на революціонеровъ изъ *средняго класса*. А когда люди неурожайной эпохи берутся судить о лучшихъ представителяхъ урожайныхъ годовъ, ихъ сужденія по необходимости выходятъ *узкими*, а иногда и просто *пошлыми*.

Извѣстно, что Марксъ, Энгельсъ и Лассаль, сдѣлавшіеся революціонерами въ періодъ борьбы нѣмецкой буржуазіи со „старымъ порядкомъ", рано покинули точку зрѣнія *революціонной буржуазіи* и перешли на точку зѣрнія *революціоннаго пролетаріата*. Этотъ переходъ совершенно закончился, — по крайней мѣрѣ у Маркса и Энгельса — уже ко времени изданія „Deutsch-Französische Jahrbücher", т. е. къ началу 1844 года: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать, напримѣръ, статью Маркса „Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie" или статью Энгельса „Die Lage Englands". (Обѣ эти статьи появились первоначально въ названныхъ „Jahrbücher", а теперь вошли въ разбираемый томъ.) Но въ самомъ началѣ своей публицистической дѣятельности Марксъ былъ только *радикаломъ*, разящимъ абсолютизмъ съ помощью *философской критики*. Къ этому первоначальному періоду его дѣятельности относится его сотрудничество въ „Rheinische Zeitung", и въ теченіе этого же періода написана имъ статья „Bemerkungen über die neueste preussische Zensurinstruktion", напечатанная въ первомъ томѣ вышедшихъ въ Цюрихѣ, въ началѣ 1843 года, „Anekdotis zur neuesten deutschen Philosophie und Publizistik". Радикалъ Марксъ и тогда уже является такимъ же горячимъ революціонеромъ и такимъ же могучимъ и безпощаднымъ полемистомъ, какимъ видимъ его въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Написанныя имъ тогда статьи представляютъ собою по истинѣ образцовыя публицистическія произведенія, несмотря на свой, — странный теперь, — философскій языкъ. Названная нами выше статья о цензурной инструкціи до сихъ поръ сохранила для русскаго читателя весь интересъ современности, и мы думаемъ, что, будучи издана въ русскомъ переводѣ, она пріобрѣла бы не малое агитаціонное значеніе. Впрочемъ, и нѣмецкій читатель извлечетъ изъ знакомства съ нею значительную пользу. Правда, современный нѣмецкій читатель уже не знаетъ тѣхъ прелестей цензуры, которыя пришлось извѣдать Марксу и которыми мы, русскіе, наслаждаемся и „по сіе время". Но въ современной Германіи выростаетъ теперь *цензура другого рода:* цензура общественнаго мнѣнія, осуждающаго *рѣзкій полемическій и насмѣшливый тонъ*. Такого тона терпѣть не могутъ теперь даже многіе соціальдемократы, и именно объ этомъ тонѣ Марксу пришлось говорить, разбирая то мѣсто цензурной инструкціи, которое рекомендуетъ тонъ *„скромный и серьезный"*. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ того, что можно назвать *свободой тона*. „Вы восхищаетесь очаровательнымъ разнообразіемъ, неисчерпаемымъ богатствомъ природы. Вы не требуете, чтобы роза имѣла запахъ фіалки, а то, что выше всего на свѣтѣ, духъ, долженъ, по вашему, существовать лишь въ одномъ видѣ? — спрашиваетъ онъ. — Я склоненъ къ юмору, а законъ требуетъ отъ меня серьезности. Я рѣзокъ, а законъ повелѣваетъ мнѣ писать скромнымъ стилемъ. Сѣрый цвѣтъ оказывается единственнымъ законнымъ цвѣтомъ свободы. Каждая капля, отражающая въ себѣ солнце, горитъ неисчерпаемымъ разнообразіемъ цвѣтовъ, а духовное солнце должно всегда вызывать только одинъ, только оффиціальный цвѣтъ, въ какомъ бы множествѣ лицъ и въ какихъ бы предметахъ оно ни отражалось! Существенная форма духа есть веселость, свѣтъ, а вы хотите, чтобы тѣнь была единственной

закономѣрной формой его проявленія! Онъ можетъ носить только черный костюмъ, между тѣмъ какъ ни одинъ цвѣтокъ не окрашивается природой въ черный цвѣтъ... Если серьезность не состоитъ, по вашему, въ томъ, въ чемъ она должна состоять согласно опредѣленію Тристрама Шэнди, если она не сводится къ лицемѣрнымъ движеніямъ тѣла, скрывающимъ недостатки души, то все ваше предписаніе превращается въ ничто. Ибо я серьезно отношусь къ смѣшному только тогда, когда я смѣюсь надъ нимъ, и серьезная нескромность духа заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ скромномъ отношеніи къ нескромности. Серьезно и скромно! какъ неопредѣленны и относительны эти понятія!" и т. д., и т. д. Намъ сдается, что если бы Мерингъ выпустилъ первый томъ задуманнаго имъ изданія мѣсяца за полтора до Любекскаго съѣзда, и если бы наши нѣмецкіе товарищи получили, такимъ образомъ, возможность ознакомиться съ блестящими и совершенно справедливыми соображеніями Маркса о томъ, *въ чемъ состоитъ истинная серьезность тона*, то въ Любекѣ не были бы сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія о *тонѣ* нѣкоторыхъ статей, направленныхъ противъ г. Бернштейна и ѣдк *осмѣивавшихъ смѣшное*. Впрочемъ, лучше поздно, чѣмъ никогда. Пусть сторонники *„серьезнаго тона"*, — а ихъ, какъ извѣстно, много не въ одной только Германіи, — дадутъ себѣ трудъ *серьезно* обдумать замѣчанія Маркса *о серьезномъ отношеніи къ смѣшному:* это чтеніе окажетъ весьма полезное вліяніе на ихъ литературныя понятія.

Читатель, вѣроятно, удивляется тому, что мы до сихъ ничего не сказали о диссертаціи Маркса, посвященной выясненію различія между философіей природы у Эпикура съ одной стороны и у Демокрита съ другой. Но объ этой диссертаціи и не приходится много распространяться въ настоящее время. Она была написана Марксомъ еще тогда, когда онъ обѣими ногами стоялъ на почвѣ *философскаго идеализма*, самой слабой стороной котораго всегда была именно *философія природы*. Поэтому диссертація Маркса не можетъ имѣть научнаго значенія въ глазахъ нынѣшняго читателя. Она важна только какъ матеріалъ для сужденія о ходѣ умственнаго развитія ея автора. Но за то въ этомъ отношеніи значеніе ея очень велико. Она наглядно показываетъ, до какой степени настоятельно необходимъ былъ разрывъ будущаго автора *„Капитала"* съ философскимъ *идеализмомъ:* не разорвавши съ нимъ. Марксъ, несмотря на всѣ свои блестящія способности, далеко не сдѣлалъ бы въ области теоріи всего того, что онъ получилъ возможность сдѣлать, благодаря своему переходу въ *матеріалистическій* лагерь.

Мы уже сказали, что, перепечатывая статьи Маркса и Энгельса, Ф. Мерингъ прибавилъ къ нимъ свои пояснительныя примѣчанія. При чтеніи этихъ примѣчаній намъ иногда казалось, что ихъ авторъ несправедливъ къ Гегелю (см., напримѣръ, на стр. 342 его замѣчаніе объ отношеніи Гегеля къ „гражданскому обществу"). Но это — частность, толковать о которой здѣсь неумѣстно. Въ общемъ мы должны отозваться съ большой похвалой объ этихъ замѣчаніяхъ, написанныхъ со знаніемъ предмета и съ тѣмъ остроуміемъ, которое такъ свойственно Рингу.

Г. П.

„Возрожденіе революціонизма въ Россіи". Изданіе революціонно-соціалистической группы „Свобода".

„Свобода". Журналъ для рабочихъ. Изданіе той-же группы.

Первое изъ этихъ изданій „программная брошюра" вновь образовавшейся группы. Авторъ ея находитъ, что новыя партіи и группы плодятся у насъ безъ логическаго „raison d'être", просто потому, что „реальная жизнь

россійская лишена всякой логики". Такъ появилась на свѣтъ „Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ, не вносящая въ свою программу ни новыхъ принциповъ, ни новыхъ средствъ".

Революціонно-соціалистическая группа, къ которой принадлежитъ авторъ ни новыхъ принциповъ, ни новыхъ средствъ тоже не вноситъ, но „она ставитъ своей задачей синтезированіе — не путемъ мертвой эклектики, а именно путемъ живого синтеза — глубоко вѣрныя идеи, завоеванныя нами лишь въ послѣднее время, съ тѣми средствами, которыя отчасти завѣщаны прошлымъ, а отчасти звучатъ изъ нѣдръ текущей дѣйствительности".

На самомъ дѣлѣ авторъ рекомендуетъ въ своей брошюрѣ „синтезировать" совершающееся теперь революціонное движеніе съ „завѣщаннымъ прошлымъ" организованнымъ и систематическимъ терроромъ. Что же касается до „глубоко вѣрныхъ идей, завоеванныхъ ... въ послѣднее время", то если читатель предположитъ, что рѣчь идетъ здѣсь объ идеяхъ современнаго соціализма, о теоретическомъ обоснованіи практической борьбы, то онъ сильно ошибется: авторъ, видимо, даже и не подозрѣваетъ, зачѣмъ бы такая штука могла кому нибудь, когда нибудь понадобиться? Видно это въ особенности изъ его изложенія исторіи возникновенія и развитія соціаль-демократическаго движенія въ Россіи.

Дѣло представляется ему такимъ образомъ: послѣ паденія Народной Воли ея наслѣдники пришли къ заключенію, что „коренная ошибка" „Народной Воли" — это то, что ею слишкомъ мало вниманія удѣлялось трудящимся массамъ ... Если бы „Народная Воля" имѣла за собою трудящіяся массы, она не погибла бы. Слѣдовательно, всѣ силы нужно направить на пропаганду и агитацію среди рабочаго населенія страны". Изъ числа тѣхъ наслѣдниковъ, о которыхъ идетъ рѣчь, авторъ исключаетъ народовольцевъ, оставшихся вѣрными прежней программѣ, за которой „осталось одно бумажное, но отнюдь не жизненное значеніе". Ихъ онъ называетъ „бывшими" людьми, отъ которыхъ „духъ народовольчества отлетѣлъ ... осталась лишь буква его да святыя воспоминанія о прошломъ". Наслѣдники же, ставшіе въ разрѣзъ съ народовольческими традиціями, оказались у автора сразу, еще въ 80-хъ годахъ, раздѣленными на два лагеря: экономическій и политическій.

Авторъ рѣзко критикуетъ „экономическое" направленіе, но переходя къ политическому онъ „не можетъ не отмѣтить на первый взглядъ страннаго обстоятельства: поскольку экономическій лагерь являетъ собою хоть узкую, но все же цѣльность, постольку здѣсь, въ политическомъ лагерѣ, все время существовала какая-то удивительная половинчатость. Возьмемъ литературу. Самыми ясными словами въ ней говорилось, жирнѣйшимъ шрифтомъ печаталось о необходимости политической борьбы, и при томъ массовой политической борьбы. Но переберите вы „Библіотеку Современнаго Соціализма", „Рабочую Библіотеку", „Соціально-Революціонную Библіотеку" и т. д. и окажется, что здѣсь меньше всего книжекъ *для рабочаго* и больше всего *о рабочихъ*". Въ этихъ же брошюрахъ „о рабочихъ", въ брошюрахъ экономическаго или програмнаго содержанія „обрѣтали себѣ покой", говоритъ авторъ, и политическія идеи. Получалась, такимъ образомъ, по мнѣнію автора лишь „политическая моралистика для интеллигентовъ-революціонеровъ", пригодная также для занятій „политикой" въ болѣе или менѣе интеллигентныхъ рабочихъ кружкахъ, но и только, т. е. почти ничего. Что же однако должны были бы дѣлать въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ соціалъ-демократы „политическаго лагеря"? Что-бы они дѣлали, если бы не были половинчатыми? „Рабочимъ преподносились бы, говоритъ авторъ, не различнаго рода абстракціи, а указывались бы

конкретныя цѣли съ опредѣленными средствами, которыми массы бы стали *сейчасъ* въ рядѣ выставляемыхъ требованій, въ рядѣ организованныхъ массовыхъ протестовъ добиваться политической свободы. Эти годы русская реакція неслась впередъ бѣшенымъ галопомъ, растаптывала въ порошокъ все мало-мальски человѣческое въ Россіи, ознаменовывая себя такими гнусными фактами, что, можетъ быть, каждый изъ нихъ способенъ былъ бы вызвать взрывъ возмущенія трудящихся слоевъ народа, если бы велась агитація на почвѣ этихъ фактовъ. При такой агитаціи давно уже стало бы ясно, что notre pauvre boutique du Tzar est pourrie (сгнила наша царская лавченка)". Вотъ что нужно было дѣлать вмѣсто того чтобы возиться съ библіотеками.

Авторъ, повидимому, не знаетъ, что вторая часть его ретроспективной программы исполнялась въ печати того времени самымъ роскошнымъ образомъ. То и дѣло появлялись изданія, посвященныя доказательствамъ того несомнѣннаго факта que notre pauvre boutique du Tzar est pourrie и ни малѣйшихъ абстракцій, никакихъ разговоровъ ни „о рабочихъ" ни объ „экономіи" къ доказательствамъ не примѣшивалось. Одни безчисленныя брошюры г. Алисова, по числу печатныхъ листовъ вѣроятно превосходятъ всѣ „Библіотеки", а по тону, по манерѣ писать и даже по содержанію (Побѣдоносцевъ — одинъ изъ любимыхъ героевъ г. Алисова) близко подходятъ къ образцамъ политической литературы, данными самой группой „Свобода" въ ея „Журналѣ для рабочихъ". Правда г. Алисовъ не предназначалъ своихъ брошюръ спеціально для рабочихъ, а писалъ для всѣхъ желающихъ, но не все ли равно, обращается или нѣтъ авторъ какихъ нибудь смѣхотворныхъ діалоговъ между министрами или монологовъ Побѣдоносцева спеціально къ рабочимъ? Ни глупѣе, ни тривіальнѣе эти монологи и діалоги отъ такого обращенія не дѣлаются. Совѣтуемъ автору просмотрѣть брошюры г. Алисова о Побѣдоносцевѣ, — онъ самъ увидитъ, что дальше въ этомъ направленіи идти некуда. Никакого зла вся эта агитаціонная литература царской лавочкѣ тогда не сдѣлала, и едва ли потому, что къ брошюрамъ не было приложено рецептовъ устройства „сейчасъ" же „массовыхъ протестовъ". Во всѣхъ выпускахъ „Библіотеки современнаго соціализма" дѣйствительно говорилось о рабочихъ и почти во всѣхъ вмѣстѣ съ этимъ имѣлось на лицо и экономическое и политическое содержаніе, т. е всѣ они, какъ переводы Маркса и Энгельса, такъ и оригинальныя вещи и отвлеченно и въ примѣненіи къ русской дѣйствительности, выясняли все тѣ же идеи научнаго соціализма.

Но уже народовольцы признали, что въ борьбѣ съ самодержавіемъ городской пролетаріатъ можетъ представить значительную силу и вели пропаганду лишь въ его средѣ, оставя въ сторонѣ крестьянство. Для чего же было цѣлые годы все толковать „о рабочихъ" вмѣсто того, чтобы объяснить имъ que notre pauvre boutiqe du Tzar est pourrie и указать какимъ образомъ ее сейчасъ же низвергнуть? Авторъ объясняетъ себѣ это лишь болѣзнью, гнѣздившейся въ революціонерахъ 1880/90 гг., вслѣдствіе общей деморализаціи, вызванной паденіемъ „Народной Воли". Съ своей чисто практической точки зрѣнія онъ даже не замѣчаетъ значенія того обстоятельства, что ведя пропаганду только среди пролетаріата, народовольцы считали носителемъ русскаго соціализма только крестьянина съ его общиннымъ землевладѣніемъ; что, борясь съ самодержавіемъ, они считали единственную немедленно осуществимую форму политической свободы — парламентаризмъ — вреднымъ для русскаго народа съ его самобытнымъ соціализмомъ и были вынуждены придумывать невѣроятные резоны, по которымъ паденіе самодержавія приведетъ у насъ не къ „буржуазной" свободѣ, а къ немедленному осуществленію соціализма. Съ точки зрѣнія

автора не видно, что именно это несоотвѣтствіе между общественной теоріей народовольцевъ и той практической борьбой, которую они вели, хотя и не ослабило энергію втянувшагося въ борьбу революціоннаго центра, но помѣшало возрожденію Народной Воли, не допуская пополненія ея рядовъ такими людьми, для которыхъ теоретическое обоснованіе ихъ практической борьбы необходимо. Смѣемъ однако увѣрить автора, что такіе чудаки дѣйствительно бываютъ и замираетъ то движеніе, къ которому они не могутъ присоединяться, такъ какъ ихъ участіе въ немъ необходимо и для практиковъ. Какъ ни безполезны кажутся автору „абстракціи" библіотекъ а нѣкоторое вліяніе онѣ имѣли даже и на него. Мы не думаемъ заподазривать автора въ чтеніи этихъ изданій. Боже сохрани! Онъ ихъ не читалъ, но тѣмъ не менѣе отголосокъ развиваемыхъ въ библіотекахъ идей забрался и въ его голову. Вѣдь и въ рабочей средѣ далеко не всѣ читаютъ книги, брошюры, газеты, но понятія, усвоенныя читающими товарищами, проникаютъ постепенно и въ головы нечитающихъ. Иной бойкій, талантливый рабочій, поймавъ на лету нѣсколько мыслей, можетъ даже излагать ихъ лучше начитаннаго, хотя, конечно, для него всегда будетъ больше шансовъ, чѣмъ для начитаннаго, напутать и рядомъ съ умными вещами наговорить пустяковъ. Тоже случается и съ интеллигентами.

Рабочее движеніе является центральнымъ пунктомъ программы, излагаемой въ брошюрѣ „Возрожденіе революціонизма въ Россіи". „Мы считаемъ его, говоритъ авторъ, самымъ могучимъ оплотомъ будущаго Россіи и самой крупной революціонной силой настоящаго. Поэтому-то мы и располагали и броженіе среди либерально-буржуазныхъ слоевъ, и студенческія волненія, и работу среди крестьянъ вокругъ движенія промышленныхъ рабочихъ, какъ вокругъ общаго центра."*) Авторъ доволенъ также и современнымъ направленіемъ движенія, становящагося за послѣднее время все болѣе и болѣе политическимъ, но, несмотря на все это, онъ считаетъ безусловно необходимымъ начать подстегивать рабочее движеніе „систематическимъ терроромъ". Именно подстегивать — такова роль, отведенная имъ террору. „Было бы наивностью думать, говоритъ онъ, что горсть людей, каковъ бы ни былъ ихъ самоотверженный героизмъ, въ состояніи вызвать у правительства рядъ серьезныхъ уступокъ лишь своими собственными усиліями." Теперешнее правительство не впадетъ въ такую панику, какъ правительство Александра II. Оно не будетъ преувеличивать силъ террористовъ, оно давно отвыкло, наконецъ, отъ колеблющейся политики Александра II и т. д. Мы отрицаемъ совершенно, заканчиваетъ авторъ свою аргументацію, „устрашающую роль террора, и выдвигаемъ его *эксцитативное* (возбуждающее) значеніе, не употребляя вмѣсто „терроризмъ" — „эксцитаризмъ" только потому, что въ оборотѣ нѣтъ такого слова". Прежде всего авторъ разсчитываетъ, что терроръ измѣнитъ русскаго революціонера, отдающаго теперь лишь часть своихъ силъ революціонной дѣятельности. „Въ моментъ же террористической борьбы человѣкъ весь, цѣликомъ, безъ изъятія отдается революціонной работѣ. Онъ не будетъ съ утра до ночи корпѣть по статистикамъ..." Словомъ, авторъ ждетъ отъ террора того, что въ 70-хъ годахъ было на лицо въ полномъ размѣрѣ до начала террора, организованнаго людьми уже по нѣсколько лѣтъ дѣйствовавшими въ качествѣ нелегальныхъ спеціалистовъ революціоннаго дѣла на другихъ поприщахъ революціонной дѣятельности.

---

*) Характеристика участвующихъ въ движеніи рабочихъ и ихъ настроенія составляетъ, вмѣстѣ съ отдѣломъ посвященнымъ дѣятельности среди крестьянъ, положительную сторону брошюры. Ея положительную сторону представляетъ также несомнѣнная литературная талантливость ея автора.

Терроръ не увеличилъ числа нелегальныхъ революціонеровъ, а лишь сосредоточилъ ихъ работу на одномъ пунктѣ и усилилъ интенсивность дѣятельности центральной организаціи. „Терроръ не можетъ не усилить движенія, говоритъ авторъ, уже потому, что онъ застрѣльщикъ политической борьбы, яркій симптомъ начала конца. Онъ является затѣмъ, чтобы бросить искру въ уже собранный и сложенный горючій матеріалъ". Вотъ именно это-то и сдѣлалъ терроръ. Явившись симптомомъ начинавшагося конца движенія онъ сжегъ на яркомъ кострѣ „уже собранный" и „сложенный" въ нелегальныя организаціи „горючій матеріалъ".

Реальной силой, могущей нанести ударъ самодержавію авторъ считаетъ, какъ мы уже знаемъ, рабочее движеніе. Терроръ нуженъ ему лишь для эксцитированія этого движенія, такъ какъ „самъ по себѣ ходъ рабочаго движенія, хотя бы и все ускоряющійся, слишкомъ тяжеловѣсенъ, чтобы поднять настроеніе до самой высокой точки кипѣнія ... Надо, чтобы политическія теченія въ рабочихъ массахъ провели въ жизни слишкомъ глубокія борозды, чтобы на каждомъ перекресткѣ только и слышалось о велѣніяхъ рабочихъ массъ, преслѣдующихъ политическія цѣли — лишь только въ такомъ случаѣ всколыхнется все сонно-живущее и забьетъ въ набатъ. Но политическое рабочее движеніе, вѣдь, только еще начинается и потому оно не въ состояніи при ординарномъ ходѣ вещей создать такой животворящей атмосферы. Необходимъ сильный толчекъ для этого движенія и его дастъ терроръ". То есть: въ развивающемся и ускоряющемся, но еще находящемся ближе къ началу, чѣмъ къ концу, движеніи авторъ желалъ бы искуственно вызвать симптомы его конца. Здоровы-ли такіе симптомы для роста чего бы то ни было живого и развивающагося? Центральнымъ дѣломъ, какъ выше сказано, должно остаться рабочее движеніе. „Въ 70-хъ годахъ терроръ потому отвлекъ къ себѣ лучшія революціонныя силы, что именно онъ, благодаря неподготовленности массъ къ борьбѣ, и былъ центральнымъ дѣломъ. Теперь вопросъ ставится иначе и ссылка на прошлое, — если будетъ она дѣлаться, — врядъ ли основательна". Эксцитативный терроръ долженъ отвлечь лишь часть силъ.

Но вспомнилъ ли авторъ „эксцитативнаго террора" тотъ психологическій законъ, подтверждаемый всей жизнью и всей исторіей, по которому всякое эксцитирующее дѣйствіе, чтобы продолжать вызывать одинаково сильное впечатлѣніе должно при повтореніи все усиливаться и усиливаться? Въ частности это подтверждается какъ исторіей самого русскаго террора, такъ и всѣхъ когда либо бывавшихъ терроровъ, отъ много разъ повторявшихся періодовъ аграрныхъ убійствъ въ Ирландіи до эпидеміи анархическихъ убійствъ въ Европѣ. Эксцитативное дѣйствіе политическія убійства несомнѣнно имѣютъ какъ тамъ, гдѣ имъ сочувствуютъ, такъ и тамъ, гдѣ не сочувствуютъ. Всюду они вызываютъ на нѣкоторое время оживленные разговоры и напряженное настроеніе: сочувственное у тѣхъ, кто заранѣе настроенъ въ унисонъ съ террористомъ, — враждебное у другихъ, — жуткое любопытство у равнодушныхъ. Но для того, чтобы поддерживать это настроеніе, убійства должны идти все крещендо.

Система эксцитативнаго террора, разумѣется, фантастична, но если вообразить ее осуществившейся, она сама собою должна была бы превратиться въ „центральное дѣло", стягивающее все больше и больше силъ подъ страхомъ вызвать прекращеніемъ этого искуственнаго возбужденія противоположные ему симптомы слабости и утомленія.

Но авторъ ждетъ отъ своего террора не только эксцитированія уже заранѣе сочувственно настроенныхъ рабочихъ, но также и распространенія политическихъ идей среди рабочихъ еще не затронутыхъ пропагандой. „Почему?" — по выраженію философа — „мать всѣхъ наукъ" — станетъ

и матерью революціонной жизни. Почему раздаются эти выстрѣлы? Почему правительство отвѣчаетъ на нихъ страшными карами?“ За этими „почему?“ потянутся, — предполагаетъ авторъ, — другіе вопросы, а революціонеры будутъ давать на нихъ отвѣты.

Что же отвѣтятъ они на первое „почему?“ — Да потому, что надо же васъ эксцитировать! — Надо же завязать съ вами разговоръ и заставить васъ спросить „почему?“ Какъ вы думаете, возможенъ такой разговоръ и будетъ-ли онъ продолжителенъ? Кромѣ своей невозможности, онъ просто на просто несправедливъ. Изъ среды рабочихъ раздается теперь гораздо больше всякихъ „почему?“ чѣмъ успѣваютъ давать отвѣты революціонеры. Но быть можетъ авторъ говоритъ это только для интеллигенціи, предполагая, что рабочимъ, на ихъ „почему?“ будутъ даваться какіе нибудь другіе болѣе резонные отвѣты? По крайней мѣрѣ въ „журналѣ для рабочихъ“ „Свобода“ о систематическомъ террорѣ съ его эксцитативными свойствами нѣтъ ни слова. Но развѣ теперь возможно (не говоря уже о томъ: развѣ это должно?) говорить одно интеллигенціи, а рабочимъ другое? Развѣ рабочіе читаютъ только то, на чемъ написано: „для рабочихъ“? Можно заранѣе предсказать, что брошюра „Возрожденіе революціонизма“ прочтется большимъ числомъ рабочихъ, чѣмъ предназначенный для нихъ журналъ, просто потому что брошюра написана неизмѣримо лучше журнала, написана живо, ярко, съ талантомъ, а „журналъ“, хотя видимо принадлежитъ тому же автору (по крайней мѣрѣ большинство статей), но испорченъ попытками поддѣлаться подъ предполагаемый вкусъ читателя и какой то вульгарной болтливостью. Быть можетъ авторъ скажетъ, что предназначаетъ свой журналъ не для тѣхъ „интеллигентныхъ“ и „полуинтеллигентныхъ“ рабочихъ, которыхъ характеризуетъ въ началѣ брошюры, а для рядовыхъ, не читающихъ. Но тѣ и обратятся съ своими „почему?“ не къ „журналу“, а къ читающимъ товарищамъ, и эти товарищи — если бы проникліись невзначай теоріей эксцитативнаго террора — принуждены были бы отвѣчать имъ именно такъ, какъ выше сказано.

В. З.

Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія. Берлинъ. Изданіе Гуго Штейницъ. 1900.

Говорятъ, что эта анонимная брошюра или, если хотите, книга, — въ ней 180 страницъ, — сильно раскупалась русскими путешественниками въ заграничныхъ книжныхъ магазинахъ. Если это правда, то это дѣлаетъ большую честь русской читающей публикѣ, такъ какъ свидѣтельствуетъ, что она умѣетъ цѣнить выдающіяся литературныя произведенія. Брошюра написана человѣкомъ, который обладаетъ большимъ юридическимъ образованіемъ и яркимъ публицистическимъ талантомъ; она заключаетъ въ себѣ мастерское, хотя и не всестороннее описаніе современнаго положенія Россіи. Съ ней долженъ ознакомиться всякій, кто только можетъ ее достать.

Ея авторъ, — умѣренный либералъ, — убѣжденный противникъ существующаго у насъ политическаго порядка. По его вполнѣ вѣрному замѣчанію, о нашей родинѣ и теперь еще можно сказать (какъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Хомяковъ о дореформенной Россіи), что она —

Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Вывести ее изъ этого печальнаго и позорнаго положенія можно только, положивъ предѣлъ бюрократическому произволу. „Но ограничить бюрократію невозможно, не коснувшись той власти, которой она служитъ орудіемъ, и которая, еще чаще, служитъ ей орудіемъ, то есть неограниченной власти монарха. Пока послѣдняя существуетъ, безграничный произволъ на вершинѣ всегда будетъ порождать такой же произволъ въ подчиненныхъ сферахъ. Законный порядокъ никогда не можетъ упрочиться тамъ, гдѣ все зависитъ отъ личной воли, и гдѣ каждое облеченное властью лицо можетъ поставить себя выше закона, прикрывъ себя Высочайшимъ повелѣніемъ. Если законный порядокъ составляетъ самую насущную потребность русскаго общества, то эта потребность можетъ быть удовлетворена только переходомъ отъ неограниченной монархіи къ ограниченной. Въ этомъ и состоитъ истинное завершеніе реформъ Александра II. Иного исхода для Россіи нѣтъ“ (стр. 163—164).

Другого исхода, въ самомъ дѣлѣ, невозможно придумать. Нашъ талантливый авторъ говоритъ чистую правду. Но недостаточно указать данной странѣ правильный путь политическаго развитія; надо еще памѣтить *тѣ общественныя силы, которыя могутъ вывести ее на этотъ путь.* Существуютъ-ли подобныя силы въ современной Россіи? На этотъ неизбѣжный и существенно важный вопросъ мы, къ сожалѣнію, не находимъ въ разбираемой брошюрѣ удовлетворительнаго отвѣта. Начать съ того, что ея авторъ объявляетъ русское общество несозрѣвшимъ для *парламентскаго правленія.* „Если бы дѣло шло о замѣнѣ неограниченной монархіи парламентскимъ правленіемъ, — говоритъ онъ, — то, конечно, объ этомъ, при настоящихъ условіяхъ, не можетъ быть рѣчи. Парламентское правленіе требуетъ политической опытности, образованія, сложившихся партій. Всего этого у насъ нѣтъ. Но вопросъ ставится гораздо проще. Требуется положить предѣлъ неограниченной власти и вырвать монарха изъ развращающаго вліянія господствующей бюрократіи. А для этого достаточно созвать въ столицу собраніе выборныхъ, напримѣръ по два или по три человѣка отъ каждаго губернскаго земства, и дать ему обсужденіе законовъ и бюджета. Если, рядомъ съ этимъ, преобразовать Государственный совѣтъ въ Верхнюю Палату, очистивъ его отъ тѣхъ элементовъ, которые находятся тамъ только по чину, то конституціонное устройство готово. Не нужно много ломать себѣ голову“ (стр. 171).

И такъ, у насъ теперь же можетъ быть съ большою легкостью введено *конституціонное устройство*, хотя о *парламентскомъ правленіи* у насъ, „при настоящихъ условіяхъ“, не можетъ быть и рѣчи. Это не ясно. Если бы проектируемое нашимъ авторомъ выборное собраніе должно было имѣть *только совѣщательный* голосъ, то отъ него до парламента, дѣйствительно, было бы какъ до звѣзды небесной далеко. Но нашъ авторъ прекрасно понимаетъ, что подобное собраніе совсѣмъ не означало бы ограниченія монархической власти. Онъ хочетъ гораздо большаго. „Необходимо, — замѣчаетъ онъ, — чтобы выборное собраніе было облечено *правами.* Совѣщательное собраніе, мнѣнію котораго можно слѣдовать или не слѣдовать, всегда будетъ въ рукахъ правящей бюрократіи, а ее то именно слѣдуетъ обуздать. Противовѣсомъ окружающему престолъ чиновничеству можетъ служить только вполнѣ независимый органъ, съ рѣшающимъ голосомъ въ общественныхъ дѣлахъ. Только собраніемъ, облеченнымъ правами, можетъ быть ограничена и самая воля монарха, а это и есть первое условіе законнаго порядка. Пока монархъ не привыкнетъ къ мысли, что воля его не все можетъ, что есть независимый отъ него законъ, съ которымъ онъ долженъ сообразоваться, напрасно мечтать о какихъ либо гарантіяхъ права и объ обузданіи чиновничьяго произвола. Все пойдетъ

по старому. Безправное собраніе скоро утомится безплодною дѣятельностью и явится лишь безсильною помѣхою бюрократическому управленію, которое легко съумѣетъ, если не совершенно его устранить, то низвести его къ нулю" (стр. 171—172).

Все это какъ нельзя болѣе вѣрно. Но именно потому что это вѣрно и что нашъ авторъ ни на минуту не упускаетъ изъ виду этихъ вѣрныхъ соображеній, мы не понимаемъ его distinguo между „конституціоннымъ устройствомъ" и „парламентскимъ правленіемъ". По нашему, это различеніе совершенно неосновательно. И оно не только не выдерживаетъ *теоретической* критики, но и очень неудобно въ *практическомъ* отношеніи. Доказывать обществу необходимость „конституціоннаго устроства" и въ то же самое время говорить тому же самому обществу, что оно еще не готово для „парламентскаго правленія" — это значитъ ослаблять дѣйствіе своей собственной пропаганды и вносить въ умы вредную путаницу понятій.

Но допустимъ, что Россія въ самомъ дѣлѣ созрѣла только для конституціоннаго устройства, а не для парламентскаго правленія. Главный вопросъ все таки остается нерѣшеннымъ: мы все таки не знаемъ, какія общественныя силы могутъ выступить у насъ на борьбу за названное устройство. Нашъ авторъ совсѣмъ не разсчитываетъ на добрую волю царя. „Воображать, что монархъ, по собственному почину, въ силу великодушнаго побужденія, ограничитъ свою власть, значитъ не знать человѣческой природы" — справедливо говоритъ онъ (стр. 174). Но если нелѣпо разсчитывать на добрую *волю монарха*, то очевидно, что не остается ничего другого, какъ аппелировать къ *волѣ народа*. Иначе сказать, такъ какъ закрытъ *мирный* путь, необходимо выступить на *революціонный* и замѣнить оружіе критики критикой оружія. Но нашъ авторъ убѣжденъ, что и на этомъ пути насъ не ожидаетъ ничего добраго. „Съ другой стороны, — заявляетъ онъ, — нельзя ожидать и какихъ либо серьезныхъ революціонныхъ движеній въ Россіи. Почвы для революціи у насъ нѣтъ. . . . . Волненія юношества и соціалистическая пропаганда могутъ только усилить реакцію. Высшіе классы у насъ разорены, средніе погружены въ глубокое невѣжество. Апатичное и покорное, русское общество въ настоящемъ своемъ состояніи неспособно ни къ какому энергическому дѣйствію, ни къ какой иниціативѣ. Оно равнодушно смотритъ на всѣ происходящія вокругъ него насилія и неправды и не предъявляетъ ни малѣйшаго противъ нихъ протеста. Только отъ медленнаго развитія общественнаго сознанія можно ожидать болѣе яснаго пониманія вещей и болѣе безкорыстнаго стремленія къ общему благу" (стр. 175).

Если все это вѣрно, если въ современной Россіи нѣтъ ни одной общественной силы, способной начать и довести до конца борьбу съ абсолютизмомъ; если въ ея населеніи нѣтъ другихъ элементовъ, кромѣ тѣхъ, которые видитъ и указываетъ намъ нашъ авторъ, то надо имѣть мужество признать, что мы далеко еще не созрѣли не только для *„парламентскаго правленія"*, но даже и для *„конституціоннаго устройства"*. Но въ такомъ случаѣ нечего и толковать объ ограниченіи монархической власти, потому что въ такомъ случаѣ правы наши охранители, утверждающіе, что ни какая другая власть у насъ невозможна. А такъ какъ неограниченная царская власть — по ярко и недвусмысленно выраженному мнѣнію нашего автора — не содѣйствуетъ развитію общественнаго сознанія, а наоборотъ, все болѣе и болѣе его развращаетъ, то выходитъ, что наше положеніе безвыходно, и что мы должны, — какъ дантовскія души при входѣ въ адъ, — *оставить всякую надежду*.

Въ концѣ своей брошюры нашъ авторъ дѣйствительно приходитъ къ этому безотрадному выводу, хотя и не хочетъ въ этомъ сознаться, вслѣд-

ствіе чего онъ, несмотря на свой крупный литературный талантъ, начинаетъ выражаться нерѣшительно, сбивчиво, неопредѣленно. „Можетъ быть у насъ появится государственный человѣкъ въ родѣ Кавура или Бисмарка, который пойметъ задачи времени и съумѣетъ двинуть Россію на путь, указанный ей исторіей, — мечтаетъ онъ. — Возможно и то, что появится царь, одушевленный высокимъ нравственнымъ чувствомъ, который захочетъ быть благодѣтелемъ подвластныхъ ему народовъ. Во всякомъ случаѣ, оставаться при нынѣшнемъ близорукомъ деспотизмѣ невозможно“ (стр. 179—180).

Невозможность оставаться при нынѣшнемъ близорукомъ деспотизмѣ нисколько не увеличиваетъ шансы появленія у насъ такого монарха, появленія котораго мы только что (именно, на стр. 174) объявили *несообразнымъ съ человѣческой природой*. А что касается появленія у насъ государственныхъ людей въ родѣ Кавура или Бисмарка, то оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько русскій *Бисмаркъ* могъ бы способствовать *политическому освобожденію* народовъ, населяющихъ русскую имперію, мы замѣтимъ, что государственные люди не сваливаются съ неба, а если бы и сваливались, то тѣмъ не менѣе, — вѣрнѣе сказать: *тѣмъ болѣе*, — нуждались бы въ такой общественной средѣ, которая соотвѣтствовала бы ихъ политическимъ замысламъ. И именно въ виду этого неоспоримаго обстоятельства мы, даже пріурочивъ свои свободолюбивыя упованія къ появленію государственныхъ людей „въ родѣ Кавура или Бисмарка“, все таки не избавляемся отъ обязанности выяснить себѣ, *гдѣ тѣ силы, которыми можетъ быть обусловлено у насъ хотя бы и медленное развитіе общественнаго сознанія, необходимое для осуществленія преобразовательныхъ плановъ нашего будущаго „Кавура или Бисмарка“*. Этого разбираемая брошюра совсѣмъ не выясняетъ, и въ этомъ состоитъ ея коренной недостатокъ, не заключающій въ себѣ, однако, *ничего случайнаго*.

Нашъ авторъ принадлежитъ къ той, многочисленной на Руси, категоріи либераловъ, которая характеризуется крайней *отвлеченностью* ея политическихъ воззрѣній. Честные и неподкупные, умные и образованные, либералы этой категоріи искренно сочувствуютъ страданіямъ своей родины и всей душой стремятся принести ей пользу. Но они не знаютъ, *какъ взяться за дѣло* и потому чувствуютъ себя лишними людьми, *„иностранцами у себя дома“*. Это тяжелое психологическое состояніе тѣсно связано у нихъ съ полнымъ преобладаніемъ *идеализма* въ ихъ соціологическихъ воззрѣніяхъ. Чувства и понятія людей съ одной стороны и политическія учрежденія съ другой исчерпываютъ собою, по ихъ мнѣнію, всѣ главнѣйшія пружины общественнаго развитія. Они не знаютъ и не хотятъ знать, что существуютъ другія пружины, которыя лежатъ глубже этихъ и которыми эти приводятся въ движеніе. Имъ и въ голову не приходитъ, что экономическое развитіе представляетъ собой такой могучій „факторъ прогресса“, передъ которымъ не устоитъ ни апатія „общества“, ни усердіе бюрократовъ. Они превозносятъ реформы Александра II и горько оплакиваютъ контръ-реформы Александра III, но они не считаются съ тѣмъ колоссальнымъ по своей важности обстоятельствомъ, что въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ въ русской экономикѣ совершились глубочайшія измѣненія, которыя вызвали къ жизни новыя общественныя силы, способныя преодолѣть и бездѣятельность образованнаго общества, и самодѣятельность полицейскаго участка. Имъ совершенно неизвѣстно наше нарождающееся рабочее движеніе, уже успѣвшее обнаружить такое замѣчательное и такое многообѣщающее умственное и политическое пробужденіе въ средѣ нашего пролетаріата. Многіе изъ нихъ не чужды философскаго образованія, а наиболѣе пожилые изъ нихъ находились когда-то подъ вліяніемъ гегелев-

ской философіи, но несмотря на это они никакъ не могутъ возвыситься до *діалектической точки зрѣнія* на русскую общественную жизнь. Они хорошо помнятъ, чѣмъ Россія *была* въ прежнее время; они прекрасно знаютъ, чѣмъ она до сихъ поръ *остается* во многихъ слояхъ своего населенія: но они чужды всякаго понятія о томъ, чѣмъ она *становится* въ другихъ, новыхъ, полныхъ жизни и быстро растущихъ слояхъ. Неудивительно, что эти люди хандрятъ, жалуются и скучаютъ; что они распространяютъ вокругъ себя „вавилонскую тоску", и что когда они попадаютъ заграницу, то торопясь отвести душу въ бесѣдахъ „съ передовыми людьми запада", они *невольно*, но тѣмъ не менѣе *жестоко клевещутъ на свою родину*.

Нашъ авторъ — именно такой либералъ. Русское рабочее движеніе для него — нелѣпая и смѣшная басня, и онъ думаетъ, что соціалистическая пропаганда можетъ только усилить реакцію. Послѣ всего сказаннаго нами это совсѣмъ не удивительно. Однако, надо замѣтить, что это его мнѣніе подсказано ему не только полнымъ незнакомствомъ его съ тѣмъ, что происходитъ теперь въ нашей рабочей средѣ, но также и его рѣзко-враждебнымъ отношеніемъ къ соціализму вообще и къ русскимъ соціалистамъ въ частности. Съ русскими соціалистами, которыхъ онъ называетъ *нигилистами*, у него старые счеты. Онъ убѣжденъ, что „нигилисты" помѣшали правительству Александра II докончить дѣло реформъ, и онъ удивляется тому, что многіе до сихъ поръ причисляютъ „Чернышевскаго, Добролюбова и Ко" къ дѣятелямъ эпохи преобразованій. „Ихъ можно считать дѣятелями развѣ только на подобіе мухъ, которыя гадятъ картину великаго художника", ехидно замѣчаетъ онъ (стр. 21). Такое замѣчаніе свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какъ сильно ослѣпляетъ его политическая вражда къ нашимъ великимъ просвѣтителямъ. Но люди, ослѣпленные своими (политическими или какими нибудь иными) страстями, утрачиваютъ способность къ правильному мышленію и дѣлаютъ непростительные промахи. Это случилось и съ нашимъ авторомъ. Онъ, либералъ, ненавидящій административный произволъ и мечтающій о законномъ порядкѣ, не нашелъ нужнымъ послать хотя бы самомалѣйшее слово упрека по адрессу того правительства, которое отправило Чернышевскаго на каторгу. Онъ, какъ видно изъ его брошюры, читалъ извѣстный дневникъ архи-умѣреннаго Никитенка. Неужели же онъ позабылъ то мѣсто этого дневника, гдѣ говорится о судѣ надъ Чернышевскимъ? Я спрашивалъ у сенатора Л(юбощанскаго) — пишетъ Никитенко — доказано ли юридически, что Чернышевскій виноватъ такъ, какъ его осудили. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ нѣтъ, но что моральное убѣжденіе прямо противъ Чернышевскаго. Никитенко спрашиваетъ: „какъ же, однако, его осудили?" И тотъ же самый вопросъ естественно долженъ былъ задать себѣ нашъ либеральный авторъ. Какъ убѣжденный сторонникъ *законности*, онъ нравственно обязанъ былъ рѣзко и рѣшительно осудить *беззаконіе*. Онъ ограничился тѣмъ, что *обругалъ того, надъ кѣмъ беззаконіе было совершено*. Это не такъ, чтобы ужь очень либерально. *Такой* либерализмъ кажется намъ *не совсѣмъ надежнымъ*.

Нашъ авторъ увѣряетъ, что „нигилисты" шестидесятыхъ годовъ вели себя очень безтактно. „Въ то самое время, какъ съ высоты престола даровалась свобода двадцати милліонамъ русскихъ людей, какъ происходилъ величайшій переворотъ въ русской исторіи, — съ негодованіемъ восклицаетъ онъ, — издавались печатно подпольныя прокламаціи, приглашавшія къ истребленію не только всей царской фамиліи, но и всего дворянства и высшаго чиновничества" (стр. 23—24).

Нашъ авторъ выражается очень неточно. Большинство вышедшихъ въ указанное имъ время „подпольныхъ" прокламацій (къ сожалѣнію, въ

Россіи до сихъ поръ возможны *только* подпольныя прокламаціи) чуждо всякихъ призывовъ къ насилію. Авторы ихъ знали, какъ видно, русскаго обывателя и вовсе не желали пугать его безъ надобности. Исключеніе изъ общаго правила составляетъ только воззваніе *„Молодой Россіи"*, дѣйствительно грѣшащее обиліемъ романтически-сильныхъ выраженій. Спора нѣтъ, составители этого воззванія хорошо сдѣлали бы, если бы предпочли другой языкъ. Но что сказать о такихъ либералахъ, которые приходятъ въ нервное настроеніе по поводу одной, хотя бы и безтактной прокламаціи, и, находясь въ этомъ настроеніи, совершенно забываютъ, что *законъ лучше административнаго произвола и „моральнаго убѣжденія" сыскной полиціи* даже въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о судѣ надъ *„нигилистомъ"*? Повторяю, *такой* либрализмъ ненадеженъ.

Г. П.

Борисъ Чичеринъ. Польскій и еврейскій вопросы. Отвѣтъ на открытыя письма Н. К. Рененкампфа. Второе изданіе. Берлинъ. Изданіе Гуго Штейница. 1901.

Г. Б. Чичеринъ доказываетъ, что необходимо уравнять *евреевъ* въ правахъ съ другими жителями имперіи. Онъ говоритъ также, что угнетеніе *польскаго народа* не можетъ быть оправдано ни съ точки зрѣнія *нравственности*, ни съ точки зрѣнія *государственной пользы*. Разумѣется, онъ совершенно правъ и въ томъ, и въ другомъ отношеніи: на этотъ счетъ у порядочныхъ и неглупыхъ людей не можетъ быть двухъ мнѣній. Но видитъ-ли г. Б. Чичеринъ въ нашемъ отечествѣ такія силы, которыя могли бы взяться за осуществленіе, между прочимъ, той, въ сущности чрезвычайно скромной программы, которую онъ намѣтилъ въ своей брошюрѣ? Нѣтъ, онъ не видитъ такихъ силъ. Поэтому и все его разсужденіе о полякахъ и евреяхъ не имѣетъ въ его глазахъ *ни малѣйшаго практическаго значенія*. „Не только мы съ вами, — говоритъ онъ, обращаясь къ Н. К. Рененкампфу, — не призваны рѣшать эти вопросы, но на практикѣ они вовсе и не поставлены, и рѣшеніе ихъ въ смыслѣ справедливости въ настоящее время представляется не болѣе, какъ праздною мечтою, о которой практическіе люди и толковать не станутъ. Тѣмъ не менѣе, обсужденіе ихъ именно съ этой точки зрѣнія можетъ, хотя бы и въ малой степени, способствовать выясненію нравственныхъ и политическихъ понятій въ русскомъ обществѣ, чѣмъ пренебрегать нельзя. Во всякомъ случаѣ, такой обмѣнъ мыслей даетъ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе, а это что-нибудь значитъ въ такое время, когда такъ рѣдко приходится испытывать это чувство" (стр. 6).

Эти строки пропитаны такимъ же глубокимъ политическимъ пессимизмомъ, какой мы замѣтили въ авторѣ брошюры *„Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія"*. Подобно этому автору, г. Б. Чичеринъ принадлежитъ къ числу тѣхъ русскихъ либераловъ, которые не видятъ передъ собой возможности бороться за осуществленіе своихъ идеаловъ и потому вынуждены ограничиваться хорошими разговорами на хорошія темы. Такихъ либераловъ у насъ много, но толку отъ нихъ, по правдѣ говоря, очень мало. Когда же появятся у насъ либералы другого разбора, либералы, способные не только *осудить* современную русскую дѣйствительность, но и *ополчиться на борьбу съ нею?*

Когда? Только тогда, когда въ русской либеральной средѣ распространится та мысль, что политическое пробужденіе русскаго пролетаріата — не мифъ, а самая неоспоримая истина. Эта мысль и теперь уже про-

никаетъ въ названную среду, какъ это видно, между прочимъ, изъ либеральнаго предисловія къ изданной нами *подпольной* запискѣ С. Витте *„Самодержавіе и Земство“*. Но въ этой средѣ до сихъ поръ все таки еще недостаточно людей, понимающихъ глубокую справедливость этой мысли. И нельзя не пожалѣть объ этомъ. Чѣмъ скорѣе наши либералы поймутъ, что теперь у насъ самъ „народъ“ въ лицѣ *рабочаго класса* — начинаетъ стремиться къ политической свободѣ, тѣмъ скорѣе возникнетъ у насъ серьезное *либеральное движеніе*. Серьезное либеральное движеніе можетъ возникнуть у насъ только какъ результатъ *движенія рабочихъ*. Такова одна изъ самыхъ интересныхъ особенностей нашей общественной жизни.

Либералы, вызванные къ новой жизни *соціалистическими пролетаріями*, уже не будутъ третировать *„нигилистовъ“* такъ, какъ третируетъ ихъ талантливый авторъ брошюры *„Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія“*.

Г. П.

Внутреннее обозрѣніе.

I. Голодъ.

Опять голодъ! Не одно только разореніе, а прямое вымираніе русскаго крестьянства идетъ въ послѣднее десятилѣтіе съ поразительной быстротой, и, вѣроятно, ни одна война, какъ бы продолжительна и упорна она ни была, не уносила такой массы жертвъ. Противъ мужика соединились всѣ самыя могучія силы современной эпохи: и развивающійся все быстрѣе міровой капитализмъ, создавшій заокеанскую конкурренцію и снабдившій небольшое меньшинство сельскихъ хозяевъ, которые способны выжить въ отчаянной борьбѣ за существованіе, самыми усовершенствованными способами производства и орудіями, и военное государство, ведущее политику приключеній въ своихъ колоніальныхъ владѣніяхъ, на дальнемъ Востокѣ и въ Средней Азіи, взваливающее всѣ непомѣрныя тяготы этой, стоющей бѣшеныя деньги, политики на рабочія массы и къ тому же еще устраивающее на народныя деньги все новыя и новыя баттареи полицейскаго „пресѣченія“ и „обузданія“ противъ растущаго недовольства и возмущенія этихъ массъ.

Послѣ того, какъ голодъ сталъ у насъ явленіемъ обычнымъ, естественно было ожидать, что правительство постарается оформить и закрѣпить свою обычную же политику въ продовольственномъ дѣлѣ. Если въ 1891/92 гг. правительство было застигнуто врасплохъ и порядочно-таки растерялось сначала, то теперь оно уже богато опытомъ и твердо знаетъ, куда (и какъ) идти. „Въ этотъ моментъ — писала „Искра“ въ іюлѣ (№ 6) — на страну надвигается черная туча народнаго бѣдствія, и правительство готовится снова разыграть свою гнусную роль бездушной силы, отводящей кусокъ хлѣба отъ голоднаго населенія, карающей всякое невходящее въ виды начальства „оказательство“ заботы о голодныхъ людяхъ.“

Приготовленія правительства были очень быстры и очень рѣшительны. Въ какомъ духѣ велись эти приготовленія, — достаточно обнаружила елисаветградская исторія. Князь Оболенскій, начальникъ херсонской губерніи, объявилъ сразу войну всѣмъ, кто былъ настолько дерзновененъ, чтобы писать и говорить объ елисаветградскомъ голодѣ, призывать общество къ помощи голодающимъ, устраивать частные

кружки и приглашать частныхъ лицъ для организаціи этой помощи. Земскіе врачи писали въ газетахъ, что въ уѣздѣ голодъ, что народъ болѣетъ и мретъ, что „хлѣбъ“, употъв бляемый имъ въ пищу, есть нѣчто невѣроятное, вовсе и е-и заслуживающее названія хлѣбъ. Губернаторъ вступаетъ реполемику съ земскими врачами, печатаетъ оффиціальныя опроверженія. Кто знаетъ хоть сколько-нибудь общія условія нашей печати, кто возьметъ на себя трудъ припомнить ту сугубую травлю, которой подверглись въ послѣднее время весьма умѣренные органы и еще несравненно болѣе умѣренные литераторы, — тотъ пойметъ, что̀ означала эта „полемика“ начальника губерніи съ какими-то земскими врачами, даже и на государственной службѣ не состоящими! Это было простое затыканье рта, это было самое явное и безцеремонное заявленіе, что правительство не потерпитъ правды о голодовкѣ. Да что заявленіе! Кого другого, а ужъ русское правительство врядъ-ли можно упрекнуть, что оно ограничивается заявленіями, когда есть возможность „власть употребить“. И князь Оболенскій не замедлилъ употребить власть, явясь лично на театръ войны — войны противъ голодающихъ и противъ тѣхъ, кто, не числясь ни по какому вѣдомству, хотѣлъ оказать *дѣйствительную* помощь голодающимъ, — и *запретивъ устройство столовыхъ* нѣсколькимъ пріѣхавшимъ уже на голодъ частнымъ лицамъ (въ томъ числѣ г-жѣ Успенской). Подобно Юлію Цезарю, князь Оболенскій пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ, — и телеграммы немедленно оповѣстили всю читающую Россію объ этой побѣдѣ. Удивительно одно: что эта побѣда, этотъ нахальный вызовъ всѣмъ русскимъ людямъ, въ комъ осталось хоть капля порядочности, хоть чуточку гражданскаго мужества, не встрѣтилъ никакого отпора изъ среды наиболѣе заинтересованныхъ, если можно такъ выразиться, лицъ. Въ Херсонской губерніи очень многіе, несомнѣнно, знали и знаютъ всю подноготную этого замалчиванія голода и борьбы противъ помощи голодающимъ, но никто не опубликовалъ ни изложенія этого поучительнаго дѣла, ни документовъ, къ нему относящихся, ни даже простого призыва протестовать противъ чудовищнаго запрещенія устраивать столовыя. Рабочіе устраиваютъ стачку, когда правительство приводитъ въ исполненіе свою угрозу: разсчитать „прогулявшихъ“ первое мая; интеллигентное общество молчитъ, когда его представителямъ запрещаютъ .... оказывать помощь голодающимъ.

Какъ бы поощренное успѣхомъ этой первой стычки съ „смутьянами“, которые смѣютъ помогать голодающимъ, правительство перешло вскорѣ къ аттакѣ по всей линіи. Храбрый подвигъ князя Оболенскаго возводится въ руководящее начало, въ законъ, регулирующій отнынѣ отношенія всѣхъ администраторовъ ко всѣмъ прикосновеннымъ

къ продовольственному дѣлу лицамъ (слово „прикосновенный“ есть, собственно, терминъ уголовный, принадлежащій спеціально нашему уложенію о наказаніяхъ, но мы уже видѣли и увидимъ еще ниже, что въ настоящее время неразрѣшенная помощь голодающимъ всецѣло входитъ въ понятіе уголовщины). Такой законъ и не замедлилъ послѣдовать — на этотъ разъ въ упрощенной формѣ „циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній, пострадавшимъ отъ неурожая 1901 г.“ (17-го августа 1901 г., № 20).

Этотъ циркуляръ останется, надо думать, надолго памятникомъ того, до какихъ геркулесовыхъ столповъ доводитъ полицейскій страхъ передъ грознымъ народнымъ бѣдствіемъ, передъ сближеніемъ голодающихъ съ помогающими имъ „интеллигентами“, наряду съ твердымъ намѣреніемъ задавить всякій „шумъ“ о голодѣ и ограничить помощь самыми ничтожными размѣрами. Можно только пожалѣть, что неумѣренный объемъ этого циркуляра и тяжеловѣсность того канцелярскаго слога, которымъ онъ написанъ, помѣшаютъ, пожалуй, ознакомленію съ нимъ самой широкой публики.

Извѣстно, что законъ 12-го іюня 1900 г. изъялъ продовольственное дѣло изъ вѣдѣнія земства и передалъ его въ руки земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ. Казалось бы, ужъ чего благонадежнѣе: выборной элементъ устраненъ, маломальски независимые отъ начальства люди распоряжаться дѣломъ и, слѣдовательно, шумѣть теперь не будутъ. Но, послѣ похода князя Оболенскаго, всего этого показалось мало: надо строже подчинить все дѣло министерству и непосредственно исполняющимъ его предписанія чиновникамъ, надо устранить окончательно возможность всякихъ преувеличеній. Поэтому *рѣшать* вопросъ о томъ, какіе уѣзды являются „неблагополучными по урожаю“, будетъ отнынѣ исключительно само министерство,*) въ которомъ устроится, очевидно, главный штабъ военныхъ дѣйствій противъ голодающихъ. И чрезъ посредство гг. губернаторовъ этотъ штабъ будетъ направлять дѣятельность тѣхъ лицъ (главнымъ образомъ, уѣздныхъ предводителей дворянства), въ рукахъ которыхъ сосредоточено

---

*) Какъ рѣшаетъ министерство этотъ вопросъ, можно видѣть изъ примѣра Пермской губерніи. Какъ сообщаютъ послѣднія газеты, губернія эта продолжаетъ все еще считаться „благополучной по урожаю“, хотя неурожай въ ней (по свѣдѣніямъ экстреннаго губернскаго земскаго собранія, бывшаго 10-го октября) *еще сильнѣе* неурожая 1898 года. Сборъ хлѣбовъ составляетъ только 58 процентовъ средняго сбора, а по Шадринскому и Ирбитскому уѣздамъ — только 36 и 34 процентовъ. Въ 1898 году было выдано правительствомъ (не считая мѣстныхъ средствъ) 1½ милліона пудовъ хлѣба и болѣе ¼ милліона рублей деньгами. Теперь же у земства нѣтъ средствъ, земство ограничено въ правахъ, неурожай гораздо сильнѣе, чѣмъ въ 1898 году, цѣны на хлѣбъ начали подниматься *еще съ 1-го іюля*, крестьяне уже *распродаютъ скотъ*, — а правительство всетаки упорно считаетъ губернію „благополучной“!!

„уѣздное центральное по продовольственной части управленіе“. Иниціатору военныхъ дѣйствій противъ голодающихъ, князю Оболенскому, приходилось самому ѣхать на мѣсто, чтобы пресѣчь, обуздать и сократить. Теперь это „упорядочено“, и достаточно будетъ простого обмѣна телеграммами (благо на канцелярскіе расходы ассигновано уже по тысченкѣ на уѣздъ) между „уѣзднымъ центральнымъ“ и петербургскимъ центральнымъ управленіями, чтобы „распорядиться“. Тургеневскій цивилизованный помѣщикъ не только не шелъ самъ на конюшню, но ограничивался вполголоса сдѣланнымъ замѣчаніемъ чрезъ одѣтаго во фракъ и бѣлыя перчатки лакея: „Насчетъ Федора... распорядиться!“ Вотъ и у насъ теперь такъ же „безъ шума“, тихо-благородно будутъ „распоряжаться“ объ обузданіи неумѣренныхъ аппетитовъ голодающаго населенія.

А что г. Сипягинъ убѣжденъ въ неумѣренности аппетитовъ голоднаго мужика, — это видно изъ той настойчивости, съ которой циркуляръ не только предостерегаетъ отъ „преувеличеній“, но прямо создаетъ новыя и новыя правила, устраняющія самую возможность преувеличеній. Съ составленіемъ списковъ нуждающихся — не торопитесь: это вызываетъ въ населеніи „преувеличенныя надежды“ — прямо говоритъ министръ и предписываетъ составлять списки только непосредственно передъ самой раздачей хлѣба. Далѣе, о томъ, когда *слѣдуетъ* считать уѣздъ неблагополучнымъ по урожаю, — циркуляръ находитъ излишнимъ говорить, но за то съ точностью опредѣляетъ, когда *не слѣдуетъ* признавать уѣзда неблагополучнымъ (напримѣръ, когда пострадало не болѣе трети волостей, когда существуютъ обычные заработки и т. д.). Наконецъ, относительно нормъ пособія голодающимъ министръ преподаетъ такія правила, которыя яснѣе яснаго показываютъ, что правительство хочетъ *во что бы то ни стало* урѣзать эти пособія до невозможности и отдѣлаться подачками, нисколько не предохраняющими населенія отъ вымиранія. Въ самомъ дѣлѣ: норма — 48 пудовъ хлѣба на семью (считая по величинѣ средняго сбора въ данномъ селеніи); кто имѣетъ не меньше этого, — тотъ не нуждается. Какимъ путемъ получена эта цифра, — неизвѣстно. Извѣстно только, что въ годъ *не*голодный даже самые бѣднѣйшіе крестьяне потребляютъ вдвое больше хлѣба (см. земско-статистическія изслѣдованія крестьянскихъ бюджетовъ). Недоѣданіе считается, слѣдовательно, явленіемъ нормальнымъ, на основаніи предписанія г. министра. Но и эта норма уменьшается, во-первыхъ, вдвое, чтобы не могъ получить ссуды рабочій элементъ, составляющій около половины населенія, а во-вторыхъ *еще* на $^1/_8$—$^1/_6$—$^1/_{10}$ „во вниманіе къ приблизительному числу состоятельныхъ хозяевъ, имѣющихъ запасъ отъ прошедшаго года или же какой-либо (именно такъ: „или же какой-либо“!!)

матеріальный достатокъ". Можно судить по этому, какой ничтожной дробью должна выразиться та доля дѣйствительно недостающаго населенію хлѣба, которую намѣрено ему ссудить правительство! И, точно любуясь своимъ нахальствомъ, г. Сипягинъ, изложивъ эту невѣроятную систему урѣзыванія пособій, заявляетъ, что такой приблизительный разсчетъ „рѣдко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличеннымъ". Комментаріи едва ли не излишни.

Оффиціальныя заявленія русскаго правительства, когда въ нихъ кромѣ голыхъ предписаній есть хоть какія нибудь попытки объяснить эти предписанія, заключаютъ въ себѣ почти всегда — это своего рода законъ, гораздо болѣе устойчивый, чѣмъ большинство нашихъ законовъ, — два основные мотива или два основныхъ типа мотивовъ. Съ одной стороны, вы встрѣтите непремѣнно нѣсколько общихъ фразъ, въ напыщенной формѣ заявляющихъ о попечительности начальства, его желаніи считаться съ требованіями времени и пожеланіями общественнаго мнѣнія. Напримѣръ, говорится о „важномъ дѣлѣ предотвращенія въ средѣ сельскаго населенія продовольственной нужды", о „нравственной отвѣтственности за благосостояніе мѣстнаго населенія" и т. п. Само собою разумѣется, что эти общія мѣста ничего, въ сущности, не означаютъ и ни къ чему положительному не обязываютъ; за то они похожи какъ двѣ капли воды на безсмертныя рѣчи безсмертнаго Іудушки Головлева, отчитывавшаго обираемыхъ имъ крестьянъ. Въ скобкахъ сказать, эти общія мѣста эксплуатируетъ всегда (отчасти по наивности, отчасти по „долгу службы") либеральная подцензурная печать, чтобы конструировать принципіальную солидарность правительства съ ея точкой зрѣнія.

Но если вы внимательнѣе присмотритесь къ другимъ, не столь общимъ и не столь очевидно пустозвоннымъ, мотивамъ правительственныхъ велѣній, вы найдете всегда конкретныя поясненія, *цѣликомъ повторяющія* установившіеся доводы самыхъ реакціонныхъ органовъ нашей печати (напр., Московскихъ Вѣдомостей). Прослѣживать и отмѣчать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ эту солидарность правительства съ Моск. Вѣдомостями было бы, на нашъ взглядъ, небезполезной (и не совсѣмъ недоступной даже и для легальныхъ дѣятелей) работой. Въ разсматриваемомъ циркулярѣ, напр., мы встрѣчаемъ повтореніе самыхъ гнусныхъ обвиненій, исходившихъ отъ самыхъ „дикихъ помѣщиковъ", — что преждевременное составленіе списковъ нуждающихся возбуждаетъ „стремленіе нѣкоторыхъ состоятельныхъ домохозяевъ привести свое хозяйство въ видъ обѣднѣвшаго путемъ продажи запасовъ и излишковъ и инвентаря". Министръ говоритъ, что это „доказалъ опытъ предшествующихъ продовольственныхъ кампаній". Слѣдовательно? Слѣдовательно, министръ почерпаетъ

свой политическій опытъ изъ назиданій наиболѣе заядлыхъ крѣпостниковъ, которые такъ шумѣли въ прежніе голодные годы и шумятъ теперь объ обманахъ крестьянъ и которые такъ возмущены „шумомъ“ по поводу эпидемій голоднаго тифа.

У тѣхъ же крѣпостниковъ научился г. Сипягинъ говорить о деморализаціи: „весьма важно“ — пишетъ онъ — „чтобы... мѣстныя учрежденія... содѣйствовали сбереженію ассигнованныхъ средствъ, а главное (sic!!) — предотвратили имѣющіе вредное деморализующее вліяніе случаи неосновательной выдачи правительственнаго пособія лицамъ обезпеченнымъ“. И это беззастѣнчивое предписаніе содѣйствовать сбереженію средствъ подкрѣпляется слѣдующимъ принципіальнымъ наставленіемъ: ...„широкая раздача продовольственныхъ пособій могущимъ обойтись безъ оныхъ семействамъ“ (могущимъ обойтись 24-мя пудами хлѣба въ годъ на семью?) „независимо отъ непроизводительности (!) расходовъ казны въ этихъ случаяхъ имѣетъ по пагубнымъ послѣдствіямъ такой системы въ будущемъ не менѣе вредное съ точки зрѣнія пользъ и нуждъ государственныхъ значеніе, чѣмъ оставленіе безъ надлежащей помощи истинно нуждающихся“. Въ старину расчувствовавшіеся монархи говорили: „лучше десять виновныхъ оправдать, нежели одного невиннаго осудить“. А теперь ближайшій помощникъ царя заявляетъ: не менѣе вредно дать пособіе семейству, которое можетъ обойтись и 24-мя пудами хлѣба въ годъ, чѣмъ оставить безъ пособія „истинно“ нуждающагося. Какъ жаль, что эта великолѣпная по своей откровенности „точка зрѣнія“ на „пользы и нужды государственныя“ прикрыта отъ широкой публики длиннѣйшимъ и скучнѣйшимъ циркуляромъ! Одна надежда: можетъ быть, соціаль-демократическая печать и соціаль-демократическая устная агитація поближе познакомитъ народъ съ содержаніемъ министерскаго циркуляра.

* * *

Но съ особенной рѣшительностью „нападаетъ“ циркуляръ на частныхъ благотворителей: по всему видно, что ведущіе войну противъ голодающихъ администраторы наиболѣе важной позиціей „непріятеля“ считаютъ частные кружки помощи, частныя столовыя и проч. Г. Сипягинъ съ прямотой, заслуживающей полной признательности, объясняетъ, почему эта частная благотворительность давно уже не давала спать министерству внутреннихъ дѣлъ. „Начиная съ недорода 1891 и 1892 г. и при всѣхъ послѣдующихъ подобныхъ же бѣдствіяхъ — гласитъ циркуляръ — нерѣдко обнаруживалось, что иные благотворители на ряду съ оказаніемъ матеріальной помощи жителямъ неблагополучныхъ мѣстностей стараются возбудить

въ ихъ средѣ недовольство существующимъ порядкомъ и ничѣмъ не оправдываемую требовательность по отношенію къ правительству. При этомъ не въ полной мѣрѣ удовлетворенная нужда, неизбѣжныя при этомъ болѣзни и разстройства хозяйства создаютъ весьма благопріятную почву для противоправительственной агитаціи, и такой почвой охотно пользуются неблагонадежныя въ политическомъ смыслѣ лица для своихъ преступныхъ цѣлей подъ личиной помощи ближнему. Обыкновенно при первыхъ же извѣстіяхъ о значительномъ недородѣ въ пострадавшую мѣстность стекаются отовсюду лица съ небезупречнымъ политическимъ прошлымъ, стараются вступить въ сношеніе съ пріѣзжающими изъ столицъ уполномоченными благотворительныхъ обществъ и учрежденій и принимаются ими по невѣдѣнію въ сотрудники на мѣста, чѣмъ создаются немаловажныя затрудненія интересамъ порядка и управленія."

Однако тѣсно же становится на русской землѣ русскому правительству. Было время, когда особо охраняемой средой считалась только учащаяся молодежь: за ней учрежденъ былъ особо строгій надзоръ, сношенія съ ней со стороны какихъ либо лицъ съ небезупречнымъ политическимъ прошлымъ вмѣнялись въ большую вину, всякіе кружки и общества, хотя бы и преслѣдовавшіе только цѣли матеріальной помощи, заподозривались въ противоправительственныхъ цѣляхъ и проч. Въ тѣ времена — и очень недавнія времена — другого *слоя*, тѣмъ менѣе класса населенія, представлявшаго въ глазахъ правительства „весьма благопріятную почву для противоправительственной агитаціи" не было. Но съ половины 90-хъ годовъ вы встрѣтите уже въ оффиціальныхъ правительственныхъ сообщеніяхъ указаніе на другой низмѣримо болѣе многочисленный классъ населенія, требующій особой охраны: фабрично-заводскихъ рабочихъ. Ростъ рабочаго движенія заставилъ создать цѣлыя системы учрежденій для надзора за новымъ буйнымъ элементомъ; въ спискѣ мѣстностей, запрещенныхъ для жительства сомнительнымъ въ политическомъ отношеніи лицамъ, стали появляться наряду съ столицами и университетскими городми, фабричные центры, поселки, уѣзды и цѣлыя губерніи.*) Особо охраняемыми отъ неблагонадежныхъ оказалось двѣ трети Европейской Россіи, а оставшуюся треть до того переполняетъ масса „лицъ съ небезупречнымъ политическимъ прошлымъ, что даже самая

*) Ср., напр., напечатанный въ № 6 „Искры" секретный циркуляръ о высылаемыхъ изъ СПБ-га лицахъ, главнымъ образомъ литераторахъ, многіе изъ которыхъ никогда ни къ какимъ политическимъ дѣламъ вообще и ни къ какимъ „рабочимъ" дѣламъ въ частности не привлекались. Тѣмъ не менѣе имъ запрещены для жительства не только университетскіе города, но и „фабричныя мѣстности", а нѣкоторымъ даже *только* фабричныя мѣстности.

глухая провинція становится неспокойной.*) Теперь оказывается, что по авторитетному сужденію такого компетентнаго лица, какъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ, „благопріятную почву“ для противоправительственной агитаціи представляетъ изъ себя и самая глухая *деревня*, поскольку въ ней имѣютъ мѣсто случаи невполнѣ удовлетворенной нужды, болѣзней и разстройства хозяйства. А много ли такихъ русскихъ деревень, гдѣ этого рода „случаи“ не постоянны? И не слѣдуетъ ли намъ, русскимъ соціаль-демократамъ немедленно воспользоваться этимъ поучительнымъ указаніемъ г. Сипягина на „благопріятную“ почву? Именно теперь, съ одной стороны, деревня заинтересована доходившими кое-когда и кое-какъ слухами о февральскихъ и мартовскихъ стычкахъ городского пролетаріата и интеллигентной молодежи съ правительственной опричиной, а, съ другой стороны, развѣ любая такая фраза о „ничѣмъ не оправдываемой требовательности“ мужика и т. п. не даетъ богатѣйшей программы для самой широкой и всесторонней агитаціи?

Полезнымъ указаніемъ г. Сипягина мы должны воспользоваться, а надъ наивностью его стоитъ посмѣяться. Это, дѣйствительно, забавная наивность воображать, что подчиненіе частной благотворительности надзору и контролю губернатора затруднитъ возможность вліянія „неблагонадежныхъ“ лицъ на деревню. Настоящіе благотворители никогда политическими цѣлями не задавались, такъ что новыя мѣры пресѣченія и обузданія падутъ всего больше на тѣхъ, кто для правительства наименѣе опасенъ. Люди же, которые захотятъ открыть глаза крестьянамъ на значеніе новыхъ мѣръ и отношенія правительства къ голоду вообще, навѣрное уже, не встрѣтятъ надобности въ томъ, чтобы входить въ сношенія съ уполномоченными Краснаго Креста или представляться гг. губернаторамъ. Вѣдь вотъ, напр., разъ оказалось, что фабрично-заводская среда есть „благопріятная почва“, — тѣ, кто хотѣли сблизиться съ этой средой, не входили въ сношенія съ управляющими фабрикъ для того, чтобы разузнать про фабричные порядки, и не представлялись гг. фабричнымъ инспекторамъ для того, чтобы получить разрѣшеніе на устройство собраній съ рабочими. Мы нисколько не забываемъ, конечно, что политическая агитація среди крестьянъ представляетъ громадныя трудности тѣмъ болѣе, что отвлекать для нея революціонныя силы изъ городовъ и невозможно и нераціонально, но мы не должны также упускать изъ виду, что такіе правительственные

---

*) См., напр., корреспонденціи въ „Искрѣ“, № 6 и 7, о томъ, какъ общественное возбужденіе и противоправительственныя „оказательства“ проникли даже въ богоспасаемые грады въ родѣ Пензы, Симферополя, Курска и т. п.

подвиги, какъ стѣсненіе частной благотворительности, устраняютъ добрую половину этихъ трудностей и снимаютъ съ насъ половину работы.

* * *

Мы не будемъ останавливаться на такой — сравнительно съ разобраннымъ циркуляромъ — „мелочи“ какъ циркуляръ того же министра объ усиленіи надзора за благотворительными концертами, представленіями и проч. (Ср. „Искра“ № 9, „Новыя рогатки“).

Попробуемъ посмотрѣть, въ какомъ отношеніи находится теперь правительственная помощь населенію, назначенная и распредѣленная по новымъ правиламъ, къ дѣйствительному размѣру нужды. Правда, данныя объ этомъ до послѣдней степени скудны. Печать теперь взнуздана до-нельзя, голоса частныхъ устроителей столовыхъ замолкли вмѣстѣ съ „запрещеніемъ“ ихъ дѣятельности, и для освѣдомленія оторопѣвшей отъ новыхъ строгостей россійской публики служатъ только казенно-полицейскія помѣтки о благополучномъ ходѣ продовольственной кампаніи, да статейки въ томъ же духѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, да передаваемые кое-когда разговоры досужаго репортера съ тѣмъ или инымъ помпадуромъ, преважно излагающимъ „мысли о градоначальническомъ единомысліи, а также о градоначальническомъ единовластіи и о прочемъ“. Напр., „Новое Время“ въ № 9195 передаетъ, что саратовскій (бывшій архангельскій) губернаторъ А. П. Энгельгардтъ принялъ сотрудника мѣстной газеты и высказалъ ему, между прочимъ, что онъ, губернаторъ, лично устроилъ на мѣстѣ совѣщаніе предводителей дворянства, представителей земскихъ управъ, земскихъ начальниковъ и представителей Краснаго Креста и „распредѣлилъ занятія“.

„Цынги, — сказалъ А. П. Энгельгардтъ — въ томъ видѣ, какъ я ее наблюдалъ въ Архангельской губерніи, здѣсь нѣтъ: тамъ къ больному нельзя подойти на пять шаговъ; тамъ эта болѣзнь дѣйствительно „гнилая“, — здѣсь же больше всего послѣдствій сильнаго малокровія, развивающагося благодаря ужасной обстановкѣ домашней жизни. Единственные почти признаки цынготнаго заболѣванія здѣсь — бѣлыя губы, бѣлыя десны... Выздоравливаетъ такой больной въ теченіе недѣли при правильномъ питаніи. Теперь и идетъ это подкармливаніе. Въ общемъ выдается 1000 порцій въ день, хотя зарегистровано не больше 400 крайне нуждающихся.

„Кромѣ цынготныхъ заболѣваній, по всей мѣстности отмѣчены только три случая тифа. Дальше, надо надѣяться, дѣло и не пойдетъ, такъ какъ вездѣ уже открыты общественныя работы, и населеніе обезпечено заработкомъ.“

Вотъ какое благополучіе: на весь Хвалынскій уѣздъ (о которомъ говоритъ г. помпадуръ) только 400 крайне нужда-

ющихся (остальные, вѣроятно, „могутъ обойтись“, по мнѣнію гг. Сипягина и Энгельгардта, и 24-мя пудами хлѣба въ годъ на семью!) и населеніе уже обезпечено и выздоравливаютъ больные черезъ недѣлю. Какъ же послѣ этого не вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ“, которыя въ особой передовицѣ (№ 258) внушаютъ намъ, что „по послѣднимъ извѣстіямъ изъ 12 губерній, пострадавшихъ отъ неурожая, *въ нихъ кипитъ дѣятельная работа администраціи по устройству помощи*. Многіе уѣзды уже обслѣдованы, на предметъ признанія ихъ неблагополучными въ продовольственномъ отношеніи, *назначаются уѣздные завѣдующіе* продовольственною частью и т. д. Повидимому, правительственными должностными лицами дѣлается все возможное для оказанія своевременной и достаточной помощи“.

„Кипитъ дѣятельная работа“ и... „зарегистровано не болѣе 400 крайне нуждающихся“.... Въ Хвалынскомъ уѣздѣ 165 тысячъ сельскаго населенія, а порцій выдается одна тысяча. Недоборъ ржи въ этомъ году составляетъ во всемъ юговосточномъ районѣ (въ томъ числѣ и въ Саратовской губерніи) 34%. Въ Саратовской губерніи изъ общаго посѣва на крестьянскихъ земляхъ (1½ милліона десятинъ) полнымъ неурожаемъ поражены 15% (по даннымъ губернской земской управы) и плохимъ — 75%, а Хвалынскій уѣздъ, вмѣстѣ съ Камышинскимъ, принадлежатъ къ наиболѣе пострадавшимъ уѣздамъ Саратовской губерніи. Слѣдовательно, общій недоборъ хлѣба у крестьянъ Хвалынскаго уѣзда составляетъ не менѣе процентовъ 30-ти. Допустимъ, что половина этого недобора падаетъ на зажиточное крестьянство, которое доведено этимъ еще не до голоданія (хотя это допущеніе болѣе чѣмъ рискованное, ибо зажиточное крестьянство имѣетъ лучшія земли и лучше ихъ обрабатываетъ, такъ что отъ неурожая страдаетъ всегда меньше бѣдноты). Даже и при такомъ предположеніи окажется, что голодающихъ должно быть процентовъ 15, т. е. до 25-ти тысячъ. А насъ хотятъ утѣшить тѣмъ, что хвалынской цынгѣ далеко еще до архангельской, что случаевъ тифа будто бы было только три (врали бы хотя по-искуснѣе!) и что выдается одна тысяча порцій (разсчитанныхъ и размѣренныхъ, вѣроятно, по Сипягинской системѣ борьбы... съ преувеличеніями).

Что касается до тѣхъ „заработковъ“, которые г. Сипягинъ въ своемъ циркулярѣ старался *три* раза учесть, чтобы избѣжать преувеличеній (разъ — предписывая не считать неблагополучными уѣзды съ развитыми обычно заработками, другой разъ — предписывая уменьшать 48-мипудовую норму на половину, ибо 50 процентовъ рабочаго населенія „должны“ заработать, и третій разъ — предписывая уменьшать и эту послѣднюю цифру на ⅓—⅒, по мѣстнымъ условіямъ), что касается заработковъ, то въ Саратовской губерніи упали не

только земледѣльческіе, но и неземледѣльческіе заработки. „Послѣдствія неурожая — сообщаетъ намъ вышеназванный докладъ управы — отразились и на кустаряхъ благодаря уменьшенію сбыта ихъ продуктовъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ въ уѣздахъ съ наиболѣе развитыми кустарными промыслами *наблюдаются кризисы.*“ А къ числу этихъ уѣздовъ принадлежитъ и наиболѣе пострадавшій Камышинскій уѣздъ, въ которомъ, между прочимъ, многія и многія тысячи бѣдноты заняты знаменитымъ сарпиночнымъ промысломъ. И въ обыкновенные годы порядки въ этомъ, заброшенномъ въ деревенское захолустье, промыслѣ были самые безобразные: работали, напримѣръ, дѣти 6—7 лѣтъ, получая 7—8 копѣекъ въ день. Можно себѣ представить, что́ тамъ дѣлается въ годъ громаднаго неурожая и особаго кустарнаго кризиса.

Неурожай хлѣбовъ сопровождается въ Саратовской губерніи (какъ и во всѣхъ, разумѣется, неурожайныхъ губорніяхъ) недостаткомъ кормовъ. За послѣдніе мѣсяцы (т. е. уже во второй половинѣ лѣта!) было отмѣчено чрезвычайное развитіе разныхъ эпизоотій, усиливающихъ смертность скота. „По сообщенію ветеринарнаго врача изъ Хвалынскаго уѣзда (заимствуемъ это свѣдѣніе изъ той же газеты, которая излагала содержаніе вышеупомянатаго доклада губернской земской управы), при вскрытіи павшихъ животныхъ въ желудкахъ послѣднихъ ничего кромѣ земли не оказывалось.“

Въ „сообщеніи земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ“ о продолженіи продовольственной кампаніи было сдѣлано, между прочимъ, заявленіе, что изъ числа объявленныхъ неблагополучными уѣздовъ „лишь въ Хвалынскомъ съ іюля мѣсяца обнаружился, въ двухъ селахъ, рядъ эпидемическихъ заболѣваній цынгой, къ прекращенію которой направлены усилія мѣстнаго врачебнаго персонала, причемъ въ помощь мѣстнымъ силамъ командированы два отряда общества Краснаго Креста, дѣйствующіе, по донесенію губернатора, — (того самаго А. П. Энгельгардта, съ которымъ мы уже познакомились), — съ большимъ успѣхомъ; во всѣхъ же прочихъ, объявленныхъ неблагополучными въ продовольственномъ отношеніи уѣздахъ, по имѣющимся въ министерствѣ къ 12-му сего сентября свѣдѣніямъ, случаевъ неудовлетворенной острой продовольственной нужды не было, и развитія болѣзней на почвѣ недостаточнаго питанія не замѣчается.“

Чтобы показать, какого довѣрія можетъ заслуживать это утвержденіе, будто не было случаевъ неудовлетворенной *острой* нужды (а *хроническая* нужда была?) и будто не замѣчается развитія болѣзней, мы ограничимся сопоставленіемъ данныхъ еще по двумъ губерніямъ.

Въ Уфимской губерніи объявлены неблагополучными Мензелинскій и Белеебевскій уѣзды, и земскій отдѣлъ мини-

стерства внутреннихъ дѣлъ сообщаетъ, что правительственная ссуда „собственно на продовольствіе“ потребуется, „по заявленію губернатора“, въ размѣрѣ 800 000 пудовъ. Между тѣмъ чрезвычайное уфимское губернское земское собраніе, созванное на 27-ое августа для обсужденія вопроса о помощи пострадавшимъ отъ неурожая, опредѣлило нужду этихъ уѣздовъ на продовольствіе въ 2,2 милліона пудовъ хлѣба да плюсъ 1 милліонъ на остальные уѣзды, независимо отъ ссуды на обсѣмененіе (3,2 милліона пудовъ на губернію) и на прокормъ скота (600 000 пудовъ). Продовольственная ссуда, слѣдовательно, опредѣлена министерствомъ въ *одну четвертую долю* того, что̀ опредѣляло земство.

Другой примѣръ. Въ Вятской губерніи уѣздовъ, объявленныхъ неблагополучными, не было къ тому времени, когда земскій отдѣлъ опубликовалъ свое сообщеніе, а размѣръ ссуды на продовольствіе онъ же опредѣлялъ въ 782 000 пудовъ. Это — та самая сумма, которую исчислило, по сообщеніямъ газетъ, еще вятское губернское присутствіе по продовольственной части въ своемъ засѣданіи 28-го августа (исчислило согласно съ постановленіями уѣздныхъ съѣздовъ отъ 18 до 25-го августа). *Тѣ же* самые съѣзды *около 12-го* августа опредѣлили размѣръ ссуды иначе, именно: 1,1 милл. пудовъ на продовольствіе и 1,4 милл. пудовъ на обсѣмененіе. Откуда эта разница? Что произошло между 12-мъ и 28-мъ августа? Произошло то, что появился циркуляръ г. Сипягина отъ 17-го августа о борьбѣ съ голодающими. Дѣйствіе циркуляръ возъимѣлъ, значитъ, моментальное, и маленькая сумма въ 230 тысячъ пудовъ хлѣба была вычеркнута изъ разсчета, составленнаго — это замѣтьте — уѣздными съѣздами т. е. учрежденіями, замѣнившими (по закону 12-го іюня 1900 г.) неблагонадежное земство, учрежденіями, состоящими изъ чиновниковъ вообще и земскихъ начальниковъ въ особенности... Неужели мы въ самомъ дѣлѣ доживемъ до того, что и земскіе начальники обвинены будутъ въ либерализмѣ? Чего добраго. По крайней мѣрѣ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ мы прочитали недавно такой репримандъ нѣкоему г. Ом., осмѣлившемуся въ „Приазовскомъ Краѣ“ предложить, чтобы печатались въ газетахъ протоколы засѣданій губернскихъ по городскимъ дѣламъ присутствій (если уже нельзя въ эти засѣданія допустить представителей печати):

„Цѣль слишкомъ прозрачна: *русскій чиновникъ часто страдаетъ боязнью показаться нелиберальнымъ*, и гласность можетъ заставить его, иногда даже противъ совѣсти, поддерживать какую-нибудь либерально-фантастическую затѣю города или земства. Разсчетъ несовсѣмъ ошибочный.“

Не слѣдуетъ-ли назначить особый надзоръ за вятскими земскими начальниками, которые — очевидно изъ боязни показаться нелиберальными — обнаружили непроститель-

ное легкомысліе въ „преувеличеніи“ продовольственной нужды?*)

Впрочемъ, „либерально-фантастическая затѣя“ вятскаго земства (если бы мудрое русское правительство не отстранило его отъ веденія продовольственнаго дѣла) доходила до опредѣленія нужды еще въ гораздо большихъ размѣрахъ. По крайней мѣрѣ, чрезвычайное губернское собраніе, происходившее съ 30 августа по 2-ое сентября, опредѣлило недоборъ хлѣба до потребнаго количества въ 17 процентовъ, а кормовъ — въ 15 процентовъ. А величина этого количества — 105 милл. пудовъ (обычный сборъ — 134 милл. пудовъ, а въ настоящемъ году 84 милл. пудовъ). Недоборъ, слѣдовательно, составляетъ, *21 милліонъ пудовъ*. „Общее число волостей въ губерніи, необезпеченныхъ сборомъ текущаго года, — 158 изъ 310. Населеніе ихъ составляетъ 1566 тысячъ душъ об. пола.“ Да, несомнѣнно, „кипитъ дѣятельная работа администраціи“ — по уменьшенію дѣйствительныхъ размѣровъ нужды и по сведенію всего дѣла помощи голодающимъ до какого-то акробатства копѣечной благотворительностью.

Впрочемъ „акробаты благотворительности“ было бы еще слишкомъ лестнымъ названіемъ для сплоченныхъ подъ знаменемъ Сипягинскаго циркуляра администраторовъ. Общаго у нихъ съ акробатами благотворительности — мизерность ихъ

---

*) А вотъ еще образчикъ борьбы съ преувеличеніями, которую ведетъ вятскій губернаторъ:

„Вятскій губернаторъ въ „объявленіи“, разосланномъ по волостнымъ правленіямъ, констатируетъ весьма осторожное отношеніе крестьянъ къ продовольственной ссудѣ, выдаваемой правительствомъ и земствомъ. „При объѣздѣ губерніи — говоритъ г. Клингенбергъ, — я убѣдился, насколько крестьяне обдуманно и осторожно относятся къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, боятся брать на себя невызываемые крайнею необходимостью долги и твердо рѣшились терпѣливо ждать Божіей помощи въ будущемъ году, стараясь своими силами выйти изъ затруднительнаго положенія“. Это даетъ начальнику Вятской губерніи увѣренность въ томъ, что „никакіе слухи о даровой правительственной и земской помощи и о возможности сложенія долговъ и недоимокъ, а равно о преувеличенныхъ размѣрахъ недорода не будутъ смущать спокойное и благоразумное населеніе Вятской губерніи“. Губернаторъ считаетъ нужнымъ предупредить крестьянское населеніе, „что если при повѣркѣ приговоровъ окажется, что домохозяинъ хотя и не имѣетъ никакихъ запасовъ, но собралъ въ нынѣшнемъ году хлѣбъ въ достаточномъ количествѣ на прокормленіе семьи и на обсѣмененіе полей, но хлѣбъ этотъ продалъ и вырученныя деньги употреблялъ на другія надобности, то онъ уже разсчитывать на полученіе ссуды не можетъ. Выданныя ссуды будутъ, по новому закону, взыскиваться безъ отвѣтственности круговою порукою, по тѣмъ же правиламъ, по коимъ взыскиваются окладные сборы. Поэтому домохозяинъ, просившій и получившій ссуду, долженъ помнить, что онъ одинъ и долженъ будетъ ее возвратить, что никто ему не поможетъ и что взысканіе будетъ производиться строго, такъ что въ случаѣ накопленія недоимки все движимое имущество можетъ быть продано, а недвижимое отобрано.“

Можно себѣ представить, какъ обращаются волостные заправилы съ просящими ссуду голодающими недоимщиками, послѣ такого объявленія губернатора!

помощи и стремленіе раздуть ея размѣры. Но акробаты благотворительности смотрятъ на благодѣтельствуемыхъ ими людей, въ худшемъ случаѣ, какъ на игрушку, пріятно щекочущую ихъ самолюбіе, а Сипягинская администрація смотритъ на нихъ какъ на непріятелей, какъ на людей, на что-то беззаконно посягающихъ („ничѣмъ не оправдываемая требовательность по отношенію къ правительству") и потому подлежащихъ обузданію. Съ полной рельефностью выразился этотъ взглядъ въ замѣчательныхъ „Временныхъ Правилахъ", высочайше утвержденныхъ 15-го сентября 1901 г.

Это — цѣлый законъ, состоящій изъ 20 статей, и замѣчательнаго въ немъ такъ много, что мы не поколебались бы причислить его къ важнѣйшимъ законодательнымъ актамъ начала 20-го вѣка. Начать съ названія: „временныя правила объ *участіи* населенія пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей въ работахъ, производимыхъ распоряженіемъ вѣдомствъ путей сообщенія и земледѣлія и государственныхъ имуществъ". Вѣроятно, эти работы представляютъ изъ себя нѣчто до такой степени напичканное льготами, что **„участіе"** въ нихъ есть особая милость? Вѣроятно, иначе и первая статья новаго закона не повторяла бы: „сельскимъ обывателямъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, *предоставляется участіе* въ производствѣ работъ" и т. д.?

Но объ этихъ „льготахъ" законъ говоритъ уже во второй своей половинѣ, а сначала устанавливается *организація* всего дѣла. Подлежащія управленія „предназначаютъ наиболѣе соотвѣтствующія работы" (ст. 2), причемъ „примѣняются къ установленному въ законѣ порядку" (ст. 3, которую, примѣнительно къ названію главъ въ нѣкоторыхъ романахъ Диккенса, можно бы назвать: „та статья новаго закона, въ которой говорится о необходимости примѣняться къ старымъ законамъ"). Работы открываются либо на смѣтныя средства либо на особые кредиты, причемъ общее завѣдываніе устройствомъ работъ принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ, который можетъ назначать особыхъ уполномоченныхъ и при которомъ, подъ предсѣдательствомъ его товарища, образуется особое „совѣщаніе по продовольственному дѣлу" изъ представителей разныхъ министерствъ. Къ обязанностямъ этого совѣщанія относится а) разрѣшеніе отступленій отъ установленнаго порядка, б) обсужденіе предположеній о назначеніяхъ средствъ, в) „установленіе предѣльныхъ размѣровъ вознагражденія рабочихъ, а равно опредѣленіе другихъ условій предоставленія населенію участія въ означенныхъ работахъ; г) распредѣленіе рабочихъ партій по районамъ работъ и д) завѣдываніе передвиженіемъ этихъ партій къ мѣстамъ производства работъ." Заключенія совѣщанія утверждаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, а также, „въ подлежащихъ случаяхъ", и министры другихъ вѣдомствъ. Далѣе, указаніе

работъ и выясненіе численности нуждающагося въ нихъ населенія возлагается на земскихъ начальниковъ, которые всѣ эти свѣдѣнія сообщаютъ губернаторамъ, а губернаторы со своимъ заключеніемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ „и, по указанію онаго, распоряжаются чрезъ земскихъ начальниковъ отправленіемъ рабочихъ къ мѣстамъ производства работъ“. . . .

Уфъ! Наконецъ то мы осилили всю „организацію“ новаго дѣла! Спрашивается теперь, сколько потребуется смазки, чтобы привести въ движеніе всѣ колеса этой громоздкой, чисто-русской административной махины? Попробуйте только представить себѣ это дѣло конкретно: непосредственно около голодающихъ находится одинъ земскій начальникъ. Ему, значитъ, принадлежитъ иниціатива. Онъ пишетъ бумажку — кому? Губернатору, гласитъ ст. временныхъ правилъ 15-го сентября. Но на основаніи циркуляра отъ 17-го августа создано вѣдь особое „уѣздное центральное по продовольственной части управленіе“, назначеніе котораго „сосредоточить завѣдываніе *всею* продольственною частью по уѣзду въ рукахъ одного должностного лица“ (цирк. 17 авг. — этимъ лицомъ предпочтительно долженъ назначаться уѣздный предводитель дворянства). Возникаетъ „пререканіе“, которое, конечно, быстро разрѣшается на основаніи замѣчательно ясныхъ и простыхъ „началъ“, изложенныхъ въ шести пунктахъ статьи 175-ой „общаго учрежденія губернскаго“, опредѣляющей „порядокъ разрѣшенія пререканій . . . между присутственными мѣстами и должностными лицами“. Въ концѣ концовъ бумажка попадаетъ все таки въ канцелярію губернатора, гдѣ и принимаются составлять „заключеніе“. Затѣмъ все посылается въ Петербургъ и поступаетъ на разсмотрѣніе особаго совѣщанія. Но участвующій въ совѣщаніи представитель министерства путей сообщенія не въ состояніи рѣшить вопросъ о цѣлесообразности такой работы, какъ исправленіе дорогъ Бугурусланскаго уѣзда, — и вотъ новая бумажка путешествуетъ изъ Петербурга въ провинцію и обратно. И когда наконецъ вопросъ о цѣлесообразности работы и проч. и проч. будетъ принципіально разрѣшенъ, тогда петербургское совѣщаніе займется „распредѣленіемъ рабочихъ партій“ между Бузулукскимъ и Бугурусланскимъ уѣздами.

И ради чего создана такая махина? По новизнѣ дѣла? Ничуть не бывало. До временныхъ правилъ 15-го сентября общественныя работы могли устраиваться гораздо проще „на основаніи дѣйствующихъ узаконеній“, и тотъ же циркуляръ 17-го августа, говоря объ общественныхъ работахъ, устраиваемыхъ земствами и попечительствами о домахъ трудолюбія и губернскими властями, не предвидитъ надобности ни въ какой особой организаціи. Какъ видите, „продовольственная кампанія“ правительства состоитъ въ томъ, что пе-

тербугскіе департаменты цѣлый мѣсяцъ (съ 17-го августа по 15 сентября) выдумывали и выдумали таки безконечное усложненіе волокиты. За то петербургское совѣщаніе, навѣрное уже, не поддастся той опасности впасть въ преувеличенія, отъ которой не защищены мѣстные чиновники, „боящіеся показаться нелиберальными“...

Но гвоздь новыхъ „временныхъ правилъ“, это — узаконенія о нанимаемыхъ на работы „сельскихъ обывателяхъ“. Когда работы производятся „внѣ районовъ ихъ осѣдлости“, то рабочіе, во-первыхъ, образуютъ особыя артели, „подъ наблюденіемъ земскаго начальника“, который утверждаетъ и старосту для надзора за порядкомъ; во-вторыхъ, рабочимъ, вступившимъ въ такую артель, составляется особый списокъ, который „*замѣняетъ* для внесенныхъ въ него („въ оный“, какъ выражается законъ) рабочихъ — при передвиженіи и на время участія въ работахъ — установленные закономъ виды на жительство и хранится до прибытія на мѣсто у чиновника, сопровождающаго рабочихъ въ пути, или, въ случаѣ его отсутствія, у артельнаго старосты, а затѣмъ — у завѣдующаго производствомъ работъ лица“.

Къ чему понадобилась эта замѣна обыкновенныхъ паспортовъ, которые каждый желающій отлучиться крестьянинъ вправѣ получитьбезплатно,—особымъ спискомъ? Для рабочаго это несомнѣнное стѣсненіе, потому что, живя по своему отдѣльному паспорту, онъ гораздо свободнѣе и въ выборѣ себѣ квартиры и въ распредѣленіи своего времени и въ перемѣнѣ одной работы на другую болѣе для него выгодную или удобную. Мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, что сдѣлано это несомнѣнно умышленно и не только изъ любви къ казенщинѣ, а именно для того, чтобы стѣснить рабочихъ и приблизить ихъ къ партіямъ крѣпостныхъ, транспортируемыхъ „по описи“, по своего рода „статейному списку“. Оказывается, что, напр., забота „о сохраненіи должнаго порядка во время пути и передача (sic!) доставленныхъ партій рабочихъ завѣдующимъ работами ввѣряется чинамъ, особо командируемымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ“. Дальше въ лѣсъ — больше дровъ. Замѣна паспортовъ списками ведетъ за собой замѣну свободы передвиженія — „доставкой и передачей партій“. Что это, не о партіяхъ-ли ссыльно-каторжныхъ идетъ рѣчь? Не отмѣнены-ли уже (можетъ быть, въ наказаніе за „преувеличеніе“ голода?) всѣ законы о томъ, что крестьянинъ, снабдившій себя паспортомъ, можетъ ѣхать куда ему угодно и какъ ему угодно? Неужели принятіе перевозки на счетъ казны есть достаточное-основаніе для лишенія гражданскихъ правъ?

Далѣе. Оказывается, что завѣдующія распредѣленіемъ рабочихъ, выдачей платы и пр. должностныя лица производящаго работы вѣдомства „по сообщенію губернскаго началь-

ства мѣстностей, гдѣ остались семьи рабочихъ, удерживаютъ, въ случаѣ возможности, часть заработной платы и отсылаютъ ее по принадлежности для поддержки этихъ семействъ". Новое лишеніе правъ. Какъ смѣютъ чиновники удерживать заработанныя деньги? Какъ смѣютъ они вмѣшиваться въ семейныя дѣла рабочихъ и рѣшать за нихъ, точно за крѣпостныхъ, кого и насколько желаютъ они поддерживать? Да позволятъ-ли еще рабочіе удерживать, безъ ихъ согласія, заработанныя ими деньги? Этотъ вопросъ, вѣроятно, пришелъ въ голову и составителямъ новыхъ „каторжныхъ правилъ", потому что статья закона, непосредственно слѣдующая за приведенной выше, гласитъ: „Надзоръ за сохраненіемъ рабочими должнаго порядка въ мѣстахъ производства работъ возлагается, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, на мѣстныхъ земскихъ начальниковъ, офицеровъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, полицейскихъ чиновниковъ или особо для сего назначенныхъ лицъ". Положительно, рѣчь идетъ о *наказаніи* крестьянъ лишеніемъ правъ за „преувеличенія" голода и „ничѣмъ не оправдываемую требовательность по отношенію къ правительству"! Мало того, что за всѣми русскими рабочими вообще слѣдитъ и полиція общая и полиція фабричная и полиція сыскная, здѣсь еще предписывается установленіе *особаго* надзора. Правительство, можно подумать, совсѣмъ потеряло голову изъ страха передъ этими отправляемыми, доставляемыми и передаваемыми съ тысячей предосторожностей партіями голодающихъ крестьянъ?

Далѣе. „Въ случаяхъ нарушенія общественной тишины и спокойствія, явно недобросовѣстнаго отношенія къ работѣ или неисполненія законныхъ требованій лицъ, завѣдывающихъ производствомъ работъ, или наблюдающихъ за порядкомъ на оныхъ, виновные въ томъ рабочіе могутъ быть подвергаемы *безъ особаго судебнаго производства*, по распоряженію чиновъ, упомянутыхъ въ ст. 16 (только что приведенной нами), аресту до *трехъ* дней; за упорное же уклоненіе отъ работы они, по распоряженію тѣхъ же чиновъ, могутъ быть *отправлены по этапу* въ мѣсто постояннаго ихъ жительства".

Можно-ли послѣ этого иначе назвать временныя правила 15-го сентября какъ временно-каторжными правилами? Расправа безъ суда, — высылка по этапу... Велика, очень велика темнота и забитость русскаго крестьянина, но есть же мѣра всему. Да и безпрерывныя голодовки и безпрерывныя высылки рабочихъ изъ городовъ не могли пройти безслѣдно. И наше правительство, которому такъ понравилось управлять посредствомъ „временныхъ правилъ",*) дождется-таки того, что найдетъ коса на камень.

---

*) Давно уже сказано, что всякій дуракъ съумѣетъ управлять посредствомъ осаднаго положенія. Ну, это въ Европѣ нужны осадныя поло-

Пусть послужатъ для насъ „Временныя Правила“ 15-го сентября поводомъ къ самой широкой агитаціи въ рабочихъ кружкахъ и въ крестьянствѣ; *давайте распространять* самый текстъ этихъ правилъ и листки съ объясненіемъ ихъ, давайте устраивать собранья съ чтеніемъ этого закона и объясненіемъ его содержанія въ связи со всей „продовольственной“ политикой правительства. Добьемся того, чтобы каждый сколько нибудь сознательный рабочій, попадая такъ или иначе въ деревню, имѣлъ точное представленіе о „временно-каторжныхъ правилахъ“ и былъ въ состояніи разсказывать всѣмъ и каждому, въ чемъ тутъ дѣло и что нужно дѣлать для избавленія отъ каторги голода, произвола и безправія

А тѣмъ россійскимъ прекраснодушнымъ интеллигентамъ, которые носятся со всякаго рода артелями и тому подобными допускаемыми или поощряемыми правительствомъ легальными обществами, пусть послужатъ эти временныя правила о *рабочихъ артеляхъ* — постояннымъ укоромъ и серьезнымъ предостереженіемъ: укоромъ за ту наивность, съ которой они вѣрили въ искренность правительственнаго допущенія или поощренія, не видя самаго подлаго крѣпостническаго нутра за вывѣской „развитія народнаго труда“ и т. п. Предостереженіемъ, — чтобы впредь они, говоря объ артеляхъ и прочихъ допускаемыхъ гг. Сипягиными обществахъ, никогда не забывали сказать, и всю правду сказать, о рабочихъ артеляхъ по временнымъ правиламъ 15-го сентября, или же, если они не могутъ говорить о *такихъ* артеляхъ, чтобы они лучше совсѣмъ молчали.

II. Отношеніе къ кризису и къ голоду.

Наряду съ новой голодовкой все еще тянется старый, ставшій уже затяжнымъ, торгово-промышленный кризисъ, выбросившій на улицу десятки тысячъ не находящихъ себѣ работы рабочихъ. Нужда среди нихъ страшно велика, и тѣмъ болѣе бросается въ глаза соворшенно различное отношеніе и правительства и образованнаго „общества“ къ этой нуждѣ и къ нуждѣ крестьянъ. Никакихъ попытокъ ни со стороны общественныхъ учрежденій, ни со стороны печати опредѣлить число нуждающихся рабочихъ и степень нужды хотя бы съ такой же степенью приближенія, съ какой опредѣляется нужда крестьянъ. Никакихъ систематическихъ мѣропріятій по организаціи помощи голодающимъ рабочимъ.

Отчего зависитъ эта разница? Намъ думается: всего менѣе оттого, что нужда рабочихъ какъ-бы меньше выступаетъ

женія, а у насъ осадное положеніе есть общее положеніе, восполняемое то здѣсь то тамъ временными правилами. Вѣдь всѣ политическія дѣла въ Россіи ведутся на основаніи временныхъ правилъ.

наружу, проявляется въ менѣе рѣзкихъ формахъ. Правда, городскіе жители, не принадлежащіе къ рабочему классу, мало знаютъ о томъ, какъ маются теперь фабричные, тѣснясь еще болѣе въ подвалахъ, чердакахъ и конурахъ, недоѣдая еще больше, чѣмъ обыкновенно, сбывая ростовщикамъ послѣдніе остатки домашней рухляди; правда, увеличеніе числа босяковъ и нищихъ, посѣтителей ночлежныхъ домовъ и обитателей тюремъ и больницъ не обращаетъ на себя особеннаго вниманія, потому что вѣдь „всѣ“ такъ привыкли къ тому, что въ большомъ городѣ должны быть переполнены ночлежные дома и всякіе притоны самой безъисходной нищеты; правда, безработные рабочіе совсѣмъ не привязаны къ мѣсту, какъ крестьяне, и либо сами расходятся въ разные концы государства, отыскивая занятіе, либо высылаются „на родину“ администраціей, опасающейся скопленія безработныхъ. Но несмотря на все это каждый, соприкасающійся съ промышленной жизнью, наблюдаетъ воочію и каждый, слѣдящій за общественной жизнью, знаетъ изъ газетъ, что безработица растетъ и растетъ.

Нѣтъ, причины указаннаго различія лежатъ глубже: ихъ надо искать въ томъ, что деревенская голодовка и городская безработица принадлежатъ къ совершенно различнымъ укладамъ хозяйственной жизни страны, обусловливаются совершенно различнымъ взаимоотношеніемъ класса эксплуататоровъ и класса эксплуатируемыхъ. Въ деревнѣ отношенія между этими двумя классами вообще чрезвычайно запутаны и усложнены массой переходныхъ формъ, когда земледѣльческое хозяйство соединяется то съ ростовщичествомъ то съ работой по найму и пр. и пр. И голодаютъ при этомъ не сельскохозяйственные наемные рабочіе, противоположность интересовъ которыхъ интересамъ помѣщиковъ и зажиточныхъ крестьянъ ясна для всѣхъ и въ значительной степени для самихъ рабочихъ, а голодаютъ мелкіе крестьяне, которыхъ принято считать (и которые сами себя считаютъ) самостоятельными хозяевами, лишь случайно попадающими иногда въ ту или иную „временную“ зависимость. Ближайшая причина голода — неурожай — бѣдствіе, въ глазахъ массы, чисто стихійное, божье попущеніе. А такъ какъ эти сопровождаемые голодовками неурожаи тянутся съ незапамятныхъ временъ, то и законодательство давно уже вынуждено считаться съ ними. Давно уже существуютъ (главнымъ образомъ на бумагѣ) цѣлые уставы народнаго продовольствія, предписывающіе цѣлую систему „мѣропріятій“. И какъ ни мало отвѣчаютъ нуждамъ современной эпохи эти мѣропріятія, заимствованныя большей частью изъ временъ крѣпостного права и преобладанія патріархальнаго натуральнаго хозяйства, тѣмъ не менѣе каждый голодъ приводитъ въ движеніе цѣлый административный и земскій механизмъ. А этому механизму даже

при всемъ желаніи власть имущихъ лицъ трудно, почти невозможно обойтись безъ всесторонней помощи этихъ ненавистныхъ „третьихъ лицъ“, интеллигентовъ, стремящихся поднять „шумъ“. Съ другой стороны, связь голодовки съ неурожаемъ и забитость крестьянина, — не сознающаго (или до послѣдней степени смутно сознающаго), что только усиливающійся гнетъ капитала въ связи съ грабительской политикой правительства и помѣщиковъ довелъ его до такого разоренія, — ведутъ къ тому, что голодающіе чувствуютъ себя совершенно безпомощными и не проявляютъ не только чрезмѣрной, но даже и ровно никакой „требовательности“.

А чѣмъ ниже въ угнетенномъ классѣ уровень сознанія своего угнетенія и требовательности по отношенію къ угнетателямъ, тѣмъ больше является среди имущихъ классовъ лицъ, склонныхъ къ благотворительности, тѣмъ меньше сравнительно сопротивленіе этой благотворительности со стороны непосредственно заинтересованныхъ въ нищетѣ крестьянина мѣстныхъ помѣщиковъ. Если принять во вниманіе этотъ несомнѣнный фактъ, то окажется, что усиленіе помѣщичьяго сопротивленія, усиленіе криковъ о „деморализаціи“ мужика и, наконецъ, принятіе „начиненнымъ“ въ такомъ духѣ правительствомъ чисто военныхъ мѣръ противъ голодающихъ и противъ благотворителей, — все это ясно свидѣтельствуетъ о полномъ упадкѣ и разложеніи того исконнаго, патріархальнаго, вѣками освященнаго и непреоборимо якобы устойчиваго деревенскаго быта, которымъ восхищались наиболѣе ярые славянофилы, наиболѣе сознательные реакціонеры и наиболѣе наивные „народники“ стародѣдовскаго толка. Насъ, соціальдемократовъ, обвиняли всегда — народники въ томъ, что мы искусственно переносимъ понятіе классовой борьбы туда, куда оно вовсе не приложимо; — реакціонеры въ томъ, что мы разжигаемъ классовую ненависть и натравливаемъ „одну часть населенія противъ другой“. Не повторяя десятки разъ уже даннаго отвѣта на эти обвиненія, мы замѣтимъ только, что русское правительство идетъ *впереди насъ всѣхъ* въ оцѣнкѣ глубины классовой борьбы и въ энергіи мѣропріятій, изъ такой оцѣнки вытекающихъ. Всякій, кто соприкасался такъ или иначе съ публикой, направлявшейся въ голодные годы „кормить“ крестьянъ, — а кто изъ насъ не соприкасался съ ней? — знаетъ, что ее побуждало къ этому простое чувство человѣческаго сострадашія и жалости, что какіе бы то ни было „политическіе“ планы были совершенно чужды ей, что пропаганда идей классовой борьбы оставляла эту публику совершенно холодной, что аргументы марксистовъ въ ихъ горячей войнѣ съ народническими взглядами на деревню эту публику не убѣждали. Причемъ тутъ классовая борьба? говорили они. Просто крестьяне голодаютъ и надо имъ помочь.

Но кого не убѣдили аргументы марксистовъ, того, можетъ быть, убѣдятъ „аргументы“ г. министра внутреннихъ дѣлъ. Нѣтъ, не „просто голодаютъ“ — вѣщаетъ онъ благотворителямъ — и безъ разрѣшенія начальства нельзя „просто“ помогать, ибо это развиваетъ деморализацію и ничѣмъ не оправдываемую требовательность. Вмѣшиваться въ продовольственную кампанію значитъ вмѣшиваться въ тѣ божескія и полицейскія предначертанія, которыя гг. помѣщикамъ обезпечиваютъ рабочихъ, согласныхъ работать чуть не даромъ, а казнѣ обезпечиваютъ поступленіе податей, собираемыхъ посредствомъ выколачиванія. И кто внимательно вдумается въ Сипягинскій циркуляръ, тотъ долженъ будетъ сказать себѣ: да, въ нашей деревнѣ идетъ соціальная война, и, какъ и при всякой войнѣ, не доводится отрицать право воюющихъ сторонъ осматривать грузъ судовъ, идущихъ въ непріятельскіе порты хотя бы и подъ нейтральнымъ флагомъ! Отличіе отъ другихъ войнъ лишь то, что здѣсь одна сторона, обязанная вѣчно работать и вѣчно голодать, даже и вовсе не сражается, а только бываетъ сражаема... пока.

Въ области фабрично-заводской промышленности наличность этой войны давно уже не подлежитъ никакому сомнѣнію, и „нейтральному“ благотворителю нѣтъ надобности въ циркулярахъ разъяснять, что не спросясь броду (т. е. разрѣшенія начальства и гг. фабрикантовъ), не слѣдуетъ соваться въ воду. Еще въ 1885 году, когда о сколько-нибудь замѣтной соціалистической агитаціи среди рабочихъ не могло быть и рѣчи, даже въ центральномъ районѣ, гдѣ рабочіе ближе стоятъ къ крестьянству, чѣмъ въ столицѣ, промышленный кризисъ до такой степени сильно зарядилъ фабричную атмосферу электричествомъ, что взрывы постоянно происходили то здѣсь, то тамъ. Благотворительность при такомъ положеніи дѣла заранѣе осуждена на безсиліе, и она остается поэтому случайнымъ и чисто индивидуальнымъ дѣломъ тѣхъ или иныхъ лицъ, не пріобрѣтая и тѣни общественнаго значенія.

Отмѣтимъ еще одну особенность въ отношеніи общества къ голодовкамъ. До самаго послѣдняго времени у насъ, можно безъ преувеличенія сказать, господствовало то мнѣніе, что весь русскій экономическій, да даже и государственный, строй только и держится на *массѣ* владѣющаго землей и самостоятельно хозяйничающаго на землѣ крестьянства. До какой степени этотъ взглядъ проникалъ даже въ передовые круги мыслящихъ людей, всего менѣе склонныхъ попадать на удочку оффиціальнаго славословія, это особенно рельефно показала всѣмъ памятная книга Николая —она, вышедшая послѣ голода 1891/92 гг. Разореніе громаднаго числа крестьянскихъ хозяйствъ казалось всѣмъ такимъ абсурдомъ, такимъ невозможнымъ прыжкомъ въ небытіе, что необходимость самой

широкой помощи, способной дѣйствительно „залѣчить раны“, сдѣлалась почти общимъ лозунгомъ. И опять не кто иной, какъ г. Сипягинъ взялъ на себя трудъ разсѣять послѣднія иллюзіи. На чемъ же держится „Россія“, чѣмъ живутъ земледѣльческіе и торгово-промышленные классы, какъ не разореніемъ и нищетой народа? Пытаться не на бумагѣ только залѣчить *эту* „рану“ — да это государственное преступленіе!

Г. Сипягинъ, несомнѣнно, посодѣйствуетъ распространенію и укрѣпленію той истины, что кромѣ классовой борьбы революціоннаго пролетаріата противъ всего капиталистическаго строя нѣтъ и не можетъ быть иного средства ни противъ безработицы и кризисовъ, ни противъ тѣхъ азіатски-дикихъ и жестокихъ формъ экспропріаціи мелкаго производителя, какія принялъ этотъ процессъ у насъ. До массовыхъ жертвъ голода и кризиса хозяевамъ капиталистическаго государства такъ же мало дѣла, какъ мало дѣла паровозу до тѣхъ, кого онъ давитъ на своемъ ходу. Мертвыя тѣла тормозятъ колеса, поѣздъ останавливается, онъ можетъ даже (при черезчуръ энергичныхъ машинистахъ) сойти при этомъ съ рельсовъ, но онъ во всякомъ случаѣ продолжаетъ, послѣ тѣхъ или иныхъ задержекъ, свой путь. Вы слышите о голодной смерти и разореніи десятковъ и сотенъ тысячъ мелкихъ хозяевъ, но въ тоже время вы слышите и о прогрессахъ отечественнаго земледѣлія, объ успѣшномъ завоеваніи иностраннаго рынка россійскими помѣщиками, отправившими экспедицію русскихъ сельскихъ хозяевъ въ Англію, о расширеніи сбыта улучшенныхъ орудій и распространеніи травосѣянія и проч. Для хозяевъ русскаго земледѣлія (какъ и для всѣхъ капиталистическихъ хозяевъ) усиленіе разоренія и голодовки есть не болѣе какъ маленькая временная задержка, на которую они почти и не обратятъ вниманія, если голодающіе не *заставятъ* обратить на себя вниманія. Все идетъ своимъ чередомъ, — даже спекуляція по продажѣ земель той части *хозяевъ*, которую образуютъ зажиточные крестьяне.

Вотъ, напр., Бугурусланскій уѣздъ Самарской губерніи объявленъ „неблагонадежнымъ по урожаю“. Значитъ, разореніе *массы* крестьянства и голодовка достигли здѣсь самой высокой степени. Но бѣдствіе массы не только не мѣшаетъ, а какъ будто бы даже содѣйствуетъ укрѣпленію хозяйственной позиціи буржуазнаго меньшинства крестьянства. Вотъ что мы читаемъ о томъ же уѣздѣ въ сентябрьской корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 244):

„Бугурусланскій уѣздъ Самарской губерніи. Злобою дня у насъ являются повсемѣстный быстрый ростъ цѣнъ на землю и огромная спекуляція ею, вызванная этимъ ростомъ. Всего какихъ-нибудь 15—20 лѣтъ тому назадъ прекрасныя долинныя земли шли здѣсь *по 10—15 р.* за десятину: были мѣстности, удаленныя отъ желѣзной дороги, въ которыхъ всего три

года назадъ цѣна 35 р. за десятину считалась высокой и только за самую лучшую землю съ великолѣпной усадьбой и базаромъ было однажды заплачено 60 руб. за десятину. Теперь же за худшую землю даютъ *50—60 руб.*, а за лучшія земли цѣна поднялась до 80-ти и даже до 100 руб. за десятину. Спекуляціи, вызванныя этимъ ростомъ цѣнъ на землю, — двухъ родовъ: во-первыхъ, это — скупка земли для немедленной же перепродажи (есть случаи, что земля покупалась по 40 р. и черезъ годъ перепродавалась мѣстнымъ *крестьянамъ по 55-ти р.*); продаютъ обыкновенно тѣ помѣщики, которымъ или неохота, или уже некогда возиться съ проволочками и формальностями продажи земли крестьянамъ черезъ Крестьянскій банкъ, покупаютъ же купцы-капиталисты *и перепродаютъ тѣмъ же мѣстнымъ мужикамъ*. Во-вторыхъ, разнаго рода многочисленные посредники занимаются всучиваніемъ крестьянамъ изъ дальнихъ губерній (преимущественно малороссійскихъ) всякаго рода неудобной земли, за что получаютъ отъ владѣльцевъ имѣній недурные *проценты (отъ 1-го до 2-хъ р.* за десятину). Изъ сказаннаго уже видно, что главный объектъ земельной спекуляціи — *крестьянинъ*, и на его жаждѣ земли основывается вся эта невообразимая и необъяснимая простыми экономическими причинами скачка цѣнъ на землю; конечно, сыграли роль и желѣзныя дороги, но не такую, такъ какъ главнымъ покупателемъ земли у насъ остается крестьянство, для котораго желѣзная дорога — факторъ далеко не первостепенный."

Эти цѣпкіе „хозяйственные мужички", такъ жадно вкладывающіе свои „сбереженія" (и награбленія) въ покупку земли, неминуемо доканаютъ и тѣхъ изъ малоимущихъ крестьянъ, которые еще уцѣлѣли отъ теперешней голодовки.

Если для буржуазнаго общества средствомъ противъ разоренія и голоданія неимущихъ крестьянъ служитъ покупка земли зажиточными крестьянами, то средствомъ противъ кризиса, переполненія рынка продуктами промышленности, служатъ поиски новыхъ рынковъ. Пресмыкающаяся печать („Новое Время", № 9188) восторгается успѣхами новой торговли съ Персіей, оживленно обсуждаются коммерческіе виды на Среднюю Азію и особенно на Манджурію. Желѣзодѣлательные и прочіе промышленные тузы радостно потираютъ руки, слыша объ оживленіи желѣзнодорожнаго строительства. Рѣшено строить большія линія: Петербургъ-Вятка, Бологое-Сѣдлецъ, Оренбургъ-Ташкентъ, гарантированы правительствомъ желѣзнорожные займы на 37 милліоновъ (обществъ Московско-Казанской, Лодзинской и Юговосточныхъ дорогъ), предположены линіи: Москва-Кыштымъ, Камышинъ-Астрахань и Черноморская. Голодающіе крестьяне и безработные рабочіе могутъ утѣшаться: казенныя денежки (если казна добудетъ еще денегъ) не будутъ, разумѣется, „непроизводи-

тельно“ (ср. Сипягинскій циркуляръ) расходоваться на пособія, нѣтъ, они польются въ карманы инженеровъ и подрядчиковъ — въ родѣ тѣхъ виртуозовъ казнокрадства, которые годы и годы крали и крали въ Нижнемъ при постройкѣ Сормовской дамбы и которые только теперь осуждены (въ видѣ исключенія) сессіей московской судебной палаты въ Нижнемъ Новгородѣ.*)

III. Третій элементъ.

Выраженіе „третій элементъ“ или „третьи лица“ пущено въ ходъ, если мы не ошибаемся, самарскимъ вицегуберна-

*) Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробнѣе остановиться на этомъ процессѣ, который еще и еще разъ показалъ, какъ хозяйничаютъ и инженеры и подрядчики. Для насъ, русскихъ, это именно та старая исторія, которая вѣчно остается новой. Инженеръ Александровъ въ компаніи съ начальникомъ Нижегородскаго отдѣленія Казанскаго округа министерства путей сообщенія Шнакенбургомъ и съ шестью, привлеченными къ дѣлу подрядчиками, *въ теченіе трехъ лѣтъ* (1893—1895) „соорудилъ“ для себя и другихъ тысячные капиталы, представляя въ казну счеты, вѣдомости, акты освидѣтельствованія и проч. на никогда не существовавшія работы и поставки. Фиктивны были не только работы, но и сами подрядчики: простой писецъ подписывался за подрядчика! Какую сумму хапнула вся братія, можно судить по слѣдующему. Инженеръ Александровъ представилъ счетовъ (отъ попавшихъ на скамью подсудимыхъ „подрядчиковъ“) на *двѣсти слишкомъ* тысячъ рублей, а въ этихъ счетахъ, напримѣръ, вмѣсто 400 рублей дѣйствительнаго расхода ставили 4400 р. Инженеръ Александровъ, по показанію одного свидѣтеля, прокучивалъ то съ дѣвицами, то со своимъ непосредственнымъ начальствомъ, путейскими инженерами руб. по 50—80 въ одинъ обѣдъ.

Но интереснѣе всего то, какъ велось и чѣмъ кончилось это дѣло. Полиціймейстеръ, которому донесъ агентъ сыскной полиціи, „не захотѣлъ поднимать дѣло“ (!) „Дѣло — говоритъ — не наше, а министерства путей сообщенія“, и агенту пришлось обратиться къ прокурору. Далѣе, обнаружилось все только потому, что воры перессорились: Александровъ „не подѣлился“ съ однимъ изъ писцовъ-подрядчиковъ. Велось дѣло *шесть лѣтъ*, такъ что многіе свидѣтели успѣли умереть и почти всѣ успѣли перезабыть самое важное. Даже такой свидѣтель, какъ бывшій начальникъ казанскаго округа путей сообщенія Лохтинъ, *не разысканъ* (sic!): не то онъ въ Казани, не то въ г. Енисейскѣ на командировкѣ! Пусть читатель не думаетъ, что это — шутка, это списано съ отчета о судебномъ разбирательствѣ.

Что замѣшаны въ этомъ дѣлѣ далеко не одни обвиняемые, видно хотя бы изъ 2-хъ слѣдующихъ фактовъ: во-первыхъ, тотъ самый добродѣтельный агентъ полиціи, который поднялъ дѣло, теперь въ полиціи не служитъ, а пріобрѣлъ домъ и живетъ доходами съ него. Во-вторыхъ, инженеръ Макаровъ *начальникъ казанскаго округа путей сообщенія* (въ эпоху Сормовской дамбы бывшій помощникомъ начальника) на судѣ изъ кожи лѣзъ, выгораживая Александрова; онъ заявилъ даже — буквально! — что если дамбу весной 1894 г. размыло, то *„это такъ и полагалось“*. По его, Макаровскимъ, ревизіямъ, у Александрова все было въ порядкѣ, и Александровъ отличался опытностью, усердіемъ и аккуратностью!

Результатъ: Александрову — одинъ годъ крѣпости; Шнакенбургу — строгій выговоръ (не приведенный въ исполненіе за силой манифеста 1896 г.!); остальные оправданы. Гражданскій искъ казны отклоненъ. Воображаю, какъ должны быть довольны и неразысканные Лохтины и состоящіе на службѣ Макаровы.

торомъ, г. Кондоиди, въ его рѣчи при открытіи самарскаго губернскаго земскаго собранія 1900 г., для обозначенія лицъ, „не принадлежащихъ ни къ администраціи, ни къ числу представителей сословій". Ростъ числа и вліянія такихъ лицъ, служащихъ въ земствѣ въ качествѣ врачей, техниковъ, статистиковъ, агрономовъ, педагоговъ и т. п., давно уже обращаетъ на себя вниманіе нашихъ реакціонеровъ, которые прозвали также этихъ ненавистныхъ „третьихъ лицъ" „земской бюрократіей".

Надо вообще сказать, что наши реакціонеры, — а въ томъ числѣ, конечно, и вся высшая бюрократія, проявляютъ хорошее политическое чутье. Они такъ искушены по части всяческаго опыта въ борьбѣ съ оппозиціей, съ народными „бунтами", съ сектантами, съ возстаніями, съ революціонерами, что держатъ себя постоянно „на чеку", и гораздо лучше всякихъ наивныхъ простаковъ и „честныхъ клячъ" понимаютъ непримиримость самодержавія съ *какой бы то ни было* самостоятельностью, честностью, независимостью убѣжденій, гордостью настоящаго знанія. Прекрасно впитавъ въ себя тотъ духъ низкопоклонства и бумажнаго отношенія къ дѣлу, который царитъ во всей іерархіи россійскаго чиновничества, они подозрительно относятся ко всѣмъ, кто не похожъ на гоголевскаго Акакія Акакіевича или, употребляя болѣе современное сравненіе, на человѣка въ футлярѣ.

И въ самомъ дѣлѣ: если люди, исполняющіе тѣ или иныя общественныя функціи, будутъ цѣниться не по своему служебному положенію, а по своимъ знаніямъ и достоинствамъ, — то развѣ это не ведетъ логически неизбѣжно къ свободѣ общественнаго мнѣнія и общественнаго контроля, обсуждающаго эти знанія и эти достоинства? Развѣ это не подкапываетъ въ корнѣ тѣ привилегіи сословій и чиновъ, которыми только и держится самодержавная Россія? Послушайте-ка, чѣмъ мотивировалъ свое недовольство тотъ же г. Кондоиди:

„Случается — говоритъ онъ — что представители сословій безъ достаточно провѣренныхъ основаній внемлютъ слову интеллигентовъ, хотя бы то были не болѣе какъ вольнонаемные служащіе въ управѣ, лишь вслѣдствіе ссылки на науку или на поученія газетныхъ и журнальныхъ писателей." Каково? Простые „вольнонаемные служащіе", а берутся учить „представителей сословій"! Между прочимъ: земскіе гласные, о которыхъ говоритъ г. вице-губернаторъ, на самомъ дѣлѣ члены учрежденія безсословнаго; но такъ какъ у насъ все и вся пропитано сословностью, такъ какъ и земства, по новому положенію, громадную долю всей своей безсословности утратили, то для краткости можно дѣйствительно сказать, что въ Россіи два правящихъ „класса": 1. администрація и 2. представители сословій. Третьему элементу въ сословной монархіи нѣтъ мѣста. А если непокорное экономическое

развитіе все болѣе подрываетъ сословные устои самымъ ростомъ капитализма и вызываетъ потребность въ „интеллигентахъ“, число которыхъ все возростаетъ, то неизбѣжно надо ожидать, что третій элементъ будетъ стараться расширить узкія для него рамки.

„Грезы лицъ, не принадлежащихъ ни къ администраціи, ни къ представителямъ сословій въ земствѣ, — говорилъ тотъ же г. Кондоиди — носятъ лишь фантастическій характеръ, но могутъ, допустивъ въ основаніи политическія тенденціи, имѣть и вредную сторону.“

Допущеніе „политическихъ тенденцій“ — это только дипломатическое выраженіе того убѣжденія, что онѣ есть. А „грезами“ именуются здѣсь, если хотите, всѣ предположенія, вытекающія для врача — изъ интересовъ врачебнаго дѣла, для статистика — изъ интересовъ статистики и не считающіяся съ интересами правящихъ сословій. Сами по себѣ эти грезы фантастичны, но онѣ питаютъ политическое недовольство, изволите видѣть.

А вотъ попытка другого администратора, начальника одной изъ **центральныхъ губерній**, дать иную мотивировку недовольства **третьимъ элементомъ**. По его словамъ, „дѣятельность земства *ввѣренной ему* губерніи „съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе отдаляется отъ тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ зиждется Полож. о земск. учр.“. Положеніемъ этимъ къ завѣдыванію дѣлами о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ призвано мѣстное населеніе; между тѣмъ вслѣдствіе индифферентнаго отношенія большинства землевладѣльцевъ къ предоставленному имъ праву „земскія собранія приняли характеръ одной *формальности*, а дѣла вершатся управами, характеръ коихъ заставляетъ желать весьма многаго“. Это „повлекло за собою образованіе при управахъ обширныхъ канцелярій и приглашеніе на земскую службу *спеціалистовъ*, — статистиковъ, агрономовъ, педагоговъ, санитарныхъ врачей и т. д., — которые, чувствуя свое *образовательное*, а иногда *и умственное превосходство* надъ земскими дѣятелями, начали проявлять все *большую и большую самостоятельность*, что въ особенности достигается путемъ открытія въ губерніи разныхъ *съѣздовъ*, а при управахъ — совѣтовъ. Въ результатѣ все земское хозяйство очутилось въ рукахъ лицъ, *ничего общаго съ мѣстнымъ населеніемъ не имѣющихъ*“. Хотя „среди этихъ лицъ весьма много личностей, вполнѣ благонамѣренныхъ и заслуживающихъ полнаго уваженія, но на свою службу они не могутъ смотрѣть иначе, какъ на средство къ существованію, а пользы и нужды мѣстныя ихъ лишь настолько могутъ интересовать, насколько отъ таковыхъ зависитъ ихъ личное благополучіе“. — „Въ земскомъ дѣлѣ, по мнѣнію начальника губерніи, *наемникъ не можетъ замѣнить собственника.*“ Эта мотивировка можетъ быть названа и болѣе хитрой и болѣе откровенной, смотря по тому,

какъ смотрѣть. Она болѣе хитра, такъ какъ умалчиваетъ о политическихъ тенденціяхъ и пытается свести основанія своего сужденія исключительно къ интересамъ мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Она болѣе откровенна, ибо прямо противопоставляетъ „наемника“ *собственнику*. Это — исконная точка зрѣнія россійскихъ Китовъ Китычей, которые при наймѣ какого нибудь „учителишки“ руководятся прежде всего и больше всего рыночными цѣнами на данный видъ профессіональныхъ услугъ. Настоящіе хозяева всего — собственники, такъ вѣщаетъ представитель того самаго лагеря, изъ котораго постоянно несутся восхваленія Россіи съ ея твердой, независимой ни отъ кого и выше классовъ стоящей власти, избавленной, слава богу, отъ того господства надъ народной жизнью своекорыстныхъ интересовъ, какое мы видимъ въ развращенныхъ парламентаризмомъ западныхъ странахъ. А разъ собственникъ — хозяинъ, то онъ долженъ быть хозяиномъ и врачебнаго и статистическаго и образовательнаго „дѣла“: нашъ помпадуръ не стѣсняется сдѣлать этотъ выводъ, заключающій въ себѣ прямое признаніе политическаго главенства имущихъ классовъ. Мало того: онъ не стѣсняется — и это особенно курьезно — признать, что эти „спеціалисты“ чувствуютъ свое образовательное, а иногда и умственное превосходство надъ земскими дѣятелями. Да ужъ, противъ умственнаго превосходства, разумѣется, никакихъ средствъ, кромѣ мѣръ строгости, не имѣется. . .

И вотъ недавно нашей реакціонной печати представился особенно удобный случай повторить призывъ къ этимъ мѣрамъ строгости. Нежеланіе интеллигентовъ позволить третировать себя какъ простыхъ наемниковъ, какъ продавцевъ рабочей силы (а не какъ гражданъ, исполняющихъ опредѣленныя общественныя функціи) всегда приводило, отъ времени до времени, къ конфликтамъ управскихъ воротилъ то съ врачами, которые коллективно подавали въ отставку, то съ техниками и т. д. Въ послѣднее же время конфликты управъ съ статистиками приняли прямо-эпидемическій характеръ.

Въ „Искрѣ“ было отмѣчено еще въ маѣ (№ 4), что мѣстныя власти (въ Ярославлѣ) давно уже косились на статистику и послѣ мартовскихъ событій въ С.-Петербургѣ произвели-таки „очистку“ бюро и предложили завѣдующему „впредь принимать студентовъ со строгимъ выборомъ, такъ чтобы о нихъ нельзя было и подумать, что они могутъ когда-либо оказаться неблагонадежными“. Въ корреспонденціи „Крамола во Владимірѣ на Клязьмѣ“ (Искра № 5, іюнь) обрисовывалось общее положеніе заподозрѣнной статистики и причины нелюбви къ ней со стороны губернатора, фабрикантовъ и помѣщиковъ. Увольненіе Владимірскихъ статистиковъ за подачу телеграммы съ выраженіемъ сочувствія Анненскому

(избитому на Казанской площади 11-го марта) повело къ фактическому закрытію бюро, и такъ какъ иногородные статистики отказывались служить въ земствѣ, которое не умѣетъ отстаивать интересы своихъ служащихъ, то пришлось мѣстной жандармеріи выступить въ роли посредника между уволенными статистиками и губернаторомъ. „Жандармъ явился на квартиры къ нѣкоторымъ статистикамъ и предлагалъ имъ снова подавать прошеніе о поступленіи на службу въ бюро", но его миссія потерпѣла полную неудачу. Наконецъ въ августовскомъ номерѣ (№ 7) Искры былъ разсказанъ „инцидентъ въ Екатеринославскомъ земствѣ", въ которомъ „паша" г. Родзянко (предсѣдатель губ. з. управы) уволилъ статистиковъ за неисполненіе „предписанія" вести дневникъ и этимъ увольненіемъ вызвалъ выходъ въ отставку всѣхъ остальныхъ членовъ бюро и протестующія письма харьковскихъ статистиковъ (приведены въ томъ же номерѣ „Искры"). Дальше въ лѣсъ — больше дровъ. Вмѣшался харьковскій паша, г. Гордѣенко (тоже предсѣдатель г. з. у.) и заявилъ статистикамъ „своего" земства, что не потерпитъ „въ стѣнахъ управы никакихъ совѣщаній служащихъ по вопросамъ, не касающимся служебныхъ обязанностей". Не успѣли, далѣе, харьковскіе статистики исполнить своего намѣренія потребовать увольненія находившагося среди нихъ шпіона (Антоновича), какъ управа уволила завѣдующаго стат. бюро, вызвавъ этимъ опять таки уходъ всѣхъ статистиковъ.

До какой степени взволновали эти происшествія всю массу земскихъ служащихъ по статистикѣ, это видно, напримѣръ, изъ письма вятскихъ статистиковъ, которые пытались обстоятельно мотивировать свое нежеланіе пристать къ движенію и были за это по справедливости названы въ „Искрѣ" (№ 9) „вятскими штрейкбрехерами".

Но „Искра", конечно, отмѣчала только нѣкоторые случаи, далеко не всѣ конфликты, которые произошли, по свѣдѣніямъ легальныхъ газетъ, кромѣ того въ губерніяхъ Петербургской, Олонецкой, Нижегородской, Таврической, Самарской (къ конфликтамъ мы присоединяемъ здѣсь и случаи увольненія сразу по нѣскольку статистиковъ, такъ какъ эти случаи возбуждали сильное недовольство и броженіе). До чего доходила вообще подозрительность губернскихъ властей и беззастѣнчивость ихъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго:

„*Завѣдывавшій таврическимъ бюро С. М. Блехловъ* въ представленномъ управѣ „Отчетѣ по обслѣдованію Днѣпровскаго уѣзда въ теченіе мая и іюня 1901 г." разсказываетъ, что работы въ этомъ уѣздѣ сопровождались небывалыми ранѣе условіями: хотя и допущенные къ исполненію своихъ обязанностей губернаторомъ, снабженные надлежащими документами и имѣвшіе, на основаніи распоряженія губернскаго начальства, право на содѣйствіе мѣстныхъ властей, изслѣдо-

ватели были *окружены крайней подозрительностью* уѣздной полиціи, слѣдившей *за ними по пятамъ*, выражавшей свое недовѣріе въ самой *грубой формѣ*, дошедшей до того, что, по словамъ одного крестьянина, вслѣдъ за статистиками ѣхалъ урядникъ и спрашивалъ крестьянъ, „не пропагандируютъ ли статистики вредныхъ идей противъ государства и отечества“. Статистикамъ приходилось, по словамъ г. Блеклова, „наталкиваться на разныя препятствія и затрудненія, которыя не только мѣшали работѣ, но и глубоко затрогивали *чувства собственнаго достоинства*... Часто статистики оказывались въ положеніи какихъ-то *подслѣдственныхъ лицъ*, о которыхъ производилось тайное дознаніе, всѣмъ впрочемъ хорошо извѣстное, и относительно которыхъ считалось необходимымъ предупреждать. Отсюда каждому можетъ быть понятно, какое невыносимо тяжелое нравственное состояніе приходилось нерѣдко имъ переживать“.

Недурная иллюстрація къ исторіи земско-статистическихъ конфликтовъ и къ характеристикѣ надзора за „третьимъ элементомъ“ вообще!

Неудивительно, что реакціонная печать набросилась на новыхъ „бунтовщиковъ“. „Московскія Вѣдомости“ помѣстили громовую передовицу „Стачка земскихъ статистиковъ“ (№ 263, 24 сент.) и особую статью „Третій элементъ“ г. Н. А. Знаменскаго (№ 279, 10 окт.). „Третій элементъ“ „зазнался“ — писала газета — онъ отвѣчаетъ „систематической оппозиціей и стачкой“ на попытки ввести „необходимую служебную дисциплину“. Виной всему — земскіе либералы, распустившіе служащихъ.

„Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нѣкоторое упорядоченіе земскихъ оцѣночно-статистическихъ работъ предпринято наиболѣе трезвыми и разумными земскими дѣятелями, не пожелавшими допускать въ подвѣдомственныхъ имъ *управленіяхъ распущенность даже и подъ либерально*-оппозиціоннымъ флагомъ. И оппозиція, и *стачки* должны, наконецъ, открыть имъ глаза на то, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло въ лицѣ *того умственнаго пролетаріата, который, шатаясь изъ одной губерніи въ другую*, занимался не то статистическими изслѣдованіями, *не то просвѣщеніемъ мѣстныхъ подростковъ въ соціально-демократическомъ духѣ*.

„Во всякомъ случаѣ, въ формѣ „земскихъ статистическихъ конфликтовъ“, благоразумная часть земскихъ дѣятелей получаетъ для себя полезный урокъ. Полагаемъ, что она увидитъ теперь вполнѣ ясно, какую змѣю, подъ видомъ *„третьяго элемента“*, отогрѣли у себя на груди земскія учрежденія.“ *)

Мы, съ своей стороны, тоже не сомнѣваемся въ томъ, что эти вопли и завыванія вѣрнаго сторожевого пса самодержавія

*) М. В. № 263.

(извѣстно, что такъ назвалъ себя „самъ“ Катковъ, сумѣвшій такъ надолго „зарядить“ „М. Вѣд.“ своимъ духомъ) „откроютъ глаза“ многимъ, не вполнѣ еще понимавшимъ всю непримиримость самодержавія съ интересами общественнаго развитія, съ интересами интеллигенціи вообще, съ интересами всякаго настоящаго общественнаго дѣла, не состоящаго въ казнокрадствѣ и предательствѣ.

Для насъ, соціаль-демократовъ, эта маленькая картинка похода противъ „третьяго элемента“ и „земско-статистическихъ конфликтовъ“ должна послужить важнымъ урокомъ. Мы должны почерпнуть новую вѣру въ всесиліе руководимаго нами рабочаго движенія, видя, что возбужденіе въ передовомъ революціонномъ классѣ передается и на другіе классы и слои общества, что оно привело уже не только къ небывалому подъему революціоннаго духа въ студенчествѣ,*) но и къ начинающемуся пробужденію деревни, и къ усиленію вѣры въ себя и готовности къ борьбѣ въ такихъ общественныхъ группахъ, которыя (какъ группы) оставались до сихъ поръ малоотзывчивыми.

Общественное возбужденіе растетъ въ Россіи во всемъ народѣ, во всѣхъ его классахъ, и нашъ долгъ, долгъ революціонныхъ соціаль-демократовъ, направить всѣ усилія на то, чтобы съумѣть воспользоваться имъ, чтобы разъяснить передовой рабочей интеллигенціи, какого союзника имѣетъ она и въ крестьянствѣ и въ студенчествѣ и въ интеллигенціи вообще, чтобы научить ее пользоваться вспыхивающими то здѣсь, то тамъ огоньками общественнаго протеста. Роль передового борца за свободу мы въ состояніи будемъ исполнить лишь тогда, когда руководимый боевой революціонной партіей рабочій классъ, не забывая ни на минуту своего особаго положенія въ современномъ обществѣ и своихъ особыхъ всемірно-историческихъ задачъ освобожденія человѣчества отъ экономическаго рабства, подниметъ въ тоже время общенародное знамя борьбы за *свободу* и привлечетъ подъ это знамя всѣхъ тѣхъ, кого теперь гг. Сипягины, Кондоиди и вся эта шайка такъ усердно толкаетъ въ ряды недовольныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества.

Для этого нужно только, чтобы мы восприняли въ свое движеніе не только непреклонно революціонную теорію, выработанную вѣковымъ развитіемъ европейской мысли, но и

---

*) Въ тотъ моментъ, когда мы пишемъ это, отовсюду идутъ извѣстія о новомъ усиленіи броженія въ средѣ студенчества, о сходкахъ въ Кіевѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ, объ образованіи революціонныхъ студенческихъ группъ въ Одессѣ и проч. Можетъ быть исторія возложитъ на студенчество роль застрѣльщика и въ рѣшительной схваткѣ? Какъ бы тамъ ни было, но для побѣды въ этой схваткѣ необходимъ подъемъ массъ пролетаріата, и мы должны скорѣе и скорѣе позаботиться объ увеличеніи ихъ сознательности, воодушевленія и организованности.

революціонную энергію и революціонный опытъ, завѣщанные намъ нашими западно-европейскими и русскими предшественниками, а не перенимали рабски всяческія формы оппортюнизма, отъ которыхъ начинаютъ уже отдѣлываться сравнительно мало пострадавшіе отъ нихъ западные наши товарищи, и которыя такъ сильно задерживаютъ нашъ путь къ побѣдѣ.

Передъ русскимъ пролетаріатомъ стоитъ теперь наиболѣе трудная, но за то и наиболѣе благодарная революціонная задача: раздавить врага, котораго не могла осилить многострадальная русская интеллигенція, и занять мѣсто въ рядахъ международной арміи соціализма.

IV. Двѣ предводительскія рѣчи.

„Фактъ печально-знаменательный, еще понынѣ небывалый, и много небывалыхъ бѣдъ сулятъ Россіи такіе факты, возможные только при уже очень далеко подвинувшейся нашей соціальной деморализаціи“... Такъ писали „Московскія Вѣдомости“ въ передовой статьѣ № 268 (29 сент.) по поводу рѣчи орловскаго губернскаго предводителя дворянства, М. А. Стаховича, на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Орлѣ (съѣздъ этотъ закончился 24 сентября)... Ну, уже если въ среду предводителей дворянства, этихъ первыхъ лицъ въ уѣздѣ и вторыхъ — въ губерніи, проникла „соціальная деморализація“, то гдѣ же въ самомъ дѣлѣ конецъ „духовной моровой язвѣ, охватывающей Россію“?

Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что сей г. Стаховичъ (тотъ самый, который хотѣлъ предоставить орловскимъ дворянамъ мѣста сборщиковъ по питейной монополіи: см. № 1 „Зари“, „Случайныя замѣтки“) сказалъ горячую рѣчь въ защиту свободы совѣсти, причемъ „дошелъ въ своей безтактности, чтобы не сказать цинизмѣ до того, что внесъ такое предложеніе“:*)

*) Московскія Вѣдомости, тамъ же. Извиняюсь предъ читателями за свою симпатію къ Московскимъ Вѣдомостямъ. Что прикажете дѣлать! По моему, все же это — самая интересная, самая послѣдовательная *и самая дѣльная* политическая газета въ Россіи. Вѣдь нельзя же назвать „политической“ въ собственномъ смыслѣ литературу, которая въ лучшемъ случаѣ подбираетъ кое какіе интересные сырые фактики и вздыхаетъ вмѣсто всякихъ „мудрствованій“. Не спорю, что это можетъ быть очень полезно, но это не политика. Точно также и литературу ново-временскаго пошиба нельзя назвать въ настоящемъ смыслѣ слова политической, несмотря на то (или лучше вслѣдствіе того), что она черезчуръ политична. Никакой опредѣленной политической программы и никакихъ убѣжденій у нея нѣтъ, а есть только умѣнье поддѣлываться подъ тонъ и настроеніе момента, пресмыкаться передъ власть имущими, что бы они ни предписывали, и заигрывать съ подобіемъ общественнаго мнѣнія. А „Московскія Вѣдомости“ свою линію ведутъ и не боятся (имъ-то бояться нечего!) идти впереди правительства, не боятся касаться и иногда очень откровенно самыхъ щекотливыхъ пунктовъ. Полезная газета, незамѣнимый сотрудникъ революціонной агитаціи!

„Ни на комъ въ Россіи не лежитъ болѣе, чѣмъ на Миссіонерскомъ Съѣздѣ, долгъ провозгласить необходимость свободы совѣсти, необходимость отмѣны всякой уголовной кары за отпаденіе отъ православія и за принятіе и исповѣданіе иной вѣры. *И я предлагаю Орловскому Миссіонерскому Съѣзду такъ прямо и высказаться, и возбудить это ходатайство пригоднымъ порядкомъ!...“*

Разумѣется, насколько наивно было со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“ произвести г. Стаховича въ Робеспьеры (это жизнерадостный-то М. А. Стаховичъ, котораго я такъ давно знаю, Робеспьеръ! писалъ въ Новомъ Времени г. Суворинъ, и трудно было безъ смѣха читать его „защитительную“ рѣчь), — настолько же, въ своемъ родѣ, былъ наивенъ г. Стаховичъ, предлагая намъ ходатайствовать „пригоднымъ порядкомъ“ о свободѣ совѣсти. Это все равно, что на съѣздѣ становыхъ предложить бы ходатайствовать о политической свободѣ!

Едва-ли есть надобность добавлять читателю, что „сонмъ духовенства съ архипастыремъ во главѣ“ отклонили предложеніе г. Стаховича „и по существу доклада и по несоотвѣтствію его задачамъ мѣстнаго миссіонерскаго съѣзда“, по выслушаніи „серьезныхъ возраженій“ со стороны преосвященнѣйшаго епископа Орловскаго Никанора, профессора Казанской Духовной Академіи Н. И. Ивановскаго, редактора-издателя журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ В. М. Скворцова, миссіонеровъ священниковъ такихъ-то и кандидатовъ университета — В. А. Тернавцева и М. А. Новоселова. Можно сказать: союзъ „науки“ и церкви!

Но г. Стаховичъ интересенъ для насъ, разумѣется, не какъ образчикъ человѣка съ ясной и послѣдовательной политической мыслью, а какъ образчикъ самаго „жизнерадостнаго“ русскаго дворянчика, всегда готоваго урвать кусочекъ казеннаго пирога. И до какой же безграничной степени должна доходить „деморализація“, вносимая въ русскую жизнь вообще и въ жизнь нашей деревни въ особенности полицейскимъ произволомъ и инквизиторской травлей сектантства, чтобы даже камни возопіяли! Чтобы предводители дворянства горячо заговорили о свободѣ совѣсти!

Вотъ, изъ рѣчи г. Стаховича, маленькіе примѣрчики тѣхъ порядковъ и тѣхъ безобразныхъ явленій, которыя возмущаютъ въ концѣ концовъ и самыхъ „жизнерадостныхъ“.

„Да возьмите сейчасъ — говоритъ ораторъ — въ миссіонерской библіотекѣ братства справочную книжку о законахъ и вы прочтете, что одна и таже ст. 783-ья II т. I ч. среди заботъ станового объ искорененіи дуэлей, пасквилей, пьянства, неправильной охоты, совмѣщенія мужского пола и женскаго въ торговыхъ баняхъ поручаетъ ему наблюденіе за спорами противъ догматовъ вѣры православной и совращенія

православныхъ въ иную вѣру или расколъ!“ И вѣдь дѣйствительно есть такая статья закона, возлагающая на станового кромѣ перечисленныхъ ораторомъ еще много другихъ такихъ же обязанностей. Для большинства жителей городовъ эта статья, конечно, покажется простымъ курьезомъ, какъ назвалъ ее и г. Стаховичъ. Но для мужика за этимъ курьезомъ скрывается bitterer Ernst — горькая правда о безчинствахъ низшей полиціи, слишкомъ твердо памятующей, что до бога высоко, до царя далеко.

А вотъ конкретные примѣры, воспроизводимые нами вмѣстѣ съ оффиціальнымъ опроверженіемъ „предсѣдателя совѣта Орловскаго православнаго Петропавловскаго братства и Орловскаго епархіальнаго миссіонерскаго съѣзда, протоіерея Петра Рождественскаго“ (*М. В.* № 269 изъ *Орл. Вѣстн.* № 257):

„а) Въ докладѣ (г. Стаховича) сказано объ одномъ селеніи Трубчевскаго уѣзда:

„Съ согласія и вѣдома и священника и начальства заперли заподозрѣнныхъ штундистовъ въ церкви, принесли столъ, накрыли чистою скатертью, поставили икону и стали выводить по одному. Приложись! —

Не хочу прикладываться къ идоламъ . . . А! *пороть тутъ же.* Послабже которые, послѣ перваго же раза возвращались въ православіе. Ну, а которые до *4 разъ выдерживали.*“

„Между тѣмъ, по оффиціальнымъ даннымъ, напечатаннымъ въ отчетѣ Орловскаго Православнаго Петропавловскаго Братства еще въ 1896 году, и по устному сообщенію священника Д. Переверзева на съѣздѣ, описанная расправа православнаго населенія съ сектантами с. Любца, Трубчевскаго уѣзда, происходила *по постановленію сельскаго схода и гдѣ-то на селѣ, но никакъ не съ согласія бывшаго тогда мѣстнаго священника и отнюдь не въ церкви;* и этотъ печальный инцидентъ имѣлъ мѣсто *18—19 лѣтъ тому назадъ*, когда о миссіи въ Орловской епархіи не было и помина“.

„Московскія Вѣдомости“, перепечатывая это, говорятъ, что г. Стаховичъ въ своей рѣчи привелъ *только два факта.* Можетъ быть. Но за то и факты же это! Опроверженіе, основанное на „оффиціальныхъ данныхъ“ (отъ станового!) отчета православнаго братства, *только поджигаетъ* всю силу возмутившихъ даже жизнерадостнаго дворянина безобразій. Въ церкви или „гдѣ-то на селѣ“ происходила порка, полгода или 18 лѣтъ тому назадъ, — это дѣла нисколько не мѣняетъ (развѣ впрочемъ въ одномъ: всѣмъ извѣстно, что въ послѣднее время преслѣдованія сектантовъ стали еще болѣе звѣрскими, и образованіе миссій стоитъ съ этимъ въ прямой связи!) А чтобы мѣстный священникъ *могъ* стоять въ сторонѣ отъ этихъ *инквизиторовъ въ зипунѣ*, — объ этомъ, отецъ про-

тоіерей, лучше бы въ печати-то не говорили.*) Осмѣютъ! Конечно, „согласія“ своего на уголовно-наказуемое истязаніе „мѣстный священникъ“ не давалъ, точно такъ же, какъ святая инквизиція не карала никогда сама, а передавала въ руки свѣтской власти, и не проливала никогда крови, а только предавала сожженію.

Второй фактъ:

„б) Въ докладѣ говорится:

„Только тогда у миссіонера священника не сойдетъ съ языка тотъ отвѣтъ, который мы тоже здѣсь слышали: — *Вы говорите, батюшка, ихъ было вначалѣ 40 семей, а теперь 4.* Что-жъ остальные! — А милостью Божьей *сосланы въ Закавказье и Сибирь.*“

„На самомъ же дѣлѣ, въ деревнѣ Глыбочкѣ, Трубчевскаго уѣзда, о которой въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь, по свѣдѣніямъ Братства, въ *1898 году* было штундистовъ не *40 семействъ, а 40 душъ* обоего пола, включая сюда и 21 душу дѣтей; сослано же было въ Закавказье, по постановленію окружнаго суда въ томъ же году, лишь 7 человѣкъ, за совращеніе ими другихъ лицъ въ штунду. Что же касается фразы мѣстнаго священника: *„милостью Божьей сосланы“, то она случайно была брошена имъ въ закрытомъ засѣданіи съѣзда, въ непринужденномъ обмѣнѣ мнѣній между членами* онаго, тѣмъ болѣе, что означенный священникъ всѣмъ извѣстенъ раньше и обнаружилъ себя на съѣздѣ однимъ изъ *достойнѣйшихъ* пастырей-миссіонеровъ“.

Это опроверженіе уже совсѣмъ безподобно! Случайно сказалъ въ непринужденномъ обмѣнѣ мнѣній! Это-то и интересно, потому что всѣ мы слишкомъ хорошо знаемъ, какую цѣну имѣютъ слова оффиціальныхъ лицъ, оффиціально ими изрекаемыя. И если сказавшій эти „душевныя“ слова батюшка — „одинъ изъ достойнѣйшихъ пастырей-миссіонеровъ“, то тѣмъ болѣе они имѣютъ значенія. „Милостью божьей сосланы въ Закавказье и Сибирь“ — эти великолѣпныя слова должны стать не менѣе знаменитыми въ своемъ родѣ, чѣмъ защита митрополитомъ Филаретомъ крѣпостного права на основаніи священнаго писанія.

Кстати, разъ уже пришлось вспомнить Филарета, несправедливо было бы обойти молчаніемъ напечатанное въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1901 г.*) письмо „ученаго либерала“

---

*) Въ своемъ возраженіи на оффиціальныя поправки г. Стаховичъ писалъ: „Что значится въ оффиціальномъ отчетѣ братства, я не знаю, но утверждаю, что священникъ Переверзевъ, разсказавъ на съѣздѣ всѣ подробности и оговоривъ, что гражданскія власти знали (sic!!!) о состоявшемся приговорѣ, на лично мною поставленный вопросъ: А зналъ ли батюшка? — отвѣтилъ: Да, тоже зналъ“. Комментаріи излишни.

*) Пользуемся случаемъ поблагодарить корреспондента, прислвшаго намъ отдѣльный оттискъ изъ этого журнала. Наши командующіе классы очень часто не стѣсняются показываться au naturel въ спеціальныхъ тю-

къ преосвященному Амвросію, архіепископу харьковскому. Авторъ подписался: „почетный гражданинъ изъ бывшихъ духовныхъ Іеронимъ Преображенскій“ и кличку „ученаго (!) либерала“ дала уже ему редакція, убоявшаяся, должно быть, „бездны премудрости“. Ограничимся воспроизведеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ изъ этого письма, которое еще и еще разъ показываетъ намъ, что политическое мышленіе и политическій протестъ проникаетъ невидимымъ путемъ въ неизмѣримо болѣе широкіе круги, чѣмъ иногда кажется.

„Я уже старикъ, мнѣ подъ 60 лѣтъ, на своемъ вѣку мнѣ немало приходилось наблюдать уклоненій отъ исполненія церковныхъ обязанностей и по совѣсти скажу, что во всѣхъ случаяхъ причиной тому было наше духовенство. А за *„послѣднія событія“* такъ приходится даже усердно благодарить наше современное духовенство, оно открываетъ глаза многимъ. Теперь не только волостные писаря, но старъ и младъ, образованные, малограмотные и едва читающіе, всѣ теперь стремятся читать великаго писателя земли русской. За дорогую цѣну достаютъ его сочиненія (заграничнаго изданія „Свободнаго слова“, свободно обращающіяся въ народѣ во всѣхъ странахъ міра, кромѣ Россіи), читаютъ, разсуждаютъ, и рѣшенія, конечно, не въ пользу духовенства. Масса людская теперь уже начинаетъ понимать, гдѣ ложь и гдѣ правда, и видитъ, что духовенство наше говоритъ одно, а дѣлаетъ другое, да и въ словахъ своихъ частенько себѣ же противорѣчитъ. Много правды можно было бы высказать, но вѣдь съ духовенствомъ нельзя говорить откровенно, оно сейчасъ же не преминетъ донести, чтобы карали и казнили... А вѣдь Христосъ привлекалъ не силою и казнію, а правдою и любовію...

...Въ заключеніи своей рѣчи Вы пишете „есть у насъ великая сила для борьбы — это самодержавная власть благочестивѣйшихъ государей нашихъ“. Опять подтасовки и опять мы не вѣримъ Вамъ. Хотя вы, *просвѣщенное* духовенство, стараетесь увѣрить насъ, что „преданы самодержавной власти отъ сосцовъ матери“ (изъ рѣчи нынѣшняго викарія при нареченіи во Епископа), но мы, *не просвѣщенные*, не вѣримъ, чтобы годовой ребенокъ (хотя бы и будущій епископъ) уже разсуждалъ объ образѣ правленія и отдавалъ преимущество самодержавію. Послѣ неудавшейся попытки патріарха Никона разыграть въ Россіи роль римскихъ папъ, совмѣщавшихъ на западѣ духовную власть съ главенствомъ свѣтскимъ, церковь наша, въ лицѣ высшихъ своихъ представителей — митрополитовъ, всецѣло и навсегда подчинилась власти государей, и иногда

ремныхъ, церковныхъ и тому подобныхъ изданіяхъ. Давно пора намъ, революціонерамъ, приняться систематически утилизировать эту „богатую сокровищницу“ политическаго просвѣщенія.

деспотически, какъ это было при Петрѣ Великомъ, диктовавшимъ ей свои указы. (Давленіе Петра Великаго на духовенство въ дѣлѣ осужденія царевича Алексѣя). Въ XIX столѣтіи мы видимъ уже полную гармонію свѣтской и церковной власти въ Россіи. Въ суровую эпоху Николая I-го, когда пробуждавшееся общественное самосознаніе, подъ вліяніемъ великихъ соціальныхъ движеній на западѣ, и у насъ выдвинуло единичныхъ борцовъ противъ возмутительнаго порабощенія простого народа, церковь наша оставалась совершенно равнодушной къ его страданіямъ и вопреки великаго завѣта Христа о братствѣ людей и милосердіи къ ближнимъ, ни одинъ голосъ изъ среды духовенства не раздался въ защиту обездоленнаго народа отъ суроваго помѣщичьяго произвола, и это только потому, что правительство не рѣшалось пока наложить руку на крѣпостное право, существованіе котораго Филаретъ Московскій прямо оправдывалъ текстами св. писанія изъ Ветхаго завѣта. Но вотъ грянулъ громъ: Россія была разбита и политически унижена подъ Севастополемъ. Разгромъ ясно открылъ всѣ недочеты нашего дореформеннаго строя и прежде всего молодой, гуманный Государь (обязанный воспитаніемъ своего духа и воли поэту Жуковскому) разбилъ вѣковыя цѣпи рабства и, по злой ироніи судьбы, текстъ великаго акта 19-го февраля былъ данъ для редактированія съ христіанской точки зрѣнія тому же Филарету, очевидно, поспѣшившему измѣнить, согласно духу времени, свои взгляды на крѣпостное право. Эпоха великихъ реформъ не прошла безслѣдной и для нашего духовенства, вызвавъ въ его средѣ при Макаріи (впослѣдствіи митрополитъ) плодотворную работу переустройства нашихъ духовныхъ учрежденій, куда также было имъ прорублено, хотя малое окно, въ область гласности и свѣта. Наступившая послѣ 1-го марта 1881 года реакція принесла съ собою и въ духовенство соотвѣтствующій элементъ дѣятелей во вкусѣ Побѣдонос ева и Каткова и въ то время, когда передовые люди страны въ земствѣ и обществѣ подаютъ петиціи объ отмѣнѣ остатковъ тѣлесныхъ наказаній, церковь молчитъ, не обмолвившись ни однимъ словомъ осужденія защитниковъ розги, — этого орудія возмутительнаго униженія человѣка созданнаго по образу и подобію Божію. Въ виду всего сказаннаго будетъ ли несправедливо предположить, что все наше духовенство, въ лицѣ своихъ представителей, *при измѣнившемся сверху режимѣ*, такъ же будетъ славословить государя конституціоннаго, какъ славитъ оно теперь самодержавнаго. Итакъ, зачѣмъ лицемѣріе, вѣдь не въ самодержавіи тутъ сила, а въ Монархѣ. Петръ I тоже былъ Богоданный Самодержецъ, однако духовенство его и до сихъ поръ не очень то жалуетъ, и

Петръ III былъ такой же Самодержецъ, собиравшійся остричь и образовать наше духовенство, — жаль, не дали ему поцарствовать года два — три. Да если бы и нынѣ царствующій Самодержецъ Николай II соизволилъ выразить свое благоволеніе достославному Льву Николаевичу — куда бы вы попрятались съ своими кознями, страхами и угрозами?

„Напрасно Вы приводите текстъ молитвъ, которыя духовенство возноситъ за царя — этотъ наборъ словъ, на тарабарскомъ нарѣчіи, ни въ чемъ никого не убѣждаетъ. Самодержавіе вѣдь у насъ: прикажутъ и напишете молитвы втрое длиннѣе и болѣе выразительнѣй.“

* * *

Вторая предводительская рѣчь въ нашу печать, насколько намъ извѣстно, не попала. Намъ прислалъ ее неизвѣстный редакціи корреспондентъ еще въ августѣ, въ гектографированномъ видѣ съ надписью карандашемъ: „Рѣчь одного изъ уѣздныхъ предводителей дворянства на частномъ собраніи предводителей по поводу студенческихъ дѣлъ“. Приводимъ эту рѣчь цѣликомъ:

„Вслѣдствіе краткости времени, я выражу свои соображенія по поводу нашего собранія предводителей дворянства въ формѣ тезисовъ:

„Чѣмъ обсусловлены теперешніе безпорядки, приблизительно извѣстно: они вызваны во-первыхъ общей неурядицей, водворившейся во всемъ государственномъ строѣ, олигархическимъ управленіемъ чиновнической корпораціи, т. е. диктатурой чиновничества.

„Эта неурядица чиновнической правительственной диктатуры проявляется во всемъ русскомъ обществѣ, сверху до низу, какъ всеобщее неудовольствіе, выражающееся съ внѣшней стороны въ образѣ всеобщаго политиканства, но политиканства не временнаго, поверхностнаго, но глубокаго, хроническаго.

„Политиканство это, какъ общая болѣзнь всего общества, отражается на всѣхъ его проявленіяхъ, отправленіяхъ и учрежденіяхъ, поэтому оно необходимо отражается и на учебныхъ заведеніяхъ съ ихъ болѣе молодымъ, а поэтому и болѣе воспріимчивымъ населеніемъ, находящимся подъ тѣмъ же давящимъ режимомъ бюрократической диктатуры.

„Признавая корень зла студенческихъ безпорядковъ въ общей государственной неурядицѣ и въ общемъ, возбужденномъ неурядицей, недомоганіи, тѣмъ не менѣе — и въ виду непосредственнаго чувства и въ виду необходимости задержать развитіе мѣстнаго зла — нельзя не обращать вниманія на эти безпорядки и не стараться хотя бы и съ этой стороны уменьшить страшно разрушительное проявленіе общаго зла,

вродѣ того, какъ при общемъ болѣзненномъ состояніи всего организма, имѣя въ виду медленное, коренное его излѣченіе, принимаютъ быстрыя мѣры къ подавленію мѣстныхъ, острыхъ, разрушительныхъ осложненій этой болѣзни.

„Въ учебныхъ заведеніяхъ среднихъ и высшихъ, зло чиновническаго режима, выражается главнымъ образомъ, въ подмѣнѣ человѣческаго (юношескаго) развитія и образованія чиновнической дрессировкой, связанной съ систематическимъ подавленіемъ человѣческой личности и ея достоинства.

„Возбуждаемыя всѣмъ этимъ, среди молодежи, недовѣріе, негодованіе и озлобленіе къ начальству и къ наставникамъ переносится изъ гимназій въ университеты, гдѣ къ несчастію, при теперешнемъ положеніи университетовъ, молодежь встрѣчается съ тѣмъ же зломъ, съ тѣмъ же подавленіемъ и человѣческой личности и ея достоинства.

„Однимъ словомъ, молодежь встрѣчается въ университетахъ не съ храмомъ науки, но съ фабрикой, выдѣлывающей изъ обезличенной студенческой массы потребный государству чиновническій товаръ.

„Это подавленіе человѣческаго лица (при обращеніи студенчества въ безразличную, обдѣлываемую массу) проявляясь систематическимъ, хроническимъ давленіемъ, гоненіемъ всего личнаго и достойнаго, а часто и грубымъ насиліемъ, легло въ основаніе всѣхъ студенческихъ волненій, которыя уже длятся нѣсколько десятковъ лѣтъ и грозятъ, все усиливаясь, продлиться и въ будущемъ, унося съ собою лучшія силы русской молодежи.

„Все это мы знаемъ, — но какъ же намъ быть, при настоящемъ положеніи? какъ намъ помочь настоящему, острому положенію дня со всей его злобой, со всей его бѣдой и горемъ? Бросить что-ли, ничего не попытавши? Бросить безъ всякой помощи нашу молодежь на произволъ судьбы, чиновничества и полиціи, и умывши руки прочь уйти? Вотъ въ чемъ главный, по мнѣ, вопросъ, т. е. какъ помочь настоящему острому проявленію болѣзни, признавая ея общій характеръ?

„Наше засѣданіе напомнило мнѣ толпу благонамѣренныхъ людей, взошедшихъ въ дикую тайгу, съ цѣлью ее расчистить и остановившихся въ полномъ неудомѣніи передъ громадностью непосильной общей работы, вмѣсто того, чтобы сосредоточиться на какой нибудь одной точкѣ.

„Профессоръ К. Т. намъ представилъ общую блестящую картину современнаго и настоящаго положенія университета и студенчества, указавъ на вліяніе среди расшатаннаго студенчества зловредныхъ разныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, не только политическихъ, но даже и полицейскихъ; — но все это намъ было болѣе или менѣе извѣстно и прежде, хотя не съ такою ясностью.

„Какъ на единственно возможную мѣру, онъ намъ указалъ на радикальную ломку всего современнаго строя всѣхъ учебныхъ заведеній вообще и на замѣну его новымъ лучшимъ; но при этомъ профессоръ замѣтилъ, что это дѣло потребуетъ вѣроятно очень продолжительнаго времени; а если принять во вниманіе, что всякій частный строй въ Русскомъ государствѣ, какъ и во всякомъ другомъ, связанъ органически съ общимъ, то этому времени, пожалуй, и конца не предвидится.

„Что же дѣлать теперь, чтобы ослабить, по крайней мѣрѣ нестерпимую боль, причиняемую болѣзнью въ настоящее время? Какое пальятивное средство? Вѣдь и пальятивы, временно успокоизающіе больного, признаются часто необходимыми? но на этотъ вопросъ мы не отвѣтили; а вмѣсто отвѣта, по отношенію къ учащейся молодежи вообще, предлагались какія то, скажу, неопредѣленныя, расшатанныя сужденія, еще болѣе затемнявшія вопросъ; эти сужденія трудно даже и въ памяти возстановить, но попытаюсь.

„Говорили о курсисткахъ, что вотъ де — мы имъ преподнесли и курсы и лекціи, а онѣ чѣмъ насъ благодарятъ; — участіемъ своимъ въ студенческихъ безпорядкахъ!

„Если бы это были букеты или дорогія украшенія, которыя бы мы преподнесли прекрасному полу, то такой упрекъ былъ бы понятенъ; но устройство женскихъ курсовъ — это не любезность, а удовлетвореніе общественной потребности; такъ что женскіе курсы — не прихоть, а такія же необходимыя обществу высшія учебныя заведенія, какъ и университеты и т. д. для высшаго развитія молодежи, безъ различія пола — и поэтому между женскими и мужскими учебными заведеніями является полная солидарность и общественная и товарищеская.

„Этой солидарностью вполнѣ, по моему мнѣнію, объясняется и то, что волненіе молодежи захватываетъ и учащихся въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; волнуется вообще учащаяся молодежь, въ какихъ бы костюмахъ, мужскихъ или женскихъ, она ни ходила.

„Затѣмъ перешли опять къ студенческимъ волненіямъ и говорили 1. что студентамъ не слѣдуетъ давать потачки, что безобразія ихъ слѣдуетъ подавлять силой; на это, по моему мнѣнію, вполнѣ резонно возражали, что если это и безобразія, то они, во всякомъ случаѣ, не случайныя, а хроническія, обусловленныя глубокими причинами, и что поэтому они одному лишь воздѣйствію карательныхъ мѣръ, не поддадутся, что доказывается намъ прошлымъ опытомъ. По моему же личному мнѣнію, еще большой вопросъ, съ какой стороны главное безобразіе всѣхъ этихъ безобразныхъ безпорядковъ, волнующихъ и губящихъ наши учебныя заведенія; правительственнымъ сообщеніямъ я не вѣрю.

„А то-то и дѣло, что другую сторону у насъ не слушаютъ, да и слушать нельзя; у ней зажатъ ротъ (но не вполнѣ подтвердилась справедливость моихъ словъ, а именно, что администрація съ своихъ сообщеніяхъ лжетъ и что все безобразіе главнымъ образомъ съ ея стороны, со стороны ея безобразнаго воздѣйствія).

„Указывали на воздѣйствія извнѣ разныхъ революціонныхъ силъ на учащуюся молодежь.

„Да это воздѣйствіе существуетъ, но ему придаютъ слишкомъ большое значеніе: фабриканты, напримѣръ, у которыхъ на фабрикахъ, главнымъ образомъ, это воздѣйствіе проявляется, все слагаютъ тоже на него, говоря, что не будь его, у нихъ царили бы тишь да гладь и Божья благодать, забывая и замалчивая всяческую законную и незаконную эксплуатацію рабочихъ, которая, обездоливая этихъ послѣднихъ, вызываетъ среди нихъ неудовольствія, а затѣмъ и безпорядки; не будь этой эксплуатаціи и революціонные внѣшніе элементы, не имѣли бы тѣхъ многочисленныхъ поводовъ и причинъ, при помощи которыхъ они такъ легко вторгаются въ фабричныя дѣла — все это, по моему мнѣнію, можно сказать и про наши учебныя заведенія, обращенныя изъ храмовъ науки въ фабрики, подготовлящія чиновническій матеріалъ.

„Въ общемъ инстинктивномъ сознаніи гнета, тяготѣющаго надъ всею учащеюся молодежью, въ общемъ болѣзненномъ самочувствіи, вызываемомъ этимъ гнетомъ среди молодежи всѣхъ учебныхъ заведеній и заключается та сила небольшой, но сознательной кучки юношей, о которой говорилъ г. профессоръ, которая въ состояніи загипнотизировать и направить куда угодно, на забастовки, на разные безпорядки, цѣлыя толпы молодежи повидимому совсѣмъ не склонныхъ къ безпорядкамъ. — Такъ бываетъ на всѣхъ фабрикахъ!

„Затѣмъ, помнится мнѣ, указывали на то, что не слѣдуетъ кадить студентамъ; не слѣдуетъ къ нимъ проявлять сочувствіе во время ихъ безпорядковъ; это проявленіе сочувствія возбуждало ихъ къ новымъ безпорядкамъ, что иллюстрировалось и примѣрами, т. е. разными случаями; — по этому поводу я во первыхъ замѣчу, что въ разнообразной путаницѣ и пестротѣ, всевозможныхъ случаевъ при безпорядкахъ, нельзя ни на какіе изъ нихъ указать, какъ на доказательные, такъ какъ всякимъ случаямъ найдется множество другихъ, противорѣчащихъ имъ, — а возможно останавливаться лишь на общихъ признакахъ, которые я и постараюсь вкратцѣ разобрать.

„Студенчество, какъ намъ всѣ извѣстно, далеко не избаловано, ему не только не кадили (я не говорю о 40-хъ годахъ), но оно и не пользовалось и особеннымъ сочувствіемъ общества; во времена же его безпорядковъ общество относилось къ студентамъ либо совсѣмъ равнодушно, либо больше даже

чѣмъ отрицательно, обвиняя исключительно ихъ и не зная и не желая даже знать о причинахъ, вызвавшихъ эти безпорядки (давали вѣру лишь враждебнымъ студенчеству правительственнымъ сообщеніямъ, не сомнѣваясь въ ихъ правдивости; въ первый разъ, кажется, общество усумнилось въ этомъ), — такъ что о какомъ нибудь кажденіи и говорить нечего.

„Не ожидая себѣ поддержки ни среди интеллигентнаго общества вообще, ни среди профессоровъ и университетскаго начальства, студенчество наконецъ стало искать себѣ сочувствія въ различныхъ народныхъ элементахъ и мы видимъ, что студенчеству это болѣе или менѣе наконецъ и удалось; оно стало пріобрѣтать понемногу сочувствіе народной толпы.

„Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить разницу отношенія толпы къ студентамъ во времена охотнорядскихъ избіеній и теперь. И въ этомъ скрывается большая бѣда: бѣда не въ сочувствіи вообще, но въ односторонности этого сочувствія, въ демагогическомъ оттѣнкѣ, который оно принимаетъ.

„Отсутствіе какого бы то ни было сочувствія и содѣйствія учащейся молодежи со стороны солидной интеллигенціи, а поэтому образовавшееся недовѣріе бросаютъ волею неволею нашу молодежь въ руки демагоговъ и революціонеровъ; она становится орудіемъ ихъ, и въ ней самой, тоже волею неволею, все болѣе и болѣе развиваются демагогическіе элементы, удаляющіе ее отъ мирнаго культурнаго развитія и отъ существующаго порядка (если это только можно назвать порядкомъ) въ враждебный лагерь.

„Мы сами на себя должны пѣнять, если молодежь перестанетъ довѣрять намъ; мы ничѣмъ не заслужили ея довѣрія!

„Это кажется главныя мысли высказанныя среди собравшихся; остальныя (а ихъ было тоже не мало) кажется и вспоминать нечего.

„Итакъ кончаю. Собравшись, мы имѣли въ виду, что нибудь сдѣлать для смягченія злобы настоящато дня; для облегченія тяжелой участи нашей молодежи — сегодня, а не когда то тамъ послѣ, и были разбиты — и опять молодежь будетъ имѣть право сказать и скажетъ, что и сегодня, какъ и прежде, мирная, солидная русская интеллигенція, не можетъ, да и не желаетъ, оказать ей какую бы то ни было помощь, заступиться за нее, понять ее и облегчить ея горькую долю. — Расколъ между нами и молодежью еще болѣе увеличится и она еще дальше уйдетъ въ ряды разной демагогіи, протягивающей ей руки.

„Не разбиты мы были тѣмъ, что не принята предлагаемая нами мѣра обращенія къ царю; можетъ быть эта мѣра и въ самомъ дѣлѣ не практична (хотя, по мнѣ, и она не была раз-

смотрѣна), — но разбиты тѣмъ, что всякая возможность какой бы то ни было мѣры, въ пользу страдающей нашей молодежи, была среди насъ уничтожена, мы признались въ своемъ безсиліи и опять остались, какъ и прежде, въ темнотѣ.

„Но что же тогда дѣлать?

„Умывши руки мимо пройти?

„Въ этой темнотѣ и заключается страшный непросвѣтный трагизмъ русской жизни."

Комментировать эту рѣчь много не доводится. И она принадлежитъ тоже, видимо, достаточно еще „жизнерадостному" русскому дворянину, который по мотивамъ не то доктринерскаго не то шкурнаго характера благоговѣетъ передъ „мирнымъ культурнымъ развитіемъ" „существующаго порядка" и негодуетъ противъ „революціонеровъ", смѣшивая ихъ съ „демагогами". Но это негодованіе, какъ присмотрѣться къ нему поближе, граничитъ съ воркотней стараго (не по возрасту, а по воззрѣніямъ) человѣка, готоваго, пожалуй, признать и хорошее въ томъ, на что онъ ворчитъ. Говоря о „существующемъ порядкѣ", онъ не можетъ не оговориться: „если это только можно назвать порядкомъ". У него немало уже накипѣло въ душѣ отъ неурядицъ „диктатуры чиновничества", отъ „систематическаго, хроническаго гоненія всего личнаго и достойнаго, онъ не можетъ не видѣть, что все безобразіе идетъ главнымъ образомъ со стороны администраціи, у него хватаетъ прямоты сознаться въ своемъ безсиліи, въ неприличіи „умыванія рукъ" передъ бѣдствіями всей страны. Правда, его еще пугаетъ „односторонность" сочувствія „толпы" къ студентамъ; его аристократически-изнѣженному уму чудится „демагогическая" опасность, можетъ быть даже опасность соціализма (отплатимъ ему за прямоту прямотой!). Но было бы неразумно испытывать на соціалистическомъ оселкѣ воззрѣнія и чувства предводителя дворянства, которому осточертѣла поганая россійская казенщина. Намъ хитрить нечего — ни съ нимъ, ни съ кѣмъ бы то ни было; когда русскій помѣщикъ, напримѣръ, будетъ громить незаконную эксплуатацію и обездоленіе *фабричныхъ* рабочихъ, мы не преминемъ, въ скобкахъ, сказать ему: „не худо-бъ на себя, кума, оборотиться!" Мы ни на минуту не скроемъ отъ него, что стоимъ и будемъ стоять на точкѣ зрѣнія непримиримой классовой борьбы противъ „хозяевъ" современнаго общества. Но политическая группировка опредѣляется не только конечными, а и ближайшими цѣлями, не только общими воззрѣніями, а и давленіемъ непосредственной практической необходимости. Всякій, передъ кѣмъ ясно встало противорѣчіе между „культурнымъ развитіемъ" страны и „давящимъ режимомъ бюрократической диктатуры", рано или поздно самой жизнью будетъ приведенъ къ выводу, что это противорѣчіе неустранимо безъ устраненія самодержавія. Сдѣлавъ этотъ выводъ,

онъ непремѣнно будетъ помогать — ворчать будетъ, а станетъ помогать — той партіи, которая сумѣетъ двинуть противъ самодержавія грозную (не въ ея только глазахъ, а въ глазахъ всѣхъ и каждаго) силу. Чтобы стать такой партіей, соціаль-демократія должна, повторяемъ, очиститься отъ всякой оппортунистической скверны и, подъ знаменемъ революціонной теоріи, опираясь на самый революціонный классъ, направить свою агитаціонную и организаціонную дѣятельность во всѣ классы населенія!

А предводителямъ дворянства мы скажемъ, прощаясь съ ними: до свиданья, господа завтрашніе наши союзники!

Т. Х.

Любекскій партейтагъ германской соціаль-демократіи.

Какъ и можно было предвидѣть заранѣе Любекскій партейтагъ стоялъ „подъ знакомъ Бернштейніады", подобно Штутгартскому (1898) и Ганноверскому (1899 года). Не оправдались ожиданія тѣхъ, кто полагалъ, что послѣ рѣшительнаго осужденія Бернштейніанства большинствомъ партіи на Ганноверскомъ партейтагѣ спорный вопросъ совершенно устраненъ. Оставшись внутри партіи, бернштейніанцы продолжали свою работу разложенія соціаль-демократіи. „Sozialistische Monatshefte" — журналъ съ большими денежными средствами и со всѣми аллюрами капиталистической рекламы, наглой, назойливой, неприличной — сталъ литературнымъ центромъ „новаго соціализма". Среди „академиковъ", которыми партія всегда очень дорожитъ въ виду ихъ малочисленности и которые занимаютъ, благодаря этому, въ ней солидную позицію, новый салонный соціализмъ нашелъ многихъ приверженцевъ. Считаясь съ „общественнымъ мнѣніемъ" этихъ столь вліятельныхъ въ партіи круговъ, главные партійные органы (во главѣ ихъ „Vorwärts") заняли по отношенію къ бернтшейніанству позицію дружелюбнаго нейтралитета. А за предѣлами партіи, „соціально-реформаторская" столичная интеллигенція, въ свою очередь, выдвинула Бернштейна, какъ новаго апостола, имѣющаго уничтожить гидру революціоннаго соціализма, сблизить пролетаріатъ съ „образованными классами", и излечить его отъ „утопій". Бывшіе министры, какъ Берлепшъ, „національ-соціальные" пасторы, какъ Науманъ, биржевые демократы, какъ Зоннеманъ (издатель „Frankf. Zeit."), не переставали трубить urbi et orbi о растущихъ успѣхахъ бернштейніанства, объ исторической миссіи самаго Бернштейна. Прославлялась „государственная мудрость" графа Бюлова, который, пріостановивъ судебное преслѣдованіе противъ Бернштейна, далъ ему возможность вернуться въ Германію.

Что же дѣлалъ самъ Бернштейнъ? Поселившись около Берлина, онъ возобновилъ свою „ревизіонистскую" агитацію. Главнымъ моментомъ въ ней былъ прочитанный имъ въ студенческомъ (не соціалистическомъ) ферейнѣ рефератъ на тему „возможенъ ли научный соціализмъ?" Конечно, Бернштейнъ объявляетъ, что соціализмъ не можетъ быть научнымъ. Соціализмъ включаетъ въ себя и борьбу за идеалъ, въ

этой борьбѣ видную роль играетъ элементъ *воли*, а, *слѣдовательно*, соціализмъ не можетъ быть научнымъ. При примитивности философскаго пониманія, проявленнаго Бернштейномъ уже въ его книгѣ, такой выводъ неудивителенъ. Но при всей примитивности „научнаго“ аппарата, которымъ оперируетъ Бернштейнъ, его рефератъ не могъ не произвести большого впечатлѣнія. Одинъ изъ видныхъ дѣятелей партіи, недавно еще признанный — при всѣхъ своихъ отступленіяхъ отъ „ортодоксіи“ — вполнѣ достойнымъ занимать мѣсто въ ея рядахъ, выступаетъ публично въ *буржуазномъ* обществѣ съ отрицаніемъ научности современнаго соціализма. И центральный органъ партіи, „Vorwärts“, смущенно молчитъ объ этомъ рефератѣ.

Легко представить себѣ, какую смуту произвели въ партіи всѣ эти обстоятельства. Всегда прислушивающаяся къ голосу центральнаго органа, провинціальная соціаль-демократическая пресса не знала, какое ей занять положеніе по отношенію къ „новымъ вѣяніямъ.“ Такъ, папр., на столбцахъ Vorwärts'a велась его парижскимъ корреспондентомъ (Б. Кричевскимъ) систематическая пропаганда въ пользу „новой методы“ г. Жореса и г. Милльерана. Грубое искаженіе фактовъ, относительно истинности которыхъ нѣмцамъ трудно быть судьями, тенденціозное умалчиваніе тѣхъ событій въ жизни французскаго соціализма, которыя шли въ разрѣзъ съ всегда несостоятельными пророчествами корреспондента и которыя знаменовали успѣхъ ненавистнаго ему французскаго марксизма, постоянное обливаніе помоями представителей французскаго революціоннаго соціализма — тѣхъ самыхъ гедистовъ, которые выросли и развились въ тѣснѣйшемъ общеніи съ германской соціаль-демократіей и которые Кричевскими французскаго посибилизма за это всегда обвинялись въ томъ, что „продались нѣмцамъ“; все это гипнотизировало нѣмецкаго читателя и создавало настроеніе въ пользу „новаго соціализма“ Фольмаровъ и Бернштейновъ.

Въ какое положеніе благодаря всей этой смутѣ попадала партія, какъ организація, работающая среди враждебныхъ ей силъ буржуазнаго общества, — объ этомъ повѣдали на конгрессѣ агитаторы-рабочіе.

„Одно изъ двухъ“, сказалъ берлинскій рабочій Кизель, „или Коммунистическій Манифестъ еще признается, и взгляды, изложенные въ немъ, вѣрны, и въ такомъ случаѣ мы должны выступить противъ Бернштейна, ибо въ такомъ случаѣ борьба противъ буржуазнаго общества должна вестись со всей энергіей. Вести эту борьбу въ области теоріи — для этого мы слишкомъ неразвиты, пусть это дѣлаютъ наши академики, но мы можемъ требовать, чтобы намъ не подставляли ножки, а это постоянно намъ устраиваетъ Бернштейнъ“. Какимъ образомъ Бернштейніада „подставляетъ ножку“ пра-

ктикамъ, объ этомъ мы узнаемъ изъ рѣчи другого рабочаго Лейтерта изъ Апольды: „Въ избирательной борьбѣ 1898 г. выступавшіе противъ насъ кандидаты пользовались доводами Бернштейна, какъ орудіемъ противъ насъ. Свободомыслящій д-ръ Крюгеръ возразилъ мнѣ, что Бернштейнъ заявилъ: конечная цѣль для меня ничто. На это я возразилъ: нѣтъ, этого онъ не говорилъ, онъ сказалъ, что движеніе къ конечной цѣли для него все и въ этомъ мы съ нимъ согласны. Тогда д-ръ Крюгеръ показываетъ мнѣ статью Бернштейна въ „Neue Zeit“, я блѣднѣю, какъ мертвецъ, и говорю: да, здѣсь такъ написано, но пока этого еще нѣтъ въ нашей программѣ, я съ этимъ не согласенъ, и я могу ручаться, что и Баудертъ (кандидатъ на выборахъ) стоитъ на моей точкѣ зрѣнія“.

Здѣсь въ нѣсколько наивной формѣ, но тѣмъ болѣе ярко представлено трагическое положеніе одного изъ „малыхъ сихъ“ въ такую эпоху, когда „наверху“ партіи изъ соображеній дипломатіи допускаютъ безвозбранно развиваться теченію, которое открыто подрываетъ основные принципы партійной программы.

Само собою разумѣется, что если такіе практики, какъ Кизель или Лейтертъ, поставлены бернштейніадой въ затруднительное положеніе передъ своими классовыми врагами, то, наоборотъ, тѣ практики, которые давно уже скользятъ по наклонной плоскости компромиссовъ, получили, благодаря той же бернштейніадѣ, сильное поощреніе. И, дѣйствительно, никогда еще практическій оппортюнизмъ не достигалъ въ извѣстныхъ кругахъ партіи такихъ степеней безстыдства, какъ именно въ этомъ году. Но объ этихъ проявленіяхъ практическаго оппортюнизма мы разскажемъ при изложеніи дебатовъ на съѣздѣ.

Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до съѣзда появились предвѣстники новой схватки оппортюнистовъ съ революціонерами. Въ небольшой провинціальной газеткѣ „Эрфуртская трибуна“ появились рѣзкія статьи молодого Грунвальда противъ Бернштейна и оппортюнистовъ. Затѣмъ въ одномъ берлинскомъ рабочемъ собраніи Штадтгагенъ обрушился громовой рѣчью на „Sozialistische Monatshefte“, этотъ, по его выраженію, органъ „литературныхъ мародеровъ“. Штадтгагенъ настаивалъ на томъ, что органъ этотъ напрасно примазывается къ соціалъ-демократіи: онъ съ партіей не имѣетъ ничего общаго. Возраженія (въ Vorwärts'ѣ) редактора Блоха, ссылавшагося на свою принадлежность къ партіи и на сотрудничество въ журналѣ разныхъ партійныхъ свѣтилъ (Фольмаръ, Ауэръ, Бернштейнъ, Гейне, Давидъ, Вольтманъ, Шиппель, и т. д.) не убѣдили, однако, партію, и на конгрессѣ Бебель и другіе подчеркивали въ своихъ рѣчахъ, что „Monatshefte“ къ партіи не имѣетъ отношенія.

Затѣмъ послѣдовали резолюціи собраній, заключающія требованіе, чтобы партейтагъ положилъ конецъ бернштейніанской смутѣ. Приводимъ эти резолюціи.

Делегаты мѣстнаго Тюрингенскаго съѣзда постановили:

„Тюрингенскій партейтагъ самымъ рѣшительнымъ образомъ безъ всякихъ ограниченій отклоняетъ ревизіонистскія стремленія товарища Бернштейна.

Партейтагъ объявляетъ, въ частности, что освобожденіе рабочаго класса изъ наемнаго рабства капитализма возможно только въ томъ смыслѣ и тѣми средствами, какъ это указано научнымъ соціализмомъ Маркса и Энгельса и установлено для германской соціаль демократіи въ Эрфуртской программѣ.

Исходя изъ этихъ соображеній, партейтагъ осуждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ поведеніе товарища Бернштейна, который вопреки принятой на Ганноверскомъ партейтагѣ резолюціи тов. Бебеля, продолжаетъ попытки внесенія въ партію смуты и разъединенія.

Послѣ того, какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ревизіонистскія стремленія Бернштейна тщательно обсуждались по существу всѣми товарищами и всѣми партійными инстанціями и отвергнуты подавляющимъ большинстомъ членовъ партіи, Тюрингенскій съѣздъ выражаетъ желаніе, чтобы Германскій партейтагъ въ Любекѣ выразилъ совершенно недвусмысленно свое отношеніе къ поведенію тов. Бернштейна.“

Собраніе 4-го берлинскаго избирательнаго округа „выражаетъ опредѣленную надежду, что Любекскій партейтагъ рѣшительно и недвусмысленно отнесется къ новѣйшимъ попыткамъ товарища Бернштейна подорвать научный базисъ заложенныхъ въ эрфуртской программѣ принциповъ партіи и выразитъ свое неодобреніе образу дѣйствій Бернштейна, который вноситъ смуту и разъединеніе въ ряды борющагося пролетаріата. Собраніе убѣждено, что экономическое и политическое положеніе требуютъ отъ насъ трудной борьбы, для которой необходимо объединеніе всѣхъ силъ соціаль-демократіи противъ силъ реакціи и выражаетъ желаніе, чтобы всѣ товарищи подчинялись принципамъ, установленнымъ на конгрессахъ послѣ подробнаго обсужденія, чтобы со своими ревизіонистскими стремленіями они обращались къ самой партіи и ея конгрессамъ, а не являлись съ ними въ лагерь противниковъ, затрудняя, такимъ образомъ, агитаціонную работу активныхъ товарищей и вредя тѣмъ партіи“.

Какъ было сообщенно на конгрессѣ, эта резолюція была принята рабочимъ собраніемъ большинствомъ 800 голосовъ противъ 6.

Члены партіи 2-го баденскаго округа выражаютъ надежду „что партейтагъ постановитъ *окончательное* рѣшеніе такъ называемаго Бернштейновскаго вопроса и требуютъ, чтобы политика Бернштейна была отвергнута“.

Наконецъ, въ „Neue Zeit“ передъ самымъ конгрессомъ появилась серія статей Парвуса „Оппортюнизмъ въ практикѣ“, которыя безпощадной рѣзкостью своего анализа вызвали бурю негодованія въ задѣтыхъ ими кругахъ и смутили очень многихъ изъ тѣхъ, кто, не сочувствуя оппортюнистамъ, не считаетъ все же желательнымъ спѣшить раскрыть всѣ язвы, разъѣдающія партію.*)

Партейтагъ открылся 22-го сентября въ Любекѣ. Изъ числа извѣстныхъ дѣятелей партіи на этотъ разъ отсутствовали такіе видные оппортюнисты, какъ Фольлмаръ и Шиппель. На другой сторонѣ отсутствовалъ Парвусъ, а Люксембургъ, явившаяся на конгрессъ, вынуждена была скоро уѣхать на судебное разбирательство въ Познани.

Бой начался съ перваго же „предварительнаго“ засѣданія, посвящаемаго всегда вопросу о порядкѣ дня. Здѣсь спорнымъ пунктомъ былъ вопросъ о закрытыхъ засѣданіяхъ, на которыхъ, въ разрѣзъ съ установившимся за послѣдніе годы обычаемъ, настаивало правленіе партіи. Не будемъ останавливаться здѣсь на причинахъ, побудившихъ правленіе требовать, а партейтагъ согласиться на изъятіе отъ гласнаго обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся прессы — это завело бы насъ слишкомъ далеко. Защищая закрытыя засѣданія, Бебель, указавъ на то, что въ партійной прессѣ противъ предложенія правленія раздались протестующіе голоса лишь послѣ того, какъ забила въ набатъ „Frankfurter Zeitung“, укорявшая соціаль-демократію въ боязни гласности, замѣтилъ: „Слѣдуетъ высказать здѣсь, что буржуазная пресса оказываетъ на поведеніе нашей партійной прессы гораздо больше вліяніе, чѣмъ нужно.“ А въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи Бебель упомянулъ, что „этой весной противъ нашей партіи по поводу извѣстныхъ событій поднялся рядъ нападокъ, высмѣиваній и издѣвательствъ самаго жестокаго рода и большая часть нашей партійной прессы, включая и центральный органъ, отвѣтила на это молчаніемъ.“ Эти слова Бебеля послужили исходнымъ пунктомъ для баталіи, завязавшейся въ гласномъ засѣданіи, посвященномъ вопросу о „прессѣ“, скоро превратившемся въ вопросъ о Бернштейнѣ.

Дебаты начались рѣчью редактора „Vorwärts'a“, Граднауэра, который заявилъ, что въ словахъ Бебеля видитъ намекъ на поведеніе редактируемой имъ газеты по поводу реферата Бернштейна. Упрекъ Бебеля, по его мнѣнію, не справедливъ. Тема реферата Бернштейна настолько далека отъ практики, что политическому органу не было надобности заниматься имъ. Если Бебель думаетъ, что шумъ, поднятый буржуазной прессой по этому поводу, обязывалъ партійный органъ къ отвѣту, то онъ, Граднауэръ, полагаетъ, что партія

---

*) Статьи Парвуса мы надѣемся помѣстить въ слѣд. № „Зари“. *Ред.*

не должна такъ нервничать по поводу задираній буржуазныхъ газетъ, ихъ предсказаній относительно будущаго раскола и восхваленій „государственныхъ мужей“ партіи вродѣ Ауэра.

Бурной рѣчью отвѣчалъ на эту защиту Бебель. Приведя факты, указывающіе на то, что онъ ставилъ на видъ редакціи „Vorwärts'a“ неумѣстность съ ея стороны неполнаго и тенденціознаго информированія читателей по вопросу о Милльеранѣ и замалчиванія реферата Бернштейна, Бебель говоритъ, что противъ Бернштейна центральный органъ партіи долженъ былъ выступить съ возможной категоричностью. „Бернштейнъ, замѣчаетъ ораторъ, не можетъ уже не критиковать партіи. Я думаю, что онъ не можетъ лечь спать, не задавъ себѣ вопроса: „нѣтъ ли еще какого-нибудь пункта въ принципахъ партіи, на который я могъ бы обрушиться?“ У насъ возлюбили теперь систему затушевыванія, компромиссовъ и „Vorwärts“ въ послѣдніе годы очень часто прибѣгалъ къ ней.“

Въ своей защитительной рѣчи Бернштейнъ старался доказать политическую безвредность своего реферата. Онъ увѣряетъ, что, доказывая невозможность для соціализма быть научнымъ, онъ ни на іоту не подрываетъ значенія соціализма, какъ идеала, къ которому стремится партіи. Рѣчь его переходитъ въ ламентаціи по поводу непочтительнаго отношенія къ нему, проявляемаго частью партіи. „Послѣ того, какъ я былъ 10 лѣтъ редакторомъ вашего центральнаго органа и девять лѣтъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ вашего научнаго органа, теперь распространяется мнѣніе, что я не только невѣжественный человѣкъ, но еще такой, который самъ не знаетъ, чего хочетъ, человѣкъ съ сумбуромъ въ головѣ, не вѣдающій, чего хочетъ партія.“ Онъ жалуется на то, что берлинцы не пригласили его на тѣ собранія, въ которыхъ выработывалась резолюція противъ него. Онъ проситъ партейтагъ не принимать направленныхъ противъ него резолюцій, ибо „принимая ихъ, вы проявите несправедливость не только по отношенію ко мнѣ, но и къ самимъ себѣ, обличая себя самихъ въ слабости“, т. е. въ томъ. что соціализмъ не терпитъ „свободной критики“.

Во имя свободы критики онъ требуетъ, чтобы его не стѣсняли. Полезность его критическихъ упражненій доказана тѣмъ, что австрійцы при пересмотрѣ своей программы проектируютъ въ ней измѣненія тѣхъ именно пунктовъ, которые онъ критиковалъ по отношенію къ Эрфуртской программѣ. (Опираясь на заявленіе В. Адлера, Каутскій и Бебель заявили, что никакого вліяніе на измѣненіе редакціи программы австрійской партіи критика Бернштейна не оказала.) Возвращаясь къ злополучному своему реферату, онъ увѣряетъ, что на студенческую аудиторію онъ оказалъ вліяніе въ смыслѣ привлеченія симпатій къ соціализму. Свою рѣчь онъ заканчиваетъ новымъ гимномъ въ честь свободной критики. „Дер-

житесь твердо принципа свободы критики... Не принимайте резолюціи, которая меня лично на время поставитъ въ непріятное положеніе, но которая прежде всего не сдѣлаетъ чести партіи.“....

Такъ, во имя „свободы критики“, предлагается партіи позволить каждому члену заниматься нападеніемъ на ея программу къ великой радости ея враговъ. Слѣдующій за Бернштейномъ ораторъ, многообѣщающій адвокатъ В. Гейне, увѣряетъ, что отъ этой „критической“ оргіи вреда не будетъ. Онъ, конечно, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, кто „преуменьшаетъ значеніе науки“, онъ не желаетъ, чтобы партія отказалась отъ термина „научный соціализмъ“. „Мы бы тѣмъ самымъ выдали себѣ свидѣтельство о бѣдности, мы бы отреклись отъ значительной части наслѣдія Карла Маркса.“ Гейне — этотъ типичный соціалистъ fin de siècle и знатокъ академическихъ приличій (что, какъ увидимъ ниже не гарантируетъ его отъ высшей степени *политическаго* неприличія), очевидно, придаетъ большую цѣну извѣстнымъ „conventionelle Lügen“. Неловко какъ-то отказываться отъ словъ „научный соціализмъ“, что скажетъ объ этомъ свѣтъ? Онъ, Гейне, предпочитаетъ — во вниманіе къ мнѣнію свѣта и къ традиціямъ — оставить за соціалистической теоріей титулъ науки. Что имя — звукъ пустой? А что для Гейне тутъ рѣчь идетъ о звукѣ пустомъ, явствуетъ изъ тирады, слѣдующей за признаніемъ научнаго соціализма. „Я прежде тоже принадлежалъ къ вѣрующимъ въ науку, но если меня теперь кое что навело на сомнѣніе, то именно тотъ фактъ, что два столь серьезныхъ человѣка,... какъ Бернштейнъ и Каутскій, которымъ по моему убѣжденію въ практическихъ вопросахъ не о чемъ спорить, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ведутъ теоретическую распрю, отъ которой партія можетъ дѣйствительно пострадать. Таковы опасности теоріи“, глубокомысленно заключаетъ нашъ декадентъ, очевидно, строго держащійся той точки зрѣнія, что теорія не вредна, когда она не вредитъ, когда она не вмѣшивается въ практику. Увѣреніе, будто Каутскій солидаренъ съ Бернштейномъ въ практическихъ вопросахъ, конечно, сущій вздоръ, опроверженія котораго отъ насъ не потребуетъ читатель. Но какое поучительное зрѣлище представляетъ нашъ „академикъ“, являющійся убѣждать практиковъ-рабочихъ не слишкомъ высоко цѣнить значеніе теоріи для практической работы!

Переходя къ вопросу объ установившейся между бернштейніанцами и буржуазными соціаль-политиками интимной связи Гейне старается представить дѣло въ невинномъ видѣ. Національ-соціалы, говоритъ онъ, большіе фантазеры. Между прочимъ, они „вбили себѣ въ голову расколоть соціаль-демократію или, вѣрнѣе, натравить одну ея часть на другую посредствомъ восхваленій одной за счетъ другой. Съ истинно-

поповской хитростью они поступаютъ такимъ образомъ: въ партіи имѣются люди, удостоившіеся получить когда либо отъ кого-нибудь кличку „оппортюниста“, которая имѣетъ то роковое свойство, что человѣкъ, ее получившій, на всю жизнь остается съ ней; кличку, которая, если ее такъ раздавать, какъ это дѣлаетъ Парвусъ, скоро станетъ почетнымъ именемъ.“ Объ этихъ-то невинно-объявившихся оппортюнистахъ національ-соціалы думаютъ, что ихъ можно отбить отъ партіи, если осыпать ихъ своими компрометтирующими похвалами. Онъ, Гейне, также подвергся этому эксперименту. „Въ каждое собраніе, въ которомъ я говорилъ, являлся національ-соціалъ и заявлялъ: Гейне, собственно говоря, нашъ.“

Такъ, въ шутливой формѣ, Гейне разсказалъ о томъ, какъ буржуазные политики торжествуютъ по поводу развитія въ соціаль-демократической партіи оппортюнизма. Чего онъ не сказалъ и о чемъ ему напомнили нѣкоторые ораторы, это то, что ни онъ, ни Бернштейнъ, ни другіе рекламируемые буржуазной прессой „умѣренные“ не считаютъ нужнымъ рѣзко выступить противъ этого позорящаго ихъ соціаль-демократическую честь братанія, и провести глубокую грань между собой и этими „друзьями рабочаго класса“. Напротивъ, они строятъ свою политическую каррьеру на этихъ компрометтирующихъ союзникахъ.

Эрфуртскій делегатъ Грунвальдъ въ своей рѣчи ставитъ вопросъ: „Какъ вліяетъ выступленіе Бернштейна на дѣятельность партіи?“ Вредное дѣйствіе, по его мнѣнію, критика Бернштейна оказала уже во время выборовъ 1898 года, но еще болѣе въ послѣднее время. „Наши мелкіе (не въ обидномъ смыслѣ), агитаторы, которые работаютъ надъ фундаментомъ партіи ... часто не знаютъ, какъ быть, когда противники выдвигаютъ противъ нихъ на собраніяхъ Бернштейна; ко мнѣ часто приходили очень дѣятельные товарищи, жалуясь на то, что они не могутъ справиться съ противниками, пользующимися доводами Бернштейна.“ И это, вѣдь, неудивительно, замѣтимъ мы, если имѣть въ виду, что Бернштейнъ съ своими анти-соціалистическими идеями оффиціально считается представителемъ соціаль-демократіи. Отъ агитаторовъ-рабочихъ невозможно, въ самомъ дѣлѣ, требовать, чтобы они умѣли защищать принципы соціаль-демократіи на два лада: „по Марксу“ и „по Бернштейну“.

Каутскій старается показать, что рефератъ Бернштейна слѣдуетъ разсматривать въ связи со всей его „критической“ дѣятельностью за три года. „Его критическая дѣятельность направляется противъ партіи. Почему онъ ни разу не выступилъ противъ своихъ восхвалителей внѣ партіи? Это было бы настоятельно необходимо въ интересѣ партіи, ибо наши противники постоянно выдвигаютъ Бернштейна противъ насъ; они говорятъ: „что вы понимаете въ соціализмѣ? Бери-

штейнъ понимаетъ его много лучше, онъ, старый марксистъ, считаетъ его несостоятельнымъ. Если бы Бернштейнъ хоть разъ выступилъ противъ этихъ противниковъ, противъ этихъ ложныхъ друзей, желающихъ эксплуатировать рабочее движеніе въ своихъ цѣляхъ, онъ уничтожилъ бы всякое недовѣріе къ себѣ и всякую двусмысленность.“ Увы! намъ думается, что сидя по горло въ болотѣ политической мудрости своихъ „ложныхъ друзей“, Бернштейнъ ничего уже не можетъ сказать противъ нихъ! Заканчиваетъ Каутскій обращеніемъ къ Бернштейну: пусть онъ вернется къ старымъ традиціямъ, пусть онъ начнетъ критиковать по прежнему буржуазныхъ соціаль-реформаторовъ и тогда онъ можетъ быть увѣренъ, что „старыя отношенія вновь возстановятся“.

Каутскій, однако, забылъ, что въ недавно переизданныхъ своихъ старыхъ статьяхъ Бернштейнъ тщательно вытравилъ всѣ свои критическія нападенія на соціаль-реформаторовъ, въ чемъ былъ уличенъ самимъ Каутскимъ. И отъ этого человѣка ожидаютъ, что онъ послѣ основательной головомойки и дружескихъ увѣщаній вернется къ старымъ богамъ! Кто бы могъ подумать, что кровожадная „Гора“ нашихъ дней обладаетъ такимъ запасомъ благодушія!

Д-ръ Давидъ, безспорно самый ловкій и ученый изъ представителей оппортюнизма, начинаетъ свою рѣчь рѣзкимъ отрицаніемъ правильности словъ Каутскаго о томъ, что книга Бернштейна въ свое время привѣтствовалась, какъ слово откровенія. Давидъ увѣряетъ, что ничего подобнаго не было. Онъ же увѣряетъ, что та „теорія обнищанія“, которую побѣдоносно ниспровергъ Бернштейнъ и которая, по мнѣнію „ортодоксовъ“, была продуктомъ его собственнаго „критическаго“ воображенія, существовала на дѣлѣ. Она именно изложена въ Коммунистическомъ Манифестѣ, гдѣ сказано, что „буржуазное общество не можетъ даже прокормить своихъ рабовъ и что рабочій становится пауперомъ.“ Понимая хорошо, что цитированное мѣсто нельзя выставить въ доказательство того, будто Марксъ и Энгельсъ не признавали возможности никакого улучшенія положенія рабочаго класса при капитализмѣ, нашъ „критикъ“ категорически заявляетъ: „Въ Манифестѣ ни однимъ словомъ не указано на обратную (обнищанію) тенденцію, создаваемую профессіональной организаціей. Это указаніе Марксъ сдѣлалъ позднѣе, но въ Коммунистическомъ Манифестѣ онъ этому не придавалъ ни малѣйшаго значенія“. Но что за нѣсколько лѣтъ до Коммун. Маниф. Марксъ уже указалъ на значеніе профессіональныхъ союзовъ въ своей „Нищетѣ философіи“, объ этомъ Давидъ умалчиваетъ, а, можетъ быть, и не знаетъ.

А вотъ еще другое „доказательство“, существованія Verelendungstheorie. Марксъ сказалъ въ „Манифестѣ“, что рабочему

нечего терять въ будущей революціи, кромѣ своихъ цѣпей. Ученый докторъ, очевидно, полагаетъ, что если бы авторы „Манифеста“ думали о профессіональныхъ союзахъ, они сказали бы, что рабочему классу, вмѣстѣ съ цѣпями, придется потерять въ будущей революціи еще и плоды своей профессіональной организаціи. Иначе нельзя понять этой странной ссылки на энергичную фразу Манифеста. „Одностороннему“ Марксу, сказавшему, что рабочему классу нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей, „многосторонній“ критикъ глубокомысленно возражаетъ: а вы забыли, что онъ потеряетъ еще чувство облегченія, вызванное ослабленіемъ цѣпей подъ напоромъ его усилій? Послѣ этихъ „критическихъ“ вылазокъ слѣдуетъ въ рѣчи Давида рядъ обвиненій противъ „крайнихъ“ въ томъ, что они сѣютъ раздоры и заканчивается рѣчь опять таки аппеляціей къ „свободѣ критики“. Аргументація его не лишена оригинальности. Тому, кто стоитъ на почвѣ исторической необходимости эманципаціи пролетаріата, не приходится возбуждаться критикой того или другого положенія „Капитала“. „То, что въ этой критикѣ есть справедливаго, то устоитъ и будетъ проведено въ жизнь, хотя бы десять разъ было разгромлено; а то, что несправедливо, умретъ естественной смертью. . . Если мы ссылаемся на то, что мы представляемъ научную партію, мы не должны стѣснять такого изслѣдователя, какъ Бернштейнъ въ его дѣятельности.

Что особенно характеризуетъ всѣхъ и всяческихъ оппортюнистовъ, это ихъ готовность для защиты того или другого „практическаго“ положенія, ссылаться на доводы, въ истинность которыхъ сами не вѣрятъ. Вѣдь Давидъ, судя по всему, едва-ли самъ признаетъ научность соціализма!

Въ своей новой рѣчи Бебель, выяснивъ неосновательность ссылки Давида на „теорію обнищанія“, считаетъ нужнымъ отказаться отъ солидарности съ статьями Парвуса въ „Neue Zeit“. Онъ находитъ печальнымъ фактъ ихъ появленія и солидаренъ въ этомъ съ Каутскимъ, который отсутствовалъ во время напечатанія ихъ въ журналѣ. Переходя къ Бернштейну, Бебель даетъ любопытную характеристику его новѣйшей манеры писать: „Вообще, это несчастіе Бернштейна, что прежде, когда онъ еще имѣлъ подъ ногами твердую почву, онъ умѣлъ выражаться ясно, теперь, когда онъ бродитъ по болоту, онъ неспособенъ уже къ этому. Стоитъ только прочесть его книгу, я ручаюсь за то, что въ ней нѣтъ ни одной страницы, относительно которой у разныхъ людей не было бы самыхъ различныхъ взглядовъ. Когда думаешь, что поймалъ его, онъ тотчасъ же заявляетъ: это недоразумѣніе, меня не поняли“.

Бебель согласенъ съ Давидомъ, что пора положить конецъ дебатамъ о Бернштейнѣ, но именно для того, чтобы

этого достигнуть, онъ предлагаетъ свою резолюцію, осуждающую певеденіе Бернштейна.*)

Бебель осторожно затрагиваетъ вопросъ обо всемъ оппортюнистическомъ теченіи: „Мы теперь находимся въ печальномъ положеніи: наша партія насчитываетъ уже не одного человѣка, котораго буржуазная пресса выставляетъ, какъ пай-мальчика, какъ это было во время франкфуртскаго партейтага**) (Фольмаръ); нѣтъ, мы нынче имѣемъ уже 5 выдающихся товарищей, которые постоянно пользуются незавидной участью быть предметомъ всесторонникъ похвалъ противниковъ, не чувствуя при этомъ потребности отбросить отъ себя эти компрометирующія хвалы". Правда, за рефератъ Бернштейна не похвалила „Франкфуртская Газета", но за то ея порицаніе компрометируетъ сильнѣе похвалъ. Вотъ что писала она послѣ реферата:

„Бернштейнъ очень хорошо началъ свой пересмотръ (программы соціаль-демократіи). Онъ занялся марксизмомъ, и не вдаваясь въ вопросы наиболѣе тонкаго свойства, началъ разлагать его и доказывать его ошибочность. Это, правда, дѣлали и другіе до него, но при настоящемъ положеніи вещей нужно было, чтобы это еще разъ продѣлалъ видный соціаль-демократъ. *Въ этомъ его историческая миссія.****) Ему слѣдовало идти дальше по этому пути... вторгнуться въ самую глубь марксизма и выдвинуть науку противъ науки. Но когда онъ прямо объявляетъ, что марксизмъ не наука, тогда всякое обсужденіе по существу излишне..., ибо этимъ все сказано. Но это было бы очень печально, ибо задача Бернштейна еще далеко не выполнена".

Заканчиваетъ Бебель заявленіемъ, что безспорныя заслуги Бернштейна въ прошломъ въ значительной степени умаляются его дѣятельностью послѣднихъ лѣтъ. „Къ сожалѣнію, это такъ! Если бы всѣ слѣдовали этой тактикѣ, мы бы видѣли теперь передъ собой осколки соціаль-демократической партіи. Поэтому, я прошу васъ настоятельно: примите предложенную нами резолюцію". Констатируя одни лишь факты, эта резолюція не оскорбляетъ лично Бернштейна.

Очень метко замѣчаетъ Штадтгагенъ по поводу контръ-резолюціи, предложенной Гейне и другими, которая заклю-

---

*) Вотъ текстъ этой резолюціи:

„Партейтагъ признаетъ безусловно необходимость самокритики для дальнѣйшаго духовнаго развитія нашей партіи. Но крайне односторонній характеръ той критики, которой занимался тов. Бернштейнъ въ послѣдніе годы, не вдаваясь въ криктику буржуазнаго общества и его представителей, поставилъ его въ двусмысленное положеніе и вызвалъ недовольство большинства товарищей. Въ надеждѣ на то, что товарищъ Бернштейнъ сознаетъ это и соотвѣтственно измѣнитъ свое поведеніе, партейтагъ переходитъ къ очереднымъ дѣламъ."

**) Въ 1894 г.

***) Курсивъ нашъ.

чается въ одномъ только признаніи „свободы критики“: „Бернштейніанцы, очень охотно бросаютъ намъ упрекъ: вы повторяете только избитыя фразы. Но тому, кто, какъ новую аксіому выставляетъ положеніе о необходимости критики, не подобаетъ высказывать такіе упреки“. Характеризуя Бернштейна и его присныхъ, какъ людей, за спинами которыхъ стоитъ опредѣленное буржуазное и враждебное соціаль-демократіи теченіе, Штадтгагенъ приводитъ такую цитату изъ статьи одного изъ вожаковъ національ-соціаловъ, фонъ Герлаха, съ которымъ Гейне поддерживаетъ личное знакомство. „Если Гейне достигнетъ того, чего хочетъ, то мы не знаемъ, чего намъ, національ-соціаламъ остается пожелать.“ А министръ баронъ ф. Берлепшъ заявилъ о себѣ: „нашъ девизъ — это девизъ соціалиста (?) Бернштейна“. Дальше Штадтгагенъ привелъ фактъ, доказывающій, что бернштейніанцы иной разъ не прочь даже отъ того, чтобы активно эксплуатировать въ свою пользу такого рода отзывы. Въ Бранденбургѣ на выборахъ выступаетъ соціаль-демократическій кандидатъ Пэусъ (бернштейніанецъ) противъ реакціонера. Мѣстная соціаль-демократическая газета привела слѣдующій отзывъ о Пэусѣ національ-соціальной газеты „Welt am Montag“. „Пэусъ такой человѣкъ, за котораго, не колеблясь можетъ подать голосъ каждый рѣшительно свободомыслящій человѣкъ. Онъ всегда отличался *умѣреннымъ выраженіемъ своихъ, въ общемъ и цѣломъ, весьма разумныхъ взглядовъ.**) Отъ него именно исходитъ предложеніе вычеркнуть общую часть соціаль-демократической программы — то есть всю утопическую конечную цѣль.. Немногіе изъ нѣмецкихъ соціаль-демократовъ такъ близко стоятъ къ Бернштейну, какъ Пэусъ. Избраніе его уже потому было бы *отраднымъ событіемъ для радикальныхъ буржуазныхъ партій, что оно усилило бы вліяніе праваго крыла въ соціаль-демократической фракціи.*“**)

Эту краснорѣчивую тираду соціальдемократическая газета приводитъ безъ возраженій, а затѣмъ въ особомъ воззваніи „къ либеральному бюргерству“ она повторяетъ подчеркнутыя нами слова, снабжая ихъ такимъ поясненіемъ: „Во всякомъ случаѣ нашъ кандидатъ съ начала своей политической дѣятельности придавалъ большое значеніе хотя и рѣзкому по существу, но приличному по формѣ способу борьбы (это, запомните, говорится противникамъ!). Уже на конгрессѣ 1891 года онъ за этотъ способъ агитаціи, придающій значеніе уваженію даже своихъ противниковъ (!), подвергся нападкамъ впослѣдствіи исключеннаго изъ партіи „независимаго“ Ауэрбаха. Точно также нашъ кандидатъ придаетъ наибольшее значеніе задачамъ современности, будучи убѣжденъ, что

---

*) Курсивъ нашъ.
**) Курсивъ нашъ.

путемъ разрѣшенія этихъ задачъ можно достигнуть и конечной цѣли". Попытка Пэуса опровергнуть цитаты Штатгагена потерпѣла фіаско. Фактъ остался доказаннымъ.

Штатгагенъ тоже увѣренъ, что резолюція Бебеля не задѣваетъ личности Бернштейна. Повидимому, пародируя Бернштейна, увѣрявшаго, что онъ противъ резолюціи потому, что она повредитъ партіи, Штатгагенъ проситъ принять резолюцію въ интересахъ... самаго Бернштейна, котораго она, авось, образумитъ. Ему лично гораздно пріятнѣе была бы резолюція болѣе рѣзкаго характера противъ нѣкоторыхъ другихъ „грѣшниковъ".

Послѣднее слово было предоставлено Бернштейну. Онъ началъ съ признанія, что резолюція Бебеля не задѣваетъ его личность, не подвергаетъ сомнѣнію его намѣреній. Но все таки онъ „обязанъ просить партейтагъ не принимать резолюціи" Бебеля, онъ даже проситъ тѣхъ, кто ее внесъ, взять ее назадъ.

Всей рѣчи Бернштейна мы не станемъ излагать: это было безпомощное порханіе отъ защиты своей „теоріи" къ увѣреніямъ въ томъ, что между нимъ и партіей нѣтъ разногласій. Кто-то выразилъ надежду, что Бернштейнъ при переизданіи своей книги вычеркнетъ изъ нея нѣкоторыя мѣста. Бернштейнъ заявляетъ, что онъ давно имѣлъ это въ виду, но „товарищи, которые спокойнѣе судятъ объ этомъ, сказали мнѣ: нѣтъ, оставьте книгу въ такомъ видѣ, это документъ!" Мы бы, однако, посовѣтовали Бернштейну не слушаться друзей и все таки передѣлать книгу, тогда исторія имѣла бы вмѣсто одного „документа", цѣлыхъ два! Вѣдь рѣшился же Бернштейнъ сказать послѣ приведеннаго отзыва друзей: *„И я убѣжденъ, что придетъ время, когда соціаль-демократія будетъ гордиться тѣмъ, что обладаетъ такой книгой."* Но въ этомъ мѣстѣ трагической (по существу дѣла) рѣчи серьезное настроеніе измѣнило партейтагу: раздался смѣхъ. Мы надѣемся, что отмѣтка объ этомъ смѣхѣ въ протоколѣ партейтага останется, дѣйствительно, документомъ для партіи. Конецъ рѣчи Бернштейна еще нѣсколько разъ привелъ партію въ веселое настроеніе. Одинъ разъ, когда онъ, коснувшись заявленія Лейтерта о томъ, что его писанія затрудняютъ практиковъ въ ихъ агитаціи, наивно замѣтилъ: „Мнѣ это, конечно, очень печально, но въ общемъ, я думаю, эти затрудненія всегда преувеличены". Иначе говоря, Бернштейнъ выразилъ надежду, что вредъ отъ его „критики" не такъ ужъ великъ! Другой разъ слушатели засмѣялись, когда Бернштейнъ сталъ увѣрять, что, возражая противникамъ въ области практики, агитаторъ можетъ опираться на его книгу, „если онъ ее правильно понимаетъ". Послѣднія слова не могли не вызвать смѣха, такъ какъ Бернштейна до сихъ поръ, повидимому, еще никто не понялъ „правильно".

Приглашая партейтагъ вотировать резолюцію Гейне, Бернштейнъ наивно заявляетъ: „Скажу вполнѣ откровенно, что и она меня не удовлетворяетъ (смѣхъ). Да, дорогіе товарищи, я вамъ хочу вотъ что сказать: я думаю, вы могли бы въ резолюціи сказать еще кое-что, выразить довѣріе (смѣхъ)". Если же ужъ такъ нужно выразить порицаніе, то было бы справедливо, „опираясь на развитую мной со времени моего возвращенія дѣятельность", высказать порицаніе и противной сторонѣ. Но онъ великодушно отказывается отъ своихъ личныхъ притязаній и высказывается за резолюцію Гейне, которая „мнѣ лично не воздаетъ абсолютно ничего; но она воздаетъ должное партіи, провозглашая „свободу критики". Послѣ этой рѣчи наряду съ аплодисментами послышалось шиканіе.

При переходѣ къ голосованію, Фроме потребовалъ, чтобы вотировалась сначала резолюція Гейне, ибо-де онъ и другіе товарищи, въ случаѣ еслибъ сначала голосовали резолюцію Бебеля, подали бы голоса противъ нея, благодаря чему прослыли бы „бернштейніанцами", чего они вовсе не хотятъ. Между тѣмъ, при другомъ порядкѣ голосованія имъ, на случай провала резолюціи Гейне, остается возможность еще вотировать за резолюцію Бебеля. Это требованіе было удовлетворено.

При голосованіи за резолюцію Гейне поданъ 71 голосъ, противъ — 166 (Каутскій и Бернштейнъ воздержались отъ голосованія). Послѣ этого резолюція Бебеля принята подавляющимъ большинствомъ 203 противъ 31. Въ меньшинствѣ вотировали: Эльмъ, Пэусъ, Легинъ, Кваркъ, Генрихъ Браунъ. Въ числѣ тѣхъ, кто сначала вотировалъ за резолюцію Гейне, а послѣ провала, и за противоположную по тенденціи резолюцію Бебеля, были: Давидъ, Эргартъ (баварскій депутатъ), Фендрихъ (вождь баденскихъ оппортюнистовъ), самъ Гейне. Такимъ образомъ, самые рѣшительные оппортюнисты въ концѣ концовъ вотировали за осужденіе Бернштейна. Это показываетъ, какое настроеніе сложилось въ партіи по этому вопросу.

По объявленіи результатовъ голосованія Бернштейнъ заявилъ, что онъ подчиняется рѣшенію большинства. Такъ кончилось первое дѣйствіе Любекской войны между „Горой" и „Жирондой". Второе дѣйствіе разыгралось во время дальнѣйшихъ дебатовъ о прессѣ. Разъяренные явнымъ пораженіемъ, понесеннымъ по вопросу о Бернштейнѣ, оппортюнисты перешли въ наступленіе и обрушились на научный органъ партіи „Neue Zeit" вообще и его двухъ сотрудниковъ — Парвуса и Люксембургъ, въ частности. Мы уже упоминали, что Бебель и Каутскій оба признали появленіе статей Парвуса ошибкой редакціи и выразили имъ свое неодобреніе. Мы не понимаемъ мотивовъ такого отношенія Бебеля и Каутскаго къ этимъ статьямъ. Далекія отъ того, чтобы но-

сить „злобный личный характеръ“, какъ отзывались тѣ, кто уязвленъ ими, статьи Парвуса даютъ мѣстами мастерской анализъ соціалистическаго оппортюнизма въ разныхъ его проявленіяхъ и безпощадно вскрываютъ на фактахъ рабскую зависимость оппортюниста отъ окружающихъ его условій дѣятельности. Тонъ статей, конечно, полемическій, но ничего неслыханнаго по своей рѣзкости онѣ не представляютъ. Партія, которая пережила споры лассальянцевъ съ эйзенахцами и недавно еще споры съ „независимыми“, при которыхъ „рѣзкости“ было болѣе, чѣмъ достаточно, не могла въ статьяхъ Парвуса найти что-нибудь экстравагантное. Скорѣе надо думать, что партія испугалась того, что статьи Парвуса слишкомъ разоблачали партійныя язвы въ такой моментъ, когда почва для окончательной схватки съ оппортюнистами еще не подготовлена. Не намъ, конечно, судить, насколько правы въ своихъ тактическихъ соображеніяхъ нѣмецкіе товарищи.

Во всякомъ случаѣ, отреченіе Каутскаго и Бебеля отъ Парвуса дало возможность оппортюнистамъ развязать свои языки и обрушиться на ненавистный имъ „ортодоксальный“ журналъ — Neue Zeit.

Эргартъ, Ульрихъ и, особенно Рих. Фишеръ и Гейне обвиняютъ редакцію „Neue Zeit“ въ подавленіи всякихъ, несогласныхъ съ ней мнѣній, въ стремленіи проводить только одну опредѣленную тенденцію. Напрасно Каутскій фактами доказываетъ, что „ортодоксальная“ полемика занимала въ послѣднее время весьма незначительное мѣсто въ его журналѣ, что вся дискуссія по вопросу о Бернштейнѣ велась въ „Neue Zeit“ — ему возражаютъ, что присутствіе въ его журналѣ „польскихъ и русскихъ евреевъ“ — Парвуса и Люксембургъ, заставляетъ самыхъ цѣнныхъ сотрудниковъ удалиться въ непартійный журналъ „Sozialistische Monatshefte“! Бебель, съ статьѣ, посвященной Любекскому конгрессу, справедливо замѣчаетъ, что нестѣсняемые въ помѣщеніи своихъ статей въ „Neue Zeit“ эти „цѣнные“ сотрудники на самомъ дѣлѣ выбираютъ „Monatshefte“ для того, чтобы избѣгнуть партійнаго контроля надъ своей литературной дѣятельностью.

Фишеръ въ своей рѣчи дѣлаетъ остроумную догадку, что „казуистическое“ искусство, съ которымъ Роза Люксембургъ вскрываетъ несостоятельность аргументаціи своихъ оппортюнистическихъ противниковъ, „быть можетъ, унаслѣдовано ею отъ ея расы“. Этотъ остроумный переходъ на почву вопроса о „расѣ“ поощрилъ Гейне, который тоже заговорилъ о „русскихъ и польскихъ евреяхъ“. Вслѣдъ за тѣмъ Гейне позволилъ себѣ такую выходку относительно Парвуса, которая вывела партейтагъ изъ спокойнаго состоянія. Парвусъ, по словамъ Гейне, упрекаетъ Фольмара въ хорошихъ (политическихъ) отношеніяхъ съ баварскимъ правительствомъ.

Но еслибъ не было этихъ отношеній, то Парвусу (какъ извѣстно, изгнанному изъ бо́льшей части Германіи), нельзя было бы жить въ Мюнхенѣ и онъ „не стѣснялся пользоваться этими хорошими отношеніями“. При этихъ словахъ раздались негодующіе крики: Pfui! Pfui! Гейне выражаетъ предположеніе, что эти крики относятся къ „человѣку, который принимаетъ такіе подарки, а потомъ плюетъ въ лицо“. Новый шумъ и крики: „нѣтъ, относится къ вамъ“.

Эта выходка Гейне измѣнила настроеніе конгресса, сначала ошеломленнаго рѣшительнымъ выступленіемъ оппортюнистовъ. Бурными рукоплесканіями встрѣчена была рѣчь Ледебура, который негодующе заклеймилъ поступокъ Гейне подобающимъ названіемъ доноса. Описавъ ту травлю, которой подвергся Парвусъ за свою политическую дѣятельность со стороны правительствъ, пока „нашелъ, наконецъ, убѣжище въ Баваріи“, Ледебуръ говоритъ: „Не знаю, вѣрно ли, что онъ этимъ убѣжищемъ обязанъ вмѣшательству Фольмара (Бебель: это не вѣрно!).... Но если бы это и было вѣрно, то Фольмаръ только исполнилъ бы свой долгъ передъ товарищемъ, какія бы столкновенія у него съ нимъ ни были. Но я надѣюсь, что изъ этого инцидента Фольмаръ вынесетъ урокъ, что подобныя конфиденціальныя сообщенія нельзя дѣлать людямъ, которые способны пользоваться ими такимъ образомъ съ народной трибуны противъ человѣка преслѣдуемаго и изгоняемаго.“

По закрытіи дебатовъ Гейне заявилъ, что у него и въ мысляхъ не было доносить на Парвуса. Вѣдь баварское правительство и такъ знаетъ о мѣстопребываніи Парвуса. На это Ледебуръ справедливо замѣчаетъ, что очень часты случаи, когда правительство знаетъ о какомъ либо фактѣ, но вмѣшивается лишь послѣ того, какъ въ печати сдѣлано соотвѣтствующее указаніе. Въ свою очередь Бебель внесъ въ протоколъ письменное заявленіе, что утвержденіе Гейне объ услугахъ, оказанныхъ Фольмаромъ Парвусу, не соотвѣтствуетъ истинѣ. А на слѣдующій день Гейне съ трибуны сообщилъ о полученной имъ отъ Фольмара телеграммѣ, подтверждающей свидѣтельство Бебеля. Въ виду этого Гейне просилъ у партейтага извиненія.

Большимъ сочувствіемъ была встрѣчена рѣчь Клары Цеткиной, которая занялась вопросомъ о причинахъ всего этого шума по поводу мнимо-неприличнаго тона статей „лѣвыхъ“. „Чувствительность по отношенію къ тону проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда не одобряется тенденція.“ Цеткина показываетъ всю вздорность увѣреній, будто рѣзкій тонъ внесенъ въ нѣмецкую печать „съ востока“. „Товарищи, неужели вы такъ основательно забыли нашу партійную исторію и прежнія наши схватки? Развѣ вы забыли, что уже давно, прежде чѣмъ русскіе и другіе иностранцы стали сражаться въ на-

шихъ рядахъ, соціаль-демократы въ междуусобныхъ войнахъ дрались съ такой же грубостью и страстностью, какъ и теперь. Эта наша слабость коренится въ томъ, что составляетъ нашу силу передъ нашими противниками: она коренится въ страстности убѣжденія, въ пламенномъ желаніи привести къ побѣдѣ наше дѣло.“ Для того, чтобы пріучить партію къ „хорошему тону“, о которомъ такъ печалится Гейне, Цеткина просила привести въ протоколѣ заключеніе рѣчи Гейне дословно „дабы мы знали, что такое приличный тонъ“.

Если въ дебатахъ о Бернштейнѣ оппортюнисты понесли политическое пораженіе, то заключительные дебаты о прессѣ принесли имъ пораженіе моральное. Эти дебаты показали, до чего могутъ договориться представители „новаго метода“ Мы можемъ только пожелать имъ — въ интересахъ дѣла — продолжать въ томъ же духѣ: тѣмъ скорѣе они выроютъ себѣ яму.

Вопросъ о голосованіи бюджета еще разъ свелъ лицомъ къ лицу оппортюнистовъ и революціонеровъ. Въ рефератѣ о дѣятельности фракціи рейхстага депутатъ Вурмъ упомянулъ о статьѣ члена баденскаго ландтага Фендриха, защищавшаго въ „Sozialistische Monatshefte“ поведеніе баденской фракціи, вотировавшей бюджетъ. По мнѣнію Фендриха если поставить соціаль-демократическимъ членамъ ландтага въ обязательство вотировать противъ бюджета, то тѣмъ самымъ практическая часть программы партіи станетъ звукомъ пустымъ. Станетъ ли правительство вводить въ бюджетъ какія либо реформы изъ числа требуемыхъ соціаль-демократіей, если послѣдняя во всякомъ случаѣ вотируетъ противъ бюджета, чтобы выразить свое недовѣріе къ классовому государству (обычная точка зрѣнія партіи)? Вурму ничего не стóило показать на фактахъ несостоятельность этого довода. Въ рейхстагѣ соціаль-демократы всегда вотировали противъ бюджета и, несмотря на это, подъ напоромъ пролетаріата рейхстагъ и правительство предприняли рядъ реформъ. Вурмъ признаетъ возможность исключительныхъ случаевъ, когда вотировать за бюджетъ будетъ вполнѣ въ духѣ практическаго правила соціаль-демократіи, гласящаго: „изъ двухъ золъ надо выбрать меньшее“. Это тѣ случаи, когда ясно, что отвергнутый, благодаря соціаль-дем. голосамъ, бюджетъ уступитъ мѣсто болѣе реакціонному. Но это именно исключенія, общимъ же принципомъ должно быть отказывать правительству въ денежныхъ средствахъ. Поведеніе баденцевъ, вотировавшихъ въ этомъ году за бюджетъ, послѣ того, какъ они много лѣтъ вотировали противъ, не находитъ себѣ оправданія хотя бы въ перемѣнѣ „курса“ правительства: въ Баденѣ оно столь же реакціонно, какъ и прежде, и такъ же третируетъ рабочій классъ и соціаль-демократію. Слѣдовательно, тутъ дѣло въ ростѣ оппортюнизма. Вурмъ приводитъ примѣръ проявленія

этой растущей язвы. Въ одномъ горномъ округѣ, одинъ (соціаль-демократическій) кандидатъ въ рейхстагъ получаетъ приглашеніе говорить въ день 18-го марта (годовщина германской революціи); онъ отвѣчаетъ: „Не могу, ибо въ такомъ случаѣ я не получу голосовъ политически-индеферентной части рудокоповъ.“ Въ виду такихъ опасныхъ симптомовъ необходимо по вопросу о голосованіи бюджетовъ не медлить съ категорической резолюціей.

Фендрихъ въ защиту поведенія своего и товарищей по ландтагу приводитъ только тотъ фактъ, что итальянскіе и французскіе соціалисты не разъ голосовали за бюджетъ и что въ баденскомъ бюджетѣ расходы „на культурныя цѣли“, симпатичныя соціаль-демократамъ, относятся къ расходомъ, стоящимъ въ противорѣчіи съ программой партіи, какъ 9 къ 1. Стóитъ ли изъ за одной десятой отвергать весь бюджетъ!

На послѣдній доводъ Цеткина вѣрно возразила указаніемъ на то, что „каждая отдѣльная статья бюджета отражаетъ капиталистическую культуру, а эта культура означаетъ некультурность и порабощеніе массъ“. Слѣдовательно, ссылки на „культурную“ цѣль тѣхъ или другихъ расходовъ не имѣютъ смысла. Капиталистическая организація извращаетъ „чистый“ характеръ всякихъ культурныхъ предпріятій.

Какъ видитъ читатель, точка зрѣнія Фендриха тѣсно связана съ бернштейніанскимъ представленіемъ объ отношеніи между соціаль-демократіей и демократіей. Поскольку капиталистическое господство принимаетъ форму политической демократіи, для Фендриховъ исчезаетъ представленіе о коренномъ антагонизмѣ пролетаріата къ существующему строю. Самый антагонизмъ, очевидно, мыслится очень поверхностнымъ, не задѣвающимъ самой сути капиталистической „культуры“.

Старый Блосъ также защищаетъ баденское голосованіе. Для него необходимость не отказывать правительствамъ въ денежныхъ средствахъ вытекаетъ изъ самаго роста партіи. Если въ бюджетѣ значительная часть расходовъ предназначена на общеполезныя цѣли, партія, представляющая милліоны населенія, не можетъ не дать ему своего одобренія.

Бебель характеризируетъ баденское правительство, какъ такое, которое своимъ отношеніемъ къ пролетаріату отнюдь не даетъ повода проявлять особенное довѣріе. Рѣзко нападаетъ онъ на Фендриха, который въ оправданіе своего голосованія имѣлъ мужество ссылаться на то, что депутаты ландтага приносили присягу конституціи, почему и не могутъ держаться принципіально „отрицательнаго“ отношенія къ работѣ государственной машины. Такая „отрицательная“ точка зрѣнія приличествуетъ, по его мнѣнію, развѣ только „бланкистамъ“. „На сколько вообще наши баденскіе товарищи,

продолжаетъ Бебель, утратили простѣйшій демократическій духъ, показываетъ слѣдующій фактъ. Офиціальный баденскій органъ партіи прямо требовалъ, чтобы свыше (въ правленіи партіи), обратили вниманіе на Р. Люксембургъ; пора де положить конецъ этой грызнѣ. Такъ понимаютъ въ Баденѣ свободу прессы и свободу мнѣній. Если бы злѣйшій національ-либералъ писалъ это, онъ былъ бы высмѣянъ, а партійная газета можетъ это писать, не получая надлежащаго отвѣта. Это была уже не глупость, это нѣчто бо́льшее, это вѣроломство и низость.“ (Одобреніе.)

Впрочемъ, баденскіе оппортюнисты и въ другихъ сферахъ дѣятельности проявили своеобразныя тенденціи. Такъ, они вотировали въ муниципалитетѣ Карлсруэ за повышеніе жалованія оберъбургомистру Шнецлеру, прославившемуся травлей соціалистовъ. Болѣе того, соціаль-демократъ, гласный Шайеръ, присутствовалъ на банкетѣ по случаю 25-тилѣтія дѣятельности этого врага рабочаго движенія.

Однимъ словомъ, баденскіе соціаль-демократы, вступивъ на путь оппортюнизма, уже успѣли дойти до той степени политической безхарактерности, которая отличаетъ нѣмецкихъ либераловъ.

„Какъ вообще въ Баденѣ относятся къ принципіальнымъ вопросамъ“, продолжаетъ Бебель, „показываетъ слѣдующій фактъ: на баденскомъ партейтагѣ въ февралѣ этого года Фендрихъ выразился: „Мы должны отодвинуть идеалы на задній планъ, мы должны стремиться не къ желаемому, а къ достижимому.“ Вотъ онъ поссибилизмъ въ самой отталкивающей формѣ! восклицаетъ Бебель. „А нынѣшній кандидатъ въ ландтагъ, Кольбъ сказалъ: въ теченіе слѣдующихъ 10-ти лѣтъ мы выкинемъ за бортъ еще кое какой программный баластъ: избирательное право женщинъ, минимальную возрастную границу для избирателей мужчинъ.

Бебель напоминаетъ баденцамъ, что ихъ предки — баденскіе либералы 30-хъ и 40-хъ годовъ съ Роттекомъ и Велькеромъ во главѣ гораздо мужественнѣе держали знамя оппозиціи, стоя впереди всего германскаго либерализма. „У насъ же наоборотъ: баденскимъ товарищамъ всегда кажется, что они недостаточно пошли назадъ.“ Штутгартскій делегатъ Кейль показываетъ деморализующее значеніе тактики баденцевъ. Вюртембергъ лежитъ рядомъ съ Баденомъ, политическія условія мало разнятся, они даже болѣе либеральны въ Вюртембергѣ. Вюртембержцы голосуютъ противъ бюджета, баденцы — за него. Это противорѣчіе само по себѣ вызываетъ смуту, давая въ руки врагамъ агитаціонное оружіе, которымъ они пользуются передъ несознательными избирателями. Но еще болѣе удобное оружіе даютъ имъ статьи Фендриха, принципіально защищающаго голосованіе бюджета. „Фендрихъ называетъ отказъ голосовать за бюджетъ пустой формаль-

ностью, революціонной церемоніей, условнымъ и вполнѣ безрезультатнымъ выстрѣломъ въ воздухъ. Объ юстиціи Фейдрихъ говоритъ, что съ отмѣной исключительнаго закона въ Баденѣ не можетъ быть и рѣчи о проявленіяхъ классового характера государства въ судебной практикѣ... Далѣе, онъ превозноситъ тотъ фактъ, что баденскіе депутаты (соціалисты) пользуются въ ландтагѣ равноправіемъ. По истинѣ, это верхъ скромности (мы бы сказали „молчалинства“) для соціальдемократа. Съ какихъ поръ мы обязаны особой благодарностью за то, что намъ предоставляютъ само собой подразумѣвающееся равноправіе?“

Оппортюнисты думаютъ отдѣлаться отъ нареканій за голосованіе ими бюджета обычнымъ отвѣтомъ: это не принципіальный, а тактическій вопросъ. Клара Цеткина отвѣтила на это: „По моему мнѣнію, принципъ и тактика не отдѣлены другъ отъ друга непроходимой пропастью. Наши принципы не висятъ въ облакахъ теоріи, а наша тактика не стоитъ только на почвѣ фактовъ. Наша тактика обусловлена нашими принципами. Наша тактика есть совокупность наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ для осуществленія нашихъ принциповъ.“

По закрытіи дебатовъ принимается резолюція Бебеля, запрещающая, въ общемъ, вотированіе бюджетовъ отдѣльныхъ государствъ.

Замѣтка наша слишкомъ затянулась и мы должны отказаться отъ изложенія дебатовъ по очень жизненному для партіи вопросу о взаимныхъ отношеніхъ между ею и профессіональными союзами. Въ этомъ году вопросъ этотъ, благодаря нѣкоторымъ событіямъ въ Гамбургѣ, взволновалъ всю массу членовъ партіи. Но дебаты по вопросу о Бернштеніадѣ заняли столько времени, что послѣднимъ вопросомъ пришлось заняться наскоро. Съ другой стороны, вожди партіи не были склонны ставить общій вопросъ объ отношеніяхъ между политическимъ и профессіональнымъ движеніемъ въ связи съ гамбургскимъ инцидентомъ, который черезчуръ возбудилъ страсти. Распри, вызванныя рѣшеніемъ третейскаго суда по вопросу о гамбургскихъ „штрейкбрехерахъ“, были улажены тактичной резолюціей, принятой единогласно.

Закрывая конгрессъ, предсѣдатель Зингеръ „съ особеннымъ удовлетвореніемъ“ констатировалъ, что „чрезвычайныя ожиданія, которыя возлагали на наши дебаты буржуазные соціаль-реформаторы отъ Наумана и Штеккера до Бассермана, Зомбарта и Берлепша, потерпѣли жалкое фіаско.“ Онъ выражаетъ желаніе, чтобы эти господа поняли, наконецъ, что соціаль-демократія не отдастъ своихъ великихъ цѣлей за жалкія крохи соціальной реформы.

Дѣйствительно, ожиданія тѣхъ, кто спекулируетъ на ростъ „умѣренности“ внутри соціаль-демократіи, не оправдались.

Въ своей статьѣ о закончившемся партейтагѣ Бебель признается, что его пріятно поразили внушительныя цифры того большинства, которымъ принимались анти-оппортюнистскія резолюціи. Онъ объясняетъ послѣднее обстоятельство тѣмъ, что представители пролетаріата ознакомились съ мнѣніемъ широкихъ массъ, настроенныхъ враждебно къ оппортюнизму. Если это наблюденіе справедливо, то германской партіи будетъ нетрудно излечиться отъ язвы оппортюнизма, не прибѣгая къ радикальнымъ средствамъ, о которыхъ говорилъ въ своей Мюнхенской рѣчи Зингеръ, признавшій, что при извѣстныхъ условіяхъ онъ предпочелъ бы маленькую партію солидарно дѣйствующихъ людей громадному конгломерату разнородныхъ элементовъ.

Ignotus.

Обращеніе соціалистическаго международнаго секретаріата.

Брюссель, 3-го ноября 1901 года.

Соціалистическое Международное бюро.

Секретаріатъ: Maison du Peuple
Rue Joseph Stevens, Bruxelles.

Рабочимъ партіямъ всѣхъ странъ.

Въ іюлѣ 1899 года делегаты Гаврской конференціи высказались за сокращеніе вооруженій и взяли на себя торжественное обязательство передъ лицомъ всѣхъ народовъ слѣдить, въ случаѣ войны, за исполненіемъ хотя бы самыхъ общихъ правилъ гуманности.

Никогда, можетъ быть, оффиціальныя декларацiи и обѣщанія не нарушались болѣе явно, болѣе непосредственно вслѣдъ за провозглашеніемъ ихъ!

Бюджеты на военныя вѣдомства продолжаютъ увеличиваться. Расходы на морскія вооруженія растутъ въ невѣроятныхъ размѣрахъ. Китайская экспедиція показала, чего стоятъ гуманитарныя обязательства, когда жажда наживы натравляетъ милитаризмъ на неспособныя противустоять ему народности. И мы присутствуемъ при избіеніяхъ въ Арменіи, — при убійствахъ на Филиппинскихъ островахъ.

Наконецъ, въ Южной Африкѣ англійское правительство совершаетъ или дозволяетъ совершать такія преступленія, которыя давно уже возстановили бы противъ него другія правительства, если бы всѣ они, при аналогичныхъ обстоятельствахъ, не совершили бы такихъ же преступленій и не взяли бы на себя точно такой же отвѣтственности.

Вотъ уже два года, какъ англійскій имперіализмъ не брезгаетъ никакимъ средствомъ, чтобы подавить сопротивленіе боэровъ: сожженныя фермы, уничтоженные посѣвы, цѣлыя области, обращенныя въ пустыни, клятва, наложенная на жителей, — чѣмъ нарушаются военные обычаи, — изгнаніе на вѣки людей, не совершившихъ никакихъ иныхъ преступленій, кромѣ защиты своей независимости, — вотъ факты, вызвавшіе всеобщее возмущеніе.

Но истребленіе возставшихъ считается еще какъ будто недостаточнымъ, — у нихъ стремятся отнять всякую надежду, стремятся уничтожить въ нѣкоторомъ родѣ всю будущность

ихъ расы, избивая ихъ женъ и дѣтей, или бросая ихъ на голодную смерть, на смерть отъ холода и болѣзней.

По всему міру пронесся крикъ возмущенія, когда — въ іюнѣ 1901 года — миссъ Эмилія Гобгаузъ, делегатъ „Distress fund for South African women and children“ — (Касса помощи женщинамъ и дѣтямъ, пострадавшимъ въ южно-африканской войнѣ), — разоблачила, сколько позора и ужасовъ происходитъ въ тѣхъ лагеряхъ Трансвааля и Оранжевой рѣки, гдѣ сконцентрировано мѣстное населеніе.

Можно было бы думать, что послѣ этихъ разоблаченій тѣ, кто виновенъ въ такомъ ужасномъ положеніи, примутъ мѣры для облегченія его; но представляемые въ англійскій парламентъ отчеты о смертности въ этихъ лагеряхъ доказываютъ, что ничего не было сдѣлано.

Слѣдующія цифры показываютъ, что смертность эта не только не уменьшается, а еще возрастаетъ съ каждымъ годомъ:

	Общее число жителей въ лагеряхъ (бѣлыхъ).	Умершихъ	Ежегодная смертность на 1000 чел.
Іюнь	85410	777	109
Іюль	93940	1412	180
Августъ	105347	1878	214
Сентябрь. . . .	109418	2411	264

Мы видимъ такимъ образомъ, что процентъ ежегодной смертности, составляющій въ англійскихъ городахъ не болѣе 15—17 человѣкъ на 1000, достигаетъ въ лагеряхъ, гдѣ сконцентрировано населеніе боэровъ, 264 человѣкъ на 1000!

Что касается дѣтей, которыхъ всего тридцать пять тысячъ, то процентъ умершихъ составлялъ за сентябрь 456 человѣкъ на 1000.

Если такое положеніе вещей продлится годъ, то ихъ вымретъ двадцать три тысячи! Если оно продлится два года и три мѣсяца, то всѣ эти несчастныя существа вымрутъ!

А между тѣмъ англійское правительство подписало договоръ 23-го іюля 1899 года, по которому въ случаѣ войны „должна быть пощажена человѣческая личность, *семейныя права и жизнь людей*“.

Неправы тѣ, кто считаетъ, что эта, въ двадцать разъ превышающая среднюю, смертность въ лагеряхъ, гдѣ сконцентрировано туземное населеніе, есть естественное и неизбѣжное послѣдствіе войны. Комитетъ Совѣщательнаго Совѣта въ Преторіи издалъ недавно отчетъ, окончательно уничтожающій такія смѣлыя утвержденія.

По этому отчету ненормальный процентъ смертности приписывается слѣдующимъ причинамъ:

„1. Затруднительное положеніе, нищета и лишенія, которымъ подвержены семьи боэровъ, изгнанныхъ изъ своихъ фермъ. 2. Недостаточное количество и часто скверное каче-

ство раздаваемой имъ пищи. Пища для дѣтей часто со всѣхъ точекъ зрѣнія не соотвѣтствуетъ ихъ потребностямъ. 3. Рѣзкое паденіе температуры ночью. 4. Недостаточная защита отъ холода, вслѣдствіе жизни въ палаткахъ, — какъ для здоровыхъ, такъ, особенно, для дѣтей. 5. Отсутствіе теплаго платья и одѣялъ. 6. Недостаточная помощь больнымъ и плохое состояніе аптекъ. 7. Недостаточность медицинскаго персонала въ лагеряхъ."

Нельзя оспаривать, слѣдовательно, что ужасающая смертность въ лагеряхъ, гдѣ сконцентрировано населеніе, должна быть приписана преступной небрежности или преступной преднамѣренности.

Передъ лицомъ такихъ фактовъ международная соціалъ-демократія не можетъ оставаться бездѣятельной.

Она должна оказать посильную помощь своимъ товарищамъ, которые борятся въ самой Англіи за права человѣчества.

Она должна заставить правительства вмѣшаться, чтобы спасти то, что можетъ еще быть спасено, или принудить ихъ заявить, что, не простирая рѣшеній Гаврской конференціи на республику боэровъ, они этимъ безсовѣстно ставятъ ее за предѣлы цивилизаціи!

Наконецъ, она должна еще разъ освѣтить тѣ безконечныя жестокости, которыя роковымъ образомъ порождаются колоніальной и имперіалистической политикой!

„Пусть соціалистическіе депутаты всѣхъ странъ интерпеллируютъ свои правительства относительно того положенія, которое они намѣрены принять, чтобы положить конецъ ужасамъ южноафриканской войны, а особенно вымиранію отъ голода и нищеты женъ и дѣтей туземцевъ, скученныхъ въ лагеряхъ."

Для того, чтобы манифестація эта вышла единодушно интернаціональной, что придастъ ей больше значенія, интерпелляціи эти должны быть произведены по возможности въ одинъ день, и во всякомъ случаѣ наиболѣе близкій къ этому дню, — вторнику 26-го ноября 1901 г. — срокъ.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ такое парламентское дѣйствіе невозможно, мы предлагаемъ, чтобы соціалистическія партіи организовали въ этотъ же день народныя собранія, темой для обсужденія на которыхъ было бы: Южно-африканская война и лагеря, гдѣ сконцентрировано туземное населеніе.

В. Бурцевъ проситъ насъ напечатать о новомъ изданіи сборника по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи: **„За сто лѣтъ"** (1801—1901 гг.).

Въ настоящее время приготовляется къ печати второе изданіе сборника *„За сто лѣтъ"*, вышедшаго первымъ изданіемъ въ Лондонѣ въ 1897 году.

Мы обращаемся ко всѣмъ, кто сочувственно отнесся къ изданію нашего сборника, съ просьбой помочь намъ: 1. провѣрить и дополнить: *имена, фамиліи, числа, цифры, библіографическія указанія* и т. д., помѣщенныя во второй части сборника, и 2. указать на наиболѣе характерные документы по программнымъ вопросамъ различныхъ революціонныхъ и общественныхъ теченій.

Какого рода желательно для насъ получить дополненія и поправки къ сборнику *„За сто лѣтъ“*, можно видѣть изъ недавно изданнаго нами заявленія *„Объ изданіи приложенія къ сборнику „За сто лѣтъ“ и историческаго журнала „Былое“* и изъ *„Хроники революціонной и общественной борьбы* въ № 1-мъ журнала *„Былое“* (стр. 49—58). На страницахъ того же журнала данъ списокъ изданій, въ которыхъ мы нуждаемся для нашихъ историческихъ работъ. Изъ этихъ изданій здѣсь упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ, а именно: о номерахъ *„Народной Воли“*, ея листкахъ, *„Земля и Воля“*, *„Начала“* (1878 года), *„Программъ рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“* (1880 г.), уставахъ провинціальныхъ группъ партіи Народной Воли, брошюрѣ (гектограф.) о 1 мартѣ 1881 г., изданной въ 1898 г. на еврейскомъ языкѣ, обвинительныхъ актахъ по дѣламъ: Дрея, Сигиды, офицеровъ 1887 года, и др., біографіяхъ участниковъ дѣла 1 марта 1887 года, тайныхъ правительственныхъ изданіяхъ (о нихъ см. „Народоволецъ“ № 3), русскихъ легальныхъ газетахъ за 1877—81 года и т. д. (см. „Былое“ № 1 стр. 58—62, № 2 стр. 143).

Особенное вниманіе нашихъ товарищей обращаемъ на собраніе матеріаловъ о политическихъ процессахъ за 1877—87 годы. На страницахъ „Былого“ мы разсчитываемъ дать сводъ свѣдѣній о большинствѣ политическихъ процессовъ по той программѣ, какъ это мы сдѣлали относительно процесса 20-ти (А. Михайлова, Суханова и др., 1882 г.) во 2-мъ № „Былого“. Изъ нашей статьи объ этомъ процессѣ видно, какого рода свѣдѣнія намъ нужды для изученія этихъ процессовъ.

Въ новомъ изданіи сборника, какъ это было сдѣлано и раньше — въ его первомъ изданіи, — мы дадимъ свѣдѣнія о всѣхъ имѣющихъ сколько-нибудь серьезное значеніе политическихъ партіяхъ: русскихъ, польскихъ, еврейскихъ, малорусскихъ, латышскихъ, литовскихъ, финляндскихъ, армянскихъ и т. д. и упомянемъ о всѣхъ тѣхъ ихъ дѣятеляхъ, кто игралъ болѣе или менѣе видную роль.

Намъ уже удалось собрать довольно много дополнительныхъ свѣдѣній къ первому изданію *„За сто лѣтъ“*, но, разумѣется, болѣе или менѣе полнымъ и точнымъ сборникъ будетъ лишь тогда, если въ собраніи и провѣркѣ свѣдѣній примутъ участіе представители разныхъ революціонныхъ и общественныхъ теченій. За этого-то рода помощью мы и обращаемся къ сочувствующимъ нашему изданію.

Мы не опустимъ ни одного сколько-нибудь цѣннаго указанія, присланнаго намъ, — и всѣ пропуски во второмъ изданіи *„За сто лѣтъ“* будутъ объясняться лишь тѣмъ, что лица, имѣющія нужныя для такого изданія свѣдѣнія, не сочли, къ сожалѣнію, нужнымъ подѣлиться ими съ публикой. Поэтому, желательно, чтобы тѣ, кто зналъ кого-либо изъ революціонныхъ и общественныхъ дѣятелей или самъ участвовалъ въ какомъ либо событіи, снесся съ составителями сборника относительно имѣющихся у нихъ свѣдѣній, по возможности, о *каждомъ* изъ тѣхъ лицъ и *каждомъ* изъ тѣхъ событій, которыя были опущены въ первомъ изданіи *„За сто лѣтъ“* или ошибочно отмѣчены.

Только такого рода совмѣстная работа многихъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ фракціямъ, обезпечитъ изданіе точной и полной справочной книги по исторіи нашихъ революціонныхъ и общественныхъ теченій.

Со всякаго рода запросами касательно сборника *„За сто лѣтъ“* просимъ обращаться въ редакцію историческаго журнала *„Былое“*:

W. Bourtzeff, 70 Grafton str., Tottenham Court road, London W.

Лондонъ, 20 сентября 1901 г.